

Институт славяноведения РАН
Институт востоковедения
им. А. Е. Крымского НАН Украины
Международный Соломонов университет

Хазарский альманах

Том 15

Москва
2017

Альманах издан по гранту РФФИ № 15-18-00143
«Проблемы межэтнических контактов и взаимодействий
в текстах устной и письменной культуры: славяне и евреи»

*Утверждено к печати
Ученым советом Института славяноведения РАН
28.11. 2017 г.*

Рецензенты:
к.и.н. А. А. Турилов,
д.и.н. Е. А. Мельникова

Хазарский альманах / Ред. кол.: О. Б. Бубенок (глав. ред.),
В. Я. Петрухин (зам. гл. ред.) и др. – М., 2017. – Т. 15. – 479 с.

Настоящий том ежегодника посвящен знаменательным датам. Его открывают материалы, посвященные 90-летию юбилею патриарха иудаики Нормана Голба. Завершают сборник мемориальные статьи об основателях «Хазарского альманаха» – профессорах В. К. Михееве и Б. С. Элькине, которым в 2017 г. исполнилось бы соответственно 80 и 70 лет. Поэтому опубликованные в этом томе альманаха статьи в определенной степени отражают их научные интересы, касающиеся узловых проблем евразийской истории в раннесредневековый период. Одни из них посвящены археологическим открытиям в области хазарской культуры, в том числе связанным с влиянием византийской строительной техники; другие освещают памятники иудейской эпиграфики и др.; представлены также статьи источниковедческого характера, базирующиеся на данных мусульманских и византийских источников о хазарах и их соседях. В отдельную рубрику выделены статьи о языке хазар и методах прочтения хазарской руники, что стало предметом научной дискуссии.

ISBN 978-5-7576-0404-6

© Институт славяноведения РАН, 2017
© Коллектив авторов, 2017

Редакционная коллегия:

- О. Б. Бубенок (главный редактор), докт. ист. наук, профессор (г. Киев)
- В. С. Аксёнов, канд. ист. наук (г. Харьков)
- К. В. Бондарь, канд. филол. наук (г. Тель-Авив, Израиль)
- П. Б. Голден, докт. ист. наук (PhD in History), заслуженный профессор Ратгерского университета (г. Вест Виндзор, США)
- А. Б. Головки, докт. ист. наук, ст. н. с. (г. Киев)
- Ю. Н. Кочубей, канд. филол. наук, ст. н. с. (г. Киев)
- Т. М. Калинина, канд. ист. наук, ст. н. с. (г. Москва)
- В. В. Майко, докт. ист. наук (г. Симферополь)
- В. Я. Петрухин (заместитель главного редактора), докт. ист. наук, профессор (г. Москва)
- Б.Е. Рашковский, канд. ист. наук (г. Москва)
- С. Б. Сорочан, докт. ист. наук, профессор (г. Харьков)
- А. И. Уткин, докт. ист. наук, профессор (г. Киев)
- В. С. Флёров, канд. ист. наук, ст. н. с. (г. Москва)
- А. А. Хамрай, докт. филол. наук, ст. н. с. (г. Киев)

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

15-й том «Хазарского альманаха» отражает все разнообразие проблем, связанных с евразийской историей в раннесредневековый период. Том открывается посвящением патриарху иудейской палеографии, открывшему знаменитое Киевское письмо – американскому гебраисту Норману Голбу, которому исполняется 90 лет. Это юбилейные статьи В. Я. Петрухина, Л. А. Беляева и А. Милитарёва.

Традиционно важным для альманаха остается раздел, связанный с проблемами археологии хазар, в том числе с вопросами этнокультурной интерпретации археологических памятников (статьи С. В. Аксёнова, В. В. Колоды, Г. Е. Свистуна и А. М. Голубева об обряде кремации на северо-западе Хазарского каганата). Принципиально новым и важным направлением в хазарской археологии представляется исследование керамид, черепицы и других артефактов, свидетельствующих о воздействии византийской строительной техники на хазарскую архитектуру (статьи В. С. Флёрова и Д. А. Моисеева, где использованы материалы, полученные в результате спасительных раскопок полевых школ центра Сэфер на Правобережном Цимлянском городище). Кроме того, в статье А. А. Супренкова, В. Е. Науменко и Л. Ю. Пономарёва приведен краткий обзор результатов раскопок салтово-маяцкого поселения Гора Чиркова 1 в юго-западной части Таманского полуострова с 2001 по 2015 гг. Таким образом, благодаря публикации этих статей в «Хазарском альманахе», в научный оборот впервые вводятся новые материалы по хазарской археологии.

Проблемы византистики относятся к числу узловых в хазарской, равно как и в ранней славянской, истории: общие для этих направлений сюжеты рассматривают статьи С. Б. Сорочана о Херсоне в «Слове на перенесение мощей Климента», А. А. Роменского об Олеге/Хельги у врат Константинополя, а также о мотиве из Жития Константина – в статье Ю. М. Могаричева. Традиционный для альманаха раздел представляют статьи О. Б. Бубенка и Т. М. Калининой о хазарах и их соседях по данным восточных письменных источников. В связи с этим отметим, что статья Т. М. Калининой посвящена исследованию совершенно нового источника – «Книги чудес наук...» неизвестного мусульманского автора, – содержащего уникальную географическую карту.

Наиболее «интригующей» проблемой культуры хазар остается их конфессиональная история: исследованию памятников иудейской эпиграфики на Боспоре посвящена статья С. В. Кашаева и Н. В. Кашовской. Кроме того, статья К. В. Бондаря продолжает экскурс в историю распространения иудаизма на территории Восточной Европы.

Специальный раздел альманаха посвящен дискуссии о языке хазар. В предыдущем – 14-м – томе обсуждалась предложенная О. А. Мудраком интерпретация хазарской ономастики в еврейско-хазарских документах. В настоящем же томе дискуссия развивается вокруг прочтения тем же автором собственно хазарской руники: общие соображения с позиций сравнительной лингвистики высказал И. И. Пейрос, рунологические проблемы освещены в дискуссионной статье В. В. Тишина. Редколлегия выражает надежду на продолжение дискуссии по этому принципиальному для понимания узловых проблем евразийской истории вопросу.

Завершается альманах мемориальными статьями, посвященными основателям харьковского Центра хазароведения МСУ и «Хазарского альманаха» – профессорам В. К. Михееву и Б. С. Элькину, которым в 2017 г. исполнилось бы соответственно 80 и 70 лет. Следует также отметить, что в 2017 г. должно было бы исполниться 50 лет ученику В. К. Михеева, заместителю главного редактора «Хазарского альманаха» профессору А. А. Тортике, которого, к сожалению, также уже нет с нами. Их памяти и посвя-

щен заключительный раздел настоящего тома «Хазарского альманаха».

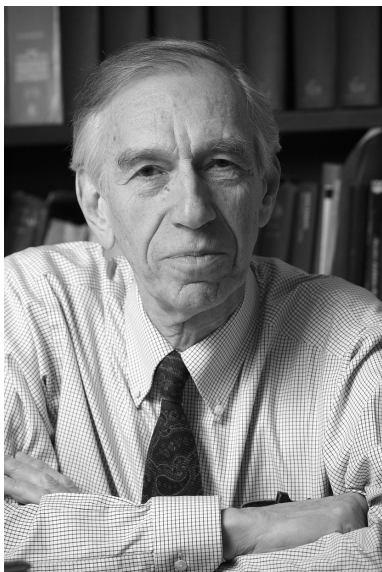
Нынешнее издание подготовлено в рамках проекта «Проблемы межэтнических контактов и взаимодействий в текстах устной и письменной культуры: славяне и евреи» (грант РНФ, № 15-18-00143).

*О. Б. Бубенок,
В. Я. Петрухин*

I

*К юбилею Нормана Голба**

TO THE 90TH ANNIVERSARY OF NORMAN GOLB

Norman Golb, the celebrated American Hebraist and Professor at the Oriental Institute of the University of Chicago, turns 90 on January 15, 2018. Norman (Naum) Golb was born in Chicago, but his ancestors, like those of most of the Jewish families of the United States, came from Eastern Europe. Specifically, they came from Belaia Tserkov', a city in present-day Ukraine whose existence dates back to Medieval Rus' (the ancient Yuriev on the Ros River). The Professor's surname, which may appear "strange" from the perspective of Jewish tradition, is the result of the ingenuity of the Russian authorities who issued passports and invented names for the residents of shtetls. Golb's ancestors

were given the surname Goloborodko, and in the process of American transliteration it was simplified to the shortened name Golb.

The development of Norman Golb's scientific interests in the 1950s was influenced by two well-known researchers of Jewish Antiquities: archeologist William F. Albright, with whom Golb began studying the

* Статья подготовлена в рамках работы по проекту РНФ 15-18-00143.

Dead Sea Scrolls, and Shlomo Dov (Fritz) Goitein, a historian, Arabist, and researcher of Jewish-Arabian history in the Medieval Mediterranean, who worked with the richest archive of Cairo Genizah Jewish medieval acts [Го́йтейн, 1981] (see Russian translation: Го́йтейн, 2001, Bibliotheca Judaica series]).

Golb was a founder of the Society of Judeo-Arab Studies (he published collection of articles characterizing various aspects of Judeo-Arab relations [Golb, 1997]). One of Golb's outstanding discoveries was the document from the Cairo Genizah known as the “Kievan Letter.” Golb discovered the parchment, which mentions “Kahal in Kyiv/Kiev,” in 1962.

The exotic Khazar names of the guarantors who signed the letter compelled Norman Golb contact the Ukrainian-American orientalist-Turkologist Omeljan Pritsak. The letter was published by the authors in 1982, in a monograph that also presented a new analysis of another unique document from Genizah. The document, known as the “Schechter Letter” and alternately as the “Cambridge Document,” related to Jewish-Khazar correspondence .

Disagreements about the content and dating of the Kievan Letter have not abated since its publication [Golb, Pritsak, 1982], (see the recent reviews on the letter paleography [Jakerson, 2014], and on “foreign vocabulary” [Мудрак, 2016]). Presuming that the dating of the letter is correct (the 10th century), it is likely to be the oldest document originating in Kievan Rus' (Kyiv/Kiev); it is older than the Novgorod birch bark letters (the latter dating to the 11th century). This fact caused something of a shock in among Soviet historiographers in the era of “Stagnation” (when every document associated with Jews, even of the Khazar era, was associated with Zionism and considered hostile to Soviet ideology). The book was published in post-Soviet Russia in 1997 owing to the efforts of the Gasharim publishing house after being translated by Vsevolod L. Vikhnovich and edited by Vladimir Ya. Petrukhin (It contained polemic commentaries directed against O. Pritsak's “Eurasian” concepts and provoked a reciprocal polemic (see: [Голб, Прицак, 1997]). It was republished in 2003 [Голб, Прицак, 2003], and the letter was included in an anthology of near-eastern primary sources that included a section dedicated to Jewish texts (Reader, Volume III, Part II).

The problematics of the letter are actively discussed in *Khazarskii Al'manakh* (*Khazar Almanac*, see the section on the Khazar language in Volume 14). It is worthy of note that the names of guarantors who

signed the “Kievan Letter”, including the notorious GWSTT (*Gostata*) bar KYBR (*Kiabar*) Kohen (compare with the interpretation of the name *Kiabar*: [Myðrak, 2016, p. 351]), stand at the origins of the anthroponymic tradition that was then inherited by the nineteenth-century Russian authorities who gave Golb his extraordinary surname.

Golb’s meticulous work with the Genizah documents led him to discover important trends in the history of Jews in the Early Middle Ages who occupied opposite ends of the European Diaspora: Khazaria and Normandy. He presented his work at international academic conferences on the Khazars in Jerusalem (1999) and in Moscow (2002), (see: [Golb, 2005]). [Previously,] there had been no information on the lives of these communities (the records of the Normandy community and its capital Rouen were Golb’s discovery). The Jewish-Khazar correspondence touched on the most important events in the state history; the debt bondage of the Kyiv/Kiev resident Yakov bar Hannukah, described in the “Kievan Letter”, provides unique evidence of the legal life of the Jewish community and of Rus in the Early Middle Ages. The evidence of proselytism in medieval Europe, also discovered by Golb, is equally unique: the cases of conversion to Judaism shocked the Christian community, since, contrary to common speculation about secret Jewish missionary activities, the sources provide evidence of the proselytism of members of the medieval elite who were engaged in the search for religious truth. One of them was the Slovenian priest Veselin, who served in the court of Conrad, Duke of Carinthia in the early 11th century and evidently fled to the Middle East to escape the wrath of Henry II, the Holy Roman Emperor. In the materials of Genizah, Golb found a letter describing such a runaway in the early 11th century, and it is likely that it was Veselin [Голб, 2005, pp. 486–488]. The most exotic figure studied by Golb was Obadiah the Proselyte, a descendant of the Siculo-Normans who converted to Judaism in 1102. Music fragments attributed to him have been preserved in the Genizah (see: [Голб, 2005, pp. 489–489, and the anthology dedicated to Obadiah: [De Rosa, Perani, 2005]). It should be noted that the Kingdom of Sicily, founded by the Normans, represented a unique pattern of cultural interaction, in which Jews translated texts by Greek authors from Arabic to Latin (see: [Horvut, 2005, p. 105]). Golb insists on the possibility of new discoveries in the history of European Jews in the materials of the Cairo Genizah.

In recent years, Norman Golb has studied the origin of the Qumran texts known as the Dead Sea Scrolls. Through his work on these texts,

he aims to overcome certain narratives that have developed in the field. In a series of articles published in the 1980s and early 1990s and in the book that followed [Golb, 1995], Golb turned to the discussion on the Dead Sea Scrolls, and, despite the considerable history it remains relevant to this day. An expert on Jewish book learning, he offered a new interpretation of the documents. Golb considers the scrolls of the Qumran caves as the part of the collection of Temple of Jerusalem and, possibly, synagogues. In his opinion, the sacred texts and interpretations were hidden in the fortresses after the destruction of Jerusalem; when the fortresses were taken by the Romans, the documents were hidden in the adjacent caves.

The main features of this hypothesis were proposed by Karl Heinrich Rengstorf in the 1950s [Rengstorf, 1960], but Golb has substantially developed and strengthened it, drawing on his extensive experience in analyzing diaspora archives.

The hypothesis differed markedly from prevailing ideas on the Dead Sea Scrolls. First, it did not consider the texts to bear a closer genetic relationship to early Christianity than did any other Jewish manuscripts of the same period. Second, it repudiated the interpretation that the scrolls and the Khirbet Qumran settlement belonged to the community of Essenes ascetics. Golb considers the library to be an organic part of the historical and religious context of the era of the Jewish–Roman wars and the preceding period, believing that only a very limited part of the texts bears traces of “sectarianism.” Due to this interpretation, the Dead Sea Scrolls have acquired particular value as a source that is rich and rare in scope, but they have also been deprived of that hint of uniqueness, and “otherness” with regard to the general cultural context assigned to them within the framework of scientific interpretations, regardless of the internal contradictions (Eleazar Lipa Sukenik, Roland de Vaux, in new versions: E. M. Meyers, Jodi Magness, J. Frey, H.-J. Fabry, Hartmut Stegemann, Hanan Eshel and etc.). Therefore, Khirbet Qumran turned out to be not the ritual center that it was once considered, but rather an ordinary, weakly fortified settlement that fulfilled a certain set of functions (as pointed out by many of the archaeologists: Alan Crown and Lana Cansdale, Pauline Donceel-Voute, Jean-Baptiste Humbert, Yizhar Hirschfeld, Jürgen Zangenberg, Joseph Patrich and others.).

Golb’s position on the Dead Sea Scrolls is still meaningful, and it is supported by a considerable number of scholars, despite severe criti-

cism by supporters of both “early Christian” and “Judeo-sectarian” interpretations.

Norman Golb’s wife Ruth is a faithful companion and co-worker. She also worked on the paleography of Jewish texts of the Cairo Genizah.

The anthology editorial board and colleagues from Eastern Europe wish Mr. Golb good health and energy for future research.

A bibliography and detailed biography of Norman Golb can be found in the anniversary issue/volume: *Pesher Nahum: Texts and Studies in Jewish History and Literature from Antiquity Through the Middle Ages Presented to Norman [Nahum] Golb*. Chicago, 2012.

Bibliography

Голб Н. Значение древнееврейских рукописей для исторических исследований, в особенности для истории хазар // *Хазары* / Редкол. В. Петрухин и др.]. Иерусалим–Москва: Гешарим; Мосты культуры, 2005. 567 с. (Евреи и славяне. Т. 16). С. 483–502.

Гойтейн Ш. Д. Евреи и арабы: их связи на протяжении веков / Пер. с англ. Н. Б. Кодыревой. М., 2001.

Гойтейн С. Д. Изменения на ближнем Востоке (950–1150) в свете документов каирской Генизы / Пер. с англ. М. Б. Пиотровского // *Мусульманский мир. 950–1150. Сб. статей* / Отв. ред. В. В. Наумкин, М. Б. Пиотровский. М., 1981. С. 36–52.

Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века / Пер. с англ.; науч. ред., послесл. и коммент. В. Я. Петрухина / *Ин-т славяноведения. Москва–Иерусалим: Гешарим, 1997.*

Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. 2-е изд. испр., и доп. Москва–Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2003.

Мудрак О. А. Заметки по иноязычной лексике хазарско-еврейских документов // *Хазарский альманах*. Т. 14. М., 2016. С. 349–379.

Норвич Дж. Расцвет и закат Сицилийского королевства. Нормандцы в Сицилии. 1130–1194 / Пер. с англ. Л. А. Игоревского. М., 2005.

Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. Т. III. Восточные источники / Сост. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова. В. Я. Петрухин. М., 2009.

De Rosa A., Perani M. (ed.). Giovanni-Ovadia da Oppido, proselitore, viaggiatore e vusicista dell’età normanna / *Atti del international Oppido Lucano 28–30 marzo 2004*. Giuntina, 2005.

- Golb N.* Who Wrote the Dead Sea Scrolls?: The Search for the Secret of Qumran. N. Y., 1995.
- Golb N., Ptitsak O.* Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca–London, 1882.
- Golb Norman* (ed.). Judeo-Arabic Studies: Proceedings of the Founding Conference of the Society for Judeo-Arabic Studies. Amsterdam, 1997.
- Jakerson S.* Несколько палеографических ремарок к датировке «Киевского письма» // Кенааниты. Евреи в средневековом славянском мире / Jews and Slavs. Vol. 24. Сб. статей / Отв. ред. В. Москович, М. Членов, А. Торпусман. Москва–Иерусалим, 2014. С. 204–214.
- Rengstorf K.-H.* Hirbet Qumran und die Bibliothek vom Toten Meer. Stuttgart, 1960.

Professor *Vladimir Ya. Petrukhin*,

Corresponding member RAS *Leonid A. Belyaev*

(translated by *Tatiana Zhuravleva*, reviewed by *Adrian Smith*)

Alexander Militarev

**THE HEBREW BIBLE:
LONG MEMORY OF THE PEOPLE,
“FEEL OF HISTORY” AND THE CONCEPT
OF PROGRESS¹**

A number of events, facts, and plainly the scenes of everyday life, morals and customs, etc. described in the Bible and subject to verification by independent historical sources, archeological and ethnographic data – indicates a “long memory of the people”, a fairly lengthy period in the course of which the oral tradition is preserved intact. Let me refer to just one instance: Oleg D. Berlev, the late St. Petersburg Egyptologist, a great connoisseur of Egyptian literature, history and, especially, its economy, told me that in the Biblical story of Joseph, the picture of life in Egypt as a whole looks similar enough for the Middle Kingdom epoch (that ended in the 16th century B.C.E.) even to some minute details. Could the Jewish authors of the 6th or 5th centuries B.C.E. have written that history having no detailed and intact legend dating back at least a millennium to rely on – granted that the contemporary Egypt they might be familiar with was a country quite different from the one described in the Bible? Also, does this not mean that some other similar facts and notions looking sufficiently similar, although not confirmed by other sources, could have taken place?

¹ This is an updated passage from my book *The Jewish Conundrum in World History* (Academic Studies Press, Boston, 2010) which I dedicate with great pleasure and gratitude to my dear old friend Prof. Norman Golb.

In this connection, the following question arises: did this unique "long memory" of the Jews (whether it *is* unique is hard to say for lack or, at least, scarcity of evidence from other ancient cultures) stem from what I would call "feel of history" or *vice versa*, the early perception of historical time as a linear process stimulated this memory and helped keep it intact. It is precisely in the Bible that the phenomenon is provided testimony for – that might be called the birth of the "feel of history". The talk here is not so much about the genesis of history as a field of knowledge, but rather about the experienced sensation of existence within both linear and historical time for the first time being taken account of and recorded precisely in Hebrew. The ancient cultures known to us perceived time as a cyclical phenomenon related to the natural and biological rhythms, day and night interchange, the alternation of the months, seasons and of longer time periods – the succession contingent on the observable change in the position of the moon, the sun, of the planets, zodiacal constellations, and other luminaries.

The above is also indicated by some of the terms, denoting the notions of time, duration, eternity, derived from the roots with semantic meaning of "circle", "round", "to go around", "to turn", or "to rotate". Thus, there is a common Semitic term **dawr-* meaning "time, lifetime", "era", "eternity", and "descent, generation" attested to in all Semitic languages which is almost certainly derived from common Semitic **dwr-* (with a variant **drdr*) "to turn, rotate, surround, go around".

Moreover, the perception of past and future times by ancient Semites is "inverted": the past is ahead, in front of us while the future is behind which is clearly seen from the objective evidence of the language: common Semitic **kVdm-* "past, earlier times, ancient times" (in all Semitic except Modern South Arabian where the term for 'ancient' is borrowed from Arabic) is derived from **kudm-* "front, front part; in front of", **kdm* "to go in front of, precede" (in all Semitic languages), while common Semitic **ʔahr-* "future, later time" (in all Semitic) is derived from **ʔhr* "to be, go behind; delay, be late", **ʔaḥar-* "back, last, rear part; behind" (in all Semitic).

True, in the Hellenistic period in Greeks and later in Romans these notions start going through a change, an idea of development from the lower to higher takes shape, one of advancement from primeval savagery towards civilization; yet time-wise the priority seems to belong to

the Hebrews, even though both issues – one about whether such notions developed in Hebrews and Greeks concurrently and independently from each other or, conversely, mutual penetration of these concepts was in evidence, the other about whether they have eventually reached the present day handed down to us by Hebrews or Greeks – remain in a confused tangle.

Whatever the case may be, in the Bible, history is perceived as a drama of the relationship of a human being with the Creator. That drama happens to have an opening, a beginning (creation of the world and man); a succession of consecutive acts still inside the “mythical time”, “the sacred history” (the Fall of Man, the expulsion from Paradise, the Flood, the scattering of the Tower of Babel builders); egress into “historical time” – complete with acute realization of no-less-unique nature and significance of historic events for the entire drama (let us refer here to at least the Exodus from Egypt or the building of the first and second temples) than those of the mythological events; and finally, the anticipated eschatological ending: the coming of Israel – or all nations led by Israel – to God.

Such scenarios created the perception of historical time as not a repeated circle of movement in rounds, but of a linear process, its development imbued with profound sacral meaning. The past, the “yesterday”, is something principally different from the present “today”, where the latter is rooted in and partially determined by the former. Partially but not at all completely: given the freedom of choice between good and evil a human individual holds sway over the present and the nearest future – let us at least recall the history of the Israelite and Judean kingdoms, upward flights and downfalls of which were accounted for by the chronicler qualifying as the moral – or immoral – demeanor of the king and the people. The future “tomorrow” is, however, also quite different: it is determined by the goal set, the way traveled, but also by the behavior freely chosen in the present – due to last how much longer yet there is no telling. Out of such perception of history, yet again in combination with Hellenistic ideas of development from the lower to the loftier, from barbarity to culture, the concept of historical progress is characterized precisely for what modern civilization has brought forth.

It is significant to note at this juncture that the biblical narrative, particularly – which is natural – its historical parts, also contains an embryo

of the future historical science². It is full of references to sources, overt and concealed quotations taken from them, analysis and estimates of some or other historical events and the demeanor of certain persons, futurological prognostications, recommendations, and cautionary warnings (“prophecies”). All of this – in this measure at least – is not to be found in either ancient Egyptian or Mesopotamian or Greek literature, nor is it there even in the works of Herodotus, the “father of history”.

Here is what Alexander Rofe, an Israeli historian writes in his book “Writings of the Prophets” (*Šīpōrēy hā-nəbīʾīm*. Jerusalem, 1983, pp. 83–84):

The Israeli historiography originally emerges approximately two generations after the establishment of monarchy, in the heyday of Solomon’s kingdom. It must be then that the full history of King David’s reign was created comprising the major part of the material featured in I Samuel 27 through 2 Kings 2. A shorter account known... under the heading “the narration of succession to the throne”... in 2 Samuel 7–20 and I Kings 1–2... lays bare numerous traits characteristic for historiography: an account of political events, a realistic – rather than metaphysical – description of what happened, a cohesive narrative connecting the events with a cause-consequence relationship... In that text one can also point out a certain measure of historical criticism: the absence of the practice typical for the Bible of representing the same episode in two or more versions – as if the talk was of dissimilar events... Contemporary researchers qualify this history of king David’s reign as the beginning of ancient historiography that emerged approximately five centuries before Herodotus.

² It is also well known that the biblical history also served as a basis for Jewish post-biblical (or rabbinic) perception of history as well as the foundation of non-Jewish Christian and Muslim historiographies. All the events that had happen in biblical history had also occurred in the daily life of medieval communities. Thus each non-Jewish ruler that oppressed any was considered to be a new Pharaoh or Aman, and on the other hand the successful “court Jews” were often described by rabbinic chroniclers as biblical “Joseph” or “Mordechai” of their days. Moreover, in the same way the biblical texts served as paradigm of history for medieval Christian and Muslim cultures. For example, “Russian chronical” compares Vladimir to Solomon (because of his addiction to polygamy before his conversion to Christianity). Similar features we find in the “historiography” Khazar kingdom after the conversion of it’s ruling elite into Judaism. The author Cambridge documents in his anonymous letter explains the Khazar title Kagan as an equivalent as the Hebrew term “Shofet” or a Judge, meaning that Khazars before kings also had Judges, as did the Israelites in Biblical period. – *Eds.*

II

Статьи и публикации

В. С. Аксёнов

К ВОПРОСУ О ЕДИНСТВЕ НОСИТЕЛЕЙ КРЕМАЦИОННОГО ОБРЯДА САЛТОВСКОГО ВРЕМЕНИ ПОДОНЦОВЬЯ И СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

*Посвящается памяти
В. К. Михеева (1937–2008)
в связи с его 80-летием*

В геополитическом отношении бассейн верхнего течения Северского Донца представлял собой отдельный самостоятельный регион Северо-Западной части Хазарского каганата [Афанасьев, 1993, с. 6; Тортика, 2006, с. 8–9], в юго-западном «экстерриториальном районе» которого концентрируются все известные на сегодняшний день салтовские кремационные могильники (Новая Покровка, Пятницкое, Лысый Горб, Сухая Гомольша, Красная Горка) и отдельные поминальные комплексы (Кочеток, Тополи) [Афанасьев, 1987, с. 153, рис. 86; Кухаренко, 1952, с. 33–50; Дегтярь, 1984, с. 239–243; Кухаренко, 1951, с. 99–108; Шрамко, 1983, с. 48–50; Аксёнов, Воловик, 1999, с. 34–40; Аксёнов, Михеев, 2006]. Долгое время основным исследователем салтовских кремаций в регионе был В. К. Михеев [Михеев, 1986; Михеев, 1990], что позволило ведущему салтововеду С. А. Плетнёвой отметить: «...В. К. Михеев обнаружил новый этнос, ранее нам неизвестный или “неосознанный”, который необходимо вписать в сложившуюся и казавшуюся вполне завершенной картину жизни Северо-Западной Хазарии» [Плетнёва, 1990, с. 83].

Наиболее полно изученным и опубликованным памятником является могильник у с. Сухая Гомольша [Аксёнов, Михеев, 2006, с. 8–71]. «Черными археологами» в окрестностях Сухой Гомольши было обнаружено еще несколько кремационных могильников, а отдельные найденные ими комплексы стали известны специалистам [Аксёнов, 2005, с. 357–368; Колода, 2012, с. 30–36]. На сегодня, благодаря усилиям сотрудников Слобожанской археологической службы, в окрестностях Сухогомольшанского городища обнаружено два ранее не известных кремационных некрополя («Балка Сухая Гомольша» и «Яр Плоский») [Голубева, 2014, с. 7–10, рис. 1. 1. 1: 1, 2, 3; Голубев, 2017]. А всего в 5 км к востоку от Сухогомольшанского городища около с. Нижний Бишкин обнаружен еще один новый могильник по обряду кремации [Окатенко, 2016, с. 187, рис. 1]. Недалеко от Пятницкого биритуального некрополя недавно были открыты и частично исследованы еще два кремационных могильника – Кицевский и Кочетокский, он же «Бабчанка» (склоны балки Сорокова) [Голубева, 2014, рис. 1. 3. 1–1. 3. 32; Лаптев, Аксьонов, 2012, с. 95–109; Свистун, 2012, с. 79–84; Свистун, Квитковский, 2013, с. 118–121]. К сожалению, эти некрополи долгое время грабились «черными археологами» и, по самым приблизительным подсчетам, с этих могильников в частные коллекции поступило не менее двух десятков сабель, 40–50 наконечников копий, 30–40 топоров-чеканов, десяток очажных цепей, не менее десятка клепаных котлов, несколько десятков стремян, удил и огромное количество других элементов предметов конского снаряжения, фибул, железных ножей и т.п. Таким образом, в юго-западном экстерриториальном районе известно десяток могильников и отдельных погребальных комплексов по обряду трупосожжения (рис. 1, 2).

Анализ материалов известных кремационных погребальных комплексов региона показывает, что носители данного обряда появляются в бассейне Северского Донца в середине VIII в. На это указывает обнаружение в целом ряде кремационных памятников (Тополи, Кицевка, Сухая Гомольша, Красная Горка) элементов поясной гарнитуры (рис. 1), характерных для хронологического горизонта Столбище-Старокорсунская [Аксёнов, Лаптев, 2014, рис. 5: 15; Колода, 2012, илл. 10: 3-6], а также такого хронологического репера раннесалтовских комплексов, как железные фибулы с завитком на конце [Аксёнов, Лаптев, 2014, рис. 6: 1–4; Комар, 2000, с. 52, рис. 4: 27].

Элементы поясной гарнитуры этого же хронологического горизонта были обнаружены и на вновь открытых кремационных могильниках (рис. 1) – Нижний Бишкин, Сухая Гомольша, «Балка Сухая Гомольша» [Колода, 2012, илл. 10: 3-6; Голубева, 2014, рис. 1.1.17: 5, 6; Окатенко, 2016, рис. 1: 1]. Присутствие в кремационных комплексах региона большого числа предметов конского снаряжения свидетельствует о подвижном образе жизни носителей данного погребального обряда. Первоначально носители кремационного обряда, продвигаясь от Донецко-Оскольского водораздела, по-видимому, освоили земли по левому берегу Северского Донца и его левым притокам. Чуть позднее они перешли на правый берег и начали контролировать переправы и броды через Северский Донец. Так, «кремационный могильник Лысый Горб и биритуальный некрополь Красная Горка расположены рядом с хорошо известными и в более позднее время бродами через Северский Донец на границе степи и лесостепи. Некрополь Сухая Гомольша расположен также недалеко от брода через Северский Донец и рядом с местом впадения в Северский Донец речки Сухая Гомольша, исток которой находился в землях славян» [Бубенок, Аксёнов, 2009, с. 138]. Для контроля переправ по правому берегу Северского Донца в границах юго-западного «экстерриториального» района возник целый ряд городищ, расстояние между которыми по долине реки зачастую составляло всего 5–7 км (рис. 1). В этом контексте интересен факт обнаружения двух комплексов вещей со следами их преднамеренной порчи и пребывания в огне («тайничков») на наиболее раннем участке Верхне-Салтовского некрополя (ВСМ-III) между дромосами катакомб экспедицией под руководством Д. Т. Березовца [Березовец, 1959–1961, с. 5]. Использование при работах на могильнике землеройной техники, с помощью которой срезался верхний слой грунта до обнаружения пятен дромосов [Березовец, 1959–1961, с. 2], позволяет предположить, что синхронные обнаруженным «тайничкам» кремационные погребения были попросту уничтожены. Носители кремационного обряда в районе Верхнего Салтова также оказали в непосредственной близости от существовавшего здесь брода через р. Северский Донец.

В дальнейшем хозяйственное освоение региона и демографический рост привели к заселению бассейнов малых рек – притоков рек Северского Донца и Оскола. Носители кремационного обряда проникали по р. Удам (до с. Терновая), по р. Мже (до г. Мерефы),

в верхнее течение р. Береки – до слияния с р. Кисели [Аксёнов, Лаптев, 2014, с. 35, рис. 3].

На кремационных могильниках региона встречены элементы поясной гарнитуры (рис. 2), которые характерны для древностей II, III и IV хронологических горизонтов салтовских древностей [Комар, 1999, с. 130, табл. 4]. Таким образом, носители кремационного обряда в бассейне Северского Донца проживали на всем протяжении IX в. Это подтверждается нумизматическими находками, сделанными на салтовских кремационных могильниках. Так, арабские монеты¹, превращенные в подвески, были найдены в погребениях вновь открытых могильников «Балка Сухая Гомольша», «Яр Плоский», «Бабчанка» [Голубев, 2017, рис. 2: 18; 4: 4; Голубева, 2014, с. 10, 11, 13]. На сегодняшний день с кремационных могильников у с. Кицевка, Нижний Бишкин, Пятницкое и прилегающих к ним территорий в фонды Харьковского исторического музея им. Н. Ф. Сумцова поступило 9 монет и их фракций². Монеты с Кицевского могильника (имитация полдинара, Омеяды, Язид II, 721 г. н.э. и плакированный солид Льва III Исавра (717–741 г. н.э.) имеют следы пребывания в огне, что однозначно относит их к погребальному инвентарю салтовских кремационных захоронений. Материалы, относящиеся к началу – середине X в., на кремационных памятниках региона пока не найдены.

Несмотря на постепенное расширение источниковой базы, этническая атрибуция салтовских кремационных захоронений остается значительной проблемой. В настоящее время существует пять основных гипотез этнической принадлежности салтовских кремационных захоронений в бассейне Северского Донца: славянская, тюркская, иранская, угорская и адыгская. Историографические очерки А. К. Дегтяря и Г. С. Богуславского, в которых детально рассматри-

¹ В погребении могильника «Балка Сухая Гомольша» найден динар (Аббасиды, ас-Сафа, 753–754 г. н.э.), в погребении могильника «Яр Плоский» – дирхем (Кариджиты, монетный двор Тудге, имя Муса, 795–796 г. н.э.), в комплекса могильника «Бабчанка» – половинки двух дирхемов (Аббасиды, Гарун ар-Рашид, мадинат ас-Салам, 797 г. н.э., Аббасиды, аль-Махди, Ифрикия, 780–785 г.н.э.).

² Монетные находки представлены: половинкой имитации Ифрикийского дирхема, чеканенного не ранее 769 г. н.э.; половинкой дирхема ал-Мансура (754–775 г. н.э.); половинкой дирхема Гаруна аль-Рашида с именем Джафара (793–804 г. н.э.); половинкой дирхема ал-Мансура 771/772 г. н.э.; драхмой царя Азаквара (Хорезм) второй половины – конца VIII в.; имитацией аббасидского дирхема монетного двора г. Рамли чеканки после 786/787 г. н.э.; дирхемом Гаруда ар-Рашида (мадинат Зариндж 806/807 г. н.э.).

вается историография проблемы и приводятся аргументы в пользу той или иной точки зрения [Дегтярь, 1981, с. 75–83; Богуславский, 2001, с. 52–57], позволяют опустить освещение этого вопроса в данной работе. В настоящее время наиболее обоснованной выглядит адыгско-абхазская версия, впервые предложенная Г. Е. Афанасьевым [Афанасьев, 2001, с. 53] и – почти одновременно – А. В. Пьянковым [Пьянков, 2001, с. 205]. Исследования показали, что по инвентарю и погребальному обряду салтовским кремациям Верхнего Подонцовья наиболее близкими являются трупосожжения Кубано-Черноморского района: типа последних хронологических групп могильников Борисовского и Дюрсо [Гавритухин, Пьянков, 2003, с. 195–198, табл. 78; Дмитриев, 2003, с. 203–205, табл. 87–92]. Исходя из схожести кремационных погребений этих двух регионов, Г. Е. Афанасьев предложил искать истоки салтовского кремационного обряда в адыго-абхазской среде. В работах А. В. Пьянкова кремационные захоронения Кубано-Черноморского района VIII–IX вв. (следовательно, и салтовские кремации Подонцовья) отождествляются с пришлым населением – касогами [Пьянков, 2001, с. 205].

В недавнем своем диссертационном исследовании П. С. Успенский, рассмотрев кремации Северо-Западного Кавказа VIII–XIII вв., однозначно связывает их с племенами зихско-касожского круга, которые, по данным нарративных источников, локализовались в Закубанье [Успенский, 2015, с. 278]. Исследователь ссылается на тот факт, что погребения, совершенные по обряду трупосожжения VIII–IX вв., выявлены не только во вновь образованных могильниках, но и в некрополях с ингумациями, основанных местным населением в предшествующее время (кремации в могильниках Борисово, Дюрсо, Псекупский и др.) [Успенский, 2015, с. 278]. Это, по мнению П. С. Успенского, «свидетельствует не столько о появлении нового населения, сколько о распространении иного мировоззренческого импульса в среде местного населения, выразившегося в восприятии новой погребальной практики» [Успенский, 2015, с. 278]. Представляется, что данное положение выглядит несколько голословным, ибо П. С. Успенский не уточняет с какими именно событиями VIII в. на Северо-Западном Кавказе связано появление этого «иногo мировоззренческого импульса», и с какой территории он исходил. При этом недостаточная разработанность внутренней хронологии кремационных памятников Северо-Западного Кавказа VIII–IX вв. ставит под сомнение вероятность единовременного существ-

вования в данном регионе 47 могильников с трупосожжениями хазарского культурно-исторического периода. При этом они дифференцированы на три территориальные группы, отличающиеся между собой разным процентным соотношением разных типов кремационных захоронений (в ямах, в каменных ящиках, в урнах) [Успенский, 2015, с. 128–142]. Нельзя исключать, что некоторые различия в погребальном обряде в захоронениях на могильниках разных территориальных групп обусловлены хронологическим фактором. Это тем более вероятно, так как П. С. Успенским были зафиксированы изменения в способе погребений кремированных останков в следующий хронологический период (X–XII вв.), а именно: исчезновение погребений в каменных ящиках, увеличение числа погребений в урнах и почти полное исчезновение безурновых (ямных) кремаций [Успенский, 2015, с. 155–156]. Тенденция уменьшения со временем (от VIII–IX к X–XII вв.) ямных кремаций на могильниках Северо-Западного Кавказа должна каким-то образом объяснять тот факт, что на могильниках 2-й территориальной группы, концентрирующейся в степной зоне западного Закубанья, безурновые кремации составляют 100% от общего количества захоронений [Успенский, 2015, с. 138]. И только в погребениях этой группы представлены элементы поясной гарнитуры, характерные для хронологического горизонта Столбище–Старокорсунская (740–790 гг.) – Молдовановский могильник [Тарабанов, 1992, рис. 3: 5, 8; Пьянков, Тарабанов, 2004, рис. 5: 3, 7, 10–14; рис. 7: 16–19] и широко представленные в «подкурганых погребениях с ровиками» [Иванов, 2001, рис. 3, 4]. В двух других территориальных группах могильников с сожжениями, где процент безурновых кремаций ниже – 70,7% (Причерноморская группа – Борисово, Дюрсо) и 56,6% (северо-восточная часть западного Закубанья) [Успенский, 2015, с. 138], детали поясной гарнитуры раннесалтовского времени (740–790 гг.) в кремационных захоронениях совсем не представлены или происходят из погребений по обряду трупоположения (Казазово) [Тарабанов, 1983, с. 153, рис. 1: 23–31]. Этот факт позволяет предположить, что носители «иногo мировоззренческого импульса» П. С. Успенского появились первоначально в степных районах западного Закубанья (2-я и 3-я территориальные группы кремационных некрополей), откуда они уже спустя какое-то время пришли в Причерноморскую область Северо-Западного Кавказа (1-я территориальная группа). В этом случае первоначальными носителями

кремационного обряда хазарского культурно-исторического периода для Северо-Западного Кавказа, как это предполагает О. Б. Бубенок, были представители кочевого населения (этноним **касоги** или **кас-**), очевидно тюркского происхождения, внедренные хазарской администрацией в адыгскую среду в рамках стабилизационных мероприятий на юго-западной границе Хазарского каганата [Бубенок, 2014, с. 61]. Появления этого нового в районах западного Зукабанья кочевого населения, вероятно, произошло вскоре после разгрома хазарами Великой Болгарии Кубрата (последняя четверть VII – начало VIII в.). Смешавшись с местным адыгским населением, со временем, по-видимому, имя пришельцев **касоги** распространилось на подвластное им местное адыгское население, с которым следует связывать ингумационные захоронения в каменных ящиках [Бубенок, 2014, с. 61]. Под влиянием пришельцев адыгское население начинает кремировать своих покойников, что подтверждают кремации в каменных ящиках [Гавритухин, Пьянков, 2003, с. 196], представленные только на Борисовском могильнике [Успенский, 2015, с. 135].

Именно это смешанное (тюрко-адыгское) население Северо-Западного Кавказа и было переселено в 40-х гг.х VIII века в бассейн Северского Донца. В одной из своих работ с подобной атрибуцией салтовских кремаций Подонцовья согласился и В. К. Михеев [Михеев, 2004, с. 88–89]. Однако разнотипность кремационных захоронения (ямные, урновые), использование сосудов-приставок, присутствие «тайничков» на памятниках Верхнего Подонцовья указывает на разноэтничность носителей кремационного обряда в регионе. При этом кремации с оружием и конским снаряжением, сопровождаемые «тайничками», скорее всего, связаны с какой-то группой тюркского (хазарского) населения [Аксёнов, Михеев, 2006, с. 184; Бубенок, Аксёнов, 2009, с. 138]. Другие кремации могли быть оставлены представителями славянского, угорского и адыго-абхазского этносов, оказавшихся вместе с хазарскими тюркютами в бассейне р. Северского Донца [Аксёнов, Михеев, 2006, с. 182–183; Бубенок, Аксёнов, 2009, с. 138–139].

При этом, как справедливо заметил В. К. Михеев, «количество признаков погребального обряда может зависеть от степени исследованности памятника: чем он полнее раскопан, тем больше качественных признаков в нем присутствуют...» [Михеев, 2004, с. 76]. На сегодняшний день в Подонцовье известны некрополи, на которых открыты пока только безурновые кремации (Новая Покровка,

Лысый Горб, Кицевка, Кочеток, «Балка Сухая Гомольша», «Яр Плоский»), а также и могильники с ямными и с урновыми кремациями (Сухая Гомольша, сожжения Красной Горки). При этом безурновые кремации имеют достаточно широкий видовой спектр (в ямах разных форм, размеров, разной ориентировки, с компактным и рассеянным помещением кремированных останков и др.). Кроме того, на Кочетокском могильнике были открыты безурновые кремации, совершенные в ямах, по размерам и глубине не отличающихся от могильных ям ингумационных захоронений [Свистун, Квитковский, 2013, с. 118–121, илл. 4, 6]. Еще одно подобное кремационное захоронение было исследовано экспедицией под руководством В. В. Колоды недалеко от с. Мохнач (комплекс 1 из раскопа 2 на селище Мохнач-У). Захоронение было произведено в прямоугольной в плане яме с закругленными краями и размером 2,4 × 0,7 м, ориентированной длинными сторонами вдоль линии северо-запад – юго-восток. В юго-восточном конце ямы была выявлена линза древесного угля. Здесь же стоял салтовский кувшин с двумя прислоненными к нему железными серпами. В северо-западном конце ямы были обнаружены: бронебойный наконечник копья, топор, два ножа, две костяные накладки от лука, кресало [Колода, 2017, с. 36–37, рис. 46–50]. Захоронения в близких по размеру могильных ямах были открыты на Новотроицком городище [Приймак, 1998, рис. 2]. В. В. Приймак склонен связывать захоронения на Новотроицком городище с представителями финно-угорского мира [Приймак, 1998, с. 96], и датировать их появление временем после 30-х гг. IX в., когда в южнорусских степях пребывали угры-мадьяры [Приймак, 1998, с. 97–98]. К сожалению, отсутствие в захоронениях Кочетокского могильника и погребении у с. Мохнач узко датированных вещей, не позволяет определить время их возникновения точнее, чем время существования салтово-маяцкой культуры. Однако обнаружение этих захоронений в сочетании с уже известными видами салтовских кремаций бассейна Северского Донца свидетельствуют о достаточно сложной этнической ситуации в регионе.

На сегодня, учитывая весь комплекс узко датированных погребальных материалов, обнаруженных в салтовских кремациях Подонцовья, можно предложить, что на начальном этапе освоения региона (740–790 гг. н.э.) носителями кремационного обряда были оставлены преимущественно ямные захоронения, сопровождаемые вещевыми комплексами, содержащими широкий набор вооруже-

ния, конское снаряжение, приспособления для приготовления пищи в походных условиях (котлы, надочажные цепи, шампуры, вилки для доставания мяса из котла). Со временем под влиянием местного земледельческого населения и с усилением процессов седентаризации количество захоронений с кремированными человеческими останками, помещенными в урну, увеличивается. Постепенно происходит и переход от кремации к погребениям по обряду труположения. Свидетельством этому является биритуальный могильник Красная Горка, который функционировал с конца VIII в. до третьей четверти IX в. На могильнике Красная Горка обнаружено достаточное число случаев, когда одни погребения были впущены в заполнения могильных ям других захоронений без разрушения последних. При этом чаще всего основное погребение было ингумационным, а впущенное в заполнение его могильной ямы захоронение было совершено по обряду трупосожжения [Аксёнов, 2008, с. 127, 128, табл. 1, 2]. Находившиеся в одной могильной яме разнообрядовые захоронения (основное и дополнительное) могли быть как одновременными, так и совершенными спустя какое-то время [Аксёнов, 2008, с. 125]. Это однозначно указывает на осведомленность людей, проводивших обряд о присутствии здесь уже существующего погребального комплекса. Такие погребальные комплексы, содержавшие основное и дополнительное захоронения, обоснованно считать захоронениями близких родственников. Разница в способе обращения с телом умершего родственника, вероятно, связана с полукочевым образом жизни населения, оставившего данный могильник. Так, тела людей, умерших по время зимовки, хоронили по обряду труположения на кладбище, расположенном рядом с зимником. Тела же их родственников, умерших во время военного похода или в процессе выпаса скота в период с ранней весны по позднюю осень, вдали от зимника, подвергались сожжению и уже в таком виде доставлялись на родовое кладбище [Аксёнов, 2008, с. 135–136]. Практика, когда умерших вдали от дома людей везли за многие сотни километров, чтобы похоронить на родовом кладбище, хорошо известна многим народам мира [Хазанов, 1975, с. 60]. Иной способ обращения с телом человека, умершего вдали от дома, возможно, объясняется тем фактом, что во многих традиционных обществах человек, находящийся в пути (в походе, в процессе выпаса скота и т. п.), рассматривался как существо вне обычного статуса, так как он пребывал в «ином мире»,

а следовательно, по отношению к оставшимся на зимнике родственниками он занимал положение, приближенное к положению предков [Традиционное мировоззрение тюрков, 1988, с. 76, 77]. И уже вследствие этого возвращение тела умершего человека со следами видимого разложения вряд ли было допустимо без боязни, что это приведет к новым смертям среди живых родственников. Необходимо было дать возможность покойнику уйти в иной мир своей дорогой и предотвратить возможность возвращения назад к живым родственникам. Этим и объясняется разнообразие в способах погребения умерших людей, зафиксированное на могильнике Красная Горка [Аксёнов, 2008, с. 136].

Кроме того, на позднем участке могильника была обнаружена компактная группа кремационных захоронений, состоящая из пяти погребений, к которым с севера и северо-востока примыкало четыре погребения по обряду труположения (погр. № 297, 298, 309, 310). Одно кремационное захоронение было ямным (№ 296), примыкающие к нему с северо-востока кремации – урновые. В двух захоронениях урны стояли вверх дном (погр. № 295, 299), в двух – урны стояли устьем вверх (погр. № 294, 307). В эту группу входило захоронение, пережженные человеческие кости в котором находились в гончарном горшке волынцевского типа, перевернутом вверх дном (погр. № 299), а в одном ингумационном погребении (№ 297) был найден крымский кувшинчик со следами длительного использования [Михеев, 1995, табл. I, с. 3–5, 8, 9]. Данная группа захоронений представляет заключительный этап существования могильника и датируется серединой – третьей четвертью IX в.

Кремации Подонцовья, которые можно было бы датировать концом IX – началом X в., пока не известны³. Поэтому, можно предположить, что в конце IX века часть носителей кремационного обряда из бассейна Северского Донца возвращается в исходные районы своего проживания – в Закубанье. Косвенным подтверждением этого можно считать присутствие в кремационных погребениях Кубано-Черноморского района коньковых шумящих подвесок [Дмитриев,

³ Два вещевых комплексы X–XII вв., содержавшие косы, серпы, кинжал, стрелы, фрагмент сабли, ручку котла, случайно выявленные поисковиками погибших воинов Великой Отечественной войны в Теплинском лесу возле с. Татьянавка (Славянский район Донецкой области), без дополнительных исследований пока нельзя связывать с вещевым комплексом салтовского времени, обнаруженным в этом же лесу [Голубева, Голубев, 2016, с. 18, рис. 98–116].

2003, табл. 88: 42–44; Тарабанов, 1992, рис. 3: 9, 11; Пьянков, Тарабанов, 1998, с. 23, рис. 5: 3–6], исходным районом которых является Прикамье [Голубева, 1966, с. 86]. Коньковые шумящие подвески, найденные и в кремациях Кубано-Черноморского района, и в погребениях бассейна Северского Донца, относятся к одному виду (второй вариант первого типа по классификации Л. К. Голубевой). Время их бытования в памятниках Верхнего Прикамья определяется концом VIII – началом IX в. [Голубева, 1966, с. 87, 89, рис. 7: 4]. Данные подвески, как отмечает П. С. Успенский, не характерны для памятников Кубано-Черноморского района предхазарского культурно-исторического периода, и они не могут, по его мнению, маркировать новый для региона этнос [Успенский, 2015, с. 266]. Отмечу, что, будучи важным элементом костюма, выполняя социальные, биологические, сакральные, эстетические и другие функции [Яценко, 2006, с. 5, 6], данные коньковые подвески вряд ли могли служить предметом торговли или обмена. Подобные вещи в традиционных обществах всегда производились мастерами для конкретных заказчиков согласно существующей моде. Поэтому попасть за пределы ареала конкретной этнической группы они могли только с представителями этой группы населения [Мастыкова, 2008, с. 26] или через представителей другой этнической группы, которым, однако, эти предметы оказались идеологически, культурно, сакрально понятны и близки. Таким населением для Кубано-Черноморского региона хазарского времени могли быть только носители кремационного обряда из бассейна Северского Донца.

Возможно, салтовцами в Закубанье была привнесена такая разновидность кремации, когда погребальная урна сопровождалась захоронением коня. Такое захоронение было открыто на могильнике Красная Горка (погр. № 216/к-19). Остатки кремации были помещены в урну, в качестве которой выступал салтовский двуручный горшок-ваза. Часть инвентаря находилась внутри урны, часть располагалась рядом с ней, здесь же лежали стремена, начальник, подпружная пряжка. В двух метрах к западу от урны находился костяк коня, обращенный резцовой частью в сторону урны. При костяке коня лежала остальная часть конского снаряжения – удила, украшения ремней уздечки, сбруйное кольцо [Аксёнов, Михеев, 2009, с. 387, 389, рис. 1]. Всего одно такое захоронение (урна сопровождалась захоронением лошади – № 27 и № 30) было обнаружено на могильнике 8-я Щель (первая территориальная группа

кремаций VIII–IX вв. Северо-Западного Кавказа) [Успенский, 2015, с. 137; Кононенко, 1994, с. 7]. Зато количество таких кремационных захоронений в Кубано-Черноморском регионе резко увеличивается в следующий хронологически период (X–XII вв.). Такие погребения обнаружены на могильнике Ленинохабль, Черноклан, у поселка Абрау-Дюрсо, Южноозереевского некрополя, Андреевская Щель [Успенский, 2015, с. 154, рис. 71]. При этом урна с прахом располагается в одной яме вместе с костяком лошади, у ее морды или в районе задних конечностей [Успенский, 2015, с. 154, рис. 71: 1, 2]. Урной в этот хронологический период служат все чаще большие двуручные корчаги [Успенский, 2015, с. 155, рис. 71], которые внешне напоминают салтовские двуручные горшки-вазы [Аксёнов, Михеев, 2009, рис. 1: 3]. В следующий хронологический период – XII–XIII вв. – количество таких захоронений на памятниках Северо-Западного Кавказа еще больше увеличивается, но теперь погребения совершаются под курганами [Успенский, 2015, с. 189]. При этом прослеживается тенденция к уменьшению расстояния между захоронением человека и погребением коня – 2 м в Красной Горке, 1 м – на могильнике 8-я Щель, рядом с мордой коня – в захоронениях X–XII вв. Северо-Западного Кавказа. Прототипом таких кремационных захоронений с конем на памятниках бассейна Северского Донца, по-видимому, следует считать ингумационные захоронения могильника Красная Горка, в которых конь располагается в ногах человека и обращен черепом к его ногам (тип I, вариант 1) и захоронения, в которых погребение коня находится в отдельной яме в 2 м от ног хозяина (погр. № 144, 145 – конь № 1, 14, соответственно) [Аксёнов, Крыганов, Михеев, 1996, с. 117, 121, рис. 1: 1; 2: 1, 2].

Обнаружение на салтовских кремационных памятниках бассейна Северского Донца большого количества предметов вооружения (сабель, наконечников копий, топоров-чеканов, кистеней) в комплекте с конским снаряжением указывает, что оставившее их население наиболее подходит на роль контингента, несущего в регионе службу мобильно-строевого характера в интересах правящей верхушки Хазарского каганата. По-видимому, именно представители этнической группы, практиковавшей сожжение покойников, составляли основу салтовской легкой кавалерии, тогда как аланское население, судя по предметам вооружения, присутствующим в катакомбных захоронениях [Крыганов, 1993, с. 52–62],

являлось пешим войском, задачей которого было поддерживать своих союзников в боевых операциях и обеспечивать обороноспособность крепостей в регионе. При этом выходцы из воинской среды всех этносов, находящиеся на службе у верхушки Каганата, могли также быть проводниками и охранниками купцов, идущих к соседним народам, или же собирать дань в пользу хазар с местного населения и покоренных славянских племен [Красильникова, Красильников, 2015, с. 328].

В целом надо отметить, что при общей схожести кремационных захоронений салтовского времени бассейна Северского Донца и Северо-Западного Кавказа между ними существовали некоторые различия. Так, типологически кремации Подонцовья более многообразны, чем одновременные им захоронения Кубано-Черноморского района, что, по-видимому, обусловлено более сложной этнической ситуацией, сложившейся в регионе в хазарский культурно-исторический период. Появление салтовских кремаций в бассейне Северского Донца связано с миграцией сюда населения с территории Северо-Западного Кавказа (Кубано-Черноморский регион с кремационными могильниками типа Дюрсо). Пришедшее в Подонцовье в 30–40 гг. VIII в. население, кремировавшее своих покойников, было смешанным (тюркско-адыгским). Существование на протяжении второй половины VIII и IX в. в бассейне Северского Донца данной группы переселенцев с представителями других групп местного и пришлого населения, применявших обряд кремации покойников (поздние пеньковцы, угры и др.), привело к появлению новых черт в погребальном обряде и, следовательно, к разнообразию кремационных захоронений региона (ямы разной формы и ориентации их по сторонам света, очищение или неочищение остатков кремации от следов погребального костра, помещение остатков кремации в урну или, наоборот, установка урны с прахом на дно сосуда или дном вверх и т.п.). Здесь же вырабатывается новый вид кремаций, когда урна с прахом сопровождается целым костяком коня, расположенным на некотором удалении от человеческих останков (могильник Красная Горка). С уходом населения, применявшего обряд кремации, из бассейна Северского Донца в конце IX в. назад – на Северо-Западный Кавказ – данная разновидность захоронения с конем появляется и в Кубано-Черноморском районе, где она получает дальнейшее развитие, о чем свидетельствуют материалы адыгских могильников X–XIII вв.

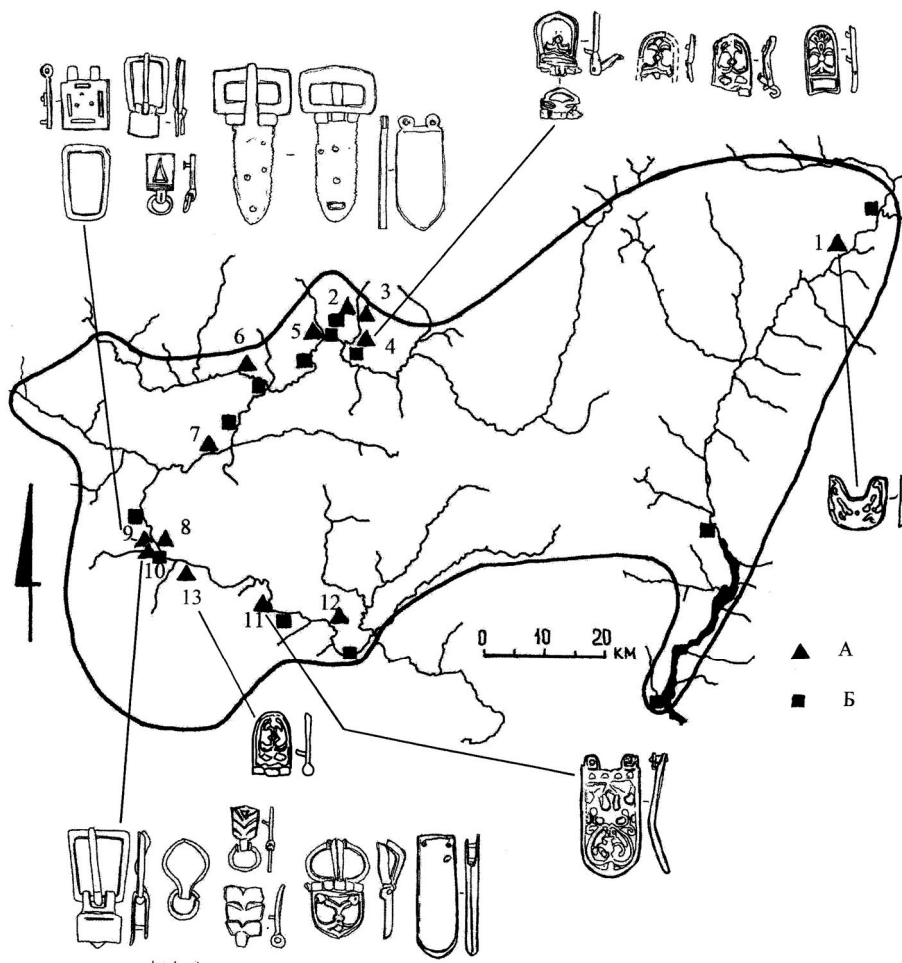

Рис. 1.

Кремационные могильники юго-западного района лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры и обнаруженные на них элементы поясной гарнитуры хронологического горизонта Столбиче-Старокорсунская (740–790 гг.):

А – могильники и отдельные комплексы с кремационным обрядом погребения, Б – салтово-маяцкие городища. 1 – Тополы; 2 – Кочетокский могильник (на склонах оврага Сороков); 3 – Пятницкий могильник; 4 – Кицевский могильник; 5 – Кочеток; 6 – Новая Покровка; 7 – Мохнач; 8 – могильник «Яр Плоский»; 9 – могильник «Балка Сухая Гомольша»; 10 – Сухогомольшаенский могильник; 11 – могильник Красная Горка; 12 – могильник Лысый Горб; 13 – могильник Нижний Бишкин.

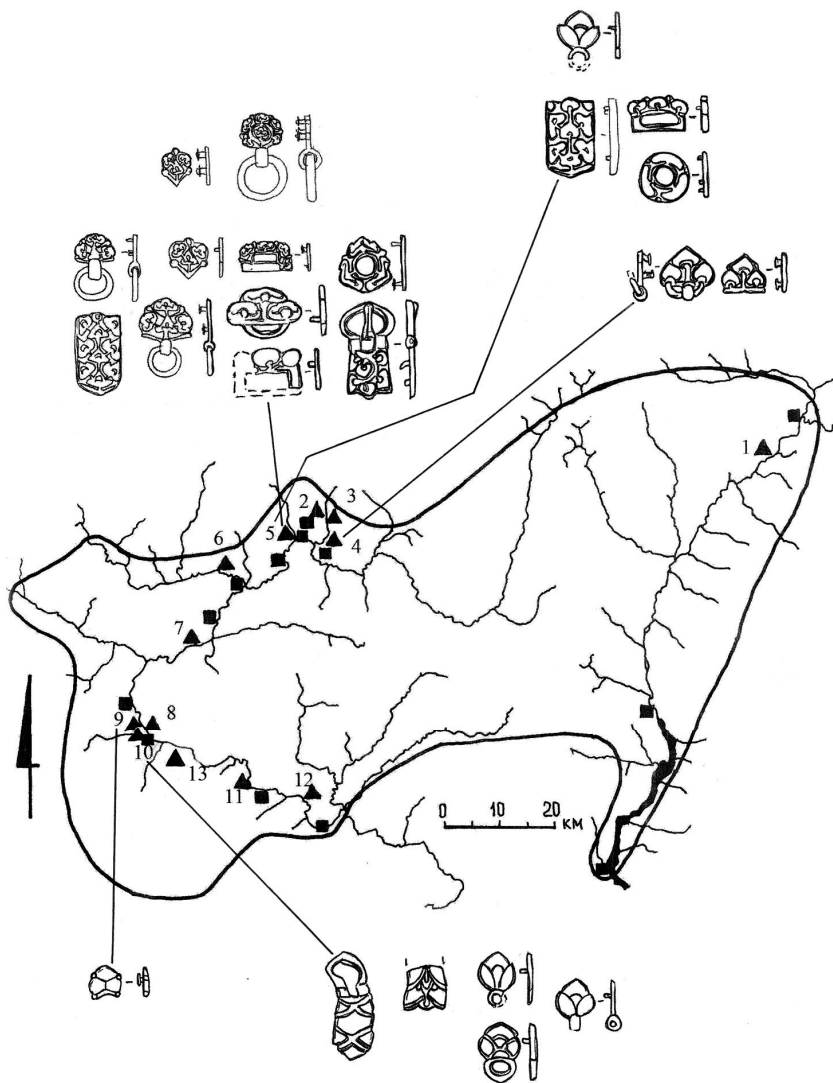

Рис. 2.

Кремационные могильники юго-западного района лесостепного варианта салтовомаяцкой культуры и обнаруженные на них элементы поясной гарнитуры II, III и IV хронологических горизонтов салтовских древностей (рубеж VIII–IX – конец IX в.):

1 – Тополи; 2 – Кочетокский могильник («Бабчанка»); 3 – Пятницкий могильник; 4 – Кицевский могильник; 5 – Кочеток; 6 – Новая Покровка; 7 – Мохнач; 8 – могильник «Яр Плоский»; 9 – могильник «Балка Сухая Гомольша»; 10 – Сухогомольшаенский могильник; 11 – могильник Красная Горка; 12 – могильник Лысый Горб; 13 – могильник Нижний Бишкин.

Литература

- Аксёнов В. С. Новые поминальные комплексы воинов-всадников салтовского времени с территории Верхнего Подонечья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время. Донецк, 2005.
- Аксёнов В. С. Об одном из вариантов погребального обряда праболгарского населения салтовской культуры верхнего Подонцовья (по материалам биритуального могильника Красная Горка) // Дриновский сборник. Т. II. Харьков–София, 2008.
- Аксёнов В. С., Воловик С. И. Новый салтовский могильник в верхнем Подонечье // Донская археология. 1999. № 3–4.
- Аксёнов В. С., Крыганов А. В., Михеев В. К. Обряд погребения с конем у населения салтовской культуры (по материалам Красногорского могильника) // Материалы I тысячелетия н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии. К., 1996.
- Аксёнов В. С., Лаптев А. А. Освоение населением Хазарского каганата лесостепного Подонцовья: взгляд на проблему // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 12. Хазарское время. Донецк, 2014.
- Аксёнов В. С., Михеев В. К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухогомольшанский могильник VIII–X вв. // Хазарский альманах. Т. 5. Киев–Харьков, 2006.
- Аксёнов В. С., Михеев В. К. Погребения со сложносоставными луками биритуального могильника Красная Горка салтовской культуры // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7. Хазарское время. Донецк, 2009.
- Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // АОН. Вып. 2. М., 1987.
- Афанасьев Г. Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения Среднего Дона. М., 1993.
- Афанасьев Г. Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? // РА. 2001. № 2.
- Березовец Д. Т. Отчет о раскопках средневековых памятников у с. Верхний Салтов, Старосалтовского района Харьковской обл. в 1959–1961/66 // Архив Института археологии НАН Украины. Ф.е. 3984а.
- Богуславский Г. С. До питання про етнічну приналежність поховань за обрядом кремації салтово-маяцької культури // Археологія. 2001. № 2.
- Бубенок О. Б. Касоги на юго-западной границе Хазарского каганата // Хазарский альманах. Т. 12. Киев–Харьков, 2014.
- Бубенок О. Б., Аксёнов В. С. Кто обитал в Сухой Гомольше в хазарское время // Хазарский альманах. Т. 8. Киев–Харьков, 2009.
- Гавритухин И. О., Пьянков О. В. Раннесредневековые древности побережья (IV–IX вв.) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII вв. М., 2003.
- Голубев А. М. Два новых салтово-маяцких кремаційних могильника навколо с. Суха Гомільша на Харківщині // Археологія. 2017. № 1.

- Голубева Л. А. Коньковые подвески Верхнего Прикамья // СА. 1966. № 3.
- Голубева І. В., Голубев А. М. Звіт про наукові археологічні розвідки у Слов'янському районі Донецької області у 2015 р. Харків, 2016 // Архів Харківського історического музею імени Н. Ф. Сумцова.
- Голубева І. В., Окатенко В. М., Варачова К. Г., Квітковський В. І., Колода В. В., Резніченко І. О., Свистун Г. Є., Філатов Д. О. Звіт про археологічні експертизи в Харківській області та в м. Харкові в 2013 р. Харків, 2014 // Архів ХИМ імени Н. Ф. Сумцова.
- Дегтярь А. К. Некоторые вопросы истории населения верхнего течения Северского Донца в раннем средневековье // Вестник ХГУ. 1981. № 214.
- Дегтярь А. К. Комплекс из погребения воина у с. Кочеток на Северском Донце // СА. 1984. № 2.
- Дмитриев А. В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII вв. М., 2003.
- Иванов А. А. Находки поясных наборов из курганов хазарского времени Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Т. 2. Самара, 2001.
- Колода В. В. Еще одна группа салтовских артефактов из Сухой Гомольши // СМАК. Вип. 2. Харків, 2012.
- Колода В. В. Отчет о работе на городище Мохнач и селище Мохнач-У Змиевского района Харьковской обл. в 2016 г. Харьков, 2017 // Архів Археологической лаборатории Харьковского национального университета им. Г. С. Сковороды. № 37/2016.
- Комар А. В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы // Vita antique. 1999. № 2.
- Комар А. В. Горизонт Столбище-Старокорсунская и некоторые вопросы возникновения салтовской культуры // Finno-Ugrica. 2000. № 1.
- Кононенко А. П. Отчет о работе Черноморского археологического центра в 1994 г. // Архів Інститута археології РАН. Ф. 1. Р. 1. № 18813.
- Красильникова Л. И., Красильников К. И. Служебный образ болгар в Хазарском каганате (к продолжению темы) // Плиска–Преслав. Т. 11. София, 2015.
- Криганов А. В. Військова справа ранньосередньовічних аланів Подоння // Археологія. 1993. 2.
- Кухаренко Ю. В. О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИИМК. 1951. Т. XLI.
- Кухаренко Ю. В. Новопокровський могильник і поселення // Археологія. 1952. Т. 6.
- Лаптєв О. О., Аксьонов В. С. Салтово-маяцький кремаційний могильник біля с. Кицівка на Харківщині // Археологія. 2012. № 4.
- Мастыкова А. В. «Княжеская» мода эпохи Великого переселения народов и северокавказский женский костюм // РА. 2008. № 1.

- Михеев В. К.* Сухогомольшанский могильник // СА. 1986. № 3.
- Михеев В. К.* Погребальный обряд Красногорского могильника салтовомаяцкой культуры // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990.
- Михеев В. К.* Отчет о раскопках Средневековой археологической экспедиции Харьковского госуниверситета в 1994 годы. Харьков, 1995 // Архив ХИМ имени Н. Ф. Сумцова.
- Михеев В. К.* Северо-западная окраина Хазарии в свете новых археологических открытий // Хазарский альманах. Т. 3. Киев–Харьков, 2004.
- Окатенко В. М., Голубев А. М., Голубева І. В.* Наукові експертизи і розвідки у м. Харкові та Харківській області // Археологічні дослідження в Україні 2015. К., 2016.
- Плетнёва С. А.* Хазарские проблемы в археологии // СА. 1990. № 2.
- Приймак В. В.* Ямні поховання городища Новотроїцького // Археологія. 1998. № 2.
- Пьянков А. В.* Касоги–касахи–кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар, 2001.
- Пьянков А. В., Тарабанов В. А.* Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство // Древности Кубани. Вып. 13. Краснодар, 1998.
- Пьянков А. В., Тарабанов В. А.* Воинский комплекс 25 из Молдовановского могильника (раскопки 1989 г.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 3. Армавир, 2004.
- Свистун Г. Е.* Новый кремационный могильник на территории Чугуево-Бабчанского лесничества (предварительная информация) // СМАК. Вип. 2. Харків, 2012.
- Свистун Г. Е., Квитковский В. И.* Кремации в прямоугольных ямах на Кочетокском могильнике // СМАК. Вип. 3. Харків, 2013.
- Тарабанов В. А.* Средневековый могильник у села Казазово // Проблемы археологии и этнографии. Вып. II. Л., 1983.
- Тарабанов В. А.* Раскопки средневекового кремационного могильника у с. Молдовановское Крымского района в 1989 г. // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 годах. Ейск, 1992.
- Тортика А. А.* Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. Харьков, 2006.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / *Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М. и др.* Новосибирск, 1988.
- Успенский П. С.* Кремационные погребения Северо-Западного Кавказа VIII–XIII вв. как исторический источник. Дис. канд. ист. наук. Рукопись. М., 2015.
- Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М., 1975.

Шрамко Б.А. Погребения VIII–X вв. у с. Пятницкое в Харьковской области // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983.

Яценко С. А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М., 2006.

Список сокращений

АОН – Археологические открытия на новостройках

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

СА – Советская археология

СМАК – Салтово-маяцка археологічна культура

РА – Российская археология

ХГУ – Харьковский государственный университет

ХИМ – Харьковский исторический музей

В. С. Аксёнов

К вопросу о единстве носителей кремационного обряда салтовского времени Подонцовья и Северо-Западного Кавказа

Резюме

Работа посвящена проблеме этнического родства населения, оставившего отдельные погребальные комплексы и могильники в бассейне Северского Донца и в Кубано-Черноморском регионе в хазарский культурно-исторический период. Предполагается, что появление в бассейне Северского Донца салтовских кремаций связано с появлением здесь групп кочевого населения – выходцев из Кубано-Черноморского региона, которые состояли из представителей тюркского этноса (*касогов*, или *кас-*) и адыгов. Пребывание в Подонцовье этой группы населения вместе с другими местными и пришлыми племенными группами, также применявшими обряд кремации своих покойников, привело к увеличению разнообразия типов кремационных захоронений салтовского времени в регионе. Эти новые виды захоронений были привнесены в конце IX века переселенцами из Подонцовья на Северо-Западный Кавказ, где они получили свое дальнейшее развитие, что нашло отражение в погребальных памятниках адыгского населения X–XIII веков.

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура, Подонцовье, Хазарский каганат, кремационные захоронения, касоги, адыги.

V. S. Aksyonov

**About the question of the unity of the bearers
of the cremation ritual of the Saltov period
in Podontsovye and the North-Western Caucasus**

Summary

This research is dedicated to the problem of ethnic kinship of the population, who left separate burial complexes and burial grounds in the Severskyi Donets basin and in the Kuban-Black Sea region during the Khazar cultural and historical period. It is assumed that the appearance of Saltov cremations in the Severskyi Donets basin is associated with the appearance of nomadic population groups from the Kuban-Black Sea region, who consisted of representatives of the Turkic ethnos (*kasogs* or *kas-*) and Adyghs. Staying of this group of people in the Podontsov region, along with other local and alien tribal groups, who also had the cremation ritual of their dead people, led to an increase of the variety of types of cremation burials of the Saltov time in the region. These new types of burials were brought in the late 9th century AD by the settlers from Podontsovye to the North-Western Caucasus, where they were further developed, which fact was reflected in funerary monuments of the Adyghian population of the 10th –13th AD.

Keywords: Saltovo-Mayak culture, Podontsovye, Khazar kaganate, cremation burials, Kasogs, Adyghs.

В. С. Аксёнов, В. В. Колода

БОГАТЫЙ ВЕЩЕВОЙ КОМПЛЕКС БЛИЗ СТАРОЙ ПОКРОВКИ НА ХАРКОВЩИНЕ

Одним из наиболее насыщенных салтовскими (салтово-маяцкими) древностями регионов является Харьковская область Украины. Именно здесь, после открытия на рубеже XIX–XX вв. Верхнесалтовского катакомбного могильника, удалось выделить новый круг древностей и связать их с остатками материальной и духовной культуры Хазарского каганата. Исследования салтовских памятников в этом лесостепном регионе Хазарии продолжают вот уже более столетия [Колода, 2011, с. 21–31]. Несмотря на множество уже открытых и изученных разнохарактерных памятников, практически каждый год здесь выявляются неординарные комплексы. Еще в 2012 г. близ с. Старая Покровка (*рис. 1*) на ныне практически уничтоженном кремационном могильнике было обнаружено три близко расположенных вещевых комплекса. Два из них явно относятся к воинским (всадническим)¹, а одно, весьма богатое на украшения, детали одежды и предметы личного обихода (*рис. 2*), станет предметом анализа в данном исследовании.

Выявленный инвентарь со следами пребывания в огне (но без костных остатков) был помещен в неглубокую круглую в плане яму (*рис. 3*). Ее верхний диаметр составлял 100 см, общая глубина до плоского дна на границе предматерика и супесчаного материка составляла 40 см. Заполнение ямы – практически чистый лесной

¹ Материал обрабатывается и готовится к публикации. Оказалось, что в одном из них были выявлены остатки зеркала с тюркской рунической надписью, которые были опубликованы ранее [Колода, 2014, с. 180–193].

оподзоленный чернозем. Большинство предметов инвентаря погребения располагался практически в центральной части на нижних 10 см ямы. Прослеживался определенный порядок распределения находок: отдельными кучками находились бронзовые браслеты и железный инвентарь, бусы были рассыпаны практически по всей площади, но вместе с тройным распределителем находилась небольшая кучка бусин. Над ними – неполный развал чернолощеного небольшого гончарного кувшинчика с четырьмя каннелюрами на вертикальной шейке (рис. 4: 2, 5). Кроме того, в верхней части заполнения обнаружены остатки еще одного кувшина – сероглиняного; из небольшого количества сохранившихся фрагментов лишь один был хотя бы минимально информативным (рис. 4: 3, 4).

Вещи, составлявшие данный комплекс, разделяются на следующие группы: личные украшения, детали одежды и предметы хозяйственного назначения.

Личные украшения в комплексе представлены фрагментом сережки, бусами, браслетами, подвесками. К украшениям головы относится нижняя часть привески сережки шаровидной формы, украшенной поясками из напаянной рифленой проволоки (рис. 4: 1; рис. 5: 33). Вес обнаруженного фрагмента сережки 0,53 г, материал – золото очень высокой пробы. Обнаруженная часть является фрагментом подвески сережки, аналогичная целым экземплярам из других салтовских кремационных захоронений бассейна Северского Донца (Сухая Гомольша, Красная Горка, Кицевка) [Аксёнов, Михеев, 2006, рис. 15: 28; 17: 18; 24: 24, 30; 25: 1, 12; 30: 31; 33: 1, 19; 37: 17; 47: 36, 49; 70: 1, 36; Аксьонов, 2007, с. 132; Лаптев, Аксьонов, 2012, рис. 4: 1–3]. Аналогичные серьги представлены единичными находками в катакомбных (Верхний Салтов) [Тесленко, 1927, с. 354, табл. I, рис. 2: 3] и ямных (Залиман) салтовских погребальных памятниках региона [Макаревич, 1957, табл. I: 4]. Самыми близкими аналогиями (по форме и по материалу) данным серьгам являются находки из кремационных захоронений хазарского времени Кубано-Черноморского района (могильник Дюрсо и др.) [Гавритухин, Пьянков, 2003, рис. 78: 20; Дмитриев, 2003, табл. 88: 1–10; Саханев, 1914, табл. V: 9]. Еще одним районом, где подобные серьги, но изготовленные из бронзы или серебра, встречаются в достаточно большом количестве, является Прикамье. Так, такой тип серег представлен в материалах урынской стадии (конец VIII –

IX в.) ломоватовской культуры [Голдина, 1985, табл. I, рис. 19–22], неволинской стадии (конец VII – VIII в.) неволинской культуры [Голдина, Водолаго, 1990, табл. XVIII: 2], мыдланьшайского этапа (вторая половина VIII – первая половина IX в.) полемской культуры [Семенов, 1980, рис. 10: 154]. Серебряные серьги этого типа найдены в венгерском Больше-Тиганском могильнике (конец VIII – первая половина IX в.) [Халикова, 1976, рис. 6: 3] и погребении курганного могильника Просвет I (конец VIII – первая половина IX в.) [Багаутдинов, Богачев, Зубов, 2006, рис. 3: 14, 15].

Украшения груди представлены бусами из сердолика. Всего обнаружено 73 целых бусины и еще 8 фрагментов отдельных бусин (рис. 5: 23–32). Все обнаруженные сердоликовые бусины по классификации В. Б. Ковалевской (Деопик) относятся к отделу 1 (круглые в поперечном сечении), к типу а (шарообразные) каменных бус [Деопик, 1963, с. 138, рис. 5: 1]. К этому типу нами отнесены и бусы, форма которых приближается к шаровидной. Форму данных бус при более строгом подходе можно описать как шарообразную, симметрично усеченную поперечно дважды [Жиронкина, 1998, с. 53–55]. Бусы этого типа широко представлены на памятниках салтовского времени Северного Кавказа, Закавказья, Крыма и Подонья [Аксёнов, Михеев, 2003, с. 189, рис. 1, 11, 34; 2, 27; 3, 22; Деопик, 1963, с. 138]. Достаточно хорошо данный тип бус представлен в катакомбных захоронениях Верхнего Салтова [Хоружая, 2007, с. 224, рис. 1, 1]. Однако наиболее массовые находки сердоликовых бус характерны для кремационных захоронений бассейна Северского Донца салтовского времени (Сухая Гомольша, Кицевка и др.) [Аксёнов, Михеев, 2006, с. 140, рис. 9, 3, 7, 26, 27, 35, 36; Лаптев, Аксьонов, 2012, рис. 3: 37–50; 4: 13–15; 5: 35–55].

Возможно, с ожерельем из бус связаны две Ω -подобные петельки, выполненные из железной проволоки прямоугольного в плане сечения (рис. 5: 17, 18). Данные петельки располагались на концах ожерелья, выполняя роль застежки (рис. 2).

Из украшений рук в данном комплексе представлены бронзовые проволочные браслеты. Часть обнаруженных браслетов имеет простые гладкие концы, которые сужаются (рис. 5: 3, 4, 10), у части браслетов концы расширяются подобно шляпке гвоздя (рис. 5: 2, 6, 7–9), еще у двух браслетов концы сформированы в виде пятиугольных в плане и прямоугольных в сечении головок (рис. 5: 5, 11).

У двух браслетов концы дополнительно украшены параллельными насечками (рис. 5: 5, 11). Браслеты, аналогичные обнаруженным в рассматриваемом комплексе, найдены на всех могильниках салтово-маяцкой культуры [Каминский, 1987, рис. 1: 34; 4: 2; Плетнёва, 1989, рис. 60; Савченко, 1986, рис. 6: 19–27]. Н. Я. Мерперт датировал подобные браслеты VIII–IX вв. [Мерперт, 1951, с. 29]. Размер браслетов свидетельствует, что они могли составлять несколько наборов и принадлежать разным индивидам. Так, часть браслетов (рис. 5: 2–4, 6, 7, 10) принадлежали женщине, тогда как браслеты большого диаметра (рис. 5: 5, 8, 9, 11) – мужчине или двум мужчинам. При этом разное оформление концов браслетов большого диаметра – расширения на концах (рис. 5: 8, 9) или заострение концов и нанесение на них параллельных насечек (рис. 5: 5, 11) – позволяют предположить, что они принадлежали двум разным людям. Таким образом, в комплексе представлены материалы, связанные, вероятно, с тремя разными индивидами.

Это подтверждается присутствием в комплексе трех железных фибул. В costume салтовского населения бассейна Северского Донца (и мужчин, и женщин) зачастую присутствовало по одной фибуле [Аксёнов, Михеев, 2006, рис. 9: 17–28; 10; 17: 4–15; 24: 30–39; Аксёнов, 2012, с. 208–219, рис. 1: 2, 3; 2: 2–6; 3: 4–6]. Застежки для одежды в комплексе представлены двухчленными фибулами, спинка которых плавно изогнута и заканчивается пружиной с нижней тетивой (рис. 5: 20–22). Конец пятки загнут вверх, образуя завиток. Приемник низкий, пластинчатый. Спинка фибул в сечении треугольная, из-за чего они имеют ребро посередине лицевой части спинки. Аналогичные фибулы обнаружены в захоронениях и поминальных комплексах могильника Сухая Гомольша [Аксёнов, Михеев, 2006, рис. 17: 4; 29: 41; 30: 16; 33: 30; 57: 6; 61: 28; 65: 8; 69: 23; 70: 7; 77: 14]. Железные фибулы этого типа, подобные по форме и размерам изделиям могильника Сухая Гомольша, в Подонье найдены в нескольких катакомбных захоронениях Дмитриевского могильника (№ 36, 81, 116, 118, 143, 155) [Плетнёва, 1989, рис. 59], в комплексах воинов-всадников из Кочетка и Тополи на Харьковщине [Дегтярь, 1984, рис. 1: 16; Кухаренко, 1951, рис. 31: 1], на Кицевском некрополе [Лаптев, Аксёнов, 2012, рис. 7: 2]. За пределами Подонья аналогичные фибулы встречены в материалах кремационных могильников Прикубанья: Дюрсо [Дмитриев, 2003,

рис. 88: 19–22], Молдавановского [Тарабанов, 1992, рис. III: 4], Казановского [Тарабанов, 1999, рис. 2: 17; 3: 11], Борисовского [Гаритухин, Пьянков, 2003, рис. 78: 6; Саханев, 1914, табл. V: 22–25]. Фрагмент фибулы этого типа найден в погребении № 58 алано-болгарского могильника около станицы Старокорсунской [Каминский, 1987, рис. 8: 47]. Фибулы данного характерны для погребальных комплексов хронологического комплекса Столбище-Старокорсунская (740–790 гг.) [Комар, 2000, с. 52, рис. 4: 27].

С одеждой в данном комплексе связана бронзовая пуговица. Обнаруженная пуговица относится к разряду литых и имеет шаровидное тулово, вверху которого расположена плоская петелька (рис. 5: 1). Бронзовые пуговицы рассмотренных видов встречены на всех погребальных памятниках салтово-маяцкой культуры Подонья [Аксёнов, Михеев, 2003, рис. 1, 5, 30; 3, 26; Аксёнов, Михеев, 2006, с. 124, рис. 15, 17; 17, 19; 38, 29; 77, 21; Плетнёва, 1981, рис. 37, 19, 20; Плетнёва, 1989, с. 107, рис. 56; Хоружая, 2009, рис. 2, 10, 11, 20–22; 3, 18; 5, 17; 6, 8, 27, 28; 7, 15, 34; 11, 12, 13; 12, 12]. Хорошо представлены они и на памятниках VIII–IX вв. сопредельных территорий [Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 100, рис. 18, 23–25].

Элементы поясной гарнитуры в данном комплексе представлены тремя изделиями. Это поясной разделитель, серебряная пластина толщиной 0,5 мм и весом 3,3 г от наконечника пояса коробчатого типа (рис. 5: 16) и еще один небольшой серебряный наконечник коробчатого типа с прорезным геометрическим орнаментом на лицевой стороне щитка (рис. 5: 15). Подобные наконечники нехарактерны для классических салтово-маяцких древностей. Особенно показателен в этом плане маленький наконечник пояса. По размерам, пропорциям, конструкции, в соответствии типологии В. Б. Ковалевской, данный наконечник пояса относится к типу 2, вариант 2 [Ковалевская, 2000, с. 118–119, рис. I: 2, 3]. Ближайшими аналогиями нашему изделию являются наконечники из Мартыновского, Хацького, Гапоновского кладов [Корзухина, 1996, с. 364, табл. 13: 13; 20: 21–23; табл. 22: 12, 13; Гавритухин, Обломский, 1996, с. 15, рис. 30: 4], из Мохночанского захоронения [Аксёнов, Бабенко, 1998, с. 115, рис. 3: 8], из местонахождения около с. Лебеховка [Корзухина, 1996, с. 393, табл. 94: 29]. Значительно больше подобных наконечников найдено в кочевнических памятниках пред-

салтовского времени – Сивашовка (кург. 3, погр. 2; кург. 2, погр. 2) [Комар, Кубышев, Орлов, 2006, с. 271, 316, рис. 12: 20; 14: 1; 32: 22], Костогрызово (кург. 1, погр. 7) [Комар, Кубышев, Орлов, 2006, с. 330, рис. 37: 9, 16], Черноморское (кург. 1, погр. 11) [Комар, Орлов, 2006, с. 393, рис. 2: 1–3; 4: 5–7], Виноградное (кург. 5) [Орлов, Рассемакин, 1996, рис. 3: 12], Христофоровка (кург. 7, погр. 12) [Приходнюк, 2001, рис. 27: 5], Богачевка (кург. 8, погр. 12) [Приходнюк, 2001, рис. 32: 1], Изобильное [Приходнюк, 2001, рис. 33: 19, 20], Вознесенка [Комар, 2006, рис. 36: 9], Чапаевский [Комар, 2006, рис. 49: 1–9]. Таким образом, данный наконечник относится к типу геральдических и характерен для комплексов VII в. Этим же временем, следует датировать и фрагмент пластины от коробчатого наконечника пояса большего размера из данного комплекса, так как коробчатые наконечники данного типа и большого, и маленького размера составляли один комплекс (Гапоново, Мартыновка, Хацки). Для славянских древностей предсалтовского времени данный тип наконечников поясов не характерен, а связан с тюркским ремесленным производством конца VII – IX в. [Ковалевская, 2000, с. 118].

Поясной разделитель представляет собой три невысоких трубочки под кожаные ремешки, соединенные между собой перемычками. Концы разделителя и трубочек оформлены пластинчатыми выступами в виде трех лепестковых бутонов цветов (рис. 5: 19). Все цилиндрические части разделителя имитируют спиральную проволочную навивку. Разделители этого типа встречаются в погребальных комплексах как аланского населения (кат. № 33, 45, 106 Дмитриевского могильника, кат. № 13, 24 ВСМ-I) [Плетнёва, 1989, рис. 56; Хоружая, 2009, рис. 7, 6: 12, 18], так и других этнических групп Подонцовья салтовского времени (погр. № 45 Нетайловский могильник) [Пархоменко, 1983, рис. 7, 11].

В комплекс входили два фрагмента железной цепочки длиной 70 и 52,5 см (рис. 6, 7), которые в древности, как нам видится, составляли одно цельное изделие – пояс длиной 122,5 см (реконструируемая сохранившаяся часть) со свисающими вниз четырьмя цепочками, на которых висели различные предметы (копоушка, коромыслообразная пуговица, кольцообразная привеска с прикрепленной к ней на цепочке еще одной коромыслообразной пуговицей и нож с ножнами). На это указывает присутствие на одной из свисающих цепочек металлической обоймы от деревянных ножен но-

жа, в которую на момент обнаружения, был вставлен нож с волютообразным навершием. На момент обнаружения каждый из фрагментов пояса имел по две свисающие вниз цепочки. Рассмотрим каждый из фрагментов пояса в отдельности.

Первый фрагмент пояса длиной 70 см (*рис. 6: 1*). Свисающими с него двумя цепочками он разделен на три участка длиной 29,6 – 19,2 – 20,8 см. На конце участка длиной 29,6 см находится железное колечко диаметром 1,5 см, на котором сохранилось часть разрушенного звена цепочки, которое соединяло пояс в одно целое изделие. Данное колечко изготовлено из круглого в сечении дрота, концы которого сварены в внахлест. Фрагмент цепочки, соединенный с этим кольцом (29,6 см), состоит из 31 звена, выполненных в разном стиле. 10 отходящих от кольца звеньев цепочки имеют S-видную форму, но части звена развернуты перпендикулярно по отношению друг к другу. Остальные 21 звено этого участка имеют S-видную форму, но концы их находятся в одной плоскости. Все звенья изготовлены из железного дрота, прямоугольного в сечении. Следующий участок цепочки (19,2 см) состоит из 21 звена, имеющих S-видную форму. Третий участок цепочки (20,8 см) состоит из 22 S-видных звеньев, противоположные концы которых развернуты перпендикулярно друг по отношению к другу. На этом фрагменте пояса сохранились две свисающие цепочки длиной 16,5 и 10,3 см, состоящие из 16 и 10 простых S-видных звеньев, соответственно.

Фрагмент пояса длиной 52,5 см с двумя свисающими цепочками (*рис. 7: 1*). Первый участок пояса (15,2 см) состоит из 14 простых S-видных звеньев. Участок заканчивается кольцом диаметром 1,5 см, изготовленным из прямоугольного в сечении дрота, концы которого сварены внахлест. К этому же кольцу присоединен второй участок пояса, состоящий из 14 звеньев и свисающей цепочки длиной 4,4 см из 4 звеньев с прикрепленной к ней металлической основой и обоймой от деревянных ножен ножа (*рис. 7: 3*). Все звенья свисающей цепочки имеют S-видную форму, как и 7 звеньев второго участка данного фрагмента пояса. Еще у семи S-видных звеньев этого участка пояса концы развернуты в перпендикулярных плоскостях. Третий участок длиной 23,7 см состоит из 22 двух звеньев простой S-видной формы. Между вторым и третьим участком данного фрагмента пояса находится свисающая цепочка длиной 13,8 см из 13 простых S-видных звеньев.

Вместе с цепочкой-поясом были обнаружены: фрагмент спекшейся цепочки (рис. 7: 7) и три фрагмента цепочек с прикрепленными к ним предметами – коромыслообразными пуговицами (рис. 6: 4; рис. 7: 6), копоушкой (рис. 7: 5), подвеской (рис. 6: 2). Звенья всех этих цепочек были аналогичны звеньям цепочки пояса. Ближайшими аналогиями цепочек из данного комплекса являются цепочки из кремаций № 117, 143, 193, 222, 268, 304 Сухогомольшанского могильника [Аксёнов, Михеев, 2006, рис. 29: 34; 33: 31, 32; 53: 19; 69: 15; 77: 19] и из разрушенного захоронения Ново-Покровского могильника [Кухаренко, 1951, рис. 33: 4]. Подобные цепочки с подвешенными к ним предметами (амулетами, бубенчиками и пр.) встречены в северокавказских захоронениях V–IX вв. [Гаверитухин, Обломский, 1996, рис. 82: 5; Кантемиров, Дзаттиаты, 1995, табл. XIII: 4; XXV: 22; Хайнрих, 1995, табл. II: 5; XIV: 1] и аланских катакомбных захоронений второй половины VIII – IX в. бассейна Северского Донца [Хоружая, 2009, рис. 2: 15; 4: 24, 31; 6: 14, 15]. Известны подобные цепочки (бронзовые) как элемент женского костюма в славянских древностях V–VIII вв. юга Восточной Европы [Гаверитухин, Обломский, 1996, рис. 59; Корзухина 1996, табл. 44: 4–7, 9; 53: 17–19; 57: 1–6; 69: 24–27; 70: 14–16; 75: 18; 78: 3].

Копоушка, обнаруженная в комплексе, представляет собой витой железный стержень, на одном конце которого находится петелька, а на противоположном – лопаточка (рис. 7: 5). К цепочке копоушка присоединена с помощью кольца диаметром 1,5 см, аналогичного двум кольцам цепочки-пояса. Подобные стерженьковые копоушки достаточно хорошо представлены в катакомбных захоронениях бассейна Северского Донца [Плетнёва, 1989, рис. 55; Хоружая, 2009, рис. 2: 2], в памятниках VIII–IX вв. Северного Кавказа [Дмитриев, 2003, рис. 87: 19; Ковалевская, 1981, рис. 62: 122, 145, 146].

Обе пуговицы, подвешенные к цепочке, относятся к одному типу – коромыслообразных с выделенной петелькой на середине длины (рис. 6: 4; рис. 7: 6). Концы пуговиц оформлены в виде шарообразных выступов, что отличает их от подобных им по форме копоушек салтово-маяцкой культуры (тип 2 по С. А. Плетнёвой) [Плетнёва, 1989, с. 106, рис. 55]. По форме и особенностям данным пуговицам близка подвеска из могильника Брусяны II (кур. 15, погр. 2) новинковской культуры на Средней Волге [Матвеева, 1997, с. 74, рис. 123: 5].

Вместе с одной из коромыслообразных пуговиц к цепочке была присоединена подвеска, сохранившаяся во фрагментах (рис. 6: 2). Данная подвеска изготовлена из бронзовой пластины со значительным содержанием олова, имеет форму кольца с шестью полукруглыми выступами по внешнему краю. Один из сохранившихся полукруглых выступов представляет собой петельку, в которую вставлено звено цепочки с подвешенной к ней пуговицей. Аналогии данной подвеске нам не известны. Можно указать на некоторую схожесть данного изделия с небольшой группой северокавказских колесообразных металлических амулетов VIII–IX вв. (отдел I, тип 2 по В. Б. Ковалевской) (кат. № 18 Мокрой балки, № 12 Гоуста) [Ковалевская, 1995, с. 135, рис. 1: 3, 4].

Возможно, с поясом связан обнаруженный в комплексе бубенчик (рис. 5: 14). Он мог быть подвешен на одну из свисающих с него цепочек. По технике изготовления найденный бубенчик относится к отделу литых. Он имеет грушевидную форму, плоскую петельку прямоугольной формы и тулово шаровидной формы со слегка выравненными гранями. Бронзовые бубенчики данного типа в большом количестве встречены в погребальных памятниках салтовомаяцкой культуры [Аксёнов, Михеев, 2003, рис. 2, 21, 31; Аксёнов, Михеев, 2006, с. 125, рис. 9, 23; 15, 44; 24, 23, 26; 25, 29; 30, 10; Плетнёва, 1981, рис. 7: 18, 21; Хоружая, 2009, рис. 2, 6, 26; 3, 23, 24; 6, 30; 7, 22, 33; 8, 27, 45, 46].

Наиболее интересным предметом, подвешенным к цепочке-поясу, является нож с волютообразным навершием (рис. 7: 4). Найденный нож представляет собой продолговатую пластину, один конец которой является клинообразным клинком, переходящим в плоский черенок-ручку. Конец черенка-ручки раздвоен, а его части загнуты вниз. Лезвие с обеих сторон, вдоль спинки, украшено прочерченным орнаментом в виде зигзагообразной линии, идущей от кончика ножа к черенку-рукоятке. Аналогии данному ножу в салтовомаяцкой древности нам не известны. На салтовских памятниках зачастую встречаются только железные заколки для одежды с шилообразной рабочей частью, плоской пластинчатой рукояткой заканчивающейся волютообразным навершием (Сухогомольшанский могильник, поселение Мохнач и др.) [Аксёнов, Михеев, 2006, с. 128, рис. 25: 20, 21]. Подобные железные булавки представлены и в некоторых новинковских захоронениях с территории Среднего

Поволжья [Матвеева, 1997, с. 70, рис. 120: 5, 6]. В то же время подобные ножи с волютообразным навершием известны на славянских памятниках VI–IX вв. Польши, Пруто-Днестровское междуречья, Правобережья и Левобережье Днепра (Новотроицком, Шуклинка) [Минасян, 1978, с. 150, рис. 1], в славяно-аварских и раннеболгарских погребениях Подунавья, в памятниках XI–XII вв. Южной Сибири (Красноярск, Минусинская котловина) [Мысько, Пивоваров, 2010, с. 311–312, рис. 3]. Редкость находок подобных ножей позволила исследователям приписывать им ритуальное назначение [Минасян, 1978, с. 152; Винников, 1995, с. 65; Мысько, Пивоваров, 2010, с. 314–315]. Присутствие такого ножа с волютообразным навершием в комплекте с цепочкой-поясом, к которому был подвешен целый ряд предметов, указывает на нерядовой характер данного набора. По-видимому, в данном случае мы имеем дело с ритуальным поясом, специально выполненным в виде цепи.

Ножны описанного ножа крепились к цепочке (рис. 3: 3). Они, вероятнее всего, были из органического не сохранившегося материала на железной основе. Основа представляла собою узкую железную пластину с обоймой для ножа и петель для крепления к свисающему концу цепочки. К ножнам ножа с волютообразным навершием относится и бронзовая пластинчатая оковка (рис. 7: 2).

К предметам хозяйственно-бытового назначения в данном комплексе принадлежат две вилки и пинцет (все – из железа). Пинцет состоит из двух пластин трапециевидной в плане формы (рис. 5: 12). Пинцеты этого типа хорошо представлены в памятниках салтовского времени Подонья. Подобные пинцеты найдены как в каменно-железных захоронениях (№ 1 Рубежанского могильника, № 81, 95 Дмитриевского некрополя) [Аксёнов, 2001, рис. 4: 16; Плетнёва, 1981, рис. 37: 146; Плетнёва, 1989, с. 106, рис. 55], так и ямных ингумационных погребениях (№ 3, 8 Волоконовского могильника, № 264/к-24, 288/к-30 могильника Красная Горка) [Плетнёва, Николаенко, 1976, рис. 8; Аксёнов, 1999, с. 97, рис. 42: 12, 13] и в кремационных захоронениях (№ 101, 254 могильника Красная Горка, № 11, 143, 151, 167, 233, 252, 297, 312, комплекс XVII Сухомольшанского могильника, могильник у с. Кицевка) [Аксёнов, Михеев, 2006, рис. 9: 31; 33: 31; 37: 5; 38: 22; 53: 21; 65: 11; 77: 9,

28; 84: 12, 15; Лаптев, Аксьонов, 2012, рис. 7: 1]. Встречены подобные железные пинцеты в погребениях хазарского культурно-исторического периода на территории Крыма (могила № 6 некрополя Судак VI) [Майко, 2007, с. 164, рис. 107: 14], в кремационных памятниках Северо-Западного Предкавказья [Дмитриев, 2003, рис. 87: 24–26]. При этом если в захоронениях аланского населения салтово-маяцкой культуры пинцеты зачастую находят в захоронениях женщин или девочек-подростков, то в салтовских кремациях (Сухая Гомольша, Красная Горка) они встречаются вместе с предметами вооружения и конского снаряжения, что говорит о принадлежности данных предметов мужчинам. Такая же ситуация характерна для могильника Дюрсо [Дмитриев, 2003, с. 203]. По этнографическим данным, пинцеты были необходимым атрибутом мужчин тюркоязычных народов и служили им для удаления волос на лице [Путешествия в восточные страны Плано Карпини..., 1957, с. 42].

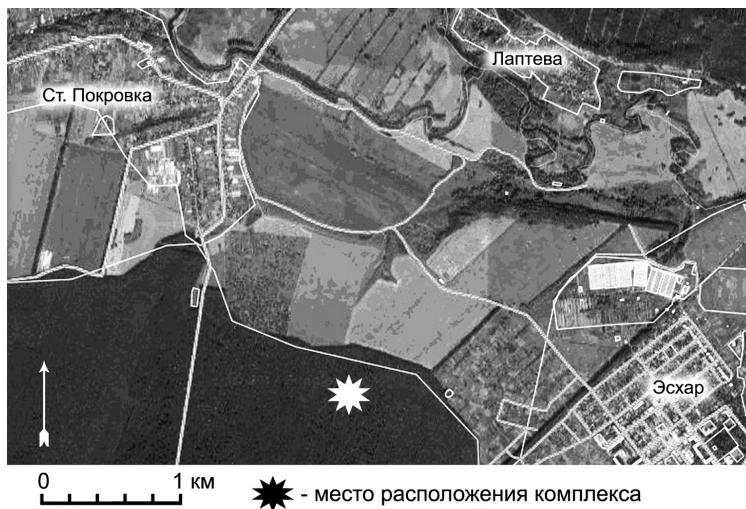
Обе вилки имеют длинную витую ручку и кольцо для подвешивания (рис. 4: 6, 7). Различаются они только рабочей частью, которая у одной вилки состоит из двух изогнутых крючком зубьев, а у второй – из одного такого же крючка. Первоначально обе вилки были согнуты пополам и находились вместе со всеми остальными железными предметами. Подобные по размеру и оформлению вилки обнаружены и на других кремационных могильниках Подонцовья (погр. № 252, 269 Сухогомольшанского некрополя, № 19, 101, 150/к-13, 254 могильника Красная Горка, комплекс у с. Пятницкое) [Аксёнов, Михеев, 2006, рис. 66: 1, 2; Аксьонов, 1999, с. 99, рис. 39: 2; Шрамко, 1983, рис. 11: 19]. Известны они и в материалах кремационных комплексов могильника на р. Дюрсо [Дмитриев, 2003, рис. 92: 11]. Показательно, что вилки для доставания мяса из котла у осетин начала–середины XX в. имели такое же оформление, что и обнаруженные на салтовских памятниках [Калоев, 1971, с. 167, рис. б, в].

Нельзя оставить без внимания кружку, развал которой был обнаружен в данном комплексе (рис. 4: 2, 5). Она имеет шаровидное тулово, цилиндрическое желобчатое горло (орнаментированное широким поясом желобков) и сильно отогнутый наружу округлый венчик. Поверхность сосуда покрыта сплошным лощением. Данный сосуд типологически можно было бы считать салтовским, однако

орнаментация в виде широкого пояса желобков по горлу не свойственна древностям из этой культуры. Подобная орнаментация кувшинов и кружек характерна для древностей Северного Кавказа V – начала VIII вв. [Дмитриев, 2003, рис. 84: 1, 3; 86: 32; 87: 6, 9; Ковалевская, 1981, рис. 63: 18, 24, 26, 30, 43, 53, 59]. При этом орнаментация горла сосудов широким поясом желобков больше характерна для северокавказских комплексов VII – начала VIII в. [Малышев, 2001, с. 32–33, рис. 65: 3–5, 7, 10, 12, 13, 16, 17].

В комплекс входит небольшая бронзовая пряжка. Это литое односоставное изделие с рамкой округлой формы и рамчатым прямоугольным щитком (рис. 5: 13). Зачастую подобные пряжки входят в состав конского оголовья и в погребениях располагаются рядом с удилами [Аксёнов, 2011, с. 253, рис. 5: 7, 8]. Подобные пряжки в салтовских древностях бассейна Северского Донца встречены как в кремационных захоронениях (погр. № 252 могильника Сухая Гомольша, Пятницкое) [Аксёнов, Михеев, 2006, рис. 64: 1, 2; Шрамко, 1983, рис. II: 1], так и в ингумационных грунтовых захоронениях (погр. № 508 Нетайловский могильник) [Аксёнов, 2011, с. 256, рис. 5: 8]. Известны находки таких пряжек и в кремационных комплексах второй половины VIII – начала IX в. Северо-Западного Кавказа [Тарабанов, 1992, рис. 3: 2]. В целом подобного типа пряжки с рамчатым щитком прямоугольной формы, который меньше по размеру овальной рамки, характерны для комплексов второй четверти VIII – рубежа VIII и IX вв. [Гавритухин, 2005, рис. 1: 1, 121, 121а, 138, 155; Комар, 1999, рис. 4: 9, 10].

В виду отсутствия каких-либо костных остатков рассмотренный комплекс относится к категории не погребальных, а поминальных. Данный поминальный комплекс, судя по присутствию в нем таких предметов, как керамическая кружка с желобчатым горлом (рис. 4: 5) и наконечники поясных ремней коробчатого типа (рис. 5: 15, 16), следует датировать временем формирования салтово-маяцкой культуры в бассейне Северского Донца, т.е. серединой – концом VIII в. Наличие трех различных фибул, трех групп браслетов разного диаметра и оформления, а также одного целого пояса-цепочки и двух наконечников от других поясов, позволяет предположить, что данный поминальный комплекс, связан с погребением троих индивидуумов.

☀ - место расположения комплекса

Рис. 1.

Место обнаружения комплекса: $49^{\circ}47'55,4''N / 36^{\circ}33'40,7''E$
(Wikimapia.org).

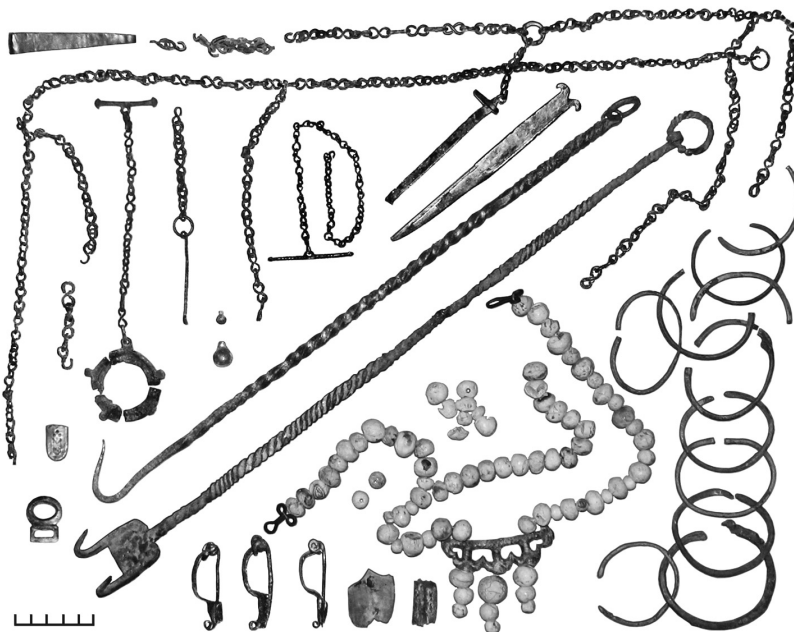

Рис. 2.

Инвентарь комплекса (фото).

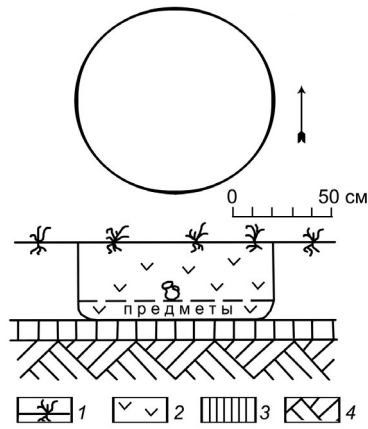

Рис. 3.

План и профиль комплекса:

1 – дневная поверхность, 2 – чернозем, 3 – предматерик, 4 – материковая супесь.

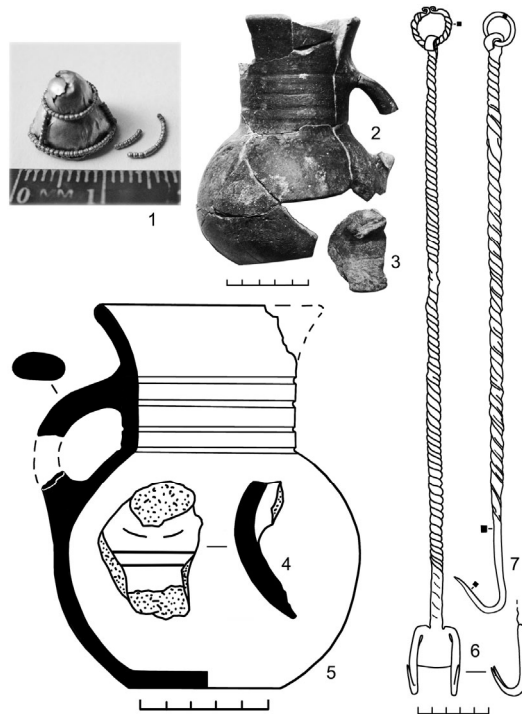

Рис. 4.

Находки из комплекса (1 – золото; 2–3 – глина, 6, 7 – железо).

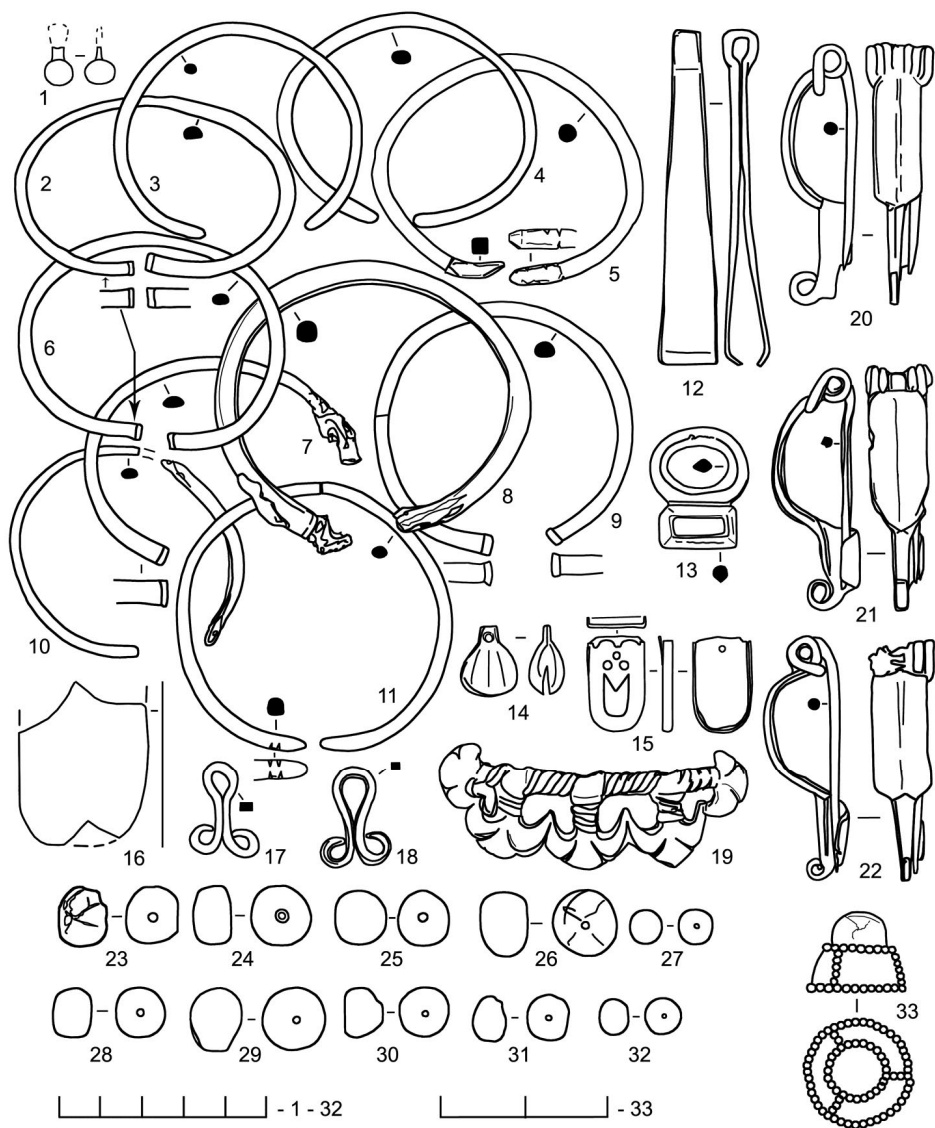

Рис. 5.

Украшения и элементы одежды:
 1–11, 13, 14, 19 – бронза; 12, 17–18, 20–22 – железо; 15–16 – серебро;
 23–32 – сердолик; 33 – золото.

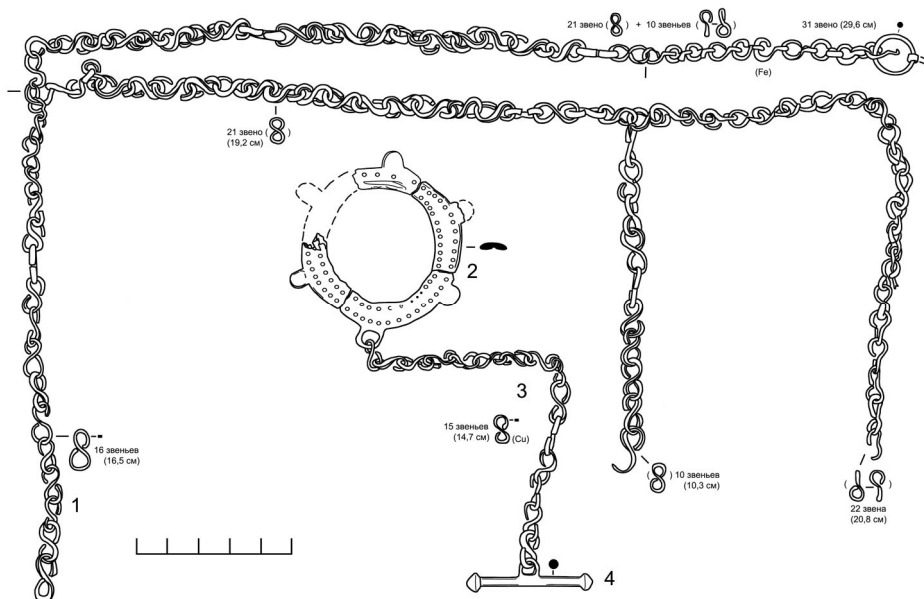

Рис. 6.

Части поясного набора:

1 – железо; 2 – оловянистый сплав; 3, 4 – бронза.

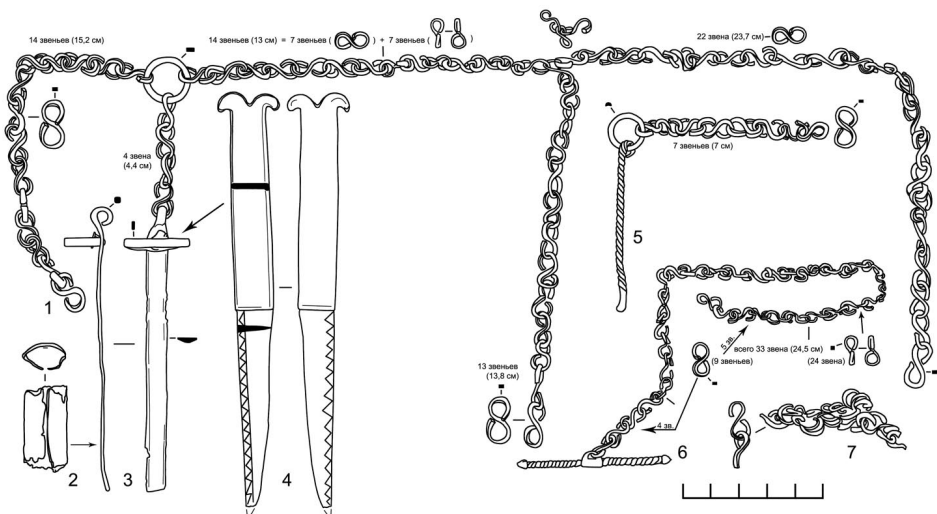

Рис. 7.

Части поясного набора (продолжение):

1, 3–7 – железо; 2 – бронза.

Литература

- Аксёнов В. С. Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце // *Донская археология*. 2001. № 1–2.
- Аксёнов В. С. Погребения с западной ориентировкой Нетайловского грунтового могильника салтовской культуры (по материалам 2010 г.) // *Старожитності* 2011. Вип. 10. Харків: Харківське історико-археологічне товариство, 2011. С. 248–260.
- Аксёнов В. С. Наборы металлических украшений с ранних памятников салтово-маяцкой культуры Харьковщины (этнический аспект) // *Восточно-европейские древности: сборник научных трудов*. Воронеж, 2012.
- Аксёнов В. С., Бабенко Л. И. Погребение VII в. у с. Мохнач // *РА*. 1998. № 3.
- Аксёнов В. С., Михеев В. К. Погребения с крымской посудой могильника салтовской культуры Красная Горка // *Vita antiqua*. 2003. № 5–6.
- Аксёнов В. С., Михеев В. К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухогомольшанский могильник VIII–X вв. // *Хазарский альманах*. Т. 5. Киев–Харьков, 2006.
- Аксёнов В. С. Поховання з конем другої половини VIII–IX ст. верхньої течії р. Сіверський Донець (за матеріалами салтівських ґрунтових могильників). Дис. ... канд. іст. наук. Харків, 1999.
- Аксёнов В. С. Золоті сережки з кремаційних поховань салтівської культури басейну Сіверського Дінця // *Тринадцяті Сумцовські читання*. Збірник матеріалів наукової конференції “Сучасний музейний заклад: проблеми вивчення, збереження та популяризації національної історико-культурної спадщини”. Харків, 2007.
- Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998.
- Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э. Средневековые комплексы могильника Просвет I // *Вопросы археологии Поволжья*. Вып. 4. Самара, 2006.
- Винников А. З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI века). Воронеж, 1995.
- Гавритухин И. О. Хронология эпохи становления Хазарского каганата (элементы ременной гарнитуры) // *Хазары, евреи и славяне*. Т. 16. Москва–Иерусалим, 2005.
- Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М. 1996.
- Гавритухин И. О., Пьянков А. В. Древности и памятники VIII–IX вв. // *Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII вв.* М., 2003.
- Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.

- Голдина Р. Д., Водолаго Н. В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990.
- Дегтярь А. К. Комплекс из погребения воина у с. Кочеток на Северском Донце // СА. 1984. № 2.
- Деопик В. Б. Классификация и хронология аланских украшений VI–IX вв. // МИА. 1963. № 114.
- Дмитриев А. В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII вв. М., 2003.
- Жиронкина О. Ю. Лингвистическое обеспечение систематизации ранне-средневековых бус Юго-Восточной Европы // Приложение 1 в книге: Ковалевская В. Б. Хронология Восточно-Европейских древностей V–IX веков. Вып. 1. Каменные бусы Кавказа и Крыма. М., 1998.
- Калоев Б. А. Осетины. М., 1971.
- Каминский В. Н. Алано-болгарский могильник близ станицы Старокорсунской на Кубани // СА. 1987. № 4.
- Кантемиров Э. С., Дзаттиаты З. Г. Тарский катакомбный могильник VIII–IX вв. // Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995.
- Ковалевская В. Б. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- Ковалевская В. Б. Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995.
- Ковалевская В. Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М., 2000.
- Колода В. В. Салтовская археологическая культура на Харьковщине: очередной юбилей (итоги и перспективы исследований) // Салтово-маяцька археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині: збірник наукових праць, присвячений проблемам та перспективам салтовознавства, за матеріалами Міжнародної наукової конференції “П’ятнадцяті слобожанські читання”. Харків, 2011.
- Колода В. В. Тюркская руническая надпись из лесостепной Хазарии // Поволжская Археология. 2014. № 3.
- Комар А. В. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita antiqua. 1999. № 2.
- Комар А. В. Горизонт Столбище-Старокорсунская и некоторые вопросы возникновения салтовской культуры // Finno-Ugrica. 2000. № 1.
- Комар А. В. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – нач. VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Хазарское время. Донецк, 2006.
- Комар А. В., Кубышев А. И., Орлов Р. С. Погребения кочевников VI–VII вв. из Северо-Западного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Хазарское время. Донецк, 2006.

- Комар А. В., Орлов Р. С. Погребение кочевника 2-й пол. VII в. у села Черноморское // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Хазарское время. Донецк, 2006.
- Корзухина Г. Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье // МАИЭТ. Т. V. Симферополь, 1996.
- Кухаренко Ю. В. О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИИМК. Т. XLI. 1951.
- Лаптєв О. О., Аксєонов В. С. Салтово-маяцький кремаційний могильник біля с. Кицівка на Харківщині // Археологія. 2012. № 4.
- Макаревич М. П. Поховання сарматського та салтівського типів на Сіверському Дінці // Археологія. Т. 10. 1957.
- Майко В. В. Средневековые некрополи Судакской долины. Киев, 2007.
- Матвеева Г. И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997.
- Мерперт Н. Я. О генезисе салтовской культуры // КСИИМК. Вып. 36. 1951.
- Минасян Р. С. Железные ножи с волютообразным навершием // Проблемы археологии. II. Сб. статей в память проф. М.И. Артамонова. Л., 1978.
- Мысько Ю. В., Пивоваров С. В. Находки ножей с волютообразными навершиями в Верхнем Попрутье и Среднем Полнестровье // Stratum plus. 2010. № 5.
- Орлов Р. С., Рассамкин Ю. Я. Новые памятники VI–VII веков из Приазовья // Материалы I тыс. н.э по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев, 1996.
- Пархоменко О. В. Поховальний інвентар Нетайлівського могильника VIII–IX ст. // Археологія. 1983. № 43.
- Плетнёва С. А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- Плетнёва С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
- Плетнёва С. А., Николаенко А. Г. Волоконовский древнеболгарский могильник // СА. 1976. № 3.
- Приходнюк О. М. Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н. е.). Чернівці, 2001.
- Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрика. М., 1957.
- Савченко Е. И. Крымский могильник // АОН. Вып. 1. М., 1986.
- Саханев В. В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. // ИАК. Вып. 56. 1914.
- Семенов В. А. Варнинский могильник. Ижевск, 1980.
- Тарабанов В. А. Раскопки средневекового кремационного могильника у с. Молдовановское Крымского района в 1989 г. // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 годах. Ейск, 1992.

- Тарабанов В. А.* Исследование раннесредневековых памятников в Адыгее в 1986 году // Древности Кубани. Вып. 14. Краснодар, 1999.
- Тесленко Г. І.* Розкопки Верхньо-Салтівського могильника 1920 року // Наукові записки / Наукові дослідження кафедри історії української культури. 1927. № 6.
- Хайнрих А.* Раннесредневековые катакомбные могильники из селений Чми и Кобан // Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995.
- Халикова Е. А.* Больше-Тиганский могильник // СА. 1976. № 2.
- Хоружая М. В.* Бусы из захоронений Верхне-Салтовского могильника (раскопки 1984 г.) // Хазарский альманах. Т. 6. Киев–Харьков, 2007.
- Хоружая М. В.* Катакомбные захоронения главного Верхне-Салтовского могильника (раскопки 2004 года) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7. Хазарское время. Донецк, 2009.
- Шрамко Б. А.* Погребения VIII–X вв. у с. Пятницкое в Харьковской области // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983.

Список сокращений

- АОН – Археологические открытия на новостройках
ИАК – Известия Археологической Комиссии
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
МАИЭТ – Материалы по археологии истории и этнографии Таврии
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
СА – Советская археология

В. С. Аксёнов, В. В. Колода

Богатый вещевой комплекс близ Старой Покровки на Харьковщине

Резюме

В статье анализируется богатый вещевой комплекс, выявленный на кремационном могильнике близ с. Старая Покровка Чугуевского района Харьковской области. В виду отсутствия каких-либо костных остатков рассмотренный комплекс не относится к категории погребальных памятников, а связан с поминальной обрядностью населения салтовской культуры лесостепного населения Хазарского каганата. Судя по присутствию в комплексе таких предметов, как керамическая кружка с желобчатым горлом и наконечники поясных ремней коробчатого типа, его следует датировать временем формирования салтово-маяцкой культуры в бассейне Север-

ского Донца – серединой – концом VIII в. Наличие трех различных фибул, трех групп браслетов разного диаметра и оформления, а также одного целого пояса-цепочки и двух наконечников от иных поясов, позволяет предположить, что данный поминальный комплекс связан с погребением троих индивидуумов.

Ключевые слова: салтовская (салтово-маяцкая) культура, Харьковская область, поминальный комплекс, украшения, детали одежды, предметы хозяйственного назначения.

V. S. Aksyonov, V. V. Koloda

**Plentiful Material Complex
in the Vicinity of Old Pokrovka Village in Kharkiv Region**

Summary

The article is dedicated to the analysis of the plentiful material complex that was discovered at the cremation burial ground in the vicinity of Old Pokrovka village in Chuhuiv district of Kharkiv region. On account of the absence of any bone remains this complex doesn't belong to burial sites. But it is connected with burial ritualism of Saltov people of the forest-steppe zone in the Khazar kaganate. Judging by the following things – a pottery mug with a grooved throat and the tip of a waist belt of a box type – this complex is dated from Saltov-Mayatsk culture foundation in Seversky Donets river-basin: the middle and the end of 8th century AD. There are three different fibulas, three groups of bracelets with different diameters and designs, an unharmed chain-belt and two tips of other belts in the complex. These artifacts let us consider this burial complex to be connected with three individuals' burial.

Keywords: Saltov (Saltov-Mayatsk) culture, Kharkiv oblast, burial complex, bijoux, garment, household items.

К. В. Бондарь

НАРРАТИВ ЧУДЕСНОГО ИСЦЕЛЕНИЯ В АГАДЕ И АГИОГРАФИИ

*Благословенной памяти моего деда
Михаила Сергеевича Бондаря (1922–1997),
друга, собеседника, первооткрывателя чудесного*

Как рассказывается о необычайном в текстах «устойчивого содержания» (согласно формуле Л. П. Жуковской) в рамках традиционной культуры?

Один из возможных ответов находим в наследии выдающегося фольклориста XX в. профессора Дова Ноя (1920–2013), изучавшего устное народное творчество народов Востока и различных еврейских общин. Среди его трудов есть работа «Талмудические и мидрашистские истории об исцелениях как повествовательный жанр» [Noy, 1988], в которой он обратил внимание на «истории об исцелении» и выделил их в особый жанр еврейской и христианской книжности первых веков нашей эры [*ibid.*, р. 126]. Согласно его концепции, происхождение этих историй устное, а затем они проникают в письменную традицию [*ibid.*, р. 126]. Истории об исцелении, как часть более широкой группы историй о чудесах, подобно другим типам нарратива, проходят стадии развития и трансформации. Будучи зафиксированными в памятниках III–VI вв., они отражают этапы своей дописьменной истории [*ibid.*, с. 127]. «Чисто еврейские» истории об исцелении (по определению самого ученого), связанные с представлениями фарисейского мейнстрима послехрамового периода, соседствуют с «сектантскими», т. е. в данном контексте христианскими.

Истории об исцелениях в Талмуде и мидрашах создавались и передавались параллельно с новозаветными (евангельскими) историями. Собственно евангельские чудеса – генерализация более частных описаний чудесного выздоровления – раньше талмудических и мидрашистских историй фиксируются в книжности. В соответствии с этим отмечаются черты полемичности в агадических историях, обращенных к текстам конкурирующей традиции. Таким образом, истории об исцелениях в Новом завете и аморайской литературе, хотя и сохраняют отдаленность друг от друга и развиваются самостоятельно, имеют общий напряженно-полемический контекст. В то же время более поздние произведения житийной литературы ориентируются на подражание, заимствование из новозаветных историй их особенностей и формируют на этой основе собственную поэтику.

Представляется небезынтересным рассмотреть формальный аспект историй об исцелениях агадического и агиографического происхождения для того, чтобы наметить пути их типологического изучения. Истории об исцелениях (далее – *чудесные истории*) известны многим литературам древности [Noy, 1988, с. 126] и классифицируются хронологически и по содержанию:

1 тип. Выздоровление происходит с помощью волшебного предмета при участии целителя – мага, врача, знахаря.

2 тип. Исцеление происходит только волшебной, магической властью целителя.

3 тип. Исцеление происходит по молитве, обращенной целителем к Богу. Первый тип историй – наиболее архаичный, свойственный дописьменным обществам, однако рефлексы данного типа имеются в Библии, например – исцеление царя Езекии пророком Исайей (4 Цар 20:7). Истории третьего типа названы Д. Ноем «специфически еврейскими» [*ibid.*, с. 141]; однако преимущественное внимание в своей работе исследователь уделяет историям второго типа. Оказывается, что именно они представляют область пересечения еврейской и христианской письменности: и в одной, и в другой традиции действуют мудрецы, целители, святые, врачующие при помощи своей магической власти. В исследовании историй второго типа релевантен структурный подход. Он позволяет выявить персонажей-участников «чудесной» ситуации, последовательность ее элементов, создающих законченность и автономность нарратива. Обычно эта последовательность такова:

А) Призыв, обращение пациента к целителю (но не к Богу!). Пациент выражает полную веру в целителя;

Б) Акт исцеления, состоящий из действия и речения. Действие осуществляет целитель телесно, речение сопровождает действие в виде формулы;

В) Успешный, обычно немедленный, результат.

Представителям фарисейского иудаизма выражение веры в целителя, нетождественное строгой монотеистической декларации, казалось равнозначным идолопоклонству. Возможно, такая установка повлияла на полемическую трактовку «чудесной» ситуации с участием целителя-чудотворца в текстах Агады. Вот как она реализуется в книжности:

Трагический конфликт, противоречие. «Р. Эльзар бен Дама, племянник р. Ишмаэля, был ужален змеей. Яков из Кфар Сама пришел исцелить его именем Иегошуа бен Пандира (*Иисус, сын Пантеры* – презрительное наименование Иисуса в ряде талмудических пассажей. – К. Б.), но р. Ишмаэль не позволил, сказав, что это запрещено. Р. Эльзар сказал: пусть сделает это, и я приведу свидетельство Торы, что это разрешено. Но он не успел произнести свои слова, ибо умер. Р. Ишмаэль воскликнул: счастлив ты, Бен Дама, что умер в чистоте, и душа твоя отошла без нарушения ограды мудрецов, ибо сказано: тех, кто нарушает ограду вокруг закона, жалит змея» (*Вавилонский Талмуд* (далее – *ВТ*), *Авода Зара* 27б; *мидраш Когелет Раба* 1:8).

Сказочно-демонологическое повествование с ироническим оттенком. «Р. Шимон бар Йохай путешествовал на корабле с миссией в Рим, чтобы способствовать отмене антиеврейских законов. Взглянув на мачту, он увидел сидящую там чертовку. Спросил ее: что ты здесь делаешь? Сказала ему: я пришла показать тебе чудо. Немедленно сказал рабби: О, Всевышний, для Агарь-египтянки ты послал пять ангелов, а для меня чертовку?! Сказала она: ты знаешь, что чудо будет сделано для тебя. Что еще ты хочешь? Сказал он: что за чудо ты покажешь мне? Она сказала: я войду в желудок дочери императора, она будет кричать и просить: приведите мне р. Шимона бар Йохая! Приведите мне р. Шимона бар Йохая! Ты придешь, пошепчешь ей в ухо, и я оставлю ее. Сказал он: какой знак будет, что ты действительно оставишь ее? Сказала она: в этот миг разобьется все стекло в императорском дворце. Сказал он: иди

и сделай, как ты говоришь. Она пошла и вошла в тело императорской дочери. Та принялась кричать: приведите мне р. Шимона бар Йохая! Приведите мне р. Шимона бар Йохая! Послали за ним в Страну Израиля. Сказали: он рядом с вами, на корабле. Пошли и нашли его, и привели к императору. Сказал император: ты рабби Шимон бар Йохай? Ответил: да. И ты можешь вылечить мою дочь? Ответил: да. Что ты сделаешь для нее? Сказал: я пошепчу ей в ухо, и она выздоровеет. И добавил: в этот миг все стекло в твоём дворце будет разбито. Затем р. Шимон бар Йохай пошептал ей в ухо, и она выздоровела, ибо чертовка покинула ее тело и разбила все стекло. Сказал император р. Шимону: какую награду ты хочешь? Сказал ему: я не прошу для себя награды. Я прошу тебя отменить законы против евреев. Немедленно император приказал отменить эти законы и издать новые. И послал их в Страну Израиля, чтобы отменить прежние законы» (ВТ, Мегила 17б) [Еллинек, 1877, с. 128–130].

Риторически незавершенная, редуцированная чудесная ситуация. «Р. Ишмаэль и р. Акива прогуливались вне Иерусалима, и с ними был еще один человек. По пути им встретился больной, который подошел и сказал: мои ученые мудрецы, скажите, как могу я вылечиться? Сказали ему: делай так и так, пока не станешь здоров. Бывший с ними человек сказал: Бог поразил его, а вы исцеляете? Почему вы беретесь не за свое дело?» (Мидраш Шмуэль, 4).

Таким образом, тип чудесной ситуации, занимающий промежуточное положение между древним, фольклорным, и строго монотеистическим, в еврейских текстах эволюционирует. Эта эволюция могла быть вызвана идеологическими причинами, а также литературной полемикой с раннехристианскими сочинениями.

Житийный жанр, кристаллизующийся на христианском Востоке из различных источников, затем проникающий на Русь, в Европу, инкорпорирует чудесную ситуацию исцеления, превращая ее в стереотип, «трафарет ситуации и ее словесного выражения» (согласно Д. С. Лихачеву).

Обязательность житийных формул в описании жизни и деяний святого составляет часть агиографического канона [Лихачев, 1967, с. 80–81], а этот последний определяет роль и специфику произведений в средневековой литературе. Известно, что жития прототипически ориентированы на евангельский прообраз; они обнаруживают связь и зависимость от жизнеописания Иисуса. Все истории

происходят более разнообразно: не только святой, но и его тело (мощи) исцеляет людей. Таковы, скажем, посмертные чудеса Алексея, человека Божия из знаменитого византийского агиографического памятника: «Страждавшие неисцелимыми недугами, взглянув на святого, разрешились от всех скорбей своих – немые заговорили, слепцы прозрели, одержимые демоном стали здоровы, прокаженные очистились, и всякая иная болезнь отошла от них» [Византийские легенды, 1972, с. 161]. А вот примеры различных описаний собственно акта исцеления:

а) *и абие утвърдиста сѧ емоу нозѣ бл(а)г(о)датию божиею и м(о)л(у)твами с(вя)тою* (Сказание чудес Романа и Давыда, Успенский сборник (далее – УС), 20 а);

б) *мужь нѣкто бѣ слѣпъ и пришѣдъ пада" у гробу с(вя)тою и цѣловааше любьзно и очи прикладаѣ ицѣлениѣ просѣше. и абие прозьрѣ* (Сказание чудес Романа и Давыда, УС, 19 г);

в) *ѡко пришѣдъша с(вя)там м(у)ч(е)н(у)ка къ нему. прекръстиста ему очи тришьды и абие отвьрзоста сѧ очи его* (Сказание чудес Романа и Давыда, УС, 22 б-в). Все три отрывка – из памятника XII в. В более поздних текстах встречаем: *с(вя)тыи же вземъ с(вя)щ(е)нную воду и м(о)л(у)тву сътвор покропи болѣщаго а абие в тои часъ разумѣ болныи ѡко облегчис болѣзнь его* (Житие Сергия, XV в.) [Житие Сергия, 1885, с. 136].

[Епископ Серапион] *воздохнув из глубины сердца и возрев на образ Спасов, ... и начат молити со слезами Бога и рече хромому: «Во имя господя нашего Иисуса Христа востани на ногу свою». И востав человек той в том часе здрав...* (Житие Серапиона, XVI в., л. 16–16об.) [Житие Серапиона, 1965].

Таким образом, в житиях представлены все виды чудесного воздействия: и *волшебный предмет* (священная вода), и *действие целителя* («прекръстиста ему очи», «покропи болѣщаго»), и *молитва святого* («начат молити со слезами Бога»).

Житие развивает свою поэтику в сторону синкретизма типов чудесной помощи и их выразительных средств. Будучи наследниками особого типа историй об исцелениях, житийные рассказы лишь отчасти повторяют их структуру (призыв больного, акт исцеления, успешный результат – эта триада остается неизменной), обогащаясь и сказочным, и строго монотеистическим (молитва) способами разрешения кризисной ситуации – страдания, недуга, болезни.

Такая открытость, можно сказать, кумулятивность жанра коррелирует с некоторыми установками древней «литературы мудрости», например советами второканонического, согласно христианской догматике, Иисуса, сына Сирахова, по поводу обращения к целителю. Этому обращению должна предшествовать молитва и «очищение сердца»: мудрый человек не получит отказа от врачавателя, идеалом которого является богобоязненность [Noy, 1988, p. 142].

Источники и литература

- Берман Б. И.* Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия) // Художественный язык средневековья. М., 1982.
- Византийские легенды / Изд. подгот. С. В. Полякова. Л., 1972.
- Еллинек А.* Бейт-ха-мидраш. Вып. 6. Вена, 1877 (на иврит).
- Житие Серапиона / Изд. Г. Н. Моисеева // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 21. М.–Л., 1965.
- Житие Сергия // Памятники древней письменности и искусства. Вып. 58. СПб., 1885.
- Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967.
- Успенский сборник / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971.
- Noy D.* The Talmudic-Midrashic "Healing Stories" as a Narrative Genre // Proceedings of the Third International Symposium on Medicine in Bible and Talmud (Jerusalem, 1987). Koroth. Vol. 9. Jerusalem, 1988.

К. В. Бондар

Наратив чудесного зцілення в Агаді й агіографії

Резюме

Зцілення хворих і страждущих – важливий структурний і змістовний елемент житійної поетики. Його походження пов'язане з еволюцією стародавніх міфологічних уявлень і розвитком оповідних жанрів у літературах Сходу та візантійській писемності, з урахуванням величезного впливу євангельської традиції. У статті обговорюється типологія «чудесних історій» про зцілення в єврейській літературі початку нової ери, «літературі мудреців», а також в середньовічній давньоруській агіографії.

Ключові слова: житіє, чудо, святий, мудреці, мідраш.

К. В. Бондарь

Нарратив чудесного исцеления в Агаде и агиографии

Резюме

Исцеление больных и страждущих – важный структурный и содержательный элемент житийной поэтики. Его происхождение связано с эволюцией древних мифологических представлений и развитием повествовательных жанров в литературах Востока и византийской письменности, с учетом громадного влияния евангельской традиции. В статье обсуждается типология «чудесных историй» об исцелении в еврейской литературе начала новой эры, «литературе мудрецов», и средневековой древнерусской агиографии.

Ключевые слова: житие, чудо, святой, мудрецы, мидраш.

K. Bondar

The narrative of miraculous healing in Haggada and Hagiography

Summary

Healing sick patients and suffering persons is an important structural element of Hagiography poetics. Its origin is related to the evolution of ancient mythological mind and development of narrative genres in literatures of the East and Byzantine writing, taking into account enormous influence of Evangelic tradition. In the article typology of “wonderful stories” comes into a question about healing in Jewish literature of the beginning of new era, “literature of sages”, and medieval Rus’ian Hagiography.

Keywords: Life, Miracle, Saint, Sages, Midrash.

О. Б. Бубенок

СВЕДЕНИЯ «ХУДУД АЛ-‘АЛАМ» О БОЛГАРАХ И СТЕПЕНЬ ИХ ДОСТОВЕРНОСТИ

В хазарский период различные группы болгар Восточной и Юго-Восточной Европы были описаны в сочинениях мусульманских географов. Однако вхождение болгар в состав различных государственных образований раннего средневековья, а также их рассеянность на территории Европы породили довольно противоречивую и запутанную информацию о них в письменных источниках. Именно это и заставляет с особой осторожностью относиться к подобным сведениям и даже ставить под сомнение их достоверность. В особенно степени сказанное можно отнести к тексту «Худуд ал-‘Алам», ставящему перед исследователями массу вопросов.

Написанный на фарси трактат «Худуд ал-‘Алам» относится к числу наиболее спорных средневековых географических сочинений. Он был составлен в конце X в. неизвестным автором, проживавшим на территории Афганистана. Единственная рукопись этого сочинения была приобретена востоковедом А. Г. Туманским в Бухаре в 1893 г. Считается, что «Худуд ал-‘Алам» был написан в 372 г. х. (982/983 гг.) и был посвящен эмиру Гузгана (территория Северного Афганистана) Абул-Харису Мухаммаду бин Ахмаду ал-Фаригуни. С оригинального манускрипта в 1258 г. была снята копия, которую и обнаружил в Бухаре российский ориенталист А. Г. Туманский. Спустя некоторое время А. Г. Туманский начал публиковать отдельные фрагменты трактата с переводом на русский язык и сопровождал их своими комментариями [*Туманский, 1914*, с. 94–96]. После смерти А. Г. Туманского в 1920 г. в Константинополе его жена передала манускрипт ориенталисту В. Ф. Ми-

норскому в Париж. Последний же с ее согласия передал рукопись в Академию наук СССР, в Ленинград. Там в 1930 г. вышло факсимильное издание на языке оригинала под редакцией и с предисловием В. В. Бартольда, который включил в него переведенный им на русский язык фрагмент, посвященный народам Восточной Европы [Худуд ал-‘Алем, 1930]. Перевод текста «Худуд ал-‘Алам» на английский язык завершил в 1937 г. В. Ф. Минорский, опубликовавший его в Лондоне со своими комментариями [Hudud al-‘Alam..., 1937]. Как отметили первые исследователи этого сочинения – А. Г. Туманский и В. В. Бартольд, неизвестный автор трактата сообщает о заимствовании им известий из книг, но не называет ни одного из своих мусульманских источников [Туманский, 1914, с. 94–96; Худуд ал-‘Алем, 1930, с. 3–32]. Однако В. В. Бартольд, а затем и А. П. Новосельцев даже назвали предшественников автора «Худуд ал-‘Алам», чьи сочинения он мог использовать – Ибн Хордадбех, ал-Балхи, ал-Истахри, Ибн Хаукаль, Джейхани, Ибн Русте и др. [Худуд ал-‘Алем, 1930, с. 3–32; Новосельцев, 1990, с. 17–21]. Исследователи склонны были рассматривать те части сочинения «Худуд ал-‘Алам», где описываются народы Восточной Европы и Прикаспия, как одну из версий так называемой Анонимной записки¹. На основании этого был сделан вывод, что автор «Худуд ал-‘Алам» не совершал каких-либо путешествий и поэтому ничего нового не внес в развитие средневековой географии. Однако в последнее время этот пессимизм был подвергнут сомнению Д. Е. Мишиным в специальной статье, где он отметил, что «автор, в отличие от многих современников, отнюдь не ограничился простым пересказом сведений источников, но пытался осмыслить их, установить между разными данными взаимосвязь, свести их в систему» [Мишин, 2000, с. 62–63]. Факт использования автором трактата этнопонимов для обозначения различных групп болгар (булгар) позволяет согласиться с этим мнением.

Особого внимания заслуживает список народов Восточной Европы, приведенный в «Худуд ал-‘Алам», где продолжают фигурировать хорошо известные этнонимы – *Сарир*, *Алан*, *Хазар*, *Саклаб*,

¹ Напомним, что блок сведений неизвестного мусульманского географа последней четверти IX в. о народах Восточной Европы исследователи назвали «Анонимной запиской». Общепринято мнение, что именно информацию, содержащуюся в ней, использовали многие мусульманские географы X в. [Заходер, 1962; Заходер, 1967].

Рус, Маджар, Б-ртас, Кифчак, Гуз. Однако этнические наименования – *Хазарские Печенеги, Мирват, В-н-н-д-р, Тюркские Печенеги, Внутренние Булгары, Барадзас* – в данном сочинении, как представляется, появились впервые. Именно эта особенность и позволяет говорить о том, что автор «Худуд ал-‘Алам» не только занимался компиляцией произведений своих предшественников, но и внес в текст своего сочинения более свежие представления о народах юга Восточной Европы.

Этот трактат отличается стройной структурой: в первых шести главах даются общие сведения по физической географии (главы о горах, реках, озерах, странах света); затем следует описание всех известных автору 52 областей ойкумены в направлении с востока на запад, правда с некоторой непоследовательностью. Порядок начинается с Китая и Индии и заканчивается странами Африки. Немало сведений содержится в трактате о народах Восточной Европы. Для каждой области автором определены границы и указаны соседние народы. В результате, исследователи вынуждены были отметить, что в этом небольшом по объему труде география пределов известного мира изложена более полно и системно, чем у других мусульманских авторов.

Как уже было отмечено, сочинение носит в основном компилятивный характер, ибо автор использовал труды своих предшественников, особо не вдаваясь в нюансы. А. П. Новосельцев на этот счет высказался неоднозначно, заметив, что он полностью оправдывает «взгляд В. В. Бартольда на “Худуд” как на сложную компиляцию, в принципе ничего нового не сообщающую, хотя интересные частности в этом источнике есть» [*Новосельцев, 1990, с. 20*]. К этим частностям относится, прежде всего, информация о «внутренних болгарях».

Неизвестный мусульманский автор сообщает о них несколько раз. Так, впервые «внутренние болгары» упомянуты в начале трактата, где идет описание морей. Автор сочинения отмечает, что северные пределы Черного моря (Pontos) занимают «печенеги (Baĵanāk), хазары (Khazār), мирваты (Mirvāt), внутренние болгары (Bulghār-i dākhl) и сакалибы (Saqlāb)» [*Худуд ал-‘Алам, 1930, табл. 3а; Hudud al-‘Alam..., 1937, p. 54*].

В разделе, посвященном горам, автор «Худуд ал-‘Алам» описывает горы, якобы находившиеся между «внутренними болгарями»

и русью: «затем они достигают страны хазарских печенегов и разделяют внутренних болгар от руси (miyān-i Bulghār-i dārkhil [va*] Urūs biburradh))» [Худуд ал-‘Алем, 1930, табл. 3а; Hudud al-‘Alam..., 1937, p. 67]. В дальнейшем владения «внутренних болгар» были упомянуты в списке стран, где они оказались в одной группе с территориями, которые населяли следующие народы: «сакалибы (Saqlāb), хазарские печенги (Bajanāk-i Khazār), мирваты (Mirvāt), внутренние болгары (Bulghār-i dākhl), Русь (Rūs)...» [Худуд ал-‘Алем, 1930, табл. 13а; Hudud al-‘Alam..., 1937, p. 83]. Далее «внутренние болгары» упоминаются при описании страны сакалибов: «На восток от этой страны находятся внутренние болгары (Bulghār-i andarūni) и некоторые из русов; на юг от нее расположена некоторая часть моря Гурз (Черного. – О. Б.) и некоторая часть Рума (Византии. – О. Б.); на запад и север от нее – незаселенные пространства Севера» [Худуд ал-‘Алем, 1930, табл. 37b; Hudud al-‘Alam..., 1937, p. 158].

Наиболее подробная информация, естественно, содержится в разделе, посвященном описанию самой страны «внутренних болгар» (Bulghār-i dākhl): «На восток от нее находится Мирват (Mirvāt); на юг от нее расположено море Гурз; на западе проживают сакалибы (Saqlāb); на север от нее расположены горы Рус. Это страна без городов. Жители храбры, воинственны и внушают страх. Их нравы походят на нравы тех тюрок, которые живут по соседству со страной хазар. Со всеми русами у них война; со всеми окрестными областями они ведут торговлю. Они владеют баранами, оружием и приспособлениями для войны» [Худуд ал-‘Алем, 1930, табл. 38а, с. 30–31; Hudud al-‘Alam..., 1937, p. 160]. Далее «внутренние болгары» сразу же упомянуты при описании страны мирватов: «На восток от нее находятся какие-то горы и некоторые из хазарских печенегов; на юг от нее – некоторые из хазарских печенегов и море Гурз; на запад далее находятся некоторые части моря Гурз и внутренние болгары; на север немного далее расположены горы В.н.н.д.р» [Худуд ал-‘Алем, 1930, табл. 38а, с. 30–31; Hudud al-‘Alam..., 1937, p. 160]. В дальнейшем в тексте «Худуд ал-‘Алам» «внутренние болгары (булгары)» больше не упоминаются.

Как видим, главными ориентирами для локализации «внутренних болгар» являются загадочные *мирваты*, так называемые *хазарские печенги*, Русь и море Гурз. Однако исследователи до сих

пор не могли дать точную локализацию «внутренних болгар». По этому вопросу существует несколько мнений.

Так, Ф. Вестберг был склонен идентифицировать «внутренних болгар» с «черными болгарями» [Вестберг, 1908, с. 386–389]. Подобного мнения придерживался также Н. Я. Мерперт. Как и Ф. Вестберг, Н. Я. Мерперт полагал, что «черные болгары», упоминаемые Константином Багрянородным и «Повестью временных лет», были тождественны «внутренним болгарам» восточных авторов, хотя первый этноним охватывает, по его мнению, население более обширной территории, чем второй. В результате он посчитал, что «внутренние болгары» – это обитатели степей Днепро-Донского междуречья [Мерперт, 1958, с. 586–615].

В свое время Й. Маркварт проявил интерес к данному вопросу и высказал предположение, что «внутренние болгары» мусульманских авторов имеют отношение к дунайским болгарам [Marquart, 1903, S. 503–506, 517–519]. Однако наиболее обоснованный вид данная гипотеза получила в комментариях В. Ф. Минорского к «Худуд ал-'Алам». Там исследователь высказал предположение, что деление болгар на «внешних» и «внутренних» в географическую литературу мог ввести ал-Балхи (850–934 гг.), который в своей «Книге видов Земли» описал страну волжских булгар и упомянул о находившемся там «Внешнем Булгаре» [Hudud al-'Alam..., 1937, p. 438–439; Гаркави, 1870, с. 274–275]. А. Я. Гаркави перевел фрагмент об этом центре так: «Внешний Булгар есть небольшой город, не имеющий многих селений. Известен же он потому, что служит складочным местом (или гаванью) этих государств» [Гаркави, 1870, с. 275]. Кроме того, впервые ал-Балхи упомянул и о «внутренних болгарях». Так, в первый раз они упомянуты при обзоре размеров известного мира: «Что касается ширины земли, от крайней ее оконечности на севере до крайней ее оконечности на юге, то она начинается от берегов Окружающего моря, достигает земли Яджуджа, затем проходит по верхней части Славонии, пересекает землю внутренних Булгар и Славонию, и идет по стране Рум к Сирии...» [Гаркави, 1870, с. 274]. Во второй раз о «внутренних болгарях» ал-Балхи упоминает при описании соседей русов: «Русы эти ведут торг с Хазаром, Румом и Великим Булгаром. Они граничат с Румом на севере. Они многочисленны и так сильны, что наложили дань на пограничные области из Рума. Внутренние Болгары суть христиа-

не» [Гаркави, 1870, с. 277]. Как видим, ал-Балхи использовал термин «внутренние болгары» для обозначения дунайских болгар.

По наблюдениям В. Ф. Минорского, термин «внутренние болгары» одним из первых мог широко использовать ал-Истахри (около 850–934 гг.) в своем сочинении «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путей и государств»), где он несколько раз упоминает о них. Так, в первый раз он сообщает, что русы торгуют с хазарами, Византией и Великой Болгарией (*Bulghār al-a'zam*). При этом арабский географ уточняет, что они (русы) граничат с севера с Византией и их количество значительно. Их могущество известно из-за того, что они обложили *хараджем* (данью) Византию и «внутренних болгар», которые проживают возле их страны. Далее он добавляет, что «внутренние болгары» христиане [*al-Istakhri*, 1927, p. 226; *Hudud al-'Alam...*, 1937, p. 438–439]. В другом фрагменте содержится почти такой же пассаж, но вместо русов упомянута «Великая Болгария», которая также граничит с Византией с севера и собирает с последней дань. И тут же сказано, что среди «внутренних болгар» есть христиане [*al-Istakhri*, 1927, p. 286; *Hudud al-'Alam...*, 1937, p. 439]. Кроме того, ал-Истахри упоминает «внутренних болгар» в связи с сюжетом о Гоге и Магоге. По его словам, меридиан проходит с севера на юг через владения сакалибов, «внутренних болгар» и идет вдоль Византии и Сирии [*al-Istakhri*, 1927, p. 7; *Hudud al-'Alam...*, 1937, p. 439]. Однако сведения о «Внешнем Булгаре» у ал-Истахри отсутствуют, хотя у него есть информация о каком-то «небольшом городе» в стране волжских булгар [*Istakhri*, 1925, p. 225].

Такая путаная и противоречивая информация как у ал-Истахри, так и у анонимного автора «Худуд ал-'Алам» заставила В. Ф. Минорского сделать предположение, что термин «внутренние болгары» явно противопоставлялся термину «внешние булгары» (*Bulghār al-khārijā*), который у ал-Истахри был упомянут как «небольшой город» [*Hudud al-'Alam...*, 1937, p. 440; *al-Istakhri*, 1927, p. 225]. В результате, В. Ф. Минорский посчитал, что дунайские болгары были известны у различных мусульманских авторов под отличающимися названиями: у Ибн Хаукаля – «бурджан», у Ибн Русте – «болгар». у ал-Истахри – «внутренние болгары», а у Гардизи – «В.н.н.д.р» [*Hudud al-'Alam...*, 1937, p. 440].

Однако следует отметить, что не все исследователи придерживались дунайской локализации «внутренних болгар». Так, В. В. Бар-

тольд основывался в первую очередь на данных «Худуд ал-‘Алам». Именно это позволило ему локализовать «внутренних болгар» гораздо восточнее. По его мнению, этнополитическая ситуация на юге Восточной Европы в середине X в. выглядела следующим образом: «С мусульманскими владениями на Кавказе, по нашему автору (38а) с Арменией, в действительности с Дербентом и южной частью Дагестана граничила область сериров (авар), примыкавшая на западе к Византии. К северу и западу от сериров жили аланы, область которых примыкала уже только к Византии, а не к мусульманским владениям; на севере область алан доходила до Черного (или Азовского) моря и до владений печенегов хазарских. Печенеги хазарские, северные соседи алан, жили уже не к югу, а к востоку от Черного моря; восточную границу их области составляли “хазарские горы”, т. е. горы, составлявшие, по мнению автора, западную границу хазарской области; по его представлению (8а), горы шли от Каспийского моря на запад между владениями сериров и хазар до начала пределов алан, потом направлялись к северу до конца владений хазар, потом проходили между областями печенегов хазарских, внутренних болгар и русов <...> до пределов славян, потом проходили на север посреди области славян мимо славянского города Хурдаба, потом доходили до конца области славян. К западу от гор (вероятно, тех же), к северу от Черного моря и к северо-западу от хазарских печенегов жили мирваты (хазарские печенеги были для них частью восточными, частью южными соседями); Черное море примыкало к их области с запада. К северо-западу от мирватов и также к северу от Черного моря жили внутренние болгары, область которых доходила на севере до “русских гор”. Последней к западу областью на северном берегу Черного моря была область славян, граничившая на юге также с Византией. Восточными соседями славян, кроме внутренних болгар, были также русы; на севере и на западе к области славян примыкали “безлюдные пустыни севера”. С теми же пустынями граничила на севере область русов, доходившая на юге до Дуная, на котором находился и главный город славян Хурдаб» [Худуд ал-‘Алам, 1930, с. 29]. Отметим сразу, что В. В. Бартольд назвал «славянами» *сакалибов*, что не совсем одно и то же. Таким образом, исследователь склонен был локализовать «внутренних болгар» на север от Черного моря, и они, по его мнению, находились между Русью и «хазарскими печенегами», а также загадочными «мирватами».

В данной ситуации необходимо выяснить, являлся ли термин «внутренние болгары» самоназванием части болгар или же это было выдуманное мусульманским географами название народа? В пользу первой версии говорит существование аналогичных названий среди других тюркоязычных народов. Весьма показательны в этом отношении, например, огузы.

При анализе социальной структуры огузских племен особый интерес представляют сведения огузского эпоса «Деде Коркут» (XV в.), по данным которого каждое огузское племя делилось на «внешних» и «внутренних». При этом во время войны «внутренние огузы» занимали центр и левое крыло, а «внешние огузы» – правое [Курылев, 1964, с. 2–5]. Если учитывать, что огузы придерживались традиционной северной ориентации [Кононов, 1975, с. 164], то «внутренние огузы» представляли западную часть, а «внешние огузы» – восточную. Правомерно предположить, что при формировании огузского союза племен этот принцип переносился на высший уровень объединения, т. е. огузам, как и другим средневековым кочевникам, было присуще разделение на западную и восточную группировки [Курылев, 1964, с. 2–5]. При этом западные племена огузов стали называться «внутренними», а восточные – «внешними». Ничто не мешает допустить, что подобная картина наблюдалась и среди раннесредневековых болгар.

По мнению О. Прицака, на протяжении всего средневековья направление главной ориентации среди кочевников менялось. Изначально преобладала северная ориентация, потом – восточная, а во времена Чингисхана – южная. Таким образом, левое и правое крыло в военно-территориальной системе кочевников изначально находились соответственно на западе и востоке, а через несколько столетий все стало с точностью до наоборот – левое крыло стало восточным, а правое переместилось на запад [Pritsak, 1981, S. 381–382]. Достаточно посмотреть на карту Монголии, чтобы убедиться в этом – Внутренняя Монголия находится восточнее Внешней (Халха) Монголии. Учитывая то, что раннесредневековые болгары имели северную ориентацию, имеет резон локализовать племена левого крыла их объединения на западе, а правого крыла – на востоке. Поэтому не исключено, что западные племена болгар могли называться «внутренними», а восточные – «внешними».

Таким образом, вроде бы получается, что термин «внутренние болгары» мог попасть к мусульманским географам непосредствен-

но из среды кочевого мира, т. е. он являлся самоназванием части болгар. Однако сведения других источников заставляют усомниться в этом.

Так, на картах античного географа Клавдия Птолемея, жившего во II в., изображена «Скифия», которая делится на «Внутреннюю» и «Внешнюю». При этом «Внутренняя Скифия» (*Scythia Intraimaum*) располагалась восточнее «Азиатской Сарматии» и занимала степные пространства на восток от реки «Ра» (Волги). На юго-западе «Внутренняя Скифия» граничила с Каспийским морем. На востоке, уже в Центральной Азии, «Внутренняя Скифия» граничила с «Внешней Скифией» (*Scythia Extraimaum*). На севере и востоке от Скифии, по Птолемею, находилась *Terra Incognita*. Как видим, традиция деления кочевников на «внутренних» и «внешних» восходит ко временам античности. Характерно, что термин «Внутренняя Скифия» продолжал использовать уже в XII в. Михаил Сирийский в тех фрагментах своей «Церковной истории», где речь шла о происхождении хазар [Артамонов, 1962, с. 128].

По наблюдениям Т. М. Калининой, сведения о «Внешней и Внутренней Скифии» заимствовал у Птолемея и подверг изменениям мусульманский географ ал-Хорезми, живший в первой половине IX в. Т. М. Калинина считает: «Так же как две Сарматии Птолемея, ал-Хорезми наполнил иным содержанием греческий термин “Скифия” <...> Птолемей называет Скифию по сю сторону горы Имаус, обычно именуемую Внутренней, и Скифию за горой Имаус, известную как Внешняя. Гора Имаус у обоих авторов соотносится с реальными Гималаями и частью Тибета <...> Внутреннюю Скифию Птолемея ал-Хорезми называет “Искутия – страна тюрок”. С тюрками арабы столкнулись в VIII в. на территориях Прикаспия. Арабо-персидские географы X в. уже достаточно подробно рассказывают о расселении тюрок разных видов на обширной территории от Каспия до Китая; ал-Хорезми уже упоминает их лишь в общем <...> Внешнюю Скифию Птолемея ал-Хорезми отводит для тогузгузов, т. е. токуз-огузов, основным ядром которых были уйгуры. Арабо-персидские авторы под именем тогузгузов понимали уйгур Восточного Туркестана, чему не противоречит и свидетельство ал-Хорезми» [Калинина, 1984, с. 196–197].

Таким образом, не исключена возможность, что в сведениях мусульманских авторов о делении болгар на «внутренних» и «внеш-

них» нашла отражение традиция Птолемея о кочевниках Скифии. Получается, что термин «внутренние» должен означать «ближние», т. е. «западные», а «внешние» – «дальние», т. е. «восточные». Здесь чувствуются европоцентристский подход. Казалось бы, есть основания говорить, что распространение этнотопонимов данного типа является одним из результатов влияния Птолемея на мусульманскую географическую традицию. В то же время смущает то, что и Птолемей, и мусульманские географы называли «внутренними и внешними» только представителей или выходцев из кочевого мира. Можно допустить, что Птолемей мог заимствовать данную традицию от современных ему кочевников. Поэтому не исключено, что данное деление на «внутренних и внешних» могло сохраняться у раннесредневековых болгар и их кочевых соседей от их предшественников времен поздней античности. Как видим, вопрос остается открытым. Однако одно не подлежит сомнению: термин «внутренние болгары» означал у мусульманских авторов западных болгар, а «внешний Булгар» – восточных.

Соответственно можно прокомментировать сообщение ал-Балхи о волжских булгарах в несколько иной плоскости (напомню, что он упомянул о «Внешнем Булгаре» [Гаркави, 1870, с. 275]). По-видимому, здесь речь об одном городском поселении волжских болгар, которые были восточными, т. е. «внешними», по отношению к остальным болгарам.

Об этническом составе болгар Средней Волги письменные источники начали писать лишь в X в. Достаточно детальное описание этих племен нам дали мусульманские информаторы. По их свидетельствам, волжские болгары были неоднородны. Так, Ибн Русте (X в.) и Гардизи (XI в.) сообщают, что волжские болгары делятся на три группы: *б.рсула*, *аскел* и собственно *булгар* [Заходер, 1967, с. 28, 48]. Однако информация Ибн Фадлана позволяет считать, что ранее в состав племенного союза болгар Средней Волги входило и четвертое племя *суваз*, или *сувар* [Ковалевский, 1956, с. 138–139]. Исследователи уже давно пришли к выводу, что городские поселения Сувар и Булгар являлись центрами племен, изначально входивших в состав объединения волжских болгар [Греков, Калинин, 1948, с. 160–163]. Стало быть, в сообщении ал-Балхи о городе «Внешний Булгар» можно видеть центр одного из племен объединения. Напомним, что ал-Балхи назвал «внутренними» болгар

Нижнего Дуная [Гаркави, 1870, с. 277]. Стало быть, на роль этого городского центра может вполне подходить город Булгар, названный ал-Истахри «небольшим городом» в стране волжских болгар [al-Istakhri, 1925, p. 225].

В то же время становится понятным, почему ал-Балхи и ал-Истахри называли дунайских болгар «внутренними» [Гаркави, 1870, с. 277; al-Istakhri, 1927, p. 226]. Ведь они, по мнению их информаторов, являлись наиболее западной группой всех болгар. Вполне очевидно, что обозначение этих болгар термином «внутренние» могло попасть в сочинение ал-Истахри через балканских информаторов, которые не имели четкого представления о восточных группах болгар. Этим-то и можно объяснить отсутствие в сочинении ал-Истахри сведений о «внешних болгарях». В «Худуд ал-‘Алам» сведения о «внешних болгарях» тоже отсутствуют, но там это можно объяснить иными факторами.

Для начала обратим внимание на то, что в трактате есть шесть упоминаний о «внутренних болгарях». Из них в пяти случаях они обозначены термином *Bulghār-i dākhl* [Худуд ал-‘Алем, 1930, табл. За, 13а, 38а, с. 30–31; Hudud al-‘Alam..., 1937, p. 54, 67, 83, 160] и лишь в одном случае их обозначением стало выражение *Bulghār-i andarūni* [Худуд ал-‘Алем, 1930, табл. 37b; Hudud al-‘Alam..., 1937, p. 158]. По данным Ф. Штайнгасса, термины *andarūni* и *dākhl* действительно можно перевести с персидского как «внутренние», хотя первый имеет больше семантических значений [Steingass, 1998, p. 109, 494]. Необходимо отметить, что в том фрагменте трактата, где для обозначения болгар использован термин *Bulghār-i andarūni*, отмечено, что на юг от этих болгар «расположена некоторая часть моря Гурз (Черного. – О. Б.) и некоторая часть Рума (Византии. – О. Б.)» [Худуд ал-‘Алем, 1930, табл. 37b; Hudud al-‘Alam..., 1937, p. 158]. Это как-то не согласуется с остальной информацией «Худуд ал-‘Алам» о «внутренних болгарях», хотя очень напоминает сведения о них у ал-Истахри [al-Istakhri, 1927, p. 226]. На основании этого можно предположить, что источников о «внутренних болгарях» у автора «Худуд ал-‘Алам» было как минимум два. А это вполне соответствует выводам исследователей, что данный трактат представляет собой сложное компилятивное сочинение.

Кроме того, важно выяснить, почему в «Худуд ал-‘Алам» содержатся сведения лишь о «внутренних болгарях и нет информации

о «внешних болгарях». Если следовать предложенной схеме, то получается, что «внешними» должны быть булгары Среднего Поволжья.

Однако, говоря о населении Среднего Поволжья, для обозначения жителей левого берега, где раньше были известные булгары, автор «Худуд ал-‘Алам» использовал, но уже нетрадиционно, известный ранее этноним *Б.ртас*. Относительно локализации области *Б.ртас* он сообщает: «Слово об области Буртас. С востока и юга ее – Гузы, с запада река Атиль, с севера область Печенегов» [Туманский, 1914, с. 95–96; Худуд ал-‘Алем, 1930, табл. 386]. Уже сама такая локализация буртасов противоречит данным других мусульманских авторов, которые традиционно локализуют их не на восток от Волги (Итиля), а на западном берегу реки.

Кроме того, вызывает определенное недоумение и другая информация об области *Б.ртас*: «Народы ее мусульмане. У них язык труден для понимания. Государя называют Мес², владеют кибитками и палатками. Их три группы: Б-хдула, Аш-к-л, Б-лкар. Все они друг с другом в войне находятся, когда же появляется какой-либо враг – друг с другом друзья» [Туманский, 1914, с. 95–96; Худуд ал-‘Алем, 1930, табл. 386]. Исследователи уже давно обратили внимание на то, что сведения «Худуд ал-‘Алам» о народе *Б.ртас* во многих чертах повторяют информацию Ибн Русте о волжских болгарях. Что же касается информации о собственно «буртасах» большинства средневековых авторов, то в «Худуд ал-‘Алам» она соотносима с данными о населении области *Барадзас*.

Относительно территории *барадзасов* (собственно *буртасов*) «Худуд ал-‘Алам» сообщает: «Слово об области барадзас. Эта область, с востока которой река Атель, с юга ее Хазары, с запада В-н-н-д-р, с севера же Печенеги-Тюрки» [Туманский, 1914, с. 95–96; Худуд ал-‘Алем, 1930, табл. 386]. Таким образом, есть основания локализовать часть *барадзасов* не на Средней Волге, а в степях Волго-Донья, вблизи хазар. Сведения об образе жизни *барадзасов* также вполне соотносимы с информацией других мусульманских авторов о буртасах: «Часть этих народов придерживается религии Гузов. Владеют шатрами. Мертвых сжигают. Повинуются Хазарам.

² В этом титуле очень легко узнается имя известного царя волжских болгар «Ал-муш», но без первой составляющей, которая очевидно воспринималось автором «Худуд ал-‘Алам» как артикль *ал-*.

Произведения их шкуры лесных куниц³. У них два царя, которые друг с другом не общаются» [Туманский, 1914, с. 95–96; Худуд ал-‘Алам, 1930, табл. 386].

Комментируя этот пассаж, А. П. Новосельцев посчитал, что анонимный автор «Худуд ал-‘Алам», «найдя у своих предшественников две формы названия одного народа буртасов – буртас и бердас, <...> принял их за разные этнонимы» [Новосельцев, 1990, с. 18]. Однако этноним *Б.р.дзас*, или *Барадзас*, до конца X в. не фигурировал в сочинениях предшествовавших арабо-мусульманских авторов, хотя у Ибн Русте встречается близкая форма этнонима – *Б.р.дас* [Хвольсон, 1869, с. 19–21]. По мнению Д. Е. Мишина, «такая графическая разница оказалась, очевидно, для автора “Худуд ал-‘Алам” непреодолимым препятствием, и в его книге “буртас” и “б.рдзас” фигурируют как разные народы». Кроме того, исследователь отметил, что фрагмент сочинения ал-Истахри, информатора для автора трактата, начинается со слов: «Буртас – название области» [Мишин, 2000, с. 57].

Однако не исключено, что причиной этой путаницы стало для автора «Худуд ал-‘Алам» появление совершенно новой информации, связанной с этнонимом *Барадзас*, который до конца X в. не фигурировал в сочинениях более ранних арабо-мусульманских авторов. В свое время Б. Н. Заходер и В. Ф. Минорский обратили внимание на различные формы написания этнонима **Буртас** у авторов IX–XI вв. [Заходер, 1962, с. 15; Минорский, 1963, с. 230; Hudud al-‘Alam..., 1937, p. 462]. В. Ф. Минорский пришел к выводу, что форма *ф.рдās*, представленная у ал-Баكري, является наиболее близкой к оригиналу [Hudud al-‘Alam..., 1937, p. 462]. Однако мы имеем в большинстве случаев другие формы этнонима, которые начинаются с согласного **б**, а не **ф**. Это можно объяснить тем, что мусульманские авторы могли усвоить данный этнический термин из тюркских языков, где отсутствует согласный **ф** и таким образом этноним приобрел вид *б.ртās* или *б.рдās*. Этими тюрками должны были быть сами хазары, о чем может свидетельствовать

³ Имеет смысл сравнить эту информацию с сообщением Ибн Русте о буртасах: «Буртасы имеют верблюдов, рогатый скот и много меду; главное же богатство их состоит в куньих мехах; Одни из Буртасов сожигают покойников, другие хоронят. Земля их обитаема, ровна, а из деревьев чаще всего встречается в ней Хелендж. Занимаются они и земледелием, но главное их богатство составляет мед, меха куньи и мех вообще» [Хвольсон, 1869, с. 21].

письмо хазарского царя Иосифа, который упоминает народ *бурт.с* [Коковцов, 1932, с. 98–102]. Необходимо также учитывать и посредство языка волжских булгар, которые являлись соседями буртасов. В ситуации с этнонимом *Барадзас* мы видим аналогичную ситуацию, но при этом становится ясно, что эта форма этнонима имела распространение уже среди другой тюркоязычной группы.

Характерно, что только в «Худуд ал-‘Алам» упомянуты две группы буртасов-барадзасов – степные и лесные. Этого нет у предшественников. Обычно мусульманские авторы упоминали буртасов на Волге или только вблизи хазар (ал-Истахри, Йакут, ал-Истахри, Ибн Хаукаль), или же по соседству с волжскими булгарами (Ибн Русте, ал-Бакри и др). Исключение могут составлять лишь сведения ал-Мас‘уди, который отмечает присутствие буртасов не только на Средней Волге, но и возле волока между Доном и Волгой (при описании событий после 914 г.) [Минорский, 1963, с. 195–196; Бубенок, Радівілов, 2009]. Следовательно, среди информаторов автора «Худуд ал-‘Алам» были те, которые имели довольно четкое представление о расселении буртасов на правом берегу Волги как в нижнем, так и в среднем ее течении. Необходимо также учитывать, что *барадзасы* упомянуты лишь в «Худуд ал-‘Алам». Поэтому появление сведений о носителях этнотопонима *Барадзас* следует связывать с той тюркоязычной группой, которая в конце X в. на непродолжительное время заняла господствующие позиции в степях Восточной Европы. Этим народом могли быть лишь огузы.

Мусульманские авторы сообщают, что в первой половине X в. владения огузов находились в степях на восток от Волги. Так, ал-Истахри сообщает, что страна гузов находится «на землях на запад от Мавваранахра и между хазарами и кимаками, страной карлуков и болгар и границами мусульманских государств от Джурджана и Исбиджаба» [Кареев, 1968; Материалы по истории туркмен..., 1939, с. 166]. Ал-Мас‘уди сообщает, что на побережье Хазарского (Каспийского. – О. Б.) моря находится много пастбищ гузов [Пантусов, 1909, с. 152; Материалы по истории туркмен..., 1939, с. 166]. Характерно, что эти же данные подтверждает и автор «Худуд ал-‘Алам». О соседних гузам территориях в этом трактате сказано, что на восток от них находится пустыня гузов и города Трансоксианы, а на юг от них – пустыня вдоль Каспийского моря, на запад и на север от них – река Атил [Hudud al-‘Alam..., 1937, p. 100].

В сочинениях Ибн ал-Асира и Мирхонда содержится легенда о предке сельджуков Дукаке, который был на службе то ли у хазарского царя, то ли у огузского ябгу. Сын Дукака – Сельджук отделился и вместе со своими сыновьями Изразлем, Микаелем, Юнусом и Мусою повел свое племя к низовьям Сыр-Дарьи, где они захватили Бухару и основали свою державу сельджукидов [Материалы по истории туркмен..., 1939, с. 450–451; *Артамонов*, 1962, с. 419–420]. Этот факт – зависимость огузов от хазар и их последующая борьба с хазарами – нашли свое отражение в сочинениях других авторов. Так, Константин Багрянородный сообщает, что в середине X в. огузы выходят из под контроля хазар и вместе с волжскими булгарами начинают борьбу за полную независимость [*Константин Багрянородный*, 1983, с. 29, 51]. Ибн Мискавейх сообщает, что в 965 г. торки (гузы. – О. Б.) напали на Хазарию [*Заходер*, 1962, с. 152–157]. Последнее сообщение позволяет считать, что в 965 г. киевский князь Святослав согласовал свои действия с огузами и они вместе принимали участие в уничтожении Хазарского каганата. Как известно, в древнерусских летописях огузы фигурировали под названием *торки*. Характерно, что первое упоминание о *торках* в древнерусских летописях относится уже к 985 г.: «Иде Володимир на болгары с Добрынею, уем своим, в лодьях, а торки берегом приведе на коних, и так победи болгары» [ПВЛ, 1950, с. 59]. По поводу того, как именно следует комментировать этот фрагмент, мнения исследователей разделились.

Так, С. А. Плетнёва, относящая появление торков-огузов в южнорусских степях только к началу XI в., считала, что киевский князь Владимир воевал против волжских булгар, а торки-огузы во время этого похода двигались на север вдоль левого берега Волги [*Плетнёва*, 1990, с. 23]. П. П. Толочко также считает, что Владимир совершил поход на Волжскую Булгарию. Но относительно участия в этом походе торков он высказал мнение, согласно которому, «предположение об участии в походе 985 г. саркельских гузов выглядит более естественным, чем вывод об их нижневолжских соплеменниках, расположенных от границ Руси на много сотен километров» [*Толочко*, 1999, с. 80]. Наиболее же приемлемым выглядит мнение А. П. Новосельцева, который считал, что киевский князь совершил нападение на приазовских болгар, а не на волжских [*Новосельцев*, 1989, с. 227]. Следовательно, торки-огузы должны были находиться рядом с ними.

Это может означать, что к концу X в. гузы заселили освобожденные от хазар степи Волго-Донья, и их владения после 965 г. должны были простираться от степей Приазовья до Приаралья. Поэтому резонно считать, что свежую информацию о двух группах *барадзасов* накануне и во время крушения Хазарского каганата автор «Худуд ал-‘Алам» получил непосредственно от огузов или от купцов, которые побывали в это время в их владениях. В пользу последнего предположения может свидетельствовать информация Ибн Фадлана о традиционных дружеских отношениях между огузами и мусульманскими купцами: «И не может ни один мусульманин проехать через их страну без того, чтобы не сделать кого-либо из них себе другом, у которого он останавливается. Он привозит для него из страны ислама одежды, а для жены его покрывало, немного перца, проса, изюма, орехов. Когда же он прибудет к своему другу, то тот разобьет для него юрту и доставит ему овец сколько может» [Ковалевский, 1956, с. 126–127].

Поэтому следует отдать должное анонимному автору трактата «Худуд ал-‘Алам», который правильно соотнес данные о *барадзасах* со сведениями предшественников о *буртасах*, что и нашло свое отражение в соответствующем разделе трактата.

Причину же того, что заставило автора трактата назвать волжских болгар «буртасами», можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, из текста косвенно следует, что на правобережье Средней Волги проживает лишь часть *барадзасов*. Следовательно, перед анонимным автором встал вопрос, где же локализовать область буртасов, о которых так много писали его предшественники. Во-вторых, у автора «Худуд ал-‘Алам» уже сложилась строгая система представлений, в соответствии с которой каждый народ делится как минимум на две части, каждая из которых занимала определенное место в пространстве. Достаточно вспомнить «тюркских и хазарских печенегов», лесных и степных «барадзасов» и т.п. В-третьих, информация о болгарях, которых насчитывалось в Восточной Европе несколько групп, ставила в тупик не одного мусульманского географа, в частности ал-Мас‘уди.

Так, в своем «Мурудж аз-захаб...» ал-Мас‘уди о болгарях сообщает: «Город *Бургар* стоит на берегу Майтаса (Мэотис), и я полагаю, что этот народ живет в Седьмом климате. Они [особый?] род тюрков, и караваны постоянно ходят от них в Хорезм, что в Хорасанской земле, а из Хорезма к ним; но дорога пересекает (кочевья)

других тюрков, и караваны [должны] охраняться от них. В настоящее время, когда идет 332/943 год, бургарский царь мусульманин. <...> У бургар есть соборная мечеть. Этот царь (?) совершает походы на Константинополь с войском в 50 тыс. конников и более и рассылает свои грабительские [отряды] вокруг Константинополя (*хаулаха*) в страны Рима (*бияд Румийа*) и Андалусии, к бургундам (*бурджан*), галисийцам и франкам (*ифранджа*). От него до Константинополя около двух месяцев безостановочного пути через обитаемые земли и степи» [Минорский, 1963, с. 197]. Исследователи уже давно отметили, что в этом фрагменте «Мурудж аз-захаб» ал-Мас‘уди путает волжских булгар с дунайскими болгарами [Минорский, 1963, прим. 36, 40].

Скорее всего, автор «Худуд ал-‘Алам» попытался найти выход из этой сложной ситуации. Но известие одного из основных его информаторов – Ибн Русте – о делении волжских булгар на три племени, одно из которых называется собственно *блгар* [Хвольсон, 1869, с. 19–22], не вписывалось в предложенную схему расположения народов. Как уже отмечалось, Ибн Русте сообщал, что «Болгаре делятся на три отдела: один отдел зовется Берсула, другой – Эскгель, а третий – Болгар» [Хвольсон, 1869, с. 22]. Поэтому анонимным автором трактата были приняты к сведению также сообщения ал-Балхи и ал-Истахри. О собственно буртасах ал-Балхи сообщает следующее: «...Буртасы живут рассеяно по берегам Итиля. Буртас – имя страны, также Русь и Хазар..» [Хвольсон, 1869, с. 73]. Компилятор ал-Балхи и один из информаторов автора трактата «Худуд ал-‘Алам» – ал-Истахри буквально повторил это сообщение: «Буртасы племя соседнее с хазарами; между ними и хазарами не живет никакого другого народа; это народ, рассеянный по долине реки Итиль. Буртас – имя страны, также Русь и Хазар...». При описании течения Волги–Итиля ал-Истахри также локализует буртасов между булгарами и хазарами: «...проходит она через земли Болгар, потом через земли Буртас, пока не впадает в Хазарское море...» [Караулов, 1901, с. 47, 49]. Следовательно, три группы волжских булгар предстали не как три племени, а как три отдельных народа (*мардоман*), проживавших на севере от хазар в стране «Буртас», и лишь одно из них называлось *Блкар*. В соответствии с этим, название *Булгар* в трактате «Худуд ал-‘Алам» предстало как «город с небольшой областью, расположенный на берегу Итиля». Стало быть, именно он и являлся, по замыслу автора «Худуд ал-‘Алам», столицей булгар в стране Буртас.

Таким образом, представленные в «Худуд ал-‘Алам» сведения о носителях названий *Буртас* и *Барадзас* позволяют говорить о первом термине как о традиционном для мусульманской географической литературы, а о втором – как о новом и оригинальном. Появление последнего резоннее связывать с влиянием кочевников-огузов, политические позиции которых во второй половине X в. в степях юга Восточной Европы усилились и могли повлиять на представления мусульманских географов. Именно одновременное присутствие в трактате названий *Буртас* и *Барадзас* заставило автора сочинения умышленно назвать волжских булгар «буртасами», а собственно буртасов «барадзасами», что должно было соответствовать предложенной им схеме о делении народов на части, которые занимали определенное место в пространстве.

Как видим, сведения о волжских булгарах и «внутренних болгарях» были взяты автором «Худуд ал-‘Алам» из различных источников. Анонимный автор трактата предпочел вообще заменить традиционное обозначение для волжских булгар на «буртас». Неизвестно, было ли в источнике, откуда автор «Худуд ал-‘Алам» взял информацию о «внутренних болгарях», обозначение для волжских булгар – «внешние болгары». К сожалению, сведений об этом источнике у нас нет.

В связи с этим, возникает также еще один вопрос: почему анонимный автор «Худуд ал-‘Алам» не использовал название «внутренние болгары» для обозначения самой западной группы болгар, которые проживали на Дунае? Исследователи уже неоднократно высказывали мнение, что в этом трактате они были названы автором термином *В.н.н.д.р* [Hudud al-‘Alam..., 1937, p. 465–471]. В «Худуд ал-‘Алам» об области *В.н.н.д.р* сказано: «К востоку от нее – барадзасы (буртасы. – О. Б.); к югу от нее – хазары; к западу от нее – горы; к северу от нее – мадьяры. Они (жители этой страны. – О. Б.) трусливы, слабы, бедны и владеют некоторыми вещами» [Худуд ал-‘Алам, 1930, табл. 38б; Hudud al-‘Alam..., 1937, p. 162–163].

Кроме того владения *Н.н.д.р* были упомянуты в списке стран, где они оказались в одной группе с территориями, которые населяли следующие народы: «сакалибы (Saqlāb), хазарские печенги (Ba-jaṅāk-i Khazār), мирваты (Mirvāt), внутренние болгары (Bulghār-i dākhil), Русь (Rūs), мадьяры, *Н.н.д.р*, тюркские печенеги...» [Худуд ал-‘Алам, 1930, табл. 13а; Hudud al-‘Alam..., 1937, p. 83]. Вполне возможно, что упомянутые здесь *Н.н.д.р* и есть *В.н.н.д.р*.

Особый же интерес представляют сведения об этой этнической группе, содержащиеся в разделе, который посвящен описанию страны мадьяр: «На запад от нее находятся горы; южнее ее – племя христиан (*tarsāyān*), называемое *В.н.н.д.р.*; западнее и севернее (мадьяр. – *О. Б.*) находятся области (*nawāhi*) Руси» [Худуд ал-‘Алем, 1930, табл. 19а; *Hudud al-‘Alam...*, 1937, p. 101]. Судя по такой локализации мадьяр, в данном случае речь может идти о ситуации конца IX в., когда мадьяры проживали на землях Северо-Западного Причерноморья в местности Ателькузу. Поэтому не стоит удивляться, что их южными соседями являлись *В.н.н.д.р.*, в которых с достаточным основанием можно видеть болгар-христиан Нижнего Подунавья.

Как уже было отмечено, на север от страны мирватов располагались горы *В.н.н.д.р.*: «На восток от нее находятся какие-то горы и некоторые из хазарских печенегов; на юг от нее – некоторые из хазарских печенегов и море Гурз; на запад далее находятся некоторые части моря Гурз и внутренние болгары; на север немного далее расположены горы *В.н.н.д.р.*» [Худуд ал-‘Алем, 1930, табл. 38а; *Hudud al-‘Alam...*, 1937, p. 160]. Судя по всему, этот топоним имеет отношение к Северо-Западному Причерноморью.

Упомянут народ *В.н.н.д.р.* и при описании нахождения страны хазар: «на запад от нее находятся горы; на север от нее находятся барадзасы и *Н.н.д.р.*» [Худуд ал-‘Алем, 1930, табл. 38а, с. 30–31; *Hudud al-‘Alam...*, 1937, p. 161]. Исходя из того, что хазары проживали в Дагестане и на Нижней Волге, можно считать, что народ *Н.н.д.р.*, в котором резонно видеть *В.н.н.д.р.*, находился где-то на север от хазар. Однако это не совпадает с другой информацией «Худуд ал-‘Алам», согласно которой этот народ должен был находиться на запад от хазар. Однако данные трактата о стране барадзасов устраняют это противоречие: «Эта область, с востока которой река Атель, с юга ее Хазары, с запада *В.н.н.д.р.*, с севера же Печенеги-Тюрки» [Туманский, 1914, с. 95–96; Худуд ал-‘Алем, 1930, табл. 38б; *Hudud al-‘Alam...*, 1937, p. 162].

Таким образом, в «Худуд ал-‘Алам» содержится 6 упоминаний о народе *В.н.н.д.р.*, или *Н.н.д.р.* Вполне очевидно, что возникновение формы этнонима *Н.н.д.р.* является результатом недоразумения. Все это наводит на мысль, что в первоначальном арабском тексте содержалось название народа *В.н.н.д.р.*, первую часть которого автор «Худуд ал-‘Алам» в ряде случаев ошибочно принял за союз *ва* – «и».

По наблюдениям В. Ф. Минорского, название данной этнической группы имело различные формы у средневековых авторов. Так, персоязычный автор Гардизи (XI в.) использовал термин *Н.н.д.р.*, ал-Мас'уди (X в.) – *В.л.н.д.р.*, а в Пространной редакции Письма Иосифа имеется очень близкий термин – *В.н.н.т.р* [Hudud al-'Alam..., 1937, p. 465–471].

В Пространной редакции Письма хазарского царя Иосифа о носителях данного этнонима сказано: «...когда мои предки были еще малочисленны, всесвятой, – благословенен он, – дал им силу, мощность и крепость. Они вели войну за войной со многими народами, которые были могущественнее и сильнее их. С помощью божией они прогнали их и заняли их страну, а некоторых из них заставили платить дань до настоящего дня. В стране, в которой я живу, жили прежде В-н-н-тр'ы. Наши предки, хазары, воевали с ними. В-н-н-тр'ы были более многочисленны, так многочисленны, как песок у моря, но не могли устоять перед хазарами. Они оставили свою страну и бежали, а те преследовали их, пока не настигли их, до реки по имени “Дуна”. До настоящего дня они расположены на реке “Дуна” и по близости от Кунстандины, а хазары заняли их страну до настоящего дня» [Коковцов, 1932, с. 92]. Исследователи уже давно пришли к выводу, что в данном случае речь идет о приазовских болгарях, часть из которых осела на Дунае. Близость написания этнонимов заставила думать, что *В.н.н.т.р* Иосифа и *В.н.н.д.р* «Худуд ал-'Алам» – это один и тот же народ, который мог быть известен у византийских авторов как *хунногундур* [Marquart, 1903, S. 172; Hudud al-'Alam..., 1937, p. 465–471]. Отметим сразу, что обозначение для протоболгар в форме *унногундур* фигурирует в сочинениях таких византийских историков, как Феофан и Никифор [Чичуров, 1980, с. 60, 161].

В итоге можно констатировать, что анонимный автор «Худуд ал-'Алам» использовал сочинения своих предшественников – мусульманских географов IX–X вв. – для создания собственной картины мира. Естественно, он столкнулся при этом с рядом трудностей, связанных с использованием ими различных терминов для обозначения тех или иных народов. Это заставило анонимного автора трактата отказаться от многих фрагментов предыдущих сочинений, а оставшийся материал подвергнуть значительной обработке, что и произошло с болгарями, сведения о которых под названием

«внутренние болгары» вошли в трактат, а информация о «внешних болгарях» уже не была им использована.

Из имеющегося материала складывается впечатление, что информация о «внутренних болгарях» попала к информаторам автора «Худуд ал-‘Алам» из Хазарии. Стало быть, здесь речь идет о болгарях, проживавших на территории Хазарского каганата. Следует напомнить, что дунайских болгар автор трактата назвал *В.н.н.д.р.*, а волжских булгар – *Б.ртас*. Метод исключения позволяет не относить дунайских и волжских болгар к «внутренним». Таким образом, вполне очевидно, что анонимный автор «Худуд ал-‘Алам» назвал «внутренними», т. е. западными, тех болгар, которые проживали в степях Подонья и Приазовья. Это предположение полностью соответствует схеме В. В. Бартольда, согласно которой владения «внутренних болгар» находились на север от Черного моря, и граничили с Русью и «хазарским печенегами», проживавшими в Восточном Приазовье [Худуд ал-‘Алам, 1930, с. 29].

С одной стороны, анонимный автор «Худуд ал-‘Алам» подверг сведения о народах Восточной Европы и Подунавья, доставшиеся ему от предшественников, значительной переработке. Однако с другой, он сохранил в своем трактате фрагменты тех сочинений мусульманских авторов, которые не дошли до наших дней. Свидетельством этого может быть, например, совершенно оригинальная информация о «внутренних болгарях». Новые реалии конца X в. нашли свое отражение в «Худуд ал-‘Алам» и наслоились на информацию более раннего времени. Стало быть, «Худуд ал-‘Алам» все же можно использовать как исторический источник, хотя и с особой осторожностью.

Литература

- Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.
- Бубенок О. Б., Радівілов Д. А.* Свідчення ал-Мас'уді та «Худуд ал-‘Алам» про дві групи буртасів // Східний світ. 2009. № 3.
- Вестберг Ф.* К анализу восточных источников о Восточной Европе // Журнал министерства народного просвещения. 1908. Февр.
- Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. Х.). СПб., 1870.
- Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге. М., 1964.

- Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. Москва–Иерусалим, 1997.
- Греков Б. Д., Калинин Н. Ф. Булгарское государство до монгольского завоевания // Материалы по истории Татарии. Вып. I. Казань, 1948.
- Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. I. Горган и Поволжье в IX–X вв. М., 1962.
- Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. Булгары, мадьяры, народы севера, печенеги, русы. М., 1967.
- Калинина Т. М. Сведения ал-Хорезми о Восточной Европе и Средней Азии // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1983 г. М., 1984.
- Каравев О. Арабские и персидские источники IX–XII веков о киргизах и Киргизии. Фрунзе, 1968.
- Караулов Н. А. Сведения арабских географов IX–X вв. о Кавказе, Армении и Азербайджане // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 38. Тифлис, 1908.
- Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.
- Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
- Кононов А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник. 1975. М., 1978.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1983.
- Курылев В. П. Общественный строй огузов по данным эпоса «Деде Коркут» / VII международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, август 1964 г.). М., 1964.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. М.–Л., 1939.
- Мерперт Н. Я. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань, 1957.
- Мерперт Н. Я. Древнейшие болгарские племена Причерноморья // Очерки истории СССР / Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1958.
- Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. М., 1963.
- Мишин Д. Е. Географический свод «Худуд ал-‘Алам» и его сведения о Восточной Европе // Славяноведение. 2000. № 2.
- Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Пантусов Н. Н. Сведения арабских географов о Средней Азии // Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском университете. Т. XXV. Вып. 5. Казань, 1909.
- Повесть временных лет (ПВЛ) / Под ред. Д. С. Лихачева. Ч. I. М.–Л., 1950.
- Плетнёва С. А. Половцы. М., 1990.
- Толочко П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. К., 1999.
- Туманский А. Буртас и Бердас // Известия Тифлиских Высших женских курсов. Кн. 1. Вып. 1. Тифлис, 1914.

- Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда Бен Омар ибн-Даства. СПб., 1869.
- Худуд ал-‘Алем / Рукопись Туманского с введением и указателем В. В. Бартольда. Л., 1930.
- Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феодана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980.
- Hudud al-‘Alam. “The Regions of the World”. A Persian Geography 372 A.H.–982 A.D. / Transl. and explained by V. Minorsky. With the preface by V. V. Barthold transl. from the Russian. London, 1937.
- al-Istakhri*. Kitab al-masalik va al-mamalik // Biblioteka Geographicorum Arabicorum / Ed. M. J. de Goeje. Vol. I. Edicio secunda. Lugduni Batavorum: apud E. J. Brill, 1927.
- Marquart I. Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903.
- Pritsak O. Orientung und Farbsymbolyc. Zu den Farbenbezeichnungen in den altaischen Volkernamen // Pritsak O. Studies in Medieval Eurasian History. London, 1981.
- Steingass F. A Comprehensive Persian-English Dictionary. Beirut, 1998.

O. B. Bubenok

**“Hudud al-‘Alam” about the Bulgarians
and Authenticity of its Data**

Summary

Usually, researchers see in “Hudud al-‘Alam” a difficult compiling written source of the ending of 10-th century AD, that does not deserve the special trust herein. However the evidences of anonymous treatise about the Bulgarians is of a special interest. So, “Hudud al-‘Alam” contains the information about the “Inner Bulgarians”. The analysis of text of this book allowed to come to the conclusion, that the anonymous author named the “Inner” those Bulgarians who lived in the steppes of Don basin and Azov Sea coast. Word-combination “Inner Bulgarians” could relate to the left (western) wing of the primary union of the nomadic Pro-Bulgarians. Besides, the anonymous author named the Volga Bulgarians as the “B.rtas”. He called also the Danube Bulgarians as “V.n.n.d.r’”. Thus, the anonymous author of “Hudud al-‘Alam” used the different muslim written sources and as a result he met many difficulties. Therefore he created his the Map of the World. Besides, author of “Hudud al-‘Alam” reflected the new realities of the end of 10-th centuries AD. Therefore we must very carefully behave to the information of this medieval written source.

Keywords: “Hudud al-‘Alam”, Bulgarians, Inner Bulgarians, B.rtas, V.n.n.d.r, the Map of the World, muslim written sources.

Т. М. Калинина

**КАСПИЙ, ХАЗАРЫ И КУЙАБА (КУМАНЫ?)
НА ПРЯМОУГОЛЬНОЙ КАРТЕ «КНИГИ ЧУДЕС» XI в.**

Рукопись неизвестного автора трактата “Kitāb Gharā’ib al-funūn wa-mulaḥ al-‘uūn”, название которой можно перевести как «Книга чудес наук и диковины виденного воочию», была не известна ученым до того момента, когда она была выставлена на продажу на аукционе Кристи в Лондоне 10 октября 2000 г. На аукционе рукопись была куплена С. Фоггом, известным Лондонским дилером в области редких книг и рукописей; он предложил ее Бодлианской библиотеке. Приобретение ее стало возможным благодаря гранту Фонда лотереи наследия, щедрым пожертвованиям Национального фонда искусств, общества «Сауди Арамко», нескольких колледжей Оксфорда и частных лиц [Acquisition].

Эти гранты и пожертвования вместе с Исследовательским Советом по искусству и гуманитарным наукам позволили Бодлианской библиотеке приобрести рукопись и финансировать изучение трактата. Манускрипт хранится ныне в Бодлианской библиотеке в Оксфорде. Сочинение явилось предметом совместного исследовательского проекта этой библиотеки и Восточного института; она публикуется в полном объеме на новом веб-сайте, где находятся данные о труде и его авторе, а также переводы с арабского языка и краткие пояснения на английском языке авторов исследования к отдельным частям карты [ibid.]. Сайт содержит высококачественную электронную версию копии оригинального текста и иллюстраций с возможностью просмотра их наведением курсора мыши на фрагменты текста и переводы их на английский язык. Таким образом, на сайте имеется издание арабского текста и его английского

перевода с примечаниями на английском языке, которое дает возможность работать on-line с выдержками из того и другого, а также картами [Medieval Islamic Views of the Cosmos, 2007; *Mohammad Abbatouï*]. Электронная форма публикации выбрана для «Книги чудес» из-за плохого состояния рукописи, а также потому, что большая часть материалов в трактате содержится в форме схем и карт. Хотя копия не датирована и не подписана, бумага, чернила и пигменты относятся к сиро-египетским изделиям начала XIII–XIV в. [The Binding; *Mohammad Abbatouï*].

Изучала рукопись проф. Э. Сэвейдж-Смит (E. Savage-Smith), работавшая в Восточном институте и Университете Оксфорда, Бодлианской библиотеке и Ст.-Кросс Колледже Оксфорда. Она является специалистом в области средневековой арабской медицины, гаданий и магии, исламской картографии и астрономических инструментов (<http://www.orinst.ox.ac.uk/staff/iw/esavagesmith.html>). Работая совместно с проф. Лондонского университета Й. Рапопортом, который занимается различными аспектами средневековой мусульманской истории, и другими востоковедами, было выяснено, что анонимный автор жил между 1020 и 1050 гг. в Египте. Он признавал законной власть фатимидских имамов, которые правили в Ифрикии в 909 г., затем в Каире с 973 г. до низложения их династии Саладином в 1171 г. Аноним начинает свою работу с признания Фатимидов, а в дальнейшем дает краткую, хотя и крайне догматичную, историю династии с момента присоединения первого имама ал-Махди до поражения Абу Йазида его сыном Аль-Ка'имом. Иногда он использует коптские термины и название коптских месяцев, что наводит на мысль о Египте как месте написания документа [*Mohammad Abbatouï*].

Трактат был, вероятно, написан до 1050 г., о чем можно сделать вывод из следующих фактов:

1) упоминание строительства зданий для торговых помещений в городе Тиннис в 1014–1015 гг.;

2) фатимидский правитель Египта и Сирии ал-Хаким би-Амр Аллаха, правивший с 996 по 1021 гг., упоминается в главе, посвященной Тиннису, так, как будто он уже не стоит у власти. Поэтому трактат был, вероятно, написан после 1021 г.;

3) имеет значение упоминание племен Бану Кура как обитающих в низинах близ Александрии, в то время как они были изгнаны из региона Александрии властями Фатимидов в 1051–1052 гг.;

4) Аноним привел описание Сицилии под властью мусульман, в то время как в 1070 г. туда вторглись норманны.

Следовательно, автор работал в промежутке времени от 1020 до 1050 гг. Он пользовался оригинальной информацией, сведениями торговцев и путешественников, был литератором, но едва ли ученым [Johns, Savage-Smith, 2003, p. 7–9; Rapoport, Savage-Smith, 2008, p. 122 and note 4].

Труд состоит из двух книг: Книга I – о небесах, в десяти главах, и Книга II – о Земле, в двадцати пяти главах. Сочинение содержит 17 карт с пояснениями. Во второй главе книги II без дополнительного текста показана прямоугольная карта мира. Название для нее находится внизу предыдущей страницы (Folio 23A), где читается: «Это [Глава 1]. Далее следует глава 2 об изображении земли (fī Ṣūrat al-arḍ)». Особенностью карты является тщательно выполненная графика и масштаб [Rapoport, Savage-Smith, 2008, p. 122].

Прямоугольная карта в рукописи находится: Fol. 24a–23b, Book 2 – Chapter 2: «Об изображении Земли». Неизвестный автор заявляет, что его вторая книга основана на «Географии» Птолемея [Book I, chapter 10, fol. 22a; Rapoport, Savage-Smith, 2008, p. 132; Rapoport, 2008, p. 155]. Для арабских ученых Клавдий Птолемей (II в. н. э.) являлся непререкаемым авторитетом. Вероятно, автор «Книги чудес» использовал элементы «Книги картины Земли» Мухаммада ибн Мусы ал-Хорезми (ок. 783 – ок. 850), который вместе с другими учеными «Дома мудрости» работал над созданием карты мира для халифа ал-Ма'муна (813–833). Ал-Хорезми опирался на «Географию» Птолемея, повторив множество названий этой книги (в искаженной, арабизированной форме), прибавив и оригинальные наименования топонимов, рек, морей, озер, гор). Наименования сопровождалось географическими координатами, однако иными, чем у Птолемея [Nallino, 1944, p. 1–87; Mžik, 1936, s. 173–184; Калинина, 1988, с. 11–107]. В рукописи сочинения ал-Хорезми сохранились изображение истока и течения реки Нил, а также упоминания Лунных и Яхонтовых гор, стены Йаджудж и Маджудж [Rapoport, Savage-Smith, 2008, p. 124–128]. Эти имена и рисунки имеются и в «Книге чудес», что говорит об использовании данных книги ал-Хорезми. Само построение прямоугольной карты мира Анонима соответствует принципам, рекомендованным Сухрабом (X в.), который

переписал «Книгу картины Земли» ал-Хорезми [Калинина, 1988, с. 108–126; Rapoport, Savage-Smith, 2008, p. 129; Rapoport, 2008, p. 156]. В сочинении ал-Хорезми отсутствовало или не сохранилось введение; не исключено, что глава в труде Сухраба о том, как надо создавать прямоугольную карту, соответствует утерянной главе сочинения ал-Хорезми.

Ниже показан фрагмент прямоугольной карты «Книги чудес»:

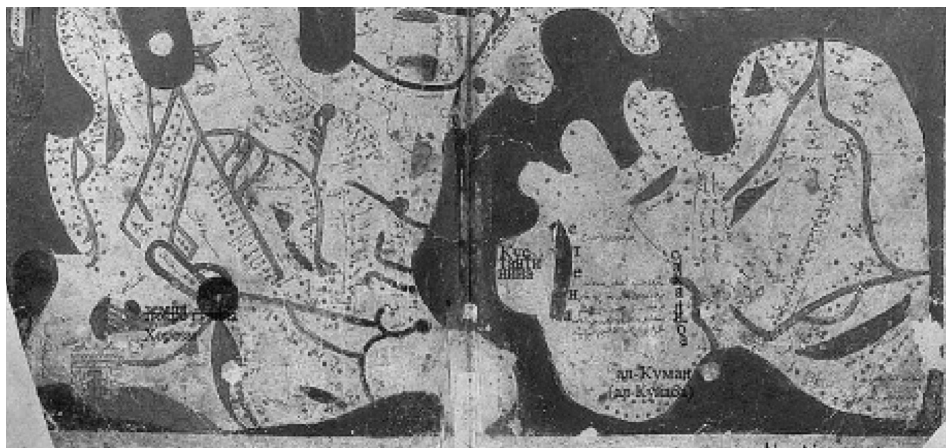

Рис. 1.

Фрагмент прямоугольной карты «Книги чудес» (Fol. 24a–23b, Book 2–Chapter 2: «Об изображении Земли»). – <http://www.bodley.ox.ac.uk/bookofcuriosities>.

В правой нижней части карты мира показана Европа с очень большим Пиренейским и Иберийским полуостровами, Пелопоннесом, хотя таких имен на карте нет. Цепь морей, выходящая, как на картах «классической школы» арабских географов X в. ал-Истахри и Ибн Хаукала, из Атлантики (западной части «Окружающего океана») и тянущаяся через Гибралтар, проходит через Средиземное море и включает в себя остальные моря как заливы, названий которым нет. Далее воды переходят к северу в безымянный пролив, который ал-Истахри и Ибн Хаукал называли Константинопольским (*халидж ал-Кустантинийа*). Этот пролив выходит на севере в Окружающий Землю океан, вблизи народов Йаджудж и Маджудж (библейские Гог и Магог). Ибн Хаукал показал соединение этого пролива посредством рукава реки Итил с морем Хазар, т.е. Каспийским.

Фрагмент карты Ибн Хаукала:

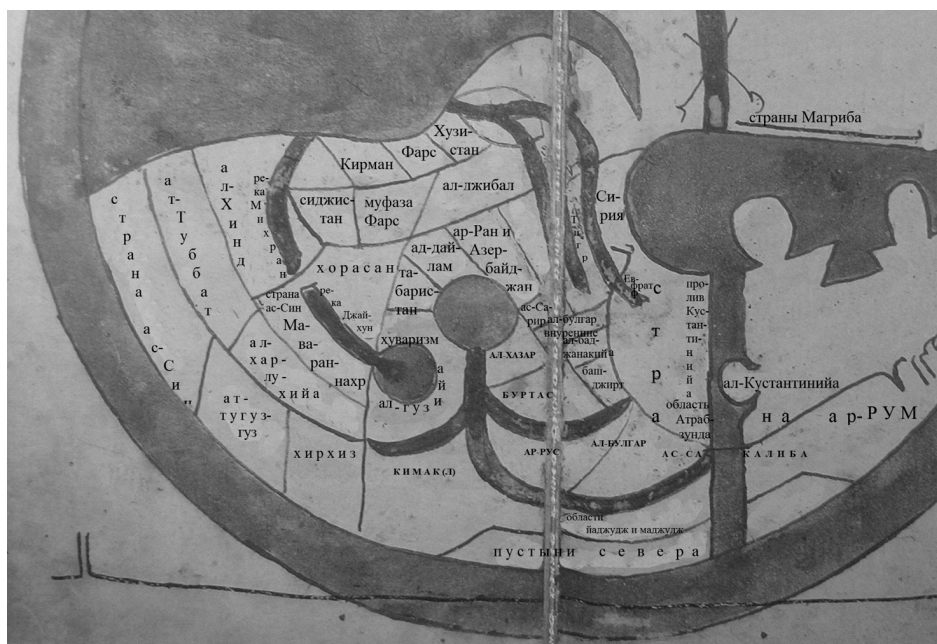

Рис. 2.

Фрагмент из карты мира Ибн Хаукала; рукопись датирована 1086 г.
[The History of Cartography, 1992, p. 123, fig. 5.16].

Следует отметить, что предшественник Ибн Хаукала ал-Истахри на своих картах (их сохранилось множество) не связывал Каспий с Константинопольским проливом, у него Итил имеет два рукава, ни один из которых не сливается с Константинопольским проливом, что видно на одной из карт ал-Истахри 1240 г.:

Прямоугольная карта «Книги чудес» тоже не показывает такой связи (см. выше).

На карте Анонима правее Константинополя, снизу вверх, есть надпись: *sakāliba*. Ниже Константинополя и правее, как и ниже надписи *sakāliba* – надпись: *ал-Куман* (اناموكل), которую издатели исправили на имя *ал-Куйба* (الكويابة), т.е. Киев: [تبناي واكل = اناموكل] [fol. 24a–23b. Book 2 – Chapter 2: «Описание Земли»; *Rapport, Savage-Smith, 2008, p. 124*].

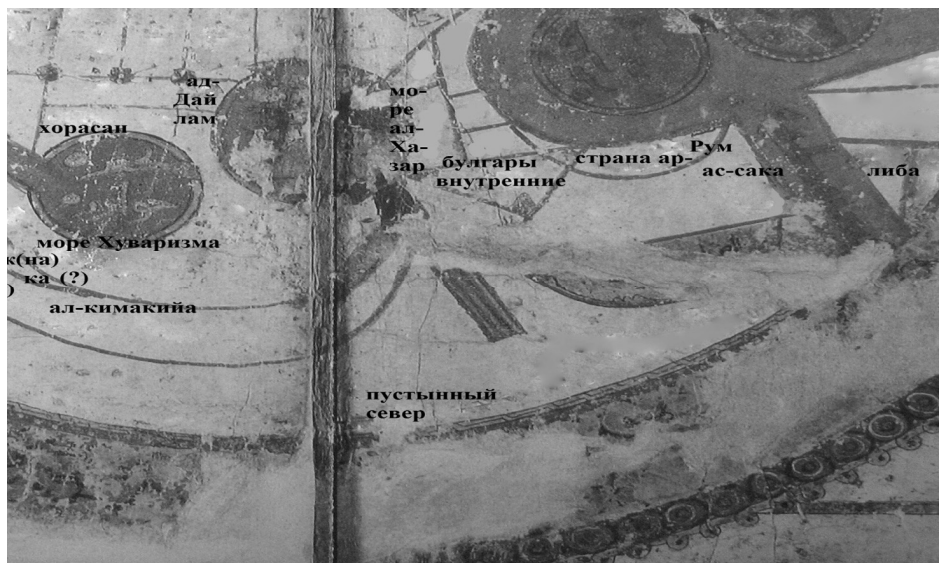

Рис. 3.

Фрагмент карты ал-Истахри, рукопись датирована 1193 г.
[The History of Cartography, 1992, p. 604, plate 7].

Этот топоним встречается в тексте сочинения ал-Истахри, а в несколько расширенном виде у Ибн Хаукала: «Вывозят от них (хазар. – Т. К.) мед, воск и меха, но привозят [эти товары] из областей русов и болгар, а также шкурки бобров, которые возят по всему свету. Бывают они только в тех северных реках, которые [текут] в стороне болгар, русов и *Кўйāба* (كويابا)... Русов три вида. Один из них – самый близкий к Булгару, и их [русов] властитель находится в городе, называемом *Кўйāба* (كويابا)...» [BGA, I, p. 221; BGA, II², p. 392]. Название *Кўйāба* вообще не обозначено на картах этих географов. В слове *Кўйāба* начальная буква – **кяф** (ك). Общепринято, что здесь назван Киев.

Этноним *куман* стал употребительным в византийских источниках с XI в.; на Руси куманы были известны как половцы. У арабов название встречается впервые только в трудах ал-Идриси, т.е в XII в., и его последователей Ибн Са'ида и Абу-л-Фиды' [Бартольд, 1968, с. 99; Коновалова, 2009, с. 72]. При написании имени *ал-қуманийя* ал-Идриси использовал другую начальную букву арабского алфавита: **қаф** (ق): (*ал-қуманийя*): للقمانية, не похожую на использованную в слове *Кўйāба* (كويابا). Как видно, графически

пользованную в слове *Куйаба* (كويابة). Как видно, графически буквы **каф** и **кяф** сильно отличаются друг от друга.

По-видимому, вследствие разницы в написании слов издатели интерпретировали это название в «Книге чудес» Анонима как искаженное *ал-Куйаба*. Однако имя *Куйаба* в трудах ал-Истахри и Ибн Хаукала пишется без артикля (*ал*), что тоже не совпадает с написанием в труде Анонима.

Впрочем, в труде Абу Хамида ал-Гарнати, который бывал в 1131–1153 гг. в Дагестане, Поволжье, Карпатах и других местах Восточной Европы, название *куман* пишется так же, как у Анонима – через букву **кяф** (ك). Но у ал-Гарнати речь идет о большом городе *Гуркуман* в стране славян. Первый издатель книги ал-Гарнати полагал, что имя *Гур* – это «укрепление», а *куман* – «половцы» [Dubler, 1953, p. 232–233]. Есть предположения, что этот топоним искажен; часть слова *Гуркуман* – *Куман* некоторые исследователи читают как искаженное *Киев*, а *гур* – как «город» с мягким звуком «г» [Путешествие..., 1971, с. 74, примеч. 104; Hrbek, 1954, S. 169–170; Мишин, 2002, с. 40–41].

Этноним *куман* не рассматривается издателями «Книги чудес». Действительно, в XI в. он был еще не известен арабам. Если же принять тезис, что слово *ал-куман* на карте Анонима XI в. действительно является единственным обозначением Киева на арабских картах, то это название имеет основой, скорее всего, известия Ибн Хаукала. Написание этнонима *ал-куман* могло попасть на карту Анонима при поздних переписках рукописи с ошибкой в начертании – вместо непонятого названия *Куйаба*. Однако вопрос о том, правы ли издатели книги Анонима, предпочитающие наименование *ал-Куйаба*, все же остается открытым.

Пролив, аналогичный Константинопольскому в сочинениях географов «классической школы», на карте Анонима тоже впадает на севере в Окружающий океан, но на ней не показано соединение этого пролива с рукавом реки Итил, как это сделано на круглой карте мира Ибн Хаукала.

В левой нижней части прямоугольной карты мира «Книги чудес» изображен круглый водный бассейн темного цвета без названия (Fol. 24a–23b. Book 2 – Chapter 2. «Об изображении Земли»). По наименованиям местностей вокруг понятно, что имеется в виду Каспий. В левой нижней части круга, при впадении реки Джайхун,

располагается земля тюрков *ал-кариба*. Последнее слово издатели исправляют на *ал-гуззия*, т. е. огузов. Далее показаны земли с искаженными названиями, которые издатели интерпретируют как Табаристан и Бадусбан (горы к югу от Табаристана). В море слева впадает река Джайхун, чуть ниже ее впадения, рядом с землей гузов, есть надпись: Хваризм. Как видно, на прямоугольной карте мира названия хазар нет.

Однако в трактате имеется отдельная карта Каспия, с надписью: «Глава 11. О море Хазаран (*бахр Хазаран*)» и надписи вокруг него:

Рис. 4.

Карта Каспия «Книги чудес» Анонима: «Глава 11. О море Хазаран (*бахр Хазаран*)» // Book 2. Fol. 31b. Ch.2.11. – <http://www.bodley.ox.ac.uk/bookofcuriosities>.

Внизу карты Каспия «Книги чудес» идет текст: «Это море никак не связано с другими морями, расположенными на поверхности земли, и в него впадает только река *ар-Рус*, известная как *Итил*. Если кто-либо обойдет это море, то вернется к тому месту, с которого начал, и он не встретит никаких препятствий, его путь не прервется. Это соленое море, в нем не бывает ни приливов, ни отливов, и оно темное. С его дна не поднимается ничего, кроме рыб. По морю плавают торговцы с мусульманской земли в землю *хазар* (в тексте явная ошибка: слово *джазар* – островов – вместо *хазар*), и оно короткое» (Book 2. Fol. 31b. Ch. 2.11).

Этот рисунок почти аналогичен карте Ибн Хаукала. Однако воспроизведенное издателем Й. Крамерсом изображение ориентировано так, что север находится наверху, а не внизу, поэтому расположение объектов иное, и сами объекты не абсолютно идентичны.

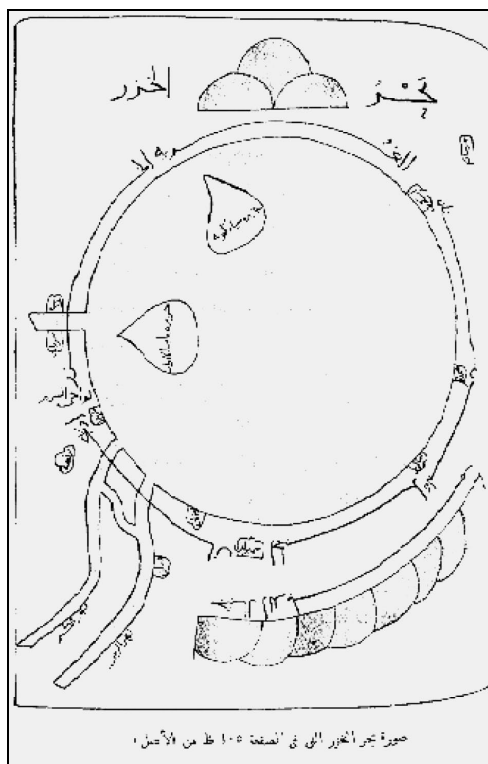

Рис. 5.

Карта Каспия Ибн Хаукала: [The History of Cartography, 1992, p. 123, fig. 5.16].

В тексте (не на карте) книги Ибн Хаукала есть фрагмент, почти аналогичный надписи внизу прямоугольной карты в «Книге чудес»: «Это море не имеет связи ни с одним из морей на поверхности Земли, ни путем связи, ни путем смешения, кроме того, что впадает в него из реки *ар-Рус*, известной как *Итил*, а она связана ответвлением, ведущим от нее к проливу, [который] выходит из земли ал-Кустантиния, с морем Окружающим. И если человек объедет это море, то вернется к тому месту, от которого начал [свой путь], без помех, и не пересечет ему [дорогу] ничего, кроме реки, [которая] впадает в него и разливается нем. Это море соленое, и нет у него ни приливов, ни отливов. Это море темное, на дне его – ил... Не поднимается из этого моря ничего: ни драгоценные камни, ни жемчуг, ни кораллы или другое – то, что поднимается [из других] морей, и не добывают из него ничего из того, что [обычно] поднимается, кроме рыб. Плывут по нему купцы из мусульманских земель к земле *хазар* и [в области] между Арраном, Гилян, Табаристаном и Гирканией [BGA, II-2, p. 388].

Итак, очевидно, что рассказ автора «Книги чудес» является сокращением текста Ибн Хаукала, упоминание моря Хазаран вместо моря Хазар, видимо, ошибка.

Острова Баб ал-Абваб и Сийах Кух на карте Анонима показаны в правой части моря, у Ибн Хаукала – в левой. На карте Анонима сверху обозначены горы Дейлема и области Гиляна и Дейлема; у Ибн Хаукала снизу показана страна Дейлема. Аноним показывает слева на берегу Табаристан, ниже Джурджан, затем пустое пространство между Гузией и Джурджаном, далее земля гузов. Ибн Хаукал в том же порядке перечисляет эти области, исключая пустое пространство. Внизу Каспия справа у Анонима присутствуют горы, вдоль которых написано: земля *Хазаран*; соответственно на карте Ибн Хаукала – *ал-Хазар*. Здесь Аноним показывает реку *ар-Рус* (русов), где ближе к Каспию – в верхней части реки – город *ал-Хазар*, в нижней части – город *Баб ал-Абваб* (Дербент). На карте Ибн Хаукала названия реки *ар-Рус* на карте нет, но она упомянута в тексте (см. выше). Сверху этой реки на карте «Книги чудес» есть топонимы *Итил*, снизу – *Хазаран*. Это соответствует тексту Ибн Хаукала: «Хазары – имя вида людей; их город небольшой, имеет две стороны. Одна сторона называется *Итил*, по имени реки, а другая – *Хазаран*» [BGA, II-2, p. 15].

Справа, немного в глубине, на карте Анонима показан Тифлис, еще раз упомянут Баб ал-Абваб, далее отчетливо видны соединяющиеся протоком (как у Ибн Хаукала) реки Кура (без названия) и Аракс (*ар-Расс*); Ибн Хаукал же приводит названия обеих рек – *ал-Курр* и *ар-Расс*. Вблизи указан город Барда'а. На юго-западе имеются: Мукан, далее земли Гиляна и Дейлема.

Таким образом, упоминания топонимов и гидронимов, как и картографический материал, в отношении Восточной Европы и Каспия на прямоугольной карте «Книги чудес» зависят от информации Ибн Хаукала с некоторыми разночтениями, которые, вероятно, показывают нечеткое знание автором сочинения последнего или попытки переработки оною.

В «Книге чудес» имеются также изображения и тексты о землях и водах Средней и Центральной Азии, однако эти известия требуют отдельного исследования.

Источники и литература

- Бартольд В. В.* Двенадцать лекций по истории по истории турецких народов Средней Азии // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 5. М., 1968.
- Калинина Т. М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, пер., комментарий. М., 1988.
- Коновалова И. Г.* Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. (Текст, перевод, комментарий). М., 2009.
- Мишин Д. Е.* Ас-Сакалиба (славяне) в исламском мире. М., 2002.
- Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публикация О. Г. Большакова и А. Л. Монгайта. М., 1971.
- Acquisition // <http://cosmos.bodley.ox.ac.uk/content.php/history?expand=733,816>.
- The Binding. Conservation // <http://cosmos.bodley.ox.ac.uk/content.php/history?expand=733,816>.
- Dubler C.* Abū Ḥāmid el Granadino y su Relación de viaje por tierras eurasiáticas. Madrid, 1953.
- The History of Cartography. Vol. 2. Pt. 1. Cartography in the Traditional Islamic and South Asian Societies / Ed. by J.B. Harley, D. Woodward. Chicago University Press Home, 1992.
- Hrbek I.* Nový arabský pramen o východné a středné Evropě // Česko-slovenska Ethnographie 1954. II. № 2.

- Hudud al-'Alam. “The Regions of the World”. A Persian Geography 372 A.H.–982 A.D. / Transl. and explained by V. Minorsky. With the preface by V.V. Barthold transl. from the Russian. London, 1937.
- Johns J., Savage-Smith E.* The Book of Curiosities: A Newly Discovered Series of Islamic Maps // *Imago mundi*. 2003. Vol. 55.
- Medieval Islamic Views of the Cosmos / The Book of Curiosities (circa 1025) // <http://www.bodley.ox.ac.uk/bookofcuriosities> (march 2007).
- Mohammad Abbatoui.* The Book of Curiosity or a Medieval Islamic View of the Cosmos // *Muslim Heritage*. Discover the golden age of Muslim civilization (Foundation for Science Technology and Civilisation (<http://www.muslimheritage.com/article/book-curiosities-or-medieval-islamic-view-cosmos>)).
- Mžik H.* Osteuropa nach der arabischen Γεωγραφικη ὑφήγησις des Kl. Ptolemaios von Muhammad ibn Musa al-Huwarizmi // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. Bd. 43, H. 3–4. Wien, 1936.
- Nallino C. A.* Al-Huwarizmi il suo rifacimento della Geografia di Tolomeo / Raccolta di scritti editi e inediti. T. V // *Astrologia, astronomia, geografia*. Roma, 1944.
- Rapoport Y.* The Book of Curiosities: a Medieval Islamic View of the Past // *The Journey of Maps and Images on the Silk Road*. Leiden, 2008 (<https://ru.scribd.com/document/284093015/Rapoport-The-Book-of-Curiosities-A-Medieval-Islamic-View-of-the-Past>).
- Rapoport Y., Savage-Smith E.* The Book of Curiosities and a Unique Map of the World // *Cartography in Antiquity and the Middle Ages: Fresh Perspectives, New Methods: Technology and Change in History* / R.J.A. Talbert, R. W. Unger (eds). Leiden–Boston, 2008.

Сокращения

- BGA I – Bibliotheca geographorum arabicorum I: Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishák al-Fárisí al-Istakhrí. Leiden, 1870.
- BGA II-2 – Bibliotheca geographorum arabicorum II-2: Opus geographicum auctore Ibn Haukal (Abū'l-Kāsim ibn Haukal al-Nasībī)... «Liber imaginis terrae» / Ed. collatio textu primae editionis aliisque ntibus adhibitis J. H. Kramers. Lugduni Batavorum, 1938–1939.

Т. М. Калинина

**Каспий, хазары и Куйаба (куманы?)
на прямоугольной карте «Книги чудес» XI в.**

Резюме

Статья посвящена исследованию нового источника – «Книги чудес наук и диковины виденного воочию» неизвестного автора. Манускрипт хранится ныне в Бодлианской библиотеке. Он опубликован на сайте: <http://www.bodley.ox.ac.uk/bookofcuriosities> (march 2007), где имеется арабский текст и английский перевод с примечаниями на английском языке. Этот электронный вариант дает возможность работать on-line с выдержками из арабского текста и английского перевода, а также с картами. Изучали и издали рукопись проф. Э. Сэвейдж-Смит и проф. Й. Рапопорт.

Книга содержит часть I – о небесах, в десяти главах, и часть II – о Земле, в двадцати пяти главах, а также 17 карт с пояснениями. Во второй главе книги II показана прямоугольная карта мира. Датировка рукописи первой половиной XI в. произведена по косвенным замечаниям анонимного автора. Прямоугольная карта мира основана на текстовой и картографической информации предшественников: Мухаммада ал-Хорезми и Ибн Хаукала.

Большой водный массив, идущий из Окружающего океана через Гибралтар и переходящий в пролив, именуемый в произведениях «классической школы» географов ал-Истахри и Ибн Хаукала Константинопольским, не аналогичен, но весьма схож с изображениями этого бассейна на круглых картах мира указанных авторов. Пролив в труде Анонима не назван. Вблизи него показан Константинополь, а также отмечены *сакалиба*. Кроме того, имеется топоним *ал-куман*, который издатели интерпретируют как *Куйаба* (Киев в трудах ал-Истахри и Ибн Хаукала), что вызывает некоторые сомнения, хотя в XI в. этноним *куман* не был известен арабам и издателями он не рассматривается.

На прямоугольной карте мира «Книги чудес» показан также Каспий с впадающими реками, в том числе Джайхун (Амударья), тюрки, Табаристан и Бадусбан, Хваризм.

Отдельно приведена карта Каспия, без имени, но почти аналогичная как по форме, так и окружающим названиям, карте моря Хазар в труде Ибн Хаукала. Ориентация карты Анонима, в отличие Ибн Хаукала, южная. Как и у последнего, названы «города» Итил и Хазаран и другие, аналогичные показанным на круглой карте мира Ибн Хаукала. На прямоугольной карте «Книги чудес» представлено устье реки ар-Рус, изображения которой на круглой карте Ибн Хаукала нет, однако это имя и описание реки имеется в тексте книги Ибн Хаукала.

Таким образом, часть прямоугольной карты карта мира «Книги чудес» в отношении Восточной Европы, как и карта Каспия, являют собой переработанную версию труда и картографического материала Ибн Хаукала.

Ключевые слова: Книга чудес, манускрипт, неизвестный автор, прямоугольная карта мира, ал-куман, Куйаба, Итил, Хазаран, Ибн Хаукал

T. M. Kalinina

**Caspian Sea, Khazars and Kuyaba (Kumans?)
On Rectangular Map of the World from “The Book of Curiosities...”
of 11th century AD**

Summary

The article is devoted to a new writing and cartographic source "*Kitāb Gharā'ib al-funūn wa-mulāh al-'uyūn*" ("The Book of Curiosities of the Sciences and Marvels for the Eyes") belongs to unknown author. The manuscript is now stored in the Bodleian library. It is published on the website: <http://www.bodleian.ox.ac.uk/bookofcuriosities> (march 2007), where there is Arabic text and English translation with notes in English. This electronic version gives you the opportunity to work on-line with excerpts from the Arabic text and English translation, as well as with maps. Studied and published a manuscript by Prof. E. Savage-Smith and Prof Y. Rapoport.

The book contains part I – about Heaven, in ten chapters, and part II – about the Earth, in twenty-five chapters, and also 17 maps with explanations. The second chapter of the Book II contains a rectangular map of the world. The dating of the manuscript of the first half of the 11th century was made according to indirect observations of the anonymous author. The rectangular map of the world is based on the textual and cartographic information of the predecessors: Muhammad al-Khwarizmi and Ibn Hawqal.

A large water mass flowing from the Surrounding ocean through Gibraltar and passing into the Strait, called in the works of the “classical school” of geographers al-Istakhri and Ibn Hawqal of Constantinople, was not the same, but very similar to the images of this basin on the round maps of the world by these authors.

Strait in the work of the Anonymous is not named. Near it, Constantinople is shown, and also the *Sakaliba* are noted. In addition, there is a toponym *al-kuman*, which publishers interpret as *Kuyaba* (Kiev in the writings of al-Istakhri and Ibn Haukal), which raises some doubts, although in the XI century the ethnonym *Kuman* was not known to the Arabs; publishers it is not considered.

The rectangular world map of the “The Book of Curiosities” also shows the Caspian with the flowing rivers, including the Jayhun (Amudarya), and the names: the Turks, Tabaristan and Badusban, Khvarizm.

The map of the Caspian Sea is shown separately, without a name, but almost similar to the Khazar sea map in the work of Ibn Hawqal. Orientation map of Anonymous, in contrast to Ibn Hawqal, is southern.

As the latter, is called the "city" Itil and Khazaran. These and other names are similar to those shown on the circular map of the world of Ibn Haukal.

On the rectangular map of the "The Book of Curiosities" is the mouth of the river ar-Rus, whose images are not on the round map of the world of Ibn Hawqal. But this name and description of this river is found in the text of Ibn Hawqal's book.

Thus, the part of the rectangular world map of the "The Book of Curiosities" for Eastern Europe, like the map of the Caspian Sea, is a revised version of Ibn Hawqal's work and cartographical material.

Key words: Book of Curiosities, manuscript, unknown author, rectangular world map, al-kuman, Kuyaba, Itil, Khazaran, Ibn Hawqal.

С. В. Кашаев, Н. В. Кашовская

ИУДЕЙСКИЕ КАМНИ И НАДПИСИ БОСПОРА (по материалам полевых и архивных работ)

Позднеантичные поселения Таманского полуострова (античный Боспор) мировая историография все чаще начинает рассматривать в качестве истоков иудаизма в Хазарии. В тоже время Боспор находится в той области, которая А. В. Гадло была названа точным термином «междуморье», той частью «степей», в которую входили Причерноморье и предгорья Северного Кавказа [Гадло, 1979, с. 7]. Кавказоведы уже давно успешно рассматривают народы Северного Кавказа как единый взаимосвязанный комплекс в динамике развития всего Северо-Кавказского региона, но отмечают с большим сожалением неравномерность освещения письменными и археологическими источниками «этнических общностей» [там же, с. 4].

Все чаще археология на сегодняшний день дает материальные подтверждения бытования иудаизма на Тамани, в одном из центров будущей Хазарии.

С самого первого, почти интуитивного, романтического периода изучения Боспорского края археологические древности представляли разнообразные сферы жизни еврейской диаспоры. Именно раскопки археологов на Европейском и Азиатском Боспоре превратили ее из легенды в исторический факт. На основании находок XIX–XX вв. был выявлен ряд центров пребывания иудеев, где сохранились его многочисленные следы. В Керчи основными местами обнаружения иудейских плит были Глинище, земли лазарета, что «у шоссе, ведущего в Керченскую крепость», Цементная слободка, Павловская батарея, «где, по-видимому, и находилось ев-

рейское кладбище» [КБН, 1965, с. 424, 428, 443]. На Азиатском Боспоре иудейские поселения традиционно связывают с двумя крупными городами Фанагорией и Гермонассой (византийской Таматархой или древнерусской Тмутараканью). Фанагория, как показали археологические исследования, доминировала на полуострове в античный период. Однако с раннего средневековья главенствующая роль переходит к Гермонассе-Таматархе-Тмутаракани. Все имеющиеся археологические свидетельства позволили установить историческое существование иудейских общин в этих центрах [Паромов, 2003, с. 158, 161–168; Чхаидзе, 2012, с. 114, 123, 216, 226, 255, 261]. Большая часть плит найдена во вторичном использовании, и это обстоятельство влияет на точность исторических реконструкций. Такой контекст находок не позволяет точно их датировать, датировка возможна лишь по палеографическому анализу и косвенным признакам.

Всю археологическую группу еврейских памятников боспорской земли составили мраморные и известняковые стелы с посвятельными текстами, юридическими актами (манумиссиями), а также надгробия с иудейскими символами.

Изучение памятников, отражающих погребальный обряд иудейских поселенцев, рано стало самостоятельным направлением. В середине XIX в. энтузиаст исследований Боспора – А. Е. Люценко обнаружил 60 целых и фрагментированных надгробных плит с изображением семисвечников [Люценко, 1876, с. 577–580, табл. III–VI; Хвольсон, 1884, с. 133–134].

В течение последующих десяти лет, с 1866 по 1876 г., членами Императорской Археологической комиссии И. Е. Забелиным и В. Г. Тизенгаузенем были обнаружены еще 60 аналогичных надгробий [Хвольсон, 1884, с. 133–138]. В 1869–1870 гг. барон В. Г. Тизенгаузен вел раскопки у городища Фанагория в районе станицы Сенной, в результате которых была выявлена большая концентрация памятников, свидетельствующих о проживавшем здесь когда-то еврейском населении. Работы проводились у «искусственных земляных насыпей, близ того места, где находилась древняя Фанагория». Для этого особенно внимательно осматривались фундаменты старых построек, так как многие камни его предшественником А. Е. Люценко были обнаружены во вторичном использовании в качестве строительного материала в постройках. В. Г. Тизенгаузен

«нашел много таких камней и четыре с надписями» [Хвольсон, 1884, с. 134–138]. Эти и другие найденные надгробные плиты были помещены в Музей Археологической комиссии в петербургском доме графа Строганова [там же, с. 135]. К сожалению, современное местонахождение этих плит до сих пор неизвестно. Только об одной из них можно говорить определенно: прорисовка текста надписи была опубликована Д.А. Хвольсоном в «Сборнике еврейских надписей» под № 96, а сама плита была передана на хранение в Азиатский музей Императорской Академии наук. В настоящее время эта стела хранится в фонде Государственного Эрмитажа, куда она попала, вероятно, после расформирования Азиатского музея в 1932 г. [Носоновский, 2002, с. 161] (рис. 1, 2).

Рис. 1.

Надгробие из ст. Сенной (№ 96 по Д. А. Хвольсону);
хранится в Эрмитаже, Санкт-Петербург.

Рис. 2.

Фрагмент надгробия из ст. Сенной (№ 96 по Д. А. Хвольсону).

Эти первые находки, случайные или полученные при плановых раскопках, сразу вызвали интерес у «ценителей древностей» и сотрудников музеев. Чаще всего находки доставлялись в г. Керчь, в лапидарий, устроенный в Мелек-Чесменском кургане, который был частью Музея древностей. Иудейские надгробные стелы, обнаруженные на окраинах Керчи (у Павловской батареи, на Цементной слободке, Глинице) и привезенные с Таманского п-ва, составили там особую этнокультурную коллекцию.

Насколько можно судить по находкам, сохранившимся в архивах рисункам, фотографиям и копиям – эстампам, надгробия иудеев были выполнены в виде вертикальных прямоугольных стел. Они, как правило, оформлялись рамкой, повторяющей форму камня, а в ней помещалось рельефное изображение. Второй часто встречающийся тип стел заканчивается архитектурной стилизацией фронтона античного храма. Стелы обоих типов являются подражанием греческим и римским образцам надгробий, однако они были выполнены в местных, региональных вариантах с определенными дополнениями. Некоторые из плит в основании имели шип (штифт) для

установки в постамент. Памятники вырезали из местного камня – известняка, что также свидетельствует о региональной традиции исполнения. Определенную «особенность погребального обряда» и «установку на могиле памятника с надписью или без» на Боспоре отмечают многие исследователи региона. Изготовление саркофагов и памятников (рельефных плит и статуй) становится частью градостроительного ремесла, ему уделялось немаловажное значение в городской архитектуре, о чем и свидетельствуют дошедшие до нас памятники [*Десятчиков и др.*, 1984, с. 80]. Сам факт установки надгробного памятника на иудейской могиле – это результат влияния или подражания, а стелы с акротерием или стремление к нему или деталями, которые увенчают надгробие, словно фронтон античного храма, есть наиболее яркая иллюстрация тому [*Кобылина*, 1984, с. 224–225].

Так, археологические находки позволили установить историческое существование иудейских общин в позднеантичных городских центрах Боспора. Однако контекст обнаружения плиты во вторичном использовании признается исследователями как добавляющий дополнительные трудности для точности исторических реконструкций. Усложняются, и существенно, возможные датировки, допускаются косвенные признаки, характеризующие установление межэтнических контактов, в которые были вовлечены переселенцы-иудеи [*Даньшин*, 1993, с. 68; *Левинская*, 2000, с. 51, 129, 144, 318–319; *Кашаев, Кашовская*, 1999, с. 332–337; *Кашаев, Кашовская*, 2006, с. 55–60]. Такие контакты привели к появлению смешанных синкретических и квазипрозелитических культов на периферии античного мира – или с элементами иудаизма, или на его основе. В работах Таманских археологов поднимаются интересные вопросы в процессе осмысления, интерпретации накопленного материала по истории еврейской диаспоры на Боспоре [*Чхаидзе*, 2006, с. 53–86].

Наиболее явно проступает отмеченный синкретизм в деталях и планировке строительного комплекса СК-6, открытого у станции Вышестеблиевской.

За весь период раскопок (1999–2006) на поселении была исследована площадь около 1000 кв. м, на которой открыто 16 строительных комплексов и более 90 хозяйственных ям. По датировкам обнаруженных строительных и хозяйственных комплексов можно выделить несколько основных хронологических периодов жизни

поселения (между ними, возможно, были перерывы). Находки и постройки на поселении датируются в широких хронологических рамках – от V в. до н. э. до X в. н. э.

В ходе работ на поселении почти каждый сезон стали обнаруживаться камни, которые можно было отнести к иудейским из-за характерной символики: где фрагментарно, где полностью, но ясно проступали менора, шофар, лулав; на четырех из них на оборотной стороне были вырезаны тамгообразные знаки.

Раскопки Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2001–2002 гг. на поселении Вышестеблиевская-11 обнаружили интересный в сакральном отношении комплекс [Кашаев, Кашовская, 2008, с. 340–362]. Это заглубленная в землю постройка, получившая наименование Строительный комплекс-6 (СК-6). Она представляет собой землянку прямоугольной в плане формы, ориентированную длинными сторонами по линии ЮЗ–СВ. При разборке заполнения землянки было обнаружено надгробие с иудейской символикой, лежащее лицевой стороной вверх. Далее в ходе расчистки была обнаружена каменная вымостка, в которую лицевой стороной вниз были уложены еще 5 надгробий. Пол землянки многократно покрывался белой глиняной обмазкой. Зафиксированы два строительных периода СК-6. На первом этапе каменной вымостки не существовало, а пол многократно покрывался белой глиной, что говорит о длительном использовании постройки. На втором этапе, видимо, в процессе капитального ремонта, в землянке была сооружена каменная вымостка с использованием надгробий, а глиняной обмазкой продолжилось покрытие не замощенной части пола. Помимо вымостки, в землянке были обнаружены в западном углу постройки углубление сложной формы, заполненной толченой ракушкой, а также конструкция из ярко-коричневой глины с примесью толченой ракушки, размер конструкции 0,65 × 1,75 м. Одна половина конструкции представляет собой плоский «столик» с бортиком, вторая – небольшое углубление овальной формы. В нем лежала половина массивного круглого жернова. При расчистке всей конструкции была обнаружена зола. На дне землянки вдоль северо-восточного борта имеется каменная кладка, выложенная в один ряд из некрупных камней. Она служила основанием сырцово-глиняной стенки.

Основными элементами декора на всех шести надгробиях являются семисвечник (менора), а также стилизованные пальмовая

ветвь (лулав) и трубный рог (шофар). На оборотной стороне двух надгробий выбиты тамгообразные символы в виде перевернутого трезубца. На лицевой стороне одного из самых массивных надгробий традиционный уже декор дополняли 7 «кружков с веточкой». Некоторые «кружки» соединены с другими символами или между собой. Возможно, они должны символизировать плоды (этрога). Пять стелообразных надгробий лежали в вымостке лицевой стороны вниз, шестое помещено в центре вымостки и всего комплекса – оно несло, видимо, совсем не утилитарную, а сакральную функцию. Создателями комплекса эта наиболее тщательно обработанная плита была выбрана для исполнения особой культовой цели. Лицевая сторона хорошо отшлифована, на ней изображены семисвечник, шофар и лулав. В верхней части плиты в рамке сохранилась двухстрочная надпись на древнееврейском языке, выполненная арамейским квадратным шрифтом.

Теперь список опубликованных ранее Боспорских надгробий с еврейскоязычным текстом дополнился 10-й представляемой надписью.

Первый опыт интерпретации обнаруженного строительного комплекса с учетом всех конструктивных деталей был дан в 2004 г. [Кашаев, Кашовская, 2004, с. 14–23]. Планировка, артефакты из заполнения землянки позволяют говорить, что это не хозяйственный или жилой, а культовый комплекс. Все это дает основу для размышления над его конфессиональной ориентацией. Существенным моментом для понимания назначения комплекса являются надгробия и их функциональное использование в нем. Кто оставил плиты первоначально? Кто уложил вымостку? Допустимо ли такое «пребрежительное» отношение к плитам и использование их для вымостки?

Первый и, вероятно, самый главный элемент комплекса – плита с менорой, поставленная в центре вымостки. Есть несколько примеров использования архитектурных элементов с изображением меноры, которые предположительно могли заменять храмовый семисвечник или выполнять дополнительную функцию – символизировать Храм. Например, в синагогальном комплексе в Остии (Италия), датированном III–IV вв., на фрагменте античного пилона был выполнен рельеф с изображением меноры, шофара, лулава и этрога. Автор публикации о нем считает, что сам пилон выполнял

функцию Арона га-кодеша, и называет этот комплекс Скинией [Verduchi, 1996, p. 1].

Вторым и территориально более близким примером может послужить находка в Херсонесе, в кладке апсиды раннехристианской базилики известняковой плиты с менорой. Изучив иудейские древности Херсонеса, ученые пришли к мнению, что она, вероятнее всего, указывает на связь с существовавшим здесь большим общественным зданием (синагогой), перекрытым Базиликой 1935 г. Эта находка «указывает на присутствие иудейского этноса в Херсонесе римского времени» [Оверман, Макленнан, Золотарев, 1997, с. 58]. Для осмысления общей культовой ситуации на Боспоре очень важна другая находка из той же Базилики. Это два фрагмента штукатурки с текстом на иврите, в котором при его реконструкции Этель Эшли прочитывается Анания из Боспора. Язык стал консолидирующим элементом иудеев Причерноморья. Датировка находок не выходит за пределы IV в. [там же, с. 59].

Стоит подчеркнуть, что о комплексах в Остии и Херсонесе мы имеем лишь предположительное представление, составленное по уцелевшим фрагментам, а комплекс, открытый на Тамани, не перекрыт поздними постройками и сохранился относительно хорошо. Примеры Остии и Херсонеса позволяют и в этом случае рассматривать надгробие с менорой, использованное вторично и установленное в центре комплекса, как синагогальный (храмовый) элемент.

Позднеантичная иудейская культовая практика, соседствующая с квазипрозелитической свободой, допускала, как доказывают наблюдения И. А. Левинской, даже изображения бюстов на иудейских надгробиях [Левинская, 2000, с. 143]. Вольные религиозные нормы язычников, следующих иудейскому культу или симпатизирующих ему, подтверждаются случаями сооружения алтарей Богу при условии, что они будут соответствовать предписаниям Торы [Левинская, 2000, с. 144].

Третьей важной деталью является конструкция из глины с жерновом и столиком, предположительно атрибутируемая как алтарь-жертвенник. На такой вывод наводят случаи нахождения жертвенников в культовых строениях и факты характерного использования в них жерновов. На Боспоре, где исторически наблюдается смешение различных культур и традиций, раскопки фиксируют самое не-

ожиданное использование типичных утилитарных вещей. При исследовании некрополей малых городов Илурата и Китея В. А. Хршановским и И. А. Тульпе были обнаружены жернова непосредственно под погребениями или над жертвенными ямами, которые авторами были атрибутированы в подобном применении как алтари-жертвенники [Тульпе, Хршановский, 1994, с. 108]. Однако алтари-жертвенники отмечаются в этом регионе и в других культовых комплексах монотеистических религиозных систем.

Преобладающий состав населения сельской территории боспорских полисов IV–V вв. связывают с сармато-аланами [Десятчиков и др., 1984, с. 89; Чхаидзе, 2012, с. 255], первые раннехристианские храмы Боспора и всего Предкавказья также относятся к этому времени.

Христианизация шла из Закавказья и Византии. В рассказе о Св. равноапостольской Нине, который можно рассматривать как предысторию грузинского христианства, усматривается историческая связь христианства и священнического «иудаизма» (т. е. храмовой, не раввинистической традиции). Св. Нина приходит в Мцхету к существующей иудейской общине создавать им Храм. На церковной, христианской периферии консервативная среда народного благочестия до сих пор сохранила обряд корбони (Кавказ, Балканы). Иудейская основа чина корбони заключена не только в происхождении термина, но и в литургическом чинопоследовании. Эта проблема в раннехристианской истории подробно рассматривалась В. М. Лурье [Лурье, 2001, с. 154–164] и, по его мнению, именно «антииудейская полемика» являлась надежным «консервантом» архаичных христианских преданий. Синкретизм прослеживался и в культовых комплексах Хумаринского городища, хотя скорее его можно отнести к культуре огнепоклонников. Не однозначной является оценка общественного здания Саркельской крепости. Предположение С. А. Плетнёвой о том, что обнаруженное в Саркеле одиноко стоящее здание могло быть синагогой, поддерживают далеко не все хазароведы [Плетнёва, 2000, с. 98, 2002, с. 83; Флёров, 2002, с. 95; Швецов, 2002, с. 107], а А. Я. Найман находит возможным говорить о святилище [Найман, 2002, 104].

На территории адыгских племен упоминаются христианские епархии. В Ново-Михайловском, Лоо, Адлере также зафиксированы христианские храмы этого времени. Чир-Юртские христианские

храмы, которые Плетнёвой названы «семейными» [Плетнёва, 2000, с. 215], в плане четырехугольные, один из них имеет возвышение, которое исследователи трактуют как жертвенник. Существование практики жертвоприношения в раннехристианской церкви подтверждается многочисленными письменными источниками, которые свидетельствуют, что сам патриарх Евтихий совершал обряд жертвоприношения, сопровождавший освещение храма Св. Софии в Константинополе [Лурье, 2001, с. 156].

Обращает на себя внимание и последний, не менее важный, элемент комплекса: его общая планировочная композиция, которая приближает нас к восприятию всего комплекса как вариативного повторения библейской Скинии. В классическом понимании, описанном в Библии, Скиния предполагает прямоугольную вытянутую форму, наличие места Святая Святых для ковчега завета, жертвенника, стола с хлебами, светильника и умывальника, расположенных в определенных местах. В СК-6 мы вся площадь комплекса разделена на две части – Святую Святых и Святилище. Роль завесы (перегородки) в данном случае могла играть плита с семисвечником.

Состоящий из двух элементов алтарь-жертвенник возможно выполнял совмещенную функцию – стола «предложений» и жертвенника курения. Лунка с ракушечным заполнением была стоком для воды и, возможно, соответствовала необходимому для Скинии умывальнику.

По Библии, Святая Святых в Скинии ориентирована на запад. Вновь обнаруженный комплекс имеет расхождение с традиционной ориентацией примерно на 100 градусов, учитывая, что СК-6 расположен вдоль берегового обрыва, то можно признать, что его направление в пространстве находится в соответствии с окружающим ландшафтом и, возможно, с остальной планировкой поселения.

Керамика в СК-6 обнаружена в основном в верхней части комплекса, потревоженной глубокой плантажной распашкой. Имеющийся керамический материал происходит из культурного слоя и относится ко всем периодам жизни поселения, начиная с V в. до н. э. и по X в. н. э. Непосредственно на полу СК-6 из белой обмазки и между камней вымостки керамики не обнаружено, т. е. пол был практически чистым. Эта ситуация, с одной стороны, затрудняет датировку по керамическим находкам, с другой – еще раз подчер-

кивает значимость объекта для древних обитателей поселения и уважительное к нему отношение. Даже после прекращения своего функционирования он не был засыпан мусором, как это часто бывало [Кашаев, Кашовская, 2010, с. 292].

Таким образом, любая попытка интерпретировать СК-6, этот новый культовый памятник с его сложной, нетрадиционной планировкой, конструктивными деталями и артефактами из заполнения, включая находки стел-надгробий, поднимает целую группу вопросов и размышлений над его атрибуцией, которая бы достоверно отражала конфессиональную ориентацию его создателей.

Иудаизм на Боспорской земле давно стал историческим фактом, но любое, даже небольшое, материальное его подтверждение всякий раз становится историческим открытием. В. С. Флёров совершенно справедливо обращает внимание археологов на два важных момента, которые необходимо учитывать при обнаружении артефактов, относящихся к иудейской религии. Первое – имел ли иудаизм прозелитов иные формы, отличительные от раввинистического?; второе – если имел, то в какой именно форме иудаизм мог сохраняться или выражаться при этническом смешении общин? [Флёров, 2002, с. 93]. Правильнее будет предположить присутствие синкретических форм в культуре. Подобное проявление фиксируется археологической реальностью, которая справедливо говорит о прозелитизме дохазарского периода [Паромов, 2003, с. 166–167].

Поиски аналогий обосновано поднимают вопрос: с какими временем и традицией можно связать обнаруженный объект? В. Я. Петрухин обращает внимание на сложность изучения «неуловимых иудейских памятников» именно из-за невыразительности обрядовых форм у слишком «тонкого слоя приверженцев» иудаизма [Петрухин, 1997, с. 202]. Археология Хазарии констатирует отсутствие традиции «гражданского и культового домостроения» [Плетнёва, 2000, с. 192–193, 214–216; Флёров, 2002, с. 95] и все вышеприведенные примеры обсуждения касались вопросов хазарского иудаизма. Но даже в пределах хазарской проблематики В. М. Лурье усматривает зыбкость теоретических представлений о формировании принятого иудейского культа [Лурье, 2001, с. 437]. Н. Голб, говоря о практике у хазар синкретического «шаманского» иудаизма, с осторожностью высказал предположение о возможно допускавшихся ритуальных жертвоприношениях при условии существующей

традиции «нераввинистических» течений в диаспоре [Голб, Прицак, 1997, с. 45]. Можно говорить, что результат интеграции иудейского мира с прозелитическими тенденциями [Петрухин, 1997, с. 218] фиксирует культовый комплекс поселения Вышестеблиевская-11, равно как и «историческое время» этой интеграции. Структурная композиция комплекса по своим характерным деталям может быть отнесена к самому началу становления культовых канонов послехрамового иудаизма. У иудеев античного времени наблюдается не устоявшаяся форма синагоги и допустимы были самые невероятные, на первый взгляд, композиции ее заполнения. Примеров достаточно на широком географическом пространстве. Архитектура домов собраний, мозаичные полы, рисунки мозаик – все говорит о тесном взаимовлиянии и контактах с местными окружающими народами.

Зарегистрированный археологией новый артефакт показывает прозелитизм в таком отдаленном районе диаспоры, как Боспор, и получает новое интересное дополнение. Чем дальше во времени и географически от Иерусалима, тем более терялись традиции, менялись культурные ориентиры, менялась вся культурно-историческая ситуация. Однако следует заметить, что на сегодняшний день для позднеантичного и раннесредневекового времени все еще нет сколько-нибудь надежно датированного эпиграфического материала, достаточного для обобщения и выводов. Находки почти единичны, эпитафии на них очень осторожно датированы Д. А. Хвольсоном и Ascoli IV–X веками [Хвольсон, 1884, с. 131–138]. На надгробных плитах из «религиозных символов», сопутствующих надписям, оба автора отмечают только одно имеющееся изображение – менору. По всей видимости, изображения рога-шофара и лулава-ветви исчезают вообще, а меноры – постепенно. На смену им приходит другая традиция, для которой характерны надгробия – или анэпиграфные, или с эпитафиями другой стилистики – и уже иных архитектурных форм и типов. Орнаментирование надгробий возобновляется в позднее средневековье и, как показывают известные каталоги, архитектурно-художественные образцы общины все также черпают в изобразительном искусстве соседних с ними народов.

Если учесть всю известную аргументацию по датировке плит с иудейскими символами, характером и стилем изображений из Эрец Исраэль и Средиземноморья, то надгробия из комплекса СК-6

имеют с ними аналогии и могут быть отнесены к памятникам II–VI вв. н. э.

Новые плиты с текстом, орнаментальными композициями иудейских символов и тамг привлекли к себе внимание археологов и эпиграфистов-гебраистов, тюркологов, иранистов. Действительно, находки из Вышестеблиевки-11 органично дополняют предыдущие, и их вполне можно рассматривать как аналогии стелам из коллекции А. Е. Люценко и В. Г. Тизенгаузена (а в нынешнее время и В. Д. Кузнецова), которые А. Е. Люценко называл «керченскими и таманскими», а тамги на них «тюркскими» и связывал их с известным хазарским прозелитизмом [Люценко, 1876, с. 577–580, табл. I]. В лапидарном фонде Таманского музея можно насчитать более 20 иудейских стел с тамгообразными знаками на обороте, обнаруженных археологическими раскопками и разведками. Появление тамг на иудейской плите можно рассматривать также как результат смешения культурных и религиозных традиций на Боспоре, что для Северного Причерноморья – региона пограничного и периферийного античному миру – представляется не таким уж удивительным [Соломоник, 1973, с. 55–56; Кашовская, 2011, с. 208–210].

Сергей Александрович Яценко, изучавший новые коллекционные поступления, считает, что данные тамги (в виде перевернутого трезубца) были нанесены представителями сармато-аланского клана [Яценко, 2001, с. 29, 155; Кашовская, 2011, с. 209]. Время нанесения тамг – это период с рубежа I–II вв. по первую половину II в. н. э. По его мнению, изучаемые плиты можно считать едва ли не самыми ранними из датированных, а сам археологический контекст их обнаружения – уникальным.

Палеографическая оценка шрифтов еврейскоязычных эпитафий затруднена из-за отсутствия на сегодняшний день сводных эпиграфических таблиц, с учетом их региональных особенностей [Хвольсон, 1884, с. 133–137, табл. II–VII]. Большая же часть надгробных текстов известных и уцелевших еврейских надгробий, происходящих из Боспора, к сожалению, вырезана на греческом языке. Еврейское происхождение большинства грекоязычных надгробий «подтверждается» еврейскими именами и изображенными семи-свечниками. «Самуил» и «сын Самуила», еврейская жена Христиона, «Симон» из керченских надписей представляют общину, которая активно влилась в жизнь греческого полиса. Аналогичные ис-

тории происходили и на противоположном азиатском берегу пролива, о чем свидетельствует надгробие некоего Мемнона. Само надгробие не сохранилось, но чудом уцелел снятый с него эстампаж.

Судьба открытия эстампажа примечательна. В 2006 г. в архиве ИИМК РАН был обнаружен оттиск с изображением семисвечника и греческих букв, которыми предана эпитафия: «Здесь почит Мемнон» (Ф. № 1, д. № 39/1892, л. 77). Сама плита, с которой сделана бумажная копия, была опубликована несколько раз, но про эстампаж, похоже, забыли. К эстампажу в архиве имеется описание, из которого следует, что плита случайно найдена на Таманском полуострове. Затем она была подарена Б. Букзелем Керченскому музею. По сведениям из Корпуса боспорских надписей, фотограф Думберг выполнил с плиты фотоснимок и эстампаж. Вероятнее всего, именно он и хранится в архиве ИИМК. Первый раз плита была опубликована А. Е. Люценко в таблицах к статье «Древние еврейские надгробные памятники...», причем ее прорисовка дана в зеркальном отображении [Люценко, 1876, табл. V], так как рисунок выполнялся с оттиска (эстампажа), а не с оригинала (камня). К этому мнению склоняемся и мы, потому что в собрании «Древностей южной России...» В. В. Латышева и КБН изображения этой плиты даны правильно [Латышев, 1916, IV, № 426; КБН, 1965, № 1225]. Особенности публикаций этого надгробия, как и разные версии его происхождения, отмечал Д. И. Даньшин [Даньшин, 1993, с. 68]. Современное местонахождение самого памятника нам неизвестно.

В 1976 г. также на поселении Вышестеблиевская-11 в районе крепости была обнаружена прямоугольная стела из известняка-ракушечника с греческой надгробной надписью. Подробно о ней сообщил и дал перевод В. П. Яйленко в «Материалах по Боспорской эпиграфике» [Яйленко, 1987, с. 20–21]. По надписи автор датирует плиту III–IV вв. н. э. Особенно отмечают им как основные датирующие элементы стиль эпитафии, формула, начинающая надпись: «Здесь покоится...» и ее курсивный шрифт. По мнению исследователя, структура и стиль позднеантичных надгробных эпитафий Боспора сложились из практики мемориальных надписей и содержали, помимо выше упомянутой, еще следующие наиболее распространенные: «памятник (или стелу) поставил...»; «надгробный памятник поставил... памяти ради»; «это надгробие... с миром». Определяя дату надгробия, автор видит близкие ему анало-

гии в эпитафиях из КБН, зафиксированных под номерами 743, 1225 [КБН, 1965, с. 428, 718; Яйленко, 1987, с. 21]. Он называет их «еврейскими плитами» по аналогичной формуле, предваряющей эпитафию. На этой плите отсутствуют «какие-либо христианские или иудейские символы», и датировка ее только косвенно подтверждается сходством формулировок и позднеантичным курсивным письмом керченских и фанагорийских памятников. Подобные преамбулы эпитафий, вероятно, становятся типовыми для еврейскоязычных надгробий, а их стилистическая особенность приобретает устойчивость на долгое время и используется как на греческом, так и на еврейском языках. Надгробие с изображением иудейских семисвечников и двуязычной надписью, хранящееся в Керченском музее, поддерживает этот тезис. Эпитафию-биллингву неоднократно публиковали, вероятно, вследствие тех научных проблем, которые вызвала находка. Самая первая и, пожалуй, основная – фрагментарность самой стелы и, как следствие, двуязычного текстов [КБН, 1965, № 736]. Греческий текст более полный. В последней публикации в составе КБН он представлен в сопровождающем русском переводе следующего прочтения¹:

«За упокоение Исаакия, блаженнейшего, мир и упокоение».

Еврейский текст эпитафии по большей части утрачен: уцелело лишь по слову в каждой строке. По запросу В. В. Латышева текст был восстановлен Д. А. Хвольсоном. Реконструированная надпись является скорее переводом-калькой с греческой части эпитафии, из-за чего еврейскоязычная надпись получилась трехстрочной и громоздкой:

זה הקבר למנוחת יצחק זכרון ל]ברכה
 [ה.....נער
 תנוח נפשו במנוחה] שלום²

«[В этой могиле покоится Исаак, память о котором]

да будет блаженна

[...] юноша (или род. п.: юноши)

[Да пребудет его душа в покое] и мире..!»³

¹ Текст приводится по: [КБН, 1965, с. 427].

² Текст приводится по: [КБН, 1965, с. 425].

³ Текст приводится по: [КБН, 1965, с. 424–425].

Разместить такой пространственный и графически крупный текст, выбранный мастером, в имеющийся картуш вряд ли было возможным. Д. А. Хвольсон допускал наличие еще одной строки и предполагал, что текст некролога был значительно короче. Он же датировал надгробие по тексту «IV или даже III вв. н.э.» [КБН, 1965, № 736]. Уточнить хронологическую оценку билингвы могут только новые находки, так как среди достаточно многочисленного грекоязычного эпиграфического материала находка каждой надгробной еврейской надписи может стать существенным дополнением.

Прежде всего, это одно надгробие из СК-6, которое было помещено создателями землянки в центр [Кашаев, Кашовская, 2008, с. 357–359]. Посвятительный заупокойный текст, из-за плохой сохранности надписи восстанавливается не полностью. Во второй строке даже определить точное количество букв представлялось весьма сложным. Тем не менее первая строка эпитафии достаточно хорошо восстанавливается в логичную формулу, которую можно прочесть и в греческих некрологах:

לקבר שבתי בן מצבה זה
מיכ[א]ל [ש]לום

«Это памятник погребения Шабтая сына
Мих[аэля], с [ми]ром».

Случайная находка еще одной надписи не только увеличила список боспорских еврейскоязычных эпитафий, но сделала ее вдвойне интересной и потребовала внимательного рассмотрения. В архиве ИИМК РАН был обнаружен эстампаж с еврейской надписью (Ф. №1, д. 1893/140, л. 124). Как следует из описания, эстампаж был выполнен со стелы, которую нашел крестьянин Яков Тренкин в станице Стеблиевской на Таманском п-ове. Надгробие приобретено Керченским музеем 28 ноября 1893 г. [Кашаев, Кашовская, 2008, с. 362]. Оттиск был выполнен при поступлении плиты в музей и затем отправлен в Санкт-Петербург. На эстампаже зафиксирована трехстрочная надпись, расположенная, судя по оттиску, в верхней закругленной части надгробия. Текст сохранился плохо: буквы едва просматриваются из-за первоначального неглубокого рельефа. Мастер не всегда выдерживал единый размер букв. Начальные буквы в первой строке имеют размер 1,5×1,6 см, в даль-

нейшем их параметры увеличиваются – последние буквы в строке доходят до 2,5×2,8 см. Буквы в третьей строке крупнее – до 3,2×2,7 см. Первая строка состоит из трех достаточно легко восстанавливаемых слов, ее завершают следы отдельных букв и разметки. Вторая и третья строки состоят из одного слова каждая. На первый взгляд может показаться, что между словами второй и третьей строки могли быть еще слова, не заметные теперь из-за плохой сохранности текста. Однако внимательное рассмотрение оттиска позволяет признать надпись законченной. На углубленном поле экрананиши не наблюдается следа других букв, и текст выглядит вполне целостным. Надпись реконструируется в следующем прочтении⁴:

הזא מצבת קברה
אברהם
שלום

«Это памятник погребения
Авраама,
с миром»

По тексту оно имеет прямую связь с тестом надгробия из СК-6. По совокупности вышеизложенных аргументов и имеющимся аналогиям эстампажную эпитафию из архива ИИМК мы склонны отнести к позднеантичному времени, примерно III–V вв. История с этим эстампажем получила неожиданное продолжение. При осмотре хранилища древних камней (лапидария) Керченского государственного музея-заповедника среди плит, числящихся беспаспортными, одна привлекла наше внимание. В верхней части плиты (№ КЛ-520; К-3290; 69077) сохранились еле заметные остатки надписи. Внимательное сопоставление позволило идентифицировать надпись с архивного эстампажа с надписью на камне. Таким образом, удалось восстановить происхождение беспаспортной плиты – это надгробие из станицы Вышестеблиевской (современное название Стеблиевской). Теперь архивный эстампаж включен в общий список находок из станицы Вышестеблиевская.

Стилистическое и палеографическое сходство билингвы и двух приведенных эпитафий из Вышестеблиевской, особенно послед-

⁴ Печатается по: [Кашаев, Кашовская, 2008; Кашаев, Кашовская, 2009, с. 73; Кашовская, 2011, с. 220].

нее завершающее слово: «шалом – שָׁלוֹם» – можно объяснить общим культурным пространством азиатского и европейского берегов Боспора.

Найденные в XIX–XX вв. надгробные плиты с еврейскими надписями дошли до нас только в публикациях. Сохранившихся до настоящего времени оригиналов очень и очень немного, например – в фондах Керченского музея. В 1997 г. Э. И. Соломоник в статье, посвященной началу крымской истории еврейских поселений, приводит иллюстрации надгробий из Керчи [Соломоник, 1997, с. 9–23]. Одно из них мы предлагаем отождествить с памятником из «Сборника еврейских надписей...» Д. А. Хвольсона [Хвольсон, 1884, с. 138]. Именно о нем он пишет: «в нише над семисвечником, находится легко вырезанная, теперь очень выветрившаяся, еврейская надпись в одну строку, в которой я мог разобрать только имя שַׁבְּתַי – Шабтай» [Хвольсон, 1884, с. 135–136]. Помимо правильно прочитанного Хвольсоном имени, в нише-картуше просматриваются остатки еще четырех букв, между которыми располагалось имя שַׁבְּתַי, но из-за общего плохого состояния камня восстановить полностью текст не представляется возможным. Д. А. Хвольсон рассматривал все, найденные А. Е. Люценко и В. Г. Тизенгаузенем камни и дал им палеографическую оценку, в том числе и надписи № 35 [Хвольсон, 1884, с. 135–136]. О самой надгробии известно по фотографии, выполненной В. Г. Тизенгаузенем. На лицевой стороне стелы был вырезан семисвечник. К тому времени ни у кого уже не было сомнений, что семисвечник следует связывать с иудейской общиной, но один из изображенных на стеле символов был и тогда «не легко распознаваемым, представляющим, по-видимому, райское яблоко». Еще сложнее было разобраться с уцелевшей однострочной надписью. Она была выполнена без пробелов, сплошной строкой. Ниже приводим восстановленную Д. А. Хвольсоном строку:

טַחְתּוֹבְלֵאקוֹם

Однако ему не удалось из прочитанных букв представить связанный текст. В слово складывались только последние четыре буквы – אַקוֹם – «я восстану». Тогда же Д. А. Хвольсон приглашает французского гебраиста И. Галеви посмотреть надпись. Благодаря его участию был предложен иной вариант прочтения – это греческий текст «еврейским шрифтом». Из последних шести букв בְּלֵאקוֹם составля-

лось греческое имя Балакос, при этом последняя буква «мем» ם менялась на «самех» – ס. К сожалению, плита утеряна, и мы не можем прочитать текст повторно. Остается доверять мнению предшественников [Хвольсон, 1884, с. 135–136]. Д. И. Даньшин, комментируя этническую ситуацию первых веков нашей эры на Боспоре, обращается к этому, по его мнению, «сарматскому» имени, вырезанному «еврейским письмом в греческой форме». В носителе имени Балакос он видит приток в число иудеев «прозелитов из местных варварских племен» [Даньшин, 1993, с. 59–72]. Для Д. А. Хвольсона особенно была интересна с палеографической стороны надпись под № 34, которую он изучал по фотографии А. Е. Люценко. Примечательным был почти «древне-финикийский» шрифт этой короткой надписи, состоящей из четырех букв:

טבתא

Прорись Д. А. Хвольсона по рисунку А. Е. Люценко позволяет отметить определенные особенности начертания букв, так «алеф» א и «тет» ט выделяет архаичная форма начертания. Такой шрифт объясняется тем, что вплоть до утверждения в иудейской среде квадратного еврейского письма (кетаб-меруба), формирование которого происходило на основе арамейского квадратного шрифта, и возможны были даже «финикийские» почерки [Хвольсон, 1884, с. 134–135]. На средневековых надгробиях Мангупа и Чуфут-Кале встречаются такие же начертания этих букв. Сравнивая с ними, можно предложить свое прочтение этой надписи как имя Эстер – אסתר, так как замена в написании имени буквы «тав» – ת на «тет» – ט является одной из самых распространенных ошибок до самого нового времени как на Кавказе, так и в Крыму.

В «Сборник еврейских надписей...» Д. А. Хвольсон помещает результаты изучения еще одного надгробия (№ 96), хранящегося в настоящее время в Государственном Эрмитаже [Хвольсон, 1884, с. 136–137]. Он привел свое прочтение и перевод эпитафии⁵:

בזה הקבר תנה מר [ים]

«В этой могиле покоится Мир[ьям]».

⁵ Печатается по: [Кашаев, Кашовская, 2009, с. 67].

В 1997–1998 гг. к этой стеле обращался М. И. Носоновский в ходе составления каталога восточно-европейских надгробных текстов. Он согласился с таким предположением Д. А. Хвольсона и объяснял допущение этого женского имени употреблением глагола **נָתַן** в женском роде, что обязательно по закону согласования в еврейской фразе. Следующее слово, по мнению Д. А. Хвольсона, должно быть: **נָתַן** «госпожа», где буква **נ** «тав» или не дописана, или плохо сохранилась, как и имя «госпожи» полностью. Предположение Д. А. Хвольсона, что здесь остатки от имени покойной, наиболее вероятно, и он вполне допускал датировку надписи VIII–IX вв. В своей статье М. И. Носоновский датировки не касался [*Носоновский, 2002*, с. 161]. Осмотрев вновь надгробие и сделав оттиск, мы так же можем с уверенностью подтвердить, что у нас не вызывают сомнений две первые буквы **מ** – «мем» и **ר** – «реш», которые могли быть использованы при передаче имени «Мириям». По поводу «следов» от **י** – «йод» и **מ** – «мем», необходимых для дописывания имени «Мириям», можно согласиться, сохраняя долю здравого сомнения в силу плохой сохранности надписи. Что касается стилистической или грамматической ошибки, то для позднеантичного и раннесредневекового времени это довольно распространенное явление.

Новые открытия, безусловно, способствуют прояснению и корректировке локальной исторической ситуации. Находки представляют Вышестеблиевскую-11 как один из оживленных пунктов античного Боспора, где и в средневековье продолжалась экономическая активность. Полученные в ходе раскопок памятника данные характеризуют его не только как сельское поселение античного времени, но и как совершенно неизвестный ранее еврейский двуязычный центр.

Существует мнение о времени перехода греко- и латиноязычных общин на еврейский язык и графику к IV–V вв. (Д. И. Даньшин, И. Левинская, С. Тохтасьев). Еврейское имя Шабтай – **שבתאי** и его происхождение разбирала И. Левинская, исследуя надписи Боспора, и она полагает вслед за Чериковером и Л. Згустой, что это имя имеет широкое распространение в языческой среде, выходящей за пределы еврейского круга [*Левинская, 1992*, с. 145; *Левинская, Тохтасьев, 1991*, с. 118–128; *Levinskaya, Tokhts`yev, 1996*, p. 60–

61]. Д. И. Даньшин, изучавший историю иудейской общины Фанаго-рии, считает, что это имя с греческими его вариантами: Sambíwn, Sabbíwn, Sabíwn, Sambatíwn, наряду с именем Άννα, употребляется до середины III в. н.э. Складывание новой языковой ситуации на Боспоре отражается, по мнению Д. И. Даньшина, в использовании имен Samoúhl, Ἰσαάκιος, Амц, Менахем, Мирьям, Моисей, Авраам [Даньшин, 1993, с. 59–72].

Закреплению этого положения способствуют «таманские» эстампажи, обнаруженные в 2016 г. среди коллекции оттисков Д. А. Хвольсона в рукописном отделе ИВР РАН. Публикуя эти эстампажи в 1884 г. в «Сборнике еврейских надписей», Д. А. Хвольсон справедливо делал особый акцент на культурно-временном единстве иудейских памятников азиатского и европейского Боспора [Хвольсон, 1884, с. 137–138]⁶. Как отмечалось выше, Д. А. Хвольсону приходилось изучать надписи по фотографиям, а когда поступал оригинал, он в особых случаях изготавливал эстампажи.

Среди обширной коллекции, которая представляла собой плотно уложенные более 200 листов разновеликих и разных по плотности бумаги оттисков, не сразу нашлись небольшие эстампажи таманских надгробий. Это два эстампажа, снятых с надгробий, которые были найдены В. Г. Тизенгаузенем у станицы Сенной (рис. 3–5). Об одном надгробии мы писали выше, как о единственном уцелевшем из всех, привезенных В. Г. Тизенгаузенем в Санкт-Петербург. Сам оттиск представлял собой узкую полосу спрессованной плотной тканевой бумаги размерами 3,5×24,5 см., на которой проступает неглубокого рельефа однострочная надпись (рис. 3–4). На оборотной стороне отпечатались рельеф рамки, потеки с камня и каверны, на правом поле в верхнем правом углу помета простым карандашом « $\frac{1}{2}$ », в нижнем правом углу указана цифра «96»; рельеф букв с оборота частично ретуширован карандашом. Д. А. Хвольсон писал о ней, что надпись с трудом прочитывалась в пористом камне и узкой рамке, из-за чего «довольно трудно было сделать бумажный снимок» [Хвольсон, 1884, 136–137].

⁶ Обнаружение этих двух эстампажей документально доказывают большую эпиграфическую работу, проведенную Д. А. Хвольсоном, но о судьбе самой коллекции эстампажей так ничего и не известно.

Рис. 3.

Эстампаж текста с надгробия из ст. Сенной (№ 96 по Д. А. Хвольсону);
оборотная сторона.

Рис. 4.

Эстампаж текста с надгробия из ст. Сенной (№ 96 по Д. А. Хвольсону);
лицевая сторона.

Рис. 5.

Эстампаж текста с надгробия (предположительно из ст. Сенной № 135
по Д. А. Хвольсону); лицевая сторона.

Второй оттиск был выполнен на большем листе бумаги, сложенном вдвое и, по всей видимости, отпечаток получился нечетким (рис. 5), на нем Д. А. Хвольсон не оставил никаких авторских помет, за исключением двух строчных русских букв «ст» на правом поле синим карандашом, сам текст обведен и ретуширован сажей. По эстампажу можно судить, что мастер вырезал текст без разделения на слова в одну строку курсивным шрифтом протоарамейского образца. Ему не удалось выдержать одинаковый размер букв в строке, так размеры первой буквы ם «мем» 4,5×5 см, второй ם «мем» – 2×1,5 см; расстояние между двумя первыми буквами 2 см, а к концу строки они почти сливаются; ширина и глубина ризок всех букв текста также разная. Для того чтобы безошибочно прочесть надпись, Д. А. Хвольсон стал обводить по контуру все буквы на эстампаже и их ретушировать; текст он прочитал в три слова в следующем варианте:

מנחם בר אמוץ

«Менахем сын Амоца»

Комментируя эти надписи, Д. А. Хвольсон отмечает все палеографические трудности по их датировкам, он обращается к нарративам и приводит известное сообщение из «Хронографии» Феофана, что в округе Фанагории около 670 г. жило много евреев [Хвольсон, 1884, с. 137–138; Чичуров, 1980, с. 60–62; Чхаидзе, 2012, с. 264]. Форма шрифта в имени םאמ, в особенности буквы ם, а также грамматическая запись «вместо םאמ, равно как и самого имени» позволили Д. А. Хвольсону датировать надпись «приблизительно IV или V веком по Р. Хр.» [Хвольсон, 1884, с. 138]. Все собрание «бумажных снимков» промаркировано пометами, как выяснилось при детальном разборе и рассмотрении, самим Д. А. Хвольсоном, на отдельных листах был указан год изготовления – 1881.

Значение этой находки эстампажей усиливается не только получением важнейших археографических артефактов, но и восстановлением лапидарной коллекции А. Е. Люценко и В. Г. Тизенгаузена. Ее обретение ставит перед эпиграфистом новые задачи по анализу, атрибуции и обработке вновь введенных в научный оборот материалов, что, безусловно, даст ответы на многие вопросы, поставленные первыми исследователями. Приведенные же выше архео-

логические и археографические материалы отражают активное миграционное движение в пределах Боспорского региона в первых веках новой эры.

Литература

- Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979.
- Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X в. Москва–Иерусалим, 1997.
- Даньшин Д. И. Фанагорийская община иудеев // Вестник древней истории (ВДИ). 1993. №1.
- Десятчиков Ю. М., Долгоруков В. С., Алексеева Е. М. Сельская территория // Античные государства Северного Причерноморья. Серия «Археология СССР». М., 1984.
- Кашаев С. В., Кашовская Н. В. Две надгробные плиты из станицы Вышестеблиевской близ Тамани // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб., 1999.
- Кашаев С. В., Кашовская Н. В. Иудаизм на Боспоре – археологический контекст // Материалы 13-й ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2004.
- Кашаев С. В., Кашовская Н. В. О еврейской надгробной надписи из архива ИИМК // Материалы 13-й ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2006.
- Кашаев С. В., Кашовская Н. В. Культурный комплекс (СК-6) и эпиграфические материалы с поселения Вышестеблиевская-11 // Древности Боспора. Т. 12. Ч. 1. М., 2008.
- Кашаев С. В., Кашовская Н. В. Иудейская диаспора на Боспоре по данным археологии // *Archeologia Abrahamika*. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. М., 2009.
- Кашаев С. В., Кашовская Н. В. Иудеи на берегах Боспора (по материалам археологических исследований) // Хазары: миф и история. Москва–Иерусалим, 2010.
- Кашовская Н. В. Иудейский прозелитизм на Боспоре. Иранцы в иудейской общине // *Українська орієнталістика*. Київ. 2011.
- КБН – Корпус Боспорских Надписей. М., 1965.
- КБН – Корпус Боспорских Надписей. Альбом иллюстраций. СПб., 2004.
- Кобылина М. М. Саркофаги и надгробия. Материальная и духовная культура // Античные государства Северного Причерноморья. Советская археология. М., 1983.

- Латышев В. В. (Latyshev V.)* Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini (IOSPE). IV. № 404. Petropoli, 1916.
- Левинская И. А.* Чтящие Бога Высочайшего // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992.
- Левинская И. А.* Деяния апостолов на фоне еврейской диаспоры. СПб., 2000.
- Левинская И. А., Тохтасьев С. Р.* Древнееврейские имена на Боспоре // Acta associationis internationalis Terra antiqua Balcanica. Vol. VI. Serdicae, 1991.
- Левинская И. А., Тохтасьев С. Р.* Древнееврейские имена на Боспоре // Acta associationis internationalis Terra antiqua Balcanica. Serdicae, 1991.
- Лурье В. М.* [Рец. на:] Kevin Alan Brook, The Jews of Khazaria (Northvale-New Jersey-Jerusalem: Jason Aronson Inc., 1999) XV, 352 p. ISBN0-7657-6032-0 // Христианский Восток. Т. 2 (VIII). СПб., 2001.
- Люценко А. Е.* Древние еврейские надгробные памятники, открытые в насыпях фанагорийского городища // Труды III Международного съезда ориенталистов. Т. 1. СПб., 1876.
- Надель Б. И.* Филологические и дипломатические заметки к Боспорским манумиссиям // Вестник древней истории. 1958. № 1(63).
- Найман А. Я.* Евреи в Хазарском каганате // Хазарский альманах. Т. 1. Харьков, 2002.
- Носоновский М. И.* Еврейские эпиграфические памятники Восточной Европы. Бостон, 2002.
- Оверман Э., Макленнан М., Золотарев И.* К изучению иудейских древностей Херсонеса Таврического // Археологія. Публікації архелогічних матеріалів. Т. 1. Київ, 1997.
- Паромов Я. М.* Фанагорийская округа. Поселения и дороги на Таманском полуострове в VII–XIII веках // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М., 2003.
- Петрухин В. Я.* Послесловие и комментарии // Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X в. Москва–Иерусалим, 1997.
- Плетнёва С. А.* Очерки хазарской археологии. Москва–Иерусалим, 2000.
- Соломоник Э. И.* Из истории религиозной жизни в Северопонтийских городах позднеантичного времени (По эпиграфическим памятникам) // Вестник древней истории. 1973. № 1(123).
- Соломоник Э. И.* Древнейшие еврейские поселения и общины в Крыму // Евреи Крыма. Очерки истории. Симферополь–Иерусалим, 1997.
- Тохтасьев С. Р.* Фракийские имена на Боспоре // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992.
- Тульпе И. А., Хршановский В. А.* Жернова на некрополе // Вещь в контексте культуры. Материалы научной конференции. СПб., 1994.
- Флёров В. С.* Иудаизм в археологии Хазарии: где и что искать? // Хазары. Второй Международный коллоквиум. Тезисы. М., 2002.

- Хвольсон Д. А. Сборник еврейских надписей, содержащий надгробные надписи из Крыма и надгробные и другие надписи из иных мест, в древнем еврейском квадратном шрифте, также и образцы шрифтов из рукописей от I–XV столетия. СПб. 1884.
- Чичуров Н. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980.
- Чхаидзе В. Н. Средневековые погребения в каменных ящиках на Таманском полуострове // Средневековая археология евразийских степей. Москва–Йошкар-Ола, 2006.
- Чхаидзе В. Н. Фанагория в VI–X веках. М., 2012.
- Швецов М. Об археологических признаках погребального обряда иудеев // Хазары. Второй Международный коллоквиум. Тезисы. М., 2002.
- Яйленко В. П. Материалы по Боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и Античного Северного Причерноморья. М., 1987.
- Яценко С. А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.
- Яценко С. А. О последовательности нанесения серии тамг на надгробные плиты из некрополя Пантикапея // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Ч. 1. СПб., 2002.
- Levinskaya I. A. and Tokhtas'jev S. Jews and Jewish Names in the Bosporan Kingdom // Studies on the Jewish Diaspora in the Hellenistic and Roman periods. Tel-Aviv, 1996.
- Verduchi P. A. Le complexe portuaire de Rome: quelques observations // Ostia, port et porte de la Rome antique. XV. 1. Geneve, 1996.

С. В. Кашаев, Н. В. Кашовская

Иудейские камни и надписи Боспора
(по материалам полевых и архивных работ)

Резюме

В мировой историографии позднеантичные поселения Боспора (Керченский и Таманский полуострова) все чаще рассматриваются как истоки иудаизма в Хазарии. Новые археологические материалы подтверждают бытование иудаизма в греческих полисах Гермонассе (Тамань), Фанагории (ст. Сенная), Боспоре (Керчь). Вся археологическую группу еврейских памятников составляют мраморные и известняковые стелы с посвятельными текстами, юридическими актами (манумиссиями), а также надгробия с иудейскими символами. Статья посвящена открытию еще одного места компактного проживания иудейского населения. Это археологи-

ческий памятник Вышестеблиевская-11, расположенный на берегу Кизилташского лимана на окраине станицы Вышестеблиевская.

Обнаруженные на поселении находки и постройки имеют широкие хронологические рамки с V в. до н.э. по X в. н.э. Работы на Вышестеблиевской-11 пополняют коллекцию иудейских плит – в лапидарном фонде Таманского музея можно насчитать более 20 иудейских стел с тамгообразными знаками на обороте. Появление тамг на иудейской плите можно рассматривать как результат смешения культурных и религиозных традиций на Боспоре и всем Северном Причерноморье, в регионе, пограничном и периферийном античному миру.

Недавно открытые в архивных фондах ИИМК РАН и рукописном отделе ИВР РАН эстампажи являлись оттисками надписей с надгробных памятников, которые происходили из этих же поселений. Надгробия были обнаружены в 60–90-х годах XIX века А. Е. Люценко, В. Г. Тизенгаузенем, а бумажные снимки, в основном, были выполнены Д. А. Хвольсоном. Эстапажи увеличили группу археографических источников по истории иудейских поселений азиатского и европейского Боспора и показали его культурно-историческое единство. Они дополняют лапидарную коллекцию, которая набирается в ходе современных полевых исследованиях, и документально свидетельствуют о большой эпиграфической работе, проведенной в XIX в.

Приведенные археологические и археографические материалы отражают также активное миграционное движение в пределах Боспорского региона первых веков новой эры.

Ключевые слова: Боспор, иудаизм, Хазария, греческие полисы, Вышестеблиевская-11, иудейские плиты, эстампажи, миграционное движение.

S. V. Kachaev, N. V. Kashovskaya

The Jewish Stones and Inscriptions of the Bosporus

(on Materials of Field and Archival Work)

Summary

In the global historiography of the late antique settlements of the Bosporus (Kerch and Taman Peninsula) are increasingly seen as the origins of Judaism in Khazaria. New archaeological materials confirm the existence of Judaism in the Greek policies the Hermonassa (Taman'), Phanagoria (Stanitsa Sennaya), Bosporus (Kerch). The archaeological group of Jewish monuments consists of marble and limestone stele with dedicatory texts of legal acts (manumission), as well as gravestones with Jewish symbols. The article focuses on discovery of new place of compact residence of the Jewish population. This is an archaeo-

logical site Vyshesteblievskaya-11 located on the banks of the Kiziltash estuary on the outskirts of stanitsa Vyshesteblievskaya.

Findings and constructions that were discovered in the settlement have a wide chronological framework from the 5th century BC to 10th century AD. As a result of this work the collection of Jewish plates of the Taman Museum was enriched more than 20 Jewish steles with tamgha-like marks on the back. The appearance of tamgas in the Jewish plate can be considered as a result of mixing cultural and religious traditions in the Bosporan Kingdom and the whole Northern Black Sea coast.

Recently discovered in the archives of IIMK RAS and the manuscript Department of the IOM RAS estampages were the prints of inscriptions on tombstones that have occurred from these settlements. The gravestones were discovered in the 60-90s of 19th century by A. Lyutsenko, V. G. Tizengauzena and images of paper was mainly made by D. A. Hvolson. These estampages increased the archaeological sources group for the history of Jewish settlements in the Asian and European Bosporos and showed its cultural and historical unity. It complement lapidary collection, which is formed in the course of modern field studies, and documented the great epigraphic work in the 20th century.

These archaeological and archeographic materials reflect an active migration within the Bosporan region of the first centuries AD.

Key words: Bosporus, Judaism, Khazaria, Greek policies, Vyshesteblievskaya-11, Jewish plates, estampages, migration.

Ю. М. Могаричев

РУБИЛ ЛИ КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРА? К ВОПРОСУ О «ФУЛЬСКОМ СЮЖЕТЕ» ПРОСТРАННОГО ЖИТИЯ КОНСТАНТИНА ФИЛОСОФА

В настоящее время можно считать установленным, что Константин (Кирилл) Философ посещал Крымский полуостров. Это произошло во время его «хазарской миссии». Главным событием «крымского периода» Константина Философа, несомненно, являлся поиск, выявление и перенесение в Херсон мощей папы Климента Римского. Данное событие вызвало большой резонанс в христианском мире.

Факт пребывания Константина в крымских владениях Византийской империи (фема Херсон) нашел отражение как в Житии Славянского просветителя (Пространное житие Константина Философа, далее – ЖК), так и в близких по времени к событию латинских источниках. Основные: 1. Итальянская (Италийская) легенда (далее – ИЛ), или «Слово о перенесении мощей св. Климента» – латинская версия рассказа о Константине, поиске им мощей папы Климента и о перенесении впоследствии их из Херсонеса в Рим. Источником для Итальянской легенды, составленной епископом г. Веллетри Гаудерихом (ок. 882 г.) и переработанной в начале XII в. Львом Остийским, было Житие Константина Философа, однако более ранняя его редакция, чем дошедшая до нас [*Флоря, 1981, с. 10–11; Сорочан, 2005, с. 1442–1456; 2016; Уханова, 1998, с. 36 и др.*]; 2. Письмо главы папской канцелярии Анастасия Библиотекаря вышеупомянутому епископу Гаудериху (875–879 гг.). В письме Анастасий излагает сжатый латинский перевод сочинений Константина о находке мощей Климента, похвальное слово Клименту, а также передает рассказ Митрофана, митрополита Смирнского, который был очевидцем пребывания Константина в Крыму. Митрофан на-

ходился здесь в ссылке [Ягич, 1893, с. 1–2; Франко, 1914, с. 204–208; Петров, 1893; Сорочан, 2012–2013; Алексеенко, 2007 и др.]. Западные источники, что естественно, основное внимание акцентируют на моментах, связанных с обретением мощей Климента Римского.

Таким образом, посещение св. Кириллом Крыма зафиксировано не только в агиографических сочинениях, достоверность информации которых теоретически можно подвергнуть сомнению, но подтверждается и «показаниями свидетелей».

В ЖК изложению событий, связанных с нахождением святого в Крыму, посвящены две главы: глава VIII, в которой повествуется о пребывании Константина на полуострове на пути в Хазарию, и глава XII, сообщающая о деяниях св. Кирилла в Крыму на обратном пути в Константинополь.

Как считает большинство исследователей, в Херсоне Константин провел зиму 860–861 года. Его Житие, скорее всего, было составлено между 869 и началом 880-х гг. (см.: [Флоря, 1981, с. 10; Байер, 2001, с. 75; Цукерман, 1998, с. 677; Цукерман, 2002, с. 535–526; Трендафилов, электронные публикации; Уханова, 1998, с. 35; Hollingsworth, 1991, р. 507; Zuckerman, 1995, р. 243; Golden, 2007, р. 140 и др.]), а информация о «хазарской миссии», вероятно, заимствована из собственноручного доклада Константина.

Касательно исторической достоверности событий, изложенных в источнике, в историографии имеются различные мнения. Одни смотрят на ЖК как на «полноценный исторический источник, например К. Цукерман [Цукерман, 2002, с. 531]. Другие считают, что ставить агиографические сочинения о миссии Константина Философа в Хазарию в один ряд с историческими трудами оснований нет (см.: [Новосельцев, 1990, с. 33], а также: [Ламанский, 1915]).

В настоящей работе автор предполагает рассмотреть на предмет соответствия историческим реалиям присутствующий в XII главе, часто цитируемый в крымоведческой и кирилло-мефодиевской литературе сюжет «возвращения на путь истинный фульского народа (Фоульстѣ зыци)»: святой подвигнул этот, уже приобщенный к христианству народ отказаться от языческого обычая, а именно – поклонению большому дубу, сросшемуся с черешней. В результате дерево было срублено и сожжено. Этот эпизод фактически является заключительным актом просветительской деятельности Константина в странах Севера: «Был же в народе фульском большой дуб, сросшийся с черешней, и под ним приносили жертвы, называя его Алек-

сандр, – и женскому полу не позволяли ни подходить к нему, ни (приносить) ему жертвы. И когда услышал о том Философ, не пожалев трудов, направился к ним. И, став среди них, сказал: “Эллины пошли на вечные муки, поклоняясь [как богу] небу и земле, столь большим и добрым творениям. Так и вы, кто столь убогому созданию, дереву, приготовленному для огня, поклоняетесь, как избежать можете вечного огня?”. Отвечали они: “Не теперь мы стали так делать, но (обычай этот) от отцов приняли, и благодаря ему исполняются все просьбы наши, а больше всего идут частые дожди. И как мы то совершим, что не дерзнул никто из нас совершить? Ведь если; кто и дерзнет сделать это, тогда же и смерть узрит, а дождя уж не увидит до (самой своей) кончины”. Отвечал же им Философ: “Бог о вас говорит в Книгах, как же вы его отвергаете? Ведь Исайя от лица господня вопиет, говоря: “Иду я собрать все племена и народы, и придут, и увидят славу мою, и положу на них знамение, и пошлю из спасенных от них к народам: в Тарсис и Фулу, и Луд, и Мосох; и Фовел, и в Элладу, и на острова дальние, где не слышали моего имени, и возвестят славу мою народам”. И снова говорит господь вседержитель: “Вот пошлю я рыболовов и охотников многих на холмах и скалах каменных изловить вас”. Познайте, братья, бога, сотворившего вас. Вот – евангелие нового завета божьего, в котором были вы крещены”. И так, сладкими словами уговорив, приказал им срубить дерево и сжечь его. Поклонился же их старейшина и подошел поцеловать евангелие, а за ним и все (остальные). И, взяв белые свечи у Философа, с пением пошли к дереву, и, взяв топор, ударил Философ тридцать три раза, и приказал всем срубить с корнем и сжечь его. В ту же ночь пошел дождь от бога. И с радостью великою похвалили бога, и бог сильно возрадовался этому» [Флоря, 1981, с. 85–86].

В целом, хотя иногда и с определенными оговорками (например: [Иванов, 2003, с. 151]) или «вынесением за рамки исследования» [Васильев, 1927, с. 229–230] в историографии¹ данный рассказ признается исторически достоверным [Иловайский, 1876, с. 137–141; Васильевский, 1912, с. 424–425; Кулаковский, 1898, с. 200–202; 2002, с. 157; Шестаков, 1908, с. 65; Бертье-Делагард, 2011, с. 201–203; Вернадский, 2000, с. 354; Кропоткин, 1958, с. 201–202; Якобсон, 1959, с. 109; Артамонов, 2001, с. 447–448; Бернштейн,

¹ Автор не претендует на полный обзор кирилло-мефодиевской историографии, список которой только на 1934 г., по данным Г. А. Ильинского, включал 3385 наименований [Бернштейн, 1984, с. 7]

1984, с. 76–77; Айбабин, 1999, с. 221–222; Байер, 2001, с. 91–95; Майко, 2004, с. 12–13; Топоров, 1999, с. 199–205; Сорочан, 2005, с. 1445–1447; 2014; Цукерман, 2010, с. 427; Комар, 2011, с. 35; Хапаев, 2016, с. 186]². Отмечу, что кроме ЖК, рассматриваемое событие упоминается в различных списках «Похвалы Кириллу», вероятно, авторства Климента Охридского: «Он у фульского народа безбожную ересь уничтожил» (см., например: [Погодин, 1865, с. 315; Лавров, 1930, с. 93, 96]) и в «Успении св. Кирилла» [Лавров, 1930, с. 156]. Однако данные источники, скорее всего, составлены на основе Жития и соответственно вторичны по отношению к нему [Погодин, 1865, с. 313–314; Бернштейн, 1984, с. 33–34].

Что послужило причиной практически всецелого доверия к рассказу о «фульском народе»? Ведь сруб дерева, которому поклонялись язычники или еретики, является распространенным сюжетом в византийской агиографии [Вернадский, 2000, с. 354; Байер, 2001, с. 91–95; Иванов, 2003, с. 151].

Здесь можно выделить два фактора. 1. Топоним Фулы³, кроме ЖК, известен и по иным, причем разноплановым и разновременным источникам. 2. В историографии сложилось общепринятое и достаточно аргументированное представление, что в «крымской глубинке», к которой несомненно относилась «фульская область», языческие традиции были устойчивыми на протяжении всего раннего средневековья (см. например: [Цукерман, 2010, с. 427; Могаричев, 2014, с. 78–80]).

Впервые Фулы мы встречаем в Житии Иоанна Готского⁴, дошедший до нас вариант которого датируется 843–847 гг. [Могари-

² Здесь упомянуты лишь некоторые работы. В целом историография по данному вопросу гораздо более обширная, включающая как серьезные научные труды, так и краеведческие обзоры. Например, М. Б. Кизилов обосновывает историчность сюжета главным образом тем, что в Крыму действительно растут дубы [Кизилов, 2015, с. 86–87].

³ Автор следует раннесредневековой традиции написания Фул с одной буквой «лямбда» [Сорочан, 2005, с. 516].

⁴ По мнению ряда исследователей, начиная с М. Тунманна [Тунманн, 1991, с. 33], первый раз Фулы все же упоминаются Менандром Протектором в 576 г. [Байер, 2001, с. 64.] Однако фрагмент сочинения этого автора, якобы упоминающий данную местность, дошел к нам в испорченном состоянии. Кроме того, еще В. Томашек [Tomaschek, 1881, р. 71], а вслед за ним и Ю. А. Кулаковский достаточно аргументировано полагают, что в источнике речь идет не о местности с таким названием, а о филах – племенах [Кулаковский, 1898, с. 194]. С такой точкой зрения согласны и большинство современных исследователей (подробнее см.: [Белый, 1995]).

чев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 26]. Среди чудес, совершенных святым, присутствует сюжет: когда «преподобный сидел в темнице Фул» после подавления антихазарского выступления в Готии, случившегося между концом 784 и 786 г. [Герцен, Могаричев, 1999, с. 115; Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 199–204], он посредством крещения исцелил сына «владельца» этого населенного пункта: «Когда преподобный сидел в темнице Фул, владелец этих самых Фул, придя, бросил к его ногам свое дитя, покрытое от головы до ног ранами, так что казалось, не было на нем человеческого облика. Когда же (Иоанн), осенив его крестным знаменем и окрестив, принял в свои объятия, то дитя тотчас очистилось от ран» [Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 14]. Контекст сюжета позволяет предполагать, что и сам «владелец», и его семья на момент совершения чуда Иоанном христианами не были.

Затем Фулы, вернее «народ фульский», фигурируют в Пространном Житии Константина Философа.

В Not. III (по Ж. Даррузе), по наиболее обоснованной аргументации, составленной в IX в., возможно – в его второй половине, и являющейся проектом покрытия Хазарии системой христианских епархий (последние историографические обзоры см.: [Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 178; Цукерман, 2010, с. 401–402]), упомянут епископ хотциров ((о)хоциров), резиденция которого находилась рядом с Фулами и Харасиу(я) [Darrouzes, 1981, p. 245].

В начале X в. (по мнению К. Цукермана, не ранее лета 920 г. [Цукерман, 2010, с. 419–427]) Not. VII (по Ж. Даррузе) показывает функционирование Фульской епархии. Она зафиксирована и в последующих списках епархий вплоть до середины XII в. Затем Фульская епархия была объединена с Сугдейской и вскоре возведена в ранг митрополии (см., например: [Darrouzes, 1981, p. 273–274, 294, 346, 352, 377, 385, 389; Могаричев, Майко, 2015(1), с. 131]).

Все предпринятые в историографии попытки аргументировано локализовать Фулы успехов не имели. К сожалению, источники не сохранили никаких более или менее точных указаний, где должны были находиться данное поселение и одноименная епархия. Поэтому вся доказательная база исследователей, пытавшихся решить проблему Фул, строилась, как правило, на более или менее удачных логических схемах этих же авторов. Сложность ситуации заключается еще и в том, что в Крыму трудно «найти место» для

Фульской епархии. В южной и юго-западной части полуострова находились Херсонская и Готская епархии, а в юго-восточной и восточной – Боспорская и Сугдейская. При этом нет оснований помещать Фульскую епархию за пределы Крыма, на Таманском полуострове, как это делал еще Н. М. Мурзакевич [*Бертъе-Делагард, 2001*, с. 66]. Нотиции в это время фиксируют там церковно-административную единицу с центром в Таматархе [*Кропоткин, 1959*, с. 203; *Чхаидзе, 2008*, с. 292–294].

В настоящее время в историографии насчитывается более 20 вариантов локализации этого «неуловимого» места. Согласно наиболее аргументированным гипотезам, Фулы (на каком бы поселении их не помещали авторы) находились или в юго-западной, или в юго-восточной части полуострова (см.: [*Могаричев, Майко, 2015(1)*; *Могаричев, Майко, 2015(2)*]). Однако в пользу «восточной» гипотезы имеется важный, если не решающий, аргумент. Как уже отмечалось, Фульская епархия была объединена с Сугдейской, и эта новая церковно-административная единица фиксируется вплоть до 1410 г. Более того, во второй половине XV в. в Каффе образуется униатская Фульская епархия, а с начала XVII в. создается Каффо-Фульская епархия [*Кропоткин, 1959*, с. 202]. Маловероятно, чтобы соединяемые церковно-административные единицы не располагались по соседству. В случае нахождения Фульской епархии в юго-западной части Крыма ее логично было присоединить к близлежащей Готии, а не к отдаленной Сугдее. Однако «восточной гипотезе» противоречит археологическая ситуация в юго-восточном Крыму. Согласно упомянутым источникам, функционирование Фул и одноименной епархии должны отражать поселения, на которых присутствуют археологические слои как минимумом второй половины VIII – середины XII в. Отмечу, что таких памятников должно быть несколько. Однако отвечающая этим требованиям стратиграфия в восточном Крыму выявлена только в городах Боспоре и Сугдее. Иные поселения и могильники X (по крайней мере, начиная со второй четверти столетия) – XI в. в юго-восточном Крыму отсутствуют [*Зинько, 2010*, с. 239; *Майко, 2006*; *Пономарёв, 2004*].

Аргументом, позволяющим сомневаться в историчности рассматриваемого сюжета, может являться то, что в иных источниках, кроме ЖК, Фулы – это исключительно или поселение, или христианская епархия с одноименным центром.

Оставляя за рамками настоящей работы проблему языковой и этнической принадлежности «фульского народа» (см., например: [Трубачёв, 1977, с. 28; Топоров, 1999, с. 200–205, 213, примеч. 47; Кизилов, 2015, с. 83–89]), для решения которой, как мне кажется, ЖК не дает практически никаких «зацепок», сосредоточусь на том, в каком контексте в рассматриваемом агиографическом произведении упомянут «фульский народ» – этническом (особый фульский этнос/племя) или территориальном (люди, живущие в некой Фульской области). Например, Б. Н. Флоря подчеркивал, что «народ фульский» в иных источниках не отмечен, и в ЖК речь идет о местности близкой к поселению Фулы [Флоря, 1981, с. 122]. А В. Н. Топоров отмечал: «очевидно “фульский язык” обитал в Фуллах и их окрестностях и что само название “народа” (точнее населения) мотивируется локусом его обитания, а не принадлежностью к особому языковому типу, хотя строго говоря, для более раннего времени и этот последний вариант полностью исключать нельзя» [Топоров, 1999, с. 200].

Обращение к специальным авторитетным словарям, а именно «Словарю Академии Российской» [Словарь Академии Российской, 1794, кол. 1137–1138], «Словарю старославянского языка» [Словарь старославянского языка, т. IV, 2006, с. 1221–1222], «Старобългарскому речнику» [Старобългарски речник, 2009, с. 1285–1286], «Старославянскому словарю» [Старославянский словарь..., 1994, с. 807], а также консультации со специалистами⁵ позволяют сделать вывод, что церковнославянское существительное «язык» (мн. ч. – «языци»), кроме обозначения анатомического органа и речи (говора), означало также «народ», «племя», т. е. соответствовало греческому «этнос». Однако иногда у этого термина могло быть и другое значение (во мн. ч.) – «инородцы», «чужеземцы», «иноплеменники», «язычники», «идолопоклонники», «безбожники». В нашем случае возможны оба варианта, однако первый – наиболее предпочтительный, так как «фульский народ», по источнику, несмотря на бытовавшие у него языческие традиции: «Не теперь мы стали так делать, но (обычай этот) от отцов приняли, и благодаря ему исполняются все просьбы наши», – все же однозначно уже приобщенный к христианству: «Познайте, братья, бога, сотворившего вас. Вот – евангелие Нового За-

⁵ Автор выражает искреннюю благодарность С. Ю. Темчину и А. К. Шапошникову за исчерпывающие консультации.

вета божьего, в котором были вы крещены» [Сорочан, 2014]. В любом случае, даже если автор Жития пытался подчеркнуть язычество (еретизм) «фульского народа», он понимал его как некий этнос (см., например: [Кулаковский, 1898, с. 201]).

Таким образом, из всего круга источников только в ЖК Фулам придан этнический смысл. Конечно, можно попытаться объяснить указанное обстоятельство ошибкой славянского переводчика. Но вероятнее всего, по крайней мере, нет оснований предполагать иное, что в первоначальном греческом варианте эта фраза звучала именно как «фульский этнос».

Следующим аргументом, позволяющим сомневаться в достоверности «фульского рассказа», является контекст, в который он помещен. Выясняется, что вся Глава XII ЖК – это **исключительно изложение чудес святого** (выделено мною. – Ю.М.): сначала чудо с превращением соленой воды в пресную: «Когда же дошли до пустых и безводных мест, не могли переносить жажды. Найдя же в солончаке воду, не могли ее пить, ибо была она как желчь. И когда разошлись они все искать воду, сказал брату своему Мефодию: “Не могу больше терпеть от жажды, зачерпни же воды этой. Тот, кто раньше для израильтян горькую воду сделал сладкой, Тот и нам принесет утешение”. Зачерпнули же, и оказалась она сладкой, как мед, и холодной, и пили, прославляя Бога, что делает такое для рабов своих» [Флоря, 1981, с. 85]; затем чудо предсказания скорой смерти херсонскому архиепископу: «В Херсоне же, ужиная с архиепископом, сказал ему, Философ: “Помолись, отче, за меня, как отец бы мой мне сделал”. Некоторые же спрашивали его, почему он так поступил. Отвечал Философ: “Поистине завтра уйдет он от нас к господу, покинув нас”. Так и стало, и слово его сбылось» [Флоря, 1981, с. 85]; и, наконец, чудо возвращения на путь истинный фульского народа. То есть, если признать за полную историческую реалию рассказ о добровольно-принудительном уничтожении фульским этносом священного дуба, то следует считать таковыми умение Константина Философа опреснять морскую воду и предсказывать скорую смерть своих собеседников. Как подтверждение данной версии, отметим проводимую автором Жития несколько надуманную аллюзию, выразившуюся в игре слов, между «народом Фулу» из цитируемой Константином Философом речи пророка Исайи (еврейский текст Библии) [Исайа. 66. 18–19] (см.:

[Флоря, 1981, с. 123; Сорочан, 2005, с. 1426–1427]) и крымским «народом фульским». В результате получается, что к «фульскому народу» обращается непосредственно пророк Исая.

Наконец, если согласно источнику «народ фульский» был уже приобщен к христианству, то, несомненно, эта область или имела своего собственного епископа, или, вероятнее всего, являлась составной частью какой-то местной епархии. К середине IX в. в Крыму функционировали Херсонская, Боспорская, Готская и Сугдейская епархии (см.: [Могаричев, 2014, с. 79]). Несомненно, у жителей Фул должен был быть свой священник (или священники). Иными словами, выходит, что Константин, нарушив все существовавшие в христианском мире правила, совершил свое действие «через голову» не только главы местного прихода, но и епископа (по крайней мере, источник не упоминает об их участии в уничтожении дерева). Конечно, сему можно придумать различные логические объяснения, но все они будут слабо аргументированными.

Подытожим возможные аргументы в пользу исторической достоверности рассматриваемого сюжета и его атрибуции как выдумки агиографа.

Историческая реалья	Агиографический штамп
<ol style="list-style-type: none"> 1. Наличие в Крыму поселения и местности Фулы. 2. Возможное сохранение к середине IX в. сильных языческих традиций у части населения Таврики. 3. Теоретическая вероятность борьбы константинопольского интеллектуала с рудиментами язычества среди жителей Горного Крыма. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. В иных источниках Фулы упоминаются исключительно как поселение или центр одноименной епархии, но более нигде это название не упоминается в этническом контексте. 2. XII глава ЖК, где помещен «Фульский рассказ», – исключительное изложение прижизненных чудес святого. 3. Сюжет уничтожения дерева, которому поклонялись язычники или еретики, распространен в византийской агиографии. 4. Отсутствие упоминания о поездке к «фульскому народу» в «перекрестных» латинских источниках (в отличие от обретения мощей св. Климента). 5. Противоречие рассказа «внутрицерковному административному этикету».

Как видим, вероятнее всего, сюжет «возвращения на путь истинный фульского народа» несет в себе отчетливые следы агиографического штампа и в целом являлся результатом литературной деятельности агиографа. Конечно, здесь присутствует историческая основа: наличие в Крыму поселения Фулы. Возможно (что считается общепринятым в современной историографии), здесь действительно могли существовать некие языческие пережитки, в том числе и поклонение деревьям. Однако в целом рассказ о поездке Константина Философа к «Фульскому этносу» и срубке дуба – в большей степени сочинение агиографа.

Как уже отмечалось, Житие славянского просветителя составлялось между 869 и началом 880-х гг., то есть максимум через 10–12 лет после его смерти. Поэтому именно прижизненным чудесам и должно было уделяться особое внимание.

Отметим, что ранее автором была высказана гипотеза, что и некоторые другие крымские сюжеты, а именно – «чудесного» снятия хазарской осады с анонимного «христианского города» и не менее «чудесного» избавления от венгров Константина и его спутников – также в целом являлись плодом сочинения агиографа [Могаричев, 2004; Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 218–225]. Напомним, что «крымский эпизод» его жизни получил освещение не только в Житии, но и в других (латинских) источниках. Это позволяет провести перекрестный анализ информации. Только сюжеты из VIII главы о снятии Константином осады с «христианского» города и нападении на него венгров и чудеса XII главы содержатся исключительно в ЖК и не находят подтверждения в других источниках. Они органично дополняют ключевое событие «таврического периода» жизни Константина – обретение мощей Климента Римского. Конечно, в основе этих сюжетов могли находиться некие исторические реалии: вероятное присутствие на полуострове хазарских и венгерских военных отрядов, наличие поселения и местности Фулы. Но в таком виде, как это изложено в ЖК, они вряд ли имели место. Конечно, сделанные здесь выводы в большой степени лишь гипотеза, надеюсь, что в дальнейшем удастся представить более развернутую аргументацию.

Литература

- Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Алексеев Н. А.* Печать Митрофана Смирнского из Херсона: ссыльный митрополит в Таврике // Небесные патроны и земные служители культуры. Sacrum et profanum. Вып. III. Севастополь, 2007.
- Артамонов М. И.* История хазар. СПб., 2001.
- Байер Х.-Ф.* История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001.
- Белый А. В.* Вопрос о локализации Фулл в связи с неясным свидетельством Менандра // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995.
- Бернштейн С. Б.* Константин-Философ и Мефодий. М., 1984.
- Бертье-Делагард А. Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // Бертье-Делагард А. Л. Избранные труды по истории христианства в Крыму. Т. II. Симферополь, 2011.
- Васильев А. А.* Готы в Крыму. Ч. 2. // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Вып. 5. М.–Л., 1927.
- Васильевский В. Г.* Житие Иоанна Готского // Труды. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1912.
- Вернадский Г. В.* Древняя Русь. Тверь–Москва, 2000.
- Герцен А. Г., Могаричев Ю. М.* К вопросу церковной истории Таврики в VIII в. // Античная древность и средние века. Вып. 30. Екатеринбург, 1999.
- Зинько В. Н.* Восточный Крым в эпоху Хазарского каганата // Хазары: миф и история. Москва–Иерусалим, 2010.
- Иванов С. А.* Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003.
- Иловайский Д.* Разыскания о начале Руси. М., 1876.
- Кизилов М. Б.* Крымская Готия. Симферополь, 2015.
- Комар А. В.* Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований // Мадьяри с середньому Подніпрові. Археологія і давня історія України. Вип. 7. Киев, 2011.
- Кропоткин В. В.* Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и локализация города Фулл) // Советская археология. Т. 28. М., 1958.
- Кулаковский Ю. А.* К истории Готской епархии (в Крыму) в VIII в. // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1898. Февраль. Ч. СССХV.
- Кулаковский Ю. А.* Прошлое Тавриды. Киев, 2002.
- Лавров А. П.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Труды славянской комиссии. Т. 1. Л., 1930.
- Ламанский В. И.* Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. Петроград., 1915 (первое издание: Журнал Министерства Народного Просвещения. 1903–1904. № СССXLVI–СССCLIII).

- Майко В. В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. Киев, 2004.
- Майко В. В. Византийско-русские отношения в юго-восточном Крыму в XI в. // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XVII/1. Москва–Магнитогорск, 2006.
- Могаричев Ю. М. О степени достоверности одного сюжета Жития Константина Философа // Археологія. 2004. № 3.
- Могаричев Ю. М. Средневековый Крым (VI – середина XIII вв.): история, религия, культура. Симферополь, 2014.
- Могаричев Ю. М., Майко В. В. Тепсеньская базилика и проблема локализации Фул // Хазарский Альманах. Т. 13. М., 2015(1).
- Могаричев Ю. М., Майко В. В. Фулы и Крымская Хазария: еще раз о локализации Фульской епархии // *Laurea I. Античный мир и Средние века. Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева.* Харьков, 2015(2).
- Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007.
- Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Петров А. Письмо Анастасия Библиотекаря // Журнал Министерства народного просвещения, январь. СПб., 1893. Январь.
- Погодин М. Кирилло-Методиевский сборник в память о свершившемся тысячелетии славянской письменности и христианства в России. М., 1865.
- Пономарёв Л. Ю. О населении Керченского полуострова во второй половине X – XIII вв. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной научной конференции. Ч. II. Киев–Судак, 2004.
- Словарь Академии Российской. Ч. VI. СПб., 1794.
- Словарь старославянского языка в 4 т. Т. 4. СПб., 2006. (Пер. изд.: *Slovník jazyka staroslověnského IV s–v / Hlav. red. Zde Hauptová. Praha, 1997*).
- Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. 1, 2. Харьков, 2005.
- Сорочан С. Б. Византийский Херсон в письме Анастасия Библиотекаря // Хазарский альманах. Вып. 11. Киев–Харьков, 2012–2013.
- Сорочан С. Б. «Народ фульский»: язычники или христиане? // Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. Восточная Европа в древности и средневековье. Вып. XXVI. М., 2014.
- Сорочан С. Б. Византийский Херсон в Итальянской легенде // Хазарский альманах. Вып. 14. М., 2016.
- Старобългарски речник. Т. II / Отв. ред. Дора Иванова-Мирчева. София, 2009.
- Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994.

- Топоров В. Н. По окраинам Греческого мира. К образу мирового дерева // К 70-летию академика Г. Г. Литаврина. М., 1999.
- Тунманн М. Крымское ханство. Симферополь, 1991.
- Трендафилов Хр. Житие Константина (Кирилла) Философа (Пространное). Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома). Режим доступа: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=3459> (1 декабря 2016 г.).
- Трубачёв О. Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. М., 1977. № 6.
- Уханова Е. В. У истоков славянской письменности. М., 1998.
- Флоря Б. Н. Сказания о начале славянской письменности. М., 1981.
- Франко І. Святий Климент у Корсуні // Записки наукового товариства імені Шевченка. Т. LIX. Кн. III. Львів, 1904.
- Хапаев В. В. Фема Херсон в системе безопасности северных рубежей Византийской империи в IX–XI веках // Этносоциум. М., 2016. № 10(100).
- Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Т. VI. Симферополь, 1998.
- Цукерман К. О происхождении двоевластия у хазар и обстоятельствах их обращения в иудаизм // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Т. IX. Симферополь, 2002.
- Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным Notitiae episcopatum // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XVI. Симферополь, 2010.
- Чхаидзе В. Н. Тамартаха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., 2008.
- Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X вв. по р.х. Памятники христианского Херсонеса. Вып. III. М., 1908.
- Ягич И. В. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа первоучителя славян св. Кирилла // Приложение к 72-му тому Записок Императорской академии наук, 6. СПб., 1893.
- Якобсон А. Л. К вопросу о локализации средневекового города Фуллы // Советская археология. Вып. XXIX–XXX. М., 1959.
- Golden P. The Conversion of the Khazars to Judaism // The World of the Khazars. New Perspectives Selected Papers from the Jerusalem 1999 International Khazar Colloquium hosted by the Ben Zvi Institute. Handbook of Oriental Studies. Leiden–Boston, 2007.
- Darrouzes J. Notitiae episcopatum eclessiae Constantinopolitaneae. Paris, 1981.
- Hollingsworth P. Constantine the Philosopher // The Oxford Dictionary of Byzantium. V. 1. New York–Oxford, 1991.
- Tomaschek W. Die Gothen in Taurien. Wien, 1881.
- Zuckerman C. On the date of the khazars' conversion to Judaism and the chronology of the kings of the Rus Oleg and Igor // Revue des Etudes Byzantines. Т. 53. Paris, 1995.

Ю. М. Могаричев

**Рубил ли Константин Александра?
К вопросу о «фульском сюжете» Пространного Жития Константина
Философа**

Резюме

Статья посвящена анализу на предмет исторической достоверности сюжета «возвращения на путь истинный фульского народа» из XII главы Пространного жития Константина Философа: святой подвигнул этот, уже приобщенный к христианству народ, отказаться от языческого обычая, а именно, поклонения большому дубу, сросшемуся с черешней. В результате дерево было срублено и сожжено. По мнению автора, этот рассказ несет в себе отчетливые следы агиографического штампа и в целом является результатом литературной деятельности агиографа. Однако там присутствует историческая основа: наличие в Крыму поселения Фулы и сохранение в «крымской глубинке» пережитков язычества на всем протяжении раннего средневековья.

Ключевые слова: Константин Философ, Пространное житие, фульский народ, Фулы, агиографический штамп.

Yu. M. Mogarichev

**Did Constantine Cut Down Alexander?
On “Phoulaen Story” in Expanded Life of Constantine the Philosopher**

Summary

The article is devoted on analysis of the historical veracity of the story of “returning the Phoulaen people on the True Path” from chapter 12 of the Expanded Life of Constantine the Philosopher. Saint let this, already Christian folks to refuse worshipping on the big oak accreted with cherrytree. As the result, the tree was cut down and burned. On the author’s own opinion, this narrative have a clear mark of the hagiographical stamp and almost product of the hagiographer’s literature activity. Concurrently there was also historic background: existence of the settlement Phoulae and conservation in the “Crimean remote place” paganism lags during the Early Middle Ages.

Keywords: Constantine the Philosopher, Expanded Life, Phoulaen people, Phoulae, hagiographical stamp.

Д. А. Моисеев

МОРФОЛОГИЯ КЕРАМИД ПРАВОБЕРЕЖНОГО ЦИМЛЯНСКОГО ГОРОДИЩА: К ВОПРОСУ О СВЯЗИ С КРЫМСКИМ И ТАМАНСКИМ ПРОИЗВОДСТВОМ ЧЕРЕПИЦЫ

Строительная керамика Правобережного Цимлянского городища (далее – ПЦГ), происходящая из раскопа 7 (*рис. 1: а*) введена в научный оборот сравнительно недавно [Флёров, 2013; Флёров, 2014, с. 119–128]. Тем не менее ее изучение продвинулось достаточно далеко. На сегодняшний день известно несколько аналогий как для керамид, так и для калиптеров [Флёров, 2014, с. 122–123, 126–127]. Большинство из них происходит с территории Крыма. На основании этого В. С. Флёров выдвинул предположение, что, вероятно, в конце VIII – начале IX в. технология изготовления как минимум керамид была заимствована из Крыма. Поиск региона, откуда традиция и технология изготовления строительной керамики проникла на Нижний Дон, продолжает оставаться историко-археологической проблемой. Так как письменные источники по этому вопросу отсутствуют, на первый план выходят исключительно археологические свидетельства. Подтверждение того или иного региона или даже гончарного центра в качестве «источника» проникновения традиции даст новые огромные возможности в типологии и датировке черепицы, так как строительная керамика из раскопок ПЦГ отражает кратковременный хронологический срез состояния и развития ремесла в «материнском» регионе в это время. До настоящего времени для поиска аналогий в данной сфере системный и широкий анализ не применялся: не рассматривались не только морфологи-

чески близкие и аналогичные изделия, но и более широкий круг ассортимента комплекса строительной керамики для того или иного региона. Внедрение таких новых методик, возможно, даст новые результаты.

Поскольку наиболее изученным и информативным материалом как на ПЦГ, так и в Крыму и на Тамани являются керамиды, то работа будет построена в основном на сравнении этих находок. По возможности будет использоваться и другой материал – калиптеры и плитка. В этом анализе технологические особенности керамического теста находок рассматривались как вторичные признаки, так как на данный момент совершенно очевидно, что «мастера» ПЦГ не смогли полностью перенять технологию изготовления строительной керамики. Это предельно ясно отразилось на качестве и физических характеристиках керамид, калиптеров [Флёров, 2014, с. 120, 122, 126, 137]. Для сравнения и выявления аналогий было выбрано несколько морфологических признаков, которые являются, с одной стороны, наиболее устойчивыми и хорошо выраженными, а с другой, поддаются систематизации и не распадаются на множественные подтипы¹. Эти признаки оценивались комплексно, а не в отрыве один от другого. Для керамид были выбраны: форма, особенности и признаки верхних и нижних углов. Эти элементы на tegulae требуют наибольшей стандартизации, так как отвечают за крепление на кровле к верхним и нижним рядам черепицы, что и обуславливает устойчивость их формы.

Другой важной особенностью методики сравнения и поиска аналогий для строительной керамики стало изучение ассортимента продукции гончарных центров или регионов, если место производства неизвестно, аналогии которых найдены на ПЦГ. В основе этого принципа лежала особенность организации средневекового ремесла, для которого не существовало не только внутренней спецификации на отдельные виды строительных керамических материалов, но и разделения на мастеров-«черепичников» и мастеров-«горшечников» (амфоры, пифосы, кувшины и т. д.), что подтверждается тремя известными на сегодняшний день гончарными центрами IX–X вв. в юго-западном Крыму: Илька [Моисеев, 2014(1), с. 285], Тру-

¹ К таким признакам относятся боковые бортики, в том числе и из раскопок ПЦГ. На сложность работы с ними обратил внимание В. С. Флёров, отметив их высокую вариативность [Флёров, 2014, с. 120].

долюбовка [Якобсон, 1979, с. 55–56] и Суаткан². Гипотетический гончарный центр, откуда происходили мастера, передавшие технологию изготовления строительной керамики на ПЦГ, должен иметь комплекс аналогий или близких форм во всех видах черепичной продукции.

Имеющаяся коллекция строительной керамики из раскопок ПЦГ представлена фрагментами керамид, калиптеров и плиток. Материалы происходят из археологических раскопок 2006–2010 гг. под руководством В. С. Флёрова³ (рис. 1).

Керамиды представлены боковыми бортами, верхними и нижними углами. Технологически они подразделялись на две группы теста: красноглиняные по краям и серые в центре скола изделия с рыхловатым черепком и сероглиняные плотного теста. Морфологический облик tegulae восстанавливается по фрагментам частей керамид, так как археологически целых черепиц найдено не было. Подробное описание изделий выполнил В. С. Флёров [Флёров, 2014, с. 120–123]. Необходимо отметить, что ряд керамид несет на себе следы использования матриц, чего ранее прослежено не было. Вероятно, это говорит о том, что как минимум некоторые партии керамид могли изготавливаться в матрицах. Именно на эти находки необходимо обратить особое внимание, учитывая то, что ремесло по производству черепицы в Крыму и на Тамани к IX–X вв. уже не знало «лицевого способа» изготовления черепицы и использовало технологию оттиска в матрице, т. е. «тыльный способ» [Моисеев, 2011, с. 183]. К таким следам относятся: швы от составных частей матриц и следы от скрепляющих скоб, так называемые ремонты (443/пцг2009; 652/пцг2010; 638/пцг2010), рельефные следы деревянных волокон (653/пцг2010; 670/пцг2010). Эти матрицы, несомненно, заметно отличались технологически от своих прямых аналогов в Крыму, что показывало неумелость «мастеров» Нижнего Дона [Флёров, 2014, с. 120]. Отмечу, что фрагменты с такими при-

² Археологические исследования гончарного центра Суаткан и настоящая статья осуществлены в рамках реализации проекта РФФИ № 15-31-10121 «Культурные и экономические связи юго-западного Крыма и Таманского полуострова в IX–X вв. на примере изучения центра по производству строительной керамики в балке ручья Суаткан (Крым)».

³ Автор выражает благодарность автору исследований Валерию Сергеевичу Флёрову за возможность использовать настоящий материал.

знаками были обнаружены в основном на участках исследований 2010 г.⁴.

Косвенно говорят об использовании матриц подрезы на верхнем краю на керамидах 649/пцг2010, 641/пцг2010, 438,440/пцг2009, 209/пцг2008. Эти четыре фрагмента имели характерные подрезы по сырой глине на верхнем краю изделия (рис. 3, I, 1–4). Такие «подрезы» обнаружены как на красноглиняных керамидах (рис. 3, I, 1–3), так и на сероглиняных (рис. 3, I, 4). Ширина такого «подреза» на красноглиняных изделиях составляет 0,6–2,0 см, при этом незначительно сужаясь в некоторых случаях слева направо (рис. 3, I, 3). На сероглиняной керамиде он тоньше (0,5 см) и практически параллелен верхнему краю. Кроме невыразительного участка, который древние «мастера» не стали тщательно срезать на керамиде 209/пцг2009 (рис. 3, I, 2), других свидетельств того, что именно срезалось на верхних краях tegulae ПЦГ, нет. Остальные верхние края керамид ПЦГ имеют подобный рассмотренным фрагментам вид, отличаясь только отсутствием каких-либо технологических следов и морфологических элементов на верхнем краю. Верхние углы без следов подреза мало чем отличаются от описанных выше.

Нижние углы керамид ПЦГ представлены хорошо выраженными коленчатыми изгибами с коротким «коленом» изгиба в 1,3 см, изгибающимся под двумя тупыми углами около 130° (рис. 3, I, 5–6).

Аналогии строительной керамике ПЦГ, которые на данный момент введены в научный оборот, происходят из раскопок Лагерной Балки мангупского городища в Крыму (керамиды и калиптеры; группа III, гончарный центр Суаткан) [Флёров, 2014, с. 122–123, 127], Баклинского городища (калиптеры; группа II, гончарный центр Трудолюбовка) в Крыму, поселения на г. Гасфорта (калиптеры; группа II) в Крыму [Флёров, 2014, с. 127], Севастополиса (калиптеры) [Флёров, 2014, с. 127] в Абхазии, Фанагории (плитка; возможно, группа III, гончарный центр Суаткан) [Флёров, 2014, с. 136–137]. В рамках настоящей работы будут рассмотрены только аналогии, для которых открыто и изучено место их производства.

⁴ Говорить о повсеместном использовании матриц для изготовления керамид ПЦГ, несомненно, нельзя без подтверждения этого на массовом материале «в поле». На данный момент отмеченные фрагменты скорее являются коллизией, отражая некое до настоящего времени неизвестное явление.

Учитывая большое количество известных аналогий для гончарного центра Суаткан (керамиды, калиптеры и, предположительно, плитка), был взят комплекс из раскопок одной из его печей. Материалы этих исследований подходили наилучшим образом для сравнения по следующим причинам: а) представляли собой большую выборку строительной керамики, исходя из новейшей методологии фиксации этого вида материала; б) имели некоторые аналогии в морфологии с материалами из ПЦГ; в) имели одновременно с этим аналогии на Тамани [Мусеев, 2014(2), с. 372–373].

Комплекс из раскопок гончарного центра Суаткан происходит из гончарной печи для производства калиптеров и слоев ее разрушения, датирующихся IX–X вв. (рис. 2). Керамиды центра имели близкий материалу ПЦГ вид, что ранее уже отмечалось [Флёров, 2014, с. 122]. Аналогичный описанному на ПЦГ морфологический признак (получил название «ложный верхний бортик») является одним из наиболее важных открытий в морфологии керамид, сделанных во время исследования гончарного центра Суаткан. «Ложный верхний бортик» был встречен только на керамидах подгруппы 2 группы III. Кроме того, эти черепицы имели обыкновенно оформленные верхние края без особых элементов. Другой не менее важной особенностью общего облика подгруппы 2 было то, что в ее материалах не было встречено верхних бортов. Обыкновенно эту подгруппу датируют в пределах IX–X вв.

«Ложный верхний бортик» имел вид срезанного верхнего края изделия (рис. 3, II, 7–9; рис. 4, 1–2, 4, 6–9). В ряде случаев здесь просматривается рельефный выступ (закраина) высотой 0,1–0,3 см. (рис. 3, II, 7, 9; рис. 4, 2, 9). Иногда мастера недостаточно тщательно срезали рельеф и на керамидах оставались части таких закраин (рис. 3, II, 8; рис. 4, 8–7). Иногда «ложный верхний бортик» выражен незаметной бороздой, намечавшей этот элемент (рис. 3, II, 8).

В ряде случаев этот элемент был выражен отпечатком незначительного понижения в рельефе (рис. 4, 3, 5). Он, видимо, оставался от поперечной планки, скреплявшей продольные доски матрицы, из которых набиралось ее плоское поле. Такие же отпечатки понижения рельефа встречаются и на нижнем краю керамид (рис. 4, 10), что говорит о технологии скрепления продольных планок поля матрицы. Сходство общих принципов подрезки, а также частично сохранившийся рельеф на фрагменте 208/пцг2008 дает возможность

предположить, что и на фрагментах 649/пцг2010, 641/пцг2010, 438,440/пцг2009, 209/пцг2008 из раскопок ПЦГ был именно «ложный верхний бортик».

Необходимо дать оценку описанному морфологическому признаку. Во-первых, надо отметить его спорадичность. Хотя из коллекции с раскопок Суаткана происходит несоизмеримо большее число керамид подгруппы 2 с тем или иным образом выраженным «ложным верхним бортиком», чем с ПЦГ из двух разных групп теста, общий процент в комплексе находок остается низким (19,15% от общего числа верхних краев). Во-вторых, древние мастера пытались скрыть этот брак как на Суаткане, так и на ПЦГ. Видимо, это связано с тем, что с такими «ложными верхними бортиками» ухудшались показатели влагозащитности конструкции кровли. Перечисленные факторы позволяют предположить, что «ложный верхний бортик» был разновидностью брака или износа деревянной матрицы. Можно уверенно говорить о том, что он изготовлялся непреднамеренно и получался из-за недостаточно тщательной подгонки верхних скрепляющих досок к верхней стенке ящика матрицы.

Черепицы с таким элементом занимают промежуточное положение между керамидами «без» и «с» верхним бортом⁵. Аналогии «ложному верхнему бортику», но куда более хорошо выраженному и без фиксируемых попыток его скрыть, можно обнаружить на черепице подгруппы 3 группы III классификации Суаткана (рис. 5, 1)⁶. Керамиды с таким тестом входят в состав комплекса конца IX – начала X в. из раскопок в Лагерной Балке Мангупского городища [Моисеев, 2014(1), с. 174]. Морфологически этот элемент на фрагменте уже имеет форму верхнего борта, но остается неправильной или произвольной формы. Он имеет вогнутую верхнюю грань не всегда одинаковой формы и переход от верхней грани к полю керамиды,

⁵ Верхний борт является отличительной чертой крымских керамид в XIII–XV вв., но как морфологический признак он появляется именно в IX–X вв. В комплексах разрушений, относящихся к этому времени, обыкновенно присутствуют керамиды с ним и без него. Причины его появления и хронология элемента не изучены.

⁶ Коллекция строительной керамики, из которой происходят описанные фрагменты, была обнаружена на хозяйственном дворе Бахчисарайского музея-заповедника автором настоящей статьи в 2017 г. Судя по маркировке некоторых предметов, это полевая коллекция из раскопок так называемой Базилики Маркевича в 2013 г., не вошедшая в основную коллекцию, сданную автором исследований В. Е. Науменко в фонды музея-заповедника. В настоящее время коллекция готовится к сдаче в фонды музея-заповедника.

дополнительно снабженный «пандусом» (см. подпись к *рис. 5, 1*), что больше похоже на брак, чем на сознательно выполненный элемент. Этот комплекс признаков сильно отличает верхний борт подгруппы 3 от керамид подгруппы 1 или бракованных изделий неопределимой группы теста, где виден хорошо выраженный верхний борт прямоугольной формы (*рис. 5, 2*). Тем не менее этот фрагмент из раскопок так называемой Базилики Маркевича дает возможность связать «ложные верхние бортики» подгруппы 2 группы III с хорошо выраженными верхними бортами *tegulae* подгруппы 1 из раскопок слоя разрушения печи № 10 гончарного центра Суаткан.

Видимо, подгруппа 3 характеризует более позднее время процесса формирования верхнего бортика, который хорошо известен из тех же слоев, что и фрагменты с «ложным верхним бортиком» (*рис. 5, 2*).

Несмотря на наличие таких близких по виду и форме аналогий, керамиды подгруппы 2 группы III гончарного центра Суаткан все-таки нельзя рассматривать в качестве тех, что повлияли на зарождение и развитие ремесла на ПЦГ. Основную роль в этом играет форма коленчатых изгибов, характерная для керамид описанного типа. Они хорошо выражены с внешней стороны и не выражены с внутренней (*рис. 5, 3–4*). Для юго-западного Крыма такая форма черепицы в целом не характерна. То же можно сказать и о ПЦГ, где распространены хорошо выраженные коленчатые изгибы керамид (*рис. 3, I, 5–6*). Именно к морфологическому типу с плохо выраженным коленчатым изгибом с внутренней стороны относятся керамиды, на которые указывал В. С. Флёров. Кроме раскопок Лагерной балки Мангупского городища [*Моисеев, 2011, с. 178–179, рис. 3, II, 32–36*], такие же керамиды известны из исследований Крестообразного храма [*Мыц, 1990, с. 229, рис. 5, 1–5*] и Западного загородного храма Херсонесского городища [*Романчук, 1990, с. 244, рис. 7, 1*]. Изготовление коленчатого изгиба с плохо выраженной внутренней частью получило распространение в юго-западном Крыму в римское и ранневизантийское время [*Кутайсов, Труфанов, 2014, с. 258, рис. 5, 1; Моисеев, 2013, с. 168–169, 183, рис. 3, I*], но в IX–X вв. они повсеместно вытесняются формой, характерной и для ПЦГ. Отличался в этом плане только гончарный центр Суаткан, синхронные аналогии продукции которого известны только на грузинских керамиде IX–X вв. [*Моисеев, 2014(2), с. 372–373*].

«Ложный верхний бортик» известен не только на керамидах ПЦГ и Сутакана. Его также можно проследить и на tegulae (рис. 6) из раскопок храма второй половины IX – первой половины X в. в урочище Еди-Евлер в Крыму [Тесленко, 2015, с. 120, 128, 131–133]. Обнаружение этого признака не на одном памятнике и не в одной группе керамического теста указывает на системность описываемого явления, его особую роль в развитии крымского и нижнедонского ремесла по производству черепиц и большой потенциал использования этого признака в качестве надежного хроноиндикатора. В описываемом храме было обнаружено две керамиды (группа II по классификации, принятой в публикации памятника), где на верхнем краю отпечатались валики – «ложные верхние бортики». Они были достаточно широки (1,0–1,2 см.) и не имели такого правильного и четкого рельефа, как суатканские аналоги. Отчасти это объясняется тем, что тесто еди-евлерских образцов принадлежало группе II и отличалось рыхлостью и примесью шамота. На двух изделиях они зафиксированы на левом и правом краю, что лишний раз подтверждает случайность их появления.

Еще одним видом аналогий находкам строительной керамики ПЦГ, которые можно связать с гончарным центром Суаткан, является керамическая плитка из Фанагории. На данный момент этот артефакт, несмотря на единичность и гипотетичность, занимает центральное место в аргументации, указывающей на наличие связей между строительной керамикой Тамани и ПЦГ. Она несколько раз была представлена в научных публикациях [Флёров, 2014, с. 136–137; Чхаидзе, 2012, рис. 129: 19]. С находкой автор ознакомился в хранилище Института археологии РАН в 2012 г.⁷ (происходит из раскопок в Фанагории А. Атавина 1982 г.). Плитка изготовлена из плотного пестрого теста, что отмечали исследователи, и покрыта плотным ангобом. Аналогий этому тесту на данный момент на самой Тамани нет (см., например, классификации по технологическим признакам: [Чхаидзе, 2008, с. 210–211; Чхаидзе, 2012, с. 190–191]). Однако изделия с подобными характеристиками массово встречаются при раскопках гончарного центра Суаткан в юго-западном Крыму (подгруппа 2), а на памятниках археологии региона такое тесто известно под обозначением группы III мангупской классифи-

⁷ Автор выражает глубокую признательность Виктору Николаевичу Чхаидзе за возможность ознакомиться с материалом.

кации [Моисеев, 2011, с. 177; Науменко, 1997, с. 339]. Вероятно, перед нами не пример местного фанагорийского или в целом таманского производства, а импорт из юго-западного Крыма.

В то же время в случае ошибочного определения теста из-за особенностей развития гончарного ремесла на памятниках IX–X вв. Таманского полуострова должны быть известны керамиды или калиптеры с аналогичными признаками материалу ПЦГ. Количество введенных в научный оборот археологически целых форм, фрагментов керамид и калиптеров, происходящих из раскопок памятников Таманского полуострова [Чхаидзе, 2008, с. 208–212; Чхаидзе, 2012, с. 189–192, 519; Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 412, 422] позволяет составить представление об общем морфологическом облике строительной керамики региона, определить наличие связей в материальной культуре производства черепицы и торговле строительной керамикой. На сегодняшний день совершенно не известны производственные центры этой строительной керамики на Тамани, хотя Фанагория, один из крупных городских центров, в античное время являлась центром изготовления черепицы [Чхаидзе, 2012, с. 191].

Для черепицы региона характерны керамиды с водосливными валиками и ремесленными метками [Моисеев, 2014(1), с. 372–373; Чхаидзе, 2008, с. 212; Чхаидзе, 2012, с. 519; Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 422], в том числе и такими сложными, как знак «ΘΕΟΔΟΡΑΚΗΟ» [Чхаидзе, 2012, с. 189–190; Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 422, рис. 33, 8–9], коленчатыми изгибами, не выраженными с внутренней стороны [Моисеев, 2014(2), с. 373] и хорошо распространенными верхними бортами, т.е. со всем комплексом морфологических признаков, которые не характерны для ПЦГ. Описанные керамиды Таманского полуострова не представляют изделия одного гончарного центра. Здесь можно выделить не менее двух импортных групп, берущих свое происхождение из Крыма и с Кавказа. Наиболее хорошо это выражено для керамид со знаком «ΘΕΟΔΟΡΑΚΗΟ» и коленчатыми изгибами, не выраженными с внутренней стороны. Остальная черепица имеет вид разрозненного материала, который пока сложно объединить по морфологическим и технологическим признакам в группы.

Tegulae с «ΘΕΟΔΟΡΑΚΗΟ» хорошо известны в Крыму [Бабенчиков, 1953, с. 112–113; Кирилло, 2015, с. 323–324; Якобсон, 1979,

с. 68, 71; Майко, 2004, с. 211]. А. Л. Якобсон предполагал, что производство таких керамид было расположено в Восточном Крыму [Якобсон, 1979, с. 68]. Помимо иных мест, они происходят из комплекса черепичного завала постройки селения IX–X вв. на склоне г. Южная Демерджи в 1,35 км к востоку от укрепления Фуна XV в. Эта строительная керамика, по мнению В. П. Кирилко, представляет единый в технологическом отношении комплекс, отличающийся только морфологически [Кирилко, 2015, с. 323]. Из этого же черепичного завала происходят и калиптеры, часть которых [Кирилко, 2015, с. 325] являются близкой морфологической и технологической аналогией, во-первых, *imbrex* из раскопок городища Кыз-Кермен [Моисеев, 2015, с. 176, рис. 8], во-вторых, аналогом калиптеров ПЦГ [Флёров, 2014, с. 127]. Рассматриваемые калиптеры производились гончарным центром Трудолюбовка на южной периферии «пещерного города» Бакла. К большому сожалению, у автора не было возможности ознакомиться с комплексом, чтобы подтвердить технологическую идентичность теста керамид с ремесленной меткой «ΘΕΟΔΟΡΑΚΗΝΟ» Трудолюбовскому гончарному центру, как в случае калиптеров.

Керамиды с плохо выраженным коленчатым изгибом известны из раскопок городища Тамань [Моисеев, 2014(1), с. 372–373]. Очевидно, что они принадлежат южно-кавказскому кругу находок и имеют там прямые аналогии [Чубинашвили, 1956, с. 196]. Видимо, как и в случае с керамидами группы III подгруппы 2, перед нами непосредственные свидетельства влияния и проникновения черепичной традиции грузинского региона на Тамань.

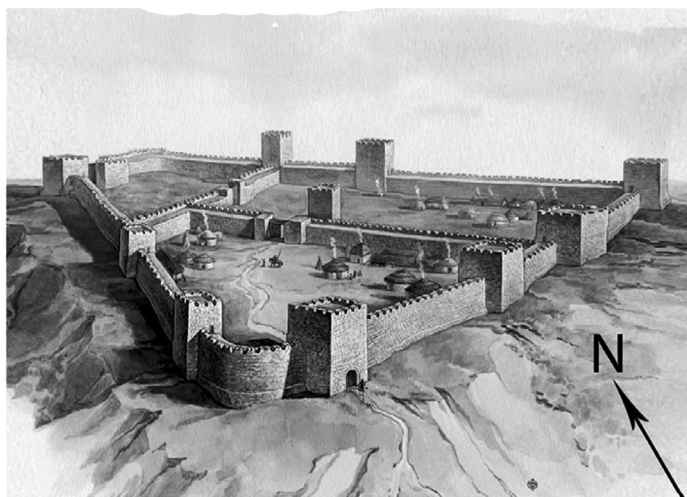
Учитывая прямые аналогии из Крыма и Кавказа, можно заключить, что строительная керамика Таманского региона не представляет собой замкнутого явления и больше походит на трансграничный комплекс со смешением традиций разных регионов. Это является еще одним аргументом за то, что плитка из Фанагории также является импортом из Крыма (Суаткан), а значит и еще одним свидетельством связи Крымского ремесла по производству строительной керамики с Нижним Доном в целом и ПЦГ в частности. Анализ и поиск аналогий к ним на других памятниках показал всю сложность и противоречивость проблемы строительной керамики ПЦГ, а также путей проникновения традиции изготовления черепицы в регион. Производственный комплекс в балке р. Суаткан, имеющий

наибольшее число аналогий, тем не менее не может выступать в роли источника традиции, так как в конце VIII – начале IX в. сам ощутил большое влияние с Южного Кавказа и заимствовал элементы технологии, абсолютно нехарактерные ПЦГ (плохо выраженный коленчатый изгиб с внутренней части). Также нельзя говорить о том, что такие традиции могли проникнуть с Таманского полуострова, который сам в IX–X вв. оказался в вопросе строительной керамики в ситуации, близкой к ПЦГ: на его территорию активно проникали изделия и, видимо, технологии из Крыма и Южного Кавказа. В то же время обнаруженные аналогии заставляют в дальнейшем уделить большее внимание гончарному центру Трудолюбовка и комплексам из округи Алушты неопределенного гончарного центра, где, как показало исследование, есть все основания предполагать наличие большего числа аналогий.

Кроме общих выводов относительно предполагаемого региона и гончарного центра, откуда пришла технология изготовления строительной керамики на Нижний Дон, комплекс черепицы Правобережного Цимлянского городища является важным реперным хронологическим индикатором для Крыма. Важность открытия «ложного верхнего бортика» для крымской археологии «хазарского» и «фемного» времени невозможно недооценить. В комплексе керамид IX–X вв. в Крыму известны tegulae с ярким морфологическим отличием: наличием или отсутствием верхнего бортика. Благодаря достаточно узкой хронологии этого материала на Правобережном городище в границах конца VIII – начала IX в., можно привязать к этому времени появление морфологического элемента «ложный верхний бортик», а хронологию пришедшему ему на смену «верхнему бортику» предварительно определить в широких рамках не позднее конца IX – начала X в.

а

б

Рис. 1.

Правобережное Цимлянское городище:
а – фото с воздуха, черным контуром указан раскоп 7 (предоставил В. С. Флёров);
б – реконструкция [Флёров, 2014, с. 124].

Рис. 2.

Гончарный центр в балке р. Суаткан. Гончарная печь № 10:
1 – план; 2 – поперечное и продольное сечения.

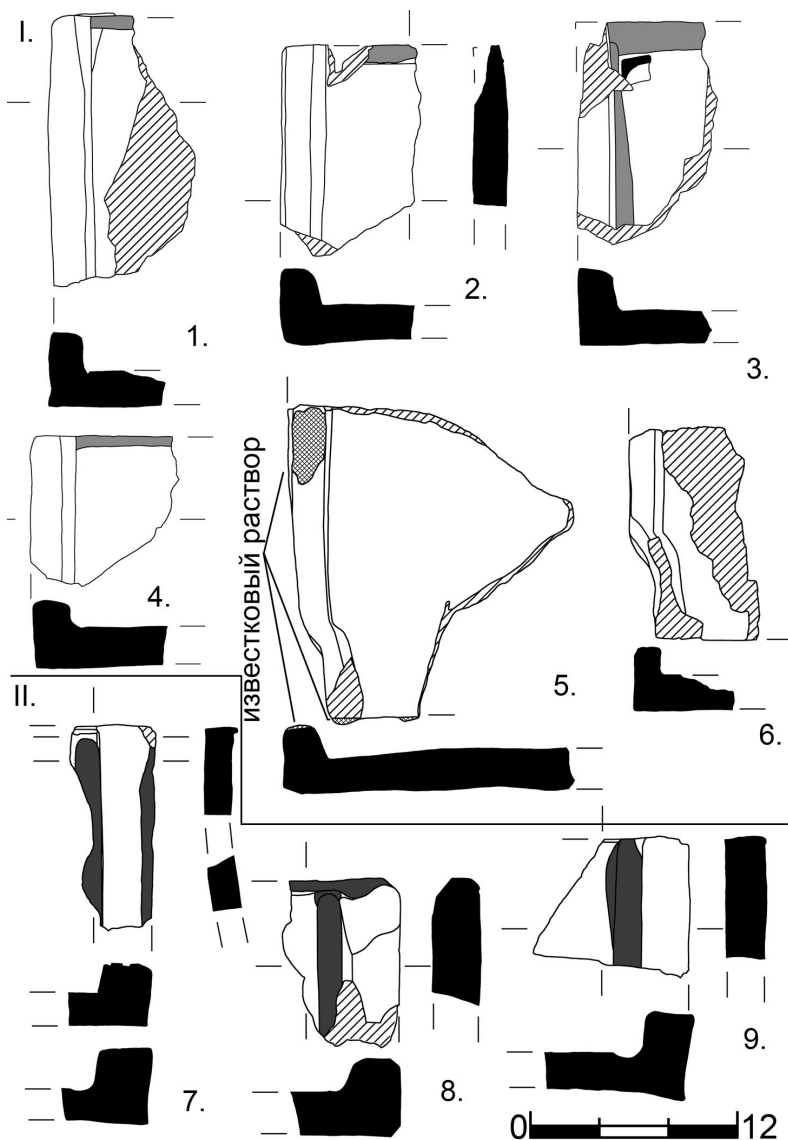

Рис. 3.

Керамиды. I. Правобережное Цимлянское городище. Верхние углы с «ложным верхним бортиком»: 1 – 438,440/пцг2009; 2 – 209/пцг2008; 3 – 441/пцг2009; 4 – 649/пцг2010. Нижние углы: 5 – 639/пцг2010; 6 – 450/пцг2009.

II. Гончарный центр в балке р. Суаткан, печь № 10, группа III, подгруппа 2: 7–9 – верхние углы с «ложным верхним бортиком».

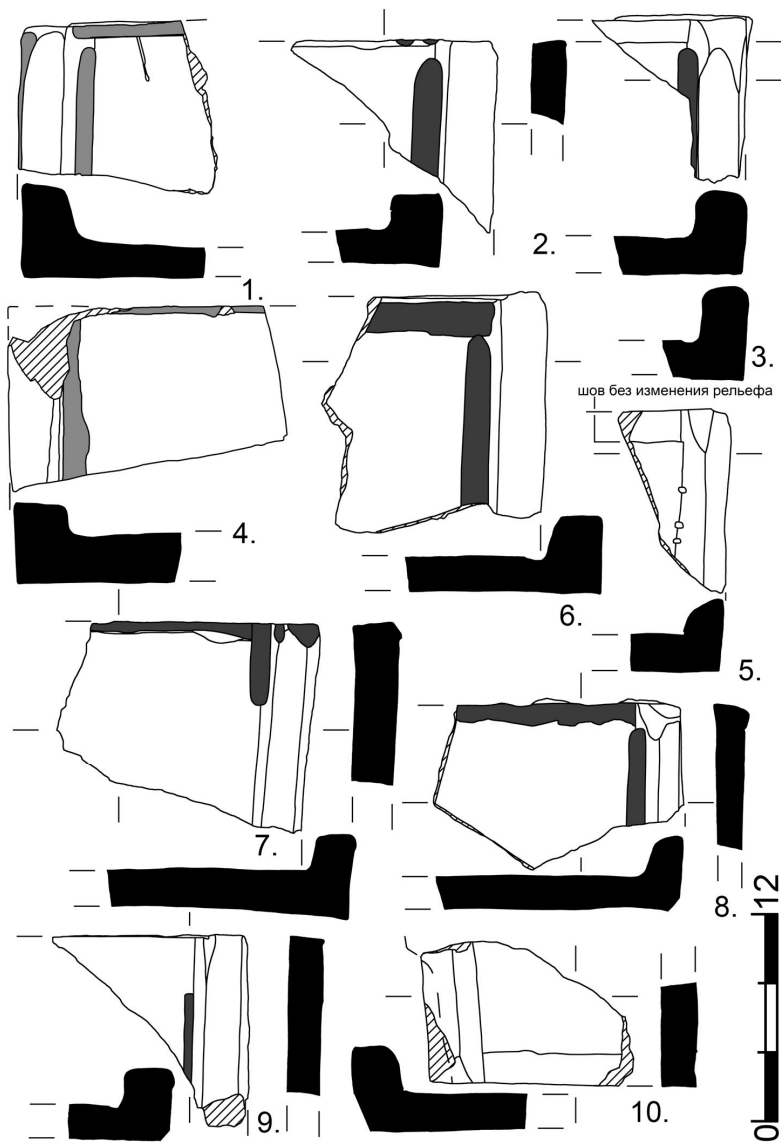

Рис. 4.

Керамиды гончарного центра в балке р. Суаткан,
печь № 10, группа III, подгруппа 2:

- 1 – верхние углы с «ложным верхним бортиком»;
3, 5 – верхние углы с отпечатком шва поперечной планки матрицы;
10 – нижний угол с отпечатком шва поперечной планки матрицы.

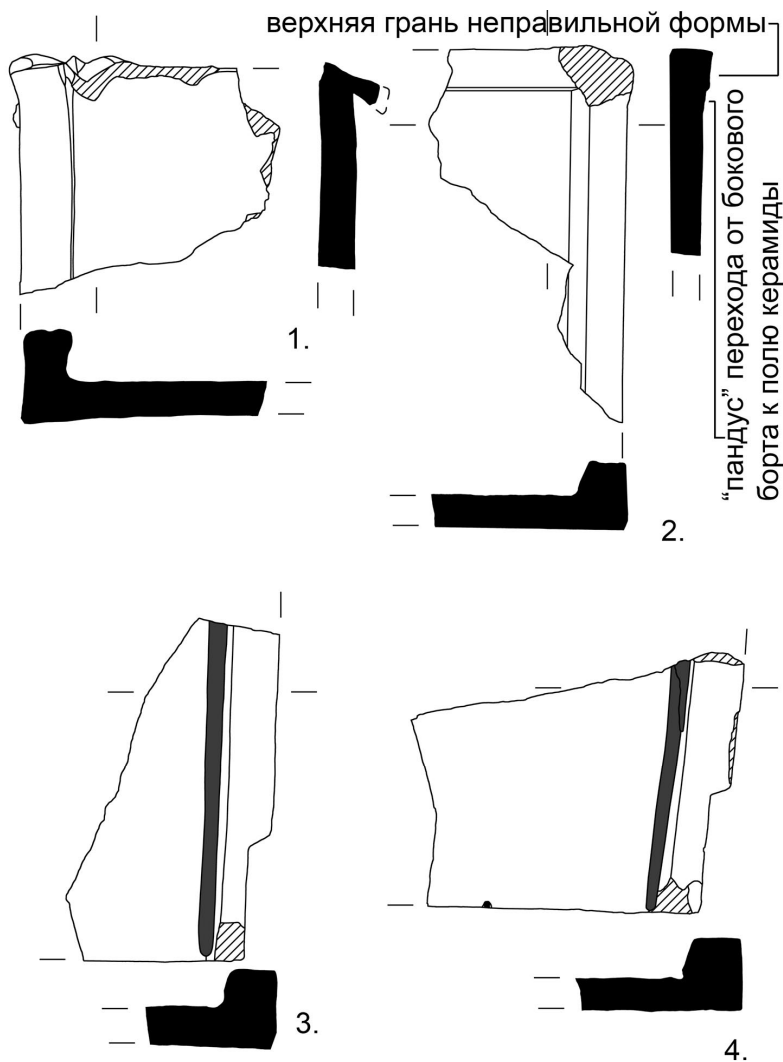

Рис. 5.

Керамиды:

- 1 – с хорошо выраженным верхним бортиком, бракованное тесто из раскопок гончарного центра в балке р. Суаткан, печь № 10;
 2 – группа III подгруппа 3 из раскопок так называемой Базилики Маркевича;
 3–4 – коленчатые изгибы, плохо выраженные, с внутренней стороны из раскопок гончарного центра в балке р. Суаткан, печь № 10, группа III, подгруппа 2.

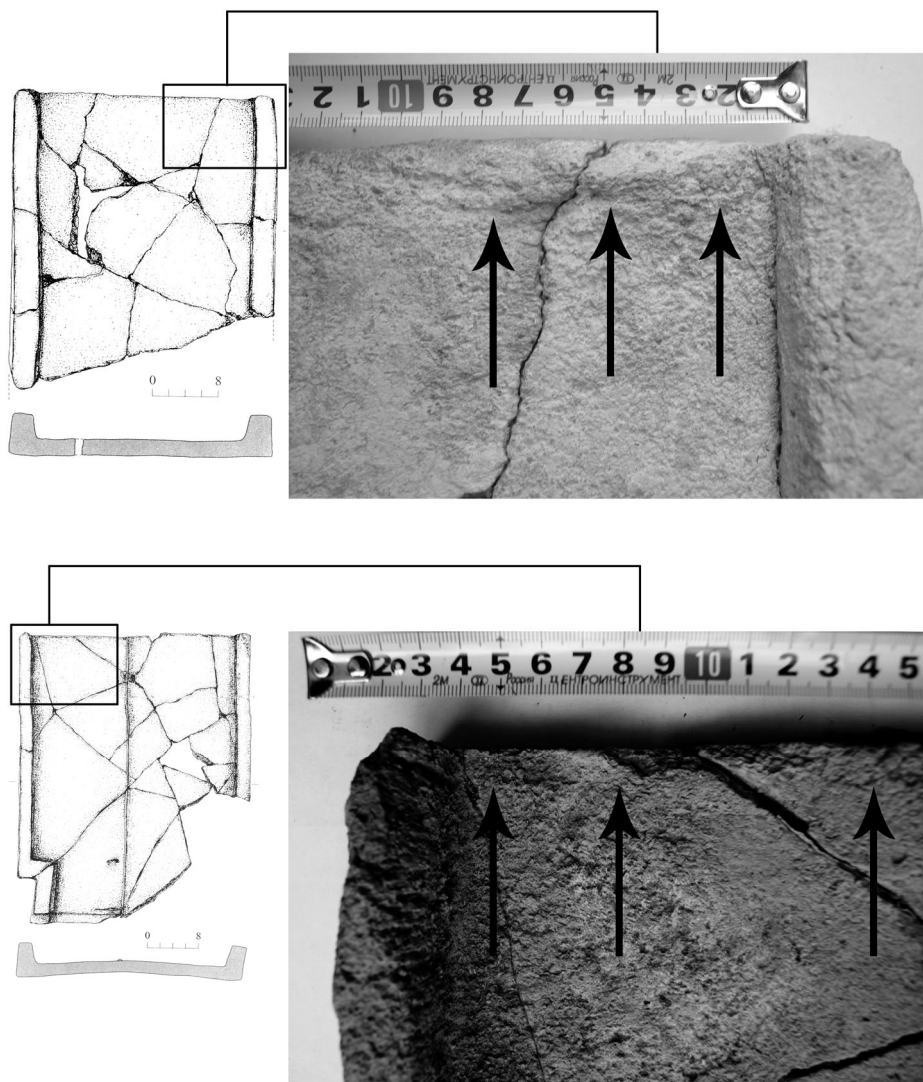

Рис. 6.

Керамиды с «ложным верхним бортиком»
из раскопок храма в урочище Еди-Евлер
[Тесленко, 2015, с. 131].

Литература

- Бабенчиков В. П.* Средневековое поселение близ села Планерское (Раскопки 1949–1951 годов) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XLIX. М.–Л.: 1953.
- Кирилко В. П.* «Новые» археологические памятники средневековой Фуны // Археологический альманах. № 33. Киев, 2015.
- Кузнецов В. Д., Голофаст Л. А.* Дома хазарского времени в Фанагории // Проблемы истории, филологии, культуры. № 1(27). Москва–Магнитогорск–Новосибирск, 2010.
- Кутайсов В. А., Труфанов А. А.* Бассейн под четырехапсидным храмом в Херсонесе (раскопки 1977–1979 гг) // История и археология Крыма. Вып. I. Сборник статей, посвященный 100-летию со дня рождения Олега Ивановича Домбровского. Симферополь, 2014.
- Майко В. В.* Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. Киев, 2004.
- Моисеев Д. А.* Археологический комплекс строительной керамики IX–X вв. из раскопок поселения в Лагерной Балке (Мангуп) // Древности. Вып. 10. Харьков, 2011.
- Моисеев Д. А.* Ранневизантийская черепица из раскопок цистерны в центральном нефе базилики «Крузе» в Херсонесе // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XVIII. Симферополь–Керчь, 2013.
- Моисеев Д. А.* Керамиды «хазарского» и «фемного» времени из раскопок Илькинского производственного центра // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 12. Хазарское время. Донецк, 2014(1).
- Моисеев Д. А.* Строительная керамика Крыма и Кавказа ранневизантийского времени: сравнительный анализ морфологии изделий // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII «Крупновские чтения». Материалы Международной научной конференции. Москва, 21–25 апреля 2014 г. М., 2014(2).
- Моисеев Д. А.* Технология производства строительной керамики из раскопок Семикаракорского городища (конец VIII – начало IX вв.) // Хазарский альманах. Т. 13. М., 2015.
- Мыц В. Л.* Крестообразный храм Мангупа // Советская археология. 1990. № 1.
- Науменко В. Е.* Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа // Бахчисарайский историко–археологический сборник. Вып. 1. Симферополь, 1997.
- Романчук А. И.* Западный загородный храм Херсонеса // Византийски временник. Т. 51. М., 1990.
- Тесленко И. Б.* Керамика // Древности Семидворья I. Киев., 2015.
- Флёров В. С.* Византийское в ниже-донских крепостях Хазарского каганата // Ῥωμαϊσ: сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана (Нартекс. Byzantina Ukrainensis. Т. 2). Харьков, 2013.

- Флёров В. С. Строительные материалы византийского происхождения в хазарских крепостях Нижнего Дона // Калинина Т. М., Флёров В. С., Петрухин В. Я. Хазария в кросскультурном пространстве. Историческая география. Крепостная архитектура. Выбор веры. М., 2014.
- Чубинашвили Г. Н. Архитектура Кахетии: исследование развития архитектуры в восточной провинции Грузии в IV–XVIII вв. [Альбом]. Тбилиси, 1956.
- Чхаидзе В. Н. Таматарха. М., 2008.
- Чхаидзе В. Н. Фанагория в VI–X вв. М., 2012.
- Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.

Д. А. Моисеев

**Морфология керамид Правобережного Цимлянского городища:
к вопросу о связи с крымским и таманским
производством черепицы**

Резюме

Статья посвящена проблеме связей строительной керамики Правобережного Цимлянского городища с крымским и таманским регионами. Одним из важнейших аспектов проблемы является вопрос поиска региона и гончарного центра, откуда произошло проникновение традиции и технологий производства строительной керамики на Нижний Дон и в материальную культуру Правобережного Цимлянского городища. В статье рассматривается методика поиска аналогий и установки связей между черепицей разных регионов.

Кроме изучения общих вопросов развития ремесла и взаимного влияния строительной керамики на Нижнем Дону, в Крыму и на Тамани, важнейшим итогом работы стало надежное датирование морфологического признака керамид в хронологических рамках конца VIII – начала IX в.

Ключевые слова: Крым, Тамань, Нижний Дон, керамиды, калиптеры, плитка, технология изготовления, торговля.

D. Moisieiev

**Right-bank Tsimliansk settlement tegulae morphology:
revisiting the connections with Crimea and Taman
tile-producing craft**

Summary

The article deals with the problem of connections of the Right-bank Tsimliansk settlement building ceramics with Crimean and Taman regions. One of the basic aspects of the issue is to find the region and the tile-production center

which was the origin of penetration of tradition and technology of tile production to the Lower Don and the Right-bank Tsimliansk settlement material culture. The article deals with the methodology of finding analogies and setting connections between building ceramics of different regions.

Apart from investigation of common issues of craft development and mutual influence of the building ceramics of Lower Don, Crimea and Taman, the important result obtained is a solid age determination of morphological feature of tegulae in chronological framework of the end of 8th – beginning of 9th centuries AD.

Keywords: Crimea, Taman, Lower Don, tegulae, calipters, tile, technology of making, trade.

А. А. Роменский

ХЕЛЬГИ У ВОРОТ КОНСТАНТИНОПОЛЯ. РУСЬ МЕЖДУ ХАЗАРИЕЙ И ВИЗАНТИЕЙ В НАЧАЛЕ X в.

В эпоху раннего средневековья обитатели ромейской христианской ойкумены испытывали по отношению к народам, проживающим за пределами имперского лимеса, двойственное чувство презрения и страха¹. Особенно это касалось территорий и этносов Восточной и Северной Европы, представлявших собой далекую и малоизвестную периферию, знания о которой ненамного превышали набор литературных стереотипов, восходящих к Геродоту, Страбону и другим классикам античности². Тем не менее каждый, даже варварский народ должен был обрести свое место в библейской системе этнографических и эсхатологических координат, быть связанным с сюжетами Священного Писания и Предания [Петрухин, Раевский, 2004, с. 248]. Росы (русь) или «тавроскифы», все чаще привлекавшие внимание византийцев с середины IX в., обычно ассоциировались с Гогом и Магогом, которые, по свидетельству Иоанна Богослова, будут находиться среди обольщенных сатаной народов по окончании тысячи лет со времени первого воскресения (Откр. 20: 7)³. Это отождествление обосновывалось также тем, что в переводе

¹ Об отношении византийцев к варварам см.: [Lechner, 1955; Ahrweiler, 1975, p. 32–35, 46–54; Kazhdan, Cutler, 1991, p. 252–253; Петрухин, 2007, с. 68–90; Howard-Jonston, 2008, p. 952–954; Иванов, 2003, p. 339–342; Ivanov, 2015, p. 13–16].

² Примечательно, что Геродот и Страбон упоминаются в византийском словаре «Суда»: [Suidae lexicon, 1854, p. 482–483, 979]; «Отец истории» известен также Фотию: [Photii Miriobiblon, 1860, col. 114], а Страбон получил признание Стефана Византийского (VI в.) и Евстафия (XII в.). [Стратановский, 1964, с. 792–793].

³ Здесь и далее слово Русь с прописной буквы употребляется для обозначения раннесредневекового государства в Восточной Европе, со строчной (русь) – как название социума или этноса. Применяем и синонимичные этнонимы: русы (росы) и «тавроскифы», встречающиеся в источниках.

книги Иезекииля Гог назван «князем Роша, Мешеа и Фувала», который должен пойти на Израиль «от пределов севера», возвещая гнев Господень (Иез. 38: 3–6)⁴. Можно полагать, что таким образом византийцы успокаивали сами себя, ведь согласно пророку гнев Божий падет на избранный народ лишь временно, а страшные пришельцы вскоре погибнут, будучи отданы на съедение «хищным зверям и птицам полевым», после чего огонь испепелит «землю Магог» (Иез. 39: 1–6). Иосиф Флавий замечает, что Магог «положил начало» скифам (*Ios. Ant. Iud.*, I, 6, 1), имя которых долгое время служило «обобщающим» этнонимом для всех северных варваров восточноевропейского происхождения [*Бибиков, 2015*]. Иногда они помещались среди «нечистых» народов, запертых Александром Македонским в Горах Мрака⁵; их соседями называли воинственных амазонок и не менее экзотических песьеглазцев⁶.

Вторым из библейских пророков, чьи свидетельства часто истолковывались применительно к русам, был Иеремия, предска-

⁴ Сведения о «князе Роша» восходят к ошибке в переводе Септуагинты: в греческом тексте еврейская фраза «верховный правитель Мешеа и Фувала» («наси рош») переведена как «Γῶγ... ἄρχοντα Ρῶς, Μοσὸχ καὶ Θοβέλ»: [*Septuaginta, 2006*, S. 1462; см.: *Толковая Библия, 2009*, с. 1020; *Петрухин, 1995*, с. 45]. Сравнение росов с библейским Гогом и Магогом встречается впервые в Житии Василия Нового (X в.): «βάρβαρον ἔθνος ἐλεύσεται... Ῥῶς καὶ Ὅγ καὶ Μόγ»; к нему же прибегает и византийский историк Лев Диакон: [*Веселовский, 1889*, с. 65 (2-я паг.); *Leo Diaconus, 1828*, p. 150]. Возможно, на это место из Иезекииля намекает и Патриарх Фотий в Окружном послании, называя варваров «так называемый Рос» («τὸ καλοῦμενον τὸ Ῥῶς»; примечательно, однако, что имя «архонта» из Септуагинты пишется с острым ударением, тогда как этникон «Рос» употребляется с обличенным): [*Кузенков, 2003*, с. 73, 77–79; см. также *Флоровский, 1925*; *Сюзюмов, 1940*, с. 121–123; *Соловьев, 1957*, с. 138; *Alexander, 1985*, p. 185–192; *Tooman, 2011*].

⁵ Сюжет, отраженный уже в романе Псевдо-Каллисфена об Александре Македонском (*Ps.-Call. III, 26A*) и многократно повторенный в других памятниках письменности: [*Веселовский, 1886*, с. 287; *Anderson, 1932*, p. 3–15; *The Greek Alexander Romance, 1991*, p. 185–187; *Иванов, 2003*, с. 340]. Упоминание Кавказа как «гор мрака» известно в еврейских легендах об Александре Македонском: [*Гаркави, 1892*, с. 92; *Кокорцов, 1932*, с. 40–41, прим. 5; *Alexander, 1985*, p. 190–192; *God and Magog...*, 2009, p. 6–9].

⁶ Известие Псевдо-Захария Ритора о «народе hros» [*Пигулевская, 1941*, с. 165–166] вызвало продолжительную дискуссию [*Marquart, 1903*, S. 359–361; *Пигулевская, 1939*, с. 111; *Дьяконов, 1939*, с. 85–86; *Рыбаков, 1953*, с. 48–49; *Ловмянский, 1985*, с. 188; *Брайчевский, 2009(1)*, с. 352–353]. Представляется более вероятной точка зрения тех исследователей, кто помещает его среди мифологических, а не реальных, этносов: [*Петрухин, 1995*, с. 42–48].

вавший о «племенах царств северных», которые поставят свои «престолы» у ворот Иерусалима, и «от севера откроется бедствие на всех обитателей сей земли» (Иер. 1: 14). Неслучайно Патриарх Фотий, описывая нашествие дотоле неведомых врагов в 860 г., украсил свои проповеди о «грозе гиперборейской» цитатами из Иеремии, Исаии и того же Иезекииля⁷. Ветхозаветная «прописка» народа ‘Рōς помогала уяснить его место в мировой истории и подарить надежду слушателям, ведь за Божьим гневом – тоже неминуемо – наступит и прощение кающихся. Нападающие язычники должны были быть страшными в целях церковной педагогики, способствуя скорому обращению грешников. Впрочем, сами чужеземцы оправдывали приписываемые им качества, поскольку сведения об их жестокости и зверствах нельзя считать лишь литературным топосом или изысками стиля.

Несомненно, имперское правительство обладало и более конкретными сведениями о новых соседях Романии, все чаще беспокоивших ее пределы. После поразившего всех современников судьбоносного похода на Константинополь они на некоторое время пропадают из виду, но с начала X в. окончательно обретают свое место в текстах византийцев и их представлениях об окружающем мире. Интеримарное молчание источников объяснимо, если учесть, что русам понадобилось время, чтобы освоиться в Поднепровье и подчинить окружающие славянские племена, образовав новую сегментарную политику [Щавелев, 2015(1); Щавелев, 2016(2)]⁸. С тех пор они надолго попали в один из главных узлов торговых путей и мировой политики этого периода, оказавшись тесно связанными с ведущими государствами – Византией, Арабским халифатом и

⁷ Среди библейских книг пророков, которые цитирует Фотий в гомилиях о нашествии росов, наиболее часты Книга пророка Иеремии (Иер. 50: 27, 22, 25; 6, 21–25, 9: 1; 5: 15, 26(33): 13, 18: 7–8) и Плач Иеремии (1: 2; 1: 8; 1: 13–14; 2: 11; 2: 13; 1–20; 2: 16–20), Книга Исаии (Ис. 48: 19; 44: 2; 10: 14; 1: 4–6; 51: 6; 30: 30), Иезекииля (15: 7; 2: 10). Помимо точных цитат, нередки аллюзии и непрямые отсылки; так, в словах Патриарха о «народе, выползшем с севера», явно подразумевается текст Иеремии (см.: [Кузнецов, 2003, с. 23–65]). Любопытно, что в письме Алкуина, написанном после разорения норманнами монастыря Линдисфарн 8.06.793 г., содержится сходная цитата из Иеремии (1: 14): «ab aquilone inardescunt mala» [Alcivini Epistolae, 1895, p. 55; Гуревич, 1966, с. 4].

⁸ По Э. Саутхоллу, сегментарная политика – это государство, в котором не совпадают сферы ритуального сюзеренитета (более широкого) и реального, как правило, ограниченного политического суверенитета: [Саутхолл, 2000, с. 131–132].

Хазарией. Представляется целесообразным уточнить некоторые отразившиеся в источниках детали о военных кампаниях русов в начале X в. и внешней политике их правителя Хельги.

С отказом от опоры на заведомо малодостоверные хронологические указания Начальной летописи за вторую половину IX – первую половину X в. появляется возможность пересмотреть ряд устоявшихся историографических стереотипов о первых этапах становления государства, получившего название «Русская земля» [Цукерман, 2001; Цукерман, 2003; Цукерман, 2007]. Разумеется, инфильтрация в Среднее Поднепровье воинов и торговцев, образовавших своеобразную полиэтничную корпорацию руси, не была главным фактором политогенеза в Восточной Европе, но стала катализатором процессов, в корне изменивших архаичное славянское общество [Яннсен, 2001, с. 125–126; Tolochko, 2008, р. 185–187; Назаренко, 2010, с. 299–300; Толочко А. П., 2015, с. 151–158, 280; Мусин, 2016, с. 12]. Скандинавы принесли в Austrvegr свои предметы вооружения и обихода, представления о власти и общественных отношениях, а главное – мобильную военную силу, ресурсов которой было достаточно для подчинения и удержания под контролем элит местных «славиний». Верхушка славянских племен предпочла наладить тесное и взаимовыгодное сотрудничество с русами в целях интенсификации совместного сбыта на рынки Арабского халифата и Византии сырьевых товаров, пользующихся неизменным спросом: северных мехов, меда и воска, а также рабов. Появление скандинавских «находников» поспособствовало стабилизации внутривнутриполитической ситуации и усилению внешнеторговых связей, а их предводители стали удачно выполнять роль арбитров в отношениях с племенной знатью, оформив соглашение с ней (что и отражено в летописной легенде о приглашении Рюрика с братьями для установления «наряда» [Лаврентьевская летопись, 1926, стб. 19–20; Ипатьевская летопись, 1908, стб. 14; Новгородская первая летопись..., 1950, с. 106–107; Древнерусское государство..., 1965, с. 36; Петрухин, 2013, с. 138, 152–162])⁹. Функционирование механизма сбора дани, даров и других приношений стало важнейшей задачей формирующегося государственного аппарата. А ориентация на

⁹ Исследователи давно обнаружили параллели и в других письменных традициях, в частности в хронике Видукинда Корвейского: [Тиандер, 1915, с. 21–27, 175–177; см.: Видукинд Корвейский, 1975, с. 67–68].

экстенсивное расширение, преобладание источников доходов, получаемых с помощью захватнических экспедиций и военной экспансии, делали конфликты с окружающими государствами неизбежными и закономерными (в свою очередь, полученные таким образом ресурсы тратились преимущественно на нужды военной организации – дружины, что обуславливало необходимость последующих походов [Стефанович, 2012, с. 293–294; Галенко, 2004, с. 49–50; Щавелев, 2015(1), с. 332]). Оформление территориальных структур власти произошло лишь в результате длительного постепенного развития, и его нельзя одновременно связывать с действиями отраженных в нарративах исторических личностей.

Несмотря на многовековой спор о «призвании варягов», остаются неразрешенными вопросы о точном времени и обстоятельствах этого события. Состояние источников не позволяет установить подробности соглашения чуди, словен и кривичей с «варягами из заморья» или осветить биографию их предводителей. Можно уверенно предполагать лишь то, что во второй половине – последней четверти IX в. в Альдейгьборге и окрестностях власть перешла к представителям легендарной датской династии Скъльдунгов. Довольно проблематичное отождествление летописного Рюрика с морским конунгом Рёриком Ютландским, тем не менее является единственной версией, способной хоть в какой-то степени переместить последнего из сонма мифологических персонажей к действующим лицам восточноевропейской истории [Пчелов, 2010, с. 152–154; Войтович, 2014, с. 61–72]¹⁰. Его преемник Олег (Хельги) остается не менее загадочной и таинственной фигурой, чья огромная роль в конструировании основ раннесредневековой русской государственности резко контрастирует со скудностью известий о нем¹¹. За исключением сохранившихся в довольно поздней летописной обработке легендарных преданий, историки располагают лишь упоминанием о нем в единственном достоверном доку-

¹⁰ Предпринимающиеся до сих пор «из патриотических побуждений» попытки связать происхождение Рюрика с балтийскими славянами неубедительны: [Цветков, 2012(1), с. 62–63].

¹¹ Этимологию имени *Helgi* обычно производят от слова *heilagr* – «святой, священный» [Войтович, 2013, с. 91], однако более вероятно его связь со значением «целостный, удачливый, неповрежденный». Примечательно, что имя Хельги чаще всего встречается в именослове Скъльдунгов в дохристианский период: [Мельникова, 2005(1), с. 138–146].

менте – договоре с Византией 911 г., а также свидетельствами аль-Масуди и Кембриджского анонима, которые приводят к противоречивым интерпретациям¹². Отсутствие аутентичных сведений побудило исследователей обратиться к героическому эпосу: так возникла идентификация летописного князя с Орваром Оддом из одноименной саги¹³. Дискуссия о статусе и полномочиях первых князей русов также далека от завершения. Новгородская первая летопись младшего извода (далее – НПЛмл) представляет Игоря полноправным преемником Рюрика, а Олега – лишь его воеводой, в то время как составитель ПВЛ причислил последнего к «княжескому роду», не указав точной степени родства [Новгородская первая летопись..., 1950, с. 108; Лаврентьевская летопись, 1926, стб. 22–23]. Обе версии представляют собой возникшие в скриптории позднейшие интерпретации иноков-интеллектуалов, и видеть в них черты действительности конца IX – начала X в. вряд ли правомерно. Исследователи неоднократно склонялись к мнению о ритуальном двоевластии князя и воеводы в ранний период истории Восточной Европы, находя параллели в структуре власти Хазарского каганата (разделение функций между каганом и шадом, или беком: [Толочко О. П., 1990, с. 51–56; Бейлис, 1992; Калинина, 2003, с. 213–215; Петрухин, 2011, с. 106–108]). На первый взгляд, такую трактовку подкрепляли и свидетельства Ибн Фадлана, согласно которому «царь русов», окруженный четырьмястами богатырей, «не имеет никакого другого дела, кроме как сочетаться с девушками, пить и предаваться развлечениям», в то время как его заместитель командует войсками и осуществляет реальное управление [Ковалевский, 1956, с. 146]. Однако возникает вопрос, насколько адекватно и полно арабский, пусть и компетентный, современник понимал

¹² Масуди сообщает о некоем Алаванге (Alawandj), правившем у славян после Диры, которого, вслед за А. А. Васильевым, принято отождествлять с Олегом [Maçoudi, 1864, p. 64; Vasiliev, 1951, p. 178]. Кембриджский Аноним упоминает о X-л-гу, действовавшем во время правления Романа Лакапина [Коковцов, 1932, с. 118]. К. Цукерман предполагает, что совместное правление Олега и Игоря продлилось до 941 г., и, таким образом, сведения этого источника соответствуют реалиям [Цукерман, 2003, с. 84].

¹³ Сходство летописного повествования о смерти от коня с сагой об Орваре Одде заметил уже Н. М. Карамзин: [Карамзин, 1989, с. 262–263, прим. 332; см. также: Лященко, 1924, с. 262–274; Беляев, 1929, с. 257–258; Мансикка, 2005, с. 107, прим. 225; Stender-Petersen, 1953; Мельникова, 1999, с. 161–162; Мельникова, 2005(2); Войтович, 2013, с. 93–94].

иерархию власти в чуждом ему обществе. Свидетельства авторов, принадлежащих к другой, чем описываемый ими феномен, культурной и языковой среде, отражают, прежде всего, их собственные представления¹⁴. Есть основания сомневаться в том, что распространённый мифологизированный сюжет о сакральном правителе соответствовал всей полноте исторических реалий [Петрухин, 2014, с. 167]. Сравнение с хазарскими каганом и беком не проясняет политическую ситуацию на Руси. В то же время совместное правление Хельги и Ингера не выглядит чем-то удивительным в свете скандинавских источников, которые неоднократно сообщают о разделении власти между двумя лидерами [Снорри Стурлусон, 1980, с. 21, 23–24, 27, 32, 37]¹⁵. Чаще всего в качестве соправителей выступают родственники, так что догадка составителя ПВЛ о том, что Олег был из «рода княжа», может быть небеспочвенной. Однако высшая власть еще не была прерогативой лишь одной семьи или рода – помимо Рюриковичей на рубеже IX–X вв. имелись и другие претенденты, нередко конкурировавшие с преемниками ладожского конунга [Пашуто, 1974, с. 105–110].

В конце IX – начале X в., уладив дела на севере, «варяги из Заморья» обращают внимание на стратегически важный пункт в среднем течении Днепра – Киев, где им пришлось преодолеть силовое сопротивление соперников¹⁶. Историографические спекуляции об

¹⁴ Показательны сведения китайской историографии эпохи империи Тан о византийском политическом строе: по их данным, правители страны Фулинь «непостоянны, но они избирают людей по заслугам. Если чрезвычайное бедствие посещает страну, или ветер и дождь приходят не в то время, он (правитель) отстраняется и другой человек выдвигается на его место»: [Hirth, 1885, p. 52; Петрухин, 2014, с. 163].

¹⁵ Восходящая к скандинавскому звучанию (от исходного *Ingharir*) форма имени *Inger* засвидетельствована Лиутпрандом Кремонским; в византийских источниках русский князь именуется Ἰγγωρ, в родительном падеже Ἰγγωρος: [Die Werke Liutprands von Cremona, 1915, S. 138; Константин Багрянородный, 1989, с. 44, 312, прим. 9; Leo Diaconus, 1828, p. 106.5, 144.6; Лиудпранд Кремонский, 2010, с. 39, прим. 20].

¹⁶ Летописная дата 882 г., разумеется, является условной и отражает лишь представление позднейшего сводчика. С. Франклин и Дж. Шепард помещают утверждение руси в Поднепровье между 890 и 910 гг. [Франклин, Шепард, 2000, с. 146–158]; К. Цукерман считает, что приход Рюрика состоялся около 895 г., а в 910–920 гг. русы уже вступили в конфликт с хазарами на прежде принадлежавших им территориях Среднего Днепра [Цукерман, 2001, с. 72–73]. Правление Олега исследователь помещает между 911 и 941 гг., отождествляя его с Хелгу Кембриджского Анонима, а Игорю отводит лишь три года самостоятельной политической карьеры

Аскольде как «кагане» или «царе» русов не имеют достаточных оснований [Брайчевський, 2009(1), с. 419–464; Брайчевський, 2009(2), с. 222–230; Книш, 1991]; этот персонаж, как и его компаньон – Дир, скорее всего, являлись такими же варяжскими конунгами, как и их оппоненты. Альтернативные центры власти существовали в Гнездове, Шестовице и других укрепленных поселениях на Балтийско-Черноморском и Балтийско-Волжском торговых путях. «Ладожанам» пришлось устанавливать приемлемые правила «игры», воевать или договариваться с локальными лидерами. Скандинавы, обосновавшиеся в «градке» Кия, предпочли конфронтацию и потерпели поражение, а вот в Смоленске (вероятнее, Гнездове) и Любече сторонам, как можно предполагать, удалось придти к соглашению. Начальная летопись весьма правдоподобно повествует о военной хитрости Хельги, назвавшегося торговым «гостем» и спрятавшего воинов в ладьях, но обвинение, брошенное обманутым Аскольду и Диру («вѣи нѣста княза . ни рода княжа . но азъ есмь роду княжа... и се естъ снѣ Рюриковѣ»), выглядит позднейшим оправданием летописца [Лаврентьевская летопись, 1926, стб. 23–24]¹⁷. Легитимность Олега и Игоря могла быть аргументом (весьма сомнительным) лишь в их владениях на севере, продвигаясь по пути «из Варяг в Греки», они становились такими же узурпаторами, как и их пришедшие несколько раньше «коллеги». Для летописца XI–XII вв., писавшего в условиях упрочившейся власти одного княжеского рода, существование князей не-Рюриковичей казалось немыслимым.

После победы над конкурентами Хельги и Ингер занялись внутренним обустройством («нача городы ставити и оустави дани») и дальнейшим территориальным расширением своих владений. Утверждение в Поднепровье и попытки подчинить радимичей и северян закономерно привели к конфликту с Хазарией, также претендовавшей на дань и ресурсы славян левобережья [Петрухин, 1995,

[Цукерман, 2003, с. 84]. А. С. Щавелев относит захват Киева Олегом и Игорем ко времени около 900 г.; примечательно, что лишь с последней четверти IX в. началась застройка Подола (древнейшая дендродата – 887 г. [Щавелев, 2016(2), с. 536; Sahaydak, 2005, р. 153]. Соглашаясь с этими выводами, отметим спорность попыток точной датировки; можно уверенно утверждать лишь то, что русы конунга Хельги появились в Киеве на рубеже IX–X вв. Важным индикатором времени их утверждения могут служить находки арабских дирхемов, самые ранние из которых относятся к началу X в. (около 905 г.) [Noonan, 1987, р. 396].

¹⁷ В версии НПЛмл главным действующим лицом выступает Игорь [Новгородская первая летопись..., 1950, с. 108].

с. 89–93; Франклин, Шепард, 2000, с. 134; Тортика, 2006, с. 182–183]. Можно предполагать, что в ответ хазарский каган пресек торговлю русов по стратегически важному волжско-каспийскому маршруту. Примечательно, что в последней трети IX в. поток арабских дирхемов в Восточную Европу существенно ослабевает [Noonan, 1985 (1987), р. 183; Толочко А. П., 2015, с. 308–309]. Причины этого нельзя усматривать лишь в какой-то одной акции: действовал комплекс различных экономических и геостратегических факторов, одним из которых, не исключено, стало осложнение отношений русов с Хазарией [Франклин, Шепард, 2000, с. 95–97, 132–134]. Общей политической нестабильности в регионе способствовало и появление печенегов, которые в конце IX в. нанесли спровоцированный Хазарией удар по венграм, принудив последних оттесниться в северо-западное Причерноморье – Ателькузу (889 г.), а затем и в Паннонскую равнину¹⁸. Следует отметить и усиление Волжской Булгарии, номинально зависимой от хазарского кагана. Ее правитель Алмуш, обратившись в ислам, ориентировался на союз с Саманидами, následуя их монетную чеканку, и Аббасидами – просьба о помощи в строительстве мечети и крепости против хазар вызвала посольство Ибн-Фадлана в 922 г. [Смирнов, 1951, с. 39–40; Фахрутдинов, 1984, с. 81–82; Новосельцев, 1990, с. 197–198; Франклин, Шепард, 2000, с. 101–102]. Отмечу также, что находки арабского серебра в Киеве попадают лишь с начала X в., надежно маркируя время появления русов на новом торговом пути [Noonan, 1987, р. 392–396]. Введенные «санкции» в условиях враждебных отношений с хазарами и степью не оставили русам другого выбора, обращая их в сторону богатого и вместительного византийского рынка, но приобщиться к нему и добиться привилегий было очень непросто.

Удача снова улыбнулась конунгу Хельги: Византия в начале X в. как никогда нуждалась в военной силе, отражая постоянные атаки флота арабов, и новые союзники пришли очень вовремя. Примечательно, что первое после длительного перерыва упоминание о народе рос в «Наумахике» (раздел «Тактики») Льва VI посвящено как

¹⁸ А. П. Новосельцев полагает, что в завязавшемся узле противоречий в северо-причерноморской степи венгры являлись союзниками хазар, а печенеги поддерживали русов; но К. Цукерман обоснованно относит вынужденное подчинение венгров хазарам ко времени после 889 г. [Цукерман, 1998, с. 670–674]. Нет оснований считать, что печенеги поддерживали Олега в его стремлении утвердиться в Поднепровье. Это предположение основано лишь на умолчании о войнах с печенегами в Начальной летописи в этот период [Новосельцев, 1990, с. 210–211].

раз их мореходным качествам. Венценосный автор, составивший свой труд около 905–906 г., сопоставляет флот «сарацинов» и «так называемых росов, северных скифов»: арабские «кумвариин» являются медленными и большими, тогда как «акатии» росов – маленькие, легкие и быстрые. Лев VI добавляет, что «скифы» не могут иметь большие корабли, когда отправляются в Евксинский Понт¹⁹. Это примечание показывает, что василевс был прекрасно осведомлен об условиях навигации по Днепру и другим рекам региона. Более детально о злоключениях скифов при переходе через пороги повествует трактат Константина Багрянородного «Об управлении империей», информация для которого отчасти собиралась еще в правление его отца [Филипчук, 2013, с. 112].

Соседство сведений о флоте руси и арабов в «Наумахике» не случайно: империи в начале X в. приходилось сталкиваться и с теми, и с другими варварами. Экспедиции флота мусульман представляли прямую угрозу для главных центров Византии, которая потерпела ряд чувствительных поражений. В 888 г. евнух Язаман, правитель Тарса, захватил четыре византийских корабля; в 891 г. он же напал на город Саланду в западной Киликии [The History of al-Tabari, 1987, p. 157, 175; Васильев, 1902, с. 108–109; Tougher, 1997, p. 185]. Между 891–893 гг. арабы осадили Самос и принудили его к капитуляции вместе со стратигом Паспалой; в 898 г. другой мусульманский полководец-евнух, Рагиб, захватил три тысячи византийских моряков и сжег их корабли, а также разрушил ряд крепостей [Symeon Magister, 2006, p. 274; Васильев, 1902, с. 134–135, прим. 6; The History of al-Tabari, 1985, p. 73; Tougher, 1997, p. 185]. В 900 г. ренегат-ромей Дамиан по приказу халифа уничтожил флот Тарса, что, казалось бы, должно было принести облегчение Византии, но эффект от внутримусульманских распрей был кратковременным [The History of al-Tabari, 1985, p. 91]. Война продолжалась с переменным успехом: в 901 г. тот же Дамиан разрушил Деметриаду, в 902–903 гг. был захвачен остров Лемнос, в 902 г. пала

¹⁹ «Ὅτι γὰρ ὁ αὐτὸς ἐστὶν στόλος τῶν πλοίων τῶν τε Σαρακηνῶν καὶ τῶν λεγομένων Ῥῶς βορείων Σκυθῶν. Οἱ μὲν γὰρ Σαρακηνοὶ κουμβαρῖοις χρῶνται μείζουσι καὶ ἀργότεροις, οἱ δὲ οἶον ἀκατίας μικροῖς καὶ ἐλαφροτέροις καὶ γοργοῖς, οἱ Σκύθαι διὰ ποταμῶν γὰρ εἰς τὸν Εὐξινὸν ἐμπύπτοντες πόντον, οὐ δύνανται μείζονα ἔχειν πλοῖα» (Флот сарацинов и так называемых рос, северных скифов, не один и тот же. Сарацины пользуются большими и медленными кумварииями, тогда как те – маленькими, легкими и быстрыми акатиями: скифы не могут иметь большие корабли, проходя по рекам в Евксинский понт): [Pryor, Jeffreys, 2006, p. 512–514; Филипчук, 2013, с. 69; см. также: Щавелев, 2016(1)].

и Таормина – последний оплот византийцев на Сицилии [Symeon Magister, 2006, p. 282–283; Васильев, 1902, с. 125–126, 135–136; Tougher, 1997, p. 185–186]²⁰. Летом 904 г. эскадра арабов под предводительством другого византийского отступника, Льва Триполита, подошла к самому Константинополю, овладев Авидосом и гаванью Парий у входа в Мраморное море. Поставленный императором во главе флота друнгарий Евстафий не смог ничего противопоставить Льву Триполиту, как и его преемник, протоасикрит Имерий. Псевдо-Симеон передал известие о том, что агаряне покинули проливы, испугавшись их узости (на мелководье как причину изменения курса намекает аль-Масуди); но в целом гулям Зурафа ориентировался на море гораздо лучше византийцев, подвергнув уничтожению на обратном пути второй важнейший город государства, Фессалонику (31 июля 904 г.) [Theophanes Continuatus et al., 1838, p. 707, 366–367; Maçoudi, 1863, p. 318–319]²¹. Император Лев не смог принять никаких действенных контрмер против этого поразившего страну несчастья, ограничившись написанием особого сочинения [Васильев, 1902, с. 151]; в свою очередь, Патриарх Николай Мистик посвятил взятию Фессалоники одну из проповедей, в которой обратился к Св. Димитрию, удивляясь тому, что город, находившийся под его защитой, подвергся стольким бедам²².

²⁰ О хронологии событий см.: [Jenkins, 1965, p. 106–107].

²¹ Сравнение описания событий у Продолжателя Феофана и Псевдо-Симеона с анализом различий см.: [Кузенков, 2011, с. 16–21]; о захвате Фессалоники см.: [Ioannis Caminiatae, 1973]. По сведениям Табари, в «Антакии» (Фессалонике) арабы овладели шестьюдесятью ромейскими кораблями, на каждого из них пришлось по тысяче динаров добычи: [The History of al-Tabari, 1985, p. 148; Gregoire, 1952(1); Farag, 1989, p. 133–139].

²² Ποῦ μοι, Δημήτριε μάρτυς, ἡ ἀήττητος συμμαχία; Πῶς τὴν σὴν πόλιν ὑπερείδες πορθουμένην; Πῶς ὑπὸ σοὶ πολιοῦχος ἢ ἐχθροῖς ἄβατος, ἀφ’ οὗ χρόνου τάυτην ἤλιος ἐθεάσατο, τοσοῦτων κακῶν εἰς πεῖραν ἐγένετο; Πῶς τῆς τῶν δυσσεβούντων ὀφρῦος ἠνέσχου κατορχουμένων τῆς ἱερᾶς προστασίας; Πῶς ὑλέμεινες ταῦτα καὶ διεκαρτέρισας; Ἦ πάντως ἄν εἶπες ἡμῖν, εἴπερ ἄξιοι [ἦμεν τῆς σῆς φω]νῆς ἀκούομεν, δὲ ὁμῶς ἐκ τοῦ οικείου συνειδότος λαμβάνοντες τὴν ἀλόκρισιν [Nicolas I, 1981, p. 11–13] (Где мученик Димитрий, непобедимый союзник? Как ты позволил осквернить твой город? Охраняя с тобой город нетронутым от врагов с тех пор, когда его увидело солнце, как ты подверг его испытанию такими бедствиями? Как гордыня нечестивых глумливо возвеличилась над священной защитой? Как ты претерпел и выдержал это? Конечно, ты скажешь нам, если только мы достойны услышать твой голос, однако... от собственной совести получающие ответ). Разумеется, для Патриарха Николая, как и для Фотия, ответ заключается в воздаянии за грехи для исправления грешников.

Борьба с арабами на море остается главной военной задачей Византии и в последующие годы. В 906 г. на день Св. Фоки назначенный логофетом дрома Имерий наконец-таки разгромил флот неприятеля в Эгейском море. Победа была омрачена тем, что вскоре после нее обязанный содействовать ромейскому флотоводцу Андроник Дука начал апостасию и перешел на сторону арабов. Ситуация усугублялась и интригами паракимомена Самоны, явно сочувствовавшего воинам ислама [*Theophanes Continuatus et al.*, 1838, р. 371–372; *Symeon Magister*, 2006, р. 289–290]²³. Ромейская дипломатия нередко добивалась успеха там, где терпели неудачу воины. Так, в 907 г. знаменитый Лев Хирсофакт добился заключения выгодного для Империи мира в Багдаде и обмена пленными [*The History of al-Tabari*, 1985, р. 181; *Васильев*, 1902, с. 162–163]. Через три года логофет Имерий предпринимает самую масштабную военную экспедицию в Сирию. В этой военной операции широко применялись и русы: в 910 г. 700 их воинов находились в составе византийского флота [*Constantine Porphyrogenetos*, 2012, р. 651]²⁴. Информация о военной службе «тавроскифов» в Византии с этого времени появляется все чаще, ее предусматривает договор, заключенный с Русью 2 сентября 911 г. [Лаврентьевская летопись, 1926, стб. 36]. Нераскрытую до сих пор загадку представляет собой предыстория появления русов в составе эскадры Имерия. Таинственный поход Олега на Константинополь вызывает крайне противоречивые интерпретации специалистов.

Главная проблема состоит в том, что единственным источником сведений о походе является Начальная летопись. Предшествующая и последующие военные кампании руси против византийской столицы надежно задокументированы целым рядом текстов, тогда как о военной экспедиции Хельги современники хранят полное

²³ Хронологию победы Имерия установил А. А. Васильев [*Васильев*, 1902, с. 160].

²⁴ Традиционно эти сведения связывали с критской экспедицией Имерия, датированной 911 г., но К. Цукерман (вслед за Э. Арвелер) обоснованно полагает, что информация De Cerimoniis относится к походу в Сирию в 910 г.: [*Zuckerman*, 2015, р. 73–91; cf.: *Ahrweiler*, 1966, р. 113, п. 4]. Примечательно, что Масуди датирует нападение византийцев на Сирию 297 г. хиджры (20 сентября 909 – 8 сентября 910 гг.): [*Maçoudi*, 1874, р. 281]. Несмотря на привлечение русов, в итоге усилия Имерия пошли прахом: в октябре 911 г. у Самоса он потерпел сокрушительное поражение от объединенных сил Льва Триполита и Дамиана [*Symeon Magister*, 2006, р. 293–294; Хроника Симеона магистра и логофета, 2014, с. 210; *Васильев*, 1902, с. 168].

молчание. В изложении походов 860 и 941 г. летописец опирался преимущественно на византийские материалы: хронику Георгия Амартола (ее продолжение – одну из редакций труда Симеона Логофета), а также Житие Василия Нового [Кузенков, 2015, с. 84–86]. Некоторые исследователи предполагают, что в описании предприятия Олега использована преимущественно скандинавская эпическая традиция [Stender-Petersen, 1934, S. 99; Мельникова, 1999, с. 161; Войтович, 2013, с. 109]. Скептики считают, что этот нарратив сконструирован на основе других аналогичных известий, подобно тому как и «прелиминарный договор» 907 г. появился в результате компилирования [Runciman, 1929, p. 110; Gregoire, 1937; Gregoire, 1952(2); Da Costa Louillet, 1941, p. 235; Dolley, 1949; Фулпчук, 2013, с. 233; Толочко А. П., 2015, с. 56]²⁵.

Но если поход и легендарный «щит на вратах Цареграда» являются фикцией, как объяснить уступки и льготы, предоставленные русам, защиту их имущественных прав и личной безопасности в аутентичном трактате 911 г.? [Лаврентьевская летопись, 1926, стб. 32–38]? Договор 911 г. начинается с извещения о «любви» и мире между ромеями и русами: «да умиримся с вами Греки», что также указывает на некий предшествующий конфликт [Лаврентьевская летопись, 1926, стб. 33; Ostrogorsky, 1940, p. 53–55]. Г. Г. Литаврин считал, что выгодные для Руси нормы, касающиеся беспошлинной торговли (упомянутые в ПВЛ под 907 г.), могли появиться лишь в результате силового давления на Византию [Литаврин, 2000, с. 63–65]. Примечательно, что значительно менее выигрышный для северных варваров договор 944 г. был заключен после впечатляющей, хотя и неудачной, кампании Игоря в 941 г. и новой демонстрации силы тремя годами спустя. Соглашение Святослава с Иоанном Цимисхием в 971 г. также ознаменовало итоги длительной войны на Балканах [Лаврентьевская летопись, 1926, стб. 44–46, 72].

В противовес гиперкритически настроенным оппонентам, «оптимисты» полагают, что поход все же состоялся [Греков, 1953, с. 454–455; Левченко, 1956, с. 98–121; Пашуто, 1968, с. 60; Сахаров, 1977; Сахаров, 1980, с. 98–130; Толочко П. П., 1987, с. 26; Фроянов, 1996],

²⁵ Различные мнения о «прелиминарном договоре» 907 г. см.: [Шахматов, 1915, с. 400; Истрин, 1925, с. 385–386; Sorlin, 1961, p. 329–331; Сахаров, 1978; Горский, 1997; Толочко А. П., 2015, с. 269–275].

а в умолчании «льстивых греков» о нем сказалась то ли «заурядность события», то ли их тенденциозность и нежелание вспоминать этот прискорбный факт [Устрялов, 1855, с. 42; Сахаров, 1980, с. 128]²⁶. Отдельные исследователи полагали даже, что состоялось два похода: один в 907 г. и второй накануне заключения «большого» договора в 911 г. [Рыбаков, 1982, с. 311]. Поиск хотя бы косвенного отражения этого конфликта в византийских текстах привел к привлечению сведений о руси-дромитах Псевдо-Симеона Логофета, но убедительность подобной интерпретации все же оставляет желать лучшего [Jenkins, 1949]²⁷. Приходилось признавать, что военная операция у стен Константинополя в начале X в. существенно уступала по масштабу событиям 860, 941 и 1043 гг., являясь лишь набегом или локальным конфликтом [Vasiliev, 1951, p. 172, 224–225]. Специалисты оспаривают и летописную дату 907 г., обоснованно сомневаясь в хронологической достоверности ПВЛ за этот период [Ламанский, 1904, с. 145–146; Литаврин, 2000, с. 65]. Так, М. С. Грушевский считал, что в начале X в. Олег предпринял ряд нападений на Византию, но не на сам Царьград [Грушевский, 1904, с. 386]. М. Н. Тихомиров, доверяя НПЛмл и Кембриджскому анониму, поместил поход под 922 г., заставляя князя русов выступать союзником болгарского царя Симеона Великого [Тихомиров, 1947, с. 142–143]. П. В. Кузенков отнес поход Олега к лету 904 г., оперируя, главным образом, контекстом схолий о росах-дромитах Псевдо-Симеона и соображениями о невозможности масштабных военных действий после заключения мира ромеев с болгарами [Кузенков, 2011, с. 25]²⁸. В. М. Рычка отодвинул военную акцию к 911 г., ближе к дате соглашения с византийцами [Рычка, 2012, с. 9].

Заметка о «рос-дромитах» многократно анализировалась исследователями, которые видели в ней отражение похода Олега на

²⁶ Детальную историографию проблемы см.: [Vasiliev, 1951, p. 195–218; Кузенков, 2011, с. 8–11].

²⁷ Возражения против отождествления «дромитов» с воинами Олега см.: [Mango, 1953; Николаев, 1981; Карпозилос, 1988]. А. П. Каждан осторожно предположил, что намек о походе Олега мог сохраниться в комментарии Косьмы Иерусалимского на стихи Григория Назианзина, в котором содержится упоминание о передвижении кораблей-моноксил посуху [Каждан, 1991, с. 149–150], но слишком общие аналогии с летописным известием являются единственным аргументом.

²⁸ См. также: [Древняя Русь..., 2003, с. 114–115]. Сходные соображения выдвинул и С. В. Цветков: [Цветков, 2012(2), с. 361–369].

Константинополь [Jenkins, 1949; Vasiliev, 1951, p. 188; Кузенков, 2011, с. 23–24], набега некой «славяно-варяжской вольницы» на византийскую столицу, случившегося синхронно с нападением Льва Триполита [Николаев, 1981, с. 151–152], либо отправления «русско-варяжского» союзного отряда князем Владимиром в конце X в. [Marscoroulos, 1974, p. 97–99]. Параллель этому тексту находили в известии Титмара Мерзебургского о «быстрых данах» в Киеве начала XI в. [Karlin-Hayter, 1965]²⁹. Потенциал сообщения Псевдо-Симеона еще не исчерпан: загадочных «дромитов» можно было бы связать с фракийцем Мемном, аргонавтами, победой Августа над Антонием и Клеопатрой, Гераклом или маяком Фароса, поскольку упоминания о них также содержатся в рассматриваемых схолиях, представляющих собой записи этимологического и топонимического характера. Составитель схолий заинтересовался происхождением этнонима «рос» и термина «дромиты», записав о них ряд сведений:

«Ῥῶς δὲ, οἱ καὶ Δρομίται φερώνυμοι, ἀπὸ ῥῶς τινὸς σφοδροῦ διαδραμόντες ἀπλήματα τῶν χρησαμένων ἐξ ὑποθήκης ἢ θεοκλυτίας τινὸς, καὶ ὑπερσχόντων αὐτοῦς, ἐπικέκληται. Δρομίται δὲ ἀπὸ τοῦ ὀξέως τρέχειν αὐτοῖς προσεγένετο, ἐκ γένους δὲ τῶν Φράγγων καθίστανται» [Theophanes et al., 1838, p. 707; Marscoroulos, 1974, p. 91–93; Карпозилос, 1988, с. 113–116; Кузенков, 2011, с. 16–21].

Исследователи, интерпретировавшие источник, рассматривали эту запись либо в хронологическом контексте событий, так или иначе касающихся похода Льва Триполита [Vasiliev, 1951, p. 188; Кузенков, 2011, с. 24], либо как вставку, лишенную прочной связи с предыдущей информацией [Успенский, 1890, с. 1; Карпозилос, 1988, с. 116–117; Горский, 2008, с. 55–56]. Текст является достаточно трудным для понимания, вследствие чего кардинально отличаются и варианты его перевода [Vasiliev, 1951, p. 187–188; Mango, 1953, p. 459; Николаев, 1981, с. 148; Карпозилос, 1988, с. 117; Кузенков, 2011, с. 21]. Осознавая небесспорность собственной трактовки, решусь тем не менее предложить перевести схолию следующим образом: «Росы же, которые именуются и дромитами, распространившиеся от некоего могучего Роса, названы в прорицательном отклике от превзошедшего их некоего наставления или божественного предсказания. [Название] дромиты же приводится от их [умения] быстро бегать, происходят же они от рода франков».

²⁹ Новую интерпретацию сведений Титмара о данах см.: [Луговий, 2015, с. 69–76].

Рассматриваемый текст, как представляется, можно считать аллюзией на сообщение книги Иезекииля в переводе Септуагинты, а «могучий Рос» – ни кто другой, как Гог, «архонт Роса, Мешеха и Фувала». Такое предположение позволяет понять и то, почему «божественное предсказание» связано с росами: библейский пророк предсказывал гибель Гога и опустошение земли Магог, конечную победу Израиля над северными врагами. Заключительная часть схолии – об этимологии слова «дромиты» и происхождении их от франков, вероятнее всего, вымышлена самим автором этой приписки³⁰. А. А. Васильев полагал, что название *Δρομίται* первоначально указывало на топоним *Ἀχίλλειος δρόμος* в устье Днестра, и такое значение слова нельзя исключить [Vasiliev, 1951, p. 193]. Известно, что византийцы связывали Ахилла со «Скифией» и «тавроскифами», о чем свидетельствует Лев Диакон [Leo Diaconus, 1828, p. 150; Лев Диакон, 1988, с. 78–79]. Очевидно, составитель заметки о «дромитах» не знал о них ничего конкретного, кроме их свойства быстро передвигаться. Примечательно, что в списке А этимологического перечня Псевдо-Симеона это известие помещено в контекст сведений о преемниках Александра Македонского [Карпозилос, 1988, с. 115–117]; то же предание о дромитах из рода франков встречается и в описании хорошо известного и достоверно случившегося нападения руси на Константинополь в 941 г., вероятно, этот пассаж и был первоначальным [Theophanes Continuatus et al., 1838, p. 746; Карпозилос, 1988, с. 115–117; Горский, 2008, с. 55–56]. Таким образом, вставка сведений о происхождении росов в текст повествования о нападении Льва Триполита не свидетельствует о каких-либо реальных действиях, предпринятых ими против византийской столицы, она касается мифологии, но не истории. Самое большее, что можно извлечь из этого запутанного фрагмента – дополнительный аргумент в пользу того, что информация о руси стала актуальной в первые годы X в. О наличии не только книжного, но и практического интереса к «северным скифам», проявившегося в это

³⁰ А. А. Горский предположил, что генеалогия «от франков» была изобретена княгиней Ольгой с целью успеха в намечавшемся матримониальном союзе Святослава с одной из дочерей Константина Багрянородного, но это слишком произвольная гипотеза [Горский, 2008, с. 59]. Возможно, перед нами ошибка переписчика, написавшего *Φράγγων* вместо изначального *Φαράγγων*, или *Φαργάνων*? Такие искажения слова *Βαράγγοι* встречаются в византийской литературе, в том числе и в X в. [Theophanes Continuatus et al., 1838, p. 815; Две византийские хроники X в. ..., 1959, с. 86].

время, можно судить и на основании текстов гораздо более компетентных авторов – «Наумахики» Льва VI и начавшегося при том же василевсе сбора материалов для трактата «Об управлении империей» [Sode, 1994; Howard-Jonston, 2000; Филиппчук, 2013, с. 75–118].

Исследователи давно обратили внимание на противоречие в рассказе Начальной летописи о походе: с одной стороны, Олег выступает как противник «греков», добившийся победы, выгодного мира и богатой дани, за что «невегласи» и прозвали своего князя Вещим; в то же время, ромеи неожиданно сравнивают предводителя варваров со Святым Димитрием, покровителем Фессалоники, а сам он вешает «щит свои въ вратех», что в средневековом понимании символизировало скорее не победу, а защиту, покровительство над городом [Данилевский, 2004, с. 157; Чернов, 2006, с. 60–61; Домановский, 2011, с. 211]. Символом победы чаще всего выступало ударное оружие – так, в 813 г. болгарский хан Крум намеревался воткнуть копьё в Золотые ворота Константинополя [Theophanes, 1883, р. 503]. «Великая польская хроника» повествует о том, что коронационный меч польских королей – «Щербец» – получил зарубку после удара по Золотым воротам Киева в 1018 г., что, конечно, является анахронизмом, но тем не менее соответствует представлениям эпохи [Великая хроника..., 1987, с. 68]. О том, что Болеслав Храбрый ударил мечом в ворота захваченного города, в предзнаменование грядущего бесчестия сестры киевского князя Ярослава, пишет и Галл Аноним [Gallus Anonymus, 1952, р. 22–23; Галл Аноним, 1961, с. 36].

В то же время, яркое описание зверств русов в ПВЛ, очевидно, восходит к византийскому источнику – одной из хроник семейства Симеона Логофета (Продолжатель Амартола). Позднейший редактор перенес часть информации о походе Игоря 941 г. на более ранний, восстанавливаемый им, поход Олега; так, в результате неверного перевода появилась фраза «елико же ратнии творят» в Н1мл и ПВЛ [Кузенков, 2011, с. 29–30]. Помимо Продолжателя Амартола, летописец использовал и Откровение Мефодия Патарского, а также Житие Василия Нового [Данилевский, 2004, с. 158]. Тексты ПВЛ и НПЛмл представляют собой различные варианты реконструкции события, о котором (на момент создания нарратива) сохранилось крайне мало достоверных сведений [Лаврентьевская летопись, 1926, стб. 29–32; Новгородская первая летопись..., 1950, с. 107–109]:

ПВЛ (по Лаврентьевскому списку)	НПЛмл
<p>В лѣтѣ $\bar{x}\bar{s}$. \bar{y} $\bar{e}\bar{i}$. [6415 (907)] Иде Улегъ на Греки . Игора встави в Киевѣ . поа [же] множество Вара\bar{f} . и Словенъ . и Чю\bar{d} . и Словене . и Кривичи . и Мерю . и Деревланъ . и Радимичи . и Поланы . и Сѣверо . и Вати\bar{q} . и Хорваты . и Доулѣбы . и Тиверци . ꙗже соу\bar{t} толковины . си вси звахутъ\bar{c} ѿ Греке Великаа Скоу\bar{o} . [и] с\bar{b} сими со всѣми поиде Улегъ на коне\bar{x} и на корабле\bar{x} . и бѣ числомъ кораблеи . $\bar{x}\bar{v}$.</p> <p>[и] прииде къ Црѣюгра\bar{d}у . и Греци замкоша Соу\bar{d} . а гра\bar{z}затвориша: ~ И выиде Улегъ на брегъ . и воевати нача и много оубииства сотвори уколо гра\bar{d} Грекомъ и разбиша многы полаты . и пожгоша цркви . а ихже имахоу плѣнники . овѣхъ посекахѣ друугиа же м\bar{c}чахоу . иныа же растрелахоу . а друугиа в море вметахоу . и ина многа [зла] творахоу Роуць Грекомъ . еликоже ратнии творять: ~ И повелѣ Улегъ воемъ своимъ . колеса издѣлати . и воставлати на колеса корабля . и бывшую покосноу вѣтроу . въспа пароусы съ пола . и идаше къ гра\bar{d}у и видѣвше Греци и оубоаша\bar{c} . и рѣша выславше ко Улгови . не погоублаи града . имемъ\bar{c} подати ꙗкоже хочещи . и оустави Улегъ воа: ~ И вынесоша емоу брашно и вино и не приа е\bar{f} . бѣ бо оустроено со отравою . и оубоаша\bar{c} Греци . и рѣша нѣсть се Улегъ . но стый Дмитриеи посланъ на ны ѿ Ба . и заповѣда Улегъ [данъ] даяти на $\bar{x}\bar{v}$. корабль по . $\bar{v}\bar{i}$. гривень на члѣвкъ а въ корабли [по] \bar{m} . моужь и аша\bar{c} Греци по се . и почаша Греци мира проси\bar{t} . дабы не воева\bar{f} Грецкыѣ земли...</p> <p>...И ре\bar{q} Улегъ . ищите пароу\bar{c} паволочиты Роу\bar{c} . а Словено\bar{m} кропиньныа . и бы\bar{c} тако . и повѣси</p>	<p>В лѣто 6428 [920]. Посла князь Игорь на Грѣкы вои Русь скидеи 10 тысящ. И приплыша ко Цесарюграду, и многа зла створиша Русь: Суд бо весь пожгоша огнемъ; а ихъ же имше плѣнники, овѣхъ растинаху, иныа же къ землѣ посѣкаху, другыа же поставляюще, стрѣлами стрѣляху; елико же ратнии творят, изьломающе опакы руцѣ и связующе, гвозды желѣзны посрѣде главъ вбивающе; и многы церкви огневи предаша. Въ время же то царствующо во градѣ Роману, и абие посла Романъ цесарь патрикыа Феофана съ вои на Русь, и огненнымъ строемъ пожже корабля рускыа. И възратишася Русь въ своя. Том же лѣтѣ препочиша и другое, на третье идоша.</p> <p>В лѣто 6429 [921]. Игорь и Олегъ пристроиста воя многы, и Варягы и Полянѣ и Словенѣ и Кривичи, и корабля многы бесчисленны.</p> <p>В лѣто 6430 [922]. Иде Олегъ на Грѣкы и прииде къ Цесарюграду; и Греци замкоша Съсуд, а град затвориша. И влѣзь Олегъ, и повелѣ изьвлещи корабля на брегъ, и повоева около града, и много убиство створиша Грекомъ, и разбиша многы полаты и церкви. И повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса издѣлати и вѣставити корабля на колеса. И бывшую покосну вѣтру, и въспяша прѣ, и с поля идоша къ граду. И увидѣвше же, убояшася Греци, и рѣша, выславше къ Ольгови: «не погоубляи града; имемъся по дань, ꙗкоже хочещи». И исѣстави Олегъ воя; и внесоша ему брашно и вино, и не приа его, бѣ бо устроено съ отравою. И убояшася Грѣчи, и рѣша: «нѣсть се Олегъ, нъ святыи Дмитрии посланъ от бога на ны». И заповѣда Олегъ дань даяти на 100, 200 корабль, по 12 гривнѣ на человѣкъ, а в кораблѣ по сороку мужь. Самъ же</p>

<p>щи^т свои въ врате^х . показоуа побѣдѹ . и поиде ѿ Црагра^д . и оуспаша [Русь] пароусы паволочиты . а Словене кро- пин^ны. и раз^дра а вѣтрѣ . и рѣша Словени име^мса свои^мто^тстина^м . не даны соу^т Словѣно^м прѣ . и при- де Улегь к^т Киевѹ .</p>	<p>взя злато и паволокы, и возложи дань, юже дають и доселѣ княземъ рускимъ. И рече Олегъ: «шиите прѣ паволочитѣ Руси, а Словеномъ кропинны»; и бысть тако. Повѣси щить свои въ вратех, по- казая побѣду; и поиде от Цесаряграда. И воспяша прѣ Русь паволочиты, а Словенѣ кропинны; и раздра вѣтрѣ кропинны. И рѣша Словенѣ: «имемся своих тольстинах; не даны суть Слове- номъ прѣ</p>
--	--

В целом составитель ПВЛ более успешно справился с задачей построения нарратива: в отличие от новгородского коллеги, он знал достоверную дату похода Игоря в 941 г. и имел перед собой тексты русско-византийских договоров. Это позволило прийти к заключению, что аналогичное мероприятие Олега состоялось раньше 911 г. (в договоре упоминалось о мире после предшествующего конфликта). Некоторые сведения о жестокостях русов он позаимствовал из имеющихся данных о походе 941 г., добавив к ним легенду о хитростях Олега (передвижение ладей на колесах; обнаружение обмана греков), фольклорно-эпический характер которой очевиден [Аникин, 2004, с. 115]. Далее в ПВЛ мы находим текст так называемого «прелиминарного соглашения» 907 г., вставной характер которого показан А. А. Шахматовым [Шахматов, 1915]. Автор НПЛмл вначале поместил хорошо известный из византийских источников (Житие Василия Нового и Продолжатель Амартола) [Истрин, 1920–1922, с. 60–61; Веселовский, 1889, с. 65–66 (2-я паг.)] поход Игоря, ошибочно отнеся его на два десятилетия раньше, а затем, тремя годами спустя, описал экспедицию Олега. Механизм конструирования сведений в этой части Начальной летописи заставляет усомниться не только в хронологии (которая, несомненно, конструировалась искусственно), но и в большинстве деталей рассматриваемых событий [Казанский, Цукерман, 2017, с. 19–24]. Согласно ПВЛ поход Олега на Константинополь осуществлялся как по суше, так и на конях; НПЛмл умалчивает о сухопутной составляющей маршрута [Лаврентьевская летопись, 1926, стб. 29; Новгородская первая летопись..., 1950, с. 108]. Внимание к этим сведениям побудило П. В. Кузенкова считать, что война с Византией случилась не позже заключения мира с Симеоном Великим в 904 г., после чего пере-

движение конников к столице Империи было бы невозможно [Кузенков, 2011, с. 13]. Однако нельзя исключить, что сведения о конном походе являются результатом исторической реконструкции составителя ПВЛ, который традиционно предпочитал маршруты походов «въ лодьа^х и на конихъ»: сочетание действий конницы и флота характерно для военных приготовлений Игоря в 944 г., которому помогали печенеги [Лаврентьевская летопись, 1926, стб. 45]³¹. Перечень участвовавших в кампании племен, подчиненных Хельги, также нельзя считать аутентичным – в нем названы этнонимы, встречающиеся уже в этнографическом введении ПВЛ, которыми летописец часто оперировал и впоследствии³². Использование военной хитрости (передвижение ладей по суше на колесах) и перекрытие Золотого Рога (или Босфора) ромеями с помощью цепи выглядят вероятными вследствие имеющихся аналогий [Кузенков, 2011, с. 26–30]. Однако нельзя исключить и такой вариант, что летописец перенес их произвольно из имеющихся у него источников в конструируемый им нарратив о походе. Подытоживая эти наблюдения, можно прийти к выводу, что на Руси к моменту составления летописи смутно припоминали лишь о том, что в княжение Олега и Игоря состоялось два похода на Константинополь, о времени и обстоятельствах которых имелись противоречивые сведения³³.

³¹ Даже если допустить, что конное войско участвовало в походе русов, это могли быть скорее кочевники – черные булгары или печенеги, которые представляли угрозу для крымских территорий Византии (Херсона и Климата), но никак не для центральных фем. Конный марш-бросок этой «армады» к Константинополю крайне маловероятен, а значит, им в любом случае не было необходимости заручаться поддержкой болгарского царя Симеона. К. Цукерман полагает, что участие печенегов в кампании 944 г. возникло в результате переосмысления составителем ПВЛ списка участников «похода 921 г.», найденного им в своде 1076 г. (отраженном в НПЛмл) [Казанский, Цукерман, 2017, с. 22–23].

³² В том, что состав войска, направленного на Константинополь, является результатом конструирования летописца, убеждает, помимо прочего, использование этнохоронима «Великая Скуфь», заимствованного из поздней античности (см.: [Щавелев, 2015(2); Медведев, 2016; Казанский, Цукерман, 2017, с. 24–26]).

³³ В рамках этого сюжета не представляется возможным детально остановиться на текстологической проблеме того, какая из летописных версий – НПЛмл или ПВЛ – является первоначальной, равно как и на различных вариантах реконструкции древнейшего нарратива, легшего в основу летописания. Существуют две основные схемы: согласно одной из них, текст НПЛмл возник в результате творческой переработки позднейшим новгородским книжником ПВЛ и редуцирования ее сообщений; другая гипотеза, восходящая к работам А. А. Шахматова, заставляя

Тем не менее нельзя совершенно отрицать отражение реалий в представлениях о втором походе русов на Константинополь. В том, что незадолго до оформления соглашения между русами и ромеями произошел некий конфликт, и понадобилось новое заключение мира, убеждает текст договора 911 г. [Лаврентьевская летопись, 1926, стб. 33–34]. Как представляется, противоречия можно разрешить, если предположить, что путешествие Хельги к Царственному городу изначально не преследовало цели причинить ему ущерб: русы направлялись в Византию для найма на военную службу, чтобы усилить позиции Империи в войне с арабами. Поиск новых союзников в начале X в., очевидно, был одной из главных задач византийской дипломатии. Можно полагать, что во время переговоров между сторонами возникли разногласия, вследствие чего ромеи для обеспечения безопасности перекрыли цепью морские подходы к городу, а «скифы» предприняли демонстрацию силы, позволившую добиться более выгодных условий найма, а также преференций впоследствии. Иоанн Скилица сохранил известие об аналогичной ситуации, случившейся в последние годы правления василевса Василия II, когда некий «родственник» князя Владимира Хрисохир с отрядом в 800 человек предпринял неудачную попытку «трудоустройства», окончившуюся гибелью [Ioannus Scylitzes, 1973, p. 367; Ahrweiler, 1966, p. 128; Литаврин, 2000, с. 223–227; Филиппчук, 2015]. Поступление иностранных «военных специалистов» на службу было обычным для Империи и закономерно не привлекло внимания византийских хронистов: инцидент с Хрисохиром был зафиксирован лишь вследствие того, что главный герой состоял в родстве с зятем порфирородных василевсов. Хельги и его дружина

предполагать отражение в НПЛмл более древнего, чем ПВЛ, текста. Poleмика оппонентов продолжается (ср.: [Казанский, Цукерман, 2017, с. 5–14]). К. Цукерман полагает, что в Сказании 1016/1017 г. освещался лишь один поход на Константинополь, совершенный вместе Олегом и Игорем и реально произошедший в 941 г.; летописец – составитель ПВЛ изобрел поход 907 г. в рамках своей схемы рационализаторского конструирования древнейшей истории Руси под влиянием обнаруженных им договоров с Византией [Цукерман, 2009, с. 296; Казанский, Цукерман, 2017, с. 18–21]. Так или иначе, важно подчеркнуть, что большинство специалистов согласны в выводе о недостоверности общей канвы летописного сообщения о походе, помещенном под 907 г. в ПВЛ и под 922 г. в НПЛмл. Несмотря на то что эти тексты – результат позднейшей редакторской работы, отдельные известия (как например, сравнение Олега со Св. Дмитрием Солунским) заслуживают внимания.

не могли похвастаться наличием таких кровных связей. Впоследствии на Руси факт найма и заключения выгодного договора был переосмыслен как грандиозная победа Олега и принуждение «греков» к выплате дани. Несмотря на это, летописный текст также сохранил признаки того, что акция Олега не имела враждебного характера: об этом говорит комплиментарное – в понимании христиан – сравнение предводителя варваром со Святым Димитрием³⁴ и помещение щита на воротах в знак покровительства над городом³⁵.

Контекст византийско-арабских отношений (усилившаяся угроза со стороны арабского флота после рейда Льва Триполита к Константинополю и захвата Фессалоники), а также сравнение Хельги с Дмитрием Солунским свидетельствуют о том, что *terminus post quem* этой акции можно считать лето 904 г. Уместно предположить, что лишь обострение военной опасности и поражения заставили ромеев пойти на договоренности с «северными скифами». Прибытие войска Олега и итоговое соглашение с ним стало в видении современников свидетельством возвращения милости Божьей после внезапной катастрофы, произошедшей со вторым городом Империи. Неслучайно сходство между словами Николая Мистика, обращенными к духовному покровителю Фессалоники, и летописным уподоблением князя русов христианскому Святому. *Terminus ante quem* – 910 г., несомненное участие руси в сирийской кампании логофета Имерия. Примечательно то, что перелом в войне на море и переход инициативы к ромеям состоялся после битвы 6 октября 906 г., в которой, как полагает П. В. Кузенков, использовались и новые союзники [Кузенков, 2011, с. 35]. Наиболее вероятным временем для соглашения и оформления сделки представляется лето 906 г. Отряд Хельги пополняет силы византийского флота и успешно проявляет себя в войне с арабами, вследствие чего добивается выгодных условий в торговле и повышения правового статуса сво-

³⁴ Исследователи чаще всего усматривали в этом сюжете влияние некоего утраченного болгарского или византийского источника (см.: [Шахматов, 1908, с. 466; Ostrogorsky, 1940, p. 57–58; Vasiliev, 1951, p. 174]). Считаю предположение о византийском источнике вполне вероятным, гипотезу же о «болгарской летописи» весьма умозрительной.

³⁵ Предание о щите Олега укоренилось в исторической памяти: М. Стрыйковский утверждал, что видел этот щит над воротами Галаты, напротив Константинополя, в 1575 г. [Strykowski, 1846, p. 116; Vasiliev, 1951, p. 174].

их сослуживцев. В 911 г. стороны заключили «большой договор», закрепивший партнерство.

Остается дискуссионной связь между византийским походом Олега и каспийским рейдом неких русов в 300 г. хиджры (912/913 г.), сведения о котором передает Масуди. Установление союзнических отношений Руси с Византией изменило соотношение сил в регионе: не исключено, что хазарский каган пропустил ладьи русов на Каспий по согласованию с императорами Романии [Новосельцев, 1990, с. 193; Новосельцев, 2000, с. 410–411]. Удар по подвластным Саманидам территориям Южного Прикаспия, а также Закавказью был выгоден и ромеям, ослабляя их мусульманских антагонистов, и хазарам, с которыми русы заранее условились о разделе добычи, однако последующие события показали двуличие правителя Хазарии. На обратном пути флот русов попал в засаду, устроенную хазарами в устье Волги. Ал-Масуди, очевидно, преувеличивает число погибших врагов (30 тысяч), сообщая о том, что часть их прорвалась к буртасам и волжским булгарам, где была впоследствии уничтожена [Маџoudi, 1863, р. 22–24; Минорский, 1963, с. 199–201].

Некоторые детали происходивших событий проясняет и свидетельство сельджуцкого врача и ученого Шарафа аз Замана Тахира Марвази [Бартольд, 1896; Заходер, 1943, с. 25; Заходер, 1967, с. 106–107, 146–148; Бейлис, 1974, с. 85–87]. Автор следует стереотипным известиям арабской литературы о проживании русов на острове в море, однако другие детали его повествования весьма вероятны: «Случилось у них так, что приняли они христианство в 300 (912/913) г. А когда стали христианами, притупила вера их мечи, закрылись перед ними двери добычи, и принесло им это вред и крах. Стало недоставать им средств к жизни, и захотели они обратиться в ислам...» [Древняя Русь..., 2009, с. 60–61]. Марвази упоминает и о походах русов в Хазарском (Каспийском) и Черном морях, их отправлении к Константинополю, хотя напрямую не связывает перемену религии с этими действиями. Наименование правителя русов «Буладмиром» (автор понимал это имя как титул) заставляло исследователей соотносить эти контroversийные данные с эпохой князя Владимира Святославича и его посольствами к представителям разных религий [Новосельцев, 2000, с. 420]. Однако и хронология, и описываемые обстоятельства лучше подходят к реалиям начала X в. Принятие некоторыми из русов христианства

после заключения договора с Византией в 911 г. и поступления на службу к ромеям весьма вероятно [Каждан, 1961, с. 14], слова же о «вреде» и «крахе» могут метафорически свидетельствовать о поражении в устье Волги после возвращения из каспийского похода. Как случилось и впоследствии, мечи русов «притупил» хазарский каган. Не исключено, что часть выживших русов обратились в ислам, чтобы спастись. Однако нет никакой уверенности в том, что каспийский рейд возглавил именно Хельги: сохранившиеся предания заставляют его умирать от собственного коня после победных торжеств в Киеве или Ладоге [Мельникова, 2005(2)].

Подводя итоги, хронотоп основных событий можно представить следующим образом: на рубеже IX–X вв. русы утверждаются в Среднем Поднепровье, группировка Хельги и Ингера ликвидирует конкурирующих варягов Аскольда и Дира. После 904 г. на «северных скифов» обращает внимание Византия, остро нуждающаяся в их военных услугах. Летом 906 г. отряд Хельги прибывает в Константинополь для службы василевсу и, вероятно, пополняет силы логофета дрома Имерия. В том же году, на день Св. Фоки ромейский флот одерживает победу над «агарянами». В 910 г. русы вновь поддерживают византийцев в ходе операции в Сирии, а 2 сентября 911 г. стороны заключают полномасштабный договор о сотрудничестве, вследствие чего часть варваров принимает христианство. Разгром отряда русов хазарами после каспийского похода 912/913 гг. ненадолго приостановил их экспансию, однако не изменил основных тенденций международной политики в Восточной Европе, в которой «держава Рюриковичей» стала со временем играть все большую роль.

Литература

- Аникин Д. В. Исследование языковой личности составителя «Повести временных лет». Дисс. канд. фил. наук. Барнаул, 2004.
- Бартольд В. В. Новое мусульманское известие о русских // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. 9. 1896 (1895).
- Бейлис В. М. К оценке сведений арабских авторов о религии древних славян и руссов // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. 3 / Под ред. А. С. Тверитиновой. М., 1974.

- Бейлис В. М.* Ибн Фадлан о двоевластии у русов в 20-е гг. X в. // Образование древнерусского государства: спорные проблемы. М., 1992.
- Беляев Н. Т.* Рорик Ютландский и Рюрик Начальной летописи // *Seminarium Kondakovianum*. Т. 3. 1929.
- Бибииков М. В.* «Скифы» в византийской традиции // Скифия: образ и историко-культурное наследие. Материалы конференции 26–28 октября 2015 г. М., 2015.
- Брайчевський М. Ю.* Аскольд – цар київський // *Брайчевський М. Ю. Вибране*. Т. 2. К., 2009(1).
- Брайчевський М. Ю.* Хозарія і Русь // *Брайчевський М. Ю. Вибране*. Т. 2. К., 2009(2).
- Васильев А. А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. СПб., 1902.
- «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. М., 1987.
- Веселовский А. Н.* Из истории романа и повести. Вып. 1. Греко-византийский период // Сборник отделения русского языка и словесности. Т. 40. № 2. 1886.
- Веселовский А. Н.* Разыскания в области русского духовного стиха. Вып. 5. СПб., 1889.
- Видукинд Корвейский.* Деяния саксов. М., 1975.
- Войтович Л. В.* Олег Віщий: історіографічні легенди та реалії // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені І. Огієнка. Т. 23. 2013.
- Войтович Л. В.* Князь Рюрик. Біла Церква, 2014.
- Галенко О. І.* Три загадки Константина Багрянородного про полуддя // *Ruthenica*. Т. 3. 2004.
- Галл Аноним.* Хроника или деяния князей и правителей польских. М., 1961.
- Гаркави А. Я.* Неизданная версия романа об Александре. СПб., 1892.
- Горский А. А.* К вопросу о русско-византийском договоре 907 г. // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1997.
- Горский А. А.* Русь «от рода франков» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2.
- Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953.
- Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 1. Львів, 1904.
- Гуревич А. Я.* Походы викингов. М., 1966.
- Данилевский И. Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы источникововедения летописных текстов. М., 2004.
- Две византийские хроники X в. Псамафийская хроника. Иоанн Камениата. Взятие Фессалоники / Отв. ред. М. Я. Сюзюмов. М., 1959.
- Домановський А. М.* Князь Олег і прийняття християнства: причинки до питання і спостереження у візантійському контексті // Софія Київська. Візантія. Русь. Україна. Вип. 1. К., 2011.

- Древнерусское государство и его международное значение / Под ред. В. Т. Пашуто и Л. П. Черепнина. М., 1965.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М., 2003.
- Древняя Русь в зарубежных источниках: Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джексон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. Т. 3. Восточные источники. М., 2009.
- Дьяконов А. П. Известия Псевдо-Захарии о древних славянах // Вестник древней истории. 1939. № 4.
- Заходер Б. Н. О славянах и русах IX – X вв. // Известия Всесоюзного географического общества. Т. 75. Вып. 6. 1943.
- Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. М., 1967.
- Иванов С. А. Византийское миссионерство: можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003.
- Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. СПб., 1908.
- Истрин В. М. Книги временья и образья Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. 1. Пг., 1920–1922.
- Истрин В. М. Договоры русских с греками X в. // Известия отделения русского языка и словесности. 1924 г. Т. 29. 1925.
- Каждан А. П. К характеристике русско-византийских отношений в современной буржуазной историографии // Международные связи России до XVII в. / Под ред. А. А. Зимина, В. Т. Пашуто. М., 1961.
- Каждан А. П. Косьма Иерусалимский и поход руси на Константинополь // Византийский временник. Т. 52. 1991.
- Казанский М., Цукерман К. Уличи // Palaeoslavica. Vol. 25. № 2. 2017.
- Калинина Т. М. Интерпретация некоторых известий о славянах в «Анонимной записке» // Древнейшие государства Восточной Европы. 2001 г. М., 2003.
- Карамзин Н. М. История государства российского. Т. 1. М., 1989.
- Карпозилос А. Рос-дромиты и проблема похода Олега против Константинополя // Византийский временник. Т. 49. 1988.
- Книш Ю. Таємниця початкової Русі в Києві // Збірник тисячоліття християнства в Україні. Вінніпег, 1991.
- Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.
- Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989.

- Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 г. М., 2003.
- Кузенков П. В. Русь Олега у Константинополя в 904 г. // Причерноморье в средние века. Вып. 8. СПб., 2011.
- Кузенков П. В. Топография походов Руси на Константинополь в IX–XI вв. // Византийский временник. Т. 74 (99). 2015.
- Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. Вып. 1. Л., 1926.
- Ламанский В. И. Славянское житие Св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник // Журнал министерства народного просвещения. 1904. Январь. Ч. 351.
- Лев Диакон. История / Пер. М. М. Копыленко. М., 1988.
- Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.
- Литаурин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь. СПб., 2000.
- Лиудпранд Кремонский. Книга возмездия / Пер. А. В. Назаренко // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 4. М., 2010.
- Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985.
- Луговий О. М. «Дани» на Руси та у Візантії на початку XI ст. // Древности 2014–2015. Харьковский историко-археологический сборник. Вып. 13. 2015.
- Лященко А. И. Летописные сказания о смерти Олега Вещего // Известия отделения русского языка и словесности. Т. 29. 1924.
- Мансикка В. Й. Религия восточных славян. М., 2005.
- Медведев А. П. «Великая Скифия», которой не было // Вестник ВГУ. Серия: История, политология, социология. 2016. № 1.
- Мельникова Е. А. Устная традиция в Повести временных лет: к вопросу о типах устных преданий // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999.
- Мельникова Е. А. Ольгь/Олег Вещий. К истории имени и прозвища первого русского князя // Ad fontem. У источника. Сб. статей в честь С. М. Каштанова. М., 2005(1).
- Мельникова Е. А. Сюжет смерти «от коня» в древнерусской и древнескандинавской традиции // От Древней Руси к новой России. М., 2005(2).
- Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI вв. М., 1963.
- Мусин А. Е. Загадки дома Святой Софии. Церковь Великого Новгорода в X–XVI вв. СПб., 2016.
- Назаренко А. В. Η ΕΞΩ ΡΩΣΙΑ: к политической географии Древнерусского государства середины X в. // Gaudeamus Igitur. Сборник статей к 60-летию А. В. Подосинова. М., 2010.
- Николаев В. Д. Свидетельство хроники Псевдо-Симеона о руси-дромитах и поход Олега на Константинополь в 907 г. // Византийский временник. Т. 42. 1981.

- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.–Л., 1950.
- Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Новосельцев А. П. Восток в борьбе за религиозное влияние на Руси // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000.
- Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
- Пашуто В. Т. Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос // Летописи и хроники. 1973. М., 1974.
- Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Смоленск; М., 1995.
- Петрухин В. Я. Геродот и Нестор: варварство, цивилизация и муза истории (памяти Д.С. Раевского) // Вестник Евразии. 2007. № 4.
- Петрухин В. Я. «Русь и все языци»: Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М., 2011.
- Петрухин В. Я. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. М., 2013.
- Петрухин В. Я. Выбор веры в евразийской истории. Хазария и Русь // Хазария в кросскультурном пространстве. М., 2014.
- Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 2004.
- Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.–Л., 1941.
- Пигулевская Н. В. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа // Вестник древней истории 1939. № 1.
- Пчелов Е. В. Рюрик. М., 2010.
- Ричка В. М. Візантійські походи київських князів в історичній пам'яті східного слов'янства // Український історичний журнал. 2012. № 4.
- Рыбаков Б. А. Древние русы (к вопросу об образовании ядра древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина) // Советская археология. 1953. Т. 17.
- Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.
- Саутхолл Э. О возникновении государств // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.
- Сахаров А. Н. Поход Руси на Константинополь в 907 г. // История СССР. 1977. № 6.
- Сахаров А. Н. Русско-византийский договор 907 г.: реальность или вымысел летописца // Вопросы истории. 1978. № 2/3.
- Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980.
- Смирнов А. П. Волжские Булгары. М., 1951.
- Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1980.
- Соловьев А. В. Византийское имя России // Византийский временник. Т. 12. 1957.

- Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины: военная элита Руси в X–XI вв. М., 2012.
- Стратановский Г. А. Рукописное предание и первые издания Страбона // Страбон. География. М., 1964.
- Сюзюмов М. В. К вопросу о происхождении слова ‘Ρῶς, ‘Ρωσία, Россия // Вестник древней истории. 1940. № 2.
- Тиандер К. Датско-русские исследования. Пг., 1915.
- Тихомиров М. Н. Исторические связи русского народа с южными славянами // Славянский сборник. М., 1947.
- Толковая Библия. Т. 4 / Под ред. А. П. Лопухина. М., 2009.
- Толочко А. П. Очерки начальной Руси. СПб.; Киев, 2015.
- Толочко О. П. До питання про сакральні чинники становлення князівської влади на Русі у IX–X ст. // Археологія. 1990. № 1.
- Толочко П. П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. К., 1987.
- Тортика А. А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X в.). Харьков, 2006.
- Успенский Ф. И. Патриарх Иоанн VII Грамматик и Русь-дромиты у Симеона Магистра // Журнал министерства народного просвещения. 1890. Январь. Ч. 267.
- Устрялов Н. Русская история. Ч. 1. СПб., 1855.
- Фахрутдинов Р. Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984.
- Филипчук А. М. Русь и Византия в последние годы правления Василия II: Хризохир и его воины // Colloquia Russica. Seria 1. Vol. 5. 2015.
- Филипчук О. М. Studia Byzantino-Rossica. Експансія, війна та соціальні зміни. Чернівці, 2013.
- Флоровский А. В. Князь Рош у пророка Иезекииля // Сборник в чест на Васил Н. Златарски. София, 1925.
- Франклин С., Шепард Дж. Начало Руси: 750–1200 / Пер. с англ. Н. Л. Лутецкой и Д. М. Буланина; ред. Д. М. Буланин. СПб., 2000.
- Фроянов И. Я. Князь Олег у стен Царьграда // Историческое познание: традиции и новации. Ч. 1. Ижевск, 1996.
- Хроника Симеона магистра и логофета / Пер. А. Ю. Виноградова, вступ. статья и коммент. П. В. Кузенкова. М., 2014.
- Цветков С. В. Князь Рюрик и его время. М., 2012(1).
- Цветков С. В. Начало русской истории. С древних времен до княжения Олега. М., 2012(2).
- Цукерман К. Венгры в стране Леведии // Материалы по археологии, истории, этнографии Вып. 6. Таврии. 1998.
- Цукерман К. Два етапа формування древнерусского государства // Славяноведение. 2001. № 4.
- Цукерман К. Про дату навернення хозар до іудаїзму і хронологію князювання Олега та Ігоря // Ruthenica. 2003. № 2.

- Цукерман К.* Перестройка древнейшей русской истории // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции. Историко-археологический сборник. СПб., 2007.
- Цукерман К.* Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // Борисоглебский сборник / *Collectanea Borissoglebica*. Paris, 2009.
- Чернов А. Ю.* Хроники изнаночного времени. СПб., 2006.
- Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
- Шахматов А. А.* Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря // Записки неофилологического общества. Вып. 8. 1915.
- Щавелев А. С.* Захват территорий славянских племен «державой Рюрикovichей» в первой половине X в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Государственная территория как фактор политогенеза. М., 2015(1).
- Щавелев А. С.* От позднеантичного хоронима *Μεγάλη Σκυθία* к древнерусскому этнохорониму «Великая Скуфь»: обзор текстов // Скифия: образ и историко-культурное наследие. Материалы конференции 26–28 октября 2015 г. М., 2015(2).
- Щавелев А. С.* Известие о «северных скифах» («россах») в трактате «Тактика» византийского императора Льва VI Мудрого // Историческая география. Т. 3. / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М.: Аквилон, 2016(1).
- Щавелев А. С.* К датировке захвата Киева князьями Олегом и Игорем Рюрикovichем (летописная дата, византийские источники и археология) // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. М., 2016(2).
- Яннсен И.* К вопросу о полиэтничных общностях эпохи викингов // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999. М., 2001.
- Ahrweiler H.* Byzance et la mer: La marine de guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe – XVe siècles. Paris, 1966.
- Ahrweiler H.* L'idéologie politique de l'Empire Byzantin. Paris, 1975.
- Alcivini Epistolae* // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Berolini, 1895. Epistolarum T. 4. Epistolae Karolini Aevi II.
- Alexander P.* The Byzantine Apocalyptic Tradition. Berkeley; Los Angeles, London, 1985.
- Anderson A.* Alexander's Gate, Gog and Magog and the Inclosed Nations. Cambridge, 1932.
- Constantine Porphyrogenetos.* The Book of Ceremonies: in 2 vols / Transl. by A. Moffatt and M. Tall with the Greek edition of the Corpus scriptorum historiae byzantinae. Vol. 2. Canberra, 2012.
- Da Costa-Louillet G.* Y eut-il des invasions Russes dans l'Empire Byzantin avant 860? // Byzantion. T. 15. 1941.

- Die Werke Liutprands von Cremona / Hg. von J. Becker // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum. T. 41. Hannover–Leipzig, 1915.
- Dolley R.* Oleg's Mythical Campaign against Constantinople // Bulletin de la classe des lettres de l'Academie Royale de Belgique. T. 35. 1949.
- Farag W.* Some Remarks on Leo of Tripoli's Attack on Thessaloniki in 904 A.D. // Byzantinische Zeitschrift. Bd. 82. 1989.
- Galli Anonymi* Chronicae et gesta ducum sive principum polonorum / Ed. C. Maleczyński // Monumenta Poloniae Historica. Series Nova. T. 2. Cracoviae, 1952.
- God and Magog in Early Syriac and Islamic Sources / Ed. E. van Donzel and A. Schmidt, with a contribution by C. Ott. Leiden–Boston, 2009.
- Gregoire H.* La legende d'Oleg et l'expédition d'Igor // Bulletin de la classe des lettres de l'Academie Royale de Belgique. T. 23. 1937.
- Gregoire H.* Le communique arabe sur la prise de Thessalonique (904) // Byzantion. Vol. 22. 1952(1).
- Gregoire H.* L'histoire et la légend d'Oleg prince de Kiev // La Nouvelle Clio. Vol. 4. N 5–8. Bruxelles, 1952(2).
- Hirth F.* China and Roman Orient: Researchers into their Ancient and Medieval Relations. Leipsic–Münich–Shanghai–Hongkong, 1885.
- Howard-Jonston J.* The De administrando imperio: a Re-examination of the Text and a Re-evaluation of its Evidence about the Rus // Kazanski M., Nersessian A., Zuckerman C. (eds.). Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Paris, 2000.
- Howard-Jonston J.* Byzantium and its Neighbours // Oxford Handbook of Byzantine Studies. Oxford, 2008.
- Ioannis Caminiatae* De expugnatione Thessalonicae / Recens. G. Böhlig // Corpus fontium historiae byzantinae. Vol. 4. Berolini, Novi Eboraci, 1973.
- Ioannis Scylitzae* Synopsis Historiarum / Rec. I. Thurn // Corpus fontium historiae byzantinae. Vol. 5. Berolini, 1973.
- Ivanov S. A.* Pearls Before Swine: Missionary Work in Byzantium. Paris, 2015.
- Jenkins R. J. H.* The Supposed Russian Attack on Constantinople in 907: Evidence of Pseudo-Symeon // Speculum. Vol. 24. № 3. 1949.
- Jenkins R. J. H.* The Chronological Accuracy of the “Logothete” for the Years A. D. 867–913 // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 19. 1965.
- Karlin-Hayter P.* “Swift Danes” // Byzantion. T. 35. 1965.
- Kazhdan A. P., Cutler A.* Barbarians // Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 1. New York–Oxford, 1991.
- Lechner K.* Byzanz und die Barbaren // Saeculum. Bd. 6. № 3. 1955.
- Leonis Diaconi* Caloensis Historiae libri decem / Ex recens. C. B. Hasii // Corpus scriptorum historiae byzantinae. Pars 11. Bonnae, 1828.
- Maçoudi.* Les prairies d'or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. T. 2. Paris, 1863; T. 3. Paris, 1864; T. 8. Paris, 1874.
- Mango C.* A Note on the Ros-Dromitai // Hellenica. Suppl. 4. 1953.

- Marcopoulos A.* Encore les Rôles-Dromitai et le Pseudo-Symeon // *Jahrbuch des Österreichischen Byzantinistik*. Bd. 23. 1974.
- Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge: Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jh. Leipzig, 1903.
- Nicolas I, Patriarch of Constantinople.* Miscellaneous Writings / Greek text and translation by L. G. Westerink // *Corpus fontium historiae byzantinae*. Vol. 20. Washington, 1981.
- Noonan Th. S.* Khazaria as an Intermediary between Islam and Eastern Europe in the Second Half of the Ninth Century: the Numismatic Perspective // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Vol. 5. 1985 (1987).
- Noonan Th. S.* The Monetary History of Kiev in the Pre-Mongol Period // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 11. № 3/4. 1987.
- Ostrogorsky G.* L'expédition du prince Oleg contre Constantinople en 907 // *Seminarium Kondakovianum*. 1940. T. 11.
- Photii Miriobiblon sive bibliotheca* // *Patrologia Graeca*. T. 103 / Accurante J.-P. Migne. Paris, 1860.
- Pryor J. H., Jeffreys E.* The Age of the ΔΡΟΜΩΝ. The Byzantine Navy ca 500–1204. Leiden–Boston, 2006.
- Runciman St.* The Emperor Romanus Lecapenus and His Reign. Cambridge, 1929.
- Sahaydak M.* Medieval Kiev from the Perspective of an Archaeological Study of the Podil District // *Ruthenica*. T. 4. 2005.
- Septuaginta* / Ed. A. Rahlfs. Stuttgart, 2006.
- Sode C.* Untersuchungen zu De Administrando Imperio Kaisers Konstantins Porphyrogenetos. *Poikila Byzantina*. T. 13. 1994.
- Sorlin I.* Les traités de Byzance avec la Russie au X siècle // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1961. Vol. 2. № 2/3.
- Stender-Petersen A.* Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik // *Acta Jutlandica*. Bd. 6. 1934.
- Stender-Petersen A.* The Byzantine Prototype to the Varangian Story of the Hero's Death through His Horse // *Stender-Petersen A. Varangica*. Aarhus, 1953.
- Strykowski M.* Kronika Polska, Litewska, Żmudska i wszystkiej Rusi. T. 1. Warszawa, 1846.
- Suidae lexicon* / Imp. E. Bekkeri. Berolini, 1854.
- Symeonis Magistri et Logothetae Chronicon* / Recens. S. Wahlgren // *Corpus fontium historiae byzantinae*. Vol. 44. Berolini, 2006.
- The Greek Alexander Romance / Ed. R. Stoneman. London–New York, 1991.
- The History of al-Tabari / Transl. by Fr. Rosenthal, P. M. Fields. Vol. 37. The Abbasid Recovery. New York, 1985; Vol. 38. The Return of the Caliphate to Baghdad. New York, 1987.

- Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus* / Ed. I. Bekker // *Corpus scriptorum historiae byzantinae*. Bonnae, 1838.
- Theophanis Chronographia*. Vol. 1 / Rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883.
- Tolochko O. P.* The Primary Chronicle's 'Ethnography' Revisited: Slavs and Varangians in the Middle Dnieper Region and the Origin of the Rus' State // *Franks, Northmen and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe* / Ed. by I. H. Garipzanov, P. Geary and P. Urbańczyk. Turnhout, 2008.
- Tooman W.* Gog of Magog: Reuse of Scripture and Compositional Technique in Ezekiel 38–39. Tübingen, 2011.
- Tougher Sh.* The Reign of Leo VI: Politics and People. Leiden–New York; Köln, 1997.
- Vasiliev A. A.* The Second Russian Attack on Constantinople // *Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 6. 1951.
- Zuckerman C.* On the Byzantine Dromon (with a Special Regard to De Cerim. II, 44–45) // *Revue des etudes byzantines*. Vol. 73. 2015.

A. A. Romensky

**Helgi at the Gates of Constantinople.
Rus' between Khazaria and Byzantium at the Beginning
of the Tenth Century**

Summary

The article is devoted to the problems of Kievan Prince Helgi's international policy. Rus' penetration in the middle Dnieper in the 900-ies caused conflicts with Khazaria. It also gave for Byzantium the possibility to use new military force in the wars with Arab Caliphate. The controversial issue of Rus' attack on Constantinople is also considered. It seems that Helgi and his warriors were initially going to enter the military service in Byzantium. The inconsistency of positions of the parties have led to a conflict, but Rus' and Byzantines agreed soon. The Rus' squad took part in the battle with Arab navy in 906 as well as in Syrian campaign of Himerios in 910. The Rus' raid to Constantinople and conclusion of the deal occurred in summer of 906. The later Rus' campaign in the Caspian Sea was probably also connected with Rus-Byzantine treaty.

Key words: Helgi, Rus', Byzantine Empire, Khazaria, Arab Caliphate, military service.

Г. Е. Свистун, А. М. Голубев

КРЕМАЦИОННЫЙ МОГИЛЬНИК САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПГТ ПЕЧЕНЕГИ ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В условиях развития электронных технологий, свободной продажи металлопоисковой техники и практического отсутствия действенной охраны памятников археологии салтово-маяцкие кремационные могильники стали лакомой добычей грабителей. Небольшая глубина залегания погребальных комплексов и вещевых тайников с большим процентом хорошо сохранившихся железных изделий ввиду пирогенного воздействия на них привели к огромным масштабам их утери для науки, заполонив черный рынок древностей. Исходя из реалий, становится очевидной необходимость хотя бы картографической фиксации изуродованных памятников, пока есть такая возможность, так как многие из них могут окончательно исчезнуть. Таким образом, будет достигнута, по крайней мере, цель более точного определения ареала кремаций лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры, полноценного анализа особенностей их расположения в топографическом отношении и относительно окружающих поселений. Одним из таких памятников является кремационный могильник у северной окраины пгт Печенеги в Харьковской области. Сведения о нем поступили в 2016 г. в Слобожанскую археологическую службу от школьного учителя к.и.н. Р. И. Кравченко, наткнувшегося в лесу на разрытые ямы с разбросанными вокруг фрагментами средневековой керамики, пережженных костей и обломков железных предметов. Осмотр указанной территории подтвердил поступившие сведения: были выявлены разрытые и ограбленные комплексы, не забросанные обратно грунтом из отвалов [*Окатенко, Голубев, 2016, с. 46, 47, рис. 2.148–2.153*].

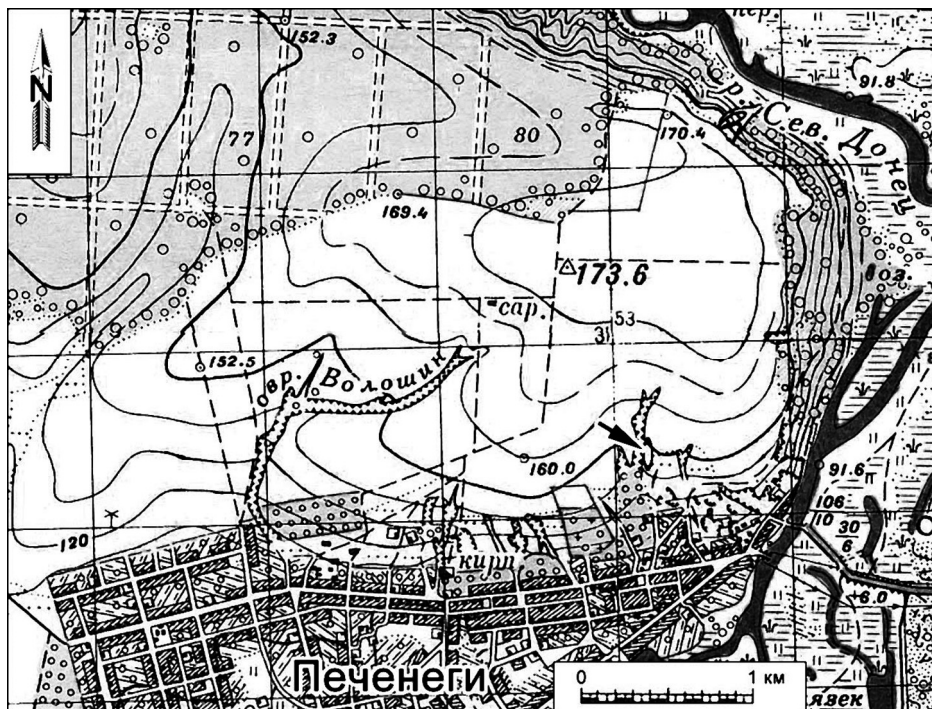

Рис. 1.

Карта размещения Печенежского кремационного могильника.

По рывтинам от деятельности грабителей, вокруг которых находились указанные выше свидетельства разрушенных кремаций, была определена разграбленная территория могильника. Памятник расположен в северо-восточной части поселка, на возвышении в лесу вдоль оврага, проходящего с западной стороны по линии Север–Юг (рис. 1). С восточной стороны разведанных границ могильника проходит современная грунтовая дорога и примерно в 150 м еще один овраг. В топографическом плане захоронения занимают южную экспозицию плато в излучине правого берега р. Северский Донец (на данный момент южный край Печенежского водохранилища). Ориентировочные размеры памятника, удлиненного вдоль оврага с севера на юг, составляют 250×75 м.

В разрытых ямах и в грунтовых выбросах погребальных комплексов были найдены кремационные человеческие кости, фрагменты керамической посуды, элементы одежды, украшений и военного снаряжения.

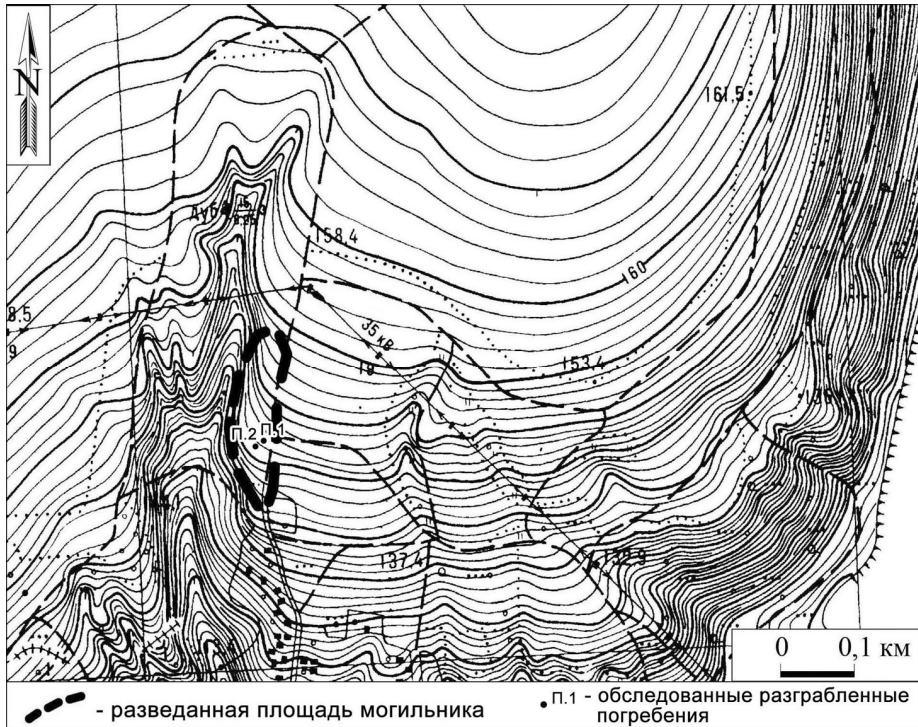

Рис. 2.

План Печенежского кремационного могильника.

В частности, в выбросах ограбленного погребения 1 (рис. 2) (грабительская яма размерами в плане 40×80 см и глубиной 30 см) были обнаружены: фрагменты красноглиняного столового гончарного сосуда с орнаментом в виде широкой нарезной диаметральной линии (рис. 3, 1, 2), фрагмент горловой части кухонного сероглиняного гончарного сосуда с примесью в тесте керамического шамота (рис. 3, 3), фрагмент стенки железного котла (рис. 3, 13) и кремационная трубчатая кость.

Ограбленное погребение 2 (рис. 2) на момент осмотра представляло собой грабительскую яму размерами в плане 50×50 см и глубиной 20 см.

Кроме того, на территории могильника в переотложенном грунте многочисленных бессистемных перекопов обнаружены фрагмент кухонного сероглиняного гончарного сосуда с переходом в красный оттенок с внешней стороны вследствие специфики пирогенного

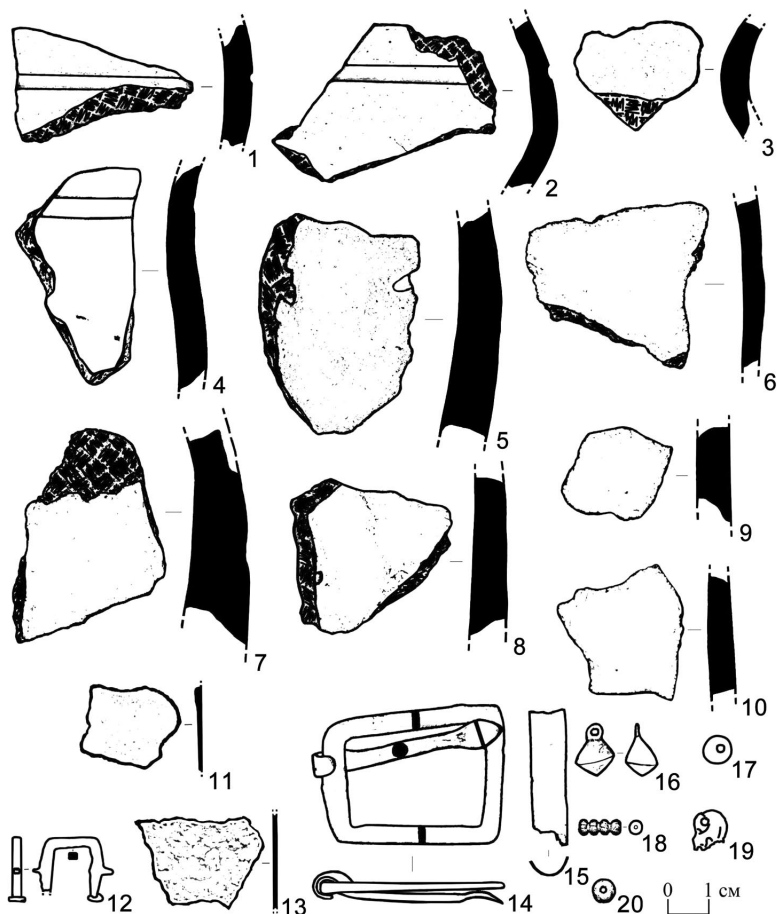

Рис. 3.

Находки с территории Печенежского кремационного могильника.

воздействия на тесто изделия (рис. 3, 5, 7–11), а также светлоглиняные фрагменты столовой гончарной посуды, один из которых имеет нарезной орнамент в виде широкой диаметральной линии (рис. 3, 4, 6). Помимо керамики, имели место находки железной подпружной трапециевидной пряжки (рис. 3, 14), фрагмента манжета ножен (рис. 3, 15), железной скобы лопасти ножен (рис. 3, 12) от клинкового оружия. Изделия из стеклянной пасты представлены бусинами синего цвета (рис. 3, 18, 19), а также обгоревшими и деформированными огнем сферическими сердоликовыми бусинами

(рис. 3, 17, 20). Имела место и находка изготовленной из бронзы вислой биконической пуговицы (рис. 3, 16). Наряду с вышеперечисленными артефактами находились кремационные фрагменты костей.

Все находки на территории могильника относятся к салтово-маяцкой культуре, которая была распространена на указанной территории в VIII–IX вв. Выявленный памятник на данный момент является самым крайним северо-восточным маркером ареала кремаций в верхнем течении Северского Донца – в пределах юго-западного района лесостепного варианта салтово-маяцких древностей. Ниже по течению Северского Донца ближайшие кремационные могильники и отдельные погребения известны у Кицевского городища [Лаптев, Аксьонов, 2012], на Пятницком селище [Шрамко, 1977, с. 19, 20; Шрамко, 1983], в овраге Сороков [Свистун, 2012(1); Свистун, Квитковский, 2013] и на его периферии [Лаптев, 2011], в пгт Кочеток [Дегтярь, 1978, с. 13–15, табл. XVIII, рис. 2, табл. XIX], а также вещи из возможной разрушенной кремации были выявлены на Чугуевском городище [Свистун, 2011]. Севернее Печенежского кремационного могильника известен самый южный из катакомбных Старосалтовский могильник [Бородулин, 1982, с. 1–38, табл. I–XXIX; Бородулин, Пархоменко, 1984, с. 111–116, 138, 139, табл. 58–60]. Представляется весьма важным в дальнейшем производить целенаправленные поиски кремационных и катакомбных могильников с целью выявления границ их ареалов в труднодоступных лесных массивах правого берега Северского Донца на отрезке между пгт Печенеги и с. Хотомля, уточняя тем самым пограничье (и его характер) юго-западного и северного районов лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры, особенности которых все более обращают на себя внимание исследователей [Аксёнов, Лаптев, 2014]. Также эта работа позволит соотнести Хотомлянское и Мартовское городища и окружающие их селища [Свистун, 2012(2); Свистун, 2017] с тем или иным погребальным обрядом салтово-маяцкого населения. Помимо этого, продолжение изучения района, примыкающего к пгт Печенеги, весьма перспективно для выявления других могильников и связанного с ним поселения (поселений), а также весьма вероятной является локализация на означенном отрезке русла Северского Донца Кодковского городища, о местонахождении которого не утихают дискуссии на протяжении многих

лет. В связи с этим стоит обратить внимание на досадную ошибку, допущенную в академическом издании Книги Большому Чертежу 1950 г. [Сербина, 1950, с. 71], в результате чего в научной литературе делались заведомо ошибочные предположения о месте расположения указанного городища [Свистун, 2017].

Литература

- Аксёнов В. С., Лаптев А. А. Освоение лесостепного Подонцовья в хазарское время: взгляд на проблему // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 12. Донецк, 2014.
- Бородулин В. Г. Отчет о раскопках Старо-Салтовского катакомбного могильника и кургана, расположенного на территории совхоза Березовский Харьковского района в 1982 году // НА ИА НАН Украины. № 1982/151.
- Бородулин В. Г., Пархоменко О.В. Отчет о раскопках верхесалтовского катакомбного могильника в 1984 г. // НА ИА НАН Украины. № 1984/73.
- Дегтярь А. К. Отчет об археологических исследованиях в 1978 г. // НА ИА НАН Украины. № 1978/32.
- Лаптев А. А. Салтовская кремация у с. Пятницкое Харьковской обл. // Середньовічні старожитності Центрально-східної Європи: Матеріали Х студентської наукової конференції. Чернігів, 2011.
- Лаптев О. О., Аксёнов В. С. Салтово-маяцький кремаційний могильник біля с. Кицівка на Харківщині // Археологія. 2012. № 4.
- Окатенко В. М., Голубев А. М. Звіт про археологічні дослідження (наукові експертизи) і розвідки у Харківській області та м. Харкові у 2016 р. // НА ИА НАН України. Без номера.
- Свистун Г. Е. Разрушенное кремационное погребение на Чугуевском городище? // Харьковский историко-археологический сборник. Вып. 8. Харьков, 2011.
- Свистун Г. Е. Новый кремационный могильник на территории Чугуево-Бабчанского лесничества (предварительная информация) // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. Збірник наукових праць, присвячених проблемам та перспективам салтовознавства, за матеріалами Міжнародної наукової конференції «XVI Слобожанські читання». Вип. 2. Харків, 2012(1).
- Свистун Г. Е. К вопросу о военно-стратегическом назначении салтовских городищ в лесостепной зоне Северскодонецкого микрорегиона // Хазарский альманах. Том 10. Киев–Харьков, 2012(2).
- Свистун Г. Е., Квитковский В. И. Кремации в прямоугольных ямах на Кочетокском могильнике // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. Збірник наукових праць. Вип. 3. Харків, 2013.

Свистун Г. Е. Хотомлянское городище и его округа в салтово-маяцкое время // В. К. Міхеев. Учні та послідовники до 80-річчя з дня народження. Харків, 2017. (В печати).

Сербина К. Н. Книга Большому Чертежу. М.–Л., 1950.

Шрамко Б. А. Отчет о разведках и раскопках 1977 года // НА ИА НАН Украины. № 1977/95.

Шрамко Б. А. Погребение VIII–X вв. у с. Пятницкое в Харьковской области // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983.

Список сокращений

ИА – Институт археологии

IA – Інститут археології

НА – научный архив

НАН – Национальная академия наук

Г. Е. Свистун, А. М. Голубев

Кремационный могильник салтово-маяцкой культуры в пгт Печенеги Харьковской области

Резюме

В верхнем течении Северского Донца выявлен неизвестный ранее науке и активно разрушаемый грабителями кремационный могильник салтово-маяцкой культуры. Памятник был осмотрен, а с дневной поверхности собраны артефакты.

Ключевые слова: кремационный могильник, салтово-маяцкая культура, Северский Донец.

G. E. Svistun., A. M. Golubev

Cremation Burial Ground of Saltovo-Mayak culture in Pechenegi village, Kharkiv region

Summary

In the upper reaches of the Seversky Donets, a cremation burial ground of the Saltovo-Mayak culture, unknown to science and actively destroyed by robbers, was revealed. The monument was inspected, and artifacts were collected from the surface of the day.

Keywords: cremation burial ground, Saltovo-Mayak culture, Seversky Donets.

С. Б. Сорочан

ВИЗАНТИЙСКИЙ ХЕРСОН В СЛОВЕ НА ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ ПРЕСЛАВНОГО КЛИМЕНТА

Ценный нарративный, агиографический источник, известный нам как «Слово на перенесение мощей преславного Климента», представляет собой сохранившуюся в рукописях XV–XVII вв. старославянскую версию перевода утраченного уникального греческого сочинения, которое очень точно, максимально подробно, в мелких деталях раскрывает обстоятельства эпохального события – обретения мощей Св. Климента Римского в византийском Херсоне, и единственное сообщает и число, и год события (30 января 6369 г. по византийскому календарю, то есть 3 февраля 861 г. по григорианскому календарю). На то, что Слово имело греческий оригинал, указывают обилие сложных партиципиальных конструкций, которые делают старославянский текст иногда почти невразумительным и требуют пояснений. Это же подтверждается использованием термина «кафолика церковь» в значении городского епископального храмового собора, кафоликона-кириакона, и «литания етера вселюдьска» – простой транскрипции греческого *litaneia* – «просьба, моление, богомолье». Рукопись одновременно несет некоторые приметы древнейшей поры церковного языка: правильное употребление «етерь» вместо «нъкьи», «всякого тела» вместо «всякаго возраста», слова «коупь» вместо «коупля» и т.п. [Франко, 1904, т. 60, с. 255]. Видимо, это был наиболее близкий к прототипу источник.

Автор до сих пор непревзойденного фундаментальнейшего агиологического исследования о Клименте Римском и его связи с Херсоном, доктор словесности И. Я. Франко (1856–1916), считал это сочинение «ближайшим примером» первоначальной пространной хер-

сонской легенды об обретении мощей, в которой инициатор открытия священной реликвии сам рассказал в форме торжественной речи к херсонитам об этом событии, свершившемся на некоем загородном островке в присутствии Херсонского архиепископа Георгия [Франко, 1904, т. 59, с. 188–189]. Действительно, изложение ведется от лица очевидца, участника или одного из инициаторов, организаторов дела. На него, по-видимому, намекают слова: «етерь кто, сосъдый мужеви подвига (то есть Георгию) п̄ние кондаческо п̄ти повельхомъ». Он же как «некто» упомянут сидящим рядом с архиепископом города на «седалище подвижном» - переносной скамье или носилках, внемлющим словам архиерея, и как человек, первым возвестивший об обнаружении во время благочестивых раскопок на острове главы Св. Климента. [Слово..., 1911, с. 128, гл. 4; Слово..., 1990, с. 312, 313]. На первый взгляд, это близкое к архиепископу лицо, облаченное распорядительными полномочиями, скорее всего, приезжий столичный эмиссар василевса и Константинопольского патриарха – Константин Философ, застрельщик идеи поиска останков мученика и организатор связанных с этим предварительных «рекогносцировок» на местности (подробно см.: [Сорочан, Зубарь, Марченко, 2003, с. 191–198; Сорочан, 2013(1), с. 512–531]). Однако этому в корне противоречат выражения в конце источника, в заключительной главе: «мы бо есмъ симъ вина, и имже ся есмъ лишим его... блажен бо град наш» (выделено мной. – С. С.).

Скорее всего, можно согласиться с тем, что автор был коренным жителем Херсона, хорошо знал некоторых сограждан-херсонитов, занимал достаточно видное место в городской иерархии, безусловно, являлся особой, близкой к архиепископу Георгию, его доверенным лицом, возможно, членом причта архиерейского кириакона, прекрасно разбирался в Литургии, был знатоком церковного песнопения (упоминания об этом то и дело присутствуют в тексте) и пробовал говорить свое Слово в Херсоне вскоре после обретения мощей [Франко, 1904, т. 59, с. 188–189; Спиридонов, 1914, с. 271]. Неслучайно ни один другой известный источник, сообщающий об открытии мощей, не содержит имен простых херсонитов – рядовых участников благочестивой экспедиции (Дигица, священник церкви Св. Прокопия Соломон). Вполне вероятно, что автором мог быть тот самый херсонский священник Филипп (Philippus sacerdos Chersonam) времен василевса Михаила, которого как инициатора обретения мощей упомянул пересказчик “Vita cum Translatione S. Cle-

mentis” в хронике знаменитого бенедиктинского монастыря Монте-Кассино Лев (Леон), епископ Остии и Велитеры (Веллетри) (Leo Ostiensis) (ум. ок. 1114/1115 г.), и его позднейшие переписчики (Jacques de Voragine – автор популярной «Золотой легенды», XIII в., и Petrus de Natalibus, писатель XV в., автор “Catalogus Sanctorum”, кн. X, гл. 93) (подробно см.: [Франко, 1904, т. 59, с. 192–194 (текст и перевод источников); Сорочан, 2016, с. 245–246; Сорочан, 2013(2), с. 314–321]). Это уникальная по своей значимости деталь, нигде более не встречаемая. Такая гипотеза особенно вероятна по причине того, что Константин Философ был проезжим столичным посланником к хазарам и не годился на роль непосредственного организатора и, главное, непосредственного исполнителя согласованной с местными ромейскими властями морской поездки по обретению и переносу мощей, а архиепископ Георгий Херсонский, старый, слабый и недужный (Житие Константина Философа сообщает о его скорой смерти), не стал бы взваливать на себя хлопотные заботы предприятия, поручив обязанности конкретного распорядителя кому-то из толковых, активных, авторитетных местных клириков второй степени священства, участвовавшему в делах управления Херсонской Церковью.

Итак, публикуемый ниже источник похож на краткий рассказ – отчет, принадлежавший непосредственному участнику события Константину Философу (Кириллу), но его автор не Константин, как иногда полагают (ср.: [Трифонов, 1934]), а скорее кто-то из духовных лиц из ближайшего окружения Херсонского архиепископа Георгия. Для него крымский Херсон – «наш город», на корабле он сидит на одной скамье с архиереем, прекрасно знаком с особенностями местной церковной службы и соответствующими песнопениями. Памятник обнаруживает полное совпадение с «Италийской легендой» основных моментов повествования и конкретных деталей (некоторые имена участников события, названия храмов Херсона). Очевидно, оба текста писались независимо, но восходят к одному общему протоисточнику. Вместе с тем старославянский вариант рассказа Слова о центральном событии – находке мощей – гораздо подробнее, чем в «Италийской легенде», в нем чувствуется очевидец события, херсонит, тогда как некоторые другие детали при переводе греческого прототипа на старославянский язык оказались сокращены. Последняя глава Слова – похвала Клименту, по-видимому, представляет собой подражание сочинению, написанному

Константином Философом, – тому самому *sermo declamatoris* («похвальному слову»), о котором упоминал Анастасий Библиотекарь в письме к епископу Гаудериху, епископу Велитери, и на основе которого ученый священнослужитель («левит») Иоанн по повелению Гаудериха около 880 г. составил поднесенное Папе Иоанну VIII (872–882) сочинение о жизни, трудах, обретении и перенесении в Италию мощей Климента Римского [Сорочан, 2012–2013, с. 233–234; Сорочан, 2016, с. 245–246]. Вполне вероятно, позже этими материалами пользовался Лев Остийский. Умолчание Слова о Константине и о его участии в самом решающем моменте обретения мощей находит объяснение в послании Анастасия, указавшего, что оно было сделано автором «исторического рассказа» (*historica narratio*) преднамеренно (*tacito nomine suo*), из боязни упрека в смертном грехе гордыни [Ягич, 1893, с. 14–16, 23–24; Сказания..., 1981, с. 118, коммент. 14; Сорочан, 2012–2013, с. 225–226, коммент. 25; с. 230, коммент. 54]. Кроме того, царский и патриарший посланец мог лично не участвовать в поездке на загородный остров за мощами. Гораздо ответственнее и уместнее во всех отношениях выглядит его роль встречающего обретенные мощи вместе со стратигом Херсона Никифором и прочей заслуженной элитой города.

Поскольку имеющийся русский перевод источника по списку XVI в. дан И. Калигановым в сокращении, местами неудачен и отклоняется от оригинала [Слово..., 1990, с. 311–316], считаю более верным и полезным для исследователей-источниковедов привести его на старославянском языке по опубликованной П. А. Лавровым рукописи середины XV в. из собрания Московской Духовной академии [Слово..., 1911, с. 127–131] и, самое главное, снабдить текст максимально пространными, уточняющими и разъясняющими комментариями, которые могут оказаться полезными в деле непрерывно развивающейся «Климентианы», а заодно внести лепту в хазарские этюды второй половины IX в.

«Мѣсяца Генваря в 30 день. Слово на перенесеніе мощемъ Преславнаго Климента, историчьску имуще бесѣду¹: яко, Христовоу

¹ ...историчьску имуще бесѣду – очевидно, намек на все тот же отчет – «краткую историю» или «историческое повествование», которые послужили первоисточником для написания не только Слова, но и «Италийской легенды» (см. упоминание об этом в письме Анастасия библиотекаря (§ 1, 3, 4) [Сорочан, 2012–2013, с. 224–226, 228–234].

помощію, в 6 тысяща 369 лѣто², изыскавшемъ его любезнь и вѣрно, якоже изъ инѣхъ, в Понтъ восіа.

[Многословное риторическое прославление чудотворныхъ мощей Климента Римского.]

3. Ейже и съвершеніе имѣти изволь Человѣколюбець Исусъ, убуди етеры живущая в Херсонъ³, пачеже вѣрнаго пастыря Георгіа, с Никифоромъ славнымъ, тогда царствіа добръ и кротко пріимѣша кормила градскаа⁴, с множествомъ етеромъ и съ славнымъ причтомъ, теплою преспѣваше, аще и мни бе по старшинству⁵. Сице убо симъ сущеъмъ, и день ото дне и подвигъ имущемъ к начатію⁶, в единъ

² Старославянская редакция Слова – единственный источник, который называет дату события полностью – 30 января 6369 г. от сотворения мира = 3 февраля 861 г. н.э. (по григорианскому календарю). В «Италийской легенде» указано 30 января без года [Сорочан, 2016, с. 252, § 3]. Очевидно, введенные в обман ошибочные переводом В. А. Бильбасова, А. Л. Бертъе-Делагард, а вслед за ним А. И. Маркевич датировали обретение мощей «30 декабря, вероятно, 862 г.» [Бертъе-Делагард, 1893, с. 58–63; Маркевич, 1909, с. 108; ср.: Бильбасов, 1871, с. 315, гл. 3]. Дата 30 декабря то и дело продолжает безосновательно упоминаться и некоторыми современными исследователями.

³ ...убуди етеры живущая в Херсонъ – И. Я. Франко перевел это как то, что Иисус «побудил некоего из жителей Корсуния», и на этом основании предположил, что речь идет о Константине Философе, хотя последний, разумеется, не мог быть херсонитом (ср.: [Франко, 1904, т. 59, с. 188]).

⁴ Речь идет о стратиге Никифоре (дуксе «Италийской легенды») [Сорочан, 2016, с. 257, § 5, коммент. 65], который, по словам составителя Слова, незадолго перед тем встал у «городского руля» («кротко и исправно принял тогда бразды правления» – пер. И. Калиганова [Слово..., 1990, с. 312]). Его моливдулы датируются 60–80-и гг. IX в. и несколько позже, когда он был повышен с сана царского спафарокандидата до сана протоспафария, возможно, в немалой степени благодаря успешной организации миссии Константина Философа [Сорочан, 2003, с. 79].

⁵ В предложении перечислены все, кого пришлось убеждать Константину Философу: прежде всего Херсонский архиепископ Георгий, стратиг Никифор, церковный причт епископского, соборного городского храма, то есть его священнослужители (священники и диаконы) и церковнослужители (алтарники, чтецы-анагносты, певчие, канонархи) вплоть до наиболее уважаемых, старших монахов-великосхимников. Показательно, что автор Слова говорит о Никифоре как о человеке старательном, с весьма высокой деловой репутацией, но еще молодом: «он усердно радел о деле, хотя и уступал некоторым из них по старшинству лет» (пер. И. Калиганова [Слово..., 1990, с. 312]). Судя по дальнейшему рассказу, Никифор имел в своих руках не только светскую власть, но занимался и церковными делами, на что указывают его распоряжения по приему и устройству обретенных мощей. В окружении этого молодого стратига находились такие же молодые подчиненные, в частности императорский коммерциарий Сергей, начинавший в это время свою долгую чиновную карьеру в Херсоне (см.: [Алексеевко, 2013, с. 418–421, 437–438, Приложение 2]).

⁶ Сице убо симъ сущеъмъ, и день ото дне и подвигъ имущемъ к начатію – «И так шел день за днем, пока не дано было начаться подвигу».

день, егда Богъ изволи явитися святому⁷, тридесатень день бъяше Генваря мѣсяца, етери от теплыхъ⁸ идоша (съ) п̑сненными п̑нїи⁹ от

⁷ ...явитися святому – то есть Бог благоволил явиться Св. Клименту, его мощам. Эти слова о божественном вмешательстве не мешают думать, что дату и место обретения мощей определил сам главный организатор всего мероприятия – Константин Философ вместе с архиепископом Георгием. В письме Анастасия библиотекаря сказано, что Константин располагал некими письменными памятниками, в которых были точно определены «знаки блаженного Климента», а также «множеством книг» о мучениях, о чудесах, о сочинениях Св. Климента, о местонахождении его загородного храма и положении мощей в нем [Сорочан, 2012–2013, с. 230–233, § 3]. Он показывал их епископу, клиру и народу, чтобы воодушевить их на поиски гробницы. Надо заметить, время перенесения мощей (30 января / 3 февраля – в 861 г. этот день приходился на четверг) было выбрано не самое подходящее для календарной долговечности: рядом находились два больших общевизантийских праздника – литургические почести Иоанну Златоусту на честь перенесения его останков в Константинополь (27 января / 30 января) и память перенесения мощей Игнатия Богоносца из Антиохии в Рим (29 января / 2 февраля). 30 января / 3 февраля праздновались три иерарха: Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст, а также преподобный Стефан Сугдейский, близкий херсонитам святой (см.: [Христианство, 1995, с. 687; Антонин, 1863, с. 601, № 37]). Для того чтобы на следующий день, в пятницу, 31 января / 4 февраля чествование мощей самого Св. Климента воспринималось с подобающей торжественностью, надо было по меньшей мере сочинить особый, небывалый гимн в честь Св. Климента, что, видимо, и было исполнено Константином [Мурьянов, 1991, с. 81–82; ср.: Акентьев, 2005].

⁸ ...от теплых – по-гречески *ta therma*. Вероятно, речь идет о городской бане – термах, в которой омылись отправляющиеся на благочестивые поиски (ср.: [Шестаков, 1908, с. 51]). Наиболее подходящей для этого оказывается раннесредневековая баня на северном берегу рядом с базиликой № 22 и недалеко от ворот, ведущих в аулу кафедрального собора (Уваровской базилики). Здесь, на предхрамовом дворе, удобнее всего было назначить общий сбор для участников экспедиции. Впрочем, в это время действовала также баня в центре III квартала, тоже сравнительно недалеко от епископального кафедрального комплекса. Возможно, была еще баня рядом с агорой, в VII квартале, остатки которой зафиксированы на планах, снятых в 1853 и 1861 гг. (подробнее см.: [Сорочан, 2013(1), с. 327, 338–343, рис. 335–339]). В любом случае, знание такой примечательной детали, встречающейся лишь в данном источнике, с большой вероятностью указывает на местное происхождение его составителя.

⁹ ... (съ) п̑сненными п̑нїи – то есть с песненным последованием (греч. *asmatike akolouthia*). Е. В. Уханова отмечает, что оно было отличительной чертой богослужения главного храма Империи – Св. Софии Константинопольской, что указывает на проведение обретения в соответствии с обрядами Великой церкви и, вероятно, при участии представителей ее духовенства. Поскольку в богослужении Св. Софии песенные каноны не употреблялись, это были какие-то иные песнопения [Уханова, 2000, с. 121]. Не исключено, что они принадлежали Константину Философу, которому надо было сочинить гимн в честь Климента уже хотя бы потому, что это был критерий православности и выражение церковного предания.

пристанища исходяще¹⁰. Молитвена же бѣ пѣснь, сице глаголющи: не отврати ны посрамлены, Клименте, вѣроу припадающа къ твоему гробу, Святыи. Но прими рабы сердца приступающа рацѣ святыи твоихъ мощи, и молящеся, яко да блаженныхъ и щедрыхъ улучшить насладитися твоеа хризмы, Богу дающу вѣрнымъ изцѣленіе и грѣховъ оставленіе, молитвами твоими, Славне, и велію милость¹¹.

4. Идохом же до блаженнаго отока¹², яко единъ неотлучимъ трудъ, не оружіемъ, но пѣніемъ одержимъ являшеся. Егда же желанныи

¹⁰ ...от пристанища исходящее – «...от пристани отплывших». Это еще один местный ориентир, который мог быть связан как с Карантинной бухтой, так и с бухтой у западной оконечности города, ближайшей в направлении Казачьей бухты, куда двигалась экспедиция. В краткой вставке из источника, сделанной в позднейшие старославянские минейные Прологи, о времени отплытия сказано: «А когда зашло солнце, они сели на корабль» (об одном корабле речь идет и в Слове на перенесение мощей преславного Климента (§ 10), и в «Италийской легенде» [Сорочан, 2016, с.253, прим. 39, § 3]. Однако последующий проложный рассказ сразу переходит к описанию света, заблеставшему с севера от моря и о показавшейся голове и прочих частях мощей святого [Франко, 1904, т. 59, с. 184]. Поэтому «заход солнца» в такой интерпретации весьма расплывчатый временной ориентир и может лишь указывать, что начало дела пришлось на ночь или ее конец.

¹¹ Очевидно, по дороге к пристани и дальше по пути к острову был пропет ряд молитв, являющихся по строю очень большой ектенией [Уханова, 2000, с. 122]. Так называются протяжные призывы к молитве во время церковных богослужений (греч. Ekteneia – «усердное прошение»). Возглашается диаконом (или священником, если церковная служба совершается без диакона) и заключается возгласом священника. Каждое прошение сопровождается одним из припевов: «Господи, помилуй», «Подай, Господи», «Тебе Господи». Великая ектения, начинающаяся словами «Миром Господу помолимся», – самая древняя. Сугубая ектения начинается словами «Рцем всем от души и от всего помышления нашего рцем» («Господи, помилуй»). В ектении просительной молящиеся просят «дня сего (или вечера) совершенна, свята, мирна и безгрешна», всего доброго и полезного душам, всему миру. Малая ектения состоит лишь из трех возгласов и начинается словами «Паки и паки Господу помолимся». Ектении об умерших произносятся при панихидах и при погребении умерших. Наконец, при совершении Святых Таинств тоже произносятся особые ектении, содержание которых относится к предмету священнодействия [Ектения, 1993, с. 528]. Данному случаю больше соответствовала большая ектения, возглашаемая священником, возможно – Соломоном, священником херсонской церкви Св. Прокопия, о котором речь идет ниже (см. гл. 4).

¹² Идохом же до блаженнаго отока... – «Приблизьдись же к блаженному острову...». В отличие от Жития Константина и «Италийской легенды» Слово не уточняет, каким образом добирались из города до бухты и острова («отока») и не упоминает о судне или кораблях. Если бы не указание в гл. 2 о том, что шли («идоша») от пристани, а, отправляясь обратно, погрузили раку с мощами на корабль (гл. 10), можно было бы подумать, что это было пешее путешествие. Не исключено, что после обретения мощей часть оставшихся паломников направились обратно в Херсон пешком [Уханова, 2000, с. 123]. Текст источника не позволяет ни подтвердить, ни опровергнуть такое допущение.

ть отокъ предъ очима являшеся, пришествіе етеро твердо добръ напаяющии яснаго пролитія съ небесъ на стоящихъ подъиде, не оставляя дерзновеніа нашего желающихъ¹³. Вторѣи же пѣсни хотящи начатіе пріати¹⁴, изьглаголаваай всъмъ гранеса¹⁵ священикъ тъ, именемъ Соломонъ, тогда попъ сыи Святаго Прокопіа¹⁶, тугою и

¹³ И. Калиганов предлагает следующий перевод предложения: «И когда блаженный остров твой стал расти на наших глазах, явилось нам некое знамение: нависшие небеса разверзлись мощными дождевыми потоками, что однако не лишило нас дерзновения» [Слово..., 1990, с. 312]. Погоду в феврале в Юго-Западном Крыму определяют быстро сменяющие друг друга воздушные массы с Атлантики, Средиземного моря и побережья Арктических морей. Их скорости настолько велики, что порой с утра в Севастополе морозец, днем – оттепель, а к вечеру с юго-восточным ветром температура может подняться до 15° тепла. Среднемесячная температура воздуха составляет +2,9°, а количество осадков – 28 мм. Лишь в отдельные дни возможны небольшие осадки, преимущественно в виде дождя. Судя по описанию автора Слова, речь шла о неустойчивой, достаточно теплой погоде с переменной облачностью, когда ночью и утром был возможен дождь.

¹⁴ *Вторѣи же пѣсни хотящи начатіе пріати...* – «Вторую песню хотели начать петь...».

¹⁵ *...изьглаголаваай всъмъ гранеса* – то есть произносил стихи канона, имея на руках написанный текст и подсказывал остальным певчим начальные слова каждого песнопения. Уже 15-е правило Лаодикийского собора установило, что «...не должно петь в церкви другим каким-либо лицам, кроме певцов-клириков, восходящих на амвон и поющих по книге» [Деяния..., 1877, с. 51]. В раннесредневековом Херсоне в Уваровской базилике (№ 23) на северном берегу (предполагаемом храме апостолов Петра и Павла), в базилике № 28, находившейся на агоре, в крестовидном «храме с ковчегом» и, вероятно, в Западной базилике существовали амвоны. Это является косвенным свидетельством того, что в ранневизантийский период в городе были свои певчие (см.: [Сорочан, 2013(1), с. 100–129, 182–202, 216–234, 255–259]). Однако далее сказано, что вел пение и читал стихи канона священник, пресвитер («поп»), а остальные ему подпевали.

¹⁶ Для херсонесской Церкви подходили следующие святые с этим именем: 1. Св. великомуч. Прокопий. Будучи язычником, занимал видное место в войске римского императора Диоклетиана и был им послан с отрядом для уничтожения христиан в Александрии. На пути он был обращен чудесным явлением креста на небе, после чего стал ревностным распространителем христинства в сирийском Скифополе. По доносу своей матери-язычницы был брошен в тюрьму, где был крещен. Своей твердостью обратил в новую веру два воинских отряда, много женщин, в том числе свою мать. Все они были обезглавлены в Кесарии Палестинской в 303 г. (память 8 июля); 2. Другой Прокопий почитался как мученик, тоже погибший при Диоклетиане в 303 г. в Кесарии Палестинской; 3. Менее вероятен самый поздний Прокопий – Декаполит, то есть из Декаполя в Палестине, который в первой половине IX в. пострадал за почитание икон (память 27 февраля) [Прокопий, 1995, с. 399]. Вопрос о локализации церкви Св. муч. Прокопия на карте города остается открытым. По сути дела, он никем не ставился. Однако надо учесть, что благочестивая экспедиция, в которую вошел священник, вероятно, пресвитер

неудобіємі одержимъ бе, послушающаго свѣта лишень бывъ¹⁷. И се внезапу, помощію Святаго Климента, расплуша облаци, просвѣщена же бысть луна, просвѣщенъ же аерь и кругъ ея бысть свѣтло сіяніе¹⁸. И еже етеръ кто видѣвъ, свѣды моужеви подвига¹⁹, сии вкупъ на съдалищи подвижныи²⁰ прилъжно послушаа, сим

Соломон, отправилась от бани (гл. 3), а остатки таковой имеются на северном берегу, в IX квартале, недалеко от епископального комплекса, где находился архиепископ Георгий Херсонский, и совсем рядом с крупной Северной базиликой № 22. Как уже указывалось, это был наиболее удобный пункт сбора. В таком случае возглашавший ектению, певший молитвы Соломон вполне мог быть пресвитером базиликального кафоликона № 22 – храма Св. Прокопия. Но еще более на роль этого храма мог претендовать непосредственно входивший в епископальный комплекс трехапсидный храм «А», открытый в 1904 г. рядом с восточной оконечностью Уваровской базилики (№ 23). Других церквей поблизости от Уваровской базилики (храма Свв. апостолов Петра и Павла) и бани в IX квартале неизвестно (подробно см.: [Сорочан, 2010–2011, с. 227–240]).

¹⁷ ...тугою и неудобіємі одержимъ бе, послушающаго свѣта лишень бывъ – «...охвачен был тоской и смятением из-за тьмы непроглядной», то есть священник церкви Св. Прокопия Соломон в связи с ухудшившейся погодой, затянутым дождевыми тучами небом, с трудом различал находившийся у него текст песнопения, который он не знал на память.

¹⁸ «И вдруг помощію святого Климента облака рассеялись, воздух засветился и проглянула луна, вокруг которой возникло яркое сияние» (пер. И. Калиганова). Это описание перекликается со свидетельством «Италийской легенды» (§ 3) о том, что работа на острове началась при искусственном освещении, ибо было еще достаточно темно: когда густая облачность разошлась, все залило лунное сияние. Прошедший дождь многое объясняет в обрисованной очевидцем картине. Скорее всего, сутки, на которые пришлось экспедиция за мощами, были близки к фазе полнолуния: луна вставала уже вечером, а заход ее происходил к 5–8 часам утра, когда было еще достаточно темно (продолжительность дня не превышала 10 часов, причем заход солнца происходил уже к 17 часам, а восход – после 7 часов утра). Следовательно, прибытие к острову даже в 5–6 часов утра, если не раньше, когда было еще темно, объясняет наличие звезд и луны, которые к тому же то и дело закрывались плотными, хмурыми дождевыми тучами.

¹⁹ ...етеръ кто видѣвъ, свѣды моужеви подвига (У И. Я. Франко: «етеръ кто съсѣдый моужеви подвига»). Вероятно, речь идет об авторе Слова – том, кто первым увидел голову Климента и кто был рядом с «мужем подвига», архиепископом Георгием [Франко, 1904, т. 59, с. 188]. Именно он, а не имперский эмиссар Константин Философ в очередной раз представлен как главный герой предприятия – его организатор.

²⁰ Очевидно, на этом «седалище подвижном», возможно носилках, несли престарелого и, вероятно, больного, слабого телом Георгия, которому тяжело было передвигаться самому. В Житии Константина Философа (гл. 12) упоминается о его скорой смерти, последовавшей через 7–8 месяцев после возвращения в Херсон миссии к хазарам в конце лета или ранней осенью 861 г. [Сорочан, 2013(1), с. 221, прим. 886]. Можно представить, какое усилие понадобилось ему позднее в этот день, чтобы с поддержкой некоторых «верных» самому внести на корабль тяжелую раку с обретенными мощами, подняв ее на голову подобно дискусу со святыми дарами (см. ниже § 10).

гласомъ абіе възопи: Отче! Въсть Богъ и славно просвѣтити благодатию душа желающимъ сладка свѣта, молитвами Святаго Климента²¹.

5. Сеяже радости вторѣи пѣсни начатіе славно и невъзбранно, просвѣщаючи силъ никакоже възбранящи, сътворихомъ²². Бъ же сице: страхомъ Божиимъ и трепетомъ одержими и слезами²³. Но сеи же пѣсни къ славному отоку и раце с архіереемъ²⁴ идохомъ. И тъ окрочьше и просвѣщеніемъ достойнымъ просвѣщыщесе, на желаную землю припадаше, все утріе хвалословую начатіе сътворихомъ²⁵.

²¹ В переводе И. Калиганова предложение выглядит следующим образом: «При виде этого некий человек, сидевший рядом с героем на подвижной скамье и прилежно внимавший словам, тотчас же воскликнул: «О отче, как славно может Бог просветить благодатию души жаждущих сладкого света молитв святого Климента!» [Слово..., 1990, с. 312]]. Итальянская легенда ничего не говорит об этом и других небесных явлениях, воспринятых как чудеса Св. Климента Римского. Там лишь сказано, что прибывшие на остров искать мощи, вынуждены были вначале обойти его при свете факелов, свечей или светильников [Сорочан, 2016, с. 254, прим. 45, § 3].

²² «От радости затянули мы вторую песнь дружно и без напряжения, ибо темнота теперь нам не мешала» (пер. И. Калиганова) [Слово..., 1990, с. 312–313].

²³ ...страхомъ Божиимъ и трепетомъ одержими и слезами – парафраз из 11-го стиха 2-го псалма, начало второго песнопения, исполненного плившими к острову.

²⁴ ...с архіереемъ – первосвященником. Согласно Псевдо-Дионисию, это верховный священник, который обладает «первым» и «последним» чинами (рангами) в иерархии и «исполняет всякое иерархическое посвящение и освящение», т. е. основные чинопоследования, Святые Таинства [Мейендорф, 2001, с. 366]. Следовательно, такой человек имел как минимум епископское достоинство. Надо учесть, что под архіереем в Слове подразумевается Херсонский архиепископ Георгий, но не Константин Философ, по сану лишь диакон или священник. Так, в церкви Св. Леонтия только Георгий Херсонский мог повелеть начать всенощное бдение (см. ниже, гл. 11). Архирей-епископ назван главой причта соборной церкви города (гл. 12). Об участии самого Константина в обретении мощей прямо не говорится, очевидно, потому, что Слово писал не сам Константин, который к тому же намеренно, дабы не впасть в грех гордыни, опустил свое имя из составленного им второго рассказа – отчета (*tacitio nomine suo in storiola sua* – поясняет Анастасий библиотечарь в своем письме Гаудериху) [Сорочан, 2012–2013, с. 226, 230, § 1, 3]].

²⁵ «И окружив там архирея и просветившись достойным поучением, припали мы к желанной земле и сотворили всю утреню» (пер. И. Калиганова) [Слово..., 1990, с. 313]. Утренняя (орфос), составная всенощной, длительная служба, которая попеременно чередует темы покаяния и надежды, изображает восхождение ко встрече света: десять ветхозаветных песнопений, включая явственно пасхальные Песни Моисея (Исх. 15: 1–18; Втор. 32: 1–43) и Песнь трех отроков в Вавилоне (Дан. 3: 26–56, 67–88), – входят в совокупность псалмопений, именуемую каноном и достигающую наивысшей напряженности в сочетании песнопений «Величит душа Моя Господа» – это песнопение именуется Песнь Пресвятой Богородицы (в Уставе – «Честнейшая») (Лк. 1: 46–55) – и «Благословен» (Лк. 1: 68–79). На восходе солнца звучат победоносные псалмы 148–150, после чего раздается возглас «Слава Тебе, показавшему нам свет» и поется доксология (от греч. «слава, радуга») или, по-старо-

6. Егда же и бысть средняя пьсьнь²⁶, искушение етеро от Бога на пользу етеру утверженьимъ в въръ внезапну наста, облаци же бьша густы, нападающе от ужныхъ страны отока²⁷. Яже видьвъ архіерей, етера, Дигица именовемъ²⁸, пришедша ту, яко худога суца странамъ тьм, исьла искусити. Шедъ же те близъ суца дожда повьда²⁹.

славянски, Славословие великое, - содержание этого песнопения отображает христианскую радость и уверенность в Богоданном спасении. Такие торжественные песнопения на утрени назывались полиелей (дословно с греч. «многая милость» [Мейендорф, 2001, с. 217; Сорочан, 2011, с. 621]. Следует заметить, что утреня была отслужена на острове еще до открытия мощей.

²⁶ ...средняя пьсьнь – возможно, один из антифонов, исполняемых молящимися в начальной части утрени [Уханова, 2000, с. 122]. Антифон (от греч. Antiphonos – «звучащий в ответ», «откликающийся», «вторящий»); в церковном богослужении попеременное пение двух хоров (полухоров), одна из древнейших форм церковного пения текста псалмов. В православном богослужении под антифоном понимается попеременно поющий стих, когда напев, исполненный одним голосом или хором, точно повторяется и другим. Такие антифоны поются на всех церковных службах: на вечерне – в первой кафизме «блажен муж»; на утрени – антифон степенны; на Литургии поются антифоны вседневные, изобразительные и праздничные. Тексты их содержатся в Минеях, Триоди, Ирмологии и Апостоле [Антифон, 1993, с. 90]. Согласно литургическому комментарию Патриарха Германа (ум. 733 г.), «антифоны – это пророчества, которые предвещали приход Божьего Сына» [Шульц, 2002, с. 146].

²⁷ Очередное упоминание густых облаков, двигавшихся с юга на север, позволяет объяснить слова «Италийской легенды» о «тихой погоде», спокойном море в районе Херсона [Слово..., 2016, с. 252–253, прим. 39, § 3]. В зимнее время такие пасмурные, дождливые, не очень холодные дни с редкими солнечными или лунными «окнами», появляющимися на небосклоне, отличает особая тишина, удостоившаяся описания в источниках. Следует заметить, что обычно в районе Маячного полуострова и Казачьей бухты с декабря по март господствует преимущественно северо-восточное направление ветра, снижающее температуру [Стржелецкий, 1951, с. 22]. Южный ветер мог поднять ее и тем самым вызвать осадки.

²⁸ Имя «другого благоверного» – Дигица, которого архиепископ Георгий послал разведать путь, напоминает по форме имени Валгица и Папаца в истории Юстиана II у Никифора и Феофана, т. е. тоже могло быть тюркского происхождения [Шестаков, 1908, с. 52]. Не исключено, что он принадлежал к числу тех самых *ascolade* – натурализовавшихся «соседей» города, среди которых Константин Философ вел беседы о Св. Клименте (ср.: [Сорочан, 2012–2013, с. 231, коммент. 61–62, § 3]).

²⁹ «И пойдя, сообщил о приближении дождя». По мнению комментатора Слова И. Я. Франко, Дигица был из тех старожилов, кто хорошо знал эту местность и, возможно, показал, где именно надо искать гробницу. По его указанию отыскали останки, а затем и якорь. Несомненно, обретение мощей готовилось заранее, все было подготовлено, существовала «программа» (или «сценарий») их открытия – вплоть до песен, канонов, гимнов, антифонов в соответствующих местах (подробно см.: [Сорочан, 2011, с. 123–127]). Все это было свежо, плохо согласовано и еще хуже помнилось исполнителями на память, о чем свидетельствует казус с попавшим в трудное положение священником Соломоном (см. выше гл. 4). Как иронично заметил И. Я. Франко, «...где нужны были такие мощи, там при доброй воле они все и всегда находились» [Франко, 1904, т. 59, с. 186, 191]

Тогда убо зане обрѣтеніе блаженныя раки и исканіе наченше, пѣніе же кондачское пѣти повельхом³⁰. Абіе же облачнаа густыни, на Съверскую страну зашедши, ясно небо и прозрачно яви³¹. За темность очима своима звѣздами на видѣніе искомыхъ мощій блаженнаго Климента и подвигомъ приготавливаюся³².

7. Бѣ убо сице о общеподвизаніи. Егда же пѣвецъ четвертое пѣніе пояше, сице въ етере мѣсть глаголя: “уже бо сокровище не сокровище есть, на свѣщницѣ же свѣтитъ”, яко свѣтилницѣ же етеръ звѣзда деньничная являющися от мощій блаженнаго Климента, се ребро етеро начатіе сътвори. В печали же нам сущею, зане многъ часъ преиде и ничтоже явися, имѣяхомъ убо очи и умъ, ово к Богу возводящи, ово к святѣй той рацѣ имуще³³.

³⁰ ...пѣніе же кондачское пѣти повельхом – речь вновь идет об авторе Слова, который в данном случае выступает как лицо, которое находится рядом с архиепископом Георгием и может приказывать другим. Именно он повелел присутствующим приступить к поискам мощей под «пение кондачское» («четвертое пение»). Такие краткие религиозные гимны полагалось исполнять одному певцу (кондак - от *kontakion* – «палочка, на которую наматывают свиток»), вероятно, все тому же пресвитеру Соломону. И. Я. Франко полагал, что существование стихотворных кондаков, а точнее, «пространного канона, сложенного заранее», еще одно свидетельство о загодя подготовленном сценарии перенесения мощей и о том, что культ Св. Климента был популярен в Херсоне уже в IX в. [Франко, 1904, т. 59, с. 191]. Известно, что до 817 г. богослужебный канон Клименту Римскому составил знаменитый противник иконоборцев Феофан Грапт (Начертанный), а позже – Иосиф Сикелиот (Гимнограф), котоый находился в ссылке в Херсоне несколько лет приблизительно с 859 г. [Могаричев, 2012, с. 49–50]. Однако с еще большим основанием можно думать, что канон, или гимн, был написан самим Константином Философом для поднятия морального духа местного населения и явился проявлением своеобразного соперничества Константина с Иосифом Гимнографом, который был известен как сочинитель новых, усложненных поэтических форм, автор службы Семи Св. епископам Херсонским (исполнялась 7 марта) и богослужебного канона Св. Клименту (помещен в Минеях под 24 или 25 ноября) (см.: [Филарет (Гумилевский), 1902, с. 262; Трифонов, 1934, с. 176; Филиппенко, 1988, с. 123; Мурьянов, 1991, с. 130]). Именно с переводом на латынь поэтических красот этого греческого гимна Константина Философа в честь Св. Климента и боялся не справиться Анастасий библиотекарь, откровенно написавший об этом в письме епископу Гаудериху [Сорочан, 2012–2013, с. 233–234, § 4].

³¹ «И тотчас густая облачная пелена сместилась к Северу, и небо вместо темного сделалось прозрачным и ясным» (пер. И. Калиганова) [Слово..., 1990, с. 313].

³² Из этой строки следует, что поздний зимний рассвет четверга еще не наступил, и глазам отслуживших утреню помогал свет звездного неба.

³³ Обнаружение человеческих костных останков именно здесь, в этом районе становится вполне объяснимым, если учесть близость прослеживаемого археологически античного некрополя (информация об этом прозвучала в научном докладе: Николаенко Г. М. О так называемом островке св. Климента в Казачьей бухте // Международная научная конференция «Охрана культурного наследия: проблемы и перспективы. Севастополь, 30.09.–05.10.2012 г.). Одна или несколько из его могил могли стать той реальной основой, на которой строилась легенда. В связи с

8. XVI пеніе поуще³⁴, сице в етеръ мъсть имущю: "хранить бо кости праведныхъ, якоже поеть въспъваа Давидъ въ п̄ниихъ", въсія нам святая преславнаа глава пресловущаго Климента. Юже н̄кто видѣвъ первоици, иже и сеи есть повѣстникъ³⁵, абіе блаженный глас возопи: радуйтеся, отци и братіа, о Господи! Паки реку: радуйтеся! Се бо блаженная глава, якоже солнце свѣтло от глубины ада восіанамъ. – Сей же гласъ слышавше вси, внезапноу весели бывше, хвальну п̄снь Богу³⁶ въсылаху, отъ небесныхъ в святую раку възирающе, и, якоже на негнущее богатство себе р̄юще и р̄еми, хотяще лобзати, ли видѣти свѣтлыя ты и бисерообразныя мощи, идяху. И се бо ве(се)ліе им б̄ и на святыню довольно, еже поне лице косновеніемъ т̄м про-свѣтити³⁷.

этим примечательно, что после того как было найдено одно из ребер блаженного Климента, долгое время ищущие ничего не находили, хотя, по словам составителя «Италийской легенды» [Сорочан, 2016, с. 255, § 4]), они старались всюду, и их уже не надо было побуждать рыть усерднее. Ниже станет понятным, почему писавший решил особо подчеркнуть этот момент.

³⁴ Псалтирь в богослужении Св. Софии делилась на 76 антифонов, а «16-е пение», т. е. 16-й антифон, содержал 33-й псалом, 21-й стих которого и цитирует далее составитель Слова: «хранить бо кости праведныхъ» («Он хранит все кости его, ни одна из них не сокрушится») [Уханова, 2000, с. 122]. Останки головы Св. Климента (найденной после ребра) были обретыены именно во время исполнения этого антифона.

³⁵ Юже н̄кто видѣвъ первоици, иже и сеи есть повѣстникъ... – «И первым увидел ее (главу) некий человек, который и повествует об этом...». Очевидно, этот же «некий человек» сидел на «подвижной (переносной) скамье» или в носилках рядом с архиепископом Георгием, внимая словам архиерея и побуждая остальных приехавших к более интенсивному копанию (гл. 4). Его интерес к литургике, церковному пению, прекрасное знание этого пения, отраженное в источнике, показывают на него как на лицо духовное. Это еще раз подтверждает, что рассказ Слова написан очевидцем, которым мог быть кто-то из херсонитов-клириков, участвовавших в поисках и переносе мощей. О том, что он был инициатором розыска мощей, видно из контекста начального раздела Слова, где автор говорит о своем «веліе упованіе» на обретение мощей, рассказывает, как мысль об этом жгла его давно будто искра, что попадает в кучу угля, как душа его желала голубиных крыльев, чтобы долететь до гроба Св. Климента и отдохнуть на нем (см.: [Франко, 1904, т. 59, с. 188]).

³⁶ ...хвальну п̄снь Богу – вероятно, «хвалитные» псалмы 99, 145–150. Следует заметить, что с пения благодарственных молитв и псалмов начиналась так называемая Великая ектения, исполняемая во время Литургии оглашенных (см.: [Краткое объяснение..., 1991, с. 81–82]).

³⁷ В Божественной литургии византийской Церкви существовал обычай освящения через простое соприкосновение, поэтому достаточно было приложиться лицом к мощам, что и делали прибывшие на остров (ср.: [Taft, 2000, р. 398–418]). В этом почитании может проглядывать и проявление магического контакта, психосоматической «религиозной терапии», т. е. целительного воздействия, которым молва наделяла святые реликвии (подробнее см.: [Арнаутова, 2004, с. 321–368]).

9. Егда же духовно веселіе преславнымъ благоуханіемъ вся озари и възвесели, и абіе отъ преисподнихъ и прочихъ удовъ съхранени, свѣтдыя звѣзды намъ восіаша: самъ убо свѣтъи руць с блаженыма стегнома и вся съдержажаяся уды. И якоже на смыслень тверди небеси душевнъ вся събираючи и достойнымъ приступаніемъ лица вѣрныхъ украшающе, абіе наипосльже анкирское явленіе³⁸ токмо не гласа пушаючи, якоже подобаеть по чину блаженнымъ удомъ явитися, ейже тльвше свойствомъ, съхранень же сущи своею твердостію³⁹. Абіе же крѣпко и обще пніе хвально бысть, и до малыхъ крупиць украшенныхъ отъ нея⁴⁰. Славословіе же Божіе непрестанно бысть всю ночь до подобнаго часа бескровныя жертвы и прѣношенія Христа Бога нашего, мало етеро безмолвствовавшимъ за подобіе такоя службы⁴¹.

10. Еже и сътвори преподобный Архіерей, в корабль блаженую раку на главъ нося⁴², с етеромъ вѣрнымъ сущемъ⁴³, ту възложи весь

³⁸ Последовательность находок частей мощей (ребер, головы, рук, бедер) и якоря та же, что и в «Италийской легенде» [Сорочан, 2016, с. 255, прим. 57, § 4].

³⁹ В переводе И. Калиганова [Слово..., 1990, с. 314] есть слова, которых нет в оригинале источника, приводимого П. А. Лавровым: «Он (якорь), как и следовало ожидать, разрушился от ржавчины – блаженные же члены святого остались невредимыми». В комментариях к Слову И. Я. Франко тоже ошибочно писал о находке якоря, «изъеденного ржавчиной, но все еще прочного» [Франко, 1904, т. 59, с. 186]. На деле якорь мог быть не целиком железным, а деревянным, с железными частями, или вообще каменным в виде блока с желобом по периметру для крепления каната.

⁴⁰ У И. Калиганова: «И сразу же грянуло всеобщее благодарственное песнопение, не смолкавшее до тех пор, пока не были собраны даже мельчайшие частицы мощей, окрашенные ржавчиной якоря» [Слово..., 1990, с. 314].

⁴¹ «Всю ночь, до часа, причествующего для бескровной жертвы и приношения Христу Богу нашему, продолжалось непрестанное Божие славословие. И лишь немногие из людей безмолвствовали, как и подобает во время такой службы» (пер. И. Калиганова) [Слово..., 1990, с. 314]. Похоже, рассказчик забегает вперед, упоминая о благодарственном молебне и всенощной, которые будут совершаться уже после доставки мощей в город (см. гл. 11). «Общее пение хвально» и «славословия Бога» не могли продолжаться «непрестанно всю ночь» на острове, ибо благочестивая экспедиция попала туда только под утро и еще на корабле, затемно, отслужила утреню (ср.: [Франко, 1904, т. 59, с. 186]).

⁴² Согласно интерпретации Е. В. Ухановой, архиепископ возложил себе раку с мощами на голову вместо евхаристических даров, поскольку не имел алтаря, у которого мог бы совершить полагающуюся службу – благодарственную Литургию [Уханова, 2000, с. 123]. Не отрицая такой возможности, надо все же заметить, что составитель указал лишь на особый, торжественный способ доставки на судно раки, с которой Георгий обращался как с дискомом. Была ли при этом совершена евхаристийная молитва – анафора (дословно «приношение», «жертва») и собственно Литургия (*synaxis, hierourgia, mysteria*), действительно, остается неясным. Едва ли для этого было достаточно времени, учитывая неотложную необходимость отправляться в обратный путь.

⁴³ С нѣкыими вѣрными соущими.

градъ Херсонескъ съ симъ хвалословесіемъ путь начинаютъ⁴⁴: “взимайте нынъ, вси языци, якоже древле четверочастну скинію⁴⁵, Божій Херсоньскій Съборъ⁴⁶, и Святаго нынъ раку, яко зовуще всъхъ поуще отъ конецъ мира на Божіе празднество”⁴⁷. Егда же отступисте отъ отока елико десяти стадии⁴⁸, боголюбець Князь градскій⁴⁹ и с етеры върными и мудрыми мужи, обрѣтшимися тогда ту, подобно срѣтеніе сътвори, натѣщно шествые к намъ огнемъ повѣда, являя за множество свѣщъ⁵⁰.

⁴⁴ ...*весь градъ Херсонескъ съ симъ хвалословесіемъ путь начинаютъ* – «...тронулись в путь к городу Херсону со следующим хвалебным пением».

⁴⁵ Библейская скиния (греч. skene) – место для совершения торжественных общественных богослужений. Оно было устроено по особому повелению Господа, указанному Моисею на горе Синай (Исх. 25: 8–9, 40; Евр. 9: 1–8). Первое, внутреннее, отделение скинии называлось Святое, или святилище, или первая Скиния, а внутренняя часть, отделенная завесой, называлась второй Скинией, или Святая Святых (Евр. 9, 2–3). Здесь находился Ковчег (кивот) Завета Господа, сделанный из дерева ситтим (акации), а в Ковчеге держали скрижали, на которых были записаны десять заповедей, золотой сосуд – стамну с манной и жезл Аарона. Скиния имела таинственное, иносказательное значение, и именно в таком переносном значении упомянул ее составитель Слова. Она признается праобразом церкви Христовой. В алтаре христианских храмов – в святой святых – вместо кивота имеется престол, вместо скрижалей – Евангелие, вместо жезла Ааронова – крест, вместо стамны – чаша с дарами Евхаристии [Скиния, 1995, с. 588–589].

⁴⁶ ...*Божій Херсоньскій Съборъ* – собрание духовенства и горожан.

⁴⁷ По мнению А. Пелина, это могла быть стихира, написанная специально к празднику, прославляющая Св. Климента и святой «Божий Херсонский Собор» [Пелин, 2001, с. 155].

⁴⁸ ...*елико десяти стадии* – примерно 2 км от «отока» (острова, места, залитого водой). Следовательно, плившие на корабле уже оставили позади Казачью и Камышевую бухты.

⁴⁹ ...*Князь градскій* – упомянутый выше стратиг Никифор. Видимо, именно стратиг, а не архиепископ или кто иной, явился организатором процессии и распорядился приготовить место для размещения раки «на новозданем столпе града, тем создане тогда во имя святаго Климента» (см. гл. 11). И. Я. Франко заблуждался, полагая, что в этих словах речь идет о 802 г., приходе к власти императора Никифора, на правление которого пришло архиепископство Херсонского предстоятеля Георгия [Спиридонов, 1914, с. 270, 271]. На самом деле, здесь имеется в виду глава города – стратиг, которого неверно называть «эпархом» – градоначальником.

⁵⁰ Перевод этого предложения у И. Калиганова: «Когда же они отделились от острова на десять стадий, боголюбивый князь города с некими благоверными и мудрыми мужами, которые там оказались, устроили достойную встречу, дав о себе знать светом множества зажженных свечей» [Слово..., 1990, с. 314]. А. Пелин пишет о «множестве светильников», что неточно, и связывает их использование с коротким днем в разгаре зимы, когда уже смеркалось [Пелин, 2001, с. 155]. На самом деле до наступления темноты оставалось еще довольно времени и использование свечей имело,

11. И се пньіе идоша поюще суцая о святъй раць⁵¹: “рѣку обидемъ убо, яко кивот⁵² носяще, не яко Моисея днесъ в раць, но Апостола, потпляюща лестъ невидимаго врага”. Пѣв же с нами и съпохваль отока улученіе, и со тцаніемъ тогда вниде в градъ и срѣтеніе достойно приготова и сътвори⁵³. Лобзавшу же ему блаженую раку, моляше взяти ю и на новозданъмъ столпѣ града, тѣмъ създанъ тогда во имя святаго Климента, положити ю вмаль и ту слово преношенію почѣсти⁵⁴. Послушав-

прежде всего, праздничное, обрядовое значение. Хмурым зимним утром или днем они были достаточно хорошо видны издалека, с моря. Херсониты, вышедшие встречать плывших, скорее всего, остановились у начала одной из магистральных дорог, ведущих от западных, Святых (Красивых) ворот города к Маячному полуострову в непосредственной близости от судоходных бухт, в том числе ближайшей – Стрелецкой. Раскопки Г. М. Николаенко в 1979 г. показали, что такая дорога действовала в IX–X вв., ее полотно шириной 10 м было проложено по скальному грунту и сделано в форме неглубокого желоба, по сторонам которого тянулись каменные ограды толщиной от 1,7 до 2,5 м. [Сорочан, Зубарь, Марченко, 2000, с. 663].

⁵¹ *И се пньіе идоша поюще суцая о святъй раць...* – «И идущие пели песнь о святой раке...». Надо полагать, здесь тоже обнаруживаются следы творчества «херсонесского периода» Константина Философа.

⁵² Кивот (греч. kibotos) – собственно деревянный ящик, поставец. Отсюда слово «киот» для обозначения рамы для иконы. Обыкновенно слово «кивот» употребляется в применении к Ковчегу завета (Кивот завета), устроенному при Синае (Исх. 37: 1–9) по повелению Божию (Исх. 25: 10–27) [Кивот, 1993, с. 729].

⁵³ *...и со тцаніемъ тогда вниде в градъ и срѣтеніе достойно приготова и сътвори* – речь идет о возвращении стратига Никифора обратно в город в связи с озабоченностью организацией достойной встречи раки с мощами. Судно с архиепископом Георгием и прочими, видимо, только пристало к берегу.

⁵⁴ «Облобызав блаженную раку, он просил поставить ее на время на новопостроенном столпе во имя святого Климента и тут произнести слово». Очевидно, предполагалось ненадолго поместить раку на воздвигнутом с этой целью «столпе» – некоем возвышении или колонне (греч. κίονα), может быть, каменном реликварии в форме столба, располагавшемся вне какого-либо храма, на открытом месте, чтобы дать возможность как можно большему количеству собравшихся увидеть мощи и услышать похвальную речь, которую по этому случаю сочинил Константин Философ. «Столп» этот был устроен если и в городе, то совсем рядом с оборонительной стеной, на заранее запланированном пути процессии, скорее всего, недалеко от западных, так называемых Святых ворот (ta Iera Jitий свв. епископов Херсонских, они же Красные или Прекрасные [Могаричев, Сазанов, Саргсян, Сорочан, Шапошников, 2012, с. 389]. Иначе непонятно, зачем пришлось оттуда переносить раку не в один из городских храмов, к примеру – в соседний с воротами четырехапсидный купольный мавритий (№ 47), возможно, связанный с легендой о чуде епископа Капитона при крещении херсонитов, а в храм Св. Созонта, очевидно, ближайший пригородный (подробно о храме Св. Созонта и Западной базилике – «доме Св. Леонтия» см.: [Сорочан, 2013(1), с. 174–207]). Он вполне подходил для организованного «отступления» из толпы, скопившейся у ворот и перекрывшей дальнейшее движение вглубь города (см. ниже в гл. 11, прим. 57–

ше же его⁵⁵, поставихомъ раку ту. Паки же вторицею моляшеся⁵⁶ в храм святого Созонта донести его по стъне града, близъ забрал суцу⁵⁷,

59). Видеть в этом столпе некую «новую» или «не достроенную тогда башню святого Климента», как думают И. Калиганов [Слово..., 1990, с. 314] и Е. Уханова [Уханова, 2000, с. 123], нет оснований. И. Я. Франко не называл этот столп новой башней, но тоже полагал, будто «князь города» просил, чтобы мощи были положены «на городской башне, которую собственно он строил и собирался назвать именем св. Климента» [Франко, 1904, т. 59, с. 186–187]. Между тем в древнерусском языке башня обозначалась обычно словом «въжа», «вежа». Под столпом же понимался столб, колонна, памятник в виде колонны, воздвигнутый в честь какого-либо события, башня или колонна, полая внутри, на которой подвизались вершить свой подвиг столпники [Срезневский, 1893, стлб. 482; Словарь..., 1963, стлб. 933]. Наличие в раннесредневековом Херсоне традиции ставить подобные памятные столпы отражено в греческой Патмосской, старославянских рукописях Макарьевской минеи, Супрасльской пространных версий Житий свв. епископов Херсонских, в рассказе о почтении памяти первого епископа – мученика Василия [Могаричев, Сазанов, Саргсян, Сорочан, Шапошников, 2012, с. 30, 35, 56, 61, 66, 84], поэтому и в данном случае речь шла о постройке херсонитами, скорее всего, еще одной «кионы» (κίονα), а никак не боевой башни. К слову, в Супрасльской старославянской версии и в Макарьевской этслово «киона» переведено именно как столп с крестом наверху («стльпъ поставмша», «стольпъ имуще») [Могаричев, Сазанов, Саргсян, Сорочан, Шапошников, 2012, с. 56, 66]. Подобные случаи установки «столпов» не были редкостью в византийской практике. К примеру, в Константинополе близ церкви Григория Богослова стоял мраморный столб с крестом. Его называют как ориентир места встречи экс-Патриарха Игнатия, шедшего в храм Свв. Апостолов (Апостолион) в мае 861 г. на открытие синода [Лебедев, 2001, с. 45] Предложение А. Пелина превратить столп в «часовню», специально отстроенную для этого случая, оригинально, но бездоказательно увязывается с размещением этой надуманной топографической достопримечательности Херсона «прямо в одной из башен входных ворот города» [Пелин, 2001, с. 157–158].

⁵⁵ *Послушавше же его* – судя по контексту, речь должна идти все о том же «князе города» Никифоре, вышедшем встречать мощи и огласившим всем их таинственное обретение (подробности см. в тексте «Италийской легенды»: [Сорочан, 2016, с. 257–268, прим. 65–68, §5]), а не об архиерее. Последний, уже после того как раку установили на столпе и ей поклонился стратиг, совершил короткое молебное пение Св. Клименту, во время которого молебен был прерван словом на приношение Св. Климента (см.: [Пелин, 2001, с. 158]).

⁵⁶ *Паки же вторицею моляшеся*, т. е. продолжая молебен.

⁵⁷ «Потом попросил перенести ее в храм Святого Созонта близ городской оборонительной стены». Выражение *по стъне града, близъ забрал* указывает, что он находился с внешней стороны города, куда выходили боевые зубцы стен – «забрала» [Пелин, 2001, с. 158]. «Италийская легенда» не менее определенно указывает на предместный, соседствующий с городом (*quod urbi erat contiguum*) характер храма Св. Созонта (ср.: [Сорочан, 2016, с. 258–259, прим. 72, § 5]). Оспаривать это очевидное обстоятельство нет никаких оснований (ср.: [Беляев, 1999, с. 31–32; Романчук, 1990, с. 165–172; Романчук, 2000, с. 72–73; Сорочан, 2013(1), с. 177–181]).

зане бѣ вечер⁵⁸. Множество же много притькаше, яко неудобь донести на мѣсто блаженую раку⁵⁹. В первую же стражу нощи⁶⁰, безмолвію бывшу⁶¹, вшедь Архіереѣй съ етерыми вѣрными, преславнаго Климента в домъ святаго Леонтія⁶² преложи, и ту, собору быв-

⁵⁸ ...зане бѣ вечер – «ибо стоял вечер». В это время года заход солнца совершается в 17 часов вечера, после чего очень быстро наступает темнота. Если учесть, что экспедиция попала на остров еще затемно, отправившись туда под утро, то прошло уже около 12 часов.

⁵⁹ «Стеклось много народа, поэтому неудобно было донести на место блаженную раку». Фраза о «неудобстве донести на место» показывает, что загородный храм Св. Созонта не входил в первоначальные планы организаторов торжеств и рассматривался только как некий промежуточный пункт на пути переноса мощей к уготованному месту, а точнее местам – столпу, на который предполагалось поставить раку, перед тем как доставить ее с крестным ходом в кафедральный храм города, большую базилику № 23 (см. ниже гл. 12). Видимо, выбор маршрута осложнило отсутствие в самом городе церкви Св. Климента.

⁶⁰ Византийские писатели пользовались античным способом определения времени суток. Согласно римскому обычаю, ночь делилась на четыре стражи. Первая стража продолжалась от заката солнца до 10 часов ночи [Kazdan, 1991, p. 2085–2086; *Времяисчисление*, 1993, с. 384; *Сорочан*, 2011, с. 773]. Следовательно, для завершения четверга, дня 30 января (3 февраля) это соответствует времени между 20 и 22 часами. Следует заметить, что после «второго часа ночи» (зимой это приходится примерно на 19 часов вечера) полагалось гасить огонь в домах, лавках, питейных заведениях и других общественных местах [Византийская книга Эпарха, 1962, XIX, 3, с. 67–68, 89, 247; *Домановский*, 2006, с. 77–79; *The Oxford Handbook...*, 2008, p. 31–37; *Сорочан*, 2012, с. 375–394].

⁶¹ ...безмолвію бывшу, т. е. когда народ успокоился и разошелся по домам.

⁶² ...домъ святаго Леонтія – городской, причем, вероятно, женский монастырь на северо-западной оконечности Херсона, который поэтому назван «домом Св. Леонтія», а не только церковью (ecclesian S. Leontii), как в «Италийской легенде» [Сорочан, 2016, с. 259, прим. 73, § 5; подробно см.: *Сорочан*, *Зубарь*, *Марченко*, 2000, с. 643–650, 664–665; *Сорочан*, 2013(1), с. 180–202]. Примечательно, что так же – «весьма чтимым домом», «святым домом» (domo percolenda, sancta domo, oikio de pansebasmio, agio oiko) – в мартирии братьев Евпрепия и Феодора и в мартирии Папы Мартина был назван местный Влахернский монастырь Богоматери Девы Марии (о нем подробно см.: [Сорочан, 2013(1), с. 130–172; *Сорочан*, 2009, с. 168–178]). Святой, имя которого носил Западный монастырь и его большая базиликальная церковь (№ 13), скорее всего, был тем Св. муч. Леонтием, который, по преданию, являлся одним из знаменитых братьев-бессребренников родом из Киликии, занимавшихся врачеванием и пострадавших за веру в 286–305 гг. День его памяти празднуется церковью 30 октября. В этом случае особенно понятным становится наличие у этого городского монастыря богадельни, или носкомиона, в которой монахини содержали и лечили немощных, калек (подробно см.: [Сорочан, 2013(1), с. 352–356]).

шу, всенощное пѣніе повельніем Архіереовимъ бысть⁶³, до полунощи убо мужескомъ поломъ, от полунощи до утра черноризицами

⁶³ ...всенощное пѣніе повельніем Архіереовимъ бысть. – Как полагалось, у раки с мощами по велению архиепископа Георгия Херсонского было организовано всенощное бдение (греч. *pannychis* или *agurnia*) и песнопения. Едва ли их вел сам архиерей, человек старый, едва державшийся на ногах, смертельно уставший за весь бурно проведенный день, которому к тому же предстояло вести праздничное богослужение наутро в главном кафоликоне города – Уваровской базилике № 23. «Певческое бдение» принадлежало к традиции литургии так называемого кафедрального обряда, который практиковался в самых главных храмах больших городов. С ним соперничал монашеский тип богослужения, для которого было характерно наличие ряда автономных единиц общего моления (вечерня, всенощная, полунощная молитва, утренняя и четыре канонических часа, причем пелись почти исключительно псалмы, а не гимны [Мейендорф, 2001, с. 212, 213]. Следует также отметить, что монастырская певческая традиция была сильнее соборной мелодии [Тафт, 2000, с. 78]. Всенощные родились из ночных служб, отправляемых первыми христианами. Такие бдения объединяли длительную великую вечернюю с торжественным молитвословием – литанией (от греч. «моление», «богомолье»), литией (поминальной молитвой в западной части храма, иногда соединяемой с крестным ходом), утреню и первый час, предшествуя собственно Божественной литургии с Евхаристией [Всенощное бдение, 1991, с. 62; Сорочан, 2011, с. 428, 563–565]. Подобное богослужение обязательно совершалось на великие праздники Рождества (в ночь с 5 на 6 января), Богоявления (на 19 января по григорианскому календарю), Пасхи, под воскресные дни в течение года и в дни памяти святых и мучеников (см.: [Никольский, 1907; Скабаланович, 1910; Вагнер, 1986, с. 171]). Ночное предпраздничное богослужение стало уже с III в. столь же обязательным, как и Божественная литургия [Вагнер, 1986, с. 172]. Ход всенощной сложился к IV в., причем на ней могли присутствовать и оглашенные, воцерковленные, кающиеся разных категорий [Всенощное бдение, 1991, с. 72]. Однако во время, соответствующее описываемым событиям, согласно Типикону Студийского монастыря, не было бдения в течение всей ночи, а скорее существовало последование (*akolouthia*) во время навечерия (*apodeirnon*), полунощницы (*mesonyktikon*), утрени (*orthos*) и часа первого [Тафт, 2000, с. 98–99]. Между ними по Уставу полагалось чтение из Синаксаря, Деяний апостолов или писаний свв. отцов. Навечерие начинается с воспоминания о сотворении мира: описывается творение (Пс. 103), затем звучат напоминания о беспомощности человека после грехопадения (Пс. 140, 141, 129, 116), а завершается она молитвой Симеона (Лк.: 2: 29–32), выражением надежды на спасение с мыслью о том, что день и ночь способны еще и стать блаженным отдохновением для уповающих на пришествие Спасителя [Мейендорф, 2001, с. 216–217]. Наиболее благоприятную почву для своего развития всенощное бдение нашло в монастырях и их храмах – кафоликонах, подобных «дому Св. Леонтия», где оно продолжалось всю ночь с небольшими перерывами, иногда для вкушения пищи. Тогда же совершалась лития (от греч. *lite* – усердная молитва) – часть предпраздничного всенощного бдения, следующая за литанией и ектенией – молитвенным прошением, начинающимся словами: «Исполним вечернюю молитву нашу Господеви», которые возглашал диакон или священник. Кроме того, особый род литии был установлен для поминального молитвословия за усопших. Этот обряд, совер-

и благовърными женами, обычай так суць върными тьми до кончины⁶⁴.

12. По томъ же всенощнъ пѣніи литанія⁶⁵ етера вселюдска заутра, въ тыже церкви собравшиися, изиде по всему граду⁶⁶, въ ней-

шаемый в западной части храма, заключал предпраздничную всенощную. Во время его исполнения на особом столике тетраподе в литийном сосуде освящали хлеб (просфору) или пшеницу, вино и елей, предназначенные для Литургии преждеосвященных даров [Храневич, 1994, с. 40]. На всенощном бдении совершалось также помазание народа елеем. Всего в году 68 всенощных бдений (52 воскресных и 16 праздничных). Сверх того, всенощная могла быть устроена, как в нашем случае, накануне дней, в которые совершалась память святого, чтимого в той или иной местности, в том или другом храме [Всенощное бдение, 1992, стлб. 576–577; Всенощная, 1997, с. 51; Всенощное бдение, 1993, с. 387]. В Слове речь идет именно о таком всенощном бдении 30–31 января (по византийскому стилю), связанном с памятью Св. Климента Римского в Херсоне. Оно завершается орфос-утреней (народное название – заутреня) – богослужением, происходившим рано утром. В данном случае совершалась не вседневная, а праздничная утренняя, которая отличается от первой присоединением так называемого полиелея и «Великого славословия». Состав ее молитв и песнопений излагается в главах 2-й, 3-й, 4-й и 5-й Типикона (Устава Богослужебного), а иногда и в Служебнике, Октоихе, Псалтири Следованной и Часослове [Утренняя, 1992, стлб. 2212–2215; Утренняя, 1995, с. 554].

⁶⁴ Предложение заканчивается словами: «...таков до скончания обычай тамошних верующих». Однако примечательно, что такой же порядок смены чтецов во время всенощной предусматривал и Типик Великой церкви [Красносельцев, 1892, с. 230–231]. Очевидно, до полуночи бдение совершала пришедшая смена священников и монахов из других храмов и монастырей Херсона, а от полуночи до самого утра пение, возможно, иерейским чином, продолжала смена из своих монахинь монастыря Св. Леонтия и «благодарных жен». Согласно каноническим правилам, было категорически запрещено присутствие в ночь женщин в мужских и мужчин в женских обителях. Едва ли инокиням разрешили бы ночью приходить со стороны, покидать свой монастырь. Отсюда можно предположить, что Западная базилика (№ 13) входила в комплекс городского женского монастыря (см.: [Сорочан, Зубарь, Марченко, 2000, с. 664–665]).

⁶⁵ Литания (греч. *Litaneia* – моление, богомолье) – торжественное молитвословие о ниспослании небесной помощи, прототипом которого послужили некоторые псалмы (особенно псалом 135 «Славьте Господа, ибо Он благ»). Наряду с всенощными бдениями, шествиями – молебнами, проповедями, псалмодиями, песнопениями в форме диалога и антифона, а также Евхаристией, литания была известна в византийском богослужении уже с последней трети IV в. [Тафтн, 2000, с. 25]. Литания совершалась во время церковной процессии, когда пелись песнопения антифонного типа. Различают малую и большую литании; последняя установлена Римским папой Григорием I Великим (Двоесловом) на рубеже VI–VII вв. Е. В. Уханова полагает, что «...название “литания” применяется “Словом” к крестному ходу с мощами по городу» [Уханова, 2000, с. 122, прим. 37], однако содержание последующих фраз источника заставляет в этом усомниться.

⁶⁶ Очевидно, после пения литании собравшиеся в базилике Св. Леонтия отслужили утреню («заутра») и только после этого стациональная Литургия двинулась с

же бѣ видѣти всякого челоуѣка и всякъ образъ вѣрныхъ веселящъся, и слезящъ, и играющъ духовно, душею же и тѣломъ, и неизглаголанною радостію радующъся. Не бѣ бо разлучити, ли разсмотриши старости заутрѣствомъ радованнымъ образомъ шествіа, богатыя и нищія, благородныя и простородныя⁶⁷, но вси и вся вкупѣ съ дерзновенными, забывши всяку напасть, съ святыми мощми славнаго Климента, весь градъ обшедше, в кафоликію церковь внидоша⁶⁸. И егда въ первыя двери⁶⁹ хотяше вниити Святыи Климентъ, славный причетъ с Архіереомъ⁷⁰, яко единъми усты благодушно, се абіе пѣти начать: “прими просвъщника, церкви, тебе просвъщающа Климента святаго и славнаго днесъ: яви бо ся богатъст-

мощами по всему городу. Эту службу 31 января (4 февраля) 861 г., в пятницу утром, в «доме Св. Леонтия» по-прежнему вел не архиепископ Георгий, поскольку позже состоялась Божественная литургия в общем главном храме («кафолической церкви») – большой базилике, а литургическая дисциплина и византийское каноническое право не позволяли епископу или священнику служить в один и тот же день дважды [Мейендорф, 2001, с. 365]. Значит, архиерей поджидал прихода процессии, находясь в большой базилике Свв. Апостолов, в епископальном комплексе на северо-восточном берегу города на месте кварталов IV-V.

⁶⁷ «Из-за раннего часа в ликующем шествии невозможно было отличить старого от малого, богатого от нищего, благородного от простолюдина» (пер. И. Калиганова) [Слово..., 1990, с. 315]). Вероятно, утреня и начавшееся после нее церковное шествие от станции к станции состоялись между 6 и 8 часами утра, когда в это зимнее время еще по ночному темно. Восход солнца совершается 4 февраля (по григорианскому календарю) в 7.05.

⁶⁸ ...*весь градъ обшедше, в кафоликію церковь внидоша* – «...обойдя весь город, в соборную церковь вошли». Ср. с концовкой § 5 «Италийской легенды»: «кафоликія церковь», несомненно, та же «большая базилика» (ad majorem basilicam) [Сорочан, 2016, с. 260, прим. 79]. В Проложном старославянском варианте источника, общего со Словом на перенесение мощей, соборная церковь названа церковью Апостолов [Франко, 1904, т. 59, с. 184, 192]. Большая схожесть в описании разных случаев перенесения мощей (translatio) свидетельствует, видимо, в пользу существования некой канонической традиции для таких процессий, какую, разумеется, соблюдали и в византийском Херсоне (см.: [Антонин, 1907, sec. 28, s. 84–85; Taft, 1982, p. 159–170; Слово..., 2001, с. 80–81, гл. 16].

⁶⁹ ...*первыя двери* – центральный, главный вход, ведущий в средний неф базилики, через который пронесли раку с мощами. Обычно верующие входили в храм через двери в боковые нефы, да и то в них открывалось только по одной, правой, створке, как это отчетливо видно на примере стертости мраморных дверных порогов в Западной базилике № 13 [Косцюшко-Валюжинич, 1902, с. 56–61].

⁷⁰ ...*причетъ с Архіереомъ*, т. е. архиепископ Георгий Херсонский с причтом – всем составом священнослужителей (протопресвитеров, священников, архидиаконов, диаконов) и церковнослужителей (псалтов, анагностов, остиариев, парамонариев, аколуфов и пр.) большой базилики – соборного храма Свв. Апостолов.

во и пресвятая держава, яко съ Петромъ и Павломъ сподобися слово приати. Тъм же и прерища⁷¹ конца земли, радостію скончася (и) въ Херсонь, Господа възлюбль крѣпко⁷² и спасаетъ тя. Достояно сего почти, яко подающа върнымъ велью милость⁷³. Туже святому преношенію бывшу и святыми мощьми воду свящъше⁷⁴ и тою

⁷¹ ...прерища – «обойдя».

⁷² в истину.

⁷³ «Чти его достойно, как подающего верным великую милость». В тексте источника приведена стихира «стиховна», исполняемая в конце утрени как седален 2-го гласа (ср.: [Уханова, 2000, с. 123]). Стихира (греч. Stichera – многосложие) – песнопение, состоящее из многих стихов, написанных одним размером и большей частью предваряемых стихами из Священного Писания. Название это перенесено с ветхозаветных поэтических писаний (Книга Иова, Псалмы Давидовы, Книга Притчей, Екклесиаст, Песни Песней), которые у древних Отцов Церкви называются стихирами и по образцу и для замены которых стали составлять христианские стихирны. По различию стихов Священного Писания, предваряющих стихирны, последние разделяются на три вида: стихирны на «Господи воззвах»; они поются на вечерне после 140-го псалма (Псалом Давида: «Господи, к Тебе зываю»); стихирны «стиховны», имеющие перед собой стихи из разных псалмов и вообще из книг Священного Писания, соответственно воспоминанию дня и тому, к какому лику принадлежит святой (эти стихирны поются в конце вечерни и в конце утрени, когда нет великого праздника); стихирны «на хвалитех» – те, которые имеют перед собой стихи из так называемых хвалитных псалмов (148-й, 149-й и 150-й), в которых часто встречается слово «хвалите» (поются в конце орфоса – утрени). Как отдельный тип византийской литургической поэзии, стихирны появились в связи с увеличением количества тропарей. По сути дела, этот церковный гимн в честь какого-то праздника или святого, и есть вид тропаря; краткое песнопение, которое часто поется на стих псалма. Первая половина псаломского стиха возглашается канонархом, вторая поется хором, после чего поется текст стихирны. Следует учитывать, что термины «стихира» и «тропарь» употреблялись параллельно. У ромеев они стали элементом любого религиозного гимна [Стихиры, 1995, с. 639; Сорочан, 2011, с. 733]. Седален (от греч. Kathisma – «сидение») – песнопение, противоположное акафисту – хвалебным песнопениям в честь Иисуса Христа, Богородицы и святых. Во время исполнения седален верующим позволяется садиться и слушать сидя то или другое чтение. Седалены положены после кафисм – слушаний или пений 20-й части Псалтири (псалмы читаются не подряд, но с известными промежутками и замыкаются чтениями) на утрени, после 3-й песни канона и перед чтением. Их нет после таких кафисм, за которыми не следует чтение (например, во время вечерни) [Седален, 1995, с. 533]. Византийская Церковь знала 8 гласов, или музыкальных ладов (диатоническая гамма), на которых основаны все песнопения, называемые ангелоподобным пением. Гласы распадаются на две четверти (тетрахорд) – верхнюю и нижнюю [Глас, 1993, с. 414]. Именно так – ангелоподобно – пелись стихирны в этот день в епископальном храме города.

⁷⁴ ...святому преношенію бывшу и святыми мощьми воду свящъше – было совершено освящение воды мощами Св. Климента, а затем проскомидия и Литургия. В данном случае речь идет о Малом Водоосвящении, менее значимом последовании (аколуфии) византийского обряда, которое отличается от Великого по своему со-

просвъщеніе пріимъ равно⁷⁵, и якоже и вѣроу не мнѣ послужыше, в своя дома с похвалоу възвратишася, и благословяще Бога о семь даръ велицѣм и благодати небеснѣй⁷⁶.

ставу. В частности оно совершается в дни храмовых праздников перед Божественной литургией, тогда как Великое Освящение воды совершается накануне Богоявления (ночи на 19 января) в конце Божественной литургии или после вечерни [Водоосвятие, 1992, стлб. 535–536; *Тафт*, 2000, с. 17, 87]. Следует учесть, что со второй половины IX в. водоосвятие проводили в нартексе, для чего использовали чашу или вазу (фиал), находившуюся здесь же [*Photinakes*, 1988, с. 8–9]. В ходе раскопок около западной части Уваровской базилики – храма Апостолов был найден большой, с двумя горизонтальными ручками и крышкой, тщательно сделанный сосуд из пятнистого мрамора, украшенный крестом (по виду – VI–VII вв.), который вполне мог подходить для таких целей [*Косцюшко-Валюжинич*, 1904, л. 23–24]. Скорее всего, освящение воды св. мощами состоялось, как и положено, именно в просторном нартексе большого епископального храма перед Божественной литургией.

⁷⁵ Подобная архиерейская Литургия обязательно подразумевала «соединение всех» (*synaxis*) – Евхаристию – Причащение Святых Тела и Крови Христовых, ибо всегда совершалась в дни поминания святых. Ее начальная часть – Литургия Слова, *epagxis*, начиная с VIII в. включала вступительные славословия и три диаконские молитвы прошения (мирную ектению – *eirenika*, или *megale synapte*), а также две малые ектении (*mikra synapte*), каждую из которых сопровождала тихая молитва пресвитера, после чего шло провозглашение концевое славословия и по одному антифонному пению псалмов. В это время епископ сидел на своем сидении в алтаре. На Малый вход все служители выходили к нему и торжественно провожали его к престолу, а он брал кадильницу и совершал каждение престола, иконостаса, служителей в святилище – виме и верных в храме. Потом, повернувшись к престолу, он провозглашал молитву Трисвятого («Святый Боже, святый крепкий, святый бессмертный, помилуй нас»), после чего пелся сам гимн. Затем диакон выносил из алтаря крест и Евангелие, символы Христа и Слова Божьего, проносил через центр храма и уносил обратно в алтарь, что означало явление Христа в образе Слова Божьего. В начале следующей части Литургии – Литургии верных, или Литургии Жертвы, – следовал Великий вход, во время которого священнослужитель, возглавлявший служение, в данном случае архиепископ Георгий, торжественно проносил хлеб и вино с проскомидийника в алтарь через неф и обратно в святилище для возложения на алтарь, что символизировало путь Христа на жертву и служило прообразом Его явления в важнейшем Таинстве Причащения (см.: [*Шульц*, 2002, с. 21, прим. 21; с. 78; *Тафт*, 2000, с. 89–90; *Сорочан*, 2011, с. 119–122]).

⁷⁶ Ни в письме Анастасия библиотекаря к Гаудериху, ни в «Италийской легенде», ни в Слове на перенесение мощей не сообщается, что Константин взял с собой мощи Св. Климента, возвращаясь из Херсона. Более того, как заметил И. Я. Франко, «...контекстом повествований это почти исключается, поскольку корсуняне принимают эти мощи как драгоценную святыню и помещают их в своей кафедральной церкви» [*Франко*, 1904, т. 60, с. 230]. Видимо, если частицы мощей и были забраны имперским эмиссаром, это не афишировалось в Херсоне, а скорее понималось всеми как само собой разумеющееся явление разделения, предписанное канонически и не требующее особого упоминания (ср.: [*Сорочан*, 2011, с. 124–125]).

13. Сице убо о братіе, нескудное се богатство блаженыхъ мощій славнаго Климента явлено бывше, достойно хвалу, яко отъ словесна естества съдѣтелеви его, Словеси Божію, словомъ весь миръ праздьственъ день свѣтлыя памяти его достойно сътворяща, и грядуща въ слѣдъ вѣры от Бога упованіемъ, яко настояща узримъ. Мы бо есмь симъ вина и имъже ся есмь лишили его, но некли возникнемъ. Блаженъ бо градъ нашъ, сице намъ сущемъ и противныя отгоняемъ, явится⁷⁷. О блаженный съборе, пришедый въ ть день къ рацъ преславнаго Климента, яко отъ земля другое солнце преславно восіавше узрѣвъ! О блаженыхъ мужъ несуменно упованіе, не изнемогшее начати и на свѣтъ принести, таковыи славный даръ превзимаючи! О руки, пророческимъ видѣніемъ клещамъ уподобльшася и страшныя угли мощій Климентовъ приимше! О блаженный соборъ всякаго възраста⁷⁸ радъ совокуплься, и вселюдску (питанію) и святыи день преношеніа мощій святаго Климента сътвори! О пресловяи и преславне предо всѣи и надо всѣми Клименте, давыи намъ святыи съи день явленіем твоихъ мощей, не посрамль и давно вжагающаго нашего упованіа, но себе вдавъ неключимъ нами и непотребными руками нашими изысканъ и явленъ быти и желаннаго сокровища богато насытитися. Буди же и нам чушим тя днесмысленныхъ даровъ датель незавидливъ, блистающимся и истекающимъ мыслено озареніе от красныа твоеа раки, да душевныхъ и телесныхъ страстей и всѣхъ противныхъ приложеній избавляеми изглаголаныа пророчьскы о твоихъ мощехъ, да сподобимся насладитися и еще яко отъ сада растуца и цвѣтуца все земно наслажденіе мысленаго села Божіа мышленіа, да тѣми великими дарми напаяеми и храними, всяко смущеніе силу

⁷⁷ «Блажен наш город! Раз мы таковы, значит, будет он отгонять неприятелей» (пер. И. Калиганова) [Слово..., 1990, с. 315]). Содержание этого предложения недвусмысленно указывает на причину настойчивых розысков мощей (необходимость поднять дух горожан перед лицом вражеской угрозы со стороны хазар и венгров), а также позволяет думать, что оригинал Слова был составлен при участии херсонита (отсюда выражения «мы», «наш город»). В начале источника, в его своеобразной преамбуле, автор тоже подчеркивал спасительность для херсонитов священной находки: «Ибо сами мы знаем, что отвел он (Св. Климент. – С.С.) от нас многие беды, болезни и различные превратности» (пер. И. Калиганова) [Слово..., 1990, с. 311]). Поскольку эти беды и неприятели были хорошо известны жителям, ему не было нужды конкретизировать их (о положении города во второй половине IX в. подробно см.: [Сорочан, 2013(1), с. 512–606]).

⁷⁸ *Тела.*

противнаго поправше и потребльше преславную твою память ликовствуемъ радуящеся украшаеми и всякая доброты исполняеми и небесному царствію неуклонно да утвержени будемъ благодатию являшагося днесъ, свѣтло творящая присно честное твое святое явленіе мощей твоихъ Христа истиннаго Бога нашего со Отцемъ и со святымъ Духомъ и въ безконечныя вѣкы вѣкомъ. Аминь⁷⁹».

Литература

- Акентьев К. К.* К структуре богослужебного последования, описанного в Слове на перенесение мощей св. Климента Римского. Часть 1: Обретение мощей // *Византинороссика*. Т. 4. СПб., 2005.
- Алексеевко Н. А.* Таможня и коммерции Херсона // *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. 3. М., 2013.
- Антифон* // *Христианство*. Энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1993.
- Антонин*, архимандрит. Заметки XII-XV века, относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре // *Записки Одесского общества истории и древностей*. Т. 5. Одесса, 1863.
- Антонин*. Житие иже во святых отца нашего Симеона Столпника // *Сборник палестинской и сирийской агиологии* / Изд. А. И. Пападопуло-Керамевс с рус. пер. В. В. Латышева. Православный палестинский сборник. Вып. 57. Т. 19. Вып. 3. СПб., 1907.
- Арнаутова Ю. Е.* Колдуны и святые. Антропология болезни в средние века. СПб., 2004.
- Беляев С. А.* Христианская топография Херсонеса. Постановка вопроса, история изучения и современное положение // *Церковные древности*. VII Рождественские образовательные чтения. М., 1999.
- Бертье-Делагард А. Л.* Древности южной России. Раскопки Херсонеса // *Материалы по археологии России*. № 12. СПб., 1893.
- Бильбасов В. А.* Кирилл и Мефодий. СПб., 1871.
- Вагнер Г. К.* Византийский храм как образ мира // *Византийский временник*. Т. 47. М., 1986.

⁷⁹ Не исключено, что гл. 13 представляет в своей основе то самое похвальное слово - торжественную публичную речь (sermonem declamatorium), обращенную к «блаженному собору и граду», которую сочинил и произнес в Херсоне Константин Философ по случаю обретения мощей Св. Климента, и о которой упоминается в письме Анастасия библиотекаря (см.: [Сорочан, 2012–2013, с. 233, коммент. 79, § 4]). Очевидец событий – херсонит, присутствовавший при открытии мощей, человек, близкий к архиепископу Георгию, мог по свежей памяти присовокупить его к своему сочинению, подвергнув самой незначительной редакции.

- Византийская книга Эпарха. М., 1962.
- Водоосвятие // Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1992.
- Времяисчисление // Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1993.
- Всенощная // Азбука христианства. Словарь-справочник / Сост. А. Удовенко. М., 1997.
- Всенощное бдение. Литургия. 2-е изд. М., 1991.
- Всенощное бдение // Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1992.
- Всенощное бдение // Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1993.
- Глас // Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1993.
- Деяния девяти поместных соборов. Казань, 1877.
- Домановский А. Н.* О регулировании суточного времени торговли в Византии IV–IX вв. // Средневековая Европа. Проблемы истории и культуры: Тезисы докладов ежегодной межвузовской конференции «Проблемы социально-политической истории и культуры средних веков» / Под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб., 2006.
- Ектения // Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1993.
- Кивот // Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1993.
- Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году // Известия имп. Археологической комиссии. Вып. 4. СПб., 1902.
- Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет за 1904 год // Архив Национального заповедника «Херсонес Таврический». Д. № 13.
- Краткое объяснение всенощной литургии или обедни, последований таинств погребения усопших, водоосвящения и молебнов. М., 1991.
- Красносельцев Н. Ф.* Типик церкви св. Софии в Константинополе (IX в.) // Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете. Византийское отделение. 1. Одесса, 1892.
- Лебедев А. П.* История разделения Церквей в IX, X и XI веках. 2-е изд. СПб., 2001.
- Маркевич А. И.* Островок в Казачьей бухте, как предполагаемое место кончины св. Климента, папы римского // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 43. Симферополь, 1909.
- Мейендорф И.* Византийское богословие. Исторические направления и вероучение. М., 2001.
- Могаричев Ю. М.* О некоторых аспектах пребывания в Херсоне Иосифа Гимнографа // Охрана культурного наследия: проблемы и перспективы. Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2012.
- Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Саргсян Т. Э., Сорочан С. Б., Шапошников А. К.* Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического (Нартекс. Byzantina Ucrainensia. Т. 1). Харьков, 2012.

- Мурыянов М. Ф. Страницы гимнографии Киевской Руси // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян. М., 1991.
- Никольский К. Пособие к изучению устава богослужения Православной Церкви. СПб., 1907.
- Пелин А., протоиерей. Топография христианского Херсонеса IV–XIV века: Дис. ... канд. богословия / Московская Духовная академия. Сергиев Посад, 2001 (рукопись).
- Прокопий // Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 2. М., 1995.
- Романчук А. И. Западный загородный храм Херсонеса // Византийский временник. Т. 51. М., 1990.
- Романчук А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000.
- Седален // Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 3. М., 1995.
- Скабаланович М. М. Толковый Типикон. Киев, 1910.
- Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер., коммент. Б. Н. Флори. М., 1981.
- Скиния // Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 3. М., 1995.
- Словарь современного русского литературного языка. М.–Л., 1963.
- Слово на перенесение мощей преславного Климента // Лавров П. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности / Памятники христианского Херсонеса. Вып. 2. М., 1911.
- Слово на перенесение мощей Климента Римского / Пер. И. Калиганова // Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX–XVIII вв. М., 1990.
- Слово Феофана, пресвитера и игумена, об изгнании святого Никифора и о перенесении его молей // Творения св. отца нашего Никифора архиепископа Константинопольского. Минск, 2001.
- Сорочан С. Б. «Carceris habitateris»? Положение Херсона во второй половине IX в. // Боспорские исследования. Вып. 3. Симферополь, 2003.
- Сорочан С. Б. О византийском принципе перенесения сакрального пространства на примере херсонского храма Богоматери Влахернской // Древности 2009. Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып. 8. Харьков, 2009.
- Сорочан С. Б. Херсонский храм Св. Прокопия в агиографических и археологических источниках // Хазарский альманах. Т. 9. Киев–Харьков, 2010–2011.
- Сорочан С. Б. Византия. Парадигмы быта, сознания и культуры. Харьков, 2011.
- Сорочан С. Б. Ora Emporia в ранней Византии // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах. Т. 2. М., 2012.

- Сорочан С. Б. Византийский Херсон в письме Анастасия библиотекаря // Хазарский альманах. Т. 11. Киев-Харьков, 2012–2013.
- Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. 2. М., 2013(1).
- Сорочан С. Б. Святой Климент Римский: историческая действительность и легенды // Климентовский сборник. Материалы VI Международной конференции «Церковная археология: Херсонес – город святого Климента (Севастополь, 2011 г.) / Отв. ред. Т. Ю. Яшаева. Севастополь, 2013(2).
- Сорочан С. Б. Византийский Херсон в «Италийской легенде» // Хазарский альманах. Т. 14. М., 2016.
- Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000.
- Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Херсонес-Херсон-Корсунь. Киев, 2003.
- Спиридонов Д. С. Д-р И. Франко. Святій Климент у Корсуні. 1902–1905. Львов (Критико-библиографическая заметка) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 51. Симферополь, 1914.
- Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1. СПб., 1893.
- Стихирь // Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 3. М., 1995.
- Стржелецкий С. Ф. Очерки истории Гераклеяского полуострова и его округа в эпоху бронзы и раннего железа (середина III тыс. – V в. до н.э.). Дисс. ... канд. ист. наук. Севастополь, 1951 (рукопись) // Архив Национального заповедника «Херсонес Таврический». Д. № 1343.
- Тафт Р. Ф. Византийский церковный обряд / Пер. А. А. Чекаловой. СПб., 2000.
- Трифонов Ю. Две съчинения на Константина Философа (св. Кирила) за мощите на св. Климента Римски. София, 1933.
- Трифонов Ю. Две съчинения на Константина Философа (св. Кирила) за мощить на св. Климента Римски // Сборник в чест на проф. Л. Милетич. Списание на Българската академия на наукитъ. Кн. 48. София, 1934.
- Утренья // Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 2. М., 1992.
- Утренья // Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 3. М., 1995.
- Уханова Е. В. Обретение мощей св. Климента, папы римского, в контексте внешней и внутренней политики Византии середины IX в. // Византийский временник. Т. 59. М., 2000.
- Филарет (Гумилевский), архиепископ. Исторический обзор песнопевцев и песнопения Греческой Церкви. СПб., 1902.
- Филиппенко В. Ф. Миссионерская деятельность римского епископа Климента в Херсонесе и Инкермане // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988. Севастополь, 1988.

- Франко І. Святий Климент у Корсуні // Записки наукового товариства Щевченка. Т. 59. Кн. 3. Львів, 1904.
- Франко І. Святий Климент у Корсуні // Записки наукового товариства Щевченка. Т. 60. Кн. 5. Львів, 1904.
- Храневич К. И. Лития // Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 2. М., 1994.
- Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 3. М., 1995.
- Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р. Хр. М., 1908.
- Шульц Г. Й. Візантійська літургія. Свідчення віри та значення символів. Львів, 2002.
- Ягич И. В. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа, первоучителя славян, св. Кирилла // Записки имп. АН. СПб., 1893. Т. 72. Кн. 1. СПб., 1893. Приложение 6.
- Kazdan A. A. Time // The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 3. New York–Oxford, 1991.
- The Oxford Handbook of Byzantine Studies / Ed. E. Jeffreys, J. Haldon, R. Cormack. Oxford, 2008.
- Photeinakes S. O narthekas ton ekklesion tes mesabyzantines kai palaiologeias periodou. Leitourgike chrese kai eikonographiko programma. Athena, 1988.
- Taft R. Byzantine Liturgical Evidence in the Life of St. Marcian the Oeconomus: Concelebration and the Preanaphoral Rites // Orientalia Christiana Periodica. Т. 48. Roma, 1982.
- Taft R. F. The Precommunion Rites (A History of the Liturgy of St. John Chrysostom. Vol. 5). Roma, 2000.

С. Б. Сорочан

**Византийский Херсон
в Слове на перенесение мощей преславного Климента**

Резюме

Публикация содержит старословянский текст «Слова на перенесение мощей преславного Климента» по рукописи середины XV в. из собрания Московской Духовной академии. Анализ источника позволяет предполагать, что в его основе лежала греческая версия сочинения (рассказ, речь), составленная священнослужителем из ближайшего окружения Георгия, архиепископа Херсона. Этот автор, возможно, по имени Филипп, был одним из главных руководителей и участников экспедиции, предпринятой 30 января 861 г. из города на остров в Казачьей бухте. Он сообщил уни-

кальные подробности об открытии и перенесении мощей Климента Римского, отсутствующие в других источниках такого рода (Житии Константина Философа, письмо Анастасия библиотекаря, «Италийской легенде»). Комментарии к источнику позволяют уточнить ряд ценных агиографических свидетельств относительно процесса организации перенесения (*translatio*) мощей в Византии. Они же отражают положение византийского Херсона к концу хазарской эпохи в Крыму.

Ключевые слова: Херсон, Климент Римский, перенесение мощей, Житие Константина Философа, письмо Анастасия библиотекаря, «Италийская легенда».

S. B. Sorochan

**Byzantine Cherson
in “Slovo na perenesenje moshej preslavnogo Klimenta”**

Summary

The publication contains the Old Slav text of “The Slovo na perenesenje moshej preslavnogo Klimenta” from the mid-15th century manuscript from the collection of the Moscow Theological Academy. An analysis of the source shows that it was based on the Greek version of the work (solemn story, speech). It was compiled by a local clergyman from the closest associates of George, Archbishop of Cherson. This author was one of the main leaders and participants of the expedition, undertaken on January 30, 861 from the city to the island in the Cossack bay. He reported unique details about the discovery and transfer of the relics of Clement of Rome, which were absent in other sources (the Life of Constantine the Philosopher, the Letter of Anastasius the Librarian, the “Italian legend”). Comments to this source allow to specify a number of hagiographical testimonies regarding the organization of the process of transferring (*translatio*) relics in Byzantium. They also provide an opportunity to assess the situation of Byzantine Cherson by the end of the Khazar era in the Crimea.

Keywords: Cherson, Clement of Rome, transferring (*translatio*) relics, the Life of Constantine the Philosopher, the Letter of Anastasius the Librarian, the Italian legend.

А. А. Супренков, В. Е. Науменко, Л. Ю. Пономарёв

**ПОСЕЛЕНИЕ VIII–X вв.
ГОРА ЧИРКОВА 1 НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ
(краткий обзор по результатам раскопок 2015 г.)**

За последние десятилетия на археологическую карту Таманского полуострова были нанесены десятки поселений «хазарского» времени. Большая часть из них открыта Я. М. Паромовым, по итогам разведочных работ которого (1981–1985 гг.) из 120 обнаруженных средневековых поселений 64 были отнесены к VIII–X вв.¹ [Паромов, 1986, с. 72–75; Паромов, 1989, с. 76–78; Паромов, 2003, с. 161–167, рис. 9; Плетнёва, 2003(1), с. 94].

К сожалению, за редким исключением памятники VIII–X вв. на Таманском полуострове целенаправленно не исследовались и лишь немногие из них были раскопаны широкими площадями. До недавнего времени к таковым можно было отнести лишь такие крупные городские центры, как Фанагория и Таматарха [Блаватский, 1941(1), с. 220; Блаватский, 1941(2), с. 28; Кобылина, 1951, с. 235–236; Кобылина, 1956, с. 96; Кобылина, 1963, с. 97–99, рис. 37, II; Долгоруков, 1975, с. 56–59, рис. 3; Атавин, 1988, с. 22; Атавин, 2009, с. 79–96; Чхаидзе, 2005, с. 443–464; Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 393–429; Горлов, Шувалов, 2013, с. 145–146; Голофаст, Ольховский, 2013, с. 55–78; Чхаидзе, 2012б; Абрамзон, Остапенко, 2016, с. 267, рис. 1; 2; 4; Фанагория..., 2015, с. 44, 49;

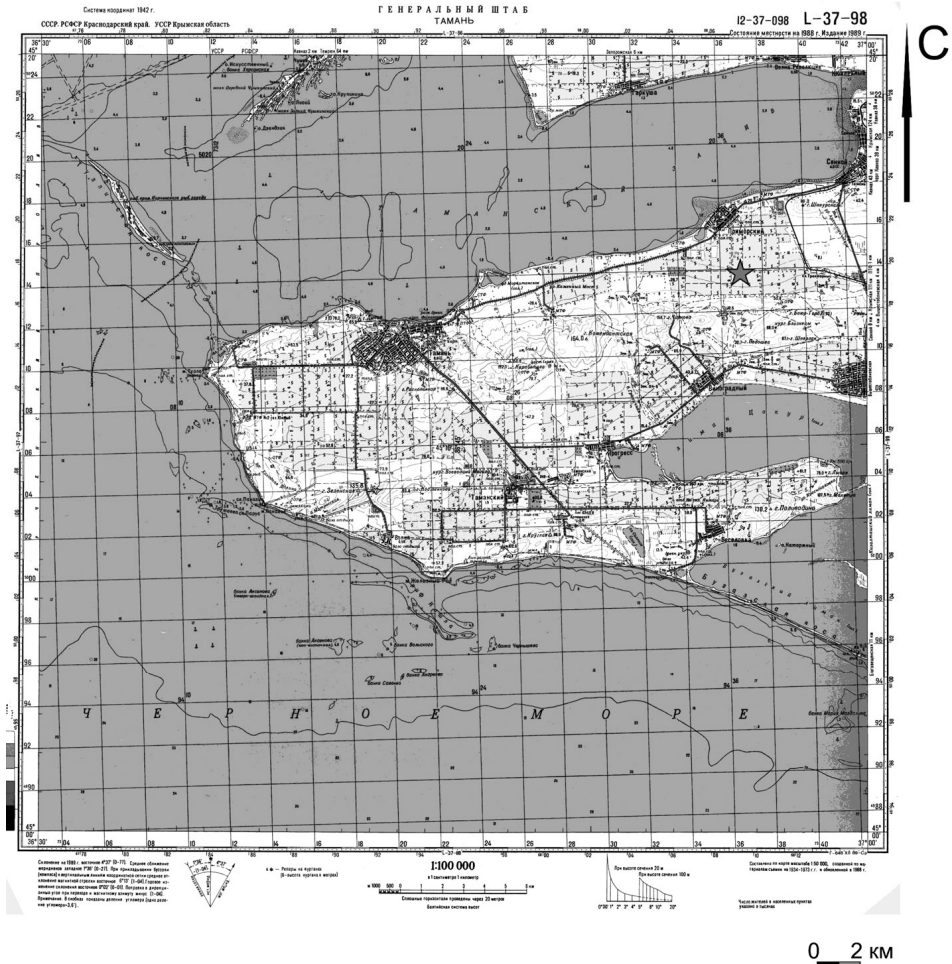
¹ Хронологические рамки, в пределах которых могли существовать эти поселения, оговариваются в публикациях С. А. Плетнёвой, В. Н. Чхаидзе и В. В. Майко [Плетнёва, 1997, с. 38–51; Майко, 2009, с. 231–234; Чхаидзе, 2012(1), с. 14–19].

Кузнецов, 2016, с. 308–319; Ляпушкин, 1941, с. 191–246; Плетнёва, 1963, с. 5–72; Плетнёва, 2003(1), с. 95–97; Чхаидзе, 2008; Чхаидзе, 2009, с. 295–297; Ильина, Чхаидзе, 2013, с. 154–156; Сударев, Майко, 2015, с. 364–367; Плетнёва, 1981(1), с. 67–68; Плетнёва, 1981(2), с. 15–16, рис. 6; Плетнёва, 1999, с. 139–148; Плетнёва, 2003(2), с. 173–174; Плетнёва, 2003(3), с. 179–183].

Помимо них, горизонты и подводные комплексы «хазарского» времени были исследованы на городищах Кепы и Патрей [Сокольский, 1963(1), с. 110–111, рис. 7, 4; Сокольский, 1965, с. 108, 111–112; Николаева, 1967, с. 100; Чхаидзе, 2006, с. 487–517; Стручалина, 1972, с. 52–55; Чхаидзе, Таскаев, Толстыкин, 2007, с. 34–35; Толстыкин, 2014, с. 64–65; Башкиров, 1949, с. 33–176; Башкиров, 1957, с. 311–383], на Ильичевском городище [Сокольский, 1966, с. 139–140; Николаева, 1981, с. 88, 92], поселении Батарейка I [Сокольский, 1963(2), с. 189–190, рис. 8, 4], Западно-Цукурском поселении [Шелов, 1955, с. 99, рис. 39, 1–2], поселении Веселовка 2 [Горлов, Чхаидзе, 2008, с. 187–195], поселении Вышестеблиевская 11 [Кашаев, 2008(1), с. 58–61; Кашаев, 2008(2), с. 299; Кашаев, 2009, с. 25; Kashaev, 2005, р. 313], поселении у пос. Соленое [Зиливинская, 2016, с. 16] и на некоторых других поселениях, материалы раскопок которых еще не публиковались. С 1998 г. масштабные работы проводятся на поселении Артющенко I (Бугазское), где удалось исследовать 8 полуземлянок, наземную постройку с каменными основаниями стен, сложенными в «елочку», а также несколько хозяйственных ям [Виноградов, 2002, с. 73–81; Виноградов, 2013, с. 239].

В последние годы большие по объему раскопки были проведены на поселении Гора Чиркова 1, расположенном в юго-западной части Таманского полуострова в 3,6 км к северо-востоку от п. Виноградный (северный берег Цокурского лимана) и 3,2 км к югу от п. Приморский (южный берег Таманского залива) (рис. 1).

Ранее памятник был включен в состав другого, более крупного поселения, которому в 1984 г. Я. М. Паромов присвоил название Виноградный 7. На основании данных аэрофотосъемки и границ распространения подъемного материала он установил его площадь в пределах 31 га (1,1×0,4 км) и датировал VI–I вв. до н. э. и X–XIII вв. н. э. [Паромов, 1989, с. 77, пункт 59; Паромов, 1992, с. 144].

★ Гора Чиркова 1

Рис. 1.

Топографическая карта Таманского полуострова с обозначением местоположения поселения Гора Чиркова 1.

В 2001 г. на северо-западной окраине поселения отрядом Краснодарской археологической экспедиции Кубанского государственного университета под руководством Н. Ю. Лимберис были заложены два раскопа площадью 256 кв. м. В пределах исследованного участка были зафиксированы два слоя. Нижний слой мощностью

0,2–0,5 м относился к античному времени, немногочисленные находки из него датировались VI–III вв. до н. э. Верхний, более мощный, слой был отнесен к VIII–IX вв. Среди обнаруженной в нем керамики преобладали причерноморские бороздчатые амфоры и салтово-маяцкая столовая и кухонная посуда. Этим же периодом датировались 4 хозяйственные ямы. К числу наиболее поздних находок были отнесены немногочисленные фрагменты тарной керамики, атрибутированные «грушевидным» амфорам с воротничковым венчиком, датирующимся второй половиной X – XI в. [*Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 68–70, класс 43*].

В 2002 г. работы под руководством В. В. Бочкового продолжились к югу и востоку от раскопов, заложенных в 2001 г. На участке площадью 624 кв. м им были открыты остатки трех каменных построек, 7 хозяйственных ям и часть ровика, который, по мнению исследователя, мог окружать жилую часть поселения VIII–IX вв. Этим же временем датировалась и большая часть обнаруженной керамики, включая три целые причерноморские амфоры.

В 2004 г. на участке площадью 580 кв. м И. И. Марченко были выявлены остатки еще трех каменных построек и три хозяйственных ямы. В 2005 г. на участке площадью 580 кв. м В. Ю. Кононов раскопал четыре хозяйственных ямы и открыл новый участок ровика, окружавший поселение. Одновременно к северо-западу от поселения (к югу от пересекающей его железной дороги) им исследовались шесть естественных возвышений. В их пределах было обнаружено 89 погребений и 25 других объектов, большая часть которых относилась ко времени функционирования раннесредневекового поселения.

В 2006 г. раскопки грунтового могильника продолжил В. В. Бочковой, исследовавший еще пять всхолмлений, в которых были открыты 14 погребений и 5 других объектов. Более половины из них датировались VIII–X вв. [*Марченко, Бочковой, Кононов, 2007, с. 151–271; Абрамова, 2015(1), с. 81–88; Абрамова, 2015(2), с. 25–30*]. В отчете о проведенных работах автор впервые обозначил южную границу «средневекового поселения», в пределы которого включил участки, где в 2001–2005 гг. проводились охранные раскопки. Таким образом, это поселение стало рассматриваться как отдельный памятник, хотя его границы и границы поселения Виноградное 7 пролегали практически вплотную друг к другу.

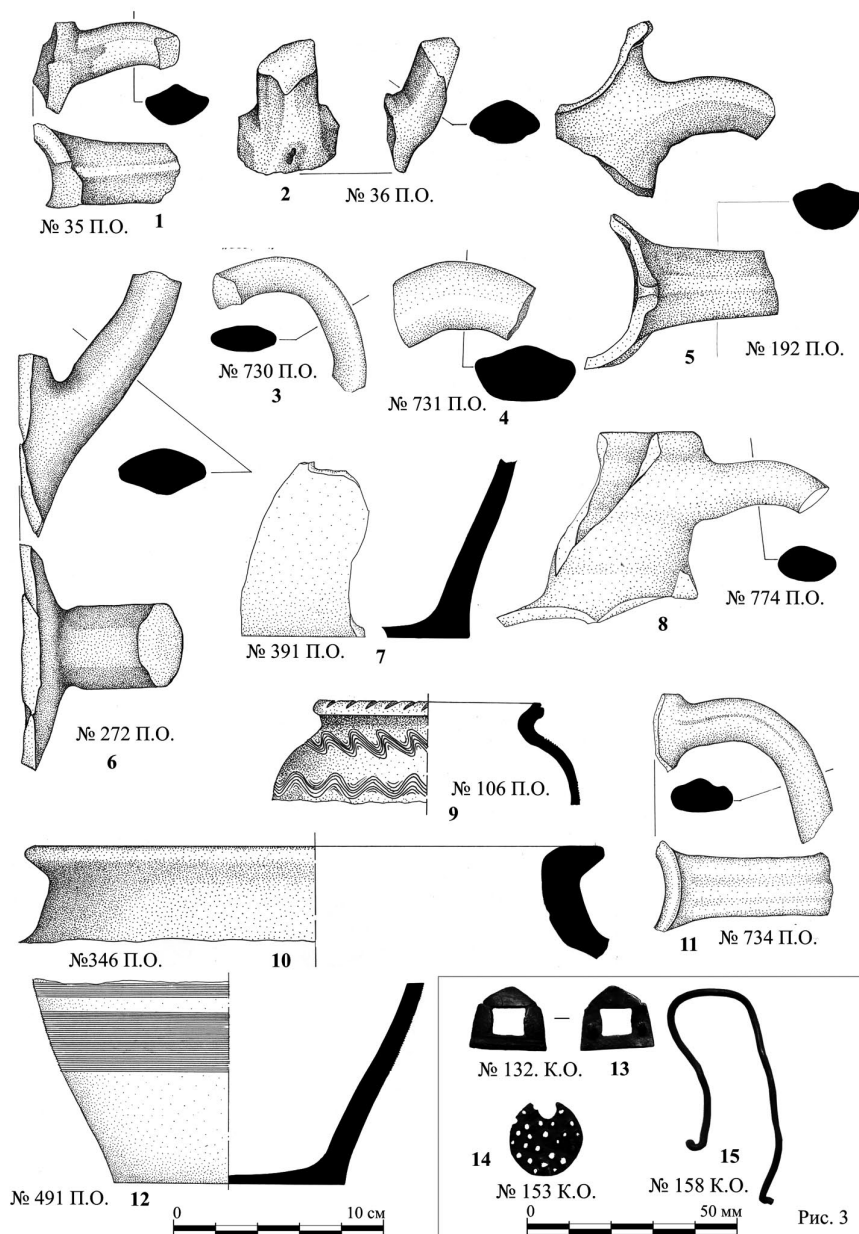

Рис. 3.
Подъемный материал.

В 2011 г. по результатам разведок С. А. Буравлёва (Восточно-Боспорская археологическая экспедиция ИА РАН под руководством Н. И. Сударева) оно было окончательно разделено на два памятника. Соответственно восточной его части площадью 38 га было оставлено прежнее наименование – поселение Виноградный 7, а северо-западную часть площадью 17,72 га (0,60×0,38 км), в пределах которой в 2001–2005 гг. были исследованы жилые и хозяйственные комплексы VIII–X вв., исследователь выделил в самостоятельное поселение Гора Чиркова² [Сударев, Кашаев, 2016, с. 471–473; Супренков, 2016, с. 481–484].

В процессе охранных работ, проведенных на поселении в 2015 г. Керченско-Таманской экспедицией под руководством А. А. Супренкова, в северной его части был заложен раскоп, общая площадь которого составила 25 000 кв. м (320×65 м) (рис. 2).

Перед началом раскопок на обследуемом участке был собран подъемный материал, среди которого преобладала керамика VIII–X вв., представленная обломками причерноморских амфор (рис. 3: 1–6, 8, 11), высокогорлых кувшинов с плоской ручкой (рис. 3: 7), ойнохой скалистинского типа и салтово-маяцких горшков, часть которых орнаментирована волнообразным и горизонтальным рифлением (рис. 3: 9, 10, 12).

Индивидуальные находки представлены фрагментами железного крюка с кольцом и неопределенного железного изделия, наконечником ремня (или ременной накладкой) из медного сплава трапезиевидной формы с треугольным навершием и квадратным отверстием (рис. 3: 13), «П»-образной медной проволокой с загнутыми концами (рис. 3: 15) и обломком медной подвески или туалетной ложечки(?) с пробитыми в нем отверстиями (рис. 3: 14) (ср.: [Плетнёва, 1989, с. 100, 105, рис. 55]).

В процессе дальнейших исследований в пределах раскопа были вскрыты культурные напластования, мощность которых варьировалась в пределах 1–2 м. Сверху по всей площади залегал расплывчатый гумусированный суглинок темно-серого оттенка. Его мощность в северной и центральной части раскопа составляла 0,3–0,5 м, а в южной части, где он был перемешан с техногенным слоем железнодородной насыпи, достигала 0,8 м. Ниже гумусирован-

² Гора Чиркова высотой 158,7 м (координаты 45°13'7"N 36°52'18"E) расположена примерно в 3,5 км к юго-западу от поселения. Прежние ее названия: г. Ассодаг, г. Кирпина, г. Васюринская [Гёри, 1870, с. 254].

ного суглинка залегал плотный суглинок серо-коричневого оттенка, мощность которого в северной части раскопа варьировалась в пределах 0,5–0,6 м, а в южной части – в пределах 0,3–0,5 м. Материковый грунт по всей площади раскопа представлен плотным желто-коричневым суглинком, содержащим большое количество мелких известковых частиц³.

В целом же поселение следует рассматривать как однослойный памятник, поскольку выделенный в пределах его исследованного участка верхний слой гумусированного суглинка сформировался в результате многолетней распашки и, по сути, представлял собой переотложенный и перемешанный с дерном антропогенный пласт нижележащего плотного суглинка серо-коричневого оттенка. Такую модель стратиграфической реконструкции памятника подтверждает и археологический материал, совершенно идентичный для обоих слоев. За исключением немногочисленных находок античного времени, он был представлен преимущественно керамикой, датированной в пределах VIII–X вв. К этому же периоду относится и большинство других находок, среди которых преобладали аксессуары одежды, украшения, предметы быта и орудия труда, изготовленные из железа, медных сплавов, стекла, камня и кости.

В зависимости от функционального назначения, обнаруженная в слоях керамика VIII–X вв. была разделена на тарную, столовую, кухонную и изделия специального назначения.

Среди тарных сосудов абсолютное большинство составляют обломки причерноморских амфор. 3 редким исключением все они относятся к желобчатым (бороздчатым) амфорам с невысоким горлом (высотой 6–7 см) и округлым венчиком, датирующимся второй половиной VIII – X в. (рис. 4: 1–3, 5–7) [Науменко, 2009(1), с. 43–47, тип II]. На памятниках VIII–X вв. Таманского полуострова они составляют одну из наиболее многочисленных категорий находок [Кобылина, 1978, с. 32–34, рис. 2: 2, 3; Таскаев, Чхаидзе, 2007, с. 403–404, рис. 1: 1, 2; Чхаидзе, 2005, с. 446–450, рис. 4–8; Чхаидзе, 2006, рис. 10: 1; Чхаидзе, 2008, с. 144–153; Чхаидзе, 2012, с. 147–156; Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 412, 414, рис. 28–33; Голофаст, Ольховский, 2013, с. 65–73, рис. 5; 7; Стручалина, 1972, с. 54].

³ При его зачистке из кротовин извлечены две находки, относящиеся к античному периоду: неопределенная медная монета; серебряная, плакированная золотом, фигурная накладка с рельефным изображением двух животных – хищника и терзаемой им жертвы.

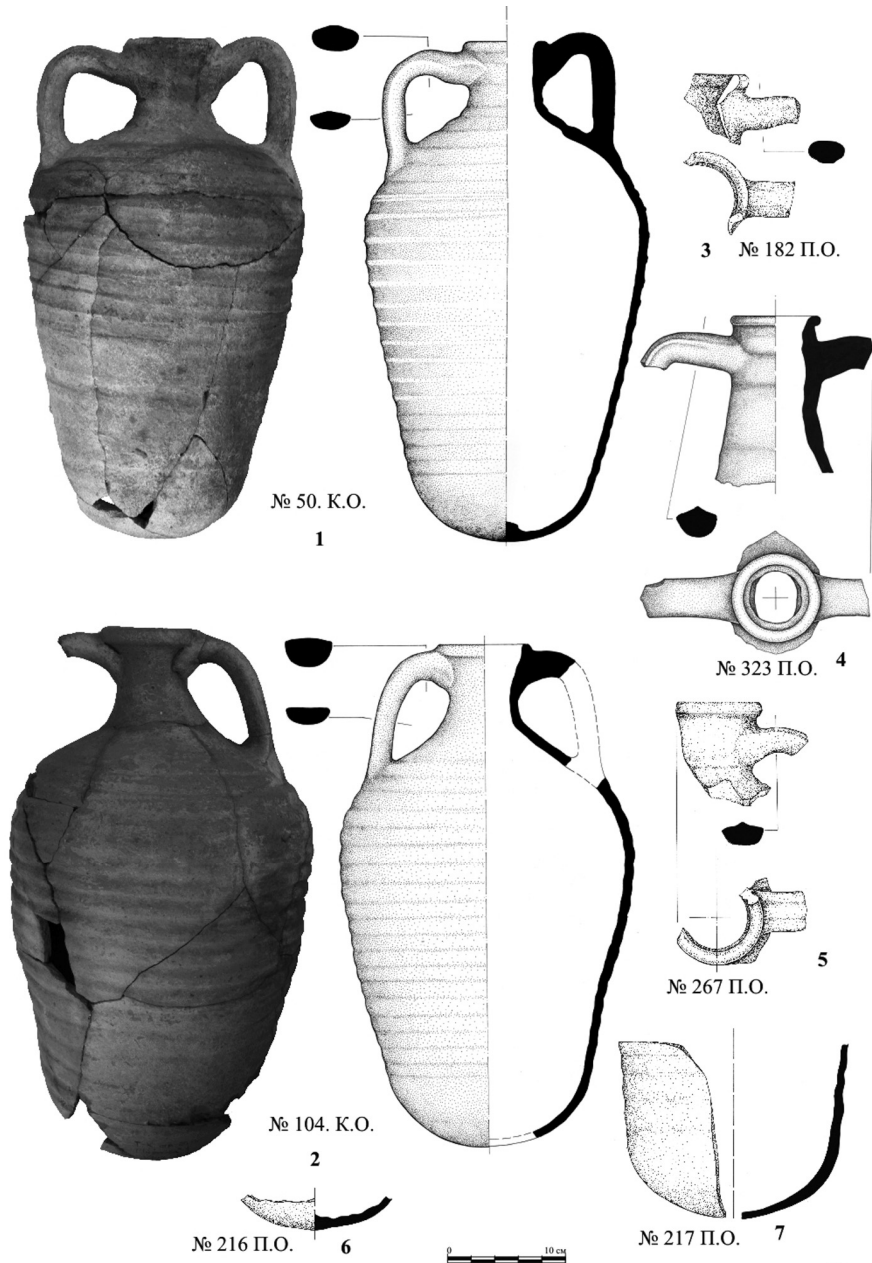

Рис. 4

Рис. 4.
Находки из культурного слоя.

Несколько профильных фрагментов принадлежат крупным слабожелобчатым причерноморским амфорам с высоким коническим горлом и отогнутым валикообразным венчиком (рис. 4: 4). Датируются они, как и причерноморские бороздчатые амфоры, второй половиной VIII – X в., но верхняя граница бытования пока остается дискуссионной [Науменко, 2009(1), с. 47–48, тип III].

Часть обломков стенок атрибутируются причерноморским амфорам с яйцевидным гладким корпусом, украшенным в верхней части мелким зональным рифлением, нанесенным многозубчатым штампом. Наиболее вероятная дата их появления – вторая половина VIII в., но основной период бытования приходится на IX–X вв. [Науменко, 2009(1), с. 39–43, тип I]. На Таманском полуострове, как и в сопредельных с ним регионах, они встречаются гораздо реже, чем причерноморские бороздчатые амфоры [Чхаидзе, 2005, с. 444–446, рис. 1–3; Голофаст, Ольховский, 2013, с. 60–65, рис. 3; 4, 3–5; Таскаев, Чхаидзе, 2007, с. 405–406, рис. 1, 3–9; Чхаидзе, 2012, с. 157–161; Анфимов, 1953, с. 151–154, рис. 52; Зинько, Пономарёв, 1999, с. 193–196; Науменко, 2009(1), с. 42; Лавриненко, 1990, с. 169, рис. 61, 3; Тарабанов, 1993, с. 120–121, рис. 9, д, е], а на Таманском городище они не обнаружены вовсе [Чхаидзе, 2005, с. 446; Чхаидзе, 2008, с. 153].

Помимо амфор, транспортная тара представлена немногочисленными обломками высокогорлых кувшинов с плоской ручкой (рис. 5: 1, 2). На ручке одного из них, нанесены характерные для этого типа сосудов овальные («семечковидные») вдавления [Бгажба, 1977, с. 15, табл. XIII, 1–5, 7; Зинько, Пономарёв, 2009, рис. 114; 158; 159]. Датируются они не ранее второй половины (третьей четверти или конца) IX в. [Науменко, 2009(2), с. 54–57]. На Таманском полуострове высокогорлые кувшины найдены преимущественно при раскопках Фанагории и Таматархи [Кобылина, 1978, рис. 2, 4; Чхаидзе, 2008, с. 161–173; Кузнецова, Голофаст, 2010, рис. 31, 1; Чхаидзе, 2012(2), с. 162–166].

К числу тарных сосудов относятся также двуручные фляги, изготовлявшиеся на Южном берегу Крыма в VIII – первой половине X в. (рис. 5: 7) [Науменко, 2009(3), с. 58–60]. На Таманском полуострове их находки зафиксированы при раскопках Таматархи и Фанагории [Чхаидзе, 2008, с. 205–206, рис. 119: 1, 2; Атавин, 1988, с. 22].

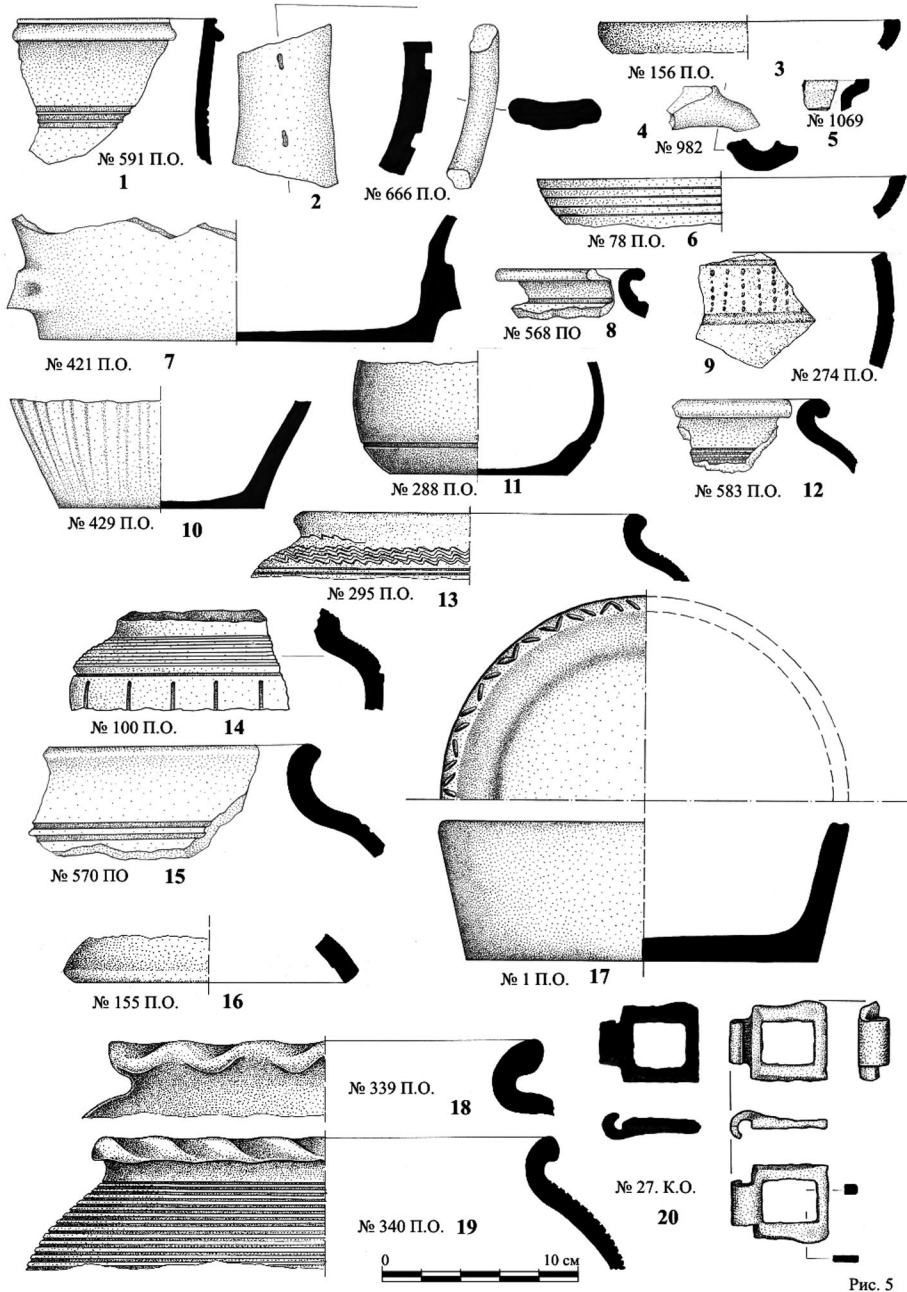

Рис. 5

Рис. 5.
Находки из культурного слоя.

Столовая посуда, произведенная в гончарных центрах Крыма, представлена в основном кувшинами (ойнохоями) скалистинского типа, которые в VIII–X вв. получили широкое распространение в Крыму и за его пределами, в том числе и на Таманском полуострове (рис. 5: 4, 5) [Науменко, 2009(4), с. 60–63; Сорокина, 1969, рис. 1, 7; Долгоруков, 1975, с. 57, рис. 1, 2; Кобылина, 1978, с. 32, рис. 2: 1; Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 416, 418, рис. 33: 1, 2; Чхаидзе, 2011, с. 124–125, рис. 10: 1; Чхаидзе, 2012(2), с. 173–174].

К этой же группе относятся немногочисленные фрагменты красноглиняных мисок, структура формовочной массы которых позволяет с уверенностью отнести их к продукции крымских гончарных центров VIII–X вв. [Науменко, 2009(4), с. 64]. Одна из них была украшена горизонтальными врезными линиями, аналогий ей найти не удалось (рис. 5: 6). Вторая – неорнаментированная миска, по размеру и форме венчика идентичная миске, найденной в одной из хозяйственных ям на городище Тиритака (рис. 5: 3) [Науменко, 2009(4), с. 64, рис. 81: 5].

Остальная столовая керамика представлена, преимущественно, фрагментами салтово-маяцких сероглиняных кувшинов и кубышек(?), украшенных вертикальными полосами лощения, горизонтальными и вертикальными желобками (рис. 5: 10, 11, 14). Один из неатрибутированных лощеных сосудов изготовлен из глины, приобретшей после обжига оранжевый оттенок, и орнаментирован двумя горизонтальными желобками и вдавлениями, нанесенными многозубчатым штампом (рис. 5: 9). Такая посуда, причем самых разнообразных форм, получила широкое распространение на памятниках всего ареала салтово-маяцкой культуры, в том числе и на Таманском полуострове [Флёров, 1981, с. 170–181; Шелов, 1955, с. 99, рис. 39: 1; Сокольский, 1963(1), с. 189–190, рис. 8: 4; Атавин, 1992, с. 174; Сударев, 1994, с. 115; Чхаидзе, 2006, рис. 10: 8–13; Чхаидзе, 2008, с. 194–199; Чхаидзе, 2012(2), с. 174–186; Виноградов, 2002, с. 76–80; Сударев, Майко, 2015, с. 365, рис. 4: 2; Майко, 2013, с. 267–268]. К сожалению, как и вся остальная салтово-маяцкая керамика, она не имеет узких рамок бытования и датируется VIII–X вв. [Плетнёва, 1967, с. 114–115; Флёров, 1983, с. 103–108; Сазанов, 1998, с. 57].

Нелощеная салтово-маяцкая столовая посуда представлена оранжевоглиняной миской диаметром 21 см, изготовленной на руч-

ном гончарном круге из формовочной массы с примесью дробленых ракушек и кварцевого песка, поверхность которой после обжига приняла оранжевый оттенок. Ее край профилирован по верхней плоскости желобком и украшен «семечкообразными» вдавлениями, нанесенными под углом друг к другу (рис. 5: 17). Такие же по форме конические миски найдены в слоях VIII–X вв. Таматархи и на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова, но они отличались оттенком формовочной массы, размерами и профилировкой края, который к тому же украшался не только «семечковидными» вдавлениями, но и оттисками многозубчатого штампа [Плетнёва, 1963, рис. 26: 5; Пономарёв, 2003, рис. 8, 9; Зинько, Пономарёв, 2009, с. 67, рис. 197: 1].

Среди кухонной салтово-маяцкой керамики преобладали горшки (рис. 5: 8, 12, 13, 15). Обычно их относят к кухонной посуде, однако, судя по тому, что на некоторых из них отсутствуют следы печного нагара и копоти, использовались они не только для приготовления пищи, но и для хранения продуктов и подачи пищи на стол. Все горшки изготовлены на ручном гончарном круге, но на различных этапах развития его функций [Бобринский, 1978, с. 27]. Среди характерных для них технологических приемов следует отметить разнообразие отощителей, использованных при замесе формовочной массы. В качестве непластичных добавок, призванных уменьшить чувствительность глины к сушке и обжигу, использовали толченые раковины морских моллюсков, мелкий и крупный кварцевый песок, известняк и другие карбонатные породы, железистые минералы и шамот. Большинство горшков обожжено в окислительно-восстановительной среде, в результате чего их поверхность приобрела темно-красный (бордовый), серый и темно-коричневый оттенки. Гораздо реже встречаются сосуды, обожженные в окислительной среде, благодаря чему их поверхность приобрела кирпично-красный или светло-коричневый оттенки. К сожалению, классифицировать горшки по всей совокупности морфологических признаков, включая соотношение высот и диаметров, не представляется возможным, поскольку за редким исключением все они найдены в виде небольших обломков. Тем не менее есть все основания утверждать, что среди них преобладали шаровидные горшки и невысокие горшки яйцевидной формы. В большинстве своем они имели высокое или низкое раструбовидное горло. У некоторых

горшков плечики сразу же переходят в венчик. И те, и другие демонстрируют большое разнообразие форм венчика – от массивных, сильно загнутых или оттянутых наружу (по горизонтальной плоскости или к низу), округлых или подтреугольных в сечении до плоско-срезанных, заостренных, «клювовидных», слегка закругленных или с утолщением по внешнему и внутреннему краю. Тулово некоторых из них украшено сплошным или зональным горизонтальным, волнистым или горизонтально-волнистым рифлением, а венчики иногда декорированы вдавлениями и наколками, нанесенными простыми (незубчатыми) орнаментами и многозубчатыми штампами.

Таким образом, по своим основным морфологическим показателям, включая большое разнообразие формы венчиков, горшки с поселения Гора Чиркова 1 практически ничем не отличаются от горшков, обнаруженных на салтово-маяцких поселениях и городищах Юго-Восточного Крыма, Керченского и Таманского полуострова, Приазовья, Нижнего и Среднего Подонья и Правобережья Кубани [Майко, 2000, рис. 8–10; Майко, 2012, с. 79–93; Плетнёва, 1963, с. 20–22, рис. 11, 12; Плетнёва, 1967, с. 106–108; Пономарёв, 2014(1), с. 239–276; Тарабанов, 1993, рис. 2].

Некоторые из горшков с внутренней стороны имели небольшую полочку для установки конических крышек с выступом-ручкой. К сожалению, как и на других салтово-маяцких памятниках [Колода, 2001, с. 225, рис. 6, 9; Кравченко, Давыденко, 2001, рис. 19: 3, 4; Кравченко, 2004, с. 266, рис. 13: 3, 4; Майко, 2000, с. 109; Майко, 2004, с. 198; Пономарёв, Пономарёва, 2010, с. 461–462, рис. 3, 7, 8; Пономарёв, 2014(1), рис. 10: 5–8], на поселении Гора Чиркова 1 они представлены единичными фрагментами, включая обломок крышки диаметром 14 см, который был найден в слое гумусированного суглинка темно-серого оттенка (рис. 5: 16).

Кроме того, на поселении в небольшом количестве были найдены толстостенные пифосообразные горшки яйцевидной формы с массивным отогнутым наружу округлым венчиком, украшенным пальцевыми защипами или деформированным в виде «перевитого жгута» (рис. 5: 18, 19). Использовались они для приготовления пищи и хранения жидких и сыпучих продуктов. Как и кухонные горшки, они встречаются в пределах всего ареала салтово-маяцкой культуры, в том числе на городищах, поселениях и гончарно-ремеслен-

ных центрах бассейна Северского Донца и Дона, Северного Приазовья и Крыма (см.: [Зинько, Пономарёв, 2009, с. 67; Пономарёв, 2014(1), рис. 1: 1, 2]). Обнаружены они и на поселениях VIII–X вв. Таманского полуострова, Правобережной Кубани, степного Предкавказья и Северного Кавказа, причем И. И. Ляпушкин выделил их в один из основных типов керамики, характерных для «хазарского» периода Таманского городища [Ляпушкин, 1941, с. 207–208, табл. III, 1; Плетнёва, 1963, с. 59, рис. 36: 1–5; Сударев, Майко, 2015, с. 366, рис. 4, 6; Кузнецов, Голофаст, 2010, рис. 33: 4; Тарабанов, 1993, с. 121, рис. 6: а–г; Тарабанов, 1997, рис. 2, 5, 8, 11; Гадло, 1975, с. 65; Биджиев, 1979, с. 45, рис. 10; Биджиев, Гадло, 1979, рис. 13: 3; Биджиев, Соголайнен, 1982, с. 114, рис. 1; Биджиев, 1989, с. 40, рис. 33].

Помимо фрагментированной керамики, в культурном слое были обнаружены и другие, обычные для салтово-маяцких поселений находки, в том числе аксессуары одежды, украшения, орудия труда и разнообразные предметы быта.

Изделия из медных сплавов представлены серьгой из плоской проволоки, двумя ременными накладками и неопределёнными изделиями, в том числе предметом сферической формы. Отметим также фрагмент неопределённого свинцового изделия.

Гораздо более многочисленны изделия из железа, среди которых можно упомянуть пряжку с прямоугольным щитком (рис. 5: 20), иглы и шилья, гвозди, прямоугольную накладку с отверстиями по углам, фрагмент крюка, фрагмент ножа с ободком-обоймой (перекрестием) на месте перехода клинка к черешку [Михеев, Степанька, Фомін, 1973, с. 92–93, рис. 3, тип 4, группа А; Богаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 128–130, тип IV, рис. 31: 9; Колода, 2011, рис. 3: 1, 2; Зинько, Пономарёв, 2009, с. 74, рис. 198: 2], наконечники стрел и наконечник копья с коротким треугольным пером и длинной замкнутой втулкой с боковыми упорами.

Остальные находки представлены двумя пирамидальными ткацкими грузилами, «крышкой» размерами 3,5×3,0 см, изготовленной из стенки сероглиняного лощеного сосуда с волнообразным орнаментом⁴, керамической бусиной, украшенной рельефным орнамен-

⁴ Такие изделия иногда атрибутируют как «фишки» для игры или «фишки», но без акцента на функцию изделия [Высотская, 1995, с. 49; Стадник О. В., Стадник А. И., 2009, с. 82; Нидзельницкая, Кулаков, 2013, с. 42; Кравченко, Давыденко, 2001, с. 247, рис. 13: 7–11].

том, фрагментом оплавленной стеклянной бусины, нижней плитой и обломками верхних плит ротационных известняковых жерновов, костями животных и фрагментами печины.

В ходе археологических работ в западной и центральной части раскопа были исследованы пять разновременных грунтовых погребений (четыре из них эпохи бронзы) и 97 других объектов, представлявших собой различные по форме и размеру ямы и котлованы. Судя по той глубине, на которую они сохранились, практически все ямы были впущены с уровня гумусированного суглинка темно-серого оттенка, который на протяжении многих лет подвергался распашке. В восточной части раскопа площадью более 877 кв. м. никаких археологических объектов выявлено не было. Иными словами, можно допустить, что примерно где-то здесь и пролегал восточная граница поселения.

Что же касается ям и котлованов, в их размещении не прослеживалось четкой и организованной структуры, но при этом, случайно или нет, они сформировали четыре компактные группы, располагавшиеся на расстоянии от 23 до 50 м друг от друга.

Группа 1, состоящая из 11 ям (№ 33, 34, 35, 36, 37, 38, 87, 88, 89, 90, 91) зафиксирована в северо-западном углу раскопа и занимает площадь размерами 35×35 м. В 27 м к востоку от нее расположена наиболее многочисленная группа 2, в которую включена 41 яма (№ 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 60, 61, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 71, 72, 85, 86), охватывавшая площадь размерами 40×35 м. В 23 м к востоку от нее выделена группа 3, состоящая из 13 ям (№ 1, 2, 3, 32, 80, 81, 82, 83, 84, 79, 93, 94, 95), которые были вытянуты в направлении ЮЗ–СВ. Занимаемая ими площадь составляет 78×13 м. И, наконец, группа 4, состоявшая из 32 ям (№ 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 62, 70, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 96, 97, 98), занимала площадь размерами 60×70 м и находилась в 50 м к востоку от группы 3.

Таким образом, в отличие от участков, исследованных в 2002 и 2004 гг., где были раскопаны остатки каменных фундаментов шести наземных построек, ни одного жилого комплекса в этой части поселения обнаружить не удалось. Здесь размещались исключительно объекты хозяйственного назначения. Что же касается их функционального назначения, установить его очень сложно, тем более, за редким исключением, все они были частично разрушены

плантажным плугом, а некоторые ямы оплыли и утратили свою первоначальную форму. Тем не менее, за исключением аморфных в плане естественных углублений, большую часть из них можно интерпретировать как хозяйственные ямы, которые использовались для хранения урожая зерновых культур. В зависимости от формы придонной части их можно разделить на пять типов.

Тип 1. Округлые и овальные в плане ямы с вертикальными или слегка сужающимися ко дну стенками.

Тип 2. Округлые и овальные в плане ямы с расширяющимися ко дну стенками, за счет чего в разрезе они имеют трапециевидную или колоколовидную форму.

Тип 3. Округлые в плане ямы с вертикальными стенками в верхней части и «подбоями» в придонной части, придающими им на этом уровне трапециевидную или колоколовидную форму.

Тип 4. Округлые в плане ямы, противоположные борта которых в придонной части сужаются и расширяются по направлению ко дну.

Тип 5. Округлые в плане ямы с вертикальными и расширяющимися ко дну противоположными стенками в придонной части (ср.: [Зинько, Пономарёв, 2009, рис. 68: 1; Нидзельницкая, Кулаков, 2013, рис. 9: 1; 10: 2]).

При этом, как и на многих других салтово-маяцких поселениях, преобладали ямы типов 1–3 [Нидзельницкая, Кулаков, 2013, с. 15, рис. 5–10; Майко, Зубарев, Ярцев, 2016, с. 100–104, рис. 1–4; Зинько, Пономарёв, 2009, рис. 48, 63, 68, 75, 77, 78; Апареева, Красильников, 2011, с. 190; Стадник О. В., Стадник А. И., 2009, рис. 3].

На последнем этапе функционирования хозяйственных ям, судя по характеру заполнявшего их грунта, а также обилию фрагментированной керамики и других находок, многие из них были превращены в обычные свалки бытового мусора и золы. В заполнении таких ям найдены многочисленные фрагменты керамики (причерноморских амфор, высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, ойнохой скалистинского типа, салтово-маяцкой лощеной и нелощеной посуды), обломки стеклянной посуды (рюмок и бокалов оливково-зеленого и изумрудно-зеленого оттенков типа II и вариантов 1–1; 2–1 по классификации Е. В. Веймарна и А. И. Айбабина) [Веймарн, Айбабин, 1993, с. 194–195], хозяйственно-бытовые изделия, орудия труда, кости животных, бесформенные куски печины и частицы древесного угля.

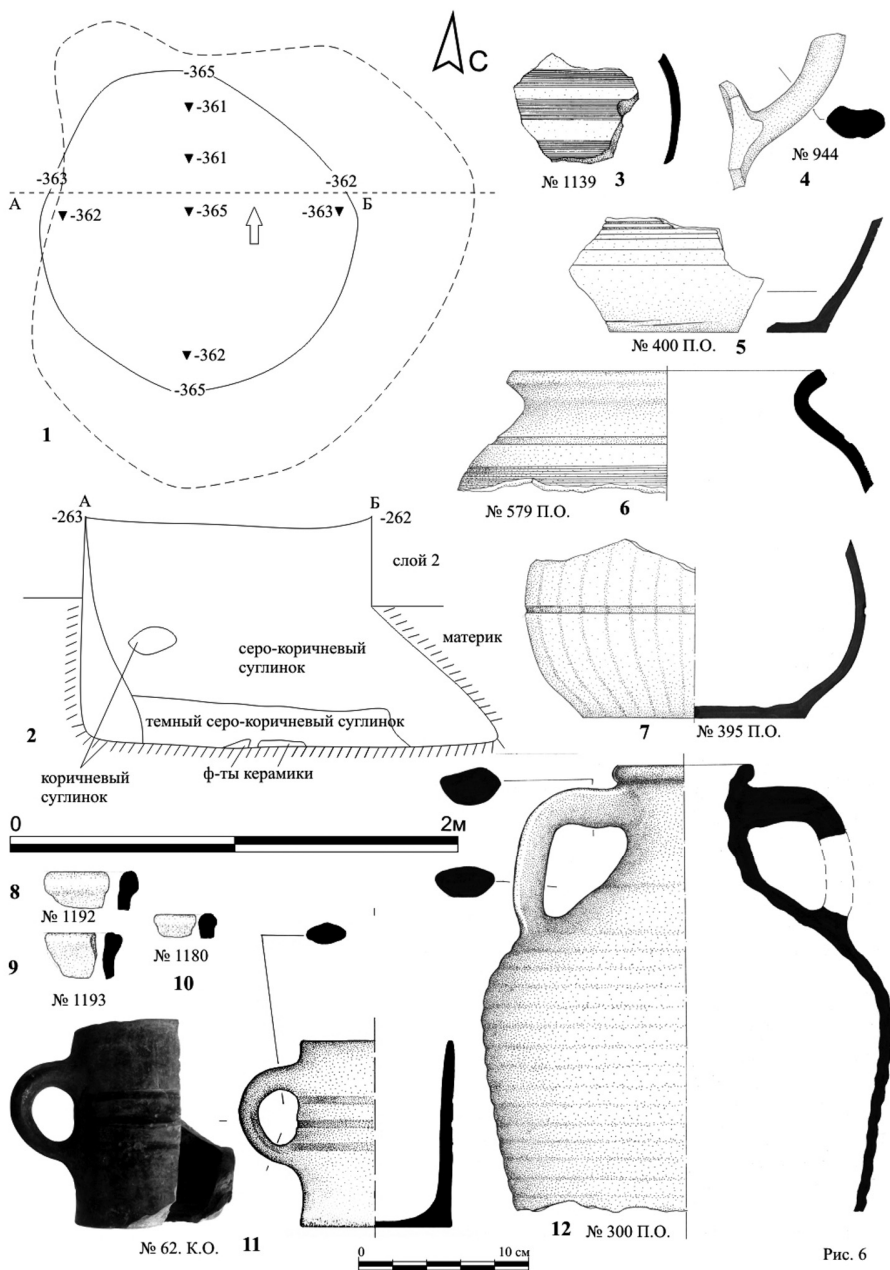

Рис. 6.

Яма 56. План, разрез и находки из заполнения.

Подробно все ямы будут рассмотрены позднее в отдельных публикациях, а в данной статье в качестве примера приведем подробное описание лишь одной из них – ямы 56. В плане она имеет округлую форму, в разрезе – трапецевидную. Диаметр ямы на верхнем сохранившемся уровне – 1,4 м, на уровне дна – 2,14 м. Сохранилась она на глубину 0,99–1,03 м и была заполнена однородным суглинком серо-коричневого оттенка. На дне в центральной и восточной части ямы прослежена прослойка более темного серо-коричневого суглинка мощностью 0,01–0,20 м. Вдоль западной стенки зафиксирована вертикальная прослойка коричневого суглинка мощностью 0,12–0,60 м (рис. 6: 1, 2).

В заполнении найдены верхняя часть и профильные фрагменты причерноморских бороздчатых амфор (рис. 6: 4, 8, 9, 12), сероглиняная лощеная кружка с петлевидной ручкой (рис. 6: 11)⁵, фрагмент сероглиняного лощеного кувшина с вытянутым носиком-сливом, нижняя часть сероглиняного кувшина, украшенного вертикальными полосами лощения (рис. 6: 7), профильные фрагменты салтово-маяцких горшков (рис. 6: 3, 5, 6, 10), а также 89 стенок причерноморских амфор и столовых красноглиняных сосудов, 135 стенок салтово-маяцких горшков (50 из них орнаментированы горизонтальным рифлением), фрагмент стеклянного сосуда изумрудно-зеленого оттенка, 10 фрагментов неопределенных железных изделий и 48 костей животных, преимущественно крупного и мелкого рогатого скота.

Среди обычных ям, которые на последнем этапе функционирования использовались для сброса бытового мусора и золы, были обнаружены заброшенные и частично засыпанные хозяйственные ямы, в которых совершали ритуальные жертвоприношения людей и животных. К числу таких необычных объектов относится яма 1 с компактным скоплением отдельных костей лошади и яма 59 с захоронением ребенка. Еще одно жертвоприношение, зафиксированное в виде компактного скопления разрозненных костей мужчины, было совершено в яме 62, но она, судя по всему, была вырыта для этой цели специально.

⁵ Аналогий ей найти пока не удалось. Для салтово-маяцкой культуры, по крайней мере – для населения верховий Северского Донца и Дона более известен совершенно иной морфологический тип кружек – с широким, цилиндрическим или расширяющимся кверху горлом, приземистым и раздутым туловом, зооморфной или петлевидной ручкой [Шрамко, 1959, с. 254; Плетнёва, 1973, с. 205–211; Плетнёва, 1989, с. 123; Свистун, 2016, с. 7–8, рис. 2].

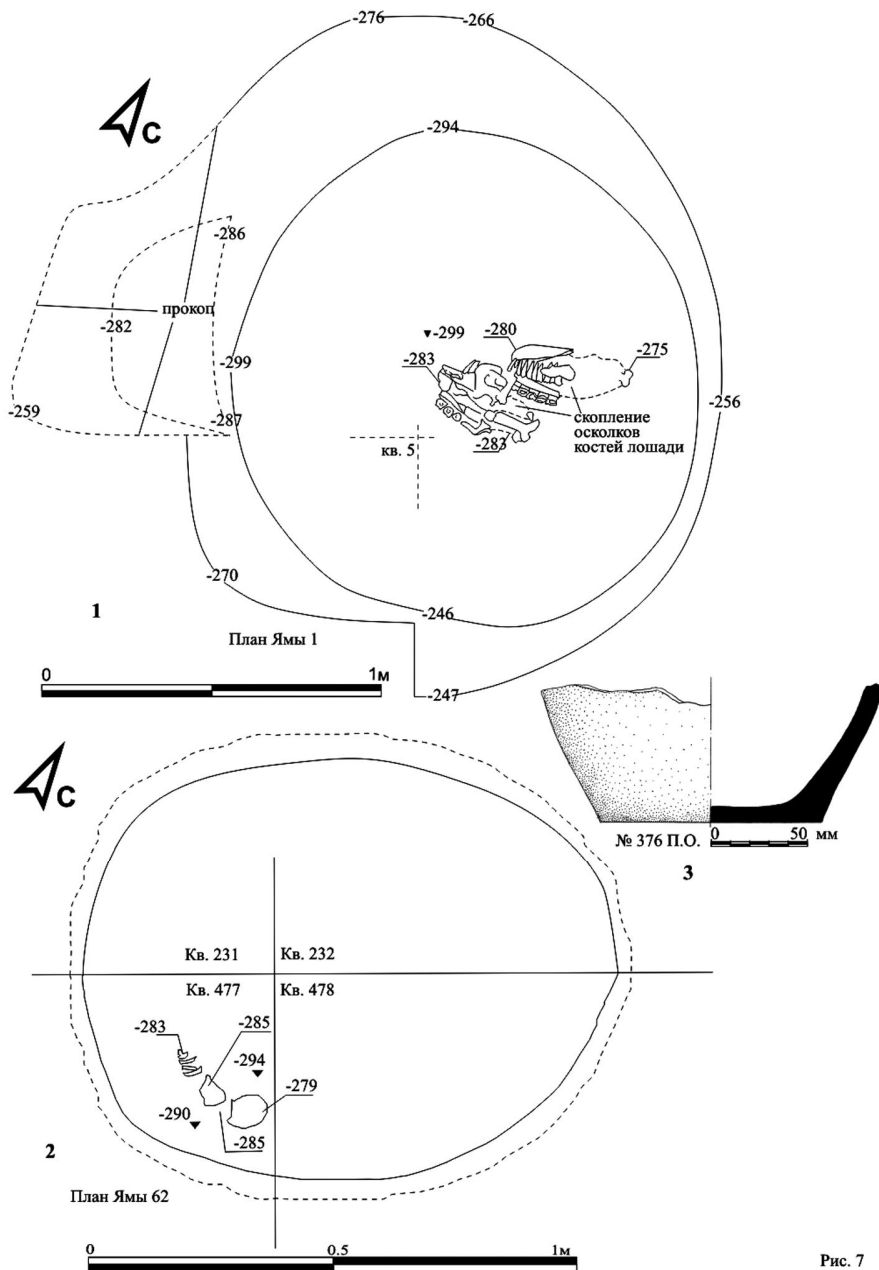

Рис. 7

Рис. 7.

1 – Яма 1. План; 2–3 – Яма 62. План и находки из заполнения.

Яма 1 имеет в плане форму, приближенную к овалу, в разрезе, за счет сужающихся к низу бортов, трапециевидную форму. Соответственно на верхнем прослеженном уровне ее размеры составляют 1,8×2,0 м, а на уровне дна – 1,5×1,4 м. Сохранилась яма на глубину до 0,3 м и заполнена однородным серо-коричневым суглинком более темного оттенка, чем слой, в который она была впущена.

В северо-восточной ее части на глубине 0,15 м было совершено ритуальное жертвоприношение головы и части туши лошади, расчищенное в виде компактного скопления отдельных костей и челюсти (рис. 7: 1). Помимо них, в заполнении ямы найдены 13 стенок причерноморских бороздчатых амфор второй половины VIII – X в. и столовых красноглиняных сосудов, а также 5 стенок салтово-маяцких горшков и два бесформенных куска печени.

В 120 м к северо-востоку от ямы 1 обнаружена яма 59. В плане она имеет округлую форму, в разрезе – трапециевидную. Диаметр ямы на верхнем прослеженном уровне – 1,4 м, на уровне дна – 2,2 м. Сохранилась она на глубину 1,0 м и заполнена суглинком серо-коричневого оттенка. В нижней части ямы и на ее дне зафиксированы горизонтальные линзы мощностью 0,02–0,08 м, сформированные частицами древесного угля, листовым гумусом и золой (рис. 8: 1, 2).

На глубине 0,61–0,72 м, т. е. когда яму уже частично засыпали, в ней было совершено ритуальное погребение ребенка, уложенного на левом боку в скорченном положении головой на северо-восток. Нижние его конечности согнуты в коленных суставах. Правая верхняя конечность согнута в локтевом суставе, при этом кисть находилась под челюстью. Левая верхняя конечность вытянута вдоль туловища. Каких-либо находок при зачистке скелета обнаружено не было.

В заполнении ямы найдены три фрагментированные причерноморские бороздчатые амфоры (рис. 8: 3–5) [Науменко, 2009(1), с. 43–47, тип II], профильные фрагменты причерноморских амфор, обломок высокогорлого кувшина с плоской ручкой, украшенного в верхней части тулова горизонтальным рифлением (рис. 8: 7), профильные фрагменты ойнохои скалистинского типа, оранжевоглиняных столовых сосудов, салтово-маяцких горшков (рис. 8: 6, 8–11), оранжевоглиняной крышки диаметром 10 см, а также 169 стенок и обломков дниц причерноморских амфор и столовых красноглиняных сосудов, 7 стенок сероглиняных лощеных сосудов и 304 стенки салтово-маяцких горшков, значительная часть которых (108 стенок) была орнаментирована горизонтальным рифлением.

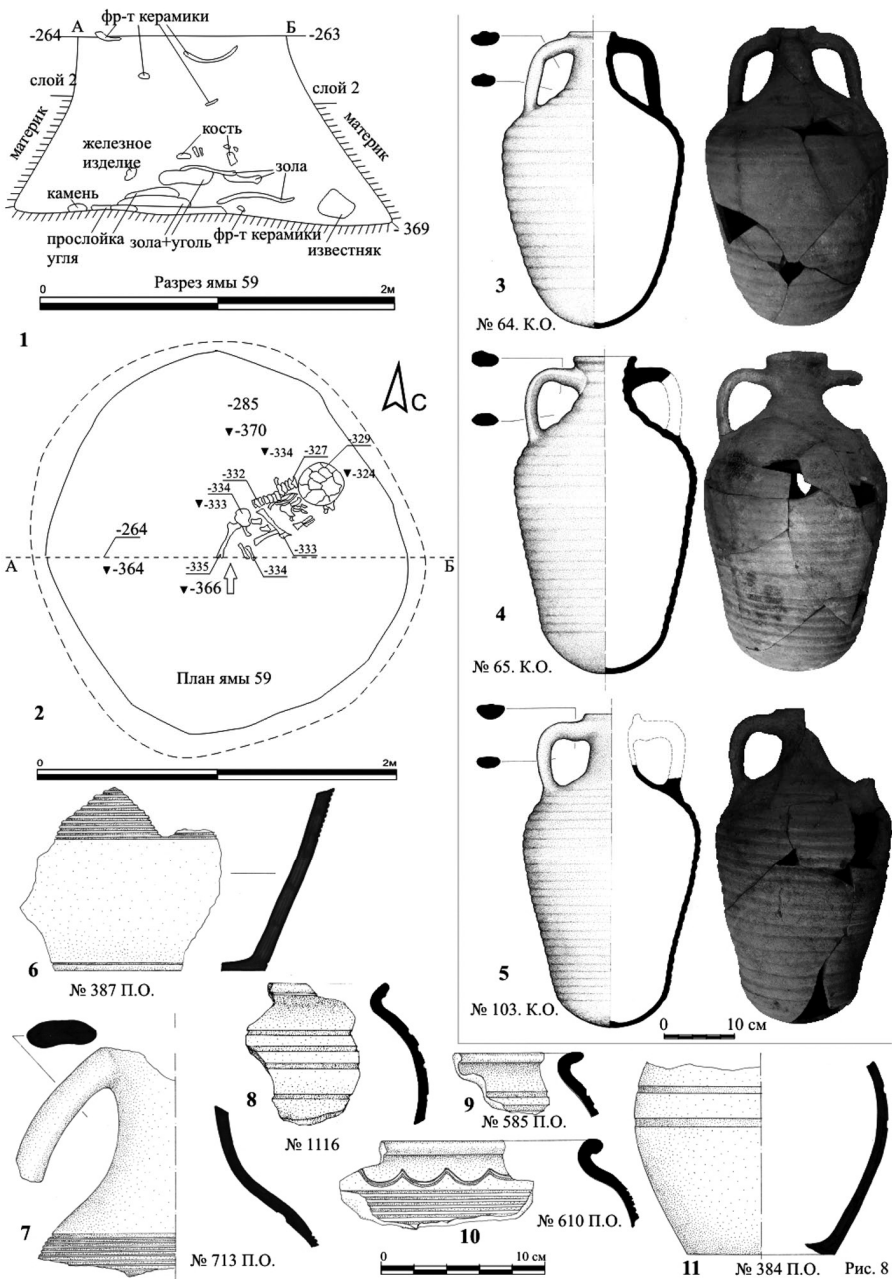

Рис. 8.

Яма 59. План, разрез и находки из заполнения.

Помимо фрагментированной керамики в яме были обнаружены три дисковидных пряслица, изготовленных из камня и хорошо обожженной глины, обломок пирамидального абразива из песчаника⁶, заостренный железный предмет, 31 фрагмент неопределенных коррозированных железных изделий, 14 бесформенных кусков пачины и 50 костей животных, преимущественно крупного и мелкого рогатого скота.

Благодаря находке фрагмента высокогорлого кувшина с плоской ручкой время совершения ритуального захоронения можно ограничить в пределах второй половины (третьей четверти или конца) IX – первой половины X в. [*Науменко, 2009(2)*, с. 54–57].

В центральной части раскопа в 17,5 м к северо-западу от ямы 59 была обнаружена яма 62. Пятно ее заполнения размерами 0,8×1,1 м выявлено на глубине 1,4 м в материковом плотном желто-коричневом суглинке. В плане она имеет овальную форму, в разрезе – прямоугольную. В отличие от большинства других ям она сохранилась на всю глубину, достигавшую 0,2 м. Сверху ее перекрывала куполообразная насыпь высотой 0,2 м, сформированная серо-коричневым суглинком с включением светло-коричневого суглинка и частиц древесного угля.

На уровне горловины в юго-западной части ямы под тонкой прослойкой золы, древесного угля и крошки пачины были зафиксированы остатки ритуального жертвоприношения частей тела мужчины(?), сохранившегося в виде локального скопления диафизов бедренных и берцовых костей, диафизов правой локтевой и лучевой кости, двух ребер и фрагментов черепа (*рис. 7: 2*). Ниже яму заполнял серо-коричневый суглинок с примесью золы, в котором был найден фрагмент придонной части салтово-маяцкого оранжевоглиняного лощеного сосуда (*рис. 7: 3*).

Отдельные ямы и котлованы из-за необычных находок атрибутировать гораздо сложнее. Среди таких объектов выделяется яма 21 диаметром 2,0 м, сохранившаяся на глубину до 0,4 м. На дне ямы расчищена очажная конструкция, размерами 1,0×0,9 м, занимавшая более половины площади. В плане она имела прямоугольную либо овальную форму и была сложена из саманного кир-

⁶ Подобного рода абразивы использовались не только для заточки железных изделий, но и для обработки поверхности изделий из дерева и кости [*Шрамко, 1973*, с. 43–44; ср.: *Тесленко, Телиженко, 2015*, с. 216, рис. 46: 1].

пича, уложенного в один слой. Ниже подошвы очага залегал суглинистый слой угольно-черного оттенка, смешанный с большим количеством древесного угля и золы, мощностью 0,20–0,35 м (рис. 9: 1). В заполнении ямы были найдены профильные фрагменты красноглиняного кувшина, салтово-маяцкого толстостенного горшка, венчик которого деформирован в виде «скрученного жгута» (рис. 9: 4), салтово-маяцких горшков (рис. 9: 2–3, 5–8), а также 5 стенок причерноморских амфор и столовой красноглиняной посуды, 33 стенки салтово-маяцких горшков (три из них орнаментированы горизонтальным рифлением) и 54 куски печины. Учитывая размеры очага и свободного пространства вокруг него, интерпретировать эту яму как жилое помещение не представляется возможным, соответственно определить ее функциональное назначение не удалось.

Некоторые объекты, в том числе яма 10 размерами 3,0×2,0 м и котлован 73 размерами 7,5×3,5 м и глубиной не менее 0,4–0,6 м напоминают оплывшие котлованы полуземлянок.

К их числу относится и яма 57, диаметр которой составлял 2,4 м, а глубина достигала 1,2 м. В плане она имела округлую форму, в разрезе – прямоугольную. В заполнении прослежено несколько слоев и прослоек. Снизу залегал слой коричневого суглинка мощностью 0,5 м. Его последовательно перекрывали слои золистого серого суглинка мощностью 0,1 м, коричневого суглинка мощностью 0,2–0,4 м, золистого серого грунта толщиной 0,2 м и коричневого суглинка мощностью 0,4 м (рис. 10: 1, 2).

В заполнении на глубине 1,0 м найдена нижняя плита известнякового ротационного жернова с круглым отверстием по центру для опорного веретена. Еще две верхние плиты жерновов обнаружены на дне ямы. На верхней плоскости одной из них вырублены два углубления для махового штока или ручки-рычага, при помощи которых жернову придавалось вращательное движение. В центре нижней плоскости вырублено прямоугольное углубление для железного или деревянного подпятника-порхлицы (рис. 10: 3). На верхней плоскости второй плиты высверлено круглое отверстие с конусовидным в разрезе приемником для загрузки зерна, окруженным невысоким валиком. Сбоку, на трапецевидном выступе, вырублено углубление для махового штока или ручки-рычага (рис. 10: 4) (ср.: [Гайдукевич, 1952, с. 50, 131, рис. 55, 56]).

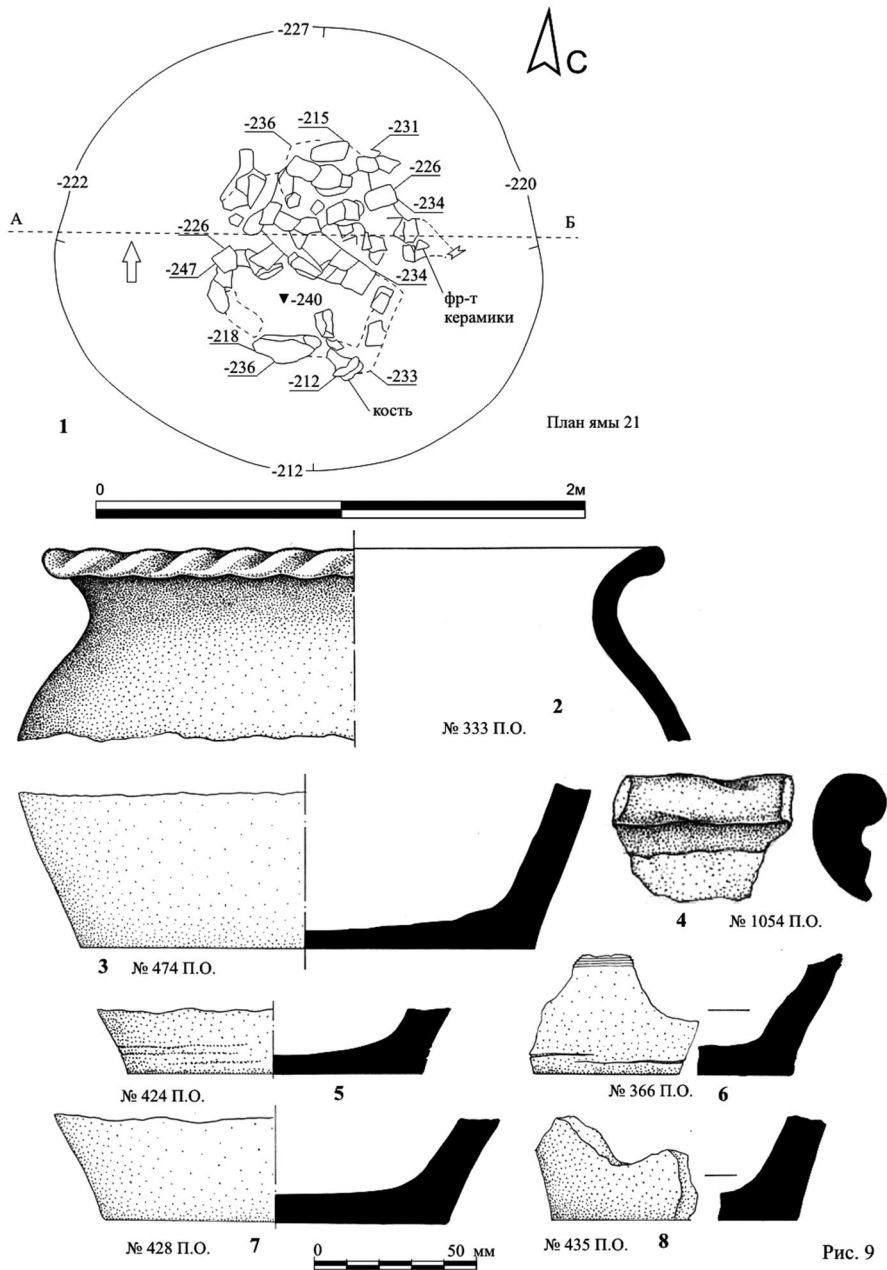

Рис. 9.
Яма 21. План и находки из заполнения.

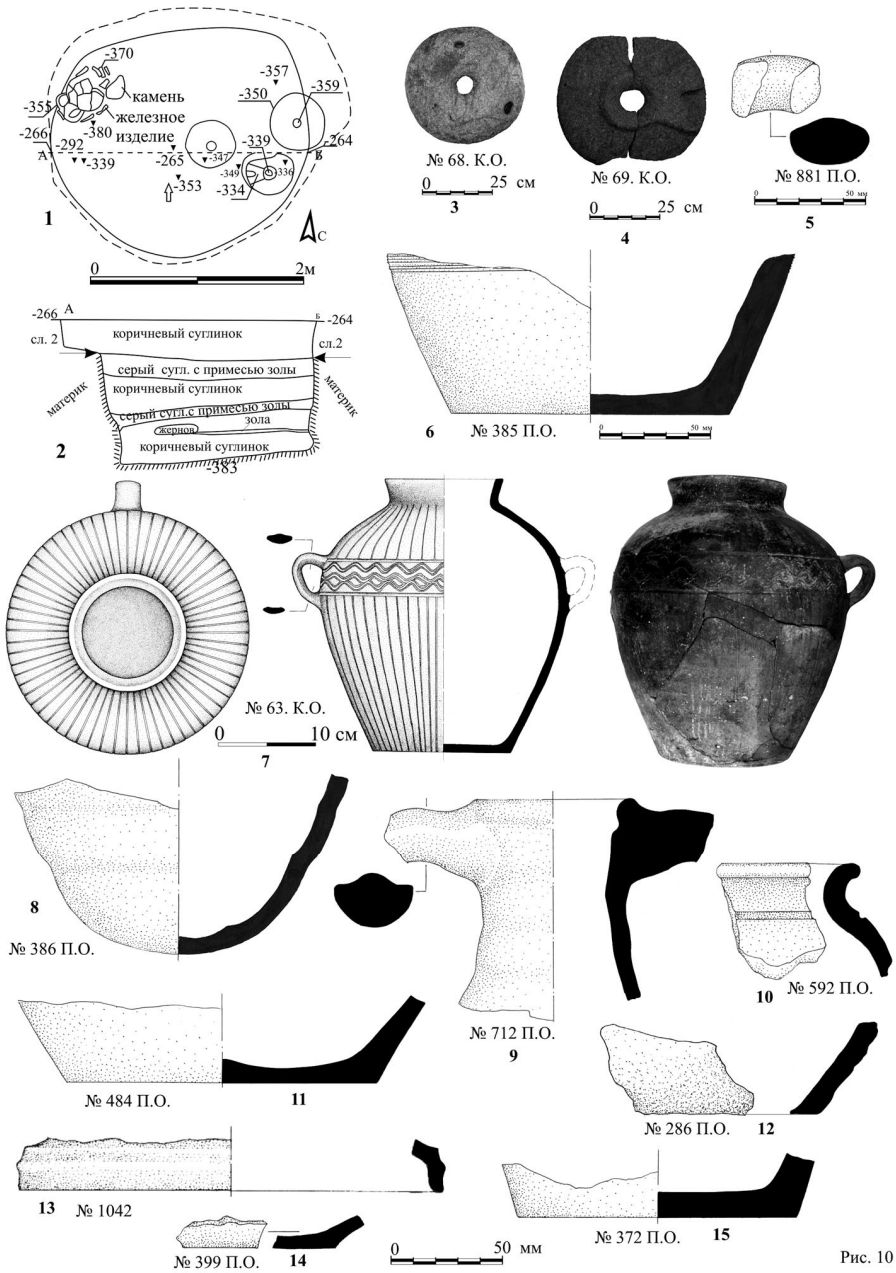

Рис. 10.

Яма 57. План, разрез и находки из заполнения.

В целом же все найденные на поселении Гора Чиркова 1 жернова относятся, по классификации Р. С. Минасян, к группам I и III, а по классификации В. К. Михеева – к типам IIБ1 и IIБ2 [Минасян, 1978, с. 103–104, 108; Михеев, 1985, с. 50, рис. 28: 8–11; ср.: Горбаненко, Колода, 2010, рис. 8; Горбаненко, Колода, 2013, рис. 66; Квітковський, Пашкевич, Горбаненко, 2011, рис. 5; Колода, Пашкевич, Горбаненко, 2009, с. 91; Свистун, Горбаненко, 2011, рис. 7]. Такие же жернова в большом количестве найдены на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова (см.: [Пономарёв, 2012, с. 68; Пономарёв, 2016, с. 237]). На Таманском полуострове их находки зафиксированы в Таматархе и Фанагории [Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 397, 406; Чхаидзе, 2008, рис. 128: 1].

Помимо жерновов, на уровне пола был зафиксирован развал обломков причерноморской бороздчатой амфоры (рис. 10: 5, 8, 9), под которой находился крупный абразивный камень.

Остальные находки из ямы представлены профильными фрагментами сероглиняной лощеной двуручной корчаги (рис. 10: 7) [Пономарёв, 2014(2), рис. 9: 1; Сокольский, 1963, с. 110–111, рис. 7: 4; Чхаидзе, 2006, с. 493, рис. 10: 8; Плетнёва, 1989, с. 137, тип I, рис. 77, кат. 15; рис. 78, кат. 34], фрагментом тулова сероглиняного лощеного кувшина, фрагментом днища сероглиняного лощеного сосуда, профильными фрагментами салтово-маяцких горшков (рис. 10: 10, 11, 14, 15), фрагментом края салтово-маяцкой миски (рис. 10: 12), фрагментом белоглиняной крышки (рис. 10: 13), а также 99 стенками причерноморских амфор и столовых красноглиняных сосудов, 132 стенками салтово-маяцких горшков (44 из них орнаментированы горизонтальным рифлением, две стенки – волнообразным рифлением), двумя неопределёнными железными предметами, двумя фрагментами бронзового браслета, фрагментом железного шила с остатками деревянной ручки, двумя фрагментами железных накладок, двумя четырехгранными железными гвоздями, медной квадратной пластиной с отверстиями по углам, астрагалом, фрагментом керамического биконического пряслица, скребком из ребра животного, железной иглой, железным крюком, обломком ротационного известнякового жернова, 12 фрагментами сильно коррозированных неопределённых железных изделий, фрагментом обработанной кости, 18 кусками печины и 280 костями животных.

К сожалению, ни в одном из котлованов не были обнаружены остатки хозяйственно-бытовых устройств и конструктивных элементов – лежанок, печей, очагов, ямок для столбов перекрытия, ступеней и полов (ср.: [Виноградов, 2002, с. 74]). Не были зафиксированы в них и фрагменты турлучной обмазки деревянных каркасов стен, находки которых известны на некоторых поселениях «хазарского» времени Правобережной Кубани и степного Предкавказья [Доценко, 2009, с. 109–110; Биджиев, 1989, с. 26–38]. Иными словами, если это и были полуземлянки, то их перекрытия опирались не на каркасно-столбовую (опорно-столбовую) или каркасно-жердевую конструкцию [Квитковский, 2014, с. 449–457], и использовались они исключительно в хозяйственных целях, например – в качестве погребов, подсобных хозяйственно-бытовых помещений и зернохранилищ (ср.: [Красильников, Красильникова, 2010, с. 162–163; Красильников, Красильникова, 2016, с. 29; Колода, Горбаненко, 2010, с. 72, рис. 38; Горбаненко, Колода, 2011, рис. 5: 1; Колода, 2016, с. 135–161]).

Рядом с одним из них, уже упоминавшимся выше котлованом 73, было обнаружено одиночное грунтовое погребение 6, которое, как и захоронения людей и животных в ямах, имело ритуальный характер. Пятно его заполнения прямоугольной в плане формы и размерами 0,6×1,9 м прослежено на глубине 0,4 м в слое плотного суглинка серо-коричневого оттенка. Глубину могильной ямы установить не удалось. Погребенный в ней мужчина был уложен в вытянутом положении на спине головой на запад. Его верхние конечности немного согнуты в локтевых суставах, кисти располагались над тазовыми костями. Кости нижних конечностей немного сведены по направлению к ступням. К сожалению, инвентаря в захоронении не оказалось, поэтому датировано оно было на основании стратиграфических данных, а также позы и ориентировки погребенного, характерных для грунтовых могильников степного ареала салтовомаяцкой культуры [Савченко, 1981, с. 75; см. также: Аксёнов, 2011, с. 257].

Таким образом, поскольку, как уже упоминалось выше, жилых построек в этой части поселения обнаружено не было, можно полагать, что в пределы исследованного участка попала его периферийная часть, где размещались разнообразные хозяйственные комплексы, среди которых преобладали ямы, использовавшиеся

для хранения зерна. Иными словами, ведущее место в хозяйственно-экономической деятельности жителей поселения отводилось пашенному земледелию. Это подтверждают находки в ямах ротационных жерновов и железных серпов⁷. Не менее важную роль играло животноводство: едва ли не в каждой из ям были найдены многочисленные кости домашних животных – крупного и мелкого рогатого скота и лошадей.

Помимо земледелия и животноводства, жители поселения занимались домашними промыслами и ремеслами, базировавшимися на присвоении готовых к использованию биоресурсов или связанных с переработкой сельскохозяйственной продукции и нерудного и минерального сырья. К их числу, судя по находкам наконечников стрел, копья, пряслиц, изделий из камня, лоцил и скребков из кости, можно с уверенностью отнести охоту, прядение, ткачество, кожевенное, каменотесное, камнерезное и косторезное дело. Спорным пока остается наличие на поселении керамического и металлообрабатывающего производств, поскольку связанных с ними специализированных производственных комплексов обнаружить не удалось.

Таким образом, найденные на поселении изделия из железа и бронзы, а также многочисленная салтово-маяцкая керамика с некоторыми оговорками могут пока что лишь рассматриваться как привозная продукция. Но, откуда она в таком случае поступала, это полная загадка. Впрочем, вне всяких сомнений, керамические и металлообрабатывающие центры могли функционировать не только в крупных городских поселениях Таманского полуострова, но и на их сельской периферии. В этом же регионе, по мнению исследователей, вероятно, располагались гончарные мастерские, в которых изготавливались высокогорлые кувшины с плоской ручкой [Чхидзе, 2008, с. 161–162; Науменко, 2009(2), с. 53]. Что же касается причерноморских амфор, фляг и столовой красноглиняной керамики, то они производились в гончарных центрах византийской Таврики. Отсюда уже вместе с содержимым (вином, оливковым маслом,

⁷ Среди образцов палеоботанического материала при раскопках Таматархи и в полуземлянках на поселении Артющенко I выделены пшеница голозерная мягкая, твердая пшеница и ее полбяная разновидность, ячмень пленчатый, ячмень голозерный, вика посевная, овес, полба двузернянка, горох и виноград [Виноградов, 2013, с. 239; Гольдштейн, Коровина, Финогенова, 1973, с. 105].

уксусом) или как самостоятельные категории товара они доставлялись по морским коммуникациям на Таманский полуостров. На отдаленные сельские поселения этого региона импортная продукция поступала, надо думать, в основном через Таматарху и Фанагорию, где осуществлялись и все крупные торговые операции. Об этом свидетельствуют находки монет VIII–X вв., в том числе византийских солидов, аббасидских дирхемов и фатимидского динара [Гончаров, Чхаидзе, 2005, с. 343–344; Чхаидзе, 2008, с. 234–239; Чхаидзе, Устаева, Шалобудов, 2008, с. 386–387; Чхаидзе, 2012, с. 207–209; Абрамзон, 2013, с. 40–41; Абрамзон, Остапенко, 2016, с. 266–275].

К сожалению, характер торговых операций за пределами крупнейших в этом регионе портовых городов не совсем ясен, но вряд ли они осуществлялись в денежном эквиваленте, поскольку на салтово-маяцких поселениях Таманского полуострова (включая погребальные комплексы) монеты этого времени представлены единичными экземплярами [Чхаидзе, 2008, с. 239; Чхаидзе, 2012, с. 208]. Учитывая специфику хозяйственно-экономического уклада, в обмен на импортные товары в эквивалентном объеме они, скорее всего, могли предложить лишь сельскохозяйственную продукцию, устойчивый и высокий спрос на которую в Византийской империи сохранялся неизменно. Такого рода торговые операции осуществляли и жители поселения Гора Чиркова 1, о чем свидетельствуют многочисленные находки импортной керамики, составляющие едва ли не половину всего археологического материала.

Если о хозяйственно-бытовых и экономических аспектах повседневной жизни жителей поселения, благодаря находкам, удалось составить определенное мнение, то информации об их традиционных верованиях и погребальных обрядах было получено гораздо меньше. Но, впрочем, есть все основания утверждать, что, как и на многих других салтово-маяцких поселениях, в пределах его территории совершались ритуальные одиночные захоронения и жертвоприношения в ямах людей и животных или их частей.

Подобного рода комплексы обнаружены на многих памятниках степного и лесостепного ареалов салтово-маяцкой культуры, и, что особенно важно, они встречаются на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова (Тиритака, Мирмекий, Артезиан, Героевка-2, Эльтиген-Западное, Южно-Чурубашское, Пташкино), геогра-

фически близких поселению Гора Чиркова 1 [Винокуров, Пономарёв, 2016(1), с. 103–107; Винокуров, Пономарёв, 2016(2), с. 206–216; Винокуров, Пономарёв, 2016(4), с. 277–279; Винокуров, Пономарёв, 2017(1), с. 105–148]. Все они, как определили И. П. Русанова и Б. А. Тимощук, могут интерпретироваться как «культовые места... устроенные человеком для жертвоприношения по какому-то определенному поводу и затем оставленные» [Русанова, Тимощук, 2007, с. 25]. Иными словами, обнаруженные на поселении Гора Чиркова 1 ритуальные ямы, после совершения в них жертвоприношения сразу же засыпались. При этом напомним, что в двух из них были принесены в жертву ребенок и мужчина. В третьей яме ритуальное действо обошлось без человеческой жертвы, в качестве дара божеству были принесены голова и часть туши лошади.

Особо отметим скорченное захоронение ребенка (яма 59): жертвенные ритуалы с детьми считались наиболее действенными и благоприятными, а поэтому практиковались с глубокой древности многими народами. Поза, в которой он захоронен, также характерна. На салтово-маяцких поселениях одиночные захоронения мужчин, женщин и детей, уложенных на боку в скорченном положении, обнаружены в ямах рядом с жилищами и в производственных комплексах. Они обычно трактуются как ритуальные жертвоприношения [Красильников, 1976, с. 277–278, рис. 6; Винников, Плетнёва, 1998, с. 112, 120, 203, рис. 46, а; Винников, Афанасьев, 1991, с. 26–27, 100, рис. 13: 1; рис. 42: 1].

В некоторых случаях считалось вполне достаточным принести в жертву отдельные части тела человека. Ярким примером тому служит захоронение в яме 62. Особое значение при этом придавалось черепу (голове). Культ этой части тела как полноценного заместителя существа и средоточия жизни был широко распространен среди салтово-маяцкого населения [Милютин, 1909, с. 158; Аксёнов, 2003, с. 66–67, рис. 1: 1; Михеев, 1985, с. 17, рис. 16: 5; Винокуров, 2004, с. 71–72; Зинько, Пономарёв, 2009, с. 81].

Далеко не последнее место в «кровавых» ритуалах салтово-маяцкого населения занимали лошади (яма 1), которые, как и у многих других земледельческих народов, связывались с солярным и хтоническим культами. На салтово-маяцких поселениях их в виде целых туш и в расчлененном состоянии хоронили в ямах, в домах и производственных комплексах, причем, как считала С. А. Плетнё-

ва, в том числе и в качестве «закладных» («строительных») жертв и оберегов [Винников, Афанасьев, 1991, с. 104; Винников, Плетнёва, 1998, с. 112–114; Плетнёва, 1989, с. 53, рис. 23: 3, 4; Плетнёва, 1996, с. 38, рис. 14, б; Плетнёва, 1999, с. 94–95; Плетнёва, 2004, с. 67; Квитковский, 2011, с. 15].

К сожалению, редко когда удается установить, были ли жертвы умерщвлены насильственно во время обряда (иногда с последующим расчленением), или их смерть наступила до его совершения, в том числе и по естественным причинам. Вероятнее всего, в зависимости от обстоятельств, практиковались оба варианта. Иными словами, ритуальные манипуляции проводились над трупами и живыми людьми и животными, при этом воспринимались они как жертва, способная привлечь внимание богов, или умиловительная и благодарственная жертва. Возможно также, они выступали в роли посредника, посланника, сопровождающего или транспортного средства (в случае ритуального захоронения лошади) в потусторонний мир [Дмитриева, 2000, с. 12].

Однако для каких конкретно целей предназначался тот или иной культовый объект, можно только гадать, поскольку языческие верования и обряды народов салтово-маяцкой культуры практически не отражены в письменных источниках. Тем не менее, учитывая какую роль в их жизни играло земледелие и животноводство, вполне логично предположить, что большая часть этих ритуальных действий была призвана исполнить некие связующие функции между человеческим коллективом и окружающим его миром (природой). В первую очередь эти обряды были связаны с земледельческими и животноводческими культами плодородия, «обеспечивавшими» в языческом сознании жителей поселений не только благосостояние, но и дальнейшее существование общины.

К числу ритуальных комплексов можно отнести и единственное обнаруженное в пределах исследованного участка поселения погребение 6. Подобные одиночные захоронения, которые по каким-то причинам были совершены не на территории могильника, а среди жилых или хозяйственных построек, обнаружены на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова – Артезиан, Осовины-1 и Героевка-6 [Винокуров, Пономарёв, 2016(2), с. 44–50; Винокуров, Пономарёв, 2017(2), с. 11–34]. Такие же погребения зафиксированы на многих памятниках степного и лесостепного ареала

салтово-маяцкой культуры, в том числе Недвиговском, Саркельском, Сидоровском, Верхнесалтовском, Мохначанском городищах, Дмитриевском и Маяцком поселениях, а также поселениях в окрестностях с. Жовтневое и ст. Богоявленской, Мохнач-П и Нетайловка-2 [Колода, 2011(2), с. 269]. Их совершали в жилых и хозяйственных сооружениях, в производственных помещениях (в том числе гончарных и металлургических мастерских), а также в хозяйственных ямах, катакомбах и обычных грунтовых могилах рядом с постройками. При этом они отличались не только местом совершения захоронения, но и конструкцией погребальных сооружений, позой и ориентировкой погребенных, степенью сохранности их скелета, разнообразием и богатством погребального инвентаря или его полным отсутствием. Такое многообразие погребальных комплексов, вероятно, следует объяснять влиянием различных факторов, в том числе этнической и семейной принадлежностью, половозрастной градацией погребенных, их социальным статусом и, конечно, обстоятельствами и побуждениями, по которым человека, а иногда и целые семьи, хоронили на территории поселения. Большинство исследователей согласны с тем, что погребения «мирного времени» в жилищах, производственных комплексах и на территории поселений были связаны с обычаями и традициями, сложившимися в рамках сложной системы идеологических представлений того времени. В основной своей массе они, видимо, имели ритуальный характер и совершались в силу различных, иногда тесно связанных между собой причин культурно-религиозного, политического, социально-экономического или общественного характера [Винников, Афанасьев, 1991, с. 137–138]. Каких именно, на эту тему можно много дискутировать [Плетнёва, 1981(1), с. 71; Плетнёва, 1989, с. 67; Плетнёва, Красильников, 1990, с. 106; Плетнёва, 1996, с. 36; Плетнёва, 2000, с. 90–92; Албегова, Гусаков, 2001, с. 127; Колода, 2011(2), с. 269–270; Кравченко, Давыденко, 2001, с. 236–237; Юрченко, 2012, с. 159–160]. При этом нельзя исключать неизвестные нам мотивации и факторы, к тому же, как справедливо заметила С. А. Плетнёва, «причины изолированности» этих необычных погребений следует искать применительно к каждому из них отдельно [Плетнёва, 2006, с. 10]. Общим же у них, как нам кажется, может быть только одно, погребенный на поселении, тем более – в жилище, человек наделялся после смерти или был наделен еще при

жизни каким-то особым статусом или положительными, с точки зрения соплеменников, сакральными силами и общественными качествами. Именно такой человек, будь-то ребенок или мужчина либо женщина любой возрастной группы, «удостаивался чести» быть погребенным среди живых. После смерти, исполняя «последнее обязательство» перед общиной, он должен был обеспечить ее защиту от негативного воздействия потусторонних сил или послужить неким передаточным звеном между божествами и миром живых. В целом же эта научная тема находится еще «на стадии накопления материала и индивидуального анализа» и поэтому глубоко и всесторонне не разрабатывалась [Колода, 2011(2), с. 269; Колода, 2012–2013, с. 111; Юрченко, 2012, с. 160]. Таким же образом можно охарактеризовать и состояние изучения салтово-маяцких культовых и ритуальных комплексов, при этом отметим, что для Таманского полуострова они до этого времени выделены не были или, по крайней мере, не публиковались.

В целом же поселение Гора Чиркова 1 вне всяких сомнений может в дальнейшем рассматриваться в качестве одного из эталонных памятников «хазарского» времени в Таманском регионе. При чем этот статус ему позволяют придать не только обнаруженные в процессе его раскопок многочисленные жилые, хозяйственные, ритуальные и погребальные комплексы, но и разнообразная керамика, среди которой, помимо хорошо известных форм сосудов, бытовавших в VIII–X вв., удалось выделить редкие и ранее неизвестные формы.

Литература

- Абрамзон М. Г. Золотые античные и византийские монеты из фанагорийских находок // ПИФК. № 2. Москва–Магнитогорск–Новосибирск, 2013.
- Абрамзон М. Г., Остапенко С. Н. Византийские солиды и аббасидский дирхам VIII в. из Фанагории // ПИФК. № 4. Москва–Магнитогорск–Новосибирск, 2016.
- Абрамова А. Н. Палеодемографическая характеристика могильника Виноградный-7 // Археология и этнография Понтийско-Кавказского региона. Вып. 3. Краснодар, 2015(1).
- Абрамова А. Н. Палеодемографические исследования могильника Виноградный-7 // Международная полевая школа в Болгаре. Сборник материалов итоговой конференции. Казань–Болгар, 2015(2).

- Аксёнов В. С. К вопросу интерпретации некоторых комплексов Маяцкого селища // Проблемы історії та археології України. Збірник матеріалів міжнародної наукової конференції: до 100-річчя XII Археологічного з'їзду в м. Харкові 25–26 жовтня 2002 р. Харків, 2003.
- Аксёнов В. С. Погребения с западной ориентировкой Нетайловского грунтового могильника (по материалам 2010 г.) // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник 2011. Харьков, 2011.
- Албегова З. Х., Гусаков М. Г. Культурное назначение постройки 21 Маяцкого селища // Практика и теория археологических исследований. М., 2001.
- Анфимов Н. В. Средневековые амфоры с нефтью с Таманского полуострова // КСИИМК. Вып. 49. 1953.
- Апареева Е. К., Красильников К. И. Подворья как признак хозяйственного уклада населения салтово-маяцкой культуры // Археологія і давня історія України. Вип. 5. Київ, 2011.
- Атавин А. Г. Средневековая Фанагория и ее место среди одновременных памятников Северного Причерноморья // Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного культурного развития. Эпоха феодализма. Сборник тезисов. М., 1988.
- Атавин А. Г. Лощеная керамика средневековой Фанагории // БС. Вып. 1. М., 1992.
- Атавин А. Г. Историография средневековой Фанагории // ДБ. Т. 13. М., 2009.
- Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998.
- Башкиров А. С. Отчет об историко-археологических изысканиях на Таманском полуострове летом 1948 года // Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потёмкина. Т. XIII. Вып. 2. М., 1949.
- Башкиров А. С. Историко-археологические изыскания на Таманском полуострове в 1949–1951 гг. (на территории древнего города Патрэя) // Ученые Записки Ярославского Государственного педагогического института. Вып. XXII (XXXII). Ярославль, 1957.
- Бгажба О. Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII–XIV вв.). Сухуми, 1977.
- Биджиев Х. Х. Раскопки городища Хумара в 1977 году (Предварительная публикация) // Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979.
- Биджиев Х. Х. Исследование средневековых поселений Карачаево-Черкесии и степного Предкавказья в 1985–1986 гг. // Вопросы археологии и средневековой истории Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1989.
- Биджиев Х. Х., Гадло А. В. Раскопки Хумаринского городища в 1974 году // Археология и этнография Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979.

- Биджиев Х. Х., Соволайнен Н. П.* Керамика Хумаринского городища VIII–X вв. н. э. // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Материальная и духовная культура. Черкесск, 1982.
- Блаватский В. Д.* Раскопки Фанагории в 1940 г. // ВДИ. 1941(1). № 1.
- Блаватский В. Д.* Отчет о раскопках Фанагории в 1936–1937 гг. // Труды ГИМ. Вып. XVI. М., 1941(2).
- Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. М., 1978.
- Веймарн Е. В., Айбабин А. И.* Скалистинский могильник. Киев, 1993.
- Винников А. З., Афанасьев Г. Е.* Культурные комплексы Маяцкого селища (Материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции). Воронеж, 1991.
- Винников А. З., Плетнёва С. А.* На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж, 1998.
- Виноградов Ю. А.* Салтово-маяцкие комплексы поселения Артющенко I на Таманском полуострове // ЗВОРАО. Новая серия. Т. I (XXVI). СПб., 2002.
- Виноградов Ю. А.* Основные итоги изучения поселения Артющенко I на Таманском полуострове // ПИФК. № 2(40). Москва–Магнитогорск–Новосибирск, 2013.
- Винокуров Н. И.* Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам ритуальных захоронений Крымского Приазовья) // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3. М., 2004.
- Винокуров Н. И., Пономарёв Л. Ю.* Салтово-маяцкое поселение на городище Артезиан (краткий обзор по результатам исследований 1989–2010 гг.) // Хазарский альманах. Т. 14. М., 2016(1).
- Винокуров Н. И., Пономарёв Л. Ю.* Центральный участок салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан (по итогам исследований на раскопе I в 1989–2001 гг.) // ПИФК. № 1. Москва–Магнитогорск–Новосибирск, 2016(2).
- Винокуров Н. И., Пономарёв Л. Ю.* Салтово-маяцкие погребения на городище Артезиан // Таврические студии. № 10. Симферополь, 2016(3).
- Винокуров Н. И., Пономарёв Л. Ю.* Центральный участок салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан (по итогам исследований на раскопе III в 2002–2010 гг.) // БИ. Вып. XXXIII. Керчь, 2016(4).
- Винокуров Н. И., Пономарёв Л. Ю.* Культурные комплексы салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан (по материалам раскопок 1994–2010 гг.) // ПИФК. № 1. Москва–Магнитогорск–Новосибирск, 2017(1).
- Винокуров Н. И., Пономарёв Л. Ю.* Мертвые среди живых: погребальные салтово-маяцкие комплексы на городище Артезиан // ДБ. Т. 21. М., 2017(2).
- Высотская Т. Н.* Игрушки и игры поздних скифов // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995.

- Гадло А. В. Городище Казар-Кала (к вопросу о хазарской культуре в Северном Дагестане) // КСИА. Вып. 144. 1975.
- Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. № 25. 1952. (Боспорские города I. Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг.).
- Гёрц К. К. Археологическая топография Таманского полуострова // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. II. М., 1870.
- Голофаст Л. А., Ольховский С. В. Амфорная тара из подводных раскопок в акватории Фанагорийской гавани // ПИФК. № 2(40). Москва–Магнитогорск–Новосибирск, 2013.
- Гольдштейн Ф. М., Коровина А. К., Финогенова С. И. Раскопки Тмутаракани – Гермонассы // Археологические открытия 1972 года. М., 1973.
- Гончаров Е. Ю., Чхаидзе В. Н. Находки средневековых монет на территории Таманского полуострова // МИАК. Вып. 5. Краснодар, 2005.
- Горбаненко С. А., Колода В. В. Сільске господарство мешканців поселення Верхній Салтів // Археологія. 2010. № 1.
- Горбаненко С. А., Колода В. В. Обобщающий анализ сельского хозяйства носителей салтовской культуры // Матеріали і дослідження по археології Східної України. Вип 11. Луганськ, 2011.
- Горбаненко С. А., Колода В. В. Сільске господарство на слов'яно-хозарському порубіжжі. Київ, 2013.
- Горлов Ю. В., Чхаидзе В. Н. Средневековое поселение Веселовка 2 на Таманском полуострове // ДБ. Т. 12. Ч. I. М., 2008.
- Горлов В. А., Шувалов Н. В. Исследования средневековых слоев Фанагории (по материалам раскопок «Верхнего города» в 2008–2012 гг.) // Новые материалы и методы археологического исследования. Материалы II международной конференции молодых ученых (Москва, 19–21 марта 2013 г.). М., 2013.
- Дмитриева Т. Н. Жертвоприношение: поиски истоков // Жертвоприношение: ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней ('ЕРМНЕІ'А 2). М., 2000.
- Долгоруков В. С. Исследования береговой части Фанагории в 1971–1972 гг. // КСИА. Вып. 143. 1975.
- Доценко И. В. Строительные остатки из культурного слоя раннесредневекового поселения «Ханьков-1» // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. Краснодар, 2009.
- Зиливинская Э. Д. Археологические исследования поселения и могильника у пос. Солёный на Тамани в 2015–2016 гг. // IV Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна (г. Бахчисарай, 8–9 сентября 2015 г.). Тезисы докладов и сообщений. Бахчисарай, 2016.
- Зинько В. Н., Пономарёв Л. Ю. Гончарная керамика VIII–IX веков с сельской округи Боспора // Археология и история Боспора. Т. III. Керчь, 1999.

- Зинько В. Н., Пономарёв Л. Ю.* Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. / Боспорские исследования. Supplementum 5 / при участии А. К. Каспарова, В. Е. Науменко, Д. Ю. Пономарёва, И. А. Пономарёвой, А. В. Поротова. Симферополь–Керчь, 2009.
- Ильина Т. А., Чхаидзе В. Н.* Результаты исследований Таманского городища (по материалам 2005–2012 гг.) // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 2013.
- Кашаев С. В.* Исследования поселения Вышестеблиевская-11 в 2006 г. // Проблемы еврейской истории. Материалы научных конференций Центра «Сэфер» по иудаике. Ч. 1. М., 2008(1).
- Кашаев С. В.* Исследования поселения Вышестеблиевская-11 в 2007 г. // Материалы Пятнадцатой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 2. М., 2008(2).
- Кашаев С. В.* Работы Таманского отряда на поселении Вышестеблиевская-11 в 2008 г. // Материалы Шестнадцатой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 3. М., 2009.
- Квитковский В. И.* Селище салтово-маяцкой культуры Пятницкое-I (основные этапы исследования) // Салтово-маяцка археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині. Вип. 1. Харків, 2011.
- Квитковский В. И.* К вопросу о конструкциях стен в жилищах салтово-маяцкой культуры лесостепного Подонцовья // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 6. Липецк, 2014.
- Квітковський В. І., Пашкевич Г. О., Горбаненко С. А.* Матеріали з рільництва жителів поселення П'ятницьке I // Археологія. 2011. № 3.
- Кобылина М. М.* Раскопки Фанагории // КСИИМК. Вып. XXXVII. 1951.
- Кобылина М. М.* Фанагория // МИА. № 57 (Фанагория). 1956.
- Кобылина М. М.* Раскопки центральной части Фанагории в 1959–1960 гг. // КСИА. Вып. 95. 1963.
- Кобылина М. М.* Разрушения гуннов в Фанагории // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
- Колода В. В.* Салтовское гончарное производство (по материалам ремесленного центра в урочище Роганина) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время. Донецк, 2001.
- Колода В. В.* Житло зі схованкою речей на городищі Мохнач // Археологія. 2011(1). № 4.
- Колода В. В.* К вопросу о погребениях на поселениях (на примере богатого женского захоронения на городище Мохнач) // Древности, 2011: Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып. 10. Харьков, 2011(2).
- Колода В. В.* Жилище с парным захоронением на городище Мохнач // Хазарский альманах. Т. 11. Киев–Харьков, 2012–2013.
- Колода В. В.* Хозяйственные комплексы салтовского времени на селище Мохнач-П // Хазарский альманах. Т. 14. М., 2016.

- Колода В. В., Горбаненко С. А.* Сельское хозяйство носителей салтово-маяцкой культуры в лесостепной зоне. Киев, 2010.
- Колода В. В., Пашкевич Г. О., Горбаненко С. А.* Землеробство жителів городища Мохнач (часів салтівської культури) // Археологія. 2009. № 2.
- Кравченко Э. Е., Давыденко В. В.* Сидоровское городище // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время. Донецк, 2001.
- Кравченко Э. Е.* Городища среднего течения Северского Донца // Хазарский альманах. Т. 3. Киев–Харьков, 2004.
- Кравченко Э. Е., Мирошниченко В. В., Петренко А. Н., Давыденко В. В.* Исследования археологического комплекса у с. Сидорово (материалы экспедиций 2001–2003 гг.) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время. Донецк, 2005.
- Красильников К. И.* Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры // СА. 1976. № 3.
- Красильников К. И., Красильникова Т. И.* Идентифицирующие признаки населения степного Подонцовья в структуре Хазарского каганата // Хазары: миф и история. Москва–Иерусалим, 2010.
- Красильников К. И., Красильникова Т. И.* О зернопроизводстве праболгар салтово-маяцкой культуры в степном Подонцовье // Средневековая археология Волго-Уралья: сборник научных трудов к 65-летию юбилею д.и.н., проф., член-корр. АН РТ Ф. Ш. Хузина. Казань, 2016.
- Кузнецов В. Д.* Раннесредневековый дом в Фанагории // ДБ. Т. 20. М., 2016.
- Кузнецов В. Д., Голофаст Л. А.* Дома хазарского времени в Фанагории // ПИФК. № 1. Москва–Магнитогорск–Новосибирск, 2010.
- Лавриненко И. В.* О крымском керамическом импорте на Средней Кубани в эпоху раннего средневековья // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М., 1990.
- Ляпушкин И. И.* Славяно-русские поселения IX–XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам // МИА. 1941. № 6.
- Майко В. В.* Керамический комплекс VIII–X вв. праболгарского городища Тепсень в Юго-Восточном Крыму (предварительная типология) // Българите в Северното Причерноморие: Изследвания и материали. Т. 7. В. Търново, 2000.
- Майко В. В.* Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. Киев, 2004.
- Майко В. В.* К вопросу о причинах смены материальной культуры на Таманском полуострове в середине X в. // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 2009.
- Майко В. В.* Праболгарские памятники юго-восточного Крыма. Эволюция керамического комплекса // Дриновський збірник. Т. V. Харків–Софія, 2012.

- Майко В. В. Лощеная оранжевоглиняная керамика салтовцев Таманского полуострова // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 2013.
- Майко В. В., Зубарев В. Г., Ярцев С. В. Хозяйственные ямы средневекового поселения в восточной части городища античного времени «Белинское» // Таврические студии. № 10. Симферополь, 2016.
- Марченко И. И., Бочковой В. В., Кононов В. Ю. Раскопки могильника «Виноградный-7» на Тамани в 2005–2006 гг. // МИАК. Вып. 7. Краснодар, 2007.
- Милютин А. И. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище // ИАК. Вып. 29. СПб., 1909.
- Минасян Р. С. Классификация ручного жернового постава (по материалам Восточной Европы I тысячелетия н. э.) // СА. 1978. № 3.
- Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
- Міхеєв В. К., Степанська Р. Б., Фомін Л. Д. Ножі салтівської культури та їх виробництво // Археологія. 1973. № 9.
- Науменко В. Е. Амфоры // Зинько В. Н., Пономарёв Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. / Боспорские исследования. Supplementum 5. Симферополь–Керчь, 2009(1).
- Науменко В. Е. Высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками // Зинько В. Н., Пономарёв Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. / Боспорские исследования. Supplementum 5. Симферополь–Керчь, 2009(2).
- Науменко В. Е. Фляги // Зинько В. Н., Пономарёв Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. / Боспорские исследования. Supplementum 5. Симферополь–Керчь, 2009(3).
- Науменко В. Е. Столовая посуда // Зинько В. Н., Пономарёв Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. / Боспорские исследования. Supplementum 5. Симферополь–Керчь, 2009(4).
- Нидзельницькая Л. Ю. Кулаков А. А. Раннесредневековое поселение Мартыново I на Нижнем Дону // Хазарские древности. Аксай, 2013.
- Николаева Э. Я. Раскопки городища Кепы в 1964 г. // КСИА. Вып. 109. 1967.
- Николаева Э. Я. Поселение у д. Ильич // КСИА. Вып. 168. 1981.
- Паромов Я. М. Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1981–1983 гг. // КСИА. Вып. 188. 1986.
- Паромов Я. М. Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1984–1985 гг. // КСИА. Вып. 196. 1989.
- Паромов Я. М., Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // Боспорский сборник. Вып. 1. М., 1992.
- Паромов Я. М. Хазарский период (VIII – начало X в.) / Поселения и дороги на Таманском полуострове в VIII–XIII веках // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье IV–XIII века. М., 2003 (Археология).

- Плетнёва С. А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
- Плетнёва С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. № 142. 1967.
- Плетнёва С. А. Сосуды с зооморфными чертами в салтово-маяцких древностях // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
- Плетнёва С. А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981(1) (Археология СССР).
- Плетнёва С. А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска – Преслав. Прабългарската култура. Материали от българо-съветската среща, Шумен, 1976. Т. 2. София, 1981(2).
- Плетнёва С. А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М., 1989.
- Плетнёва С. А. Саркел и «шелковый» путь. Воронеж, 1996.
- Плетнёва С. А. Древние болгары в восточноевропейских степях // Татарская археология. № 1. Казань, 1997.
- Плетнёва С. А. Очерки хазарской археологии. Москва–Иерусалим, 1999.
- Плетнёва С. А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века): Учебное пособие. Воронеж, 2003(1).
- Плетнёва С. А. Таматарха-Тмутаракань / Города Таманского полуострова в VIII–XIII веках // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века. М., 2003(2) (Археология).
- Плетнёва С. А. Фанагория / Города Таманского полуострова в VIII–XIII веках // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века. М., 2003(3) (Археология).
- Плетнёва С. А. Экологичные привычки жителей Хазарского каганата // Природа. № 9(1069). М., 2004.
- Плетнёва С. А. Древнерусский город в кочевой степи (опыт историко-стратиграфического исследования) / МАИЭТ. Supplementum 1. Симферополь, 2006.
- Плетнёва С. А., Красильников К. И. Гончарные мастерские Маяцкого комплекса // Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М., 1990.
- Пономарёв Л. Ю. Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное // БИ. Вып. III. Симферополь, 2003.
- Пономарёв Л. Ю. Хозяйственная деятельность населения салтовской культуры Керченского полуострова (краткий обзор археологических источников) // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження. Вип. 2. Харків, 2012.
- Пономарёв Л. Ю. Салтово-маяцкие горшки из поселений Керченского полуострова // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 12. Хазарское время. Донецк, 2014(1).

- Пономарёв Л. Ю.* Салтово-маяцкое поселение Героевка-3 на Керченском полуострове (по материалам раскопок А. В. Гадло в 1963 г.) // История и археология Крыма. Вып. I. Симферополь, 2014(2).
- Пономарёв Л. Ю.* Хозяйственно-бытовой и культовый комплекс находок с салтово-маяцких поселений и могильников Керченского полуострова // История и археология Крыма. Вып. III. Симферополь, 2016.
- Пономарёв Л. Ю., Пономарёва И. А.* Редкие формы салтово-маяцкой nelloщенной керамики из раннесредневековых поселений Керченского полуострова (предварительная информация) // Сугдейский сборник. Вып. IV. Киев–Судак, 2010.
- Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В.* Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.
- Русанова И. П., Тимощук Б. А.* Языческие святилища древних славян. М., 2007.
- Савченко Е. И.* Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа (Материалы работ Северокавказской экспедиции). Вып. 1. М., 1986.
- Сазанов А. В.* Хронология слоев средневековой Керчи // ПИФК. Вып. V. Москва–Магнитогорск, 1998.
- Свистун Г. Е.* О некоторых случайных находках салтово-маяцких керамических сосудов в Чугуевском районе Харьковской области // Харьковский историко-археологический сборник. Вып. 18. Харьков, 2016.
- Свистун Г. Е., Горбаненко С. А.* Потребительские предпочтения продуктов земледелия как проявление градообразующих тенденций на примере Чугуевского городища салтово-маяцкого времени // Материалы I Международной научной конференции «Проблемы аграрной истории и археологии Восточной Европы». Брянск, 2011.
- Сокольский Н. И.* Кепы // Античный город. М., 1963(1).
- Сокольский Н. И.* Крепость на городище у хутора Батарейка I // СА. 1963(2). № 1.
- Сокольский Н. И.* Раскопки в Кепях в 1962 г. // КСИА. Вып. 103. 1965.
- Сокольский Н. И.* Ильичевское городище // СА. 1966. № 4.
- Сорокина Н. П.* Средневековые погребения из некрополя города Кепы на Таманском полуострове // Экспедиции Государственного исторического музея. Доклады на сессии Ученого совета ГИМ 5–7 февраля 1969 г. М., 1969.
- Стадник О. В., Стадник А. И.* Батыр – памятник раннего средневековья в Степном Подонцовье // Матеріали та дослідження з археології Східної України. № 10. Донецьк, 2009.
- Стручалина Р. А.* Некоторые итоги раскопок городища Патрэй (По материалам археологических исследований 1968–1969 гг.) // Античный мир и археология. Вып. 1. Саратов, 1972.

- Сударев Н. И. Погребения в районе поселения Гаркуша 1 (Патрей) // БС. Вып. 4. М., 1994.
- Сударев Н. И., Майко В. В. Археологические исследования Таматархи-Тмутаракани 2012 г. Стратиграфия и хронология комплексов // История и археология Крыма. Вып. II. Симферополь, 2015.
- Сударев Н. И., Кашаев С. В. История исследования поселения Виноградный-7 и работы на памятнике в 2015 г. // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016.
- Супренков А. А. Поселение Гора Чиркова 1 – история исследований и новейшие раскопки // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016.
- Тарабанов В. А. Поселения болгар на правобережье Кубани // Древности Кубани и Черноморья. *Studia Pontocausica*, I. Краснодар, 1993.
- Тарабанов В. А. Поселение салтово-маяцкой культуры на правобережье Кубани близ станицы Васюринской // Историко-археологический альманах. Вып. 3. Армавир–Москва, 1997.
- Таскаев В. Н., Чхаидзе В. Н. Подводный комплекс раннесредневековых амфор из Кеп // ДБ. Т. 11. М., 2007.
- Тесленко И. Б., Телиженко С. А. Исследования средневекового поселения на мысе Сотера (предварительные итоги работ 2004, 2008–2013 гг.) // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный юбилею Елены Александровны Паршиной / Археологический альманах. № 33. Киев, 2015.
- Толстыкин П. В. Античный полис Кепы – памятник археологии в Таманском заливе // Вопросы подводной археологии. М., 2014.
- Фанагория. Альбом / Под ред. В. Д. Кузнецова, А. А. Завойкина. М., 2015.
- Флёров В. С. Распространение лощеной керамики на территории салтово-маяцкой культуры // Плиска – Преслав. Прабългарската култура. Материали от българо-съветската среща, Шумен, 1976. Т. 2. София, 1981.
- Флёров В. С. О хронологии салтово-маяцкой культуры // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1983.
- Чхаидзе В. Н. Раннесредневековые амфоры из Фанагории (по материалам раскопок 1939–1980 гг.) // ДБ. Т. 8. М., 2005.
- Чхаидзе В. Н. Средневековое сельское поселение на городище Кепы // ДБ. Т. 10. М., 2006.
- Чхаидзе В. Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., 2008.
- Чхаидзе В. Н. Таманское городище. Строительная техника и строительные материалы VII–X вв. // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 13. Воронеж, 2009.

- Чхаидзе В. Н. Раннесредневековые кочевнические погребения из Восточного Приазовья // МИАСК. Вып. 12. Армавир, 2011.
- Чхаидзе В. Н. К вопросу о присутствии протоболгар на территории Таманского полуострова в конце VI – начале VII вв. и о «столице» Великой Булгарии – Фанагории // Дриновський збірник. Т. V. Харків–Софія, 2012(1).
- Чхаидзе В. Н. Фанагория в VI–X веках. М., 2012(2).
- Чхаидзе В. Н., Таскаев В. Н., Толстыкин П. В. Памятники подводной археологии из городища Кепы // Патрей. Материалы и исследования. Вып. 4. М., 2007.
- Чхаидзе В. Н., Устаева Э. Р., Шалобудов В. Н. Золотые византийские монеты из раскопок Таманского городища // Древности Юга России: памяти А. Г. Атавина. М., 2008.
- Шелов Д. Б. Раскопки Западно-Цукурского поселения в 1952 г. // КСИИМК. Вып. LVIII. 1955.
- Шрамко Б. А. Кераміка салтівської культури // Учені записки ХДУ ім. О. М. Горького. Т. 100 / Труды історичного факультету. Т. 7. Харків, 1959.
- Шрамко Б. А. Точильні знаряддя скіфської доби // Археологія. 1973. № 11.
- Юрченко А. В. До питання про поховання на поселеннях салтівської культури (лісостеповий варіант) // Сумський історико-архівний журнал. № XVI–XVII. Суми, 2012.
- Kashaev S. V. Excavations of the Settlements Artyushchenko-2 and Vyshesteblievskaya-11 by the Taman Detachment // Hyperboreus. Vol. 11. Fasc. 2. SPb., 2005.

Список сокращений

- БИ – Боспорские исследования
БС – Боспорский сборник
ДБ – Древности Боспора
ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Российского археологического общества
ИАК – Известия Императорской археологической комиссии
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИАК – Материалы и исследования по археологии Кубани
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры
СА – Советская археология

А. А. Супренков, В. Е. Науменко, Л. Ю. Пономарёв

Поселение VIII–X вв. Гора Чиркова 1 на Таманском полуострове
(краткий обзор по результатам раскопок 2015 г.)

Резюме

В статье приведен краткий обзор результатов раскопок салтово-маяцкого поселения Гора Чиркова 1. Поселение расположено в юго-западной части Таманского полуострова и исследуется с 2001 г. В 2015 г. в северной его части на территории 25 000 кв. м были выявлены разнообразные хозяйственные и ритуальные комплексы, датированные VIII – первой половиной X в. Большая часть из них представлена разрушенными ямами для хранения зерна и полуземлянками, назначение которых установить не удалось. К ритуальным комплексам относятся одиночное захоронение мужчины и жертвоприношения людей и животных. Совершены они были в специально вырытых для этих целей ямах и заброшенных ямах-зернохранилищах. Жертвоприношения, видимо, были связаны с земледельческим и скотоводческим культом плодородия. Захоронения на салтово-маяцких поселениях совершались по причинам культурно-религиозного, политического, социально-экономического и общественного характера.

Ключевые слова: Таманский полуостров, поселение Гора Чиркова 1, погребальные комплексы, ритуальные комплексы, салтово-маяцкое поселение.

A. A. Suprenkov, V. E. Naumenko, L. Y. Ponomarev

Settlement VIII–X centuries Mount Chirkov 1 on the Taman Peninsula
(an overview of the results of the excavations in 2015)

Summary

The article provides a brief overview of the results of excavations Saltovo-Mayaki settlement Mountain Chirkov 1. Settlement is located in the southwestern part of the Taman peninsula and studied since 2001. In 2015, in the northern part of the territory of 25 000 square meters have been identified a variety of economic and ritual complexes, dated VIII – the first half of X century. Most of them are represented by the destroyed wells for storage of grain and huts, the purpose of which has not been established. By the ritual burial complexes are single men and the sacrifice of humans and animals. Committed they were in a specially dug for this purpose wells and abandoned wells, granaries. Sacrifice seems to have been associated with agricultural and pastoral cult of fertility. Burial at Saltovo-Mayaki settlements were made for reasons of cultural, religious, political, socio-economic and social nature.

Keywords: Taman Peninsula, the settlement Mount Chirkov 1, burial complexes, ritual complexes, saltovo-mayaki settlement.

В. С. Флёров

**О ПЕРВЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ
МЕСТОНАХОЖДЕНИЙ БАШАНТА.
НЕИЗВЕСТНАЯ ВИЗАНТИЙСКАЯ МИССИЯ
В ХАЗАРИЮ?**

Участие византийских фортификаторов в сооружении Саркела, известное как миссия Петроны Каматиры, общепризнано. Начало строительства Саркела сегодня относят ко времени не ранее 840/841 г. [Сорочан, 2005, с. 553–572]. Источники не сохранили сведений о более ранней активности византийцев в Хазарском каганате, а историки и археологи не обращали внимания на давнюю мысль М. И. Артамонова о появлении кирпичного строительства на Нижнем Дону задолго до Саркела в другой крепости – Семикаракорской. Раскопки ее, а также белокаменной Правобережной Цимлянкой, дали серию находок, позволивших автору ставить вопрос о сооружении двух названных крепостей, если и не при непосредственном содействии византийцев, то с использованием образцов византийских строительных материалов [Флёров, 2013]. Обе возникают в конце VIII – начале IX в., т. е. за 40–50 лет до Саркела. Со временем их хронология будет уточняться.

Крепости Семикаракорская, Правобережная Цимлянская, Камышина и Саркел расположены на берегах Нижнего Дона, служившего для византийцев водным путем. Оставляя в стороне вопрос об их проникновении на Северский Донец и Средний Дон вплоть до Маяцкой крепости [Тишин, Флёров, 2016], рассмотрим левый приток Дона – реку Маныч и ее бассейн, остающиеся сегодня самыми

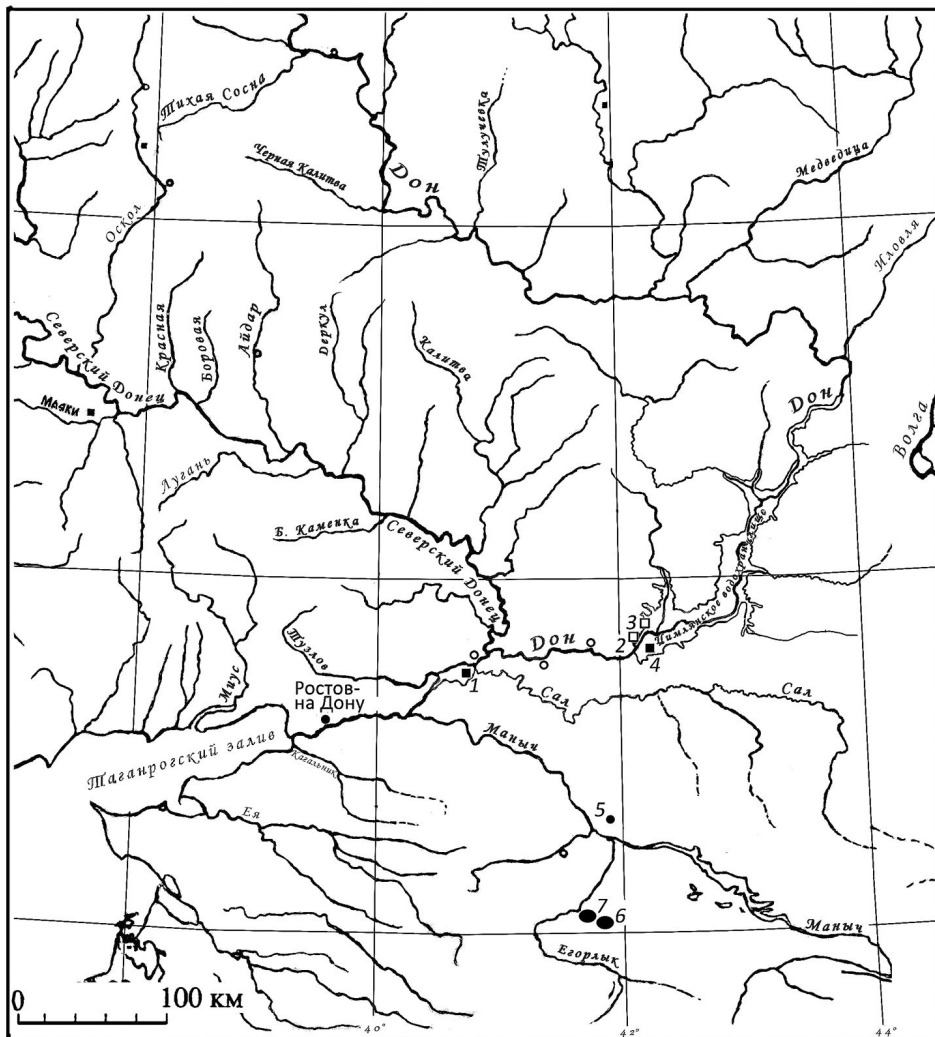
малоизученными территориями Хазарского каганата. Были ли на берегах Маныча, особенно в нижнем его течении, значительные поселения и городища, остается неизвестным. Если и были, то уничтожены с превращением русла реки в сплошной каскад водохранилищ. И все-таки есть основания предполагать, что были, так как в конце XIX в. примерно в 125 км от устья Маныча у станицы Великокняжеской (сегодня г. Пролетарск) случайно обнаружены кирпичи, амфоры, другие предметы [Археологические известия..., 1895, с. 372, 373. Каталог..., 1979, с. 90. Нидзелинская, 2007, с. 207]. Л. Ю. Нидзелинская считает, что амфоры датируются не позднее середины IX в. Археологические изыскания по свежим следам не были проведены. В итоге невозможно сказать, из какого типа памятников происходили находки. Некоторые исследователи предположительно называют местонахождение у ст. Великокняжеской городищем [Посегун, 2012, с. 218], хотя кирпичи и амфоры не являются признаками исключительно городищ.

В бассейне Маныча за истекшее более чем столетие не было обнаружено сколько-нибудь значимых поселенческих памятников салтово-маяцкой культуры. Такое положение сохранялось до первых сообщений о неожиданном открытии двух местонахождений.

Первое из них, Башанта-I, обнаружено Л. Д. Манджиковой в 2008 г. на р. Егорлык – небольшом левом притоке Маныча в 160 км южнее Семикаракорской крепости и всего лишь в 60 км южнее ст. Великокняжеской [Очир-Горяева, фон Карнап Борнхейм, Кекеев, Манджикова, 2011, с. 63–70].

Его обследование начала в 2010 г. М. А. Очир-Горяева, первоначально датировавшая памятник широко – домонгольским временем [Очир-Горяева, фон Карнап Борнхейм, Кекеев, Манджикова, 2011, с. 63]. Представленные в коллекции фрагменты круглодонных амфор VIII–IX вв. дали мне возможность отнести всю коллекцию ко времени Хазарского каганата¹. Естественно, технологию их изготовления никак нельзя связывать с волжскими болгарами, о чем писали соавторы [Очир-Горяева, фон Карнап Борнхейм, Кекеев, Манджикова, 2011, с. 70].

¹ В 2011 г. М. А. Очир-Горяева пригласила меня в Элисту для консультации по хронологии, керамике и черепице Башанты. Выражаю признательность Марии Александровне за подробный рассказ о местонахождении находок и комментарии к отчетам о раскопках.

Илл. 1.

1 – Семикаракорское городище, 2 – Правобережное Цимлянское городище,
3 – Камышино городище, 4 – Саркел, 5 – местонахождение Великокняжеское,
6 – Башанта-I, 7 – Башанта-II.

Самые ценные в научном отношении находки в Башанте, особенно в плане хазаро-византийских контактов, – фрагменты черепицы, имеющие то же северо-причерноморское происхождение, что и сопутствующие им амфоры. Я сообщил М. А. Очир-Горяевой

мое заключение о некотором сходстве (но не идентичности!) черепицы Башанты с той, что была обнаружена в Правобережной Цимлянской крепости (об этом см. публикацию: [Флёров, 2001])². Что не смогли определить соавторы: черепица из Башанты не просто аналогична крымской, но, по моей оценке, *привезена* из Крыма или с Таманского полуострова. Среди нее керамида с водосливными валиками. Это первый случай обнаружения черепицы с валиками не только в обширном бассейне Нижнего Дона, но и на всей территории Хазарского каганата.

Не может не обратить на себя внимания и еще один вид строительного материала из Башанты – небольшие «обтесанные камни-ракушечники» размерами 32 : 30 : 10 | 50 : 40 : 12 см и др.

Третий вид строительного материала из Башанты – «сырцовые кирпичи» (названы «саманом»). Размеры их определены приблизительно (57 : 14 | 40 : 12 | 38 : 12 см). Один примерно 40 : 15 : 15 см. В отношении кирпичей имеется некоторая неясность, касающаяся их поштучного залегания в культурном слое, причем в недеформированном состоянии [Очир-Горяева, фон Карнап Борнхейм, Кекеев, Манджикова, 2011, с. 67, 69, рис. 4].

В ряде случаев представленная в сообщении информация трудно поддается интерпретации, нуждается в дополнительных разъяснениях. Характеризовать на ее основе Башанту (поселение? городище?) по шурфам не представляется возможным, границы памятника не установлены. Преждевременно писать о нем как о «памятнике городского типа» [Очир-Горяева, фон Карнап Борнхейм, Кекеев, Манджикова, 2011, с. 70]. В заголовке следующей публикации он подается именно таким – «городского типа» [Очир-Горяева, фон Карнап Борнхейм, Кекеев, 2011]. В публикации, отмечу, впервые произведена дифференциация черепицы на «плоскую с бортиком и полукруглую в сечении». Иными словами – на керамида и калиптеры.

Дополнительная информация о Башанте-I содержится в еще одной публикации, в которой памятник назван – «урбанный» [Очир-Горяева, Ситдилов, 2016, с. 256]. Интересны в ней сведения о декоративно оформленных камнях с полукруглым валиком и фрагментах декоративных камней из ракушечника с заполированной

² М. А. Очир-Горяева ошиблась: моя публикация, на которую она ссылается, посвящается семикаракорским черепице, а не правобережной цимлянской [Флёров, 2001].

или заглаженной поверхностью [там же, с. 255]. В традициях салтово-маяцкой культуры такая обработка каменных деталей неизвестна. Возможно, речь идет об архитектурных деталях. Не исключая, что найдутся и более выразительные (предполагать позволяют находки капителей и колонн в Саркеле).

«Камни» с полированной поверхностью бывают покрыты штукатуркой (странный прием – перед оштукатуриванием полировать поверхность). Первый вид штукатурки, рыхлый белый, представлен наибольшим количеством фрагментами. Он при помещении в воду «издает шипение, которое быстро прекращается» (выделение углекислого газа? – В. Ф.). Может быть, это недостаточно гашеная известь? Второй вид, судя по описанию, действительно может являться штукатуркой. Ее находки более редкие. «Она представлена мелкими фрагментами более плотной массы светло-оранжевого цвета... При помещении в воду этот вид штукатурки не издает шипения... по плотности напоминает кафельную плитку» [там же, с. 255]. Эти характеристики заставляют вспомнить о штукатурке в Правобережной Цимлянской крепости, но по цвету белой [Флёров, 2013, с. 480–481].

Что касается черепицы, то впервые упомянуты калиптеры VIII в. О том, насколько надежна такая точная для них дата, см. ниже.

В 2016 г. появляется сообщение об открытии в 8 км от первой Башанты, теперь получившей индекс «I», местонахождения Башанта-II [Очир-Горяева, Ситдииков, Кияшко, Нага, 2016, с. 23–36] на р. Егорлык в том же Городовиковском районе Калмыкии. На новом памятнике пока произведены только сборы и заложены шурфы. Остановлюсь на некоторых находках.

Керамика. Перечислены немногочисленные фрагменты салтово-маяцких горшков и одного котла с внутренними ушками. О горшках приходится судить только по фотографиям стенок одного кружального с линейным орнаментом и одного толстостенного, но все же не лепного, как пишут авторы (он сопровождается странной подписью «фрагмент обмазки толстостенного лепного сосуда») [там же, 2016, с. 27, 28, рис. 4, 5].

В керамическом наборе, однако, преобладают амфоры северо-причерноморских типов. Упомянутые фрагменты стенок амфор с мелким зональным рифлением дают основание только предположительно датировать их концом VIII – первой половиной IX в. Малоинформативны фотографии двух ручек и донца (вид внутрен-

ней поверхности) амфор из Башанты-II. Поскольку по найденным фрагментам типы амфор не устанавливаются, то рассуждения авторов о вариантах форм тулова оказываются совершенно излишними, как и упоминания “globular amphoras” с датами VII–VIII вв. (со ссылкой: [Vroom, 2005, p. 60–62]), а равно и отсылки к работам российских авторов [Голофаст, Ольховский, 2013; Якобсон, 1979, с. 164]. Справедливости ради отмечу, что не лучше обстоит дело с датированием амфор по фрагментам на всех поселениях салтовомаяцкой культуры. В статье упомянута «красноглиняная керамика», но что подразумевается под нею не объяснено [Очир-Горяева, Ситдииков, Кияшко, Нага, 2016, с. 25].

Строительные материалы в Башанте-II представлены, прежде всего, калиптерами (о керамидах информации нет). Данные о количестве найденных обломков непонятны. Так, сообщается, что в трех шурфах с мощным культурным слоем были «обильные находки фрагментов керамики, черепицы» [Очир-Горяева, Ситдииков, Кияшко, Нага, 2016, с. 32]. Однако из таблицы «Соотношение видов керамики в подъемном материале и в материале разведочных шурфов» на с. 31 следует иное: в столбце «Черепица» указаны всего 3 фрагмента. В соседнем столбце «Калиптеры VIII в.» – 0 (ноль) фрагментов. Что кроется за делением черепицы на «черепицу» и «калиптеры VIII в.», которых вообще нет? Но если калиптеры не найдены, то как воспринимать утверждение, что наряду с другими находками «форма калиптеров датирует поселение VIII в.» [там же, с. 33]? Что касается форм калиптеров, то выделить среди них относимые исключительно к VIII в. пока не удалось ни одному исследователю крымской и таманской черепицы. Изображений башантинской черепицы, к сожалению, в статье нет. Вернемся к Башанте-I, в описании черепицы которой читаем: «В раскопе 2 были обнаружены 92 находки фрагментов строительной керамики – черепицы. Фрагменты черепицы относятся к массовым находкам. Большинство из них определить трудно. Удалось только в 12 случаях *твердо установить* (выделено мною. – В.Ф.), что они являются фрагментами *калиптер* (так в оригинале. – В.Ф.), датируемых VIII в. Черепица известна из раскопок Саркела (30 экз.), Правобережного Цимлянского городища (313 экз.), Семикаракорского городища (8608 экз.). С учетом находок подъемного материала в период времени с 2008 по 2015 г. на городище Башанта-I собрано всего 217 фрагментов

черепицы. Аналогии ей имеются в Крыму, в средневековом Херсонесе и на горных крепостях – инсарах» [*Очир-Горяева, Ситдилов, 2016, с. 255*]. После данного пассажа следует ссылка на А. Л. Якобсона [*Якобсон, 1964, с. 66, 93*]. На с. 66 указанной книги А.Л. Якобсона речь идет о знаках на *керамидах* IX–X вв. и помещен рисунок двух из них. На рис. 31 (с. 93) – также изображения знаков и двух *керамид* (выделено мною. – В.Ф.) Херсона, но уже XII–XIII вв.

Обнаружение блоков – одно из примечательных открытий на Башанте-II. Отдельные блоки достигают размеров 64 : 46 : 25 | 54 : 33 : 16 см. Сообщается и о каком-то строении из камня размерами 16,7 : 16 м, ранее уничтоженном местным населением (хронология его не установлена). Но самой интересной оказалась кладка из блоков в одном из шурфов, назначение которой еще не выяснено [там же, с. 32, рис. 10].

Несмотря на находки блоков, пока следует воздержаться от определения Башанты-II как городища. Нельзя не обратить внимания на то, что в статье М. А. Очир-Горяевой и ее соавторов к Башанте-II применяется термин «поселение» [там же, с. 25, 26, 33], но в преамбуле к статье она названа «городище-спутник» (надо полагать, Башанты-I). План памятника охарактеризован как трапециевидный с эскарпом на одной стороне, но не сообщено главное – размеры памятника. Границы «трапеции» не отмечены ни валами, которые можно было бы трактовать как развалины стен, ни иными археологическими маркерами. Что касается эскарпа, то его наличие требует подтверждения.

Хронология Башанты-II обосновывается следующим образом. «Керамический материал: амфоры византийские и причерноморского типа, салтовские горшки, ойнохойя баклинская, а также форма калиптеров датирует местонахождение VIII в.» [там же, с. 33]. Такое «точное» датирование не может быть принято. Во-первых, ему должна предшествовать большая работа по определению даты каждой из категорий вещей. Во-вторых, ни для одной из них еще не установлены даты, которые укладываются в один – в данном случае VIII – век. Салтово-маяцкие горшки сами по себе вообще не поддаются узкому датированию внутри хронологических рамок салтово-маяцкой культуры. Пока невозможно уложить строго в один век не только калиптеры, но и какие-либо виды амфор и ойнохой, тем более по обломкам.

Илл. 2.

Башанта-II, каменная кладка из шурфа 1/2015 г.

(по: [Очир-Горяева М. А., Ситдииков А. Г., Кияшко Я. А., Нага Т., 2016, с. 32, рис. 10]).

В статье приведены даты местонахождения Башанта-I: середина VII – конец VIII в. «в соответствии с двумя радиоуглеродными датами (622–655 г. при 68,3% и 600–662 при 95,4%) и (672–782 при 90,6%), полученными в Лейбниц-лаборатории Кильского университета (Германия). В соответствии с ними Башанта-I объявляется «наиболее ранним поселенческим памятником эпохи Хазарского каганата восточноевропейских степей» [Очир-Горяева, Ситдииков, Кияшко, Нага, 2016, с. 24]³. Хотелось бы... но среди ее находок не указаны археологические материалы, подтверждающие существование памятника уже в VII в. Свет на хронологию Башанты-I могла бы пролить «серебряная овальной формы пряжка» [Очир-Горяева, Ситдииков, 2016, с. 256], но на данный момент ее изображение не опубликовано.

Итак, по авторским заключениям Башанта-I появляется на пол-века ранее Башанты-II, а впоследствии, на протяжении VIII в., они

³ Получены по кости овцы из шурфа 1: AD 622–655 г. и кости оленя из шурфа 5: AD 672–782.

сосуществуют. Без полной публикации находок такое построение хронологии преждевременно. Тем более что в статье отмечено: «Полная идентичность керамики и строительного материала, а также территориальная близость [Башанты-II. – В. Ф.] к городищу Башанта-I указывают, что новое поселение, вероятно, формирует единую агломерацию. Это позволяет рассматривать их как единый комплекс поселений раннего средневековья» [Очир-Горяева, Ситдииков, Кияшко, Нага, 2016, с. 33], что противоречит одновременности их возникновения, вывод о котором построен на радиоуглеродном датировании. Не стоит радиоуглеродное датирование средневековых памятников считать всегда безошибочным.

Башанта-I и II подверглись лишь самому начальному обследованию. Тем не менее была предложена концепция, согласно которой: «В степной зоне Восточной Европы первые памятники урбанизма датируются эпохой раннего средневековья, а именно временем существования Хазарского Каганата (VII–IX вв.). До последнего времени количество памятников городского типа ограничивалось несколькими, ставшими знаменитыми городищами, расположенными по течению р. Дон – городище Саркел–Белая Вежа (Артамонов, 1962), Правобережное Цимлянское городище (Ляпушкин, 1958, с. 85–150; Плетнёва, 1995, с. 271–369; Флёров, 1995, с. 441–516), Семикаракорское городище (Флёров, 2001, с. 56–70)». Несколько строками ниже список дополнен городищем Камышино, расположенным рядом с Правобережным Цимлянским [Очир-Горяева, Ситдииков, Кияшко, Нага, 2016, с. 23, 24]. Судя по характеру ссылок, взгляды перечисленных авторов на проблему урбанизации в Хазарском каганате не учитывались. Не упомянута иная точка зрения [Колода, 2012; Флёров, 2005; Флёров, 2009; Флёров, 2010; Флёров, 2011]. Но главное, не предложено обоснование урбанизации перечисленных ниже-донских памятников. Что касается первой и второй Башанты, то теоретизированию на эту тему должны предшествовать большие раскопки. Из-за непредсказуемости их результатов более чем преждевременным выглядит этногеографический тезис, появившийся еще до открытия Башанты-II: «К основной доменной территории Хазарского каганата относятся только памятники степей между рр. Дон и Волга, поэтому именно они могут соотноситься с этническими хазарами» [Очир-Горяева, Ситдииков, 2016, с. 257].

Из первых находок в башантинских местонахождениях выделю наиболее, на мой взгляд, значимое – черепица с валиками. Будучи массовой в Северном Причерноморье, она не может не привлечь повышенного внимания при обнаружении в Хазарском каганате. До открытия у Башанты керамиды *без валиков* в небольшом количестве были известны в Саркеле, а затем в большом числе и иных типов обнаружены в крепостях Семикаракорской и Правобережной [Флёров, 2014(1)]. Но черепица Семикаракорской и Правобережной крепостей изготовлена на месте как подражание северо-причерноморской. Об этом свидетельствует технология ее изготовления [Моисеев, 2015, с. 156–179]⁴.

В Башанте-I нет обожженных и сырцовых кирпичей семикаракорско-саркелских форматов (или еще не обнаружены?), а представлены «саманные» иных размеров (57 : 14 | 40 : 12 | 38 : 12 | 28 : 10 | 24 : 12 см). Только последний размер напоминает полуформатные семикаракорские кирпичи, но для полной уверенности не хватает третьего замера – толщины.

Особенности строительных материалов Башанты-I и II, а также то обстоятельство, что они находятся в значительном удалении от донских крепостей, позволили мне выдвинуть следующее предположение, в котором на первое место я вновь ставлю явно привозную черепицу, а затем и использование штукатурки⁵. Не исключено, что новые местонахождения являют следы еще одной византийской строительной миссии в каганат, сведения о которой не сохранились или не были зафиксированы современниками. Была ли она более ранняя по времени, нежели миссия Петроны Каматиры 840/841 г.? [Флёров, 2014(2), с. 237–239; Флёров, 2016, с. 48, 60].

⁴ К сожалению, мне и Д. А. Моисееву осталось неизвестным, сохранились ли в коллекциях Гос. Эрмитажа обломки черепиц из раскопок Саркела. П. А. Раппорт приводит следующие ее характеристики: «...хорошего обжига, красного цвета, из глины, не содержавшей крупных примесей». Этого мало для определения места ее изготовления. Косвенным аргументом в пользу доставки из какого-то северо-причерноморского или иного центра служит ее малочисленность – не более тридцати фрагментов, залегающих одним скоплением. Вероятно, на месте строительства Саркела производство черепицы не было налажено или от него вообще отказались, предпочтя ей местные материалы (рогоз?). Судя по рисункам, черепица Саркела иного типа, нежели семикаракорская и правобережная [Раппорт, 1959, с. 35, 37, рис. 37].

⁵ Предположение выдвинуто мною ранее, на основе еще только краткой публикации Башанты-I.

Данная гипотеза будет проверяться по мере публикации черепицы⁶, «тесаных камней», штукатурки, возможно и архитектурных деталей, а также датирующих предметов из обоих памятников. В свою очередь, это прояснит некоторые проблемы хронологии Семикаракорской и Правобережной Цимлянской крепостей с их черепицей, которые построены при участии византийцев до Саркела.

Остается вопрос, на который сегодня трудно ответить: почему все-таки комплекс Башанта с его византийской керамикой и черепицей оказался в столь, как доселе представлялось, «глухом» районе, не на берегах Дона, до которого 160–170 км к северу, и не на полноводном Маныче, но в 45(!) км от последнего, на его притоке Егорлыке – третьестепенной степной речке? В чем смысл такого расположения?

Возможно, в междуречье Маныча и Сала будет обнаружен еще один памятник, упоминаемый полузабытым автором. Сохраняю его правописание: «По реке Манычу, впадающему в Дон выше Черкасса на 15 верст, на всем протяжении его, от соляных озер до устья, находится, особенно по правой стороне, много больших курганов, с признаками кирпичных построек: кирпич кладен на извести. Между такими курганами, в нескольких местах, заметны небольшие городища; из них особенно значительно то, которое лежит близ вершин р. Большого Гашуна на хребте, составляющего конец горы *Улки*, известной по русской географии XVI века, и разделяющего скаты между рр. Манычью и Салом. Пункт этого городища весьма высок: с него открывается местность во все стороны на далекое расстояние: против других оно гораздо больше обнесено значительным валом; во многих местах заметны основания башен. Внутри вала множество бугров, показывающих места зданий; есть родник с пресною водою» [*Лудафов*, 1890, с. 122. 123]. Маркером, объединяющим местонахождения Великокняжеское и Большой Гашун, выступают обожженные кирпичи, которых нет в памятниках Башанты.

Будет ли сегодня плодотворной дискуссия о местонахождениях Башанта-I и Башанта-II? При уровне изложения и объеме информации первых публикаций ответ может быть только отрицательным. Лишь с полным изданием уже накопленных археологических

⁶ С разрешения М. А. Очир-Горяевой я сделал зарисовки нескольких фрагментов черепицы и передал их ей для публикации, но к настоящему времени сведениями о ней не располагаю.

материалов и при условии продолжения раскопок станет возможным начать серьезное обсуждение башантинского феномена как в плане атрибуции находок, хронологии, так и места всего комплекса Башанты среди уже достаточно изученных археологических памятников каганата.

Случаи, при которых выводы опережают исследования (как с определением городского статуса Башанты-I и Башанты-II), не единичны в археологии Хазарского каганата. То же произошло с городищем Камышино. После единственного полевого сезона реконструирован единый Саркелский комплекс городов в составе Правобережного и Левобережного (Саркел) Цимлянских городищ и самого Камышина. Помимо прочего, воскрешается предположение Б. В. Лунина [Лунин, 1927] о едином городе, частями которого были Правобережное и Саркел [Семёнов, Ларенок, 1999, с. 27–32]. При этом не учтено, что они разновременны.

Другой пример. Городище Самосделка уже при самом начале раскопок приобрело широкую известность как возможные руины Итиля [Зиливинская, Васильев, 2008, с. 224–226]. Однако, как писали исследователи городища, «доказать или опровергнуть эту гипотезу могут только очень длительные и кропотливые археологические раскопки» [Зиливинская, Васильев, 2006, с. 47]. Раскопки длятся уже более пятнадцати лет, но гипотеза все еще не получила окончательного подтверждения.

Литература

- Археологические известия и заметки. МАО. № 1. М., 1895.
- Голофаст Л. А., Ольховский С. В. Амфорная тара из подводных раскопок в акватории Фанагорийской гавани // ПИФК. 2013. № 2 (40).
- Зиливинская Э. Д., Васильев Д. В. О вероятности локализации города Итиля на Самосдельском городище в дельте Волги // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г. Т. II. Санкт-Петербург – Москва – Нижний Новгород, 2008.
- Каталог археологических коллекций Музея истории донского казачества / Составитель Б. А. Раев. Новочеркасск, 1979.
- Колода В. В. [Рец. на:] Флёров В. С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.: Мосты культуры; Гешарим, 2011. 264 с. // Древности. 2012. Харьков, 2012.
- Ларенок П. А., Семёнов А. И. Саркел, Саркел, еще Саркел... // Донская археология. № 3–4. Ростов-на-Дону, 1999.

- Луни́н Б. В. Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1926 г. // Бюллетень Северо-Кавказского бюро краеведения. Вып. 1–6. Ростов-Дон, 1927.
- Моисеев Д. А. Технология изготовления строительной керамики Семикаракорского городища (конец VIII – начало IX вв.) // ХА. Т. 13. М., 2015.
- Нидзелинская Л. Ю. Византийские амфоры с линейно-зональным орнаментом VII–IX веков из собрания донских музеев (опыт классификации) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века / Мат. XII междунар. научн. конф. Ростов-на-Дону, 2007.
- Очир-Горяева М. А., К. фон Карнап Борнхейм, Кекеев Э. А., Манджикова Л. Д. Поселение «Башанта» с каменными постройками эпохи средневековья // ВКИГИ. № 1. Элиста, 2011.
- Очир-Горяева М. А., К. фон Карнап Борнхейм, Кекеев Э. Открытие первого на территории Калмыкии памятника городского типа эпохи средневековья // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. М., 2011.
- Очир-Горяева М. А., Ситди́ков А. Г. Открытие и изучение городища Башанта I эпохи раннего средневековья в Городовиковском районе Калмыкии // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Материалы V Международной Нижневолжской конф. Элиста, 2016.
- Очир-Горяева М. А., Ситди́ков А. Г., Кияшко Я. А., Нага Т. К изучению памятника эпохи средневековья Башанта-II // ПА. 2016. № 4.
- Посегун А. А. Новые данные о поселенческих памятниках левобережья Западного Маныча // ИАИАИАНД. Вып. 26. Азов, 2012.
- Пудавов В. М. История войска Донского и старобытность начал казачества. Вып. 1. Новочеркасск, 1890.
- Раппопорт П. А. Крепостные сооружения Саркела // Тр. ВДАЭ, т. II / МИА № 75. М.–Л., 1959.
- Сорочан С. Б. Византийский Херсонес (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Части 1 и 2. Харьков, 2005.
- Тишин В. В., Флёров В. С. Псевдогреческая надпись «ΥΣ» из Маяцкой крепости. Хазарский каганат // Восточная Европа в древности и средневековье. Письменность как элемент государственной инфраструктуры / XXVII Чтения памяти В.Т. Пашуто. М.: Институт всеобщей истории, 2016.
- Флёров В. С. Черепица крымского образца в Хазарии // Средневековые древности евразийских степей / Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 15. Воронеж, 2001.
- Флёров В. С. Были ли в Хазарском каганате города? Археологический аспект проблемы // Тюркологический сборник. 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005.
- Флёров В. С. Итиль: возможности реконструкции // EURIKA. In honorem Ludmilae Donchevae-Petkovaе. София, 2009.

- Флёров В. С. «Города», «замки» и «феодализм» в Хазарском каганате. Проблемы исследований // Хазары: миф и история. Москва–Иерусалим, 2010.
- Флёров В. С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. Москва–Иерусалим, 2011.
- Флёров В. С. Византийское в ниже-донских крепостях Хазарского каганата // Ῥωμαιοί: сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана // Нартекс. Byzantina Ukrainensis. Т. 2. Харьков, 2013.
- Флёров В. С. Строительные материалы византийского происхождения в хазарских крепостях Нижнего Дона // Калинина Т. М., Флёров В. С., Петрухин В. П. Хазария в кросскультурном пространстве: Историческая география. Крепостная архитектура. Выбор веры. М., 2014(1).
- Флёров В. С. К периодизации ниже-донских крепостей Хазарского каганата // КСИА. Вып. 236. М., 2014(2).
- Флёров В. С. 2016. Семикаракоры: башня на северной стене и относительная хронология ниже-донских хазарских крепостей // РА. 2016. № 2.
- Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
- Якобсон А. Л. Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры. М.–Л.: 1964.
- Vroom J. Byzantine to Modern Pottery in the Aegean. An Introduction and Field Guide. Parnassus Press, 2005.

Список сокращений

- ВКИГИ – Вестник калмыцкого института гуманитарных исследований. Элиста
- ИАИАИАНД – Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов
- КСИА – Краткие сообщения института археологии РАН. Москва
- МАО – Московское археологическое общество
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва–Ленинград
- ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Москва–Магнитогорск–Новосибирск
- ПА – Поволжская археология. Казань
- РА – Российская археология. Москва
- Тр. ВДАЭ – Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Москва–Ленинград
- ХА – Хазарский альманах. Москва–Киев–Харьков

В. С. Флёров

**О первых публикациях местонахождений Башанта.
Неизвестная византийская миссия в Хазарию?**

Резюме

Новые археологические поселения Башанта-I и Башанта-II были обнаружены в 2008 и 2010 гг. в Калмыкии западнее г. Городовиковска на р. Егорлык, приток р. Маныч. Оба относятся к салтово-маяцкой культуре Хазарского каганата. М. А. Очир-Горяева провела на них предварительные работы. В статье изложены критические замечания к поспешным выводам М. А. Очир-Горяевой с соавторами в первых публикациях о Башанте-I и II. Нет оснований датировать их серединой VII–VIII вв. и считать памятниками городского типа. В. С. Флёров выдвигает гипотезу о проникновении на Маныч неизвестной византийской миссии, аналогичной миссии Петроны Каматира. Среди ее следов впервые найденная в Хазарском каганате импортная византийская черепица с валиками.

Ключевые слова: поселения Башанта-I и Башанта-II, салтово-маяцкая культура, неизвестная византийская миссия, византийская черепица.

V. S. Flyorov

**About the First Publications of Locations of Bashanta.
Unknown Byzantine Mission to Khazaria?**

Summary

In 2008–2010 the new archaeological settlements Bashanta-I and Bashanta-II were found in Kalmykia to the west of Gorodovikovska city on Yegorlyk river, inflow of Manych river. Both ones belong to the Saltovo-Mayatskaya culture of Khazar kaganate. M. A. Ochir-Goryaeva conducted preliminary researches on its. In this article the critical remarks are expounded to the hasty conclusions of M. A. Ochir-Goryaeva with coauthors in the first publications about Bashanta-I and Bashanta-II. There are not grounds to date its by the middle of 7th–8th centuries AD and also to suppose that these monuments are municipal type ones. V. S. Flyorov proposes a hypothesis about the penetration to Manych river basin the unknown Byzantine mission, which was similar to Petrona Katamir's one. As a proof of it is the imported Byzantine ceramics with rollers which were found in the Khazar kaganate firstly.

Keywords: settlements Bashanta-I and Bashanta-II, Saltovo-Mayatskaya culture, unknown Byzantine mission, Byzantine ceramics.

III

Дискуссия

О. А. Мудрак

ОСНОВНОЙ КОРПУС ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ РУНИКИ

В результате работ, в первую очередь, отечественных историков и археологов, за последние четыре десятилетия удалось собрать большой корпус восточноевропейских рунических памятников. Это название для особого типа письменности было предложено И. Л. Кызласовым, проведшим огромную практическую работу по идентификации и уточнению начертаний знаков на известных памятниках особого «рунического» письма. Им была проведена инвентаризация знаков и определение ряда модификаций или почерков. Как стало ясно к настоящему времени, география этих памятников включает в себя на востоке – одиночные надписи бассейна реки Камы и Среднего Поволжья, на юге – истоки Кубани, в центре – бассейны рек Дон, Донец и частично среднее Поднепровье. Также стало понятным, что особое письмо надписей Паннонии и Трансильвании является одной из модификаций этой восточноевропейской руники. По данным археологов, все эти памятники датируются с последней трети 1-го тысячелетия н.э. до первых веков 2-го тысячелетия. Название «руническое» в некоторой мере условно. Оно не указывает на прямые связи с известной германской руникой, а лишь характеризует модели графических приемов, типичных для алфавитов, которые использовались при нанесении надписи на твердую поверхность. Такое словоупотребление типично и в отношении тюркской или орхоно-енисейской системы письма.

Благодаря анализу и выявлению графем и почерков, сделанному И. Л. Кызласовым, удалось найти внешние связи знаков, определить звучания и прочесть тексты, написанные этим письмом. Наибольшее количество сходжений, включающих соответствие графического образа и звучание, обнаружено с секельским тайным письмом, которое использовалось венграми после их появления на «новой Родине» в Европе. Нельзя говорить об идентичности этих систем. Налицо дальнейшее развитие и изменение восточноевропейского рунического алфавита и его приспособление к языку с отличающейся структурой и фонетикой. Вполне естественно, что большее подобие демонстрируют варианты графем на памятниках, обнаруженных в Паннонии, т.е. в том же самом ареале. Однако следует отметить, что дешифровка звучания и прочтение памятников начинались с «донских» и «кубанских» надписей, собранных и сгруппированных И. Л. Кызласовым в его книге «Рунические письменности евразийских степей» и интерпретации текстов рунических легенд «хазарских дирхемов». Выяснилось, что основная масса текстов написана на осетинском языке, кроме того, были обнаружены вкрапления на нахском (точнее, вайнахском или чечено-ингушском) языке. Правильность прочтения получала подтверждение с привлечением новых материалов. Позднее были обработаны надписи смешанного типа (донские/ vs. Кубанские – из упомянутой книги И. Л. Кызласова), а также часть надписей, фигурирующих в книге С. Я. Байчорова «Древнетюркские рунические памятники Европы» (далее – *БСЯ*, 1989). Сюда попала часть памятников письма кубанского типа и комплекс надписей на посуде из «аварского клада», найденного у г. Надь-Сент-Миклош в Венгрии. Далее, благодаря участию И. Л. Кызласова, В. Я. Петрухина, В. С. Флёрова и В. Е. Флёровой, удалось изучить и прочесть одиночные памятники данного письма, найденные как на территории Придонья и Приднепровья, так и другие надписи из Венгрии и Трансильвании. Последними были найдены некоторые надписи в книге Г. Хоссу “Heritage of Scribes. The Relation of Rovas Scripts to Eurasian Writing Systems” (2013) (далее – *GH*, 2013). Частично этот порядок продолжает и подача материала. Сначала идут надписи донского типа, фигурирующие в монографии И. Л. Кызласова. За ними следуют погребальные надписи из Хумары (включая надпись из с. Маяки), одиночные надписи преимущественно кубанского типа (из монографии И. Л. Кызласова). Под заголовком *Addenda* – надписи из разных источников с территории Дона, Прикубанья, Приднепровья, а также

недавно опубликованные надписи из Эсхара и Суры. Далее даются легенды чеканных монет. После них идут памятники Придунавья и Трансильвании. И завершает памятник, найденный у устья р. Камы.

Точную орфографию и исследование систем письма можно будет сделать после комплексного изучения всех памятников. Пока же даются основополагающие правила орфографии и транслитерации. Надписи читаются справа налево. В части надписей через отточия выделяются значимые синтагмы. В транскрипции используется знак *-ə-* с «нулевым графическим статусом», он никак не выражается на письме и проставлен для обозначения слоговой структуры для облегчения сравнения с этимологическим материалом. Знак для *-u-* используется как для обозначения гласного, так и для обозначения глайда *-w-*, что бывает довольно часто. Возможно, такой же функциональной нагрузкой обладал и знак для гласного *-i-*. Знак *-i̇-*, возможно, является лигатурой *-ij-*, по крайней мере, он соответствует данной последовательности в осетинском внешнем материале. Знак *-k-* используется для обозначения глухого велярного смычного в начале слова, а также для передачи глухих заднеязычных в ауслауте (реже в интервокале). В современном осетинском языке глухие заднеязычные в инлауте и ауслауте нехарактерны, и обычно выступает звонкий эквивалент. Знак *-q-* отражал как увулярный глухой (иногда звонкий) спирант, так и увулярный смычный. Но знак *-χ-* используется только для глухих увулярных спирантов. В транслитерации с помощью «петли» под буквой передаются специальные мягкие согласные дентального локального ряда (которые соответствуют согласным перед палатализирующими гласными *-i-*, *-e-*, (?) *-ä-*, реже – современным аффрикатам). При субституции исторических осетинских абруптивов и сильных согласных в графике данного письма используются, как правило, знаки для звонких согласных.

После названия надписи дается ее изображение, далее – набор стандартными руническими буквами, отражающий интерпретацию прорисовок или фотографий. Под подачей текста руническими знаками присутствует его транслитерация и перевод. Знак ромба отмечает языковые параллели – сначала дигорские, а через косую черту с последующей маркировкой «звездочкой» (астериксом) – иронские (соответственно словоформа с последующей косой чертой и следующим за ней переводом является только дигорской фиксацией). Словарный материал взят из осетино-русскоязычных словарей. Выписываются и морфологические соответствия, и зна-

чимые характеристики словоформ. Далее даются примечания и, если есть, существующие переводы с разных языков, сделанные С. Я. Байчоровым и Г. Веконем, так как только эти ученые последовательно работали почти со всем комплексом надписей. Эти переводы характеризуются привлечением тюркского материала (во всех случаях у С. Я. Байчорова и в большинстве случаев у Г. Веконя). Однако их отмечает полное игнорирование основ исторической фонетики тюркских языков и использование непроверенных лексем, которые выдаются за тюркские. У С. Я. Байчорова представлен довольно большой список графем, а также предполагается добавочное использование боковых черт в качестве «огласовок». У венгерского исследователя Г. Веконя существует градация на несколько тюркских языков, которые опять же не соответствуют никаким данным исторической фонетики. Кроме того, оперируя выделяемыми им тюркскими сущностями, а также венгерским, славянским и иранским материалом, он предполагает различную фонетическую интерпретацию для одинаковых графем, а это приводит к утверждению нескольких отличающихся алфавитов, основанных на сходных графемах, что для той эпохи является маловероятным. У него даже существуют невероятные «лигатуры» типа *danu*, *der*, *ban*, *rat*, *ty* и т.д., которые отмечаются с помощью подчеркивания. Переводы, основанные на прочтении слева направо, не учитывались, так как они не проходят по базовым принципам графологической экспертизы.

Донские надписи

Д 1 (Маяцкое-1, на обломке мелового блока крепостной стены)

Прорисовка И. Л. Кызласова по фотографии Н. Е. Макаренко

(1) λϕD8>A

lub ηәца (әс)

Рисунок косули

♦ чеч. *lū* 'косуля' (нах. **lūvηó*₄₀₅); *nivä/ niv** 'изображение, рисунок, картина, образ'; *es/ is** 3sg. pres. 'есть, быть'.

Наличие последнего знака представляется возможным с некоторой долей уверенности. Двухязычный текст с пояснением рисунка, или текст с заимствованным словом, впоследствии утерянным при развитии осетинского языка.

[GH, 2013, p. 182] (по G. Vékony): *daðq^ajbⁱn β...* или *daðq^ajbⁱn k...*
 “I will write w...” “I will write k...” – с «тюркского» языка.

[БСЯ, 1989, с. 160]: *Šuy(a)jmek*. «Шугаймек».

Д 2 (Маяцкое-2, на обломке мелового блока крепостной стены, обычно дается вверх ногами)

Фотография и прорисовка И. Л. Кызласова

Прорисовка с учетом фотографии

ҶС>ЈХҶID (ҶС>ЈХҶID)

әәәәәә kun,d

Неподготовленное

♦ *änä-* neg. prev. глагольная приставка отрицания; *iscäd:ä künun/ scäd:ä känin** 'приготовить, заготовить', отыменной глагол с приставкой *is-*, с оттенком моментальности быстроты завершения [Таказов, 2003, с. 707], от *cäd:ä/ cäd:ä** 'готовый', не имеющего этимологии [Абаев, 1958, с. 305]; *kond/ kond** р. part. 'сделанный' от *känun/ känin** 'делать', ср. *cäd:ä-gond* 'заготовленный, подготовленный, приготовленный'.

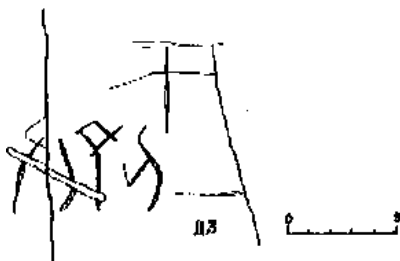
В этой надписи два раза встречаются лигатуры: первый раз – приписной *-d-* после *-š-* (сомнительно – опорный *-i-*), второй раз – подписной *-u-* после *-k-*. Знак для сонанта *-n-* имеет зеркальную фор-

му после предшествующего знака *-u-*, что встречается и в других памятниках, ср. ниже. Модель слова аналогична комплексным образованиям *änä-s-bälvurd-gond* 'невыясненный' при *bälvurd* 'точный, достоверный, истинный', *änä-s-bäräg-gond* 'невыясненный, невыявленный' при *bäräg* 'известный, определенный, заметный', *änä-s-rast-gänän* 'непоправимый, неисправимый' при *rast* 'прямой; правильно, верно, достоверно'. Строительная надпись, ср. надписи Д 3, Д 4, Д 20 и др.

[GH, 2013, p. 122] (по G. Vékony): ...*b^εδis^εtrim* "N. [member of a clan] had it carved" – с «тюркского» языка при интерпретации текста в перевернутом виде.

[БСЯ, 1989, с. 158]: *Ojdu...* «Выдолбил...» при интерпретации текста в перевернутом виде.

Д 3 (Маяцкое-3, на двух смежных меловых блоках крепостной стены)

Прорисовка И. Л. Кызласова

С>УЛ

adun..

Эту...

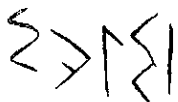
♦ ирон. *adon** 'эти', если блоки стены, на которых нанесена надпись, были разъединены еще в те времена, а здесь было указание на дефект. [Но ср. и диг. *ädonug/* 'жажда'].

Знак для сонанта *-n-* имеет зеркальную форму, что является графическим приемом для контраста различения похожих знаков, ср. Д 2, надпись на кости из ПЦГ, надпись на роге из Сидорова и др. Строительная (?) надпись, ср. надписи Д 2, Д 4, Д 20.

[GH, 2013, p. 183] (по G. Vékony): *nⁱband* "Bonding" с пометой "this transcription needs a linguistic review".

[БСЯ, 1989, с. 158]: *Elmex...* «Эльмех...».

Д 4 (Маяцкое-4, на том же самом блоке стены, где присутствует Д 3)

— Д 4

Прорисовка И. Л. Кызласова

Σ 71 Σ 1

ṣasi gās // ṣas igās

Осмотр стены [~ Охрана стены] // Стена целая [~ ?Все стены]

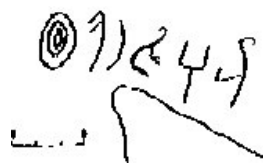
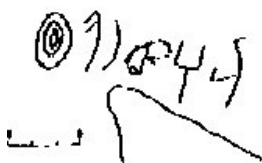
♦ *ses/ sis** 'стена'; *gäs/ gäs** 'присматривающий; сторож, охрана' с предшествующим *-i/ -i** асс., – показателем падежа, оформляющим конкретное имя; или *igas, ägas/ ägas** 'целый; весь; живой'.

Строительная(?) надпись по контролю стен, или надпись указывающая на целостность стены, ср. надписи Д 2, Д 3, Д 20.

[GH, 2013, p. 183] (по G. Vékony): *s^am^ajik^am* "Let us assemble it" – с «тюркского» языка.

[БСЯ, 1989, с. 158]: *(E)s(i)nč d'(o)γ(i)nč...* «Памятование-помилование...».

Д 5 (Маяцкое-5, на обломке мелового блока крепостной стены, «крайний левый знак тамговиден»)

Прорисовка и фотография И. Л. Кызласова

Уточненный вариант

ṣ)K 4 λ

ada, nāḡ

Девственница

♦ *ädājnäg dnn./* 'девственница', формально дериват от той же именной основы, что и *dna. ädānon/* 'неприличный, безобразный'. Повидимому, это непристойное слово для девственницы.

Третий знак является зеркальным повторением первого с характерным назад загибающимся верхним крючком.

[GH, 2013, p. 184] (по G. Vékony): *onaq* ^ε*bi* “Mansion of Onaq” – с «тюркского» языка.

[БСЯ, 1989, с. 158]: *Elbeg*. «Эльбег».

Д 6 (Маяцкое-6, на меловом блоке крепостной стены)

Прорисовки И. Л. Кызласова

10 > ρ 0 > ρ (или C > ρ)

> Λ I

А ρ ρ

> ρ

üān₁ duñi

şəraü

*zı(*rtə?)lə*

z:ü...

Плохие лошади

широковатые

коре[настые]

(как) чуч[ело]

♦ чеч. *won* 'плохой' (чеч.-инг. **wono*¹⁴⁸¹ < нах. **wadoŋ*); чеч. *din* (pl. *doj*) 'конь (верховой)' (чеч.-инг. **diŋ'oj*¹⁰²² < нах. **do'ŋoj*); чеч. *šüjrō* (-*nig*) comp. 'широковатый' от *šüjra* 'широкий' (чеч.-инг. **šervo-* ~ -*v*⁹⁷⁸); чеч. *zortala* (-*nig*) 'плотный, крепко сложенный, коренастый'; чеч. *z'ōma-lg* ~ *z'ijma-rg* 'чучело' (< **z'ojme-*; второй вариант чеч. формы отражает инг. соответствие).

Сомнительно предполагать здесь присутствие диг. *widonäl* 'узденка' и *zäw-zäw känun* 'свисать', так как узденки на рисунке не изображены. Пример нахской эпиграфики. Через букву для сильного звонкого согласного передается сочетание нах. аффрикаты/спиранта с айном. Ср. запись прилагательного 'плохой' в надписи Д 10. Художник и автор надписи не обязательно должен быть одним и тем же лицом. Судя по расположению знаков, надпись нанесена позже рисунка.

Д 7 (Сальск – Царицын, надпись на корчаге по обожженной боковой поверхности глиняного сосуда)

Прорисовка И. Л. Кызласова по фотографиям М. И. Артамонова и А. А. Миллера

λΠΥΨΓ·>ΟΗΥ>ϑ·>ΟΗΥΥ

tə adə səqu[n] mi adə səqu[n] gedəra

Как тебе вкус? Как вкус от творога? (Каково тебе угощенье? Каково угощенье из творога?)

♦ *dä* gen./acc./ *dä** 'тебя; твой', abl. 'от тебя', loc.₁ 'в тебе', в памятнике архаизм – сохраняется начальный местоименный *t-*; *adä/ ad** 'вкус', у В. И. Абаева также дается ирон. толкование *χärzad χärinag* 'вкусная пища' (Абаев, 1958, с. 28) = «лакомство»; *cäχän* 'какой (вопр.-относ.)', аналог в ирон. – *cixwizin** 'какой, каков (вопр.-относ.)' (например, *bon cixwizin u?* 'какая сегодня погода?'); арх. *uj* (в устойчивых выражениях и фразеологизмах, например, *ka ramäluj je isxwarz uj* 'кто умирает, тот становится хорошим', *mud där adäbäl χwardä uj* 'мед едят в меру (пока чувствуют его вкус)', *käsalgä ä säräj aχästä uj* 'рыбу за голову ловят', *arfä χäzari kindä uj* 'благодарить в доме полагается', [Дзагуров, 1980, с. 28, 86, 19, 90] / *u**, (диал. *wi**) 3sg. pres. 'есть, быть'; *kädorä/ kädor** 'творог, сыр низкого качества' (обычно,

если пришел непрощеный гость, то он должен быть благодарен и этому *kädorä*, – [Абаев, 1958, с. 622]; *-äj/ -äj abl. (?)*. В диг. также существует основа *ad* с вариантом *jad* 'одолжение', *adi lävard* 'одолженный (предмет)', соответственно, в данной надписи может быть спрошено «каково тебе одолженьице?», что никак не противоречит и первому варианту перевода.

Памятник с возможным графическим неразличением знаков *-d-* и *-d-*. По фотографии неясно, в последнем слове все же выписан согласный *-d-* или *-d-*. Ср. орфографию на блюде из Оношата и ручьятки из Биляра. Точка верхнего или среднего регистра в этом памятнике не выполняет роли делимитера. Обычно в таких случаях используется двоеточие *:*. Но эта точка, по своей функции и по внешним соответствиям, напоминает последовательность со вторым оборотным (обычно уменьшенным) *-n-* после гласного *-u-*, ср. Д 3, кость из ПЦГ, рог из Сидорова, Сура.

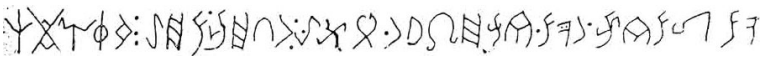
[GH, 2013, p. 120] (G. Vékony, I. Vásáry): *aⁱf_{erm}ⁱð bⁱðⁱf_{erm}ⁱð bof^odⁿ* “Oh. Let us drink. We drink from [this] boshā” – с «тюркского» языка.

[БСЯ, 1989, с. 151]: *B(i)č bit(i)k umič bit(i)k u (e)n ečēše*. «Вырезанная надпись – надежды надпись. Это сосуд дома (= лежбища)».

Д 8 (Кривянской, надпись на баклажке по обожженной поверхности глиняного сосуда)

Прорисовка И. Л. Кызласова по фотографиям М. И. Артамонова и А. А. Миллера

Прорисовка неизвестного исследователя с остатками пунктуации

γxγφδ: jβγλβλ> jxq> dλβ· λβ· γγ> λβ· γγ
gemela. uage.la. zəreṇu. bəxək. urza(.)ezək ; uʃz:təqə

Будут ласкать (собранными в щепотку) кончиками пальцев как золотого (~ золотистого) жеребенка с пугливым нравом (= вострепенувшегося норовистого золотого жеребенка).

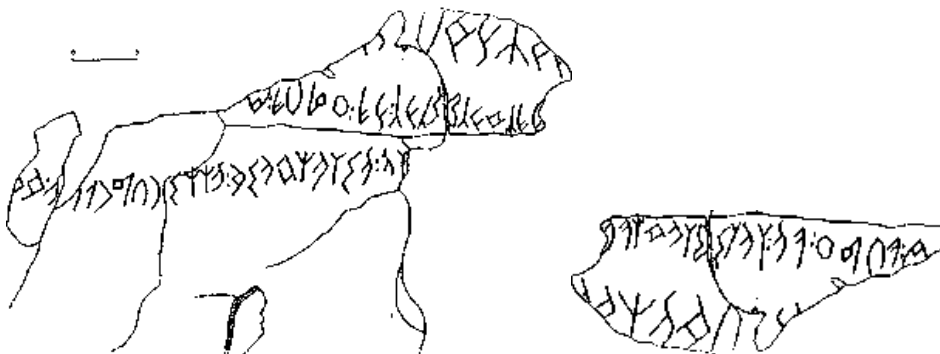
♦ *gämäl/ gämäl** 'настороженный, приготовившийся к самозащите'; *wagä/ wag** 'поведение, нрав, характер', ирон. *-il** loc.2 при диг. *-bäl*, в тексте – конструкция аналог диг. *wagä-bäl* 'в духе, состоянии, по причине'; *zärijna/ (sizvχrin*)* 'золото', *-on dna.* суффикс относительных прилагательных, диг. *zäriṇon*, но в ирон. – *zäriṇ** 'золотой'; *bäχag/ bäχag** 'жеребенок, из которого выйдет хороший конь' дериват от *bäχ/ bäχ** 'лошадь'; *urz* '(на) оцупь; подушечки пальцев/' *wirz** 'кончик пальца; осязание', *urzäj/ abl.* 'ощупью', *urzižäg/* 'щепотка'; *ufst/ *p. part.* 'забота'; *wo-zäj ~ wo-zänäj* 3sg. fut. / *wi-zän** (*is*)* 'быть, есть'. Существует безличная форма глагола, состоящая из *p. part.* с конечным гласным *-ä* и вспомогательным глаголом *un* 'быть', – здесь ожидается **ufstä wozäj (ujzäj)*.

Разделители (точки) видны и на некоторых других вариантах прорисовки. Речь идет о трепетном отношении к фляжке с напитком.

[GH, 2013, p. 121] (по G. Vékony): *vofudanu ḏ^aβu: danu c^ariḏ ni^uz^ag ḏ^axⁱc^an u^ac^ag b^afsta-a* “[This] *voshu* drink is yours. [This] drink should be keep alive [the] one who drinks [it]. For you, Uachag wrote this” – с «осетинского» языка.

[БСЯ, 1989, с. 154]: *En ečeše u en eše ž(a)š(a)j o (e)bde uš žeježay(i)η (a)raqd [= (a)raqdi] (i)č.* «Сосуд дома (лежбища), это святилище-дом (лежбище). Живя в этом доме, то, что напоследок отведаешь, – это водка. Пей!».

Д 9 (Кермен Толга, на черепных костях быка)

Прорисовка Д 9 – по У. Э. Эрдниеву

ᠮᠠᠨᠤ ᠰᠤᠮᠤᠨᠤ ᠰᠤᠮᠤᠨᠤ ᠰᠤᠮᠤᠨᠤ ᠰᠤᠮᠤᠨᠤ ᠰᠤᠮᠤᠨᠤ ᠰᠤᠮᠤᠨᠤ
ᠰᠤᠮᠤᠨᠤ ᠰᠤᠮᠤᠨᠤ ᠰᠤᠮᠤᠨᠤ ᠰᠤᠮᠤᠨᠤ ᠰᠤᠮᠤᠨᠤ ᠰᠤᠮᠤᠨᠤ ᠰᠤᠮᠤᠨᠤ

...tä : astú dǝqú sǝᠮ : aǝǝǝs nǝrǝᠮᠤᠨᠤ ᠰᠤᠮᠤᠨᠤ ᠰᠤᠮᠤᠨᠤ

...al : ġǝrmǝq : ġǝ : tatǝs nǝtú qǝǝǝǝnǝ...

...Тебя славят, говорят. В траур идешь на охоту за дикими утками – это невоздержанность...

...Грубо «на!» (сказав) даешь. Охают: «одержимый...»

ᠮᠠᠨᠤ ᠰᠤᠮᠤᠨᠤ

...pǝrǝᠮᠤᠨᠤᠰᠤᠮᠤᠨᠤ...

...поправляется здоровье...

♦ *dä/ dǝ** gen., acc. 'тебя; твой', в памятнике представлен архаизм – сохраняется начальный местоименный *t-*; *ästawun/ stawin* 'хвалить'; *-uj/ -i** 3sg. pres., здесь и далее в тексте используется в безличной функции; *zǝᠮᠤᠨ ~ zǝᠮᠤᠨ/ zǝᠮᠤᠨ**, южн. *žǝᠮᠤᠨ** (<*zǝᠮᠤᠨ*) 'сказать', в ирон. инновативная деаффрикативизация, но в дериватах *fǝ-zǝᠮᠤᠨ* 'давать наказ' [Абаев, 1989, с. 292, 293], также диг. *a-zǝᠮᠤᠨ* p. part. 'разнесенный (звук)'; *-uj/ -i** 3sg. pres.; *saw/ saw** '[черный]; траур'; *az:aw/ comp.* 'как дикая утка; внезапно' при *az:ǝ/ az:** 'дикая утка', *az:ǝ-zǝᠮᠤᠨ* dvn./ 'охота за дикими утками', во второй части отглагольное имя от *cǝᠮᠤᠨ/ cǝᠮᠤᠨ* 'идти', здесь – спрягаемый глагол 'охотиться за дикими утками' или 'внезапно уходить'; *-is* 2sg. pres.; *nǝrǝᠮᠤᠨᠤᠰᠤᠮᠤᠨᠤ* 'нетерпение, невоздержанность' от прилагательного *nǝrǝᠮᠤᠨᠤ/ nǝrǝᠮᠤᠨᠤ** 'невоздержанный, беспокойный'; арх. *uj* (в устойчивых выражениях и фразеологизмах) *u**, (диал. *wi**) 3sg. pres. 'есть, быть'.

♦ *-l* конечный согласный показателя loc.2; *gurumuq/ ġwirimiq** ~ *-q:** 'грубый; грубиян'; *ka/ kǝ** 'на, возьми!'; *tǝᠮᠤᠨ*, при ирон. *dǝd:in** 'давать'; *-is/ -is** 2sg. pres.; *nǝᠮᠤᠨ* 'стонать, охать, кряхтеть'/ *nǝᠮᠤᠨ** 'кряхтеть, пыхтеть, тяжело дышать, охать'; *ᠬǝz:egun ~ ᠬǝzzegun/* 'ведьма, колдун; одержимый'.

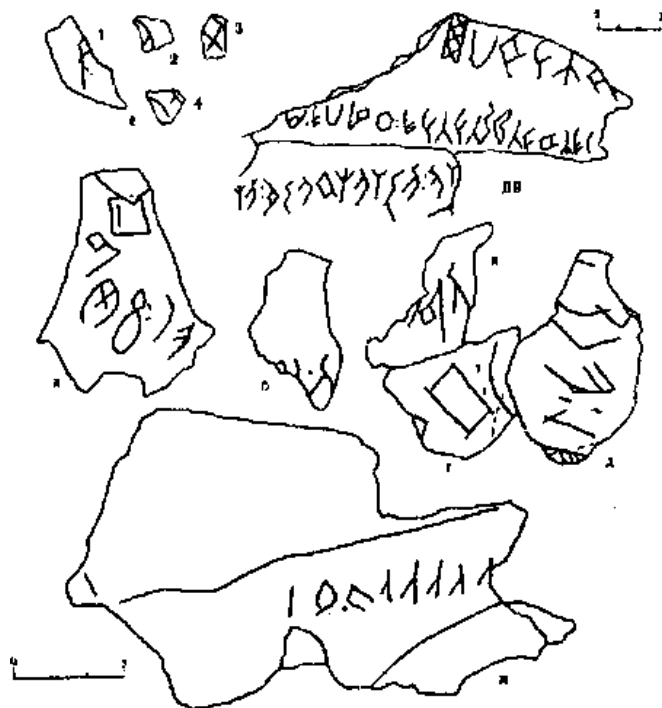
♦ *fǝrǝᠮᠤᠨᠤ un* 'приготовиться, выносить; поправиться (о здоровье)'/ *fǝrǝᠮᠤᠨᠤ win** только 'приготовиться, выносить', и тогда данная часть надписи связана по смыслу с одним из осколков, представленными ниже и, возможно, предыдущей строкой. Однако, с точки зрения написания, это слово можно трактовать и как дериват с приставкой *fǝ-*, выражающей многократность или интенсивность действия, от глагола *rawazun/ rawazin** 'отпустить, выпустить, освободить',

стоящего в форме 3sg. pres. И в таком случае будет другой перевод: «отпускает (на свободу)», не связанный с этими параллелями.

В орфографии этого памятника не различаются знаки *-d-* и *-d-*, что не является единичным случаем. Третья строчка более точно прописана у И.Л. Кызласова, см. изображение ниже.

[GH, 2013, p. 187] (по G. Vékony): ...*a ø : øme b^af de^ab^am byŕi iŕ : m^aŕ^a* (неясн.) "Oh : think! Don't think, head! Eat! My wizard father, drink! For my..."; *deβⁱdi deβ ø abam^oge^eb^aba ø...* "Spirit master, spirit, think! My father, councilor house-father, think!"; "*d byŕi^ab[a]*... "bovine-wizard father" – с «тюркского» языка.

Осколки и уточнение части надписи (3 строка):

Д 9/а – Д 9/ж – прорисовка И. Л. Кызласова

𐌆𐌔𐌗𐌘𐌙𐌚𐌛

а) ...*ǰæn : bælætəq* и...

...ослабеваает, становится вялым...

♦ *balämäv un/ balämäv win** 'ослабеть, сделаться вялым, слабым'.

С наложением последнего знака на предыдущий. Этот фрагмент по смыслу может быть связан с третьей строкой на основной сохранившейся части.

:λ

б) ...а : ...

ᵛᵛλ

в) ...amə[n]...

...этому...

♦ *amän/ amän** dat. 'ЭТОМУ'

ᵛ:С

г) ..n₁ : q... //..q: n...

ᵛᵛᵛᵛ:ᵛᵛ

д) ...pək : ḡəuəs [~ eus] :

...ты пошатнешься/ ты тронешься умом/ побездельничаешь...

♦ *fäggewun ~ fäg:ewun/* 'пошатнуться, споткнуться; тронуться умом' с приставкой *fä-*, требующей усиления начального согласного, от глагола *gewun/ žiwün** 'дремать; околачиваться; прозябать; бездельничать'; *-is/ -is** 2sg. pres.

Д 10 (Маяцкое-7, на обломке мелового блока крепостной стены)

Прорисовка С. Н. Замятина

λᵛ:ᵛᵛᵛᵛ

ḡänəs : da...

Разные виды зла имеются // Видишь...

♦ чеч. *won* (pl. *wōnaš*) 'd/'d 'зло' (чеч.-инг. **wono* 1481 < нах. **wadon*); инг. *d-a* pres. 'быть; иметься'. Ср. запись прилагательного 'плохой' в надписи Д 6. Неожиданные для русского языкового носителя формы множественного числа от неисчисляемых объектов в языках

Кавказа означают «разные виды чего-л.». Можно пытаться привлечь осет. *winun/ winin** 'видеть'; *-is/ -is** 2sg. pres. Но в последнем случае при осет. прочтении хуже с отражением корневого гласного. Остатки верхнего знака могут быть тамгой, и не относятся к тексту.

Д 11 (Маяцкое-8, на обломке мелового блока крепостной стены)

Прорисовка С. Н. Замятина

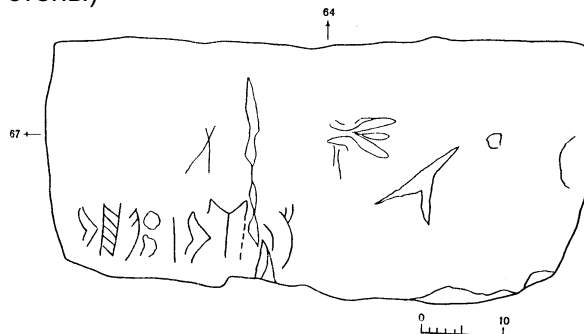
λЗΨλ

kú qasa...

Собачья дыра...

♦ *kuj/ (k^viž*)* 'собака'; графически не выраженный после предшествующего *-j-* падежный показатель *-i/ -i** gen./ acc.; *qasä/ qass** 'дыра, отверстие, скважина', также 'дыра' в переносных смыслах, ср., например, в дериватах – *qäsäg/* 'капкан, ловушка, западня', *qäsunäg/* 'расщелина; маленькая комната (обособленная от других)'

Д 12 (Маяцкое-9, на боковой стороне мелового блока крепостной стены)

Прорисовка И. Л. Кызласова

0 10

Прорисовка С. А. Плетнёвой

envəŋs bəŋgʒəŋ

envəŋs bəŋgʒəŋ

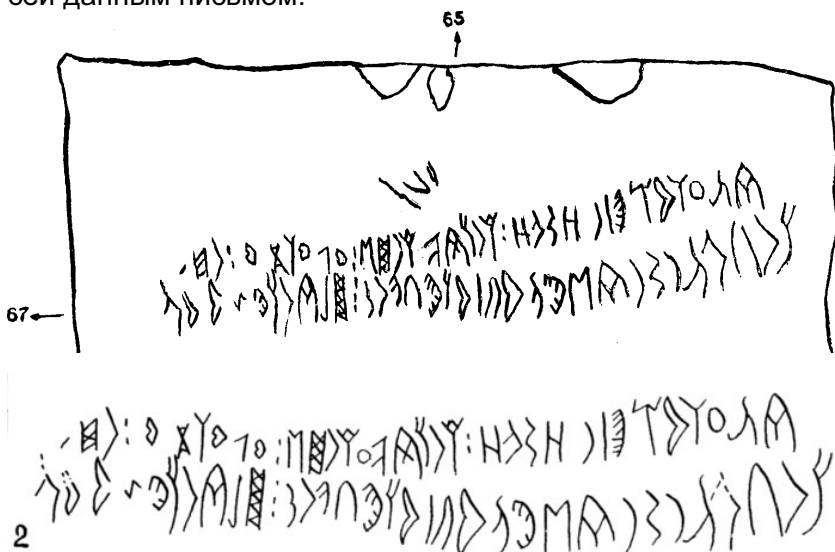
Компания. Место роения мух

♦ *ävons/ ämvos** 'компаньон; компания'; *binzä/ binz** 'муха', *binzgun/* 'место, где обитает много мух'.

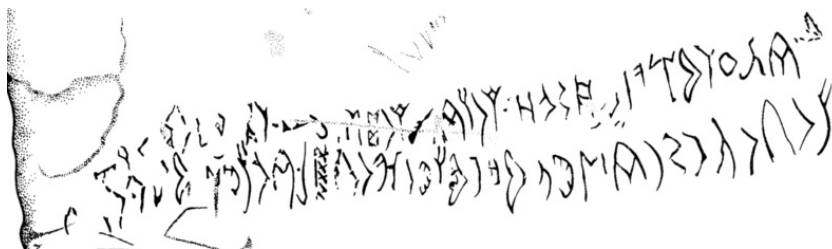
Первое слово заканчивается перед двумя выемками. Второе слово начинается выше и читается по диагонали. Знак для *-ŋ* виден на прорисовке С. А. Плетнёвой. Редкий случай перестановки согласных внутри второго слова, который может быть объясним труднопроизносимым сочетанием. Без метатезы ожидалась бы форма **bæŋzǵæŋ*. Деаффрикативизация звонкой аффрикаты перед следующим согласным сочетания является вполне обычным фонетическим процессом. Не исключено, что сначала были написаны только последние три знака второго слова, расположенные более или менее горизонтально, т.е. *ǵæzæŋ*, а верхние два знака являются правкой неприличного *gezel/* 'навоз, испражнения', имеющего показатель *dat. -än*.

[GH, 2013, p. 181] (по G. Vékony): *on^aγ t^lgⁿ ε bi^og* "Mansion of Onagh Tegin. Extol it"; причем данная надпись интерпретируется как третья строка текста Д 13.

Д 13 (Маяцкое-10, на боковой стороне того же мелового блока крепостной стены). Одна из самых крупных последовательных надписей данным письмом.

Прорисовки И. Л. Кызласова

Прорисовка С. А. Плетнёвой

I JV

1

:H>ZNDH TΦYOLA
 [>]H>:ΦX YΦIO:MM)YFA T>Y

*bakəşə**ləqtənz:ə pənzəs úcə :**due lagədan pəvə : qiŋə tətəŋə : uəzə(u)..*

2

:Z>AΦHΦIΛΦλΦMA)Z)λ>A>Y
 Z>ΦΦJΦH>A)M

*eu əru anəsan ləvəgə nəvəşənzjəg rəgəuəs ;**pəkəlüzjəg kəŋŋús*

Прочитай!

1) Ты подражаешь плохому.

Если случается (быть) той работе на двоих, (то) тяжело хитрить...

(букв. Если случится быть служению на двоих, тяжело выдавать хитрости).

2) Стоя вечно столбом (= «как некая оглобля»), периодически впадаешь в дрему, готовый сделать долговременный отдых,

И вот-вот сорвешь (работу) ~ И (работа) вот-вот сорвется.

♦ *bakəsun/ bakəsin** 'заглянуть, всмотреться, глянуть; прочитать, почитать'; -ä/ -0* 2sg. imperat.; *läχdun/ läχdim** 'скверный, негодный, грязный'; -zä ~ -cä dan., присутствующий в *wärχ-cä* 'ширина' при *uruχ* 'широкий', *därβ-cä* 'длина' при *darβ* 'длинный', или здесь суффикс лица как в *idä-zä* 'вдовец, вдова'; *fänzun/ fänzin** 'подражать, следовать примеру; дразнить, передразнивать'; -is/ -is* 2sg. pres.; *woci/ wici** ~ *uci** 'тот' (несклоняемое, определительное местоимение, образованное от основы gen. *woj-* 'того') при определении последую-

щего имени, но возможна интерпретация с привлечением ирон. *wici-wici** 'загадка'; *duwej/ diwwäji* ~ diwwi** gen. 'двух, двоих' от числительного *duwä/ diwwä** 'два'; *läggadä/ läggad** 'служение, услуга'; *-än/ -än** dat.; *fäwwun* 'бывать, случаться, доводиться'/ *fäwin** 'очутиться, оказаться; побывать'; *-a/ -a** 3sg. fut. subj.; *χijnä/ χin** 'хитрость, козни, коварство'; *tätun* 'давать', *täton* 'щедрый'/ (*däd:in**) 'давать'; *-inä* (< **-əjnä*) архаичный суффикс part. pres., отмечаемый в образованиях *fäs-zäwinä* 'слуга' от *cäwwun* 'идти', *äm-zärinä* 'сожитель' от *cärun* 'жить', *äm-χätinä* 'совместное хождение' от *χätun* 'ходить' [Исаев, 1966, с. 95], – в памятнике представлено отглагольное значение имени действия как в последнем примере, а в ирон. суффикс *-in** выполняет только функцию part. act. [Осетинско-русский словарь, 1970, с. 666]; *wäzä* 'тяжесть, вес; тягота'/ *wäz** 'тяжесть, вес', *wäzaw/ wäz(z)aw** 'тяжелый'; в конце строки вместо последнего знака прилагательного может быть арх. *uj* (в устойчивых выражениях и фразеологизмах) / *u**, (диал. *wi**) 3sg. pres. 'есть, быть'.

В первой строке встречается диграф *-z:-* с зеркальными ответвлениями в обе стороны. Как показывают прорисовки и фотография, после него следуют не два знака, а один с параллельными линиями и косыми внутренними чертами, который имеет чтение *-p-*. Знак *-z-*, имеющий несколько поперечных сечений, в позиции после знака *-n-* виден на прорисовке С. А. Плетнёвой. В конце этой строки косая черта является остатком знака *-u-*. При привлечении слова 'загадка' вместо местоимения 'тот' начало надписи переводится как «Ты подражаешь плохому, загадка!».

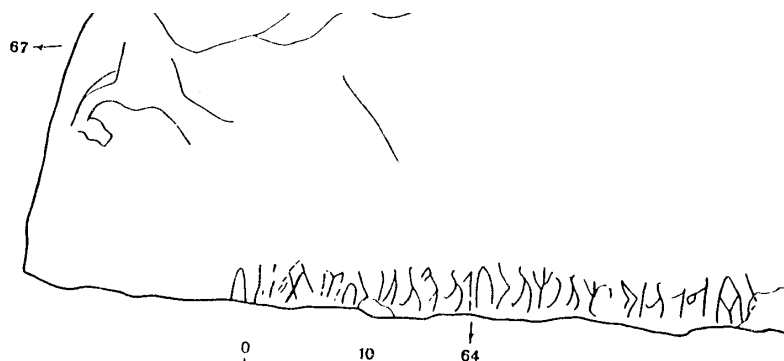
♦ *ew/ iw** 'один'; *arä/ 'оглобля, дышло'*; *-aw/ -aw** comp.; *änoson/ änušon** 'вечный'; *läwwun/ läwwin** 'стоять, оставаться, пребывать'; *-gä/ -gä** ger.-part.; *nirräsän känun/ 'сделать долговременный привал, остановку'*, производное от *räsän/ räsän** 'привал, стоянка, станция'), которое само является dpa. от глагола *räs-* [Абаев, 1973, с. 376]; *(-z:ag)/ -z:ag**, *-iz:ag** со значениями 'предназначенный для, характерный для, склонный к' [в диг. этот суффикс не представлен в грамматическом описании словаря, но в книге «Дигорский диалект осетинского языка» дается пример *käläz:ag* 'шаткий' от *kälun* 'рушиться; [выливаться]', [Исаев, 1966, с. 95]; *ragewun/ 'задремать; пошатнуться, наклониться; побездельничать'*, состоящее из приставки *ra-*, указывающей на «быстрое, краткое и поверхностное действие» [Таказов, 2003, с. 707], и глагола *gewun/ žiwin** 'дремать; око-

лачиваться; [прозябать]; бездельничать'; *-is/ -is** 2sg. pres.; *fäk:ulumpi känun* 'приостановить (работу); подвести в деле'/ *fäk:wilimpi känin** 'помешать, воспрепятствовать; остановить' от *kulumpi/ kwilimpi** 'препятствие, помеха' при греч. *κωλύμη, κώλυμα* 'помеха, заминка, задерживание' от *κωλύω* 'мешать, препятствовать, тормозить, чинить помехи' [Абаев, 1958, с. 648], судя по форме в тексте, в нем представлено отглагольное образование от глагола типа **kul-un; -z:ag**, *-iz:ag** 'предназначенный для, характерный для, склонный к'; *känun / känin** 'делать'; *-is/ -is** 2sg. pres.

В предпоследнем слове в знаке на базе *-u-* просматривается черта в прорисовке С. А. Плетнёвой. В самом конце второй строки, просматривается знак *-s-*. Он виден на прорисовке С. А. Плетнёвой, но И. Л. Кызласов не считает его входящим в надпись. Действительно, это в какой-то степени похоже на маркер текста, так как знак «налезает» и на конец первой строки. Эмоциональный текст о нерадивом напарнике.

[GH, 2013, p. 181] (по G. Vékony): *danu^a q^o ð^y g s^u β^a sⁱ l^ε çⁱ m x^a γ^a n bⁱ ðⁱ η* *derⁱ bⁱ ð^a lⁱ s^a βⁱ ri η* [...] "Don [River], white Ödüg River, As Country, [oh] my brother-khagan, our land of the Six-Savirs", *uð dⁱ ð^y oⁿ m^u ndaⁱ lⁱ te y^g fⁱ sⁱ g* *bedið^ε dⁱ oⁱ daðu in^ε g* [...] "Ud Didü On, here, in [this] country, ornamented several works. This inscription made by Ineg..." – с «тюркского» языка, причем в данном переводе не учитывается слово в самой верхней строке, а как третья строка текста интерпретируется надпись Д 12.

Д 14 (Маяцкое-11, на третьей стороне того же мелового блока крепостной стены, что и Д 13, с тем же (?) почерком)

Прорисовка И. Л. Кызласова

λϣ>λϣ· ςΙλΙϣ⊗[ϣ]
 ΛΙ:⊗⊗ΛΙ[⊗]λϣλΙΛ>

ú lami ašəŋə qa[u]da (~ -n-)

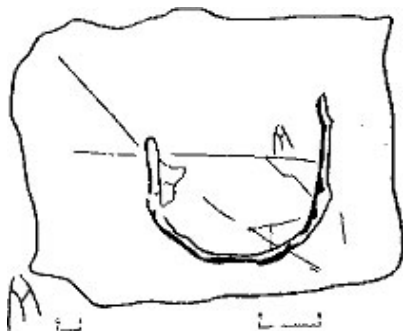
uriǰǰ a[p]šəŋ vələ : šəŋ

Если та (его) лестница качается, то плотно уложи булыжник и побалансируй сверху.

♦ *woj* gen./ *wij** 'его, тот'; чеч. *lami* 'лестница' (нах. **lamǰi* 511), *asijnä/ asin** 'лестница'; *zewzun* 'колебаться, качаться'/ в ирон. только *zeziroj** 'качание', *zewzäläj* 'беда мне с ... !, надоели!' (= рус. жарг. «заколебал!»)/ *zewzäläj** 'вот тебе на!'; *-a/ -a** 3sg. fut. subj. или, что, менее вероятно, *-uj/ -i** 3sg. pres. в случае, если в данном слове последний знак не совпадает со вторым; *uerag-dor* < **ujrag-dor* 'булыжник, камень-валун' со второй частью «камень», по вторичной рэтимологизации «еврейский камень» от *uerag* ~ *ujrag/ wirag** 'еврей' (в нах. **hjrHevjo* 1729 'осетин; еврей; тушин'), но фактически это производное от *urä* 'булыжный камень, гравий; прибрежная галька, галечник'/ *wir** 'булыжный камень, гравий'; *äfsärun* 'наступить; напирать; утапывать, прессовать; перен. врываться, ворваться'/ *äfsärin** 'напирать; плотно укладывать, впихивать, запихивать; утапывать – ближе к тексту второе ирон. значение; *wälä(-) / wälä(-)** 'на, над, сверху'; *serun/ sirin** 'плясать; ходить иноходью', точнее значение у В. И. Абаева – 'идти (в танце) особым скользящим движением с попеременным акцентом то на одну, то на другую ногу' [Абаев, 1979, с. 113].

Текст со значимым двуязычным нахско-осетинским словосложением. Знак для *q*- в первом случае имеет отличительную правую точку, что наблюдается и в других памятниках. Знак для *p*- характеризуется двумя длинными параллельными линиями с заполнением внутри (остатки штрихов от правой линии угадываются на фотографии памятника). Этот знак не может быть обозначением *-z*-, так как *-z*- у автора этого почерка имеет другую конфигурацию см. Д 12. Несомненная техническая строительная надпись, Д 2, Д 3 и др. Не исключено, что речь идет о переносной деревянной лестнице, тогда здесь – «подложи гальку, камешек» и «потопчи ножками лестницы», чтобы она приобрела устойчивость.

Д 16 (Маяцкое-13, на торце мелового блока крепостной стены)

По прорисовке С. А. Плетнёвой

𐌆𐌗

lan

Подкова

◆ чеч. *lan* 'подкова' (нах. **lane* 1594).

Дуга нарисованной подковы по форме совпадает с буквой *-n-*. Подписана буква уточняющая значение рисунка, таким образом, получается общее чтение, раскрывающее значение рисунка. Пример нахской ребусной эпиграфики. По утверждению А. А. Сланова, «единичные находки подков все же имеются в аланских древностях первых веков новой эры (с. Карца) и VII–IX вв. (с. Камунта, с. Чми)».

Д 17 (Маяцкое-14, на обломке мелового блока крепостной стены)

Прорисовка И. Л. Кызласова

𐌆𐌗𐌆[𐌗]

[*urə*] *bəŋətə..*

В каменный фундамент

♦ *urä/ wirä** 'булыжный камень; щебень, гравий; площадь земли, засыпанная камнями'; *bun/ bin* 'дно, низ; основание, фундамент' при наличии в диг. комплексного образования от второго значения – *uräbun/* 'каменистое с галечником дно водоема', здесь в буквальном значении как 'каменный (булыжный) фундамент'; *-mä* dir.

Первые два знака частично сколоты, но по остаткам, все равно, довольно хорошо могут быть отождествлены. Строительная надпись, ср. Д 2, Д 3 и др.

Д 18 (Маяцкое-15, на меловом блоке крепостной стены)

Прорисовка С. А. Плетнёвой

↓ ʒ ɔ ɣ

umzə[k] (~ -ɣ)

Блевотина

♦ *womzäg, wonzäg, wänzäg/ omzäg** 'блевотина' от *womun/ omin** 'блевать'.

В данном слове не прописана или утеряна левая черта последней буквы.

Д 19 (Маяцкое-16, на обломке мелового блока крепостной стены)

Прорисовка И. Л. Кызласова

•𐌆𐌗𐌆𐌆𐌆𐌆 λ:[ʎ>↑]Dχ

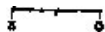
ʎəŋ χuə[ǰə]. a varza

Полюби себе своенравного! (~ своенравную!)

♦ *din*/ 2sg. dat. (refl.) 'тебе'; *χewagä*/ 'своенравный'; *a-/ a-* prev. «быстрое, краткое и поверхностное действие» [Осетинско-русский словарь (грамматический очерк В. И. Абаева), 1970, с. 652]; *warzun/ warzin** 'любить'; *-ä/ -0* 2sg. imperat.

Второе слово читается с трудом из-за поверхностных дефектов. В этом слове используется лигатура *χ*- с приписным *-u-*, повернутым на 90°. Она аналогична лигатуре на аланской кружке с р. Большой Зеленчук. При ее написании обыгрывается трещина на камне. Следующий знак частично сбит (?) в верхней части, но ножка и остаток средней черты скорее указывают на знак для *-ǰ-* в сокращенной форме с одной серединной чертой. Чтение и перевод этого слова остаются неуверенными.

Д 20 (Маяцкое-17, на обломке мелового блока крепостной стены)

Прорисовка С. А. Плетнёвой
(в публикациях изображение обычно дается вверх ногами)

ΥΣ

sətə..

Внутренний угол (?)

♦ *satän-vars*/ 'угол, угловая сторона' и *satän*/ 'место, где соединяется дно сосуда с боковой стороной'. Ср. также *satäg/ satäg** 'тень, прохлада; прохладный; чистый, прозрачный'.

Строительная надпись для самого нижнего блока стены, ср. Д 2, Д 3, Д 4 и др.

Д 21 (Маяцкое-18, на обломке мелового блока крепостной стены)

Прорисовка С. А. Плетнёвой

Υ II

з:з, сз

Гозел, Козел

◆ *cāw/ cāw** 'козел'.

Подпись с ошибочным (в центре) и исправленным написанием в правой нижней части изображения. Однако стоит учесть и существующие дигорские варианты *cāwka* и *zāwka* 'козленок' с двумя различающимися по звонкости вариантами начального согласного. Знак в центре рисунка является диграфом -з:-, и он повернут на 90°. Возможно, это обыгрывание знака, похожего на изображение рогатого животного. Вариант знака -с- без перекрестья отмечается в надписях на кирпичах из Саркела.

Надписи из городища Хумары

Надписи, найденные на территории данного археологического памятника, как правило, являются надгробными эпитафиями. Старые кладбищенские плиты были вторично использованы в строительных сооружениях.

К 3 (Хумаринское-1, 4, 5, части одного текста-граффито на трех совмещающихся обломках песчаниковых блоков, вторично использованных при сооружении стен крепости)

[БСЯ, 1989, табл. 135]

Зарисовки, опубликованные Т. М. Минаевой [БСЯ, 1989, табл. 127, 133]

+... #λM>O>M+OΛ>J∩1#M3+[O]

ə[q]⁺səvə səgərən kuməq⁺ əvucivaca...⁺

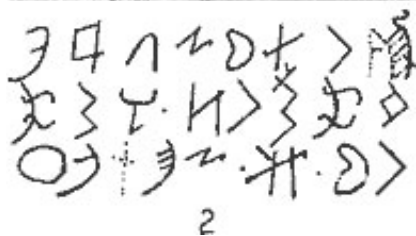
Ночному слуге поминальный столб без покровительства (?установили)

♦ *äxsävä/ äxsäv** 'ночь'; *savar/ savar** 'раб', в ср.-перс. *čākar* и других языках значит 'слуга' [Абаев, 1958, с. 286]; *-än/ -än** dat.; *kawmex/ 'вертикально стоящий столбец в плетне' при первой части kawä/ kaw** 'плетень' (< *'крепость; ворота', [Абаев, 1958, с. 573], или в первой части представлена основа глагола *käwun/ käwin** 'плакать', а если присутствует неразличение знаков *-u-* и *-ü-*, отличающихся добавленной малой кривой чертой, то ср. *koj/ koj** 'слух, молва; сплетня; забота; упоминание, напоминание', во второй части словосложения – *mex/ miχ** 'кол'; *ä-väχ^wäcäg* перс. 'без поддержки, без опоры, без покровительства' (*fäχäcäg* 'поддерживающий; покровитель; поддержка, опора').

Последние читаемые три знака фиксируются в сохранившихся старых прорисовках. В начале строки С. Я. Байчоровым отмечается неясный небольшой знак. Он с трудом имеет вид, который им предложен, так как для *-k-* в данном памятнике используется другой графический вариант. Судя по всему, здесь должны быть остатки знака для *-q-* или *-χ-*. Интересно, что крестообразный маркер, как правило, стоит после знака для *-q-*. Под «ночным слугой», наверное, может фигурировать «ночной стражник».

[БСЯ, 1989, с. 174]: *Öynbeχ [=Ögünbeχ] b(e)lüy [= belüg] d'oγ (e)ni (e)š ojušt(u)q. İzden el (o)l.* «Ёгюнбека памятник, дом (лежбище) поминовения – святилище выдолбили мы. Предстанет перед богом».

К 5 (Хумаринское-6, на песчаниковом блоке, который был вторично использован при сооружении крепостной стены)

[БСЯ, 1989, табл. табл. 144-2, 145-2]

...ЭОЛІВХЛІ
...>ЗТН>З>> (~ ..)З
О ЭЭЗ . Н . В >

*irə bəŋkərəq ä(*zəmə)...*

...un suzə ədəsə n... (~ үнә...)

...иңә . сә . кәгү q

Сочувствующие горю, (безмолвно?, мертвый?)...
 ...Испытывайте жгучую боль! Не страшно...
 ...вместе с ними рыдайте!

♦ *eri*/ 'горе', *eri kânun*/ 'горевать'; *banqarun*/ *banqarin** 'почувствовать; принять близко к сердцу', part. act. *banqaräg*/ *banqaräg** 'почувствовавший, принявший близко к сердцу'; [*äzämäj*/ *äzämäj** 'бездыханно, безмолвно' и *äzäm* 'тихо, молча, молчаливо; бездыханный, беззвучный, безмолвный, молчаливый' / *äzäm** 'мёртвый; безмолвный, молчаливый', здесь может быть ближе ирон. значение]; *sozun*/ *suzin** '[гореть; жечь, поджигать]; испытывать жгучую боль'; -*ä*/ -*0* 2sg. imperat.; *ädas*/ *ädas** 'безопасно; не страшно'; *woni*/ (*widoni**) gen., *-*cä* 'вместе с ними', послелог встречается в клитике *χäz:ä* (*χäc:ä*) postp. 'вместе с' [В этимологической статье про происхождение диг. *χäz:ä* postp. 'вместе' В.И. Абаев при сравнении с параллелью сак. *hamtsa*, *hatsa* 'вместе с' справедливо отмечает, что в осетинском ожидался бы нулевой рефлекс начального согласного [Абаев, 1989, с. 151]. Вполне вероятно, что в современном дигорском послелог представляет из себя сложение с первой частью *χec-*, наблюдаемой в виде «расширителя» при склонении лично-возвратных местоимений, и фактически является аллегорической формой косвенной основы местоимения 3sg. *äχec-* 'он-сам' (в осет. *ä* – редуцированный гласный, чередующийся с нулем)]; *ko*/ *ko** 2sg. imperat. от *käwun*/ *käwîn** 'плакать', -*ga* показатель усиления побуждения, а также показатель деепричастия.

С левой стороны облом плиты. См. начало фразы в К 6 и К 9 (надпись на амфоре из Маяков). В конце надписи прорисован круг (что может читаться как "q"), но скорее это вариант трехосной свастики с окружностью в центральной части.

[GH, 2013, p. 178] (По G. Vékony): *ød t^egⁱn ž^aratⁱ / dⁱnⁱmⁱdⁱγ^asm^an / °d^yg t^eγⁱne aj* "Öd Tegin (had it) made / our nest [= home], As(es). / Call it *Ödüg Tegin*" – с «тюркского» языка.

[БСЯ, 1989, с. 183]: *Žyut(ur ücem(i)g / Meñčur (e)l(i)nče / ur biti ögig(e)n*. «В джугутура третьем (т.е. в третьем месяце года тура, горного козла) / Менгчур в своем государстве / выбитыми надписями воздал хвалу».

äsmä xərıtä asä(?d...)

üäu (.) kx kəǵä q

мгла останки ?покрыла...

...как он(а) плачь рыдая!

♦ *asmä* 'мгла, темень' / *asmä** 'мгла, непрозрачный от пыли воздух' (слова нет в этимологическом словаре В. И. Абаева, но оно хорошо соответствует иран. **ásmān-* 'небо'); *xarä* '[печаль]; труп, останки, остатки'; *-tä/ -tā** pl.; ? *asadun* 'заволакивать, становиться пасмурным, облачным; покрывать, укрывать (семена в пашню), прикрывать' / *asadin** 'прикрывать; заволакивать'; *wojjaw/ wijaw** comp. 'подобно нему'; *ko/ ko** 2sg. imperat. от *käwun/ käwin** 'плакать', *-ga* показатель усиления побуждения, также показатель деепричастия, здесь, скорее, – деепричастие *kogä*.

Отмечается переключка с хумаринской надписью на стене, в том числе и по графическому варианту *-m-* с дугой вместо круга. В конце прорисован круг (= "q") трехосной свастики с лучами, загнутыми против часовой стрелки. Также ср. конец в памятнике К 5.

[GH, 2013, p. 179] (по G. Vékony): *ün^u muz^u y^a sm^an / ođ^yn^ε bⁱne aj* "Our nest [= home], As(es), / call it mansion of Ödün" – с «тюркского» языка.

[БСЯ, 1989, с. 181]: *(E)g(i)nč beŋd'(u)r (E)l(i)nče / yu üm ög(i)g(e)n*. «...второй (т.е. во второй месяц года...) Бенгдюр в своем государстве / этой помощью (или этими знаками) воздал хвалу».

К 8 (Хумаринское-10, на песчаниковом блоке крепостной стены)

◇ > X

[БСЯ, 1989, табл. 149]

(памятник известен лишь по прорисовке жителя села С. Белоброва).

7 > X

buwä...

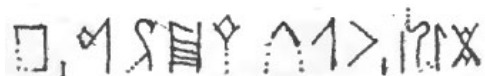
Место...

♦ *buwat/ buwat** 'место'.

К 10 (Хумаринское-9, на песчаниковом блоке из стены цитадели крепости на южной стороне городища)

4 X 0 X > ◇

[БСЯ, 1989, табл. табл. 150] (в публикации воспроизведено вверх ногами).

Прорисовка G. Vékony

Прорисовка И. Л. Кызласова, (при публикации сегмента в аннотации замечено – «показано вверх ногами», на самом деле – правильно)

...𐌆𐌔𐌕𐌖𐌗𐌘𐌙𐌚𐌛𐌜 (𐌛𐌜𐌙)

ṭavau ivad pernə... (~ ird)

Подобно тебе рассветное солнце... (~ ясное солнце)

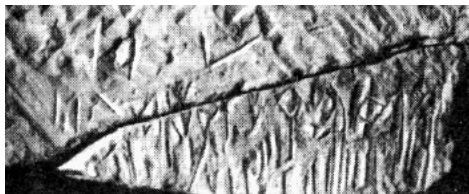
♦ *däwaw/ däwaw** 2sg. dat. 'как ты, подобно тебе'; *ivajun (ivad)/ ivajin (ivad)** '[бледнеть]; рассветать'; или *ird/ ird** 'ясный, светлый; блестящий; ведро'; *farnä/ oxom.* 'солнце'.

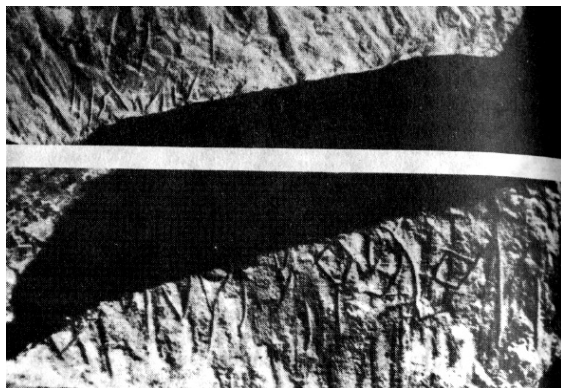
Знак для -v- имеет форму как в памятнике К 3. Если первую часть рассматривать изолированно, то возможен целый комплекс обыгрываний. Может быть *farnä/ farn** 'обилие; счастье; благодать, благополучие, мир, спокойствие'. И именно на дигорской языковой почве, *ird/ (ard)** 'найденный; рожденный' – причастие от *erun/ arin** 'найти; родить'. Т.е. возможен перевод «найденное спокойствие (счастье, обилие)».

GH 175 (по G. Vékony): *t^uγ^al^as, ž^apdi, bⁱčigⁱr* “Tughalas made (built?), wrote its inscriptions” “N. the Tughalas made (built?), wrote its inscriptions” – с «тюркского» языка.

б) вторая часть (второй и третий обломок)

Фотографии С. Я. Байчорова [БСЯ, 1989, табл. 136, 139, 138].

(X) > R > H I K D ? H > | (= > A > H, ? H > | > |)

ṣəumə(n) zəd nə a₁Rz₁úl ú (ta..)

утром рожденное не кренился...

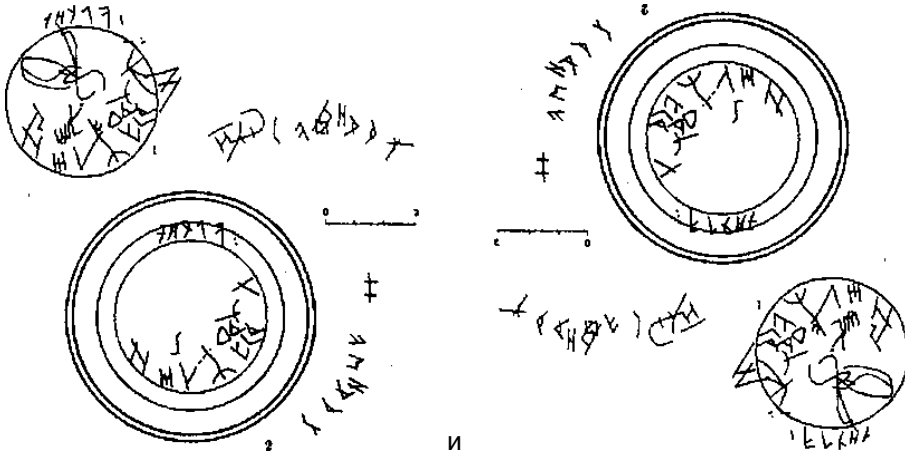
♦ *säwmä/ säwmä** dir. 'утро, утром, поутру', или в случае наличия просматриваемого *-n-* dna. *säwmon/ säwmon** 'утренний'; *zad/ zad** 'родившийся' от глагола *zajun/ zaijn** 'родить(ся)'; *nä/ nä** приглагольное отрицание; *är-zulun un/ är-zilin win** dnv. 'скривиться; накренившись', в качестве именной основы выступает прилагательное *zulun/ zilin** 'кривой' при *zol/ zul** 'косой, кривой', в данном тексте представлена форма без *-n*, которую можно интерпретировать и как обычную глагольную основу и как сочетание с глаголом бытия *un*, что может указывать на происхождение *zulun* из отглагольного имени; *-uj/ -i** 3sg. Может быть, в данной фразе стоит форма повелительного наклонения, т.е. *a₁Rz₁úl*. В таком случае после нее идет *wotä (woti-tä)/* 'вот так', и перевод звучит как «Утром рожденное, не кренись! Вот так». Однако в современных языках в этом наклонении глагола используется другое отрицание *ma/ mā**.

Вторая и третья части памятника в настоящее время утеряны. Общий перевод 1 и 2–3 частей: «Подобно тебе рассветное солнце... утром рожденное не кренился...». Не исключено, что и этот текст является частью плача.

[БСЯ, 1989, с. 178]: *Žyut(u)r (e)kž belüg tiketüki ž(a)l (e)ki kiž oj(u)w* [= *kiže ojuw*] *ojd(uq)*. «В джугутура второй (т.е. второй месяц года тура, горного козла), в год завершения памятника, два малых орнамента вырезали (мы)».

не исключено, что здесь может быть последовательность слов: *väst* p. part. от *väsün*/ 'удобрять; приправлять; отделявать, украшать', 'отделанный, украшенный' и *a-kust* p. part. от *a-kusun* (?)/ *a-kusin* (*ak'vist*)* 'поработать, отработать'. Т.е. это может быть и некое «украшенное, отделанное», которое является или должно быть ритуально чистым.

К 2 (Оношат на притоке Лысьвы, четыре надписи на серебряном блюде, одна – последняя после отточия сделана после поворота блюда на 180°, и является своеобразным резюме).

Прорисовки по Я. И. Смирнову и И. Л. Кызласову. Второе изображение дано в перевернутом виде для удобства чтения центральной части.

3 строка

4 строка

Выделенные прорисовки 3 и 4 строк.

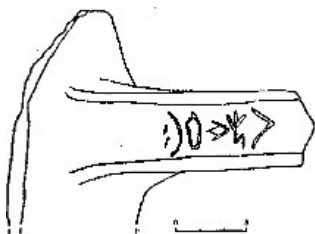
2 Н СМНЗЗУ
 3 УЗУУУЛНН
 4 УЗУУУЛНН
 1 ЗУУУУ:

2 *duwä zävägän, ... cä*3 *zäqä radä guwä*4 *käläşä uägä ñäwä*1 [*uu (~ və) (?)*]: *gitcu**Двум выпивающим ... вместе**Глазки по очереди высматривавшие (~ глазки голубчиков
высматривавшие) (= глазки строила)**Жеманная манера подвывавшая**– течная сука!*

♦ *duwä/ diwwä** 'два'; *çefäg/* part. pres. 'пьющий' от *çefun/* 'пить'; *-än/ -än** dat.; ? *-cä* postp. 'вместе' (см. К 5); *zäv:e/ zäv:** 'глазик, глазки'; *radä/ rad** 'очередь', abl. *radäj/ radäj**, *radgaj** 'по очереди'; или *radä/* 'голубчик, дорогой'; *vud/* *р. part. 'забота, намерение' от *käwun/ qävün** (*q^wid*)* 'быть нужным' при d.na. *kävaj/* 'наблюдение', что предполагает и значение «высматривания»; *käläsi-mäläsi* 'кривляние, жеманство' (экспрессивный редупликат с регулярной меной начального согласного второй части на *m-*)/ *käläsi** 'кривой; кривляющийся'; *wagä/ wag** 'нрав, поведение'; *newun (niwd)* 'завывать (о ветре, волках)'/ *niwün** 'ныть'; [? *wo/ u** 2sg. imperat. 'будь']; *gitzo/* 'возбужденная (течная) сука, ищущая самца' при *git/* 'состояние охоты (о самцах)', *git-mä käwun/* 'идти на спаривание', бацб. *zuv, zu* 'сука; самка'.

Обычный знак для смягченного *-d-* в данном памятнике используется для передачи нейтрального *-d-* (ср. следующий памятник К 11 и Д 7). Не исключено, что знаки, составляющие рисунок вида “W” относятся к 1 строке. Во 2 строке первый знак для аффрикаты «N-образного» типа со скошенной поперечной линией в отличие от последнего знака той же строки. Такой же знак стоит и в начале 3 строки. Встретился подчеркнутый знак для *-v-*, соответствующий осет. *-f-*, как в ДК 2. Надпись процарапана на драгоценной посуде в состоянии аффекта.

К 11 (Билляр, по сырой глине на ручке сосуда до обжига)

Прорисовка А. Ф. Кочкиной

:) ⚡ ⚡ >

uəḏuqən :

Для ручки

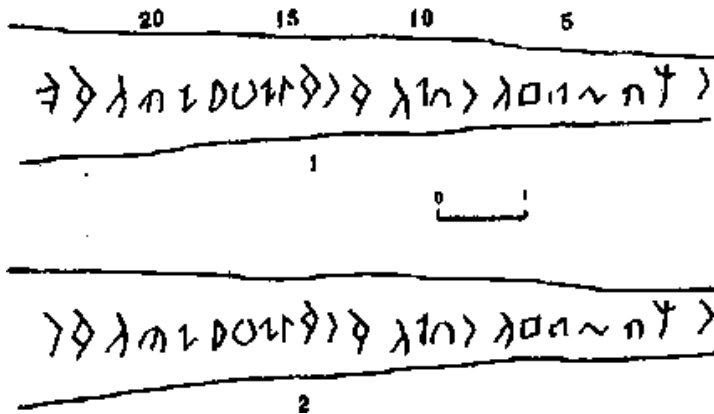
♦ *wedug, edug/ widig** 'ложка'. В. И. Абаев в историко-этимологическом словаре явно несправедливо отвергает сравнение с памирскими языками, предложенное В. Томашеком, – вах. *wadh*, сарык. *wiédh* 'рукоять' (Абаев, 1989, с. 107, 108); *-än* dat.

Обычный знак для смягченного *-d-* в данном памятнике используется для передачи нейтрального *-d-* (ср. предыдущий памятник К 2 и Д 7). Техническая надпись гончара на заготовке, не стертая до обжига.

[GH, 2013, p. 126]: *dʹt* [b..t..n] "dream/ пооп [...]– с «тюркского» языка и переводом только первых двух знаков.

[БСЯ, 1989, с. 253]: *u čömr(e)n*. «Из этого ковша (кувшина)...».

К 12 (Житков у Маныча, на роговой накладке боевого лука)

1 – прорисовка И. Л. Кызласова по фото А. И. Семенова;

2 – по прорисовке Е. И. Беспалого

⚡ ⚡ λM1D011⚡ > ⚡ λ1λ > λα.11⚡ > (~ λθ1D)

uəḏüki. qauräia mü əüi, kəq ḡəkəva mü (~ ḡəkäa)

То ли это от ветра доблести, то ли руки бесподобные.

♦ *wazängä* 'поток ветра', *wäzungä* 'сквозняк'; *-i/ -i** gen.; *qawrä, qarwä, qarä/ qarü** 'сила, мощь, доблесть'; *-äj/ -äj** abl.; арх. *uj* (в устойчивых

выражениях и фразеологизмах)/ *u**, (диал. *wi**) 3sg. pres. 'есть, быть'; *ävi/ ävi** 'или, разве'; *koχ/ kuχ* 'рука' [в диг. также присутствует вариант с глухим начальным согласным *koχ* – [Дзагуров, 1980, с. 130 (с двумя примерами), 118]; *ne-kejaw/ ni-käjaw** comp. neg. 'не подобный никому'; арх. *uj* (в устойчивых выражениях и фразеологизмах)/ *u**, (диал. *wi**) 3sg. pres. 'есть, быть' или (?) *wo/ u** 2sg. imperat. 'будь!' для первого случая.

[GH, 2013, p. 173] (по G. Vékony?): *i^h ðj ž^aγ^a ps^ara:n ž^apa bⁱð^ε biγ b^ajγ^ox a bⁱðke* "We sent Apsar Jap [the] bow. Shoot a mansion, wealth, oh to us!" – с «тюркского» языка.

ДК 1 (блюдо Солтыкова, на оборотной стороне серебряного блюда)

МІНУМЧ,
ЗІНУМЧ,₂

По прорисовкам Я. И. Смирнова.

МІНУМЧ

žen šəRgin

Добытый (призовой) олень

♦ *çen/* 'клад, наследство', т.е. некий «приз, бонус» или «добыча»; *särgin* охот. 'олень'/ *säržin sag** 'лось'. Для понимания контекста интересно диг. проклятие *çen bawo!* 'пропади ты пропадом!, чтоб ты пропал!', букв. «стань *çen*-ом!» (т.е. «стань добычей»).

Последняя буква первого слова и начальная буква второго написаны с наложением, так что образуют случайную лигатуру. «Охотничье» слово 'олень' является довольно старым табуированным названием. Оно отражено в др.-греч. заимствовании *σέρυοί* (H) = ἔλαφοι 'олень'.

ДК 2 (Афанасево, кружка)

МШ > 7 7 7 7

Х^о Ψ ВУ V ПУ МД

(X)

и без поперечных черт:

По рисункам, сделанным С. В. Киселевым

(первая из надписей – на дне кружки, последняя – на центральной части).

МШ > 7 7 7 7

УПУНД

ХΨУ // ХΨД

ΛΜΥΙ (~ ΛΙΔΥΙ)

а) *uägä un fəvə*

б) *əŋəRtvət*

в) *geḏəṭə ~ gəŋḏəṭə*

г) *štəvəR (~ štəŋiR)*

а) Есть усталость – выпей!

б) с другой стороны

в) зубки (~ ротик)

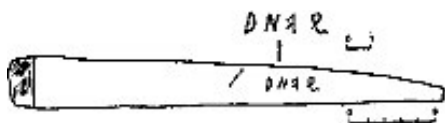
г) серединка

♦ *wägä un/* 'утомиться, устать'; арх. *uj* (в устойчивых выражениях и фразеологизмах) / *u**, (диал. *wi**) 3sg. pres. 'есть, быть'; *çəfun/* 'пить'; *-ä/ -0* 2sg. imperat.; *annärdi-*, *innerdi-/ annärdi-**, *innärdi-** косв. основа от *annä/ annä** 'другой (третий из трех)', *innä/ innä** 'другой (второй из двух)'; *-wat/ -wat** показатель п. loci, определяемого основой; *gänzu/ gäz:i** 'зубик, зубки' или *gäzzu/* 'зубик, зубки', *gäzzo/* 'ротик'; *-tä* pl.;

stawär/ (staw)* 'поясничная область', хуже – *stur/ stir** 'великий', *stuir/* 'величие, слава', *stor/ stur** 'бык'.

Предпочтительна интерпретация как 'поясничная область', так как последняя надпись г) процарапана на бляхе в середине кружки. В памятнике используется подчеркнутый знак -y- для передачи *-f-* как в К 2. Возможная лигатура *-eŋ-* в надписи в). Знак для *-q-*, используемый при отражении абруптива отличен от *-q-* на месте сильного согласного.

ДК 3 (Кирово у Маныча, на роговой накладке боевого лука)

По прорисовкам Л. С. Ильюкова

ONŋR

bagəRə[q]

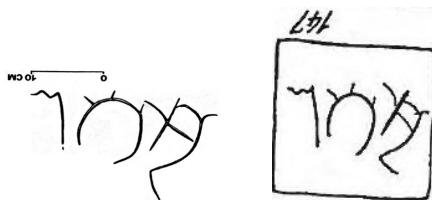
Стреляй! (~ Выстрел!)

♦ *bagəraχ kənin/ bagəraχ kənin** 'подстрелить, выстрелить'.

Ожидалась бы выпуклая левая черта у последнего знака.

Addenda

Саркел (надпись на кирпиче по сырой глине до обжига)

Фотография и прорисовки В. С. Флёрова [Флёров, 1988, с. 49–50, таб. VI (147)]

МѠХ
9

Прорисовка А. М. Щербака [БСЯ, 1989, табл. 126-9]

𐌆𐌇𐌈𐌉

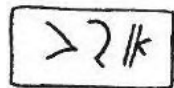
anā bānḏuk...

Незастывшее...

♦ *änä-/ äñä-** neg. отрицательный и каритивный префикс; *banzug/ banzig** 'оцепенение; оцепеневший, застывший'.

В начале используется лигатурное написание *-ni-* с откидной нижней чертой, аналогичное встретившемуся в Киевском письме. Знак для сочетания *nḏ* не только написан в виде лигатуры, но и после него строчка идет косо, ориентируясь на верхнюю часть этой лигатуры. Техническая надпись строителя или гончара на заготовке.

Саркел (надпись на кирпиче)

151 152 153

Прорисовка В. Е. Флёровой [Флёрова, 1997, таб. VI]

𐌆𐌇𐌈

sinḏi

Подобно (= Образец)

♦ *sonaw/* 'подобно' с окончанием *-aw* comp.

В самом начале слова идет лигатура с приписным знаком для гласного *и*. Лигатура аналогичного типа встречается и в надписи на аланской чашке из бассейна р. Большой Зеленчук и Д 19. Стоит обратить внимание на большую частотность лигатур с приписным гласным *i* в секельском письме. В данной надписи представлен графический вариант знака *-с-* из двух параллельных черт как в надписи с козами Д 21 и (?) Гнакызы 2. По характеру памятников, в данном случае это надпись на образце кирпичей.

Саркел (надпись на горшке)

По прориси С. А. Плетнёвой [БСЯ, 1989, табл. 126-6], В. Е. Флёровой [Флёрова, 1997, таб. XIII]

↑⌘)

nalχə

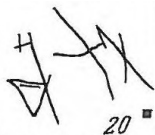
Сливочное масло

♦ *nälχä/ nälχä** 'сливочное (нетопленое масло)', заимствование из чеч. *nalχa* (нах. **nalχe*⁵⁶⁶) 'сливочное масло'. Может быть как нахской, так и осетинской надписью.

Ср. графический вариант знака для *χ* в другой надписи на чашке с р. Большой Зеленчук и Д 19. Знак для *-l-* имеет характерный купол, встречающийся в других кубанских памятниках и в Паннонии. Надпись для пользования посудой по назначению.

[БСЯ, 1989, с.165]: *Aš(i)č.* «Горшок».

Маяцкое городище-20 (надпись на камне стены)

Прорисовка В. Е. Флёровой [Флёрова, 1997, таб. III]

⋄⌘†χ

χəbäzəq

В раскорячку

♦ *χəbäz:äg/ χəbäc** 'в раскорячку (стоящий, идущий, сидящий)'

Маяцкое городище-17 (надпись на камне стены)

17

Прорисовка В. Е. Флёровой [Флёрова, 1997, таб. III]

XYY

tatχə

Грядка

- ♦ *tatχa/ tatχa** 'грядка, гряда; участок огорода'.

Подпись над прилегающей грядкой.

Маяцкое городище-41 (подпись на камне стены)

Прорисовка В. Е. Флёровой [Флёрова, 1997, таб. I]

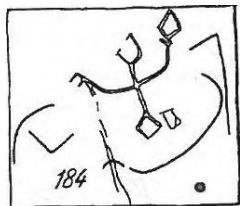
IΛΛ

mərsə...

Бальсаг

♦ *Marsäg, Marsug*, [*Balsäg* < ирон.]/ *Balsäg**, *Malsäg** 'Бальсаг', мифический персонаж в нартовском эпосе, обладатель чудесного колеса, которое убило героя Сослана. Личное имя имеет суффиксальный элемент, аналогичный присутствующему в следующих именах нартовского цикла *wärχ-äg, al-äg* [Абаев, 1973, с. 234, Абаев, 1989, с. 96, I 44]. Ср. суффикс *-äg*, служащий для образования имен существительных (в случае основы прилагательного – некто, надежный характерным признаком).

В данной надписи в качестве виньетки с наложением букв написано личное мужское имя в характерной диг. форме с дрожащим сонантом и без уменьшительного (?) аффикса.

Маяцкое городище-184 (надпись на камне стены)

Прорисовка В. Е. Флёровой [Флёрова, 1997, таб. I]

С>ǂ)↵ (= С>Ψ)↵)

kəndun₁

Поминальный

♦ *kändä/ känd** 'большие поминки'; *-on/ -on** dna.

Изысканное оформление срединного знака для *-d-* как человека, держащего в одной руке рог или кубок, и выливающего напиток другой рукой. Конечный *-n* в зеркальном виде после предшествующего *-u-*, что неоднократно встречается как графический прием. Надпись на камне, где проводились большие поминки.

Маяцкое городище-4 (рисунок и надпись на камне стены)

Прорисовка В. Е. Флёровой [Флёрова, 1997, таб. III]

χΑχ

Λ-Υ

bəlaχ

təʃ₁ər

Бедовый склон (~ преграда)

♦ *bəlaχ/ bəlləχ** 'беда, бедствие, несчастье; катастрофа; препятствие'; *təssar* 'склон; горная терраса; поперечная линия; перпендикулярная линия; поворотный пункт', pl. *təssärtä* 'повороты, зигзаги (опасные)'/ *təssar** 'склон; горная терраса'.

Буква *-l-* выглядит вычурно в виде шестилучевой звезды, которая получается из-за наложения поперечной черты предыдущего знака. Знак для *-ṣ-* имеет меньший размер и лежит горизонтально, ср. надпись на кости животного из Правобережного Цимлянского городища и варианты в паннонских надписях.

Маяцкое городище-7 (рисунок и надпись на камне стены)

Прорисовка В. Е. Флёровой [Флёрова, 1997, таб. III]

Хṣ8

bäḫ

Лошадь

♦ *bäḫ/ bäh** 'лошадь'

Пояснительная подпись над крупом нарисованной лошади.

Маяцкое городище-98 (строительная надпись)

Прорисовка В. Е. Флёровой [Флёрова, 1997, таб. IV]

Мḫṣ

gäz:ewä..

Никудышний

♦ *gäz:ewäg/ 'никудышний'*.

Знак для *z* в зеркальном отображении, но может быть и сокращенным вариантом для знака *z:*, ср. надпись Токмак-Кая 1. Вертикальную палочку между двумя последними знаками следует считать результатом естественного происхождения. С другой стороны, это может быть остатком знака для *-i-* без выраженного наворачивания. Техническая надпись строителя или гончара.

Хумара (надпись охрой на внешней стороне восточной оборонительной стены)

[БСЯ, 1989, табл. 148]

[X] 𐎧𐎠𐎡𐎢𐎣𐎤𐎥𐎦𐎧𐎨𐎩𐎪𐎫𐎬𐎭𐎮𐎯𐎰𐎱𐎲𐎳𐎴𐎵𐎶𐎷𐎸𐎹𐎺𐎻𐎼𐎽𐎾𐎿
 СИ:И:У:Х:𐎧𐎠𐎡𐎢𐎣𐎤𐎥𐎦𐎧𐎨𐎩𐎪𐎫𐎬𐎭𐎮𐎯𐎰𐎱𐎲𐎳𐎴𐎵𐎶𐎷𐎸𐎹𐎺𐎻𐎼𐎽𐎾𐎿

šau... ..ašmā [X]

..aš mā eRəvəRən₁ (~ me əRəvəRən₁)

Сияющиймгла... (? покрывает останки).

...(?есть) место, где меня можно возложить

♦ *siaw/* 'сияющий, ясный; ценный, дорогой'; *asmā* 'мгла, темень' / *asmā** 'мгла, непрозрачный от пыли воздух'; ? *χarā* '[печаль]; труп; останки, остатки'; ? *es/ is* 3sg. pres. 'есть; быть', *mā, m-/ mā**, *m-** 'меня, мой' acc./ gen.; *ärävärän/ ärävärän** 'место, куда можно положить, поставить' от *ärävärün, ärivärün/ ärävärin** 'положить, поставить, возложить, установить'; [ср. *ärwärun* 'пойти, выпасть (об осадках)'].

Между правыми знаками и сохранившейся левой частью расстояние около 70 см. В сохранившейся части надписи используется только зеркальный вариант знака для *-n-*. Знак для *-m-* встречается два раза и имеет разомкнутую дугу вместо кружка. В знаке для *e-* не хватает одного правого зубчика. Не исключено, что этот знак относится к предыдущему слову. Отточия являются частями знака для *-v-*, а в качестве словоразделителя выступает точка. Продолжение фразы первой строки можно видеть в надписи К 7. В первой строке от первой буквы третьего слова осталась только правая часть.

Гнакызы 1 (над входом в первую пещеру могильник, сильно разрушено эрозией)

[БСЯ, 1989, табл. 162]

十 ㄨ 卩 卩

badalə[b]ə...

Приют (кров)

♦ *badälbazur känun/ badälbazir känin** 'приютить, скрыть'.

Под многолучевым символом изображен внешний вид камеры-могильника, и эта часть не членится на знаки. Надпись идет по диагонали с правого верхнего угла.

Гнакызы 2 (жанровая надпись)

[БСЯ, 1989, табл. 163]

1 строка

2 строка

3 строка

4 строка

5 строка

- 1 DY8H 'FL'F'HI
- 2 47D 87
- 3 JMMM'F'8OFO
- 4 181011M или 181011M
- 5 ['F']NΛIA

šamd ed^d zəbat ηə
gəb ηəgəfə
qəpəqə ηədənvik
vəš[i]qə (~ vəcqə) šəbəš
rəšərza^d

Танец начался. На пятках не прыгай! Подожди!

Развратница артачи[тсия] (не уступает)

Любимая (~ Ради бога), стой!

(Все) мимо! (без толку!)

♦ *simd/ simd** 'осетинский массовый хороводный танец'; *idajun (idad)/ (bajdajin*, rajdajin*)* 'начинаться, приступать' или *idujun (idud)/* 'иссякать, сокращаться (о времени)' с лигатурным *-d-* с двумя ножками вместо последовательности двух *-dd-*; *zäbät-zavda/ zävät-zavd** 'дрыганье ногами, конвульсия', *zäbät/ zävät** 'пятка' [Абаев, 1989, с. 306]; *nä/ nä** глагольное отрицание (здесь, вынесено в первую строку во избежание путаницы с приставкой *ni-*, пишущейся слитно; харак-

терно, что здесь это отрицание используется при императиве); *gäb-*, глагольная основа, сохранившаяся в дериватах *gäb:ida/* 'любящий попрыгать', *niggäbi känun/* 'спрыгнуть', *gäb:** 'прыжок'; *niggäzä känun/ niggäzä känin** 'потерпеть, выдержать; простить', *niggac-känun/* 'подождать, потерпеть до времени'; *qarḡaj ~ qarḡaj/ qarḡaj* ~ qarḡaj** 'развратница'; *nid:ib:iḡ (-t-t) un/* 'заартачиться, настаивать на своем, стоять непоколебимо, не уступать'; *wosiḡaj/* 'нареченная, суженая; любовница (= любимая)' или *wasḡä/ wasḡä**, *wasḡo** 'клятва (небом) (= Боже (мой)!)', *wasḡo/* 'дух-покровитель дружбы' с контаминацией с *wac-/ wac-* 'святой, священный', в случае, если здесь стоит знак для *-c-*, выписанный как две параллельные линии; *siḡus-tä ~ siḡus-ta/* 'стой!, постой!', может трактоваться как имя с показателем pl. *-tä; ra-* приставка сов. в. и значением 'за-'; *särzad/* 'попадание мимо цели', где последний согласный, графически сильно увеличенный, читается в написанной выше строке ровно над последней буквой.

Знак, находящийся в центре, интерпретировался как солярный круг, [БСЯ, 1989, с. 204, 205], но это явно хоровод. Похоронная интерпретация данного изображения также крайне сомнительна.

Примеры контекстов танца *симд* [Абаев, 1979, с. 108]: «станцуй со мной, обращается к ней Урузмаг», «молодежь на траве вместе ведет хоровод», «молодежь не прекращает плясок и симда», «Урусби взял (под руку) одну девушку и стал танцевать... симд продолжался дальше, танцоры сменяли друг друга», «парни старались потанцевать симд (в паре) с Фаризет».

Первый знак является лигатурой *ṣ-* с последующим *-m-*. Возможно, в 4 строке две параллельные линии являются знаком для *-c-*, аналогичного отмеченному на саркельском кирпиче и в надписи Д 21.

[БСЯ, 1989, с. 205]: «Вокруг солярного знака – 21 графема. Однако только самая нижняя группа имеет аналогии в других северокавказских рунических эпитафиях. Она прочитана нами в системе всех описанных надписей». *D'(o)ḡ(i)z.* «Поминание (похороны)».

Гестенти 2 (ущелье у г. **Ак-Кая**, остаток надписи на скале)

[БСЯ, 1989, табл. 177]

-C>X| (= -C>8|)

...əşbun₁

Имущество...

- ♦ *es-bon/ is-bon** 'имущество, состояние, достаток'.

Знак для *-n-* имеет вид, аналогичный знаку на камне-голыше из Милютино. Знак имеет добавочную горизонтальную черту и повернут зеркально во избежание путаницы с предшествующим *-u-*. В данном случае даже само *-u-* не имеет выраженного угла, что доказывает оправданность примененного приема. Надпись владельца.

Гестенти 5 (ущелье у г. **Ак-Кая**, надпись на скале)

[БСЯ, 1989, табл. 177(3)]

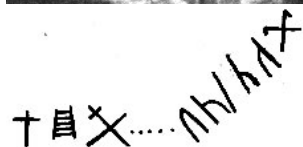
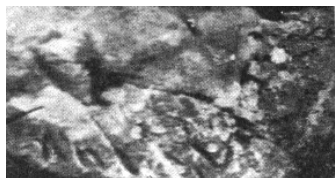
1123>Y >X

χu tuskə şəş

Стена «Кабан»

- ♦ *χu/ χ^ui** 'свинья'; *tuskə/ 'кабан'*; *ses/ sis** 'стена'.

Название скалы по водившимся (?) кабанам или по внешнему виду. Ср. совр. карач.-балк. названия *Донгуз-орун(ы)* «Кабанье место» для трех разных высоких гор в этом географическом ареале (Приэльбрусье, Водораздельный хребет).

Инал 6 (надпись в искусственной скальной пещере)

[БСЯ, 1989, табл. 185]

... 𐌲𐌹𐌸 ... 𐌱𐌿𐌸𐌹𐌸

χalsar (*t-i?)... *tapza*...

Благоухание плодов и трав...

♦ *χalsar* (*χalsärd:ä*) 'овощ, плод, ягода' / *χalsar* 'зелень (съедобная), овощи'; [-*tä*/-*tä* pl.; -*i*/-*i* gen.]; *täfzo* 'благоухание'.

Надпись в виде полукруга на левой стороне камня в основании ниши. Знак для *-l-* с утерянной верхушкой исследователем был отождествлен с двумя симметричными знаками. Соединение этих двух знаков острым углом видно на модификации фотографии по яркости. Форма именной основы со вторым гласным *-ä-* предполагает мн. число с последующей утерей знаков в показателях мн. ч. и род. падежа. Слово, переведенное в словаре как 'благоухание', состоит из двух частей – *täf* 'запах' и *co* 'ход' и может значить некую ароматизацию (с помощью растений) или воскурение.

[БСЯ, 1989, с. 225]: *Bišing (e)s (e)ng... bizi*. «(Год) обезьяны, святылище-дом (лежбище)... (год) обезьяны».

Инал 7 (надпись в искусственной скальной пещере)

[БСЯ, 1989, табл. 186]

ᠲᠠᠮᠷᠰ ᠪᠠᠵᠠᠷᠢ ᠰᠠᠮᠠᠭ (~ ..ᠲᠠᠮᠷᠰᠠᠭ..)

tamras̄ bazari šamaḡ (~ xazari)

Тамрас танцор на базаре

♦ **tamras* личное имя (ср. казачские фамилии Тамрас, Тамрасов); *bazar/ bazar** 'рынок, базар'; -i/ -i* gen.; *semäg/ simäg** 'танцующий, участвующий в массовом хороводном танце' part. pres. (act.) от *semun/ simin** 'танцевать, плясать танец симд'.

Поминальная надпись над нишей с указанием имени и рода деятельности. Если первая буква второго слова действительно имеет левую малую откидную черту, то тогда это слово может значить «хазарский».

[БСЯ, 1989, с. 225]: *Bizin (e)š (e)n...* «(Год) обезьяны. Святилищедом (лежбище)...».

Токмак-Кая 1 (над отверстием в стенном захоронении)

ᠬ 8ᠷ

Прорись М. А. Хабичева

Фотография с сильно ретушированными исследователями буквами [БСЯ, 1989, табл. 188]

[ᠵ]ᠠᠪᠠᠵ [ᠵ]ᠠᠪᠠᠵ

z̄abaz[ä] (z̄abaz[ä])

Склеп

♦ *z̄ab:azä, z̄ab:az/ z̄ab:az** 'склеп, гробница'.

В начале слова стоит модификация зеркального варианта знака *з*, отмечаемого в строительной надписи с Маяцкого городища этого раздела. Наружная надпись могильного сооружения у скалы. Неуверенное прочтение, необходимы более тщательные прорисовки и фотографии.

[БСЯ, 1989, с. 231]: *D'ox ž(e)r.* «Поминальное место».

Токмак-Кая 2 (над отверстием в могилу)

Прорисовка М. А. Хабичева [БСЯ, 1989, табл. 189]

НИИДИГ

giŋ(a) pəRc

Шахматный король

♦ *ken/* 'шашка (в игре)', судя по мягкости носового сонанта, здесь может быть отражение формы ген. *ken-i; perc/* 'король, дамка (в дигорских шашках)'.
По-видимому, прозвище человека по характерному мастерству.

[БСЯ, 1989, с. 231]: *Söyü [= sögü] d'(o)ŷ(i)z(i)χ d'(e)r*. «Место поминовения Сёгю».

Каракентское городище (надпись на камне)

Прорисовка М. А. Хабичева [БСЯ, 1989, табл. 196]

җәбан > X I

şəban uəpəkə (~ şəxən)

Сабан ткач

♦ *səban-tä/ Сабан-ов* – диг. и ирон. фамилии, образованные от имени, причем ирон. фамилия также распространена в Южной Осетии, ср. *Сабанов Григорий Луарсабович* (герой Советского Союза), осетин, род. в с. Кедигора (Лениногорского района) Южной Осетии; *wafäg/ wafäg** 'ткач' part. pres. (act.) от глагола *wafun/ wafin** 'ткать'.

Надпись обладания или намогильная надпись с упоминанием имени и рода деятельности.

[БСЯ, 1989, с. 241]: *(I)sd(e)n oz (e)ng*. «Бог, предок, дом (лежбище)».

Архыз (стела с вертикальной надписью) Б. 238

1

2

3

4

1. Фотография с ретушью [БСЯ, 1989, с. 194]

2. Прорисовка М. А. Хабичева [БСЯ, 1989, табл. 194]

3–4. Фотографии из частной коллекции, сделанные во время реставрации со сколом части центральной строки.

[[P] ǰ > ʔ ǝ ʔ ǝ : N ʔ ǝ
 ʔ ǝ : ǝ : 1 ǝ ʔ M 1

ǰǝbǝRǝ : lǝbsǝǰǝ bun lǝ[bǝ]

ivani : qǝn ; lǝbǝ

Прости! Отрок под колонной

Иоанна воспитанник!

♦ *nibbarun* 'простить' / *nibbarin** 'извинить, простить'; -ǝ/ -ǝ 2sg. imper.; *lǝpsǝ*/ 'капитель'; -i/ -i* gen.; *bun/ bin** 'дно, низ; основание, фундамент; подножие; перен. наследие, наследство', postp. 'под' (с родительным падежом); *lǝb:o/ lǝb:u** 'мальчик, парень', **ivan* – адаптация христианского имени Иван, Иоанн; -i/ -i* показатель gen.; *qan/ qan** 'воспитанник (мальчик, отдававшийся в чужую семью на вос-

питание)'; *läb:o/ läb:u** 'мальчик, парень'. При выделении слов учитываются зафиксированные отточия.

Надпись читается сверху вниз, первая строка находится слева. Знак для согласного *-l-* имеет облик, похожий на русскую букву «Я», ср. Гнакызы 1. В самом верху третьей строки прорисован круг (= *q*) трехосной свастики с лучами, загнутыми против часовой стрелки. Данный знак уже неоднократно встречался на надгробных плитах из Хумаринского городища. Характерно использование своей письменности и традиционного ритуального знака наряду с христианским именем. По свидетельству С. Я. Байчорова, во время находки «стела лежала у узкого торца каменного ящика (могилы) в десяти метрах южнее северного реставрируемого храма. По описанию, захоронение женское» [БСЯ, 1989, с. 237].

Существуют варианты прочтения надписи по-гречески с поворотом ее горизонтально на 90° влево как *γεωργιος πα/ραμοναριος...*, т.е. «Георгий церковный служитель». Вызывает удивление порядок нанесения надписи на вертикальной стеле. В греческой традиции должно быть написание поперек узкой части неполными строками по несколько знаков. В данном случае при греческой интерпретации игнорируются все отточия, кроме единственного, которое следует за буквой *-γ-*, и оно читается как *-ι-*. Четвертый знак в предполагаемой первой строке трактуется как *-ρ-*, хотя на фотографии и прорисовке там присутствует только дуга. Знак для той же самой буквы в начале следующей строки имеет характерную левую прямую черту перед дужкой. Таким образом, с учетом конъектур первое слово должно записываться как *γεω[ρ]γ[ι]ος*, а отточие после него здесь должно трактоваться как словоразделитель в противопоставление с другими случаями. Предполагается метатеза *-μ-* и *-ν-* во втором слове памятника. И, если дентальный носовой согласный отождествим, то идентификация остальных букв крайне условна и сомнительна. Смущает оставление в первой строке только слога *πα-*, хотя там остается свободное место, и – по внутреннему языковому чутью – владеющий греческим языком скорее отделит приставку целиком, т.е. *παρα-*. Данное замечание может косвенно указывать и на порядок заполнения строк. Кроме того, для знака *π-* использована почему-то минускульная форма, а не полуустав. Очень затруднительно объяснить наличие типичных языческих символов в ущерб христианским в оформлении надписи. Если учесть, что рядом находилось захоронение, явно – не полноценное

мужское, а «женское», то можно предполагать, что это могло быть и захоронением подростка. Окончательно разобраться в надписи на данном памятнике может помочь лишь прямая работа со стелой. Но, увы, этот памятник в настоящее время утерян, и исследователи пользуются лишь приводимыми фотографиями С. Я. Байчорова и прорисовкой М. А. Хабичева. Поэтому данный вариант интерпретации может быть включен в корпус восточноевропейской руники, хотя и с большой долей неуверенности.

[БСЯ, 1989, с. 239] (читает все три строчки, начиная с правой):
D'(o)ŷ(i)š(i)w en (e)š m(e)n (Ö)g Bq(a) / ul(u)m a bökmöt(i)m uj... / (e)r(e)n (a)z (a)j(irilti)m. «Поминальный дом (лежбище)-святилище. Я, Ёг-Бкъ(а), / сыном своим (о горе!) не наслаждался, о, / от мужественных азов отдел(ился) я».

Бассейн р. Большой Зеленчук

(надпись на керамической аланской кружке)

По фотографии А. Ю. Погребного

𐌲𐌺𐌸𐌹𐌰 (= 𐌲𐌹𐌸𐌹𐌰)

χит безэ

Сырая вощина

♦ *χот/ χот** 'сырой, невареный, неприготовленный'; *bezä/ bez** 'вощина'.

По В. Далю *вощина*, кроме «восковой основы сот» имеет значение «грязные вытопки воска, вышварки». Надпись на сосуде, используемом для сбора огарков или технического воска, для дальнейшей переработки.

Знак *χ* имеет начертание как в бытовой надписи на горшке из Саркела (см. выше), здесь он лигатурно соединен с *-и-*, повернутым

по часовой стрелке на 90°, см. тот же знак в Д 19. Знак *-з-* похож на аналогичный в Д 18, правда в последнем случае опорная черта не прямая. Знак *-b-* напоминает вариацию, отмеченную на легендах монет (см. ниже).

Милютино (надпись на камне-голыше, найденном в балке)

Фотография и прорисовка В. С. Флёрова

—>ч:—>ψ|

şadı(ə)n₁ amgän₁

Братская могила

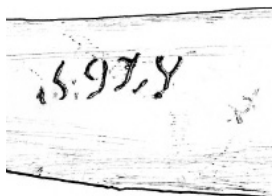
♦ *sadwän (wobaj)* 'братская (могила); склеп для погибших в бою' отыменное прилагательное от основы *sad*, отмеченной с ассимиляцией по глухости второго согласного в сложении *sat-fädes* 'погоня, тревога (во время угона скота, против врага)' при *fades* 'тревога, погоня', т.е. исходное значение *sadwän* – 'коллективный, всеобщий, общинный'; *ingän** (< **emgän* ~ **engän*) 'могила', в современном «диг. в этом значении чаще *cirt*» [Абаев, 1958, с. 544]. В диг. слово *wobaj* обозначает 'склеп (надземный)', соответственно здесь может идти речь о захоронении без такого склепа.

Как в надписях Д 7, К 11, К 2, в данном случае представлено возможное графическое неразличение знаков *-q-* и *-d-*. Знак для *-n-* имеет зеркальную форму с отходящим отростком. Ср. такой же

знак в надписи Ак-Кая (Гестенти 2). В первой встречаемости он под углом наложен на знак для *-u-*, и это видно по прорисовке. Из-за такой ориентации знака отточие между словами приняло горизонтальное расположение, что уникально. Знак для *-m-* вместо кружка имеет стрелку, ср. похожие модификации в надписи охрой на стене Хумары и К 7. Интересен знак солнца ниже горизонта. Он отражает традиционные осетинские представления о подземном царстве, где живут мертвые и где также есть свое светило. Кроме того, ср. диг. *roxsag* в формуле пожелания покойнику *roxsag wol* «будь светел (блажен) в загробной жизни!» (близок русскому «светлая тебе память!»); *roxsag wäd!* «пусть (он) будет светел (блажен) в загробной жизни!» (формула выражения соболезнования родственникам покойного), *roxsaggag* 'покойный'. Эти слова являются дериватами от *roxs/ruxs* 'свет'.

Правобережное Цимлянское Городище, № 48

(надпись на кости копытного)

Прорисовка В. С. Флёрова, В. Е. Нахапетян-Флёровой, фотография В. С. Флёрова

λз:с>γ-γ

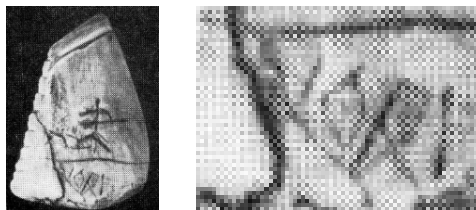
təʃkun₁. əs[a]

Кабанья берцовая кость

♦ *tuskā* 'кабан'; *-on/ -on** dna. отыменного прилагательного; *asa* 'берцовая кость'.

Заметные на фотографии трещины могут быть частью последнего знака *-a-*. Знак для сонанта *-n-* имеет зеркальную форму, что является графическим приемом при сочтении со знаком для *-u-* для части надписей, ср. Д 2, Д 3. Знак для *-s-* имеет меньший размер и наклонен. Такого типа начертание встречается в паннонских памятниках. Цель нанесения надписи неясна. Она может быть как технической, так и ритуальной. По замечанию В.С. Флёрова, это голенная (надкопытная) кость копытного животного.

Таганрог (орудие из кости для орнаментации керамики)

Фотография В. С. Флёрова

УДК>I

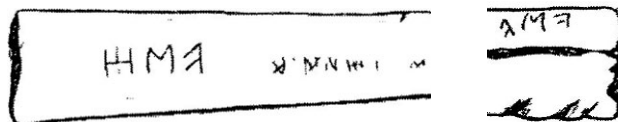
šauaḡta

Резец

♦ *siwanti*/ 'лемех плуга', 'винт в ружье и пистолете (кремневых)' как развитие значения *'резец'. Лемех – это острый наконечник плуга, и к тому же в русском языке существует название разновидности винта «саморез».

В. С. Флёров: «сверху пластину венчает острое лезвие, четко отделенное от массы пластины небольшими плечиками». Заслуживает внимание использование двух зеркальных вариантов букв. Скорее ожидалось бы написание **šauaḡta* вместо *šauaḡta*, хотя и в данном случае это может быть реальным ассимилятивным процессом в сочетании. Надпись не связана с рисунком, изображающим бегущего человека с собакой, а является функциональной, сделанной мастером или владельцем.

Надпись на роге (Сидорово 2004)

а-б

в

г

Прорисовки Э. Е. Кравченко

- а-б) **НМТ Л'НННМ**
 в) **ТМТ**
 г-г/) **С<З<... Σ<Н-1И**
НХТ
- а-б) ***vəşqəRm₁[a] gəvqə***
 в) ***gəvqə***
 г) ***R₁əiṣ₁cəu₁s₁ə / u₁su₁n***
əjəbəqə

Телячьей шкуре (~ доспеху из телячьей шкуры) причинит урон

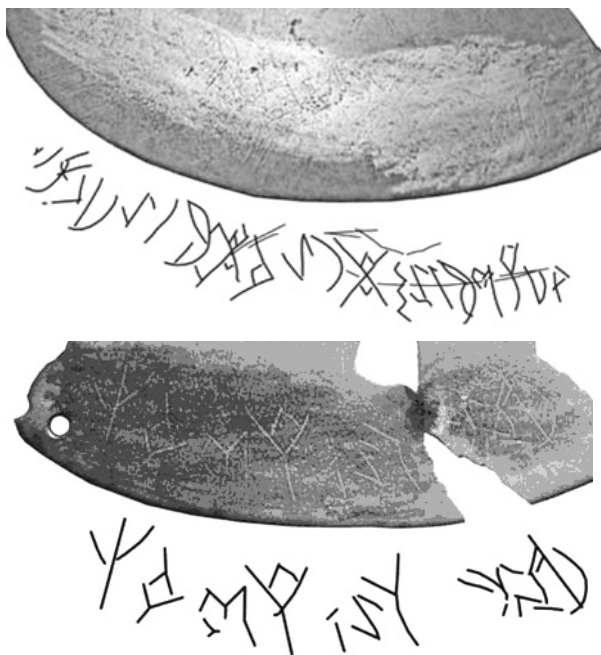
Нужное

Высуши роговую оболочку

Поменяется (~ полиняет, сойдет верхний слой)

♦ *wəşzar/* 'телячья кожа, шкура' при *wäs* (*wäsitä*)/ 'теленок', *car/ carm** 'кожа, шкура'; *-mä* dir. или *-äj/ -äj** abl.; *vawun* 'причинять ущерб, урон; [истратить, потратить; уменьшаться, расходовать, потреблять]'/ (*qawin** только 'уменьшать; расходовать, потреблять'); *-zäj ~ -zänäj/* (только *-zän**) 3sg. fut.; *väw-gä/ qäv-gä* *ger. 'нужный, необходимый'; *ra-* prev. 'вы-' (движение наружу, поверхностное действие); *iscäfsun/ scäfsin** '[согреться]; высохнуть'; *-ä/ -0* 2sg. imperat.; *woson/* 'роговая оправа'; *äjjevun, evun/ ivin** 'менять(ся), обменивать(ся), заменять; линять (о ткани)'; *-zäj ~ -zänäj/* (только *-zän**) 3sg. fut.

На первой стороне надписи оба слова образуют словосочетание. На третьей стороне отдельно было нанесено последнее к кавернам слово, написанное крупными буквами, и отдельно словосочетание, где второе слово стоит ниже черты поверхностного дефекта. На удивление, встречается довольно большое количество зеркальных вариантов букв (писал левша?). В первой части – это знак для *-m-*. На последней части – зеркальные *-R-*, *-u-*, *-s-* и *-u-* (2 раза). В приписном слове *-s-* «положено набок» из-за отсутствия места, а *-n-* – по контрасту с предшествующим *-u-*, что отражает представленную в других памятниках модель записи **un₁*. Также в «лежачем варианте» выступает *-š-*. Встречается модифицированный *-i-* с переходящей на другую сторону чертой. Такой знак позже используется в секельском письме для передачи *-j-*. Надписи представляют собой технические пометы на роге с указанием, для чего он годится, с отметкой о возможности его использования и наметкой о необходимой обработке.

Эсхар (надпись на нагрудном украшении, Харьковская обл.)

Прорисовки В. В. Колоды

'15>D11D18X3 J1JXEN1D181D17
 13 >M1111 > 11D

uṣṣəmetə ŋikəs₁ə tənək ɯə tən₁šəkəŋ ueṣə.
əŋeləuək idəvu ɯəfə

К женщине пригляди́сь, – тонка ли она? (и) согласи́сь на богатую/
дородную. (...выбери богатую/ дородную.)

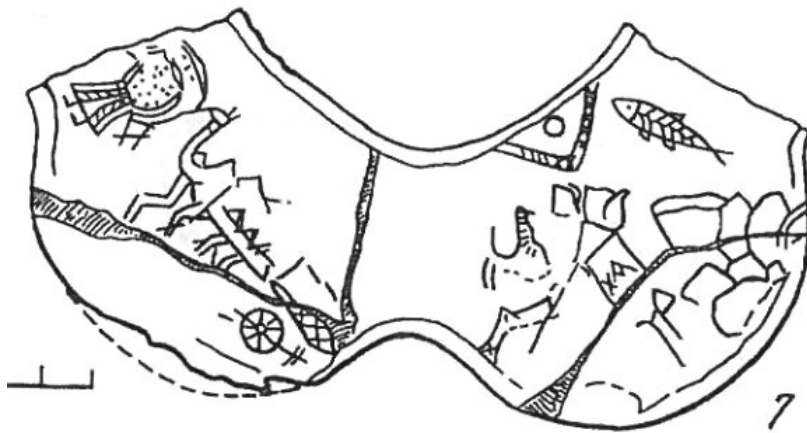
Пускай (работая) без переды́ху ху́деет. (Пускай носится безостановоч-
но и ху́деет).

♦ *wosijnä/ (us*)* 'женщина; жена'; *-mä dir.*; *nik:äsun/ nik:äsin** 'взгля-
нуть, посмотреть (вниз); присмотреться; посетить, навеститься, загля-
нуть (к кому-либо); бросить взгляд'; *-ä/ -0 imperat. 2sg.*; *tänäg/ tänäg**
'тонкий; мелкий; жидкий!' 'жидкий; тонкий; мелкий; редкий'; *wa/ wa**
3sg. fut. subj. от глагола 'быть'; *tins/* 'обильный, богатый (в достатке)';
-äg суффикс образования имен существительных (в случае осно-
вы прилагательного – некто, наделенный характерным признаком

[Осетинско-русский словарь, 1970, с. 661]; *-än* dat.; *wesun/* 'быть покорным, проявлять покорность, повиноваться'; *-ä/ -0* imperat. 2sg.; далее идет отглагольное имя с суффиксом *-äg* n. act. (= *part. pres.) от *aläwwin** 'постоять; повременить; остановиться, стать' (при *läwwin** 'стоять, оставаться; ждать') с отрицательным префиксом, (ср. существующие деепричастия *ger. änläw-gä* [Таказов, 2015] / *änläw-gä** 'безостановочно; безостановочный, нестойкий, нетерпеливый'), по-видимому, сюда же относится и *nälwäg/* '(падение в) обморок' как «нестойкость»; *idawun/* 'худеть, тощать, таять, сохнуть, спадать с тела' [ДРС 2015]; *-uj/ (-i*)* 3sg. pres.; *wazä/* 'пусть' и imperat. 3sg. от *wazun/ wazin** 'позволить'.

В данном тексте используется аллограф s_1 «ленточка» ξ вместо ζ . На пластине отмечаются следы потертости тканью.

Подгоровский могильник (рисунок и надпись на кости)

Прорисовка В. Е. Флёровой
[Флёрова, 1997, таб. X. Гравировки на костяных изделиях]

ΥΡ / ΧΑ

älχädətə

Купленные (товары)

- ◆ *älχäd* (pl. *älχädti-tä*) / *älχäd* (pl. *älχädti-tä*)* 'купля; купленный'.

Пояснительная надпись на куче сваленных пищевых продуктов (рыба, птица, нога) и неких товаров.

Уллу-Дорбунла (надпись на пряслице)

[БСЯ, 1989, табл. 195]

𐰇𐰏𐰚𐰚 (𐰇)𐰚𐰚𐰚𐰚

älχün(i) qät₁ci

Веретяная бусина

♦ *älχünä/älχ^wij** 'веретено'; *-i/ -i** gen.; *zinzä/ 'бисер, чешуйка', zinzi/ 'бусина; янтарь',* старое заимствование из того же (булгарского?) источника, что и рус. *жемчуг* (др.-рус. *жьнчугъ*, 1161 г.).

Написано название самого пряслица, ср. рус. «веретяной камень». Два первых знака второго слова в прорисовке сливаются. Знак для *-m*- зеркально повернут. Во втором слове сначала было написано *-c-*, а потом над ним горизонтально дописана буква *-i*.

[БСЯ, 1989, с. 241]: *Určuq ajl(a)ng ur (o)junt*. «Выбитый орнамент пряслица (круга) веретена».

А 2. Тозбулак (Средняя Азия)

По прорисовке А. В. Оськина

𐰇𐰏𐰚𐰚 > : 𐰚𐰚𐰚𐰚

ñiuag : uəzəgü [~ uzəqä?] : Rət

Жди (прихода) усталых гостей

♦ *nıwvägi* 'в усталости' (вряд ли, орфографически отражается *näväg* 'новый'); *ıwazäg*/*wazäg** 'гость', дериват от утерянного глагола **wäzun*, от которого также ожидалась бы форма **wäzd* или **wazd* 'приход (гостей), проход; пришедший' [Абаев, 1989, с. 61]; *-i*/*-i** gen.; *retun* 'ожидание (в трудное время)', в словарном примере – «ожидания охотника», основа представляет собой старый инфинитив (ее нет в словаре у В. И. Абаева).

Не исключено, что особый знак перевернутой вилки является аллографом *-d*. Тогда здесь имеется в виду «приход». Надпись нанесена после рисунка и не обязательно тем же самым автором.

Киевское письмо (надпись поверх рекомендательного письма выданного Якову Бен Ханукке 904 г.; один из древнейших документов времен Киевской Руси).

аRuэз,әniäg

aRuэз,әniäg

Следует разрешить

♦ *ärwazun*/*ärwazın** 'опустить, допустить; позволить; ниспослать', part. fut. (dub.) *ärwazıjnag* 'то, что надлежит разрешению'. Причастие будущего времени выражает «как объект действия, которое будет совершено, так и лицо действующего, которое намеревается совершить какое-либо действие». В примерах – *fınsun* 'писать', *fınsıjnag* 'подлежащий написанию; намеревающийся писать', *kosun* 'работать', *kosıjnag* 'то, над чем необходимо поработать; намеревающийся поработать' [Таказов, 2003 (дигорско-русский словарь), с. 704, 705], что указывает на значения дубитатива.

В надписи использована лигатура *-ni-*, читаемая сверху вниз. Она встречается также на кирпиче из Саркела. Характер написания первой буквы слова соответствует как типичным написаниям, так и графике монетных легенд, и является неким вариантом более «полного» знака (очевидно, «алефа»). Знак для аффрикаты *-z* присутствует в зеркальном виде. По сравнению с прорисовкой, на фотографии видна точная форма первого и последнего знаков.

[GH, 2013, p. 188] (по G. Vékony): *oy^ıđıq ll^ık* "We have read. Ilik" – с «тюркского языка».

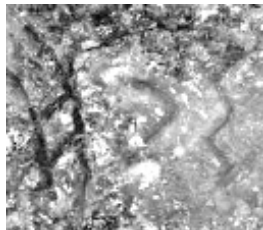
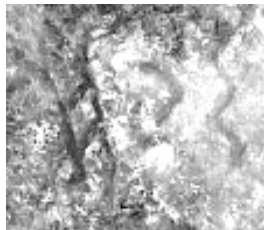
Сура (Sura, надпись на колонне храма)

Фотография и прорисовка Ali Othman'a с внесенными исправлениями в результате анализа отдельных фотографий фрагментов, сделанных А. Othman'ом

с инверсией цвета

сительное прилагательное), у Димешки – название подразделения «кифчаков» الارس *āl-(l)ārs* [Гаркави, 1870, с. 152]. Также с северной стороны у начала транскавказской военно-грузинской дороги находится известное селение Ларс. Существует связь данного места не только с Осетией, но и с ингушами (*ǰIalǰIai*). Н. Г. Волкова отмечает: «... Источники XVI–XVII вв. связывают калканцев (подразделение ингушей. – М. О.) с горной областью, находившейся в одном дне пути от Ларсова кабака в направлении к сонской земле. Ларсов кабак в последней четверти XVI в. принадлежал северокавказскому феодалу Салтан-мурзе. Судя по тексту статейного списка 1589–1590 гг., он был родственником известного в то время вайнахского феодала Ших-мурзы Окуцкого». И далее: «Племенная принадлежность Ших-мурзы, видимо отразившаяся в имени Окуцкий, и родственные связи последнего с Салтан-мурзой заставляют предположить вайнахское происхождение этой феодальной фамилии – владельцев Ларсова кабака» [Волкова, 1973, с. 155]. В ингушском, и частично в чеченском ареале довольно популярно мужское имя Лорса (которое может происходить из **larso-*). Заслуживают внимания также устаревшее кабардинское имя *Lāursan* [Кабардино-черкесский язык, 2006, с. 419], которое отражает раннюю нах. форму, и фиксация фамилии Лаурс в 1727 г. для пильщика в г. Ростове, который «по роду осетинец». Это нахское имя характерно и для нартовского эпоса, где богатырь Лорса противопоставляется предводителю нартов Сеска-Солсе. Причем в рассказе про Лорсу отмечается интересный сюжет про приезд в его места некого князя с последующим побратимством и оставлении княжеской печати(!) Лорсе: «В таком случае, если у меня родится сын, наши сыновья будут присяжными друзьями. Если родится дочь, то наши дети будут мужем и женой, – сказал князь и передал Лорсе свою печать» [Далгат, 1972, с. 382]; «Перед смертью он отдал младшему сыну печать, данную ему князем, передав ему при этом и свой уговор с князем» [Далгат, 1972, с. 383]. Все это дает некую привязку обозначения Ларса и «стражей ворот» и подтверждает связь части арабграфичной легенды с политической системой северокавказского ареала.

По сравнению с прошлой интерпретацией были внесены два существенных изменения. Первое связано с находкой еще одной монеты с одиночной надписью. Второе связано с результатом сличения фотографий образцов монет типа А. Оно показало, что первый знак второго слова на лицевой стороне является тем же са-

мым, что и знак для -χ-, два раза встречаемый на оборотной стороне. В прорисовке Р. Гебла и А. Рона-Таша он имеет особую интерпретацию. Ср. начертание знака на четких вариантах монет:

a

OR 233

b

OR 234

bb

Salem 23

b

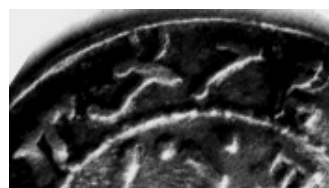

a

Монета с фотографии
Е. Ю. Гончарова

bb

b

Монета с фотографии
А. А. Глашева

ЗКГ'ЭБК'ЭПГ'ЗКГ'ФК'К'Г'ЭГ'Ω
 К'Г'Г'К'Г'Э'Ж'Г'Р'Б'Г'Э'М
 >Г'П'Э'Б'Р'Э'З'Г'С'Г'О

alägätä. χadə əgas. uriü. azä. əgas

vürz. müχəcä. bau.da

əqədənəu. sä. bəz χəzər. üü

Алагата, все мтиульцы (жители долины Белой Арагви), юго-западные народы (~ евреи?), все западные кавказцы.

Милость от меня пришла.

Внушительным их крепкий дом является! (~ служащий им на пользу дом, Хазар, будь!).

♦ *Alägätä* одна из трех фамилий в нартовском эпосе (в каб. – *Aləgi*). Представители этой фамилии занимают средний квартал эпического общего поселения, являются владельцами мифической чаши, не участвуют в междуусобных стычках, которые ведут роды *Äxsärtäg(:)atä* (иран. **xšavṛaka-*), славные воинской доблестью, и *Borätä*, славные богатством, [Абаев, 1958, с. 44; Абаев, 1989, с. 229].

Имя выступает с суффиксом *-tä/ -tä** показателем pl., присоединенным к личному существительному *Aläg*, которое само уже имеет личный словообразовательный суффикс *-äg*, оформляющий нах. основу **aleŋ ~ -j*, **al-ovlo*₇₀₈ 'князь; княжение, господство'. Под этим названием могут фигурировать доминирующие этносы государства, т.е. осетины и нахи. [В первом варианте прочтения было привлечено *lek/ lek** 'лезгины' (в груз. *leki* – общий термин для всех дагестанцев), что приводило к отсутствию упоминания народов, пользовавшихся данной письменностью]; *xadä/ xad** 'мтиульцы' (жители долины р. Белой Арагви), в ср.-груз. *qada* [Абаев, 1989, с. 131]. [В первом варианте, основанном на опубликованной прорисовке, привлекалось чеч. *žaj-xō* 'аварец' < нах. **žaj-*₂₉₁₂ или **žad-*]; *ägas/ ägas** 'весь, целый; живой'; *ujrag/ wirag** 'еврей', *werag/ 'иудей'* (?) (нах. **hijHevjo*₁₇₂₉ 'осетин; еврей; тушин'), карач. *urija-li* 'грузин' (< *осет.). Этот этноним также отмечается в аваро-андийских языках для обозначения 'осетин'. По всей видимости, исходно он применялся к неким южным или западным соседям; этноним, сохраненный в абх. *azə-xu* 'адыге', адыг. *āzə-ва* 'абхаз' как название одного из западнокавказских объединений; *warzun/ warzin** 'любить', *warzon/ warzon** dna. 'милый, любимый', что предполагает ранее существовавшее имя **warz* со значением 'милость, любовь'; *mäxəcäj/ mäxəcäj** abl. 'от меня-лично'; *bawajun (bawad)* 'прийти, посетить'/ *bawajin (bawad)** 'вбежать быстро, подбежать, забежать; посетить, навеститься'; *-äj/ 3sg. perf. intr.*; *aχadän** 'производительный; производительность' (> диг. *aχadän* id. как литературное заимствование), дериват от глагола *aχedun* 'казаться внушительным, значительным; производить впечатление, импонировать; размножаться, развиваться'/ *aχadin** 'иметь значение, значить, играть роль; быть значительным; иметь влияние, вес, импонировать', исторически отглагольное имя могло также значить '*внушительность, значительность, развитость' [Абаев, 1958, с. 88] [В первом варианте прочтения предполагалось чтение всего слова как *qədeu* для которого предлагалось сложение вида **χid-ew* или **χed-ew*, с корнем, отмеченным в *χidäg/ 'единственный'*, *χidt/ p. part.* 'закрепившийся на одном месте', и *-ew/ iw** 'один' и общим значением «единение»]; *-aw/ -aw** comp., с помощью этого показателя также образуются отыменные наречия и прилагательные [Осетинско-русский словарь, 1970, с. 589, 672]; *sä/ sä** 3pl. gen. 'их', возможно чтение с первым гласным *asä/ as** 'величина, рост' (в диг. в качестве послелога – 'равный по числу, соразмерный'), но

в таком случае хуже с управлением; *bäz-, baz-/ bäs-**, отмеченные в *bäznag/ bäsnağ** 'плодородный, тучный; крепкий (о человеке)', *bazgin/ 'сильный', bäsgin/ bäsžin** 'толстый, тучный; густой', *bäzvos/ 'тугоухий' или основа глагола bäsžun/ bäsžin** 'годиться, быть нужным' < иран. *'служить на пользу', *bäsžäg ~ bäsžä/ bäsžä** 'годный, подходящий' [Абаев, 1958, с. 257, 258]; *čäzarä/ čäzar** 'дом, хозяйство' (как правило – свой дом), не исключено, что здесь обыгрывается политоним, имеющий срединный *-z-*, судя по записям в армянской и грузинской графике; арх. *uj* (в устойчивых выражениях и фразеологизмах) / *u**, (диал. *wi**) 3sg. pres. 'есть, является' или *wo/ u** 2sg. imperat. 'будь!'.

Если считать, что *əgas* может занимать только препозитивную позицию, то лицевую сторону следует читать как *əgas/ əlagäta. čadə əgas. uriä. azä*, т.е. «Все! Алагата, мтиульцы, все юго-западные и западные народы».

[GH, 2013, p. 184] (по G. Vékony) с неоправданным вычленением последовательности **ՅԳ** и **ՅԿԳ** как фразовой, и далее: *°βy* "Extolling", *°k øðm* "Ik, myself." с «тюркского» языка.

Фотографии монет типа В, опубликованные Р. Гёблом и А. Рона-Ташем

Тип В – с большим количеством практически не читаемой по фотографиям арабицы. Данные надписи как и в случае монеты типа А лишены пунктуации. Частичному прочтению поддаются лишь арабские надписи в центральной части аверса и реверса. Здесь они находят прямые аналогии с грузинскими подражаниями дирхе-

мам Аббасидов. На аверсе различимо начало мусульманского символа веры – *الله // الا لا اله الا // la 'ilahi 'illa 'llahu* (Нет бога кроме Аллаха), далее *لا شريك له (لا) // لا شريك له // waḥdaṭ lā šarīku lah* ([Он] единственный, нет ему сотоварища). На реверсе – сначала идет имя Бога *الله* с тройным отточием, затем продолжение символа веры: *محمد // رسول // الله* *muḥammadun rasūlu 'llahi*. Ниже этой обязательной легенды, на том месте, где обычно встречаются тамги или геральдические знаки на грузинских и хазарских подражаниях, с трудом прочитывается *لرسد کها k(a)hā..l(a)rs[ī]* (Ларсский первосвященник?, ср. *كهانه* 'жречество, служение культу' при глаголе *كهن* 'быть жрецом, священнослужителем').

⋮ 33 7 7 6 3 . 9 . 8 P K 3 . 1 1 7 3 9 7 [3] 2 . 3 9 6

alagä.t. [x]. dā əgəs uri.ä abəz. əg.əs ɯudäs ::

Алагата (-ов), всех мтиульцев, юго-западные народы (~ евреев), всех западных кавказцев опекаешь.

♦ карач. *ebze* 'сван' (< *осет.), этноним, отражаемый в адыг. *ābāza* 'абазины' и *ābāzə-xa(j)*, *ābāzəx* 'абадзехи' [в варианте надписи **A** уместно говорить об отражении другого западно-кавказского этнонима, а не о простом пропуске буквы]; *wodun/* 'стараться, заботиться, ухаживать'; *-is/ -is** 2sg. pres.

Судя по смыслу арабской части надписи, фраза может относиться к Всевышнему. Не исключено, что и в первом варианте речь идет от Его лица, ср. диг. устойчивое фразеологическое выражение *χисaw alkedär warzuj* 'Бог всех (каждого) любит' [Дзагуров, 1980, с. 213]. В данных легендах напрямую не упомянуты названия основных народов, которые использовали данный вид письма, т.е. осетин и нахов, – они фигурируют под общим наименованием Алагата как некая правящая общность. Не случайно в варианте **A** первая буква намеренно перевернута, чтобы быть похожей на царский венец. Во вторую очередь обращение адресовано к тем, кто не составлял ядро государственного объединения, но входил в него. К легендам этих монет примыкает следующая надпись.

Монета (Новоселовское гордище)

1

2

Фотография и прорисовка Э. Е. Кравченко

Уточненная прорисовка с учетом данных фотографии

ⲕⲚⲉⲓⲁ

alägüta

Алагата

♦ *Alägatä* одна из трех фамилий в нартовском эпосе. Здесь – как выведение самоназвания или доминирующей общности. То же слово, написанное тем же шрифтом, что и на «хазарском дирхеме» тип А (см. выше). Начальный знак скорее повторяет немного упрощенный и правильно ориентированный вариант, отмечаемый на дирхеме типа В.

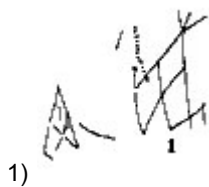
**«Клад Аттилы»,
обнаруженный у селения Nagy-Szent-Miklos,
и другие памятники Придунавья**

Общий вид сосудов

Для этой группы надписей у Г. Хоссу (GH) даются переводы, сделанные Г. Веконем.

1 (красивый кувшин с четырьмя высокохудожественными изображениями)

2)

2) [БСЯ, 1989, табл. 78]

А- 1АУТ

iqälak ašal

Давущий наслаждение (своему) по богатству (убранства?)

♦ *izälun/ izälin** 'наслаждаться'; *-ag/ -ag** part. pres.; *es/ is** 'имущество, состояние, богатство'; *(-bäl/ -il** loc.2 со значениями 'на, по; об, о'.

Процарапанная надпись на дне сосуда. В начале – изображение ребусного типа в виде, напоминающем виньетку. Читается последовательно по выступающим вправо и вверх буквам. Во второй части буква *-š-* наклонена почти до горизонтального уровня, что отмечается и в других паннонских надписях, а также в надписи на кости ПЦГ № 48.

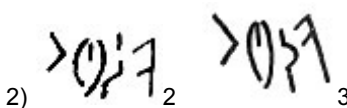
[БСЯ, 1989, с. 103]: *(e)s(i)š* «Памятный» (для последних двух знаков).

2, 3 (типовые кувшины)

1)

2)

2)

2)

3)

2) [БСЯ, 1989, табл. 79–80]

>0т7

gaxəlu

С (узким) горлышком (= Кувшин?)

♦ *kāxil/* 'узкий проход, теснина'; *-aw/ -aw** dна. отыменного прилагательного [Осетинско-русский словарь, 1970 (грамматический очерк В. И. Абаева), с. 678]. Возможно, это нейтральное наименование кувшинов, и тогда здесь представлен формант *-aw*. Ср. с тем же

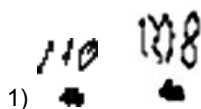
показателем ирон. $q^{w}iraw^{*}$ 'кувшин' при $q^{w}ir^{*}$ 'горло, горлышко' в разных значениях (а по модели – диг. $go\check{c}a$ 'зоб; горло' и $go\check{c}obi$ 'кувшинчик'). См. надписи 6а, 6б.

Надписи на дне сосудов.

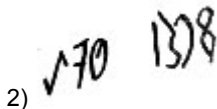
[GH, 2013, p. 161]: $\beta o\check{f}^{d}d^{u}$ "Woshudu (name of fermented alcoholic drink)" – с «венгерского» языка.

[БСЯ, 1989, с. 105]: $(A)y(o)jlu$ [= $(a)y\check{i}$ $(o)jlu$]. «Имеющий дарственную резьбу (гравюру)».

4а, 4б (однотипный кувшин, но золотая пластина, покрывавшая ручку, отсутствует)

1)

2)

2) БСЯ, 1989, табл. 81]

110 1378

bānsāk lāgāi

Подточившая зальсина (ободранность)

♦ *bānsäg*, *bajinsäg* part. pres. (act.) 'смоловший, помоловший; поточивший, наточивший' от *bānsun*, *bajinsun*/ *bassin** 'смолоть; поточить'; *-äg*/ *-äg* part. pres. (act.); *lāgun*/ *lāg^win** 'бесшерстный, голый, лысый, гладкий', ср. также *lāg-wat*/ *lāg-wat** 'развалины; калек; разрушенный', где вторая часть *-wat* суффикс п. loci; *-oj* именной экспрессивный суффикс усиленного качества.

Надпись на дне сосуда. Присутствуют зубчики в последней букве первого слова. И, наоборот, сомнителен нижний зубчик последней буквы последнего слова. В случае правильности первой прориси ее звучание будет *bāxətək*, что соответствует *bāxätäg* 'отплативший тем же' от *bāxätun* 'отплатить тем же' (*bāxätäg** 'попросивший, обратившийся', *bāxätin** 'попросить, обратиться').

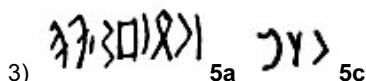
[GH, 2013, p. 161]: $qim^{i}s$ "Kumis" – с «тюркского» языка для первой надписи. $f^{w}\beta^{o}y$ "Whey" – с «венгерского» языка для второй надписи.

[БСЯ, 1989, с. 108] (вместе с последующей надписью): $(A)y(i)nin\check{c}$ $(e)s$ $(U)l(u)ya$. «Дарственная память (т.е. дарственный подарок) Великому».

5а и 5с (однотипный кувшин, обе надписи находятся практически на одном уровне)

2) По прорисовке Хампела
(Hampel в [GH, 2013, p. 158])

3) [БСЯ, 1989, табл. 82]

utad

ṣauəl, ṣəvak[i] gəmə или *ṣəu bənqəsəgəḡ*

Просто так.

По ценности – малая часть выкупа // Ценная добавка

♦ *wotid/* 'так себе; между прочим; просто так, просто; попусту; напрасно'; *siaw/* 'ценный', основа имеет падежный показатель, что предполагает и значение существительного 'ценность'; *-il** loc.2 со значениями 'на, по; об, о'; *siwakä* 'выкуп, контрибуция' (*s^wavä** 'постановление, решение, протокол'); *-i/ -i** gen.; *kämäl/* 'малая часть'. При интерпретации, учитывающей последние две прорисовки, привлекаются: *siaw/* 'ценный'; *bançasäggag* 'вознаграждение, плата за прибавку, добавку' dvn. от *bançasun* 'прибавить; приложить; охватить' при ирон. *baḫässin** 'вложить; приобщить'; не исключен *-mä* dir. после причастной формы.

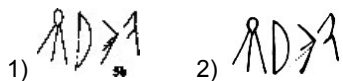
Надпись на дне сосуда. Последний знак фразы 5с в таком же самом графическом варианте встречается на выгравированной надписи блюда из этого клада. При первой интерпретации во фразе 5а используется специфический (аллегривый) вариант основания из двух черт вместо трех для знака *-l-* (ср. Гнакызы 1 и далее), а знак для *-i-* выписан невнятно. При второй интерпретации первый упомянутый знак трактуется как *b-*, невнятный *-i-* считается помаркой, и предполагается нижняя черта у квадрата, обозначающего *-q-*.

[GH, 2013, p. 159] (5с): *dan^(u)* "Water" – с «осетинского» языка.

[GH, 2013, p. 158] (5а): *siu *s^urⁱm*; *βⁱzⁱ* "water [and] beer/wine"; "water" – с «тюркского» и «венгерского» языков для последнего слова.

[БСЯ, 1989, с. 110] (вместе 5а, 5b, 5с): *Sob(e)n m(i)nč (ö)g(ü)g. (A)γ [= (a)γi] oj (uš). Oη(u)g.* «Собээн настолько славен. Дарственная резьба (гравюра). Резьба (гравюра)».

5b (более крупные знаки на том же кувшине)

2) [БСЯ, 1989, табл. 82]

RD71

gúnal₁

По недостатке (~ по бедности) // На бедность

♦ *gewun* 'дремать'; *недоставать*; *прозябать*, *маяться* в жалких условиях! (*žiwīn** 'околачиваться, обиваться'); основа инфинитива (масдара) с показателем *-il** loc.₂ со значениями 'на, по; об, о', ср. другие случаи падежного оформления инфинитивов: падежный показатель *-mä* dir. в сочетании с инфинитивом образует инфинитив цели (супин), а в сочетании с *-āj* abl. инфинитив причины.

Надпись на дне сосуда. Второй перевод исходит из значения предыдущей строки. Ср. ниже надпись **13b**.

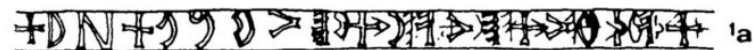
[GH, 2013, p. 159]: *v^od'jō* "with water" со «славянского» языка.

[БСЯ, 1989, с. 110]: *(A)γ [= (a)γi] oj (uš).* «Дарственная резьба (гравюра)».

6а, 6b (подносы с одинаковой чеканкой по пунсону)

2) БСЯ, 1989, табл. 85

По прорисовке Hampel (1884).

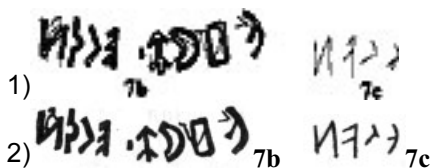
♦ *äznäm/ znäm** 'племя, род, колено рода'; -i/ -i* gen.; в языках паннонского ареала – венг. *pohár*, чеш. *pohár*, русин. *poħar, puħar* 'чашка, бокал'.

Надписи на внешней стороне сосудов. Не исключено, что *-m̄* представляет собой лигатуру *-mi*, происходящую из сочетания знаков.

[GH, 2013, с. 157]: *yr̄^εtx ^wz^odoγ* "Emptying [of the drinking horn is] warming" – с «венгерского» языка.

[БСЯ, 1989, с. 117]: *G(ü)m(ü)šč (a)γ [= (a)γi] oj(u)q*. «Дарственная гравюра ювелира».

7с (на чаше с надписью греческими буквами (дублетном варианте) следы процарапывания по чеканке и выписанное отдельно слово)

2) [БСЯ, 1989, табл. 87]

ИΓ>γ

ägəR

Всеобщее

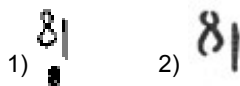
♦ *ewgur/ iwγ^wir** 'всеобщий, массовый'.

Рукописные надписи на внешней стороне сосудов. Изменение статусного характера кубка.

[GH, 2013, с. 157]: *γdβ^εγ* "Refreshing" – с «венгерского» языка.

[БСЯ, 1989, с. 118]: (перевод в комплексе): *(A)γ [= (a)γi] oγ(u)q*. «Дарственная гравюра».

8 (на стаканчике)

2) [БСЯ, 1989, табл. 88]

81

šəbə

Кратер (?)

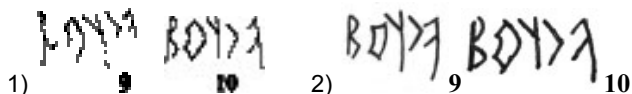
♦ ? *sebur, sebor/ sivir** 'большое деревянное блюдо с отверстиями посередине для стока воды' и *seburaw/ siviraw** *comp. 'котловина (георг.)', что предполагает первоначальное значение типа '*кратер'.

Надпись на дне сосуда. Ненадежная интерпретация.

[GH, 2013, с. 162]: ⁱs^lq "Warm up!" – с «тюркского» языка.

[БСЯ, 1989, с. 119]: (E)s (a)γ [= (a)γi] «Памятный подарок».

9, 10 (на сковородочках-ложечках для дегустации вина)

2) [БСЯ, 1989, табл. 90–91]

BUTY

gutəŋ[m]ə (9), *gutəŋmə* (10)

Для никчемных (глупостей)

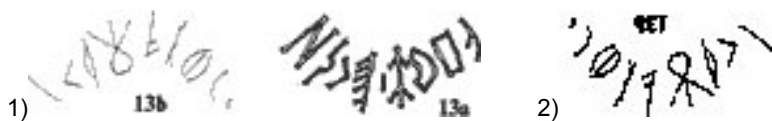
♦ *got-lek/ got-leg:** 'вялый, никчемный (человек)', основа с экспрессивно измененной второй частью *läg/ läg** 'человек', первая часть может быть и глагольной основой и восходить к **got-un; -mä dir*. В сочетании с глагольным инфинитивом образует так называемый инфинитив цели (супин), но здесь также можно видеть и вторую часть *nimaj/ nimaj** 2sg. imperat. 'считай'.

Надписи с обратной стороны ручки.

[GH, 2013, р. 162]: *β^ad^u e^lkⁱ* "Forest food" – с «венгерского» языка (причем, даже по-автору, венг. *vad* значит 'wild, not-cultivated, woodsy').

[БСЯ, 1989, с. 122]: (A)γ [= (a)γi] *oŋ(u)š(u)m*. «Моя дарственная гравюра».

13b (кубок; обычно публикация первой из надписей дается вверх ногами)

2) правильная ориентация курсивной надписи,

3)

3) Прорисовка Хампела (Hampel в [GH, 2013, с. 157]),

4) [БСЯ, 1989, табл. 98]

4)

*šauṇal₁ gataḷak

šauṇal₁ gataḷak

Наконец, винный (?) сосуд (~ По итогам, ...) // На бедность, винный (?) сосуд

♦ *sevun* 'подводить черту, подытоживать' / *siw win** 'объединиться, соединиться'; основа инфинитива (масдара) с показателем *-il** loc.₂ со значениями 'на, по; об, о', ср. *-mä dir.* в сочетании с инфинитивом образует инфинитив цели (супин), а в сочетании с *-äj abl.* инфинитив причины; *ketelag* 'большой стеклянный сосуд (закрытый плетенкой)' (нет у В. И. Абаева, аналог в иронском и другие значения неизвестны, но такого типа сосуды обычно используются для хранения вина). Если верна первая буква в последних прорисовках, то чтение первого слова будет *guṇal₁* с параллелью *gewun* '[дремать]; недоставать; прозябать, маяться в жалких условиях' / (*žiwun** 'околачиваться, обиваться'); основа инфинитива (масдара) с показателем *-il** loc.₂ со значениями 'на, по; об, о', см. выше надпись **5b**.

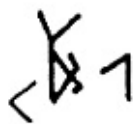
Как и кубок 12, данная емкость для питья имеет ножку. Чеканная надпись на нижней стороне ножки сосуда, а рукописная – на внешней стороне головки сосуда. Написание глагола отражает архаичный вариант, сохраняемый в иронском для первого варианта интерпретации.

[GH, 2013, p. 157]: *v°d'jṣ vajī* или *v°d'jṣ vafe* "[It should be] yours, with water" со «славянского» языка.

[БСЯ, 1989, с. 131]: (A)ṣ [= (a)ṣi] oj(u)š (a) ṣ(i)ḥlan. «Будь ценен, (как) дарственная гравюра».

Kis-Körös-Vágóhíd (надпись на дне ножки чаши)

a)

b)

СҮҖІ

kəxtan₁

Я выпил.

♦ *kəxtan*/'пить'; *-t-on* 1sg. perf.

На рисунке а) прорись текста подана вверх ногами.

[GH, 2013, p. 142]: *p^ut_ə* или *b^uta* "louse" или "[camel] foal" – с «тюркского» языка.

Ozora-Tótipusza (серебряный сосуд)

ХНІХ

ХНІХ

bəṣəzəx

Супница (емкость для бульона)

♦ *basä* 'бульон'/ *bas** 'суп'; *-i/ -i** gen.; *ziq:/ ziq:* 'яма, углубление, впадина'.

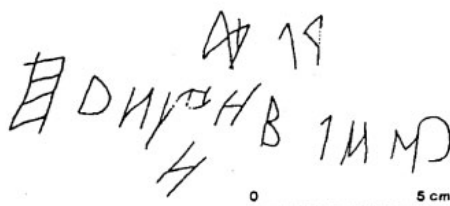
Неясен вид сосуда, поэтому вариант чтения довольно условен, хотя косвенно на емкость может указывать вариант перевода Г. Векопя.

[GH, 2013, p. 141] (по G. Vékony): *10 sīy^at* '10 [pieces] fit [inside]' – с «тюркского» языка.

Rovas (надпись на камне церкви)

Прорисовка G. Vékony

Прорисовка E. Benkő

dukdä

zäb:azäk ba zäm:azä zäb:az-[xs]ä

Девочка! (= Дочка!)

Счастливо покойся в склепе.

♦ *dukdä*, *divä* 'девочка, девушка' / (*χo-dikd** 'золовка'); *niväjzag* 'счастливый'; *ba-* prev. и исторический предлог 'движение внутрь с точки зрения находящегося снаружи'; *zäb:azä* ~ *zäb:azl* *zäbaz** ~ *zäbaz** 'склеп, гробница (подземная или полуподземная)' («возводится закономерно к **zam-pati-*», [Абаев, 1989, с. 298]), в памятнике представлено развитие исторического сочетания согласных в губной носовой согласный; *niffezäxsun* 'успокоиться, обосноваться' (*niffäzäxsin** 'завещать, благословить'); *-ä* / *-o* 2sg. imperat.

В первой строке представлена модификация знака для *-t-* с очерченными по бокам полями. Знак для *-m-* имеет зеркальный вариант. В конце надписи обыгрывается ранее нарисованный листо-

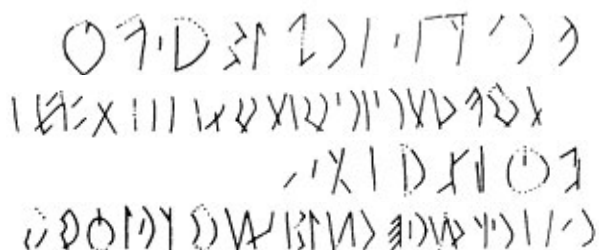
чек с ножкой, где волнообразный изгиб основы листка соответствует знаку -s-, а хвостик – предположительно, знаку -χ-.

[GH, 2013, p. 124] (по G. Vékony): ^εbi ^αtl^ιy/... k^γr qer^εj "His mansion is famous/ ... Küg Kerei" – с «тюркского» языка и интерпретацией только конца второй строки после пробела.

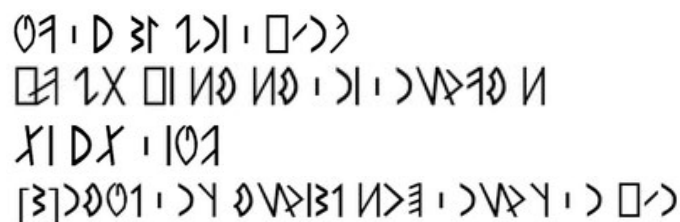
Szarvas (игольница с надписями)

Фотографии Ё. Garam [GH, 2013, p. 148]

Прорисовка Иштвана Эрдейи [Erdélyi, 1984]

Интерпретация Габора Веконя (Gábor Vékony)

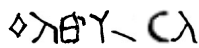
полезные советы для молодой хозяйки или при курсе молодого бойца.

[GH, 2013, p. 149] (по G. Vékony): *ynḡʳ : ʰsnᵉk im ʰλ : βᵃʰ / [tʰ]ʰ tᵉβᵉᵈyᵉn : ʰsᵉn : tʰy tʰy sʰrᵉ bᵉkᵉ βᵉrʰy / fʰrᵉs : ʰtʰi sʰl [...]* / *ʰynḡʳ nᵉ : adyᵉn : [ʰzdy] imᵉsdᵉyt en : iʰfʰnᵉ[m]* "Here is an iron [needle] against [the] demon Üngür / [The] needle should be pricked into the demon; needle, needle, stab, poke, sew! / [Who] unstitches [...] / Üngür shall not give curse; blast him, my God!" – с «венгерского» языка.

Jánoshida (надпись на игольнице)

Прорисовка Иштвана Эрдейи [Erdélyi, 1961]

an ɨ ʂ ɨ t ɨ z a ɨ q ɨ

С нехрупкими (стенками, боковинами)

♦ *änä, äñä-/ äñä, äñä-* каритивная проклитика, приставка 'без'; *ʂɨzun ~ äʂɨzun/* 'скрежетать'; *-agä/ -ag* part. pres. со значениями «постоянного качества или склонности определенного лица или предмета к какому-нибудь действию» [Таказов, 2003, с. 704].

В словаре этот глагол представлен примером *qäbär fäjñägi furälqivdäj tässond färstä äñä ʰstezgä nä fällajuncä* «от сильного давления крепких досок хрупкие стенки, не заскрипев, не устают», в этимологическом словаре В. И. Абаева [Абаев, 1979, с. 356] он включен в квазиомоним *ɨzun** 'плакать, нить', но в приводимом дигорском примере фигурирует с начальным *s-* при каритивной проклитике, и речь – опять же – касается боков, стенок: *ä färstä äñä ʰstezgä nä fälläwuncä* «не бывает, чтобы бока ее не заныли». Можно считать, что все же в данной основе спирант принадлежит корню, и глагол значит «деформироваться», «ломаться» или «трещать (о боках, стенах)».

Но можно предполагать и утерянную в современном осетинском параллель к авест. *taēža-* 'острый, колкий; острие', *tiži (Zs)* 'заостренный, остроконечный', восходящей к инд.-евр. **(s)teig-*. Т.е. мог быть глагол *äʂɨzun* или *is-tezun* со значением 'колоть'. Тогда здесь нечто «некокое, без колющего, без колкости», т.е. просто игольник как предохранитель от уколов иголок при хранении.

В надписи выписано два гласных, причем во втором случае знак повернут горизонтально. Возможно, таким образом дифференцируются *ä* и *a*. Знак для *-n-* имеет зеркальный вариант. Знак для *-s-* повернут горизонтально, что встречалось в 1-й надписи из Надь-Сент-Миклоша и в надписи на кости из ПЦГ. Описана характеристика роговых стенок, что могло быть технической надписью мастера.

В [GH, 2013, p. 141] представлена прорисовка 𐌆 𐌆 𐌶 с чтением по G. Vékony как *b^as yŋⁱg* "defeat Üngür" с «тюркского» языка. В случае правильности передачи графем ожидалось бы *baštäzä* 'стань хрупким!' или 'коли!'.

Сосуд из северо-западного Прикамья (Кашан (?), Татария)

1

2

ИИХ 𐌆
 𐌆𐌆𐌆𐌆𐌆𐌆𐌆

kä xəzəR

kəRərsəq rəizə

Ведь бывает хазарин и без шеи! (Ведь может быть хазарин короткошеим!)

♦ *ku/ kʷi** 'ведь' (частица, обычно стоит в начале предложения, например, *ku neci zaptaj woj tuχχäj* 'ведь ты же ничего не сказал об этом'); *kuräfcäg/ kʷiräfcäg** 'с короткой шеей' [Абаев, 1958, с. 608] – где *kur-* присутствует в словах выражающих телесные дефекты и примерами со значениями 'короткошейей', 'безрукий, сухорукий', аналог рус. *корзубый карзубый, корноухий/карноухий, курносый, кургузый*); *äfcäg/ äfcäg** 'шея (первые позвонки); горный перевал'; *fäwwun/* 'бывать, случаться, доводиться', включается в парадигму *un/* 'быть' как многократный вид; *-ij* 3sg. pres./ *-i** или *-a* 3sg. fut. subj.

Сосуд находится в частной коллекции. В данном памятнике встречается слово *χəzər* – и явно не в качестве названия государственного объединения, а как сопряженный с человеком термин, который может быть как этническим, так и социальным. Знак для *-χ* отражает вариант аналогичного знака на легендах монет. У знака *-z* средняя черта вынесена вниз со смещением. У знака *-c* добавлена лишняя верхняя горизонтальная черта, и он совпадает со знаком для *č* в секельском письме. Такого типа знак для глухой аффрикаты *-c* имеет аналог в надписи на колонне из Суры.

* * *

В результате анализа комплекса восточноевропейской руники можно прийти к нескольким выводам. Внутри Хазарии официальные собственные монеты и документы имеют надписи на осетинском языке, т.е. это был язык деловой документации, хотя на монетах также применялся и «интернациональный» арабский. Письменность была территориально широко распространена и использовалась для записи на осетинском и чечено-ингушском языке (в то время лишь начинается распад этих северных нахских языков). Данный факт указывает на статус этих народов внутри государственного образования по отношению к остальным этносам. Обладали навыками чтения и письма не только представители управленческой страты, но также и военные, включая офицерский и рядовой состав, мастеровые, домохозяйки. Письменностью пользовались и принявшие христианство представители осетиноязычных «алан» (наряду с греческим письмом, если учитывать Зеленчукскую стелу). На территории Аварского каганата данная письменность обслуживала только осетинский язык, а болгароязычные турки использовали письмо греческими буквами. С паннонским вариантом пись-

менности были так же знакомы и представители элиты, и чиновники, и женщины. Различия вариантов письменности не принципиально, в лучшем случае стоит отделять восточные заднепровские и паннонские изводы, включавшие некоторые графические особенности, и соответственно называть системы письма – «хазарской руникой» и «паннонским изводом» хазарской руники. Орфография и историческая стратификация комплекса восточных памятников нуждается в дальнейшем исследовании с точки зрения языковедов, хотя с оговорками можно для удобства использовать сложившиеся номинации «донская» и «кубанская» письменность. Следует особо отметить, что по своим лексическим (частично фонетическим и морфологическим) особенностям язык отражает, в первую очередь, именно дигорскую норму осетинского языка, т.е. к тому времени уже можно говорить о фактическом начале разделения дигорского и иронского осетинских языков. Не случайно, что отдельное упоминание этнонима дигорцев уже встречается в Армянской географии – Ашхарацуйце, памятнике предположительно VII в. н. э.

Порядок подачи и сокращения названий памятников

сокр.	памятники
Д13	донск. Маяцкое-10
Д14	донск. Маяцкое-11
Д7	донск. Сальск-Царицын
Д9	донск. Кермен Толга
Д8	донск. Кривянское
Д1	донск. Маяцкое-1
Д16	донск. Маяцкое-13
Д2	донск. Маяцкое-2
Д3	донск. Маяцкое-3
Д4	донск. Маяцкое-4
Д5	донск. Маяцкое-5
Д6	донск. Маяцкое-6
Д10	донск. Маяцкое-7
Д11	донск. Маяцкое-8
Д12	донск. Маяцкое-9
Д17	донск. Маяцкое-14
Д18	донск. Маяцкое-15
Д19	донск. Маяцкое-16
Д20	донск. Маяцкое-17

Д21	донск. Маяцкое-18
К3	кубан. Хумаринское-1, 4, 5
К5	кубан. Хумаринское-6
К6	кубан. Хумаринское-7
К7	кубан. Хумаринское-8
К8	кубан. Хумаринское-10
К10	кубан. Хумаринское-9
К4	кубан. Хумаринское-2, 3
К9	кубан. Маяки (Донец)
К1	кубан. Седьяр на Вятке
К2	кубан. Оношат на притоке Лысьвы
К11	кубан. Биляр
К12	кубан. Житков у Маныча
ДК1	донск., кубан. блюдо Солтыкова
ДК2	донск., кубан. Афанасево
ДК3	донск., кубан. Кирово у Маныча
СКир.	донск., кубан. Саркел (кирпич)
СКк.	донск., кубан. Саркел (кирпичи)
СГор.	донск., кубан. Саркел (горшок)
МГ20	донск. Маяцкое городище (надпись)
МГ17	донск. Маяцкое городище (надпись)
МГ41	донск. Маяцкое городище (подпись)
МГ184	донск. Маяцкое городище (надпись)
МГ4	донск. Маяцкое городище (рисунок и надпись)
МГ7	донск. Маяцкое городище (рисунок и надпись)
МГ98	донск. Маяцкое городище (строительная надпись)
ХСт.	кубан. Хумара (стена)
Гн1	кубан. Гнакызы 1
Гн2	кубан. Гнакызы 2
Гес2	кубан. Гестенти 2
Гес5	кубан. Гестенти 5
Ин6	кубан. Инал 6
Ин7	кубан. Инал 7
ТК1	кубан. Токмак-Кая 1
ТК2	кубан. Токмак-Кая 2
Кар.	кубан. Каракент
АС	кубан. Архыз
АКр.	кубан. Большой Зеленчук, аланская кружка
Мил.	донск., кубан. Милютино
ПЦГк	донск., кубан. ПЦГ кость
Таг-к	донск., кубан. Таганрог кость
Сид-р	донск., кубан. Сидорово рог

Эсх.	донск., кубан. Эсхар
Под.	кубан. Подгоровский могильник (кость)
УД	кубан. Уллу-Дорбунла (пряслице)
A2	донск., кубан. Тозбулак
КП	донск. Киевское письмо
Сур.	донск. Сура (надпись на колонне)
МА	кубан. Монета дирхем тип А
МБ	кубан. Монета дирхем тип Б
МН	кубан. Монета Новоселовка
Nsm1	панн. Nagy-Szent-Miklos
Nsm1	панн. Nagy-Szent-Miklos
Nsm2	панн. Nagy-Szent-Miklos
Nsm3	панн. Nagy-Szent-Miklos
Nsm4a	панн. Nagy-Szent-Miklos
Nsm4b	панн. Nagy-Szent-Miklos
Nsm5c	панн. Nagy-Szent-Miklos
Nsm5a	панн. Nagy-Szent-Miklos
Nsm5b	панн. Nagy-Szent-Miklos
Nsm6a,6b	панн. Nagy-Szent-Miklos
Nsm7a,7b,12,13a,11	панн. Nagy-Szent-Miklos
Nsm7c,7b	панн. Nagy-Szent-Miklos
Nsm8	панн. Nagy-Szent-Miklos
Nsm9,10	панн. Nagy-Szent-Miklos
Nsm13b	панн. Nagy-Szent-Miklos
KKV	панн. Kis-Kőrös-Vágóhíd
OT	панн. Ozora-Tótipusztá
Rov	панн. Rovas
Szar	панн. Szarvas
Jan	панн. Jánoshida
Каш	донск., кубан. Кашан (?)

Ниже даются словники лексем, упорядоченные по транслитерации восточноевропейской руники и упорядоченные по алфавитному порядку внешних (как правило, дигорских) соответствий. В словниках присутствует сокращенное название памятников, перевод и значимые грамматические пометы.

Словник лексики восточноевропейской руники I

(в порядке транслитерации):

руника	дигор.	памят.	значение	грамм.
<i>abəz.</i>	<i>ābāza, ebze</i>	МБ	'сван', зап.-к. 'абазины, абадзехи'	
<i>ada₁nəǵ</i>	<i>ädäjnäg</i>	Д5	'девственница'	
<i>adun₁</i>	<i>adon*</i>	Д3	'эти'	
<i>aǧəǧəs</i>	<i>az:ä-zawän</i>	Д9	'охота за дикими утками'	2sg. pres.
<i>amə[n]</i>	<i>amän</i>	Д9в	'этому'	-än dat.
<i>an₁ə</i>	<i>änä</i>	Jan	'без'	
<i>anəsən</i>	<i>änoson</i>	Д13	'вечный'	
<i>a[p]šərə</i>	<i>äfsärun</i>	Д14	'наступить; впихивать; утаптывать, прессовать'	-ä 2sg. imperat.
<i>aRuəz₁ənjəǵ</i>	<i>ärwazujnag</i>	КП	'то, что надлежит разрешению' от <i>ärwazun</i> 'опустить, допустить; позволить; ниспослать'	part. fut. (dub.)
<i>a₁Rz₁úl ú</i>	<i>ärzulun un</i>	К46	'скривиться; накрениться'	-uj 3sg. pres.
<i>astú</i>	<i>ästawun</i>	Д9	'хвалить'	-uj 3sg. pres.
<i>ašəǧə</i>	<i>asijnä</i>	Д14	'лестница'	
<i>ašmə</i>	<i>äsmä</i>	ХСт.	'мгла, темень'	
<i>azä.</i>	<i>äzə-</i>	МА	зап.-к. 'абхаз, адыг'	
<i>ägəs.</i>	<i>ägas</i>	Сур.	'целиком, все'	
<i>äkusd :</i>	<i>aχust</i>	К1	'проба, вкушение'	
<i>ändəχ.</i>	<i>ändəχ</i>	Szar	'нитка'	
<i>äqəmə..</i>	<i>aχemä</i>	К6	'к нему (лично)'	см. <i>äzəmə.</i>
<i>äsmə</i>	<i>asmä</i>	К7	'мгла, темень'	
<i>äugəR</i>	<i>ewgur</i>	Nsm7c, 7b	'всеобщий, массовый'	
<i>äzəǧə.</i>	<i>äznäm</i>	Nsm7a, 7b, 12, 13a, 11	'племя, род, колено рода'	-i gen.
<i>äzəmə..</i>	<i>äzäm</i>	К6	'мёртвый; безмолвный, молчаливый'	ср. <i>äqəmə</i>
<i>äz:əməüä :</i>	<i>äzämäj/ äzäm</i>	К9	'бездыханно, безмолвно/' 'мёртвый; безмолвный'	-äj abl. + -aw comp.?
<i>..bä :</i>	<i>ba</i>	К1	'а, но'	(?)
<i>baǧəša₁...</i>	<i>bānisan +</i>	Szar	'метиться'	
<i>bau.da</i>	<i>bawajun (bawad)</i>	МА	'прийти, посетить'	äj 3sg. perf. intr.
<i>bäχ</i>	<i>bäχ</i>	МГ7	'лошадь'	
<i>bezə</i>	<i>bezä</i>	АКр.	'вощина'	

<i>bə</i>	<i>ba-</i>	Rov	'движение внутрь с точки зрения находящегося снаружи'	prev.
<i>bədlə[b]ə..</i>	<i>badälbazur k.</i>	Гн1	'приютить, скрыть'	
<i>bəgəRə[q]</i>	<i>bagəraχ k.</i>	ДК3	'подстрелить, выстрелить'	
<i>bəgʒən</i>	<i>binʒgun</i>	Д12	'место, где обитает много мух'	
<i>bəkəšə</i>	<i>bakäsun</i>	Д13	'глянуть; прочитатъ'	-ä 2sg. imperat.
<i>bələməq</i>	<i>balämäk +</i>	Д9a	'ослабеть, сделаться вялым, слабым'	<i>un</i>
<i>bələχ</i>	<i>bälaχ</i>	МГ4	'беда, несчастье, препятствие'	
<i>bənɟuk</i>	<i>banʒug</i>	СКир.	'оцепеневший, застывший'	
<i>banqasəgəgʒ</i>	<i>banχasəggag</i>	Nsm5a	'вознаграждение, плата за прибавку'	см. <i>šəvak[i]</i>
<i>bənsək</i>	<i>bansäg</i>	Nsm4a	'смоловший; поточивший, наточивший'	-äg part. pres., ср. <i>bəχətək</i>
<i>bəñəmə..</i>	<i>bun</i>	Д17	'дно, низ; основание, фундамент'	-mä dir.
<i>bəñkərəq</i>	<i>banχarun</i>	К5	'почувствовать; принять близко к сердцу'	-äg part. act.
<i>bəñkərəq</i>	<i>banχarun</i>	К6	'почувствовать; принять близко к сердцу'	-äg part. act.
<i>bəšəzəχ</i>	<i>basä</i>	OT	'бульон'	
<i>bəz</i>	<i>baz-, bəz-</i>	МА	'сильный, крепкий', 'служить на пользу'	
<i>bəzari</i>	<i>bazar</i>	Ин7	'рынок, базар'	-i gen.
<i>bəχək.</i>	<i>bəχag</i>	Д8	'жеребенок (чистокровный)'	
<i>bəχətək</i>	<i>bəχatäg</i>	Nsm4a	'отплативший тем же'	см. <i>bənsək</i>
<i>bun</i>	<i>bun</i>	АС	'под'	
<i>buɟə...</i>	<i>buwat</i>	К8	'место'	
<i>cə</i>	<i>cäw</i>	Д21	'козел'	
<i>cə</i>	-cä	К2	'вместе с'	postp.
<i>cə .</i>	-cä	К5	'вместе с'	postp.
<i>cəgərən</i>	<i>cavar</i>	К3	'раб'	-än dat.
<i>caqu[n]</i>	<i>cäχvän</i>	Д7	'какой (вопр.-относ.)'	2 paза
<i>cunəu</i>	<i>conaw</i>	СКк.	'подобно'	
<i>da...</i>	<i>d-a</i>	Д10	инг. 'быть; иметься'	pres.
<i>dəkʈə</i>	<i>duvdä</i>	Rov	'девочка, девушка'	
<i>due</i>	<i>duwej</i>	Д13	'двух, двоих'	gen. от <i>duwä</i> 'два'
<i>duɟi</i>	<i>din (pl. doj)</i>	Д6	чеч. 'конь (верховой)'	

<i>duzan .</i>	<i>duzi</i>	Szar	'двое'	-n dat.
<i>duuə</i>	<i>duwä</i>	K2	'два'	
<i>ḡ.ad</i>	<i>ž'aj-, ž'ad-</i>	МА	чеч. 'аварец'	см. <i>ḡadə</i>
<i>ḡ. d</i>	<i>ž'aj-, ž'ad-</i>	МБ	чеч. 'аварец'	см. [ḡ]. <i>də</i>
<i>ḡa[u]ḡa</i> (~ -n-)	<i>zewzun</i>	Д14	'колебаться, качаться'	-a 3sg. fut. subj.
<i>ḡam,ci</i>	<i>zinzi</i>	УД	'бусина; янтарь'	
<i>ḡaḡú</i>	<i>zäwun</i>	Д9	'сказать'	-uj 3sg. pres.
<i>ḡasa</i>	<i>casä</i>	Д11	'дыра, отверстие, скважина'	
<i>ḡəwə</i>	<i>cefun</i>	ДК2	'пить'	-ä 2sg. imperat.
<i>ḡüü.</i>	<i>-dew</i>	Сур.	'божество'	
<i>ed'</i>	<i>idajun (idad)</i>	Гн2	'начинаться, приступать'	
<i>enwəŋʃ</i>	<i>änvons</i>	Д12	'компаньон; компания'	
<i>eRəwəRən₁</i>	<i>ärävärän</i>	ХСт.	'место, куда можно положить, поставить'	
<i>eu</i>	<i>ew</i>	Д13	'один'	
<i>ədə</i>	<i>adä</i>	Д7	'вкус'	2 раза
<i>ədəsə</i>	<i>ädas</i>	К5	'безопасно; не страшно'	
<i>əg.əs</i>	<i>ägas</i>	МБ	'весь, целый; живой'	
<i>əgas</i>	<i>ägas</i>	МА	'весь, целый; живой'	2 раза
<i>əgəs</i>	<i>ägas</i>	МБ	'весь, целый; живой'	
<i>əjəbəḡə</i>	<i>äjjevun, evun</i>	Сид-р	'менять(ся); линять (о ткани)'	-zäj 3sg. fut.
<i>ələḡä.t.</i>	<i>Alägatä</i>	МБ	'Алагата'	-tä pl.
<i>ələḡü(t)..</i>	<i>Alägatä</i>	К1	'Алагата'	-tä pl.
<i>ələḡüta.</i>	<i>Alägatä</i>	МА	'Алагата'	-tä pl.
<i>ələḡüta.</i>	<i>Alägatä</i>	МН	'Алагата'	-tä pl.
<i>əlḡədətə</i>	<i>älḡädti-tä</i>	Под.	'купленный'	-tä pl.
<i>əlḡuḡ(i)</i>	<i>älḡujnä</i>	УД	'веретено'	(-i gen.)
<i>əmgən₁</i>	<i>ingän*</i>	Мил.	'могила'	
<i>ənə.şəşən</i>	<i>änäsäşkun-gä</i>	Szar	'непрерывно, неразрывно'	
<i>ənīə</i>	<i>änä</i>	СКир.	'не-; без-'	neg. pref.
<i>əneləuək</i>	<i>änäläw-gä, - äg</i>	Эсх.	'безостановочный, нестойкий, нетерпеливый'	-äg n. act.
<i>əḡəRtvət</i>	<i>annärdi-, innerdi-</i>	ДК2	'другой (третий из трех), 'другой (второй из двух)'	
<i>əḡəşḡəḡə</i>	<i>änä-s-cäd.ä kond</i>	Д2	'неподготовленный, неприготовленный'	neg.
<i>əḡədənəu.</i>	<i>əḡedän-aw</i>	МА	'внушительный, значительный, развитый'	dna. *

<i>ə[q]səvə</i>	<i>äxsävä</i>	К3	'ночь'	(-i gen.)
<i>əRəŋ .</i>	<i>erun</i>	Nsm6ab	'найти, находить'	-inä 1sg. opt.
<i>əru</i>	<i>arä</i>	Д13	'оглобля, дышло'	-aw comp.
<i>əs[a]</i>	<i>asa</i>	ПЦГк	'берцовая кость'	
<i>əsä(?d...)</i>	<i>asadun</i>	К7	'прикрывать; заволакивать'	
<i>əş</i>	<i>es</i>	Д1	'есть, быть'	3sg. pres.
<i>əşbun₁</i>	<i>es-bon</i>	Гес2	'имущество, состояние, достаток'	
<i>əş₁əl</i>	<i>es</i>	Nsm1	'имущество, состояние, богатство'	-i!* loc. ₂
<i>əş₁</i>	<i>ävi</i>	К12	'или, разве'	
<i>(ə)ukəsun₁cə</i>	<i>efxässun</i>	Сур.	'выручать, спасать'	-oncä 3pl. subj. fut.
<i>ənuquvacə...</i>	<i>ä-vä-χ*äcäg</i>	К3	'без поддержки, без покровительства'	ä- car., fä- prev.
<i>gä :</i>	<i>ka/ -ga</i>	К9	'на, возьми!'/ показатель усиления побуждения	
<i>gedəra</i>	<i>kädorä</i>	Д7	'творог, сыр низкого качества'	
<i>gedətə ~ gəŋdətə</i>	<i>gänzu</i>	ДК2	'зубик, зубки'	pl.
<i>gemela.</i>	<i>gämäl</i>	Д8	'настороженный, приготовившийся к самозащите'	
<i>gəb</i>	<i>gäb-</i>	Гн2	'прыгнуть'	
<i>gəfusä :</i>	<i>käzos</i>	К1	'чистый, святой'	-äj abl.
<i>gəl</i>	<i>kel-on</i>	Szar	'ушко иглолки, обуви'	2 paза
<i>gəmə</i>	<i>kämä</i>	Nsm5a	'малая часть'	
<i>gəs</i>	<i>gäs</i>	Д4	'присматривающий; сторож, охрана'	см. <i>igəs</i>
<i>gəsd :</i>	<i>kästä</i>	К1	'проба, отведывание'	
<i>gətələk</i>	<i>ketelag</i>	Nsm13b	'сосуд (винный)'	
<i>gəvəđə</i>	<i>kawun</i>	Сид-р	'причинять ущерб, урон'	-zäj 3sg. fut.
<i>gəvğə</i>	<i>käv-gä</i>	Сид-р	'нужный, необходимый'	
<i>gəxələu</i>	<i>käxil, -aw</i>	Nsm2,3	'узкий проход, теснина', 'кувшин'	dna.
<i>gəxələu .</i>	<i>käxil, -aw</i>	Nsm6ab	'узкий проход, теснина', 'кувшин'	dna.
<i>gəz₁əvə..</i>	<i>gäz:ewäg</i>	МГ98	'никудышный'	
<i>giŋ</i>	<i>ken</i>	ТК2	'шашка (в игре)'	
<i>gič₁</i>	<i>gitzo</i>	К2	'возбужденная (течная) сука, ищущая самца'	

<i>gūḡal₁</i>	<i>gewun</i>	Nsm13b	'[дремать]; недоставать; прозябать, маяться в жалких условиях'	-i/* loc. ₂
<i>gutəḡmə</i>	<i>got-</i>	Nsm9,10	'никчемный'	-mä dir.
<i>gūḡdä</i>	<i>wud-a</i>	K2	'наблюдать, намереваться'	
<i>gūḡal₁</i>	<i>gewun</i>	Nsm5b	'[дремать]; недоставать; прозябать, маяться в жалких условиях'	-i/* loc. ₂
<i>ḡä</i>	-ga	K5, K7	показатель усиления побуждения	
<i>ḡa</i>	<i>ka</i>	Д9	'на, возьми!'	
<i>ḡarəḡmaq</i>	<i>gurumuq</i>	Д9	'грубый; грубиян'	
<i>idəvu</i>	<i>idawun</i>	Эсх.	'худеть, тощать, таять, сохнуть, спадать с тела'	-uj 3sg. pres.
<i>idəlak</i>	<i>izəlun</i>	Nsm1	'наслаждаться'	-ag part. pres.
<i>igəs</i>	<i>igas, ägas</i>	Д4	'целый; весь; живой'	см. <i>gəs</i>
<i>iləḡən</i>	<i>ilän</i>	Szar	'нечто, нанизанное на нитки'	
<i>ird</i>	<i>ird</i>	K4a	'ясный; светлый; блестящий; ведро/ найденный; рожденный'	см. <i>ivəd</i>
<i>irə</i>	<i>eri</i>	K5	'горе'	
<i>-iḡcaḡ₁s₁ə, R₁ə-</i>	<i>iscäfsun, ra-</i>	Сид-р	'[согреться]; высохнуть'	-ä 2sg. imperat.
<i>ivani :</i>	<i>ivan</i>	АС	Иван, Иоанн	*
<i>ivəd</i>	<i>ivad</i>	K4a	'[бледный], рассветный'	ср. <i>ird</i>
<i>kə</i>	<i>ku</i>	Каш	'ведь'	
<i>kəḡä</i>	<i>ko-ga</i>	K5	'плакать' <i>käwun</i>	2sg. imperat.
<i>kəḡä</i>	<i>ko-ga</i>	K7	'плакать' <i>käwun</i>	2sg. imperat./ ger.
<i>kələḡə</i>	<i>qäläsi-</i>	K2	'кривляние, жеманство'	
<i>kəndun₁</i>	<i>kändä</i>	МГ184	'большие поминки'	-on dna.
<i>kəḡ₁ə...</i>	<i>känun</i>	K10	'делать'	-ä 2sg., -(e)tä 2pl. imperat., -än 1pl. opt.
<i>kəḡḡús</i>	<i>känun</i>	Д13	'делать'	-is 2sg. pres.
<i>kəq</i>	<i>qoḡ</i>	K12	'рука'	
<i>kəRərcəq</i>	<i>kuräfcäg</i>	Каш	'с короткой шеей'	
<i>kəḡtən₁</i>	<i>qexun</i>	ККV	'пить'	-t-on 1sg. perf.
<i>kəznəz.i.</i>	<i>qäznez</i>	Сур.	'ревматизм; корчи'	-äj abl.
<i>kú</i>	<i>kuj</i>	Д11	'собака'	
<i>kü</i>	<i>ko</i>	K7	'плакать' <i>käwun</i>	2sg. imperat.

<i>kuməq</i>	<i>koj-mex ~ kəw-</i>	К3	'поминальный столб'	
<i>kun₁d</i>	<i>kond</i>	Д2	'сделанный'	p. part.
<i>ləbə</i>	<i>ləb:o</i>	АС	'мальчик, парень'	2 paза
<i>ləbsəŋə</i>	<i>ləpsä</i>	АС	'капитель'	-i gen.
<i>ləgədən</i>	<i>läggadä</i>	Д13	'служение, услуга'	-än dat.
<i>ləmi</i>	<i>lami</i>	Д14	чеч. 'лестница'	
<i>lən</i>	<i>lan</i>	Д16	чеч. 'подкова'	
<i>ləqtəŋz:ə</i>	<i>ləχdun</i>	Д13	'скверный, негодный, грязный'	-zä ~ -cä dan.
<i>ləwəgə</i>	<i>läwwun</i>	Д13	'стоять, оставаться'	-gä ger.-part.
<i>lub</i>	<i>lū</i>	Д1	чеч. 'косуля'	
<i>ləgəi</i>	<i>lägun</i>	Nsm4b	'бесшерстный, голый, лысый, гладкий'	-oj expr. suf.
<i>mə</i>	<i>mä</i>	ХСт.	'меня, мой'	acc./ gen.
<i>mə</i>	<i>mä</i>	Сур.	'меня'	acc.
<i>mərsə...</i>	<i>Marsəg</i>	МГ41	Бальсаг	
<i>muxəcä.</i>	<i>mäxəcəj</i>	МА	'от меня-лично'	abl.
<i>nəlχə</i>	<i>nälχä</i>	СГор.	'сливочное (непопленое масло)', чеч. <i>nalχa</i>	
<i>nəramuin a (.)</i>	<i>närämuinadä</i>	Д9	'нетерпение, невоздержанность'	
<i>-nəz.i.</i>	<i>nez</i>	Сур.	'болезнь'	-äj abl.
<i>ŋə</i>	<i>nä</i>	К46	глагольное отрицание	
<i>ŋə</i>	<i>nä</i>	Гн2	глагольное отрицание	
<i>ŋə</i>	<i>ni-</i>	АС	'вниз и внутрь'	prep.
<i>ŋə .</i>	<i>ni-</i>	Szar	'вниз и внутрь'	prep.
<i>ŋəbəRə</i>	<i>nibbarun</i>	АС	'простить'	2sg. imperat.
<i>ŋədənvik</i>	<i>nid:ib:is (-tt-) kənun, un</i>	Гн2	'заартачиться, настаивать на своем, стоять непоколебимо, не уступать'	
<i>ŋəgəqə</i>	<i>niggäzä kənun</i>	Гн2	'потерпеть, выдержать; простить'	
<i>ŋəkəva (ŋəkäa)</i>	<i>ne-kejaw</i>	К12	'не подобный никому'	-aw comp.
<i>ŋəpəzə[χs]ə</i>	<i>niffəzəχsun</i>	Rov	'успокоиться, обосноваться'	
<i>ŋəpəzəŋz,əg'</i>	<i>nirräsän kənun</i>	Д13	'сделать долговременный привал, остановку'	-z:ag
<i>ŋətú</i>	<i>nätun</i>	Д9	'стонать, охать, кряхтеть'	-uj 3sg. pres.
<i>ŋəɟa</i>	<i>nivä</i>	Д1	'изображение, рисунок, картина, образ'	

нәүдә	<i>niwd-a</i>	K2	'завывать (о ветре, волках)'	
нәвәзәк	<i>niväjzag</i>	Rov	'счастливый'	
нәзәвә[c]әк :	<i>nizävun</i>	Szar	'прикасаться, касаться, задевать'	<i>нәз, -з:ag</i>
нәикәсә	<i>nik:äsun</i>	Эсх.	'взглянуть, посмотреть (вниз); присмотреться; посетить, наведаться, заглянуть (к кому-либо); бросить взгляд'	<i>-ä 2sg. imperat.</i>
нәиәг :	<i>niwwägi</i>	A2	'в усталости'	
пернә...	<i>farnä</i>	K4a	'солнце/' 'обилие; счастье; благость, благополучие, мир, спокойствие'	
пәкәлүзәгг	<i>fäk:ulumpi känun</i>	Д13	'приостановить (работу); подвести в деле'	<i>-з:ag</i>
пәк : гәуәс :	<i>fäggewun ~ fäg:ewun</i>	Д9д	'пошатнуться; тронуться умом'	<i>-is 2sg. pres.</i>
пәнзәс	<i>fänzun</i>	Д13	'подражать, следовать примеру'	<i>-is 2sg. pres.</i>
пәРс	<i>perc</i>	TK2	'король, дамка (в дигорских шашках)'	
пәгәцадү	<i>färrävzä un</i>	Д9	'приготовиться, выносить; поправиться (о здоровье)'	<i>un</i>
пәуәзис	<i>wazun, fä-</i>	Szar	'пускать, позволять', 'быстрое, короткое действие'	
пәүдә	<i>fäwwun</i>	Каш	'бывать, случаться, доводиться'	<i>-uj 3sg. pres. или -a 3sg. fut. subj.</i>
пәугән .	<i>fiwgun</i>	Nsm6ab	'пирог с салом'	
пәуңәдә	<i>ujnadä, fäw-</i>	Nsm6ab	'бытие, существование; нахождение; состояние'	<i>dvñ.</i>
пәвә :	<i>fäwwun</i>	Д13	'бывать, случаться, доводиться'	<i>-a 3sg. fut. subj.</i>
пухәR	<i>puhar</i>	Nsm7a, 7b, 12, 13, 11	паннон. 'чашка, бокал'	
қаиуәиа	<i>qawrä, qarwä</i>	K12	'сила, мощь, доблесть'	<i>-äj abl.</i>
қәдәггәнә...	<i>хәз:egun ~ хәззегун</i>	Д9	'ведьма, колдун; одержимый'	
қиңә	<i>хijnä</i>	Д13	'хитрость, козни, коварство'	
қән ;	<i>qan</i>	АС	'воспитанник (мальчик, отдававшийся в чужую семью на воспитание)'	
қәрқә	<i>қарқәј ~ қахрај</i>	Гн2	'развратница'	

<i>qəwəi</i>	<i>käwaj</i>	К10	'наблюдение, присмотр; охрана, защита'	
<i>radə</i>	<i>radä</i>	К2	'очередь', 'голубчик, дорогой'	-äj abl.
<i>ragəuəs ;</i>	<i>ragewun</i>	Д13	'[задремать]; бездельничать'	-is 2sg. pres.
<i>rəşərzə^d</i>	<i>särzad, ra-</i>	Гн2	'попадание мимо цели', приставка сов. в. и значением 'за-'	
<i>Rət</i>	<i>retun</i>	А2	'ожидание (в трудное время)'	
<i>sä.</i>	<i>sä</i>	МА	'их'	3pl. gen.
<i>sətə...</i>	<i>satän</i>	Д20	'место, где соединяется дно с боковой стороной'	
<i>səu :</i>	<i>saw</i>	Д9	'траур'	
<i>sužə</i>	<i>sozun</i>	К5	'[гореть; жечь]; испытывать жгучую боль'	-ä 2sg. imperat.
<i>şəbə</i>	<i>sebur, sebor</i>	Nsm8	'блюдо; котловина'	
<i>şəbən</i>	<i>säban</i>	Кар.	Сабан (имя)	
<i>şəbəş</i>	<i>sipus-tä ~ sipus-ta</i>	Гн2	'стой!', 'постой!'	
<i>şədu(ə)n₁.</i>	<i>sədwän</i>	Мил.	'братская (могила); склеп для погибших в бою'	
<i>şəmd</i>	<i>simd</i>	Гн2	'осетинский массовый хороводный танец'	
<i>şəməq</i>	<i>semäg</i>	Ин7	'танцующий, участвующий в танце'	-äg part. pres.
<i>şən .</i>	<i>sen-gond</i>	Szar	'горький опыт (полученный на ошибках); ошибка'	
<i>şənkis</i>	<i>sink-sink k.</i>	Szar	'промахиваться; давать осечку'	-is 2sg. pres.
<i>şərə</i>	<i>serun</i>	Д14	'*перетапываться; ходить иноходью'	-ä 2sg. imperat.
<i>şəräu</i>	<i>šüjrö</i>	Д6	чеч. 'широковатый '	
<i>şəRgin</i>	<i>särgin</i>	ДК1	'олень'	
<i>şəs(i)</i>	<i>ses</i>	Д4	'стена'	(-i/ -i* acc.)
<i>şəş</i>	<i>ses</i>	Гес5	'стена'	
<i>şəu</i>	<i>siaw</i>	ХСт.	'сияющий, ясный; ценный, дорогой'	
<i>şəua₁n₁tə</i>	<i>siwanti</i>	Тар-к	'резец'	
<i>şəu(əl₁)</i>	<i>siaw</i>	Nsm5a	'ценный'	(-i/* loc. ₂)
<i>şəuəñəl₁</i>	<i>sevun</i>	Nsm13b	'подводить черту, подытоживать'	-i/* loc. ₂
<i>şəumə(n)</i>	<i>säwmä, säw- mon</i>	К46	'утро, утром', 'утренний'	

<i>šəvak</i> [i]	<i>siwawä</i>	Nsm5a	'выкуп, контрибуция'	-i gen. см. <i>bənqəsəgäǵ</i>
<i>štəvəR</i>	<i>stawär</i>	ДК2	'поясничная область'	
<i>štəza, qə</i>	<i>štəzun</i>	Jan	'деформироваться, ломаться, трещать'	-agä part. pres.
<i>šuzəñətä</i>	<i>sozijnä</i>	Szar	'игла, иголка'	-tä pl.
<i>tatəs</i>	<i>tätun</i>	Д9	'давать'	-is 2sg. pres.
<i>tä :</i>	<i>dä</i>	Д9	'тебя; твой'	gen./acc.
<i>tə</i>	<i>dä</i>	Д7	'тебя; твой'	gen./acc.
<i>təmrəš</i>	<i>tamras</i>	Ин7	Тамрас	
<i>təš,ər</i>	<i>tässar</i>	МГ4	'склон, поворотный пункт'	
<i>təš, kun, .</i>	<i>tuska</i>	ПЦГк	'кабан'	-on dna.
<i>tətχə</i>	<i>tatχa</i>	МГ17	'грядка; участок огорода'	
<i>tətəñə :</i>	<i>tätun</i>	Д13	'давать'	-inä dvn.
<i>tuskə</i>	<i>tuska</i>	Гес5	'кабан'	
<i>təñək</i>	<i>tänäg</i>	Эсх.	'тонкий; мелкий; жидкий'	
<i>təñ</i>	<i>din</i>	Д19	'тебе'	2sg. dat. (refl.)
<i>təñ, šəkəñ</i>	<i>tins, -äg</i>	Эсх.	'обильный, богатый (в достатке)'	-än dat., -äg
<i>təpzə..</i>	<i>täfzo</i>	Ин6	'благоухание'	
<i>təvəu</i>	<i>däwaw</i>	К4а	'как ты, подобно тебе'	comp.
<i>u...</i>	<i>un</i>	Д9	'есть, быть'	
<i>udəǵəs :</i>	<i>wodägas</i>	К9	'живой'	
<i>uešə.</i>	<i>wesun</i>	Эсх.	'быть покорным, проявлять покорность, повиноваться'	-ä 2sg. imperat.
<i>uəđäki .</i>	<i>wazängä, wəzungä</i>	К12	'поток ветра', 'сквозняк'	-i gen.
<i>uəđuqən :</i>	<i>wedug</i>	К11	'ложка' < 'ручка'	-än dat.
<i>uəgə</i>	<i>wagä</i>	К2	'поведение, нрав'	
<i>uəge.la.</i>	<i>wagä</i>	Д8	'поведение, нрав, характер'	-il* loc.2
<i>uəpəkə</i>	<i>wafäg</i>	Кар.	'ткач'	-äg part. act.
<i>uəzə(u)..</i>	<i>wäzä, wəzaw</i>	Д13	тяжесть, вес; тягота', 'тяжелый'	
<i>uəzəǵä :</i>	<i>iwazäg</i>	А2	'гость'	
<i>umzə[k]</i>	<i>womzäg</i>	Д18	'блевотина'	
<i>uñə .</i>	<i>woni</i>	К5	'их'	gen.
<i>uñguzəñə .</i>	<i>ungägzijnadä</i>	Szar	'теснота, уозость; мука'	
<i>urə</i>	<i>urä</i>	Д17	'булыжный камень; гравий; площадь земли, засыпанная камнями'	

<i>uriä.</i>	<i>ujrag</i>	МА	'еврей', < *'осетин; еврей; тушин'	
<i>uri.ä</i>	<i>ujrag</i>	МБ	'еврей', < *'осетин; еврей; тушин'	
<i>uriaġ</i>	<i>uerag-dor</i>	Д14	'булыжник, камень-валун'	
<i>urza(.)ezək ;</i>	<i>urzižäg</i>	Д8	'шепотка'	
<i>u₁su₁n</i>	<i>woson</i>	Сид-р	'роговая оправа'	
<i>uṣṣeṣemə</i>	<i>wosijnä</i>	Эсх.	'женщина; жена'	-mä dir.
<i>utəd</i>	<i>wotid</i>	Nsm5c	'просто так; попусту; напрасно'	
<i>ú</i>	<i>woj</i>	Д14	'его, тот'	gen.
<i>úсә :</i>	<i>woci</i>	Д13	'тот'	
<i>úəu (.)</i>	<i>wojjaw</i>	К7	'подобно нему'	comp.
<i>uäġə</i>	<i>wägä +</i>	ДК2	'утомиться, устать'	
<i>u[ä]n</i>	<i>won</i>	Д6	чеч. 'плохой'	
<i>uänəs .</i>	<i>won</i> (pl. <i>wōnaš</i>)	Д10	чеч. 'зло'	
<i>uə</i>	<i>wa</i>	Эсх.	'быть'	3sg. fut. subj.
<i>uəfə</i>	<i>wažä</i>	Эсх.	'пусть'	
<i>uḟz:əfə</i>	<i>ufst</i>	Д8	'забота'	
<i>u₁</i>	<i>uj</i>	Д7	'есть, быть'	3sg. pres.
<i>u₂</i>	<i>uj</i>	Д9	'есть, быть'	3sg. pres.
<i>u₃</i>	<i>uj</i>	К12	'есть, быть'	3sg. pres.
<i>u₄</i>	<i>uj</i>	ДК2	'есть, быть'	3sg. pres.
<i>u₅</i>	<i>uj</i>	К12	'есть, быть'	3sg. pres.
<i>u₆..</i>	<i>wo/ uj</i>	К1	'есть, быть'	2sg. imperat./ 3sg. pres.
<i>u₇</i>	<i>uj/ wo</i>	МА	'есть, является!' 'будь!'	3sg. pres./ 2sg. imperat.
<i>uudäs ::</i>	<i>wodun</i>	МБ	'стараться, заботиться, ухаживать'	-is 2sg. pres.
<i>värz.</i>	<i>warz</i>	МА	'милость, любовь'	*
<i>vələ</i>	<i>wälä(-)</i>	Д14	'на, над, сверху'	postp.
<i>vərzə (a-vərzə)</i>	<i>warzun, a-</i>	Д19	'(по)любить'	-ä 2sg. imperat.
<i>vəṣḟəRm₁[a]</i>	<i>wəszar</i>	Сид-р	'телячья кожа, шкура'	-mä dir.
<i>vəṣ[i]qə ~ vəcqə</i>	<i>wosiχaj ~ wasχä</i>	Гн2	'нареченная, суженая; любовница (= любимая) ~ Боже!'	
<i>-vət</i>	<i>-wat</i>	ДК2	показатель п. loci	
<i>vəu</i>	<i>waw</i>	К6	междометие боли и страдания	

<i>vəzə</i>	<i>wacä, waz-</i>	Сур.	'божество, святой'	
<i>xadä</i>	<i>xadä</i>	МА	'мтиульцы'	
[χ]. <i>də</i>	<i>xadä</i>	МБ	'мтиульцы'	
<i>χəbəzəq</i>	<i>χəbəz:äg</i>	МГ20	'в раскорячку'	
<i>χəlsar..</i>	<i>χalsar</i>	Ин6	'овощ, плод, ягода'	
<i>χəR₁tə</i>	<i>χarä</i>	К7, ?ХСт.	'[печаль]; труп, останки, останки'	<i>-tā</i> pl.
<i>χəzəR</i>	<i>χAzAr</i>	Каш	'хазар'	
<i>χəzər.</i>	<i>χəzər ~ χAzAr</i>	МА	'дом, родина', 'хазар'?	
<i>χu</i>	<i>χu</i>	Гес5	'свинья'	
<i>χuəgə (?)</i>	<i>χewagä</i>	Д19	'своенравный'	
<i>χum</i>	<i>χom</i>	АКр.	'сырой, невареный, неприготовленный'	
<i>zəd</i>	<i>zad</i>	К46	'родившийся'	
<i>zərənu.</i>	<i>zärinon</i>	Д8	'золотой'	<i>-on dna.</i>
<i>zɨ(*r₁tə?)lə</i>	<i>zortala(nig)</i>	Д6	чеч. 'плотный, крепко сложенный, коренастый'	
<i>z:ə</i>	<i>cäw</i>	Д21	'козел'	
<i>zəbat</i>	<i>zäbät</i>	Гн2	'пятка'	
<i>z₁əbəz[ä]</i>	<i>zäb:azä, zäb:az</i>	ТК1	'склеп, гробница'	
<i>zəqə</i>	<i>zäj:e</i>	К2	'глазик, глазки'	
<i>zət₁əzə</i>	<i>zäb:azä, zäb:az, zäbäz*</i>	Rov	'склеп, гробница (подземная или полуподземная)'	
<i>zən</i>	<i>çen</i>	ДК1	'добыча'	
<i>zəşə</i>	<i>çasä</i>	Szar	'дыра, отверстие, скважина'	
<i>zəvəgən₁</i>	<i>çefäg</i>	К2	'пьющий' от <i>çefun</i> 'пить'	part. pres.
<i>-zəχ</i>	<i>zıq:</i>	ОТ	'яма, углубление, впадина'	
<i>z:ü...</i>	<i>z'öma- ~ z'ijma-</i>	Д6	чеч. 'чучело'	

Словник лексики восточноевропейской руники II

(в порядке внешних соответствий):

руника	диг.	памят.	значение	грамм.
<i>abəz.</i>	<i>ābāza; ebze</i>	МБ	'сван', зап.-к. 'абазины, абадзехи'	
<i>ədə</i>	<i>adä</i>	Д7	'вкус'	2 раза
<i>adun₁</i>	<i>adon*</i>	ДЗ	'эти'	
<i>əlägäta.</i>	<i>Alägatä</i>	МА	'Алагата'	-tä pl.
<i>əlägäta.</i>	<i>Alägatä</i>	МН	'Алагата'	-tä pl.
<i>əlägä.t.</i>	<i>Alägatä</i>	МБ	'Алагата'	-tä pl.
<i>əlägä(t)..</i>	<i>Alägatä</i>	К1	'Алагата'	-tä pl.
<i>amə[n]</i>	<i>amän</i>	Д9в	'этому'	dat.
<i>əḡəRtvət</i>	<i>annärdi-, innerdi-</i>	ДК2	'другой (третий из трех)', 'другой (второй из двух)'	
<i>ərəu</i>	<i>arä</i>	Д13	'оглобля, дышло'	-aw comp.
<i>əs[a]</i>	<i>asa</i>	ПЦГк	'берцовая кость'	
<i>əsä(?d...)</i>	<i>asadun</i>	К7	'прикрывать; заволакивать'	
<i>asəḡə</i>	<i>asijnä</i>	Д14	'лестница'	
<i>äsmə</i>	<i>asmä</i>	К7	'мгла, темень'	
<i>äqəmä..</i>	<i>aqemä</i>	К6	'к нему (лично)'	см. <i>äzäm</i>
<i>äkusd :</i>	<i>aqust</i>	К1	'проба, вкушение'	
<i>azä.</i>	<i>āzə-</i>	МА	зап.-к. 'абхаз, адыг'	
<i>aḡəḡəs</i>	<i>aʒ:ä-zawän</i>	Д9	'охота за дикими утками'	2sg. pres.
<i>ədəsə</i>	<i>ädas</i>	К5	'безопасно; не страшно'	
<i>ada₁nəḡ</i>	<i>ädäjnäg</i>	Д5	'девственница'	
<i>əgas.</i>	<i>ägas</i>	МА	'весь, целый; живой'	2 раза
<i>əḡəs</i>	<i>ägas</i>	МБ	'весь, целый; живой'	
<i>əḡ.əs</i>	<i>ägas</i>	МБ	'весь, целый; живой'	
<i>ägəs.</i>	<i>ägas</i>	Сур.	'целиком, все'	
<i>əjəbəḡə</i>	<i>äjjevun, evun</i>	Сид-р	'менять(ся); линять (о ткани)'	-zāj 3sg. fut.
<i>əlxədətə</i>	<i>älxädti-tä</i>	Под.	'купленный'	-tä pl.
<i>əlxuḡ(i)</i>	<i>älxujnä</i>	УД	'веретено'	(-i gen.)
<i>an₁ə</i>	<i>änä</i>	Jan	'без'	
<i>əniə</i>	<i>änä</i>	СКир.	'не-; без-'	neg. pref.
<i>(ə)ḡeləuək</i>	<i>änäläw-gä, -äg</i>	Эсх.	'безостановочный, нестойкий, нетерпеливый'	-äg n. act.
<i>ənə.səḡən</i>	<i>änäsäskun-gä</i>	Szar	'непрерывно, неразрывно'	
<i>ändəx .</i>	<i>ändax</i>	Szar	'нитка'	

<i>anəsən</i>	<i>änoson</i>	Д13	'вечный'	
<i>envəŋş</i>	<i>änvons</i>	Д12	'компаньон; компания'	
<i>a[p]şərə</i>	<i>äfsärün</i>	Д14	'наступить; впихивать; утапывать, прессовать'	-ä 2sg. imperat.
<i>eRəvəRən₁</i>	<i>ärävärän</i>	ХСт.	'место, куда можно положить, поставить'	
<i>aRuəz₁ənjəg</i>	<i>ärwazujnag</i>	КП	'то, что надлежит разрешению' от <i>ärwazun</i> 'опустить, допустить; позволить; ниспослать'	part. fut. (dub.)
<i>aRz₁ülü</i>	<i>ärzulun un</i>	К4б	'скривиться; накрениться'	-ij 3sg. pres.
<i>aşmən₁</i>	<i>äsmä</i>	ХСт.	'воздух'	-än dat.
<i>astú</i>	<i>ästawun</i>	Д9	'хвалить'	-ij 3sg. pres.
<i>əvıquvacə...</i>	<i>ä-vä-χ^wäcäg</i>	К3	'без поддержки, без покровительства'	ä- car., fä- prev.
<i>əvi₁</i>	<i>ävi</i>	К12	'или, разве'	
<i>əqədənəu.</i>	<i>aχedän-aw</i>	МА	'внушительный, значительный, развитый'	dna. *
<i>ə[q]səvə</i>	<i>äxsävä</i>	К3	'ночь'	
<i>äznəm₁</i>	<i>äznäm</i>	Nsm7a, 7b, 12, 13a, 11	'племя, род, колено рода'	-i gen.
<i>äzəmä..</i>	<i>äzäm</i>	К6	'мёртвый; безмолвный, молчаливый'	ср. <i>aχemä</i>
<i>äz:əmätü :</i>	<i>äzämäj/ äzäm</i>	К9	'бездыханно, безмолвно/ 'мёртвый; безмолвный'	-äj abl. + -aw comp.?
<i>..bä :</i>	<i>ba</i>	К1	'а, но'	(?)
<i>bə</i>	<i>ba-</i>	Rov	'движение внутрь с точки зрения находящегося снаружи'	prev.
<i>bədələ[b]ə..</i>	<i>badälbazur k.</i>	Гн1	'приютить, скрыть'	
<i>bəgəRə[q]</i>	<i>bagəraχ k.</i>	ДК3	'подстрелить, выстрелить'	
<i>bəkəşə</i>	<i>bakäsun</i>	Д13	'заглянуть, глянуть; прочитать'	-ä 2sg. imperat.
<i>bələməq</i>	<i>balämäk un</i>	Д9a	'ослабеть, сделаться вялым, слабым'	<i>un</i>
<i>banəşa₁...</i>	<i>banisan un</i>	Szar	'метиться'	
<i>bəŋkərəq</i>	<i>bankarun</i>	К5	'почувствовать; принять близко к сердцу'	-äg part. act.
<i>bəŋkərəq</i>	<i>bankarun</i>	К6	'почувствовать; принять близко к сердцу'	-äg part. act.
<i>bənsək</i>	<i>bansäg</i>	Nsm4a	'смоловший; поточивший, наточивший'	-äg part. act., ср. <i>baχatäg</i>
<i>bənqəsəgəğ</i>	<i>banχasəggag</i>	Nsm5a	'вознаграждение, плата за прибавку'	см. <i>şəvak[i]</i>

<i>bənduk</i>	<i>banzug</i>	СКир.	'оцепеневший, застывший'	
<i>bəşəzəx</i>	<i>basä</i>	ОТ	'бульон'	
<i>bau.da</i>	<i>bawajun</i> (<i>bawad</i>)	МА	'прийти, посетить'	- <i>äj</i> 3sg. perf. intr.
<i>bəxətək</i>	<i>baχatäg</i>	Nsm4a	'отплативший тем же'	см. <i>bansäg</i>
<i>bəzari</i>	<i>bazar</i>	Ин7	'рынок, базар'	- <i>i</i> gen.
<i>bələx</i>	<i>bäləx</i>	МГ4	'беда, несчастье, препятствие'	
<i>bäx</i>	<i>bäx</i>	МГ7	'лошадь'	
<i>bəxək</i>	<i>bäxag</i>	Д8	'жеребенок (чистокровный)'	
<i>bəz</i>	<i>bäz-, baz-</i>	МА	'равный по числу, соразмерный'	
<i>bəzə</i>	<i>bezä</i>	АКр.	'вошина'	
<i>bəğzən</i>	<i>binzgun</i>	Д12	'место, где обитает много мух'	
<i>bun</i>	<i>bun</i>	АС	'под'	
<i>bəñəmə..</i>	<i>bun</i>	Д17	'дно, низ; основание, фундамент'	- <i>mä</i> dir.
<i>buçə...</i>	<i>buwat</i>	К8	'место'	
<i>cəgərən</i>	<i>cağar</i>	К3	'раб'	- <i>än</i> dat.
<i>cə .</i>	- <i>cä</i>	К5	'вместе с'	postp.
<i>cə</i>	- <i>cä</i>	К2	'вместе с'	postp.
<i>əñəş-çəşə</i>	<i>cäd:ä</i>	Д2	'готовый'	<i>änä-</i> , <i>is-</i> prev.
<i>zə</i>	<i>cäw</i>	Д21	'козел'	
<i>cə</i>	<i>cäw</i>	Д21	'козел'	
<i>cəqu[n]</i>	<i>cäxwän</i>	Д7	'какой (вопр.-относ.)'	2 раза
<i>cunəu</i>	<i>conaw</i>	СКк.	'подобно'	
<i>çəsa</i>	<i>çasä</i>	Д11	'дыра, отверстие, скважина'	
<i>zəşə</i>	<i>çasä</i>	Szar	'дыра, отверстие, скважина'	
<i>zəwəgən₁</i>	<i>çefäg</i>	К2	'пьющий' от <i>çefun</i> 'пить'	part. pres.
<i>çəwə</i>	<i>çefun</i>	ДК2	'пить'	- <i>ä</i> 2sg. imperat.
<i>zən</i>	<i>çen</i>	ДК1	'добыча'	
<i>da...</i>	<i>d-a</i>	Д10	инг. 'быть; иметься'	pres.
<i>tə</i>	<i>dä</i>	Д7	'тебя; твой'	<u>gen./acc.</u>
<i>tä :</i>	<i>dä</i>	Д9	'тебя; твой'	<u>gen./acc.</u>
<i>ɬəwəu</i>	<i>däwaw</i>	К4a	'как ты, подобно тебе'	comp.
<i>çii.</i>	- <i>dew</i>	Сур.	'божество'	
<i>ɬəñ</i>	<i>din</i>	Д19	'тебе'	dat. (refl.)
<i>duñi</i>	<i>din</i> (pl. <i>doj</i>)	Д6	чеч. 'конь (верховой)'	
<i>dəkətə</i>	<i>duwdä</i>	Rov	'девочка, девушка'	
<i>duçə</i>	<i>duwä</i>	К2	'два'	

<i>due</i>	<i>duwej</i>	Д13	'двух, двоих'	gen. от <i>duwä</i> 'два'
<i>dužan .</i>	<i>duzi</i>	Szar	'вдвое'	- <i>n</i> dat.
<i>(ə)ukəsun,сə</i>	<i>efχässun</i>	Сур.	'выручать, спасать'	- <i>oncä</i> 3pl. subj. fut.
<i>əmgən₁</i>	<i>ingän*</i>	Мил.	'могила'	
<i>irə</i>	<i>eri</i>	К5	'горе'	
<i>əRəŋ .</i>	<i>erun</i>	Nsmbab	'найти, находить'	- <i>inä</i> 1sg. opt.
<i>əʃiəl</i>	<i>es</i>	Nsm1	'имущество, состояние, богатство'	- <i>il*</i> loc. ₂
<i>əʃ</i>	<i>es</i>	Д1	'есть, быть'	3sg. pres.
<i>əʃbun₁</i>	<i>es-bon</i>	Гec2	'имущество, состояние, достаток'	
<i>eu</i>	<i>ew</i>	Д13	'один'	
<i>äugəR</i>	<i>ewgur</i>	Nsm7c,7b	'всеобщий, массовый'	
<i>pernä...</i>	<i>farnä</i>	К4a	'солнце// 'обилие; счастье; благодать, благополучие, мир, спокойствие'	
<i>pək : ġəuəs :</i>	<i>fäggewun ~ fäg:ewun</i>	Д9д	'пошатнуться; тронуться умом'	- <i>is</i> 2sg. pres.
<i>pəkəlüzəġ</i>	<i>fäk:ulumpi känun</i>	Д13	'приостановить (работу); подвести в деле'	- <i>з:ag</i>
<i>pənzəs</i>	<i>fänzun</i>	Д13	'подражать, следовать примеру'	- <i>is</i> 2sg. pres.
<i>pərxəqadı</i>	<i>färrävzä un</i>	Д9	'приготовиться, выносить; поправиться (о здоровье)'	<i>un</i>
<i>pə-uŋädä .</i>	<i>fäwwujnadä</i>	Nsmbab		см. <i>ujnadä</i>
<i>pəvə :</i>	<i>fäwwun</i>	Д13	'бывать, случаться, доводиться'	- <i>a</i> 3sg. fut. subj.
<i>pəvə</i>	<i>fäwwun</i>	Каш	'бывать, случаться, доводиться'	- <i>uj</i> 3sg. pres. или - <i>a</i> 3sg. fut. subj.
<i>pəvgən .</i>	<i>fīwgun</i>	Nsmbab	'пирог с салом'	
<i>ġä</i>	- <i>ga</i>	К5, К7	показатель усиления побуждения	
<i>gä :</i>	- <i>ga</i>	К9	показатель усиления побуждения	см. <i>ka</i>
<i>gəb</i>	<i>gäb-</i>	Гн2	'прыгнуть'	
<i>gemela.</i>	<i>gämäl</i>	Д8	'настороженный, приготовив- шийся к самозащите'	
<i>geḏəṭə ~ gəṇḏəṭə</i>	<i>gänzu</i>	ДК2	'зубик, зубки'	- <i>tä</i> pl.

<i>gəs</i>	<i>gäs</i>	Д4	'присматривающий; сторож, охрана'	см. <i>igas</i>
<i>gəzɪəwə..</i>	<i>gäz:ewäg</i>	МГ98	'никудышный'	
<i>gúŋəl₁</i>	<i>gewun</i>	Nsm5b	'[дремать]; недоставать; прозябать, маяться в жалких условиях'	-i/* loc. ₂
<i>gunəl₁</i>	<i>gewun</i>	Nsm13b	'[дремать]; недоставать; прозябать, маяться в жалких условиях'	-i/* loc. ₂
<i>gitçu</i>	<i>gitzo</i>	К2	'возбужденная (течная) сука, ищущая самца'	
<i>gutəŋmə</i>	<i>got-</i>	Nsm9,10	'никчемный'	-mä dir.
<i>ğəraməq</i>	<i>gurumuq</i>	Д9	'грубый; грубиян'	
<i>ğä</i>	<i>ka</i>	Д9	'на, возьми!'	
<i>gä :</i>	<i>ka</i>	К9	'на, возьми!'	см. -ga
<i>gəvɔə</i>	<i>kawun</i>	Сид-р	'причинять ущерб, урон; [истратить, потратить; уменьшаться, расходовать, потреблять]'	-zäj ~ -zänäj 3sg. fut.
<i>gəsd :</i>	<i>kästä</i>	К1	'проба, отведывание'	
<i>qəuəi</i>	<i>käwaj</i>	К10	'наблюдение, присмотр; охрана, защита'	
<i>gəvɔə</i>	<i>käw-gä</i>	Сид-р	'нужный, необходимый'	
<i>guɔəð</i>	<i>kud-a</i>	К2	'наблюдать, намереваться'	
<i>ed^d</i>	<i>idajun (idad)</i>	Гн2	'начинаться, приступать'	
<i>idəvu</i>	<i>idawun</i>	Эсх.	'худеть, тощать, таять, сохнуть, спадать с тела'	-uj 3sg. pres.
<i>igəs</i>	<i>igas, ägas</i>	Д4	'целый; весь; живой'	см. <i>gäs</i>
<i>iləŋən</i>	<i>ilän</i>	Szar	'нечто, нанизанное на нитки'	
<i>ird</i>	<i>ird</i>	К4а	'ясный, светлый; блестящий; ведро// найденный; рожденный'	см. <i>ivad</i>
<i>-iʃɪcəɯɪsɪə, Rɪə-</i>	<i>iscäfsun, ra-</i>	Сид-р	'[согреться]; высохнуть'	-ä 2sg. imperat.
<i>ivəd</i>	<i>ivad</i>	К4а	'[бледный], рассветный'	ср. <i>ird</i>
<i>ivani :</i>	<i>ivan</i>	АС	Иван, Иоанн	*
<i>uəzəğü :</i>	<i>iwazäg</i>	А2	'гость'	
<i>iɔələk</i>	<i>ižälun</i>	Nsm1	'наслаждаться'	-ag part. pres.
<i>kəndun₁</i>	<i>kändä</i>	МГ184	'большие поминки'	-on dna.
<i>kəŋɪə...</i>	<i>kämun</i>	К10	'делать'	-ä 2sg., -(e)tä 2pl. imperat., -än 1pl. opt.

<i>kəññús</i>	<i>känun</i>	Д13	'делать'	-is 2sg. pres.
<i>gəǧus ä :</i>	<i>käzos</i>	К1	'чистый, святой'	-äj abl.
<i>кү</i>	<i>ko</i>	К7	'плакать' <i>käwwun</i>	2sg. imperat.
<i>kəǧä</i>	<i>ko-ga</i>	К5	'плакать' <i>käwwun</i>	2sg. imperat.
<i>kəǧä</i>	<i>ko-ga</i>	К7	'плакать' <i>käwwun</i>	2sg. imperat./ger.
<i>kuməq</i>	<i>koj-meχ ~ käw-</i>	К3	'поминальный столб'	
<i>kun₁d</i>	<i>kond</i>	Д2	'сделанный'	p. part.
<i>кə</i>	<i>ku</i>	Каш	'ведь'	
<i>кú</i>	<i>kuj</i>	Д11	'собака'	
<i>кəРəрəq</i>	<i>kuräfcäg</i>	Каш	'с короткой шеей'	
<i>gedəru</i>	<i>qädorä</i>	Д7	'творог, сыр низкого качества'	
<i>kələşə</i>	<i>qäläsi-</i>	К2	'кривляние, жеманство'	
<i>gəmə</i>	<i>qämä</i>	Nsm5a	'малая часть'	
<i>gəǧəlu</i>	<i>qäxil, -aw</i>	Nsm2,3	'узкий проход, теснина', 'кувшин'	dna.
<i>gəǧəlu .</i>	<i>qäxil, -aw</i>	Nsm6ab	'узкий проход, теснина', 'кувшин'	dna.
<i>kəznəz.i.</i>	<i>qäznez</i>	Сур.	'ревматизм; корчи'	-äj abl.
<i>gəl</i>	<i>qel-on</i>	Szar	'ушко иголки, обуви'	2 раза
<i>gīñ</i>	<i>qen</i>	TK2	'шашка (в игре)'	
<i>gətəlak</i>	<i>ketelag</i>	Nsm13b	'сосуд (винный)'	
<i>кəχтən₁</i>	<i>qexun</i>	ККV	'пить'	-t-on 1sg. perf.
<i>кəq</i>	<i>qox</i>	К12	'рука'	
<i>ləbə</i>	<i>läb:o</i>	AC	'мальчик, парень'	
<i>ləgədan</i>	<i>läggadä</i>	Д13	'служение, услуга'	-än dat.
<i>ləgəi</i>	<i>lägun</i>	Nsm4b	'бесшерстный, голый, лысый, гладкий'	-oj expr. suf.
<i>ləmi</i>	<i>lami</i>	Д14	чеч. 'лестница'	
<i>lən</i>	<i>lan</i>	Д16	чеч. 'подкова'	
<i>ləbsəñə</i>	<i>läpsä</i>	AC	'капитель'	-i gen.
<i>ləvəǧa</i>	<i>läwwun</i>	Д13	'стоять, оставаться'	-gä ger.-part.
<i>ləqtəñz:ə</i>	<i>läχdun</i>	Д13	'скверный, негодный, грязный'	-zä ~ -cä dan.
<i>lub</i>	<i>lū</i>	Д1	чеч. 'косуля'	
<i>məřə...</i>	<i>Marsäg</i>	МГ41	Бальсаг	
<i>mə</i>	<i>mä</i>	ХСт.	'меня, мой'	acc./ gen.
<i>mə</i>	<i>mä</i>	Сур.	'меня'	acc.
<i>миχəсü.</i>	<i>mäχecäj</i>	МА	'от меня-лично'	abl.

нә	nä	К4б	глагольное отрицание	
нә	nä	Гн2	глагольное отрицание	
налха	nälhä	СГор.	'сливочное (нетопленное масло)', чеч. <i>nalxa</i>	
нарәмуин а (.)	närämuinadä	Д9	'нетерпение, невоздержанность'	
нәтү	nätun	Д9	'стонать, охать, кряхтеть'	-uj 3sg. pres.
нәкәва (нәкәа)	ne-kejaw	К12	'не подобный никому'	-aw comp.
кәз-нәз.и.	nez	Сур.	'болезнь'	-äj abl.
нә	ni-	АС	'вниз и внутрь'	prep.
нә .	ni-	Szar	'вниз и внутрь'	prep.
нәбарә	nibbarun	АС	'простить'	2sg. imperat.
нәдәвник	nid:ib:ix (-t-t-) un	Гн2	'заартачиться, настаивать на своем, стоять непоколебимо, не уступать'	
нәрәзә[хс]ә	niffezäxusun	Rov	'успокоиться, обосноваться'	
нәгәдә	niggäzä künun	Гн2	'потерпеть, выдержать; простить'	
нәикәс,ә	nik:äsun	Эсх.	'взглянуть, посмотреть (вниз); присмотреться; посетить, навеститься, заглянуть (к кому-либо); бросить взгляд'	-ä 2sg. imperat.
нәрәсәңз,әг	nirräsän künun	Д13	'сделать долговременный привал, остановку'	-з:ag
нәца	nivä	Д1	'изображение, рисунок, картина, образ'	
нәвәзәк	niväjzag	Rov	'счастливый'	
нәцдә	niwd-a	К2	'завывать (о ветре, волках)'	
нәуәг :	niwwägi	А2	'в усталости'	
нәзәвә[с]әк :	nižävun	Szar	'прикасаться, касаться, задевать'	нәз, -з:ag
пәРс	perc	ТК2	'король, дамка (в дигорских шашках)'	
пухәр	puhar	Nsm7a, 7b, 12, 13, 11	паннон. 'чашка, бокал'	
қән ;	qan	АС	'воспитанник (мальчик, отдававшийся в чужую семью на воспитание)'	
қәрқә	qarqaj ~ qarraj	Гн2	'развратница'	
қәурәиә	qawrä, qarwä	К12	'сила, мощь, доблесть'	-äj abl.
рәдә	radä	К2	'очередь', 'голубчик, дорогой'	

<i>rəgəuəs ;</i>	<i>ragewun</i>	Д13	'[задремать]; бездельничать'	-is 2sg. pres.
<i>Rət</i>	<i>retun</i>	А2	'ожидание (в трудное время)'	
<i>şəǧu(ə)n₁</i>	<i>sadwän</i>	Мил.	'братская (могила); склеп для погибших в бою'	
<i>sətə..</i>	<i>satän</i>	Д20	'место, где соединяется дно с боковой стороной'	
<i>səu :</i>	<i>saw</i>	Д9	'траур'	
<i>sä.</i>	<i>sä</i>	МА	'их'	3pl. gen.
<i>şəbən</i>	<i>säban</i>	Кар.	Сабан (имя)	
<i>şəRgin</i>	<i>särgin</i>	ДК1	'олень'	
<i>rəşərzə^d</i>	<i>särzad</i>	Гн2	'попадание мимо цели'	ra- prev. сов. в. и знач. 'за-'
<i>şəumə(n)</i>	<i>säwmä, säwmon</i>	К46	'утро, утром', 'утренний'	
<i>şəbə</i>	<i>sebur, sebor</i>	Nsm8	'блюдо; котловина'	
<i>şəməq</i>	<i>semäg</i>	Ин7	'танцующий, участвующий в танце'	-äg part. pres.
<i>şən .</i>	<i>sen-gond</i>	Szar	'горький опыт (полученный на ошибках); ошибка'	
<i>şərä</i>	<i>serun</i>	Д14	'*перетаптываться; ходить иноходью'	-ä 2sg. imperat.
<i>şəs(i)</i>	<i>ses</i>	Д4	'стена'	(-i/ -i* acc.)
<i>şəş</i>	<i>ses</i>	Гес5	'стена'	
<i>şəuəǧəl₁</i>	<i>sevun</i>	Nsm13b	'подводить черту, подытоживать'	-il* loc.2
<i>şəu</i>	<i>siaw</i>	ХСт.	'сияющий, ясный; ценный, дорогой'	
<i>şəu(əl₁)</i>	<i>siaw</i>	Nsm5a	'ценный'	(-il* loc.2)
<i>şəmd</i>	<i>simd</i>	Гн2	'осетинский массовый хороводный танец'	
<i>şənkis</i>	<i>sink-sink k.</i>	Szar	'промахиваться; давать осечку'	-is 2sg. pres.
<i>şəbəş</i>	<i>sipus-tä ~ sipus-ta</i>	Гн2	'стой!, постой!'	
<i>şəvak[i]</i>	<i>siwakä</i>	Nsm5a	'выкуп, контрибуция'	-i gen. см. <i>banyasäggag</i>
<i>şəua, ŋ₁tə</i>	<i>siwanti</i>	Таг-к	'резец'	
<i>şəzəǧətä</i>	<i>sozijnä</i>	Szar	'игла, иголка'	-tä pl.
<i>şəzə</i>	<i>sozun</i>	К5	'[гореть; жечь]; испытывать жгучую боль'	-ä 2sg. imperat.
<i>ştəvəR</i>	<i>stawär</i>	ДК2	'поясничная область'	
<i>ştəzə, iqə</i>	<i>ştezun</i>	Jan	'деформироваться, ломаться, трещать'	-agä part. pres.

<i>šarəu</i>	<i>šijrō</i>	Д6	чеч. 'широковатый'	
<i>təmrəš</i>	<i>tamras</i>	Ин7	Тамрас (имя)	
<i>tətχə</i>	<i>tatχa</i>	МГ17	'грядка; участок огорода'	
<i>ʔəpʔə..</i>	<i>täʔʔo</i>	Ин6	'благоухание'	
<i>ʔənək</i>	<i>tänäg</i>	Эсх.	'тонкий; мелкий; жидкий'	
<i>təš,ər</i>	<i>tässar</i>	МГ4	'склон, поворотный пункт'	
<i>tatəs</i>	<i>tätun</i>	Д9	'давать'	-is 2sg. pres.
<i>təʔəŋə :</i>	<i>tätun</i>	Д13	'давать'	-inä dvn.
<i>ʔəŋ,šəkəŋ</i>	<i>tins, -äg</i>	Эсх.	'обильный, богатый (в достатке)', суффикс имен существительных наделенных характерным признаком	-än dat.
<i>tuskə</i>	<i>tuska</i>	Гес5	'кабан'	
<i>təš,kun,.</i>	<i>tuska</i>	ПЦГк	'кабан'	-on dna.
<i>uʔʔ:ʔəʔə</i>	<i>uʔʔ</i>	Д8	'забота'	
<i>u</i>	<i>uj</i>	Д7	'есть, быть'	3sg. pres.
<i>u</i>	<i>uj</i>	Д9	'есть, быть'	3sg. pres.
<i>u</i>	<i>uj</i>	К12	'есть, быть'	3sg. pres.
<i>uú</i>	<i>uj</i>	К12	'есть, быть'	3sg. pres.
<i>u</i>	<i>uj</i>	ДК2	'есть, быть'	3sg. pres.
<i>u..</i>	<i>uj/ wo</i>	К1	'есть, быть'	3sg. pres./ 2sg. imperat.
<i>uú</i>	<i>uj/ wo</i>	МА	'есть, является/'будь!'	3sg. pres./ 2sg. imperat.
<i>pə-uŋədä .</i>	<i>uŋnadä, fäw-</i>	Nsmbab	'бытие, существование; нахождение; состояние'	dvn.
<i>uriä.</i>	<i>ujrag</i>	МА	'еврей' < *'осетин; еврей; тушин'	
<i>uri.ä</i>	<i>ujrag</i>	МБ	'еврей' < *'осетин; еврей; тушин'	
<i>uriaġ</i>	<i>uerag-dor</i>	Д14	'булыжник, камень-валун'	
<i>u...</i>	<i>un</i>	Д9	'есть, быть'	
<i>uŋguʔəŋə .</i>	<i>uŋägziŋnadä</i>	Szar	'теснота, узость; мука'	
<i>urə</i>	<i>urä</i>	Д17	'булыжный камень; гравий; площадь земли, засыпанная камнями'	
<i>urza(.)ezək ;</i>	<i>urzižäg</i>	Д8	'шепотка'	
<i>uə</i>	<i>wa</i>	Эсх.	'быть'	3sg. fut. subj.
<i>vəʔə</i>	<i>wacä, wəʔ-</i>	Сур.	'божество, святой'	
<i>uəpəkə</i>	<i>wafäg</i>	Кар.	'ткач'	-äg part. pres.
<i>uəġə</i>	<i>wagä</i>	К2	'поведение, нрав'	

<i>uəge.la.</i>	<i>wagä</i>	Д8	'поведение, нрав, характер'	-i/* loc.2
<i>vürz.</i>	<i>warz</i>	МА	'милость, любовь'	*
<i>a-vərzə</i>	<i>warzun, a-</i>	Д19	'(по)любить'	-ä 2sg. imperat.
<i>-vət</i>	<i>-wat</i>	ДК2	показатель п. loci	
<i>vəu</i>	<i>waw</i>	К6	междометие боли и страдания	
<i>uəqə</i>	<i>wazä</i>	Эсх.	'пусть'	
<i>uəqäki .</i>	<i>wazängä, wäzungä</i>	К12	'поток ветра', 'сквозняк'	-i gen.
<i>pəuəzīs</i>	<i>wazun, fä-</i>	Szar	'пускать, позволять', 'быстрое, короткое действие'	
<i>uägə</i>	<i>wägä +</i>	ДК2	'утомиться, устать'	
<i>vələ</i>	<i>wälä(-)</i>	Д14	'на, над, сверху'	postp.
<i>vəşqəRm₁[a]</i>	<i>wäszar</i>	Сид-р	'телячья кожа, шкура'	-mä dir.
<i>uəzə(u)..</i>	<i>wäzä, wäzaw</i>	Д13	тяжесть, вес; тягота', 'тяжелый'	
<i>uəquqən :</i>	<i>wedug</i>	К11	'ложка' < 'ручка'	-än dat.
<i>ueşə.</i>	<i>wesun</i>	Эсх.	'быть покорным, проявлять покорность, повиноваться'	-ä 2sg. imperat.
<i>úсə :</i>	<i>woci</i>	Д13	'тот'	
<i>udəgəs :</i>	<i>wodägas</i>	К9	'живой'	
<i>uudäs ::</i>	<i>wodun</i>	МБ	'стараться, заботиться, ухаживать'	-is 2sg. pres.
<i>ú</i>	<i>woj</i>	Д14	'его'	gen.
<i>üəu (.)</i>	<i>wojjaw</i>	К7	'подобно нему'	comp.
<i>umzə[k]</i>	<i>womzäg</i>	Д18	'блевотина'	
<i>u[ä]ŋ</i>	<i>won</i>	Д6	чеч. 'плохой'	
<i>uänəs .</i>	<i>won</i> (pl. <i>wōnaš</i>)	Д10	чеч. 'зло'	
<i>uŋə .</i>	<i>woni</i>	К5	'их'	gen.
<i>uşəŋemə</i>	<i>wosijnä</i>	Эсх.	'женщина; жена'	-mä dir.
<i>vəş[i]qə ~ vəcqə</i>	<i>wosiçaj ~ wasçä</i>	Гн2	'нареченная, суженая; любовница (= любимая)' ~ Боже!	
<i>u₁su₁n</i>	<i>woson</i>	Сид-р	'роговая оправа'	
<i>utəd</i>	<i>wotid</i>	Nsm5c	'просто так; попусту; напрасно'	
<i>çadə</i>	<i>çadä</i>	МА	'мтиульцы'	
[ç]. <i>də</i>	<i>çadä</i>	МБ	'мтиульцы'	
<i>çəlsar..</i>	<i>çalsar</i>	Инб	'овощ, плод, ягода'	
<i>çəR₁tə</i>	<i>çarä</i>	К7, ?ХСт.	'[печаль]; труп, останки, остатки'	-tā pl.

<i>χəzəR</i>	<i>χAzAr</i>	Каш	'хазар'	
<i>χəbəzəq</i>	<i>χäbäz:äg</i>	МГ20	'в раскорячку'	
<i>χəzər.</i>	<i>χäzar ~ χAzAr</i>	МА	'дом, родина', 'хазар'?	
<i>qəqəǵəna...</i>	<i>χäz:egun ~ χäzzegun</i>	Д9	'ведьма, колдун; одержимый'	
<i>χuəǵə (?)</i>	<i>χewagä</i>	Д19	'своенравный'	
<i>qinə</i>	<i>χijnä</i>	Д13	'хитрость, козни, коварство'	
<i>χum</i>	<i>χom</i>	АКр.	'сырой, невареный, неприготовленный'	
<i>χu</i>	<i>χu</i>	Гес5	'свинья'	
<i>zəd</i>	<i>zad</i>	К4б	'родившийся'	
<i>zəbət</i>	<i>zäbät</i>	Гн2	'пятка'	
<i>zərəñu.</i>	<i>zärinon</i>	Д8	'золотой'	<i>-on dna.</i>
<i>zu(*rtə?)lə</i>	<i>zortala(nig)</i>	Дб	чеч. 'плотный, крепко сложенный, коренастый'	
<i>q.ad</i>	<i>ž'aj-, ž'aδ-</i>	МА	чеч. 'аварец'	см. <i>χadə</i>
<i>q.d</i>	<i>ž'aj-, ž'aδ-</i>	МБ	чеч. 'аварец'	см. [<i>χ</i>]. <i>də</i>
<i>zəbəz[ä]</i>	<i>zäb:azä, zäb:az</i>	ТК1	'склеп, гробница'	
<i>zəm,əzə</i>	<i>zäb:azä, zäb:az, zäbaz*, zäbaz*</i>	Rov	'склеп, гробница (подземная или полуподземная)'	
<i>qəqú</i>	<i>zäkun</i>	Д9	'сказать'	<i>-uj 3sg. pres.</i>
<i>zəqə</i>	<i>zäz:e</i>	К2	'глазик, глазки'	
<i>qə[u]qə (~ -n-)</i>	<i>zewzun</i>	Д14	'колебаться, качаться'	<i>-a 3sg. fut. subj.</i>
<i>qəm,ci</i>	<i>zinzi</i>	УД	'бусина; янтарь'	
<i>zú...</i>	<i>z'öma- ~ z'ijma-</i>	Дб	чеч. 'чучело'	
<i>-zəχ</i>	<i>zuq:</i>	ОТ	'яма, углубление, впадина'	

Основные варианты букв хазарской, паннонской, секельской и орхонской руники

Последовательно даны: транслитерация знаков восточноевропейской руники (lit), основное написание (main), варианты графем (add), графемы печатного стиля (coin), паннонские варианты на посуде в Надь-Сент-Миклош (Nszm), секльская транскрипция (Szkl), секельские графемы (Szk), добавочные секельские буквы (Szkad), транскрипция добавочных секельских букв (Szkadl), основные знаки орхонского письма (Orkhon), значения орхонских знаков (Orkhl).

let	main	add	coin	Nszm	Szkl	Szk	Szkad	Szkadl	Orkhon	Orkhl
a	λ	λϕλ	λ	λ	a	λ			λ	a
ä	ϑ	ϑϑ	ϑ	ϑ	e	ϑ			ϑ	e
e	ϕ		(ϕ)							
i	ι	ι	ι	ι	i	ι	ι	j	ι ϑ	i, je
u	υ		υυ	υ	u	υ			υ	u
ú	ϑ			ϑ			ϑ	ö	ϑ	ü
u	ϑ		ϑ				ϑ	ü		
v	М	ММММ	М	(М)	v	М	М	u		
f	ϕ	ϕ			f	⊗	⊙	tp		
B	8	886	ρ	8					δ	ba
b		χχ+ρρ			b	χ			δ	be
p	ϑ	ϑ		ϑ	p	ϑ			ι	p
z	ϑ	ϑϑϑϑ	ϑ	ϑ	z	ϑϑ				
s	3	3333	3						ϕ ϑ	sa ša
š	l	l		l	s	l			l	se
3	ϑ	ϑϑϑϑ	ϑϑ							
3:	ϑ	ϑ					↑	c	ϑ	z

Сокращения

1-3sg.	лица единственного числа
1-3pl.	лица множественного числа
abl.	отложительный, аблатив
acc.	винительный падеж, аккузатив
act.	активный
comp.	сравнительный падеж, компаратив
dan.	имя качества
dat.	дательный падеж, датив
dir.	направительный падеж, директив
dna.	отыменное прилагательное
dnn.	отыменное имя существительное
dnv.	отыменной глагол
dub.	обязательный, дубитатив
dvn.	отглагольное имя
fut.	будущее (время)
gen.	родительный падеж, генитив
ger.	деепричастие
imperat.	повелительное (наклонение), императив
intr.	непереходный (глагол)
loc.	местный падеж, локатив
n. loci	имя места
opt.	желательное (наклонение), оптатив
p. part.	перфектное причастие
part.	причастие
perf.	перфект (время)
pl.	множественное число
postp.	постпозитивный
prev.	глагольная приставка
pres.	настоящее (время)
refl.	возвратное (местоимение)
sg.	единственное число
subj.	сослагательное (наклонение), субъектив
tr.	переходный (глагол)
абх.	абхазский
адыг.	адыгский
арх.	архаичный
балк.	балкарский
бацб.	бацбийский
венг.	венгерский
греч.	греческий
груз.	грузинский

диал.	диалектный
диг.	дигорский
инг.	ингушский
ирон.	иронский
каб.	кабардинский
карач.	карачаевский
нах.	нахский
осет.	осетинский
рус.	русский
русин.	русинский, карпатско-русский
чеч.	чеченский
чеш.	чешский

Литература

- Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. Москва–Ленинград, 1949.
- Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. Москва–Ленинград, 1958.
- Абаев В. И.* Русско-осетинский словарь. М., 1970.
- Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Л., 1973.
- Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. Л., 1979.
- Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. Л., 1989.
- Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Указатель. М., 1995.
- БСЯ – Байчоров С. Я.* Древнетюркские рунические памятники Европы. Ставрополь, 1989.
- Баранов Г. Х.* Арабско-русский словарь. М., 1958.
- Бигулаев Б. Б., Гагкаев К. Е., Кулаев Н. Х., Туаева О. Н.* Осетинско-русский словарь, с приложением грамматического очерка осетинского языка В. И. Абаева. Орджоникидзе, 1970.
- Волкова Н. Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.
- Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по р.х.). СПб., 1870.
- Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века. Москва–Иерусалим, 1997.
- Далгат У. Б.* Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972.
- Дзагуров Г. Д.* Осетинские (дигорские) народные изречения. М., 1980.
- Исаев М. И.* Дигорский диалект осетинского языка, Фонетика, морфология. М., 1966.

- Кабардино-черкесский язык. Лексика. Т. II: Фразеология, диалектология, устно-поэтический язык, ономастика. Нальчик, 2006.
- Колода В. В. Тюркская руническая надпись из лесостепной Хазарии // Поволжская археология. 2014. № 3(9).
- Кравченко Э. Е. Исследование хозяйственного объекта на археологическом комплексе у с. Сидорово в среднем течении Северского Донца // Проблемы збереження і використання культурної спадщини в Україні. Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції. Секція 1–2. Слов'янськ, 2005.
- Кравченко Э. Е. Предмет с рунами с Новоселовского городища (среднее течение Северского Донца) // Степи Восточной Европы в средние века: Сборник памяти Светланы Александровны Плетнёвой. М., 2016.
- Кузнецов В. А. Две случайные находки из района Нижнего Архыза // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. XI. Археология, краеведение, музееведение. М., 2013.
- Кулешов Вяч. С. «Рунический дирхам» из козьянковского клада // Acta Archaeologica Albaruthenica. Vol. 5. Мінск, 2009(1).
- Кулешов Вяч. С. «Рунический дирхам»: новый источник для истории хазарской геральдики? (Семинар «Геральдика – вспомогательная историческая дисциплина». Май 2009) СПб., 2009(2).
- Кулешов Вяч. С. О грузинских подражаниях 'Аббасидам и о так называемой «монете Баграта III» из собрания Эрмитажа // Византия в контексте мировой культуры. СПб., 2013.
- Кызласов И. Л. Древнетюркская руническая письменность Евразии. М., 1990(1).
- Кызласов И. Л. Рунические надписи Маяцкого городища. Маяцкий археологический комплекс (материалы советско-болгарско-венгерской экспедиции). М., 1990(2).
- Кызласов И. Л. Рунические письменности Евразийских степей. М., 1994.
- Кызласов И. Л. Руническая эпиграфика древних болгар // Татарская археология. 2000. № 1–2 (6–7).
- Кызласов И. Л. Серебряные монеты с легендами кубанского рунического письма // Проблемы археологии Кавказа. Вып. 1. М., 2012.
- Мудрак О. А. Заметки о языке и культуре дунайских болгар // Аспекты компаративистики 1. Orientalia et Classica VI. М., 2005.
- Мудрак О. А. Аварская надпись на сосуде из клада Надь-Сент-Миклош // Аспекты алтайского языкознания (Материалы Тенишевских чтений-2007). М., 2007.
- Мудрак О. А. Тюркская надпись на Батеневском алтаре // Вопросы тюркологии. М., 2010. № 1.
- Мудрак О. А. Кавказизмы в осетинском языке (фонетическая адаптация, разбор семантического поля) // Родной язык. 2014. № 1(2).
- Мудрак О. А. К значению одного из клише в енисейских надписях // Российская тюркология. 2015. № 2(13).

- Мудрак О. А. Заметки по иноязычной лексике хазарско-еврейских документов // Хазарский альманах. Т. 14. М., 2016.
- Нахапетян В. Е. (Флёрова). Граффити Маяцкого городища // Маяцкий археологический комплекс (материалы советско-болгарско-венгерской экспедиции). М., 1990.
- Осетинско-русский словарь (авт. Бигулаев Б. Б., Гагкаев К. Е., Кулаев Н. Х., Туаева О. Н.) с приложением грамматического очерка осетинского языка В. И. Абаева. Орджоникидзе, 1970.
- Таказов Ф. М. Дигорско-русский словарь (с грамматическим очерком). Владикавказ, 2003.
- Таказов Ф. М. Дигорско-русский словарь – Русско-дигорский словарь. Владикавказ, 2015.
- Флёров В. С. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1988 г. (архив).
- Флёров В. С., Турчанинов Г. Ф. Средневековая аланская надпись из-под станицы Милютинской Ростовской области // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института Академии наук Грузинской ССР. Вып. XXIV. Тбилиси, 1980.
- Флёрова В. Е. Граффити Хазарии. М., 1997.
- Erdélyi I. Új Magyarországi Rovásfelirat. Archeológiai Értesítő. Budapest, 1961.
- GH – Gábor Hosszú. Heritage of Scribes. The Relation of Rovas Scripts to Eurasian Writing Systems. Third edition. Budapest, 2013.
- Göbl R., Róna-Tas A. Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szentmiklós. Eine paläographische Dokumentation, Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1995.
- Othman A., Gorea M. Une inscription runique centre-asiatique a Sura (Moyen-Euphrate syrien): presentation et observations preliminaires. Semitica et Classica 9. Brepolis Publishers NV/SA 2017.

О. А. Мудрак

Основной корпус восточноевропейской руники

Резюме

1. Внутри Хазарского каганата официальные документы и бытовые надписи сделаны в рамках одного типа письма, разработанного для осетинского языка.

2. Этот вид рунической письменности был территориально широко распространен в Хазарском каганате и использовался для записи на осетинском и чечено-ингушском языках, что может свидетельствовать о высоком социальном статусе носителей этих языков.

3. На территории Аварского каганата данная письменность обслуживала только осетинский язык. (Булгароязычные турки использовали письмо греческими буквами.)

4. Язык надписей отражает сложившуюся новую морфологию осетинского языка и освоенные этим языком кавказизмы. По своим лексическим, частично фонетическим и морфологическим, особенностям язык восточноевропейской руники в большей мере соответствует дигорской норме осетинского языка.

O. A. Mudrak

A Basic Corpus of the Eastern European Runic Inscriptions

Summary

1. In the Khazar kaganate the official inscriptions and documents including household and professional notes were written in Ossetic language. This system of writing was investigated especially for this one.

2. This writing system was spread widely inside the borders of the Khazar kaganate and it was used for needs in Ossetic and Chechen-Ingush languages. So, it can be an evidence of high social status of these nations.

3. In the Avar kaganate the light modification of this writing system was used only for the Ossetic language. (The Bulgarophone Turks used the Greek letters for some inscriptions in the Middle and Lower Danube region).

4. The language of runic inscriptions shows new Ossetic morphology and has numerous Caucasian loanwords. According to the lexical (and also phonetic and morphological) features the language of the Eastern European runic inscriptions corresponds to the Digor dialect of Ossetic language.

И. И. Пейрос

О ДЕШИФРОВКЕ «ХАЗАРСКОЙ» РУНИКИ

Процедура дешифровки текстов на неизвестном языке сводится к двум этапам. На первом этапе происходит как бы «озвучивание» текстов. При этом определяется:

- сколько и какие знаки используются в текстах. На этом основании делается вывод о том, какая система письма в них используется (иероглифика, алфавит или что-то иное). В случае алфавитной записи предлагаются чтения соответствующих знаков;
- на каком языке или языках написаны изучаемые тексты. Ясно, что выбор языка часто оказывает влияние на опознание звучаний знаков.

На втором этапе предлагается перевод текстов.

При оценке результатов дешифровки необходимо иметь в виду, что первый этап этой процедуры полностью основан на эвристических соображениях. Исследователю достаточно просто выписать чтения знаков и назвать язык, на котором написаны тексты. Откуда взяты эти знания, строго говоря, не важно («приснилось», «озарение», «прочел на заборе»). Поэтому обсуждение этих вопросов просто бессмысленно.

Проверка результатов дешифровки связана с достоверностью переводов. Если тексты написаны на языке Я, это значит:

(а) в них используются морфемы (лексические и грамматические) этого языка, а не только личные имена или географические названия. Конечно, можно допустить, что некоторые морфемы не

опознаются. Однако переводы типа «глокая куздра»¹ здесь явно не допустимы;

(б) желательно, чтобы эти морфемы относились к исконному словарю языка, а не являлись заимствованиями;

(в) наблюдаемые последовательности этих морфем должны соответствовать грамматическим и синтаксическим моделям Я;

Ну и, конечно же, переводы должны иметь вполне понятный смысл. Если приведенные условия выполнены, то дешифровщик со своей задачей справился успешно.

Впрочем, здесь можно ожидать иной тип критики: «Сейчас носители языка Я в данном районе не проживают, и по археологическим данным их здесь никогда не было. Поэтому результатам дешифровки верить нельзя». Ясно, что подобные аргументы нелогичны: лингвистические результаты могут быть опровергнуты только при помощи лингвистических данных.

О. А. Мудрак предлагает дешифровку текстов, написанных на «хазарской» рунике. По его мнению, это было алфавитное письмо, в котором отражались как гласные, так и согласные. Таблица чтений знаков (и их основных вариантов) приводится в конце статьи. Чтения многих знаков для согласных предложены явно под влиянием гипотезы об их северокавказской принадлежности.

Здесь же показана преемственность от «хазарской» к секельской рунике, данные которой явно использовались при опознании рунических знаков. Отметим, что знаки орхонского письма совпадают с «хазарскими» реже.

Алфавитный характер письма делает процедуру чтения надписей достаточно простой, а выбранные чтения приобретают «кавказский облик». Большую часть текстов О. А. Мудрак читает по-осетински, хотя для некоторых предлагаются нахские прочтения. Такая ситуациястораживает и явно требует эксплицитного объяснения.

Прорисовки, чтения и переводы текстов даны в статье и ожидают серьезного научного(!) обсуждения.

¹ Фраза «Гло́кая ку́здра ште́ко будлану́ла бо́кра и курдя́чит бокре́нка» была придумана Л. В. Щербой. В ней все грамматические морфемы взяты из русского языка, тогда как лексические морфемы смысла не имеют. При этом говорящие по-русски способны уловить общий смысл этой фразы.

В. В. Тишин

**К МЕТОДИКЕ ПРОЧТЕНИЯ
ПАМЯТНИКОВ РУНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ
ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО АРЕАЛА**

**(на примере легенд серебряных дирхамов
с руноподобными знаками)**

1

В последнее время, начиная с 2015 г., все научное сообщество, как-то связанное интересами с вопросами истории и культуры Восточной Европы периода существования Хазарского каганата (VII–X вв.), буквально взбудоражено новостью о прочтении ряда надписей с территории степной Восточной Европы, сделанных руноподобным письмом, или памятников так называемой восточноевропейской, или евразийской (согласно И. Л. Кызласову) [Кызласов, 1990], рунической письменности российским лингвистом, доктором филологических наук, проф. О. А. Мудраком.

Теперь этот исследователь выступил с гипотезой о прочтении и переводе всего комплекса надписей, предложив положить в основу фонетику и грамматику современного осетинского языка. Не обладая соответствующей лингвистической подготовкой, не могу судить об этой стороне построений О. А. Мудрака, однако имею возможность указать на другие дискуссионные моменты, связанные с его подходом.

Прежде всего, как мне кажется, изначально настороженное отношение должен вызвать такой методологический ход, как объединение всех руноподобных надписей Восточной Европы в нечто единое и цельное. О. А. Мудрак без учета историко-культурного контекста, пренебрегая географией и условиями обнаружения от-

дельных надписей, привязкой некоторых из них к археологическим объектам, а следовательно – установленной хронологией и атрибуцией, объединяет их все в единый корпус – прибегает к попытке прочтения согласно своему методу и совершенно не касается их интерпретации.

В свое время И. Л. Кызласов, исходя из палеографического принципа, счел возможным выделить на всей территории нахождения таких надписей несколько алфавитных систем [Кызласов, 1990; Кызласов, 1994]. Лапидарность большей части надписей и недостаточно хорошее качество публикации многих из них позволяют принять данную типологизацию с определенной долей условности, ввиду формальности самого лежащего в ее основе критерия (см. также: [Tryjarski, 1997]). Факт встречаемости определенных форм знаков в различных надписях сам по себе ничего не говорит, ввиду того что в ряде случаев это надписи, относящиеся к различным территориальным районам и хронологическим периодам, если только они не встречены в рамках одного археологического объекта.

В любом случае при наличии определенного фонда графем даже в надписях, которые можно объединить на основе какого-либо более или менее обоснованного критерия, нет никаких убедительных оснований, чтобы сделать выбор между 1) отнесением ряда формально схожих (ввиду самого факта простоты форм начертания) знаков к различным графемам и 2) принятием возможности сосуществования ряда аллографов, различающихся между собой ввиду каких-либо субъективных причин. Каких именно, мы, скорее всего, никогда не узнаем, поскольку речь идет о моментах, связанных с личностью писца и его индивидуальными особенностями, характерной для него письменной традицией, обстоятельствами нанесения конкретной надписи, а также инструментом и материалом письма (ср.: [Tryjarski, 1997, p. 373]). Все это создает многочисленные трудности для интерпретации отдельных знаков и восприятия всего графического фонда зафиксированных надписей, одновременно давая благодатную почву для многочисленных спекуляций, подразумевающих возможность подстановки фонемного значения для тех или иных графем, исходя лишь из формального сопоставления друг другом их очертаний. Это не самый лучший способ, поскольку он заочно предполагает натяжки и допущения, но, похоже, неизбежный, поскольку мы действительно не знаем об этих надпи-

сях ничего такого, что позволило бы нам уверенно судить об их языке.

Даже если речь идет о группе надписей, обнаруженных в рамках одного археологического объекта, более или менее уверенно датированного и атрибутированного, и археологические признаки позволяют связать между собой несколько таких локальных групп надписей, речь, как верно отметил И. Л. Кызласов, предварительно может идти лишь о политическом объединении, в рамках которого проживали авторы этих надписей, соответственно являвшиеся в конкретный исторический период носителями определенной системы письменности, но все равно, учитывая полиэтничный характер таких объединений, мы ничего не можем сказать об этнолингвистической принадлежности авторов надписей, имея возможность лишь предположить единство распространенной в конкретном политическом образовании системы письма, вероятно, изначально связанной с господствующей «этнической группой» [Кызласов, 1994, с. 211, 213–214]. Даже если принять выделение И. Л. Кызласовым так называемых донского и кубанского алфавитов и их соотнесение соответственно с хазарским и болгарским политическими объединениями [Кызласов, 1994, с. 216–217; Кызласов, 2000, с. 5], мы столкнемся с иной проблемой – отсутствием цельных и достоверных данных о языке господствующих «этнических групп».

Главный экстралингвистический довод О. А. Мудрака, как можно полагать, зиждется на мнении, что *аланы*, упоминаемые исследователями среди населения Хазарского каганата – это название конкретного народа, явно ираноязычного, а сегодняшние осетины – их прямые потомки. Появление же ираноязычных элементов на берегах Тисы и Дуная на своих устных выступлениях О. А. Мудрак объяснял фиксацией здесь в начале 1-го тыс. н.э. сарматской племенной группировки *языгов*. С ними же или их потомками связывается появление секейского письма, ряд знаков которого был использован О. А. Мудраком для подбора фонемного значения знаков восточно-европейской степной руники в целом.

Однако вопрос о происхождении секейского письма и его соотношении с другими системами руноподобной письменности объективно остается открытым [Sándor, 1992; Sándor, 2014], а все построения вокруг мнимого аланства авторов памятников восточно-

европейской руноподобной письменности вызывают ряд проблем. Прежде всего, нет никакой уверенности в том, что понятие *аланы*, бытовавшее в хазарское время и зафиксированное в источниках, – это название именно ираноязычного населения, а не обобщающее название народов Кавказа, ведь расширение семантики может быть связано с тем, что ираноязычная группа, возможно, так и именовавшая себя, стала в какое-то время ядром политического образования, куда входили не только ираноязычные народы, а существование такого объединения, в свою очередь, сопровождалось сложными социальными, культурными и языковыми процессами (см.: [Németh, 1991, 29–44. о.]). Поэтому научное понятие *аланы* должно пониматься как условное, не подразумевая однозначной этнолингвистической идентификации. Здесь следует отметить и тот факт, что даже традиционное отождествление с условными *аланами* носителей салтовского археологического комплекса также сегодня уже не является убедительным (см., например, обзор в кн.: [Аксёнов, 2014, с. 5–7]).

В общем, несмотря на скептицизм ряда исследователей (автор настоящей работы принадлежит к этой же категории), приходится признать, что все очевидные, на первый взгляд, неувязки историко-культурного характера, не могут служить основой для реальной критики изысканий О. А. Мудрака, которую правильнее было бы ожидать со стороны лингвистов-иранистов, и которой, однако, насколько нам известно, пока не поступило.

2

Следует отметить, что в начале 2016 г. вышла книга, принадлежащая перу двух узбекистанских исследователей, зарекомендовавших себя как крупные специалисты по истории и нумизматике, прежде всего, Западно-тюркского каганата, – нумизмата-согдиеведа Г. Б. Бабаярова и тюрколога А. В. Кубатина [Бабаяр, Кубатин, 2016]. Их труд посвящен попытке прочтения выполненных восточноевропейским руноподобным письмом легенд на восьми представленных в различных коллекциях монетах двух типов, представляющих копии аббасидских *дирхамов*, сведения о которых были обобщены в публикации И. Л. Кызласова [Кызласов, 2012]. Г. Б. Бабаяров и А. В. Кубатин попытались осуществить прочтение, осно-

вываясь на данных о памятниках древнетюркской рунической письменности орхоно-енисейского круга¹.

Это монеты двух типов, содержащих надписи арабской письменностью на арабском языке и, как уже отмечалось, надписи руноподобным письмом на неизвестном языке. Арабографичная формула на монетах одной из групп, гласящая *بركة لا زيبك* * $[b^a r^a k^a t 'l-zbyk]$ и соответственно читаемая как *barakat al-Uzbik* 'благословение Узбеку' [Кызласов, 2012, с. 225–226; Кулешов, 2009(2), с. 4, 5; Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 15, 16 / с. 81], очевидно, дала авторам основание приступить к попытке прочтения рунической легенды на монетах этой группы, как в свое время великий венгерский филолог Дьюла Немет пытался расшифровать рунические надписи на сосудах из Надь-Сент-Миклоша, руководствуясь начертанной на одном из них надписью греческими буквами, давшими основания для попытки распознать в тексте два имени и предположить наличие в сочетаниях, образуемых руническими знаками, схожих с грекографичной надписью контекстов и слов [Németh, 1932; Németh, 1971].

В свое время А. А. Быков указывал нижнюю границу существования рассматриваемых монет 196 г. х. / 811–812 г. н.э. [Быков, 1974, с. 35, 66, табл. 2]. И. Л. Кызласов датировал их периодом – по крайней мере с конца VIII до первой половины IX в., хотя оговаривался, что эти монеты могли ходить и позже как подражания монетам халифата [Кызласов, 2012, с. 227–229], а В. С. Кулешов на основе косвенных признаков указал максимальной верхней границей примерно 313 г. х. / 925–926 г. н.э. [Кулешов, 2009(1), с. 107; Кулешов, 2009(2), с. 6]. Тем не менее Г. Б. Бабаяров и А. В. Кубатин только на основе своего прочтения отнесли их к первой четверти XIV в. [Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 74, 76–77 / с. 146–147, 150–151]. Однако И. Л. Кызласов привел, на мой взгляд, достаточно обстоятельную аргументацию, согласно которой данные надписи, будучи памятниками выделяемого им так называемого кубанского письма, могут быть соотнесены с древними булгарами [Кызласов, 2012, с. 231–233, 235, 237–239]. Такую атрибуцию допускает и С. В. Куле-

¹ Как отмечают сами авторы, впервые попытка прочтения была озвучена ими на Международном конгрессе «Этногенез, история, язык и культура карачаево-балкарского народа», прошедшем в ноябре 2014 г. в Институте всеобщей истории, в Москве [Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 14 / с. 78]. Поскольку книга вышла на двух языках, при цитатах ниже ссылаться мы будем на русскоязычный текст, указывая страницы обоих разделов – турецкоязычного и через знак '/' «слэш» – русскоязычного.

шов, склоняющийся тем не менее, как и А. А. Быков, к мнению о хазарской принадлежности данных монет [Кулешов, 2009(1), с. 107; Кулешов, 2009(2), с. 6–8].

Вероятно, попытка прочтения, принадлежащая Г. Б. Бабаярову и А. В. Кубатину, как и их книга, вышедшая спустя два года, не были бы так замечены, затерявшись в океане других многочисленных гипотез прочтения памятников восточноевропейской рунической письменности, если бы не ажиотаж вокруг деятельности О. А. Мудрака.

Следует отметить, что 21 апреля 2016 г. на конференции «Письменность как государственный элемент инфраструктуры» (XXVIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто), проходившей в Институте всеобщей истории, этот исследователь, до этого несколько раз озвучивавший свою гипотезу в докладах в различных научных центрах России, выступил с собственным вариантом перевода и данных монетных легенд [Мудрак, 2016]. Однако он подвергся критике со стороны специалистов различных сфер: тюркологов, арабистов, кавказоведов, нумизматов, археологов. Главными, пожалуй, стали (если не учитывать такие моменты, как отсутствие четкого фонетического отождествления знаков) замечания по поводу того, что читаемые им фразы совершенно нехарактерны для такой группы источников, как нумизматика. Недоумение вызвало также наличие в чтениях профессора лексики, принадлежащей к совершенно различным языковым средам кавказских народов. Кроме того, прозвучало мнение о невозможности вписать его прочтения в исторический контекст.

Предложенное чтение данных монетных легенд О. А. Мудраком не может быть принято хотя бы потому, что оно сопровождается подменой знаков. Это касается не только произвольного чтения арабографичной легенды, на что было указано арабистами-профессионалами (Д. Е. Мишин, В. С. Кулешов, А. К. Аликберов), но и руноподобных знаков. Так, например, в радиальной надписи по реверсу монеты типа А последний знак третьего слова читается им как **7** вместо **7**, в центральной надписи на реверсе третий знак произвольно заменен с **С** на **С** (в нынешней редакции исправлено), предпоследний знак второго слова – с **Д** на **В** [Мудрак, 2016, с. 198], а на монете типа В предпоследний знак радиальной надписи на аверсе с **Д** заменен на **Э** [Мудрак, 2016, с. 200]. В целом же нужно отметить, что недостаточно сильным методическим ходом

является попытка произвольно подставлять гласные в самые разные позиции, тем более – в абсолютном конце предполагаемых лексем, исходя лишь из того факта (или соображения), что гласные определенного качества в конкретных позициях не получали графического обозначения. Часто этим грешат тюркологи при попытке прочтения лапидарных рунических надписей азиатского ареала. Тем не менее в этом случае мы, по крайней мере, знаем, что широкий неогубленный гласный, как правило, не выписывался в первом слоге, хотя и здесь бывали исключения. Однако последний факт, хотя и имеет место быть, по моему мнению, должен оказывать влияние на метод прочтения надписи в самых исключительных ситуациях (см., например: $kw^2r^2t^2qn^1$, т.е. *körtlä qan* (Е 10, стк. 5) при зафиксированном $kw^2r^2t^2A$ (Е 52, стк. 1) [Кормушин, 2008, с. 100–102, 144]). Даже если мы предполагаем совершенно иную систему письма, отличную от древнетюркской руники, подстановка при транскрипции нейтрального гласного *шва* /ə/, – позволяющего предполагать, в сущности, наличие звука любого качества, – должна быть строго мотивирована соображениями о каких-то общих закономерностях.

О. А. Мудрак, в свою очередь, высказал критику относительно почтений, предложенных Г. Б. Бабаяровым и А. В. Кубатиным, которая сводилась к следующим моментам:

- (1) смешение в рамках одной лексемы знаков, обозначающих звуки велярного и палатального рядов;
- (2) прочтение формулы “*kan Ösbeğ*”, не соответствующей нормам тюркского синтаксиса;
- (3) нетипичное для тюркского синтаксиса наличие указательного местоимения в конце синтаксической конструкции.

Можно принять все эти замечания, кроме последнего. Так, ср. в надписи Тоньюкука (стк. 61 = вторая стела, северная сторона, стк. 3) *iltäriş qayan bilgä toñuquq qazyantuq ücün qayyan qayan türk sir bodun joriđuđı bu* [Rybatzki, 1997, S. 41, 74; Şirin User, 2009, s. 466], кроме того, это обычно для синтаксиса волжско-булгарских эпитафий XIII–XIV вв. (см.: [Хакимзянов, 1987, с. 57; Erdal, 1993, S. 13–14, 100–101]).

Однако все эти сложности в интерпретации прекрасно осознаются самими авторами, но на все три довода у них есть объяснения, которые сводятся к влиянию инокультурной и иноязыковой

среды на письменную традицию [Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 19–23, 41, 69–72 / с. 85–90, 109, 142–145].

Я полностью солидарен как с узбекистанскими коллегами, так и с О. А. Мудраком, считая, однако, вслед за последним отмеченные натяжки большой проблемой для того, чтобы принять их чтение и соответственно интерпретацию надписей. Это кажется настолько очевидным, что здесь нет необходимости еще раз обсуждать чтение, предложенное этими авторами.

Следует лишь отметить, что сама попытка узбекистанских авторов видеть в монетах одного из типов (А) билингу, зацепившись за прочтение арабографического *زبيك** как *(ö)zbīk*, имеет определенные сложности, и не только из-за отсутствия первого *'алифа* и *вāва*. Изображения второго и третьего знаков не имеют диакритики, поэтому любой из них может быть истолкован не только как *bā'* (ب) или *īāy* (آ), но и *nūn* (ن) или *mā'* (م). Поэтому можно много изошряться, подыскивая в тюркском (и не только) ономастиконе различные наименования с комбинациями из этих четырех знаков.

Предположительно читаемое в легенде одного из типов монет сочетание *beg | big | bek | bik*, если говорить о хазарском времени, – что согласуется с интерпретацией И. Л. Кызласова, – предстает в арабских источниках в двух формах: *بك* [*b.k*] и *باك* [*bāk*] [Golden, 1980, р. 163, 164; Golden, 2005, р. 210]. Исходя из этого, можно предположить в качестве наиболее допустимых вариантов чтения **zyb.k* и **z.nb.k | *z.n.b.k, *z.tb.k | *z.t.b.k* и, поскольку *кяф* свидетельствует в пользу палатального вокализма (к слову, как и *mā'*), подыскивать какие-то подходящие имена и титулы, вероятно, предполагая даже, что нехарактерный для тюркских языков инициальный */z/* мог соотноситься, например, со щелевым */š/*, как в восприятии арабских авторов, если только здесь не зафиксированная попытка написания *ژ* (*zāyin* с тремя точками) для обозначения фрикативного, соответствовавшего болгарскому */ž/* и общетюркскому */j/* [Ermers, 1999, р. 77, 93–95, 97, 140, 137, 145–146]. Ср., например, неопределенные: др.-булг. *Zaβepγav* (личное имя) [Moravcsik, 1983, S. 128], др.-уйг. (брахми) *yivig*, др.-уйг. *yiväg* (°k) ‘equipment, and the like...’, и в связи с этим также як. *säp* ‘Werkzeuge, Gerät, Waffe, Sache’; др.-уйг. *yipäk* (личное имя) [Rybatzki, 2006, S. 274]. Вместе с тем, при чтении **zyb.k | *z.byk* вероятно формальное сопоставление с тюрк. **йиби* ‘мокнуть’, ‘намочить’ и т.п. (< **йиб* ‘мокрый’) [Севортян, Левит-

ская, 1989, с. 196–197], при чтении **zyp.k* – с тюрк **йени*- ‘облегчаться; становиться легче (о положении)’ (< **йен* ‘легкий’) [Севортян, Левитская, 1989, с. 184]². Если допустить чтение **zyt.k*, можно предположить сравнение со следующим рядом: *йетик* туркм. ‘осведомленный’, тур. ‘достигший совершеннолетия’, ‘зрелый’, вост.-тюрк. ‘достигший’, карах.-уйг. ‘зрелый’, ‘опытный’, *ййтйк* баш. ‘выросший (о волосах), обросший’, *жсетик* кырг. ‘достаточный’, ‘дальновидный’, ‘мудрый’, *жсетйк* тат. диал. ‘проворный, ловкий’, *жсетйк* каз. ‘сведущий, знаток’, ккалп. ‘дальновидный’, ‘мудрый’, ‘развитой’, < **йэт*- ‘достигать, доходить’, ср. чув. *зит*- ‘достигать, доходить, доезжать, добираться; прибывать; догонять; заставить, настигать; посетить, побывать; исполняться; доставаться; достигать (апогея) и т.п.’, *ситех* ‘до’ (послелог) [Севортян, Левитская, 1989, с. 193, 194; Федотов, 1996, т. 2, с. 123–124; Левитская, 1976, с. 118]. Учитывая особенности болгарского консонантизма (см. ниже), допустимо также предполагать отыменное образование, объясняя ауслаут наличием характерного для болгарской группы аффикса диминутива +АК: так, см. типологически сопоставимое имя аббасидского *гуляма* хазарского происхождения *إبتاخ* [*’itāh*] < **ītaq*, ср. чув. *jutā* ‘dog’ < др.-булг. **jtaq* [Erdal, 1991(2); Erdal, 2007, р. 91; Golden, 2005, р. 208] (см. также: [Golden, 1980, р. 202]).

3

Возвращаясь к рассматриваемым памятникам, считаю возможным напомнить кажущееся справедливым замечание И. Л. Кызласова, отметившего идентичность начальной формулы монетных легенд и части надписи на ручке сьдьярского кувшина. Он писал, что «попытки возможной теперь дешифровки начальной и устойчивой формулы, а за ней, надо надеяться, и всей кубанской рунической письменности – дело рук тюркологов-чувашеведов, равно как и знатоков древневенгерского» [Кызласов, 2012, с. 235]³. Не относя себя ни к первым, ни ко вторым, а также с некоторым скептицизмом принимая выделение И. Л. Кызласовым конкретных групп алфавитов, считаю все-таки важным попробовать показать воз-

² Приводимые здесь формы прилагательных типа *йеник* др.-уйг. ‘легкий’, ‘бесценный; дешевый’, *йэник* карах.-уйг., тар., осм., *йиник* уйг. диал. ‘легкий’ и др. в действительности содержат финальный -g [Erdal, 1991(2), vol. I, р. 217].

³ Курсив И. Л. Кызласова.

возможность дешифровки этих надписей на основе именно языков болгарского типа, учитывая возможность бытования различных диалектных особенностей (ср.: [Pritsak, 1955, S. 9])⁴.

При транслитерации для некоторых знаков я условно использую принятое для памятников орхоно-енисейского круга написание с индексами, как, например, n^1 и n^2 , или t^1 и t^2 , однако в данном случае это не служит для обозначения рядности, применяясь для удобства в различении форм знаков.

Надпись на монетах типа А

Транслитерация:

(аверс, по радиусу) *kGIŠA. ČAl. kAn². Wr¹t¹GI. AMGI*

(аверс, в центре) *kAn²*

(реверс, по радиусу) *t²GIr¹M. k^uWČr²GI. j²At¹. lA*

(реверс, в центре) *šln¹W. n²GI. j²MČs²r¹. b¹W*

Транскрипция (фонематическая):

(аверс, по радиусу) *(ə)KGI(i)Še. (ə)Čal. Kan². u[ə?]r¹t¹(ə)Gi. em(ə)Gi*

(аверс, в центре) *Kan²*

(реверс, по радиусу) *t²(ə)GIr¹(ə)m. k^uöčr²(ü)Gi (~ k^uwəčr(ə)Gi?). j²at¹. lA*

(реверс, в центре) *šal(a)n¹[ə?]u. (ə)n²(ə)iG. (e)j²(ə)m č(ə)s²(ə)r. (ə)bu*

Транскрипция (фонетическая):

(аверс, по радиусу) *əkGi-šâ. âč-el. kân. ur-tâGⁱ (~ uâr-tâGi). eməGⁱ*

(аверс, в центре) *kân*

(реверс, по радиусу) *tâGⁱrə-m. köč-râGⁱ (~ kâwəč-râGⁱ). iat. lA*

(реверс, в центре) *šâlân-u (~ šâlân-âw). ən-âG. âjam (~ âjə-m) če-sər.*

ə-bu

Перевод:

(аверс, по радиусу) ‘двоих внутренних сторон каном выбитый знак’

(аверс, в центре) ‘кан’

(реверс, по радиусу) ‘Тэ(н)гри (= Гóспода) моего пришедшее (?)
имя – вот!’ /

‘Тэ(н)гри (= Гóспода) моего пришедшее (?) – имя, вот!’

⁴ В этой работе автор не ставит задачу приводить обширную библиографию по проблемам восточно-европейской рунической письменности, как и по проблемам исследования языков болгарской группы, ограничиваясь привлечением наиболее показательных относительно тех или иных вопросов публикаций.

(реверс, в центре) ‘пламя создавший господин мой!» – должный произнести я’ /

‘пламя создавшее послание могущий (вар.: желающий, должный) произнести я’

Комментарий

ekGišə: числительное *äki* с собирательным аффиксом *+šI*; ср. чув. *ikkəš(ə)* ‘они двое’, ‘двое из них’ [Левитская, 1976, с. 15–16, 35, 50, 51, 112 прим. 279; *Róna-Tas*, 1976, р. 168; Сравнительно-историческая грамматика..., 2002, с. 709]. Вероятно также, здесь *ekGišə* – субстантивная форма количественного числительного, ‘второй’ [Левитская, 1976, с. 48].

Первый гласный, *el*, нерегулярно обозначается и в волжско-булгарских эпитафиях [Erdal, 1993, S. 145, 150] (см. также: [Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 200–201]). Случай употребления первого и второго знаков известен в одном из древнетюркских рунических памятников с территории Монголии [Баяр, Мөнхтула, Хүрэлсүх, 2008, 112–113 дугаар тал.]. Эмфатический смычный *-G-*, вероятно, имеет этимологическую природу [Левитская, 1976, с. 46], если, следуя соответствующей гипотезе о происхождении тюркского числительного *два*, геминированный согласный оканчивается на стыке морфемных швов (см.: [Севортян, 1974, с. 253; Левитская, 1976, с. 39; Blažek, 1999, р. 104, 330]). В связи с этим также интересно отмеченное в чувашском языке чередование озвонченных гуттуральных *-χ- > -γ-, -k- > -g-* и соответственно геминированных *-χχ-, -kk-* между гласными [Левитская, 2014, с. 173, 174].

äšəl: ср. чув. *шал* ‘внутренность, внутренний’, ‘внутренняя сторона’ < *äш + ал* [Ашмарин, 1959, с. 99; Егоров, 1964, с. 329; Федоров, 1996, т. 2, с. 431; Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 192], где *ал* (< **äl*) – ‘перед, передняя часть / сторона’ [Clouston, 1972, р. 121; Севортян, 1974, с. 124–125; Хакимзянов, 1987, с. 66; Сравнительно-историческая грамматика..., 2001, с. 198–199] (см. также: [Tekin, 1987, s. 23]), или какой-то древний падежный аффикс *+Al* [Левитская, 1976, с. 28] (см. также: [Левитская, 2014, с. 216 прим. 498]). Ср. сочетание *ič el* в трактовке ‘внутренние племена’ [Zeki Velidi Togan, 1939, S. 262–263], но если брать именно чтение *ēl* [Севортян, 1974, с. 339–343], ожидалось бы что-то близкое к волж.-булг. *jel* [Erdal, 1993, S. 83, 89; Левитская, 2014, с. 83]. Если принять предложенное выше прочтение с учетом чув. *аш*, то при-

ходится иметь в виду следующее: переход /č/ > /š/, по некоторым данным, следует относить к периоду VII–X вв. [Ligeti, 1986, 53–54, 55. о.], но, как отмечала Л.С. Левитская, ожидалось бы /č/ > /š/, затем /š/ > /s/, вероятно, под влиянием гласных заднего ряда [Левитская, 1976, с. 120], а такой отмеченный процесс, как переход /i/ > /ä/, по мнению О. А. Мудрака, имеет достаточно поздний характер, начиная с XIV–XV вв. [Сравнительно-историческая грамматика..., 2002, с. 687, 705–706], при этом здесь следует учесть именно влияние последующего /š/ [Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 156–157, табл. 10, с. 191, 192]. В дунайско-булгарском встречен случай невыписывания инициального звука у однокоренного **чргов** < станд. (греч. шрифт) *ιτζιργου*, ср. др.-тюрк. *ičräki* [Бешевлиев, 1992, с. 63, 241] (см. также: [Menges, 1951, p. 96, 98; Pritsak, 1955, S. 75; Tekin, 1987, s. 45]).

kān: титул правителя. Как заметил И. Л. Кызласов, второй знак в данном случае должен считаться гласным [Кызласов, 2012, с. 234]. Узбекистанские авторы обосновали здесь чтение *kan*, с обозначением корневого гласного, как и на монетах второго типа, где гласный не обозначен [Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 18–20, 25–26, 36 / с. 83–85, 91–93, 103–104]. Несмотря на то что в памятниках древнетюркской рунической письменности корневой гласный в этом слове не выписывается, теперь известен случай, подтверждающий возможность и такого написания: этот термин в таком написании встречен в сочетании *j(a)yl(a)q(a)r*: *qan* в стк. 3 эпитафии уйгурского принца Кары Чор тигина (795 г.) [Alyilmaz, 2013, s. 20, 22, 31–32; Rybatzki, Wu, 2014, p. 118, 119 (fig. 6: line 3); Aydın, Ariz, 2014, s. 68].

Характерно отсутствие специального знака для употребления увулярного смычного, который бы здесь предполагался – ср. чув. *хон / хун* ‘хан’ [Егоров, 1964, с. 303–304; Федоров, 1996, т. 2, с. 357]. Это может быть объяснено, с одной стороны, заимствованным характером слова из языка общетюркского типа. Ср., однако, вероятно, дун.-булг. **kana* в грекографическом *kanε*, *kanva* и сложноставном *kaná svbny*, *kaná svbnyη*, *kaná svbnyηη*, *kanε svbvnyη* смешанном латинско-грекографическом *cane svbny*, а также латинографическое *cannataban* = *canna tarcan* [Moravcsik, 1983, S. 148–149, 330; Бешевлиев, 1992, с. 59, 60, 62, 72–74, 239; Tekin, 1987, s. 41–43; Golden, 1992, p. 249; Stepanov, 2001, p. 4–7; Şirin User, 2010, s. 607–608; Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 19 / с. 85]. Д. Немет отмечает как булгарское (?) заим-

ствование, встречающееся в венгерских хрониках – личное имя *keán* – в двух случаях употребления принадлежало вождям болгар (*resp.* болгар), один из которых, по преданию, правил после Аттилы, второй в 1003 г. был побежден Иштваном, и, возможно, с ним же связано имя знатного человека, современника Гезы, отца Иштвана (ср. трансильванская знатная фамилия *kán*; *kán* < *keán* < **kahan* < **qayan*: [Németh, 1991, 232–233. о.] (см.: [Kristó, 1993]). Материал венгерского языка позволяет считать, что переход увулярного /q/ > /χ/ в болгарских языках имел место в заключительный период венгерско-болгарских контактов (см., например: [Golden, 1980, p. 125]). Впрочем, есть косвенные данные об этом переходе увулярного раньше VIII в., в одном из древнеболгарских («оногурских») диалектов, — зафиксированное в грекографичном *χαρσίον* в значении *μαύρον νερόν* ‘black water’, т.е. < **χара šiu* [Róna-Tas, 1976, p. 184; Erdal, 2007, p. 91–92, 93]. Однако вопрос пока не ясен, поскольку достоверно процесс зафиксирован лишь для волжско-болгарских эпитафий [Левитская, 2014, с. 159–160]. Если все же принимать сопоставление с общетюркским *qān* (см. также: [Menges, 1951, p. 93, 98, 99–100]), наличие мнимого палатализованного согласного можно объяснить также тем фактом, что соответствующий знак обозначает слоговый элемент /ki/, таким образом, получается **kian* (о дифтонгизации долгих гласных см. ниже). Но в этом случае нужно учесть и двоякое написание слова: отсутствие графического обозначения гласного может свидетельствовать в пользу отсутствия долготы в корне.

Мы даем условную транскрипцию *kān*, учитывая и тот факт, что титул, известный из памятников древнетюркской рунической письменности как *qan*, не зафиксирован ни у болгар, ни у хазар.

urtāGi (~ *uār-tāGi*): глагол *ur-* с одним из значений ‘to put (something Acc., on something Dat. or Loc.)’ [Clauson, 1972, p. 194–195], чув. *вӑр-* [Егоров, 1964, с. 48–49; Федоров, 1996, т. 1, с. 107–108], переходный, с аффиксом имени действия *-dUk* ~ *-tUk*, соответствующим общетюркскому причастию совершенного действия *-dOk* ~ *-tOk* (тур. *-dIG* ~ *-tIG*), который часто соотносится с объектом действия, не предполагая указания на деятеля и, соответственно, наличия аффиксального показателя [Ашмарин, 1976, с. 62–63; Erdal, 1988, p. 229–233; Erdal, 1993, S. 78, 157; Erdal, 2004, p. 239–240, 294–296, 298, 319; Кормушин, 2008, с. 222–223, 224–226] (см. так-

же: [Кононов, 1980, с. 124–126; Сравнительно-историческая грамматика..., 1988, с. 461–464]). При этом болгарский вариант не подразумевает наличия /d/ и здесь мы предполагаем форму *-rUg*, но в соседстве с основой, оканчивающейся на *-r*, предполагается *-tUg* [Erdal, 1993, S. 77, 138]. Болгарские памятники показывают необходимость присоединения показателя лица деятеля, в данном случае явных показателей нет, потому можно предполагать 3 л. ед. ч.: *+i*, вероятно отраженное в начертании последнего знака – **gi*.

В уйгурском и кыргызском языках глагол *ur-* в сочетании с соответствующими словами используется в значении ‘ставить печать’, ‘ставить, накладывать клеймо, тавро, печать’, ‘выжигать тавро’ и т.д. [Кызласов, 1983, с. 89].

emāGi: ср. слово **en* (у сэра Дж. Клосопа ошибочно отмечен инициальный закрытый *lel*), обозначающее метку, надрез, делающиеся на ухе животного в знак собственности; она вычленяется в глаголе *enä-* у Махмұда ал-Қашғарӣ, а также в ряде других языков, и коррелирует с именными образованиями типа тур. диал. *enek-*, *enek-*, баш. *инэв-* ‘метка на ушах животных и на лапах птиц’; иногда его сопоставляют со словом **im*, известным в различных фонетических формах в ряде тюркских языков в значении ‘знак’, ‘пароль’, ‘намек’; см. у Махмұда ал-Қашғарӣ *im* в значении *al-amāra* ‘the password’ [Clauson, 1972, p. 155, 166, 171; Севортян, 1974, с. 277–278, 632–633; Сравнительно-историческая грамматика..., 2001, с. 329–330]. В настоящее время есть основания развести основы с широким и узким гласными, признав их гетерогенными [Starostin, Dybo, Mudrak, 2003, pt. I, p. 600, 619; pt. II, p. 1143]. Возможно также в одном из случаев речь идет о китайском заимствовании – ср. *инь* [yìn] 印 ‘печать’ [Осава, Сүзүки, Лхүндэв, 2011, 143-дугаар тал.]. В чувашском языке ни одна из этих форм не зафиксирована, и поэтому первая нами предполагается. Наличие согласного /m/, — который в данном случае, в односложной основе, может соответствовать общетюркскому /n/, но тут предполагался бы узкий гласный, однако есть исключения из этого правила [Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 44–48] (ср. также дун.-булг. **сань** ‘Würde’ и **самьчи** ‘Beamter, Verwalter’, *σαμῆς* id. [Pritsak, 1955, S. 72]; о чередовании *-n ~ -m* см. также: [Левитская, 2014, с. 219–221]), — дает основания предположить общетюркское соответствие именно в форме **en*. О. А. Мудрак пишет о древнем чувашском продуктив-

ном аффиксе *-Vq / *-Vk [Сравнительно-историческая грамматика..., 2002, с. 701–703; Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 49–52], что, вероятно, диминутив +AK (чув. +IK) [Левитская, 1976, с. 143; Erdal, 1991(1), s. 35; Erdal, 1991(2), vol. I, p. 40].

Заманчивое внешнее сопоставление с ср.-монг. *e'emek*, письм.-монг. *egetek* 'кольцо', 'серьга' должно быть отсеяно ввиду позднего происхождения стяженной формы (халх.-монг., бур., калм. *ēmeg*, ордос. *ēmek*, *ēmük* id.) < *eye- [Starostin, Dybo, Mudrak, 2003, pt. I, p. 494].

Есть основания видеть здесь термин, близкий к чув. *амак* – некое устаревшее слово, обозначавшее какую-то болезнь [Ашмарин, 1994, с. 197–199; Егоров, 1964, с. 25–26; Федоров, 1996, т. 1, с. 39–40], ср. др.-уйг. *ämgak* 'мучение, страдание'; общетюрк. *ämgak*, *ämäk* id. < *ämgä*- 'мучить(ся)' [Севортян, 1972, с. 272–274; Сравнительно-историческая грамматика..., 2002, с. 698]. Однако трудно было бы объяснить его наличие здесь с точки зрения семантики.

täGräm: ср. др.-тюрк. *täñri*, чув. *тырă* 'Бог' [Егоров, 1964, с. 259; Федоров, 1996, т. 1, с. 252–253]: *tură* < **tauri* < **tewri* < *tegrī* [Ryna-Tas, 1976, p. 182], либо *tură* < **tañri* < **tañri* [Erdal, 1988, p. 230–231; Erdal, 1993, S. 120; Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 160]; дун.-булг. *Таһһра* [Menges, 1951, p. 110–112; Бешевлиев, 1992, с. 59, 132; Tekin, 1987, s. 60]. В данном случае слово написано с личным притяжательным аффиксом 1 л. ед. ч. +(X)m. Эта притяжательная форма в древнеуйгурских буддийских документах использовалась как составная часть личного имени принцесс [Clauson, 1972, p. 524]. Рядность здесь обозначена условно.

köçrâGi (~ *kâwâç-râGi*): ср. чув. *күç- / коç-* 'передвигаться, переселяться; переходить с места на место; переместиться' [Егоров, 1964, с. 120; Федоров, 1996, т. 1, с. 315], волж.-булг. *köeç-* 'umziehen, reisen' [Róna-Tas, 1976, p. 179; Erdal, 1993, S. 55, 61, 86], др.-тюрк. *köç-* «'to change one's abode, migrate'; with some extended meanings like 'to be nomadic', and metaph. 'to die' (i.e. migrate from this world to the next)» [Clauson, 1972, p. 694]; с показателем имени действия *-rUg* [Erdal, 1993, S. 77, 138] (см. выше), что с учетом его полифункционального значения древних языках, среди которых безотносительное определяемое отглагольное имя, дает здесь субстантиват с семантикой объекта или результата действия [Кормушин, 2008, с. 222]. Это предполагает буквальный перевод 'то, что пришло', в определенных контекстах могущее давать значения –

что-то вроде ‘новосел’, ‘новопереселенец’ и т.п., но также и ‘пришествие’, ‘переселение’ и т. п.

Специфическое обозначение инициального звука лигатурой может трактоваться по-разному: (1) обычное явление, если мы имеем дело со слоговым письмом; (2) для указания на палатальный вокализм всего слова, либо (3) предполагается указание на долготу корневого гласного – ср.: волж.-булг. *köväč- < пратюрк. *kōč-, однако наличие долготы трудно обосновать на материале других тюркских языков (см.: [Севортян, 1980, с. 90; Erdal, 1993, S. 72]), и в этом случае для второго знака можно предполагать значение восходящего дифтонга /*uə*/ > */wǎ/.

iat: ср. чув. *yam* [yām] ‘имя’, ‘название’ [Егоров, 1964, с. 354; Федоров, 1996, т. 2, с. 505] (см.: [Ligeti, 1986, 41–42. о.]), – вместо ожидаемого **jut* / **ut* (см.: [Левитская, 2014, с. 52]), – общетюрк. *āt* id. [Clauson, 1972, p. 32–33; Севортян, 1974, с. 198–199]. В орхонских и, видимо, енисейских памятниках слово *at* употребляется без аффиксальных показателей преимущественно в тех случаях, когда выступает как дополнение, обозначая титул в самом общем смысле, например, часто во фразе *at birtim* [Şirin User, 2009, s. 294] (см. также: [Кормушин, 2008, с. 56]).

la: возможно предположить и +*la* как аффикс совместного падежа (комитатив) [Erdal, 1993, S. 97–98; Левитская, 1976, с. 29, 114–115; Сравнительно-историческая грамматика..., 2002, с. 666], но тогда надо объяснить, почему он отделен словоразделителем; поэтому, более вероятно, что здесь указательная частица [Левитская, 1976, с. 33].

śālānu (~ *śālān-āw*): ср. чув. *çulām* / *çolām* ‘пламя’, венг. *gyú* + *jt* ‘зажигать’ [Егоров, 1964, с. 217; Федоров, 1996, т. 2, с. 133–134], что предполагает здесь инициальный /*ʒ*/ < */δ/; < *jal-* ‘вспыхивать, воспламеняться’, реже в переходных значениях – ‘выжигать, прижигать, припекать’ [Севортян, Левитская, 1989, с. 106–107; Erdal, 1991(2), vol. I, p. 302, 310; Сравнительно-историческая грамматика..., 2001, с. 356, 363], в данном случае – с уже вторичным образованием: булг. /*ʒ*/ < /*ʒ*/ < пратюрк. /*j*/ [Дыбо, 2007, с. 32]; о чув. -*Xn* см.: [Левитская, 1976, с. 92], здесь – с ненапряженным о-образным последним гласным [Сравнительно-историческая грамматика..., 2002, с. 683].

Если предполагаемое нами слово верно (в пользу чего совершенно никаких доказательств), то здесь есть некоторая проблема. Как будет показано ниже, в других надписях есть вероятность интерпретировать инициальный знак предполагаемого нами здесь слова именно как глухой вариант, здесь же иное фонемное значение предлагается лишь потому, что значение /č/ «закреплено» за другим знаком (см. ниже). Однако нет никаких данных о наличии глухого варианта, развившегося из пратюркского /j/ в анлауте. Известно также, что, например, в волжско-булгарском графически не различались глухая и звонкая аффриката [*Róna-Tas*, 1976, p. 158; *Erdal*, 1993, S. 121]. Однако только в чувашском зафиксировано оглушение и спирантизация аффрикаты /š/ < /ž/ [*Róna-Tas*, 1976, p. 184]. Вероятно, и в данном случае речь может идти о какой-то довольно ранней диалектной особенности с этим явлением [*Левитская*, 2014, с. 143, 199–202], отразившейся, например, на башкирском материале – в случаях, когда вместо ожидаемого /j/ в анлауте встречается /s/ или /š/ [*Валиева*, 2015, с. 572; *Валиева*, 2016, с. 12–13], при этом башкирский инициальный /s/ должен восходить к /č/ [*Róna-Tas*, 1976, p. 165; *Левитская*, 2014, с. 39]. Последнее соответствие на диалектном уровне мы встречаем также в татарском языке [*Хисамова*, 2012, с. 103–104]. Известный нам пример: название р. Черимшан – у Ибн Фадлāна جرمنس* * [čarimsan], в волжско-булгарской надписи 1307 г. جرمنس [čarimsan], у Шарафутдīна ибн Хисāмутдīна ал-Булгāрī в «Тавārīх-и Булгāрийā» есть جرمشان [čarimšān] и sarmasān, последнее из которых коррелирует с совр. баш. särmäsän [*Róna-Tas*, 1976, p. 164–166]. Вероятно, этот же процесс фиксируется в дунайско-булгарском языке: ср., прежде всего, дун.-булг. сарактов (или сарактоç) ‘взоръжена войска’, ‘бойни сили’ и общетюрк. jaraq ‘взоръжение’ [*Бешевлиев*, 1992, с. 61, 63, 189], при гомогенном чув. сурат- ‘рожать’ [*Севортян*, 1980, с. 139] (см. также: [*Menges*, 1951, p. 109, 118; *Pritsak*, 1955, S. 19, 44, 55; *Tekin*, 1987, s. 19, 61–62; *Левитская*, 2014, с. 25]).

Облик ауслаута также находит объяснение. По крайней мере, в волжско-булгарском языке уже к X в. фиксируется развитие -ig# > -ü(w)# [*Erdal*, 1993, S. 118] (ср.: [*Róna-Tas*, 1976, p. 183]), в том числе можно предполагать показатель аккумулятива +XG > +U [*Erdal*, 1993, S. 97] (см. также: [*Erdal*, 1988, p. 229]); этот же процесс, судя по всему, мы находим в дунайско-булгарском [*Pritsak*, 1955, S. 73;

Tekin, 1987, s. 17] и, возможно, в кубанско-булгарском [*Golden*, 2005, p. 216–217], т.е. он имел место в уже довольно ранний период (см., однако: [Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 118; *Дыбо*, 2007, с. 34, 37–38]).

anâG: возможно предположить абстрактное образование от пратюрк. **en-* < **in-* ‘рожать’, ‘зачать’ [*Севортян*, 1974, с. 359–360], + *-(X)G* – аффикс, образующий абстрактные именные формы от глагольных основ, как от непереходных, так и переходных, при этом в последнем случае преимущественно выступая в функции субъекта действия [*Левитская*, 1976, с. 154–155; *Erdal*, 1991(2), vol. I, p. 172–223]. Учитывая отмеченный выше процесс лабиализации конечного звонкого смычного *-G#*, приходится предполагать здесь именно глухой вариант аффикса **-(X)k*.

Заманчиво увидеть здесь и производное от основы **in-a-*, родственную общетюрк. *inan* / *inan* ‘вера, доверие’, *inan-* / *inan-* ‘верить, доверять’, при чув. *ёнен-* ‘верить, поверить, веровать’ [*Егоров*, 1964, с. 64; *Федоров*, 1996, т. 1, с. 152; *Севортян*, 1974, с. 655–656; Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 190]. Ср., др.-уйг. (маних., брахми) *inaγ* ‘a trustworthy person, the object of trust’, *inaq* в *’n’qsyz* ~ *’n’qsz* (XIII–XIV вв.) ‘ohne Zuflucht’, которого нет в средне-тюркском (караханидско-уйгурском), поэтому не исключено обратное монгольское заимствование – ср. ср.-монг. *inaq* ‘Favorit, Günstling’ [*Clauson*, 1972, p. 182; *Erdal*, 1991(2), vol. I, p. 188, 331; *Rybatzki*, 2006, S. 133–134]. Сэр Дж. Клосон отмечает исходную форму **inā-*, Ф. Рыбацки – **ina-* ~ **yina-*. Сэром Дж. Клосоном указывается, что глагол *inan-* (*inān-*) управляет дательным падежом [*Clauson*, 1972, p. 182, 184, 188]. Материалы чувашского языка, где совпали показатели датива и аккузатива [Сравнительно-историческая грамматика..., 2002, с. 707], для каких-либо заключений привлечь не представляется возможным.

âjät: возможно, **âjät-m* – ср. чув. *ийе* / *ййа* ‘название духа; злой дух; духи в бане; домовый’ [*Егоров*, 1964, с. 67; *Федоров*, 1996, т. 1, с. 161–162], < **ege* ‘хозяин’, что напоминает заимствование из языков общетюркского типа (кыпчакизм?) [*Севортян*, 1974, с. 237–241; Сравнительно-историческая грамматика..., 2001, с. 324–325; Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 21, 535, 576, 577], ср.: др.-тюрк. *edi*, др.-уйг. *edi*, *egä*, *ejä*, ср.-тюрк. *edi*, *edī*, *ejä*, *ijä*, волж.-булг. *idī*, и др. – “properly ‘master, owner’, but in Moslem texts

often ‘the Lord’ (God)” [Clauson, 1972, p. 41; Rybatzki, 2006, S. 283]; +
 -(X)m – аффикс принадлежности 1 л. ед. ч.

Вероятен другой вариант – ср. др.-тюрк. (уйг.) *ij-* ‘следовать’ [Древнетюркский словарь, 1969, с. 205]; ср. также *ij-* ‘посылать’, ‘отправлять’, ‘направлять’ [Севортян, 1974, с. 332–333], где сравниваются формы с соответствием $d \sim z \sim j$, нёбные и ненёбные, при этом формы с *-j-* отмечаются как более поздние, но уже существовавшие к XI в. [Севортян, 1974, с. 323]; ср. др.-тюрк. *id-* *id-* [Clauson, 1972, p. 37–38; Erdal, 2004, p. 257], *ed-* *id-* [Yavuzarslan, 2010, s. 163–165]. Отмеченное чередование – относительно позднее явление, нехарактерное для памятников древнетюркской рунической письменности азиатского ареала. Судя по имеющимся реконструкциям, восстанавливается древнейшая форма **id-* со значением ‘посылать’/‘отправлять’, ‘отпускать’, отразившаяся в орхонских памятниках [Севортян, 1974, с. 332–333; Щербак, 1970, с. 194; Сравнительно-историческая грамматика..., 1984, с. 93] (см. иначе: [Кононов, 1980, с. 71, прим. 26]), при этом, по другому мнению, согласный имеет вторичный характер, восходя к архетипу **j-* [Сравнительно-историческая грамматика..., 1984, с. 296, 297]; ср. чув. *яр-* [йар-] ‘пустить, допустить, отпустить, впустить, выпустить, пустить в ход; класть и др.’; ‘распустить’ [Егоров, 1964, с. 354; Федоров, 1996, т. 2, с. 503; Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 33] (с аффиксом понудительного залога *-Ar-*). Форма с нёбным гласным характерна для ранних турфанских древнеуйгурских текстов [Clauson, 1972, p. 274; Erdal, 2004, p. 334, note 538], где встречается в значении ‘следовать’, ‘преодолевать’, а в целом присуща ряду кыпчакских языков при коман. *ī-*, и, видимо, речь идет о смешении с другой основой — *ij-* < *ej-* ($\sim eg-$ $\sim ez-$ $\sim *ed-$) ‘следовать’ [Севортян, 1974, с. 242–245] > (вторичное заимствование) чув. *ер-* [йер-] ‘увязаться, привязаться, присоединяться; сопровождать; принимать участие’ [Егоров, 1964, с. 61–62; Федоров, 1996, т. 1, с. 143–144], ср., однако: < *ajer-* (*jaT-* < **ijT-* \sim **ajT-* < **#ejT-*; *j-V-* < **aj-V-* < **ij-V-* < **ej-V-*) [Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 34, 202]. Читаемое слово характеризуется наличием показателя имени действия *-(X)m* со значением абстрактным, процесса, результата, признака или объекта действия, меры [Левитская, 1976, с. 157–158].

çesar: ср. чув. *чён-* ‘звать, приглашать, кликать, говорить, отвечать’, общетюрк. *tę-* / *dę-* ‘сказать, называть’ [Федоров, 1996, т. 2,

с. 412], с палатализацией **d* > *č*- (*č*-?) перед /*l*/ [Сравнительно-историческая грамматика..., 2002, с. 58–59; Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 192], что для чувашского языка должно было иметь место после VIII в. [Сравнительно-историческая грамматика..., 2002, с. 703] (ср. также: [Erdal, 2007, р. 92]), но чаще датируется периодом после XIV в. [Левитская, 2014, с. 182–183]. Достоверно такая палатализация в тюркских языках фиксируется в заиксированной форме слова *tegin* > *čegin*, которая встречается в другом документе с горы Муг (В 8) в личном имени пенджикентского правителя *Čegin Čor Bilgä* (правил не позднее 693 г.) в форме *čk'yn cwr buđk'* [Лурье, 2005; Lurje, 2010, р. 161]. Специалистами давно отмечается любопытная деталь, что в древнетюркских памятниках (орхонских, енисейских, древнеуйгурских) глагол *te-* ‘говорить, сказать’ не употребляется без связи с прямой речью или мыслью (‘говорить / сказать относительно / о...’), которую слово обычно замыкает или ей предшествует [Clouston, 1972, р. 433–434; Севортян, 1980, с. 223].

Наличествует аффикс *-sA(r)* – в волжско-булгарском показатель герундия, своеобразного имени действия [Erdal, 1993, S. 71–75]. В других тюркоязычных памятниках аффикс *-sAr* является показателем условного деепричастия или инфинитива сопровождения, сопроводительного деепричастия, будучи эквивалентным др.-тюрк. *-(X)p* (уже в некоторых древнеуйгурских буддийских памятниках появляется форма *-sA*, но закрепляется она только с периода карахандско-уйгурского языка) [Erdal, 2004, р. 112, 309, 320–321, 480–483, 494–504] (см. также: [Róna-Tas, 1985, 243. о.]). Однако допустимо предполагать употребление показателя *-sA* со значением будущего времени и иногда прошедшего категорического (в том числе в чувашских диалектах) в функции самостоятельного сказуемого [Левитская, 1976, с. 70, 103; Сравнительно-историческая грамматика..., 1988, с. 435]. Очевидно, речь идет об омонимах. Отсутствие других глагольных конструкций дает возможность допустить здесь причастие на *-sAr* со значением возможности долженствования и т.д. [Сравнительно-историческая грамматика..., 1988, с. 468].

Сочетание с предыдущим словом подразумевает глагольное управление. В этом случае предполагается нахождение прямого объекта действия в винительном падеже. Однако явление, когда прямое дополнение находится в именительном падеже (его в дополнениях иногда считают неоформленным винительным), широко известно, по крайней мере, в памятниках древнетюркской рунической письменности.

сти [Аманжолов, 2012, с. 45–46; Кононов, 1980, с. 150–151; Erdal, 2004, р. 361–364], а также характерно для языка волжско-булгарских эпитафий [Erdal, 1993, S. 97] и чувашского языка [Ашмарин, 1976, с. 28–29].

(ə)bu: др.-чув. *ε-bU 'я' [Левитская, 1976, с. 29–30; Сравнительно-историческая грамматика..., 2002, с. 708–709, 711]. Важно отметить, что в памятниках древнетюркской письменности VIII–X вв. аффикс *-sAr* используется в сочетании с местоимениями, добавляющимися к нему для обозначения лица субъекта, производящего действия [Korkmaz, 1965, s. 46–47; Erdal, 2004, р. 320–321, 448–449]. Даже в языках болгарской группы, где он употреблялся в ином значении, подобное явление в синхронный период существовало. Данное обстоятельство позволяет предполагать использование формы местоимения в качестве показателя лица, выполняющего действия [Левитская, 1976, с. 57; Сравнительно-историческая грамматика..., 1988, с. 393–394; Сравнительно-историческая грамматика..., 2002, с. 711; Кормушин, 2008, с. 207–209].

Надпись на монетах типа В

Транслитерация:

(аверс, по радиусу) *kGIŠA. ČAl. kn². Wr¹t¹GI. Aj²M. kn² bWls²n²*

Транскрипция (фонематическая):

(аверс, по радиусу) (ə)KGI(i)še. (ə)čel. K(a)n². u[ə?]r¹t¹(ə)GI. Aj²əm.
K(a)n bols²ən²

Транскрипция (фонетическая):

(аверс, по радиусу) *əkGi-šâ. âč-əl. kân. ur-tâGⁱ (~ uâr-tâGⁱ). âj-əm.
kân bol-s²ən*

Перевод:

(аверс, по радиусу) 'двоих внутренних сторон кана выбитый месяц мой; да будет кан!'

Комментарий

âjəm: ср. чув. *уйăх / ойăх*, волж.-булг. *айх* ايج, общетюрк. *âj* ~ *aj* 'луна, месяц', при туркм. *âj*, но як. *ij* [Егоров, 1964, с. 270; Севортьян, 1974, с. 99; Левитская, 1976, с. 143; Левитская, 2014, с. 23, 79; Федоров, 1996, т. 2, с. 271; Erdal, 1993, S. 89–90; Сравнительно-историческая грамматика..., 2001, с. 55, 76–77; Сравнительно-исто-

рическая грамматика..., 2002, с. 673, 702], с аффиксом принадлежности 1 л. ед. ч. +(X)m.

bolsən: повелительное наклонение третьего лица; в древнетюркских памятниках отмечается формант *-zUn ~ -čUn* (после *lt*, *ll*), возможно, судя фиксирующейся форме *-žUn*, имевший звук типа [ž] или [j], в караханидских памятниках *-sUn* [Erdal, 2004, р. 84, 121, 235; Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 35–36]; форма *bolsun* известна в одном из диалектов волжско-булгарских памятников [Хакимзянов, 1987, с. 69, 70]. А. Рона-Таш читает эту форму в Сарвашской надписи [Róna-Tas, 1985, 241, 243. о.]. Предполагается, что в основе аффикса лежит формант **-sI* – аффикс желательного наклонения + *-Xn* – показатель причастия с пассивным оттенком [Сравнительно-историческая грамматика..., 1988, с. 346]. Для волжско-булгарского языка в целом характерна форма *-tUr* [Erdal, 1993, S. 64–66] > чув. *-tär*; последняя считается вторичной: *-tǎ / -čǎ < -tI / -sI* + аффикс причастия *-r* [Левитская, 1976, с. 58, 75–76; Сравнительно-историческая грамматика..., 1988, с. 346–347]. Ср., однако, чув. опатив *-сан* [Гаджиева, Серебренников, 1986, с. 162]. Ср., вероятно, чув. *-ž- / -š-* (орфогр. *-č-*) < пратюрк. *-č-* в результате палатализации (VIII–IX вв.) [Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 25, 60–62, 202].

Трудно объяснить, о какой «луне» или «месяце» может идти речь, если только, например, не выдвинуть предположение, что подразумевается тамга, которую большинство исследователей видит в начертании первого знака (верхнего, если ориентироваться на расположение арабской надписи), начинающего радиальные надписи на аверсе монет обоих типов, и допустить, что подразумевается не буквальное значение слова – ср. як. *ый / ij* ‘металлическое изображение луны на одежде шамана’, кырг. *айчык* ‘узор в виде полумесяца’, каз. *айшық* ‘узор, украшение в виде полумесяца или кольца’, ккалп. *айшық* ‘женское нагрудное украшение в виде полумесяца’ [Севортян, 1974, с. 99] (см. также: [Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 337–338]).

Несмотря на интересные попытки Г. Б. Бабаярова и А. В. Кубатина найти аналогии для этой тамги в материале золотоордынской эпохи [Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 43–46 / с. 112–115], вполне убедительным кажется сопоставить ее с соответствующим знаком, имевшим бытование в среде волжских булгар [Кокорина, 1989]. В этом

случае характерная болгарская тамга выбита на монетах типа А и типа В соответственно в разных положениях – перевернутой на 180° [Кызласов, 2012, с. 242–243, рис. 1–6], но именно во втором случае это, скорее всего, сделано верно [Кызласов, 2012, с. 233]. Таким образом, *дирхамы* типа В, если рассматривать эти монеты во взаимосвязи, должны считаться эталонными (ср.: [Кызласов, 2012, с. 238]).

4

Для некоторых заключений историко-культурного характера очень важно обратиться к арабоязычным легендам на монетах типа В. Здесь мы имеем дело с отдельными фразами, которые могут оказать помощь в интерпретации надписей, выполненных руноподобным письмом.

Аверс, в центре – /четыре строки/:

Текст: /1/ لا اله الا الله [lā 'ilahi 'illā] /2/ الله وحده [ʾllahu waḥdat] /3/ لا شريك له [lā šarīku lah] /4/ المشرق [ʾl-mašrīq]

Перевод: /1/ Нет бога, кроме /2/ Аллаха, един Он, /3/ нет у Него сотоварища. /4/ Машрик’.

Комментарий

Никакого «Хосрова» (الهسرو * [ʾl-hsrw]), вопреки Г. Б. Бабаярову и А. В. Кубатину [Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 37–38 / с. 105–106], там нет. Обозначение *ал-маширīк* ‘восток’ (видимо, восточные провинции Халифата) типично для монет с титулом *з̣в̣-’р-р̣ий̣āсат̣айн*, печатавшихся в Самарканде в период 199–204 г. х. / 814/815–819/820 г. н.э. [Lowick, 1999, p. 290–293; Кулешов, Еремеев, 2015, с. 608] (см. ниже).

Реверс, по радиусу:

Текст: محمد رسول الله ارسله بالهدى ودين الحق ليظهره على الدين كله ولو كره المشركون [Muḥammad rasūl ʾāllah ʾal-salahu bi-l-hudā wa dīn ʾal-ḥaq liyuzhirahu ʾalā ʾal-dīn kulih walaw karihu ʾal-mušrikūn]

Перевод: ‘Мухаммад – посланник Аллаха, который послал его с прямым путем и религией истины, чтобы проявить ее выше всякой религии, хотя бы и ненавидели это многобожники’⁵.

⁵ Здесь и далее – перевод смыслов Э. Р. Кулиева.

Комментарий

Соответствующая сура из Корана (Қур’ән, 9 : 33) [Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 38 / с. 106–107].

Реверс, в центре – /четыре строки/:

Текст: /1/ الله [’āllah] /2/ محمد [muḥammad] /3/ رسول الله [rasūl ’llah] /4/ زوالرياستين [zū-’l-riyāsatayn]

Перевод: /1/ Аллах. /2/ Мухаммад – /3/ посланник Аллаха. /4/ Владелец двух правлений’.

Комментарий

Обозначенный титул *zū-’p-rīyāsatayn* ‘владелец двух правлений’ с 196 г. х. / 811–812 г. н.э. носил *везир* халифа Ма’мūна (813–833) ал-Фадл б. Сахл, он печатался на *динарах* и *дирхамах* с этого года и даже после смерти этого деятеля в 202 г. х. / 817–818 г. н.э., вплоть до 196 г. х. / 820–821 г. н.э. [Быков, 1974, с. 35, 66, табл. 2; Кызласов, 2012, с. 228].

В связи с интерпретацией интересен вопрос о функциональном предназначении этих монет. В Восточно-тюркском каганате, например, использование монет, поступавших преимущественно из Китая в единичных экземплярах, имело, судя по немногочисленному материалу, сакральное значение. В Кыркызском каганате использование монет в торговле гипотетично из-за недостаточного количества находок, как и в Западно-тюркском и Тюргешском каганатах, хотя там уверенно можно говорить о собственном чекане, связанном с подвластными оседло-земледельческими территориями [Кляшторный, 2006, с. 115–119; Кызласов, 1983; Кызласов, 1994, с. 200–201; Lin Ying, 2003; Lin Ying, 2006; Babayar, 2007]. Так же недостаточно данных и для заключений об использовании монет в торговой сфере у хазар и болгар, даже при наличии собственного чекана у тех и других [Kovalev, 2004; Kovalev, 2005; Kovalev, 2016]. В частности, касательно волжских болгар К. А. Руденко отмечает следующее: «Начало чеканки болгарской серебряной монеты относится к первому десятилетию X в., а эмиссии болгарских монет осуществлялись на протяжении всего X в., особенно активно во 2–3-й четверти X в., причем большая часть их вывозилась за пределы болгарской области. Вряд ли эти монеты выступали в ка-

честве денежного эквивалента в торговых операциях – слишком невелик размер эмиссии. Чеканка болгарской монеты – это своего рода политическая декларация, практически не сказывавшаяся на реальном суверенитете болгарской области Хазарии. Более того, это не результат экономической потребности болгарского общества, поскольку в поздних языческих захоронениях некрополей Волжской Булгарии первой половины X в. монеты болгарской чеканки не встречены, хотя в могильниках соседей болгар – поволжских финнов, например, марийцев, они, как и подражания им, встречаются часто и в немалых количествах» [Руденко, 2015, с. 179, 183].

Таким образом, если, соглашаясь с И. Л. Кызласовым, исходить из болгарской (конкретнее – волжско-болгарской) атрибуции интересующих нас монет, их можно рассматривать как одни из первых образцов документов, подтверждающих политический суверенитет волжско-болгарского правителя (ср.: [Кызласов, 2012, с. 238]). Их правомерно отнести к периоду не ранее второй половины X в., в том числе по аналогии с другими монетами волжских болгар, являвшимися преимущественно имитациями саманидских *дирхамов* [Kovalev, 2016]. Вместе с тем, здесь, конечно, требуется оценка компетентного нумизмата, который смог бы что-то сказать об особенностях арабских надписей на рассматриваемых *дирхамах* – характеристиках почерка, модуля, дукта. Интерес вызывает и тот факт, что в данном случае мы имеем дело не с саманидскими, а аббасидскими прототипами, что, в свою очередь, характерно для хазар начиная с середины IX в. [Kovalev, 2004; Kovalev, 2005; Kovalev, 2016, p. 203–204].

Интересен тот факт, что читаемое нами сочетание из радиальной фразы на аверсе *дирхамов* обоих типов *ḡkGi-šā. āč-āl. kān* формально соотносится с арабским *zū-'p-rīyīācamāyīn* 'владелец двух правлений' на центральной надписи реверса *дирхамов* типа В. Однако, возможно, здесь скрывается иной смысл и под «двумя внутренними сторонами» подразумеваются две территориальных единицы волжско-болгарского объединения, характеризовавшиеся в 50–70-е гг. X в., – Булḡār и Сувār [Руденко, 2015, с. 168, 169, 181, 183, 185; Kovalev, 2016, p. 203, 204].

С мусульманской тематикой могут быть соотнесены надписи на реверсе монет типа А. Так, сочетание слов в центральной надписи *šāln-u (~ šāln-āw). an-āG*. 'пламя создавший' может быть каким-то

эпитетом, особенно если мы принимаем интерпретацию *âjâ-m* как ‘господин мой’. Ср.: «Среди них есть такие, которые уверовали в него (Мухаммада), и такие, которые отвернулись от него. Довольно того пламени (سعير [sa‘îr]), которое в Геенне!» (Қур’ән, 4 : 55); «Воистину, Аллах проклял неверующих и уготовил для них Пламя (سعير [sa‘îr])» (Қур’ән, 9 : 33); «А тех, кто ослушается Аллаха и Его Посланника и преступает Его ограничения, Он ввергнет в Огонь (نار [nâr]), в котором они пребудут вечно. Им уготованы унижительные мучения» (Қур’ән, 4 : 14); «Горе всякому хулителю и обидчику, который копит состояние и пересчитывает его, думая, что богатство увековечит его. Но нет! Его непременно ввергнут в Огонь сокрушающий (الخطمه [‘l-Huṭamah]). Откуда ты мог знать, что такое Огонь сокрушающий? Это – разожженный Огонь (نار [nâr]) Аллаха, который вздымается над сердцами. Воистину, он сомкнется над ними высокими столбами» (Қур’ән, 104 : 1–9). Возможно также, что здесь какая-то метафора с положительной коннотацией. Впрочем, чтение этого места в надписях наиболее сомнительно.

Непосредственно с этой строкой и соответственно также с мусульманской культурой может иметь связь радиальная надпись реверса монет типа А. Под «тем, что пришло», связанное Тэ(н)гри (= Гóсподом), – то есть от него (или ему принадлежащее, его характеризующее) пришедшим, – именем / названием, может подразумеваться вся фраза центральной надписи, относящаяся к текстеме «господин мой» (*âjâ-m*), либо при другом чтении центральной надписи – то «(нис)послание» (*âjâ-m*), что упомянуто там, либо слово *кан* на аверсе. В первом случае здесь может подразумеваться указание на эпитет наименования самого верховного божества (Тэ(н)гри), о котором говорится в радиальной надписи и который отражен в надписи по центру. Во втором случае в радиальной надписи может содержаться намек на обладание лица, чеканившего монету, неким ниспосланием Свыше (связанным с принятием ислама?). В третьем случае – указание на наделение лица, чеканившего монету (*кана?*) Свыше именем / титулом с какими-то благодатными свойствами – ср. эпитеты в титулатуре дунайско-булгарских правителей *ὁ ἐκ θεοῦ ἄρχων*, и тюркских каганов – *tänridä bolmîš... qaγan* или *tänri jaratmîš... qaγan* [Бешевлиев, 1992, с. 79]. Первый вариант, как кажется, выглядит более обоснованно с точки зрения синтаксиса, и более оправдан с точки зрения логики – в частности, если рассматривать

его как указание на обретение после принятия ислама правителем, чеканившим монеты, верховным божеством (Тэ(н)гри) нового наименования (например, эпитета المحرق [*l-muḥarriq*], букв. 'сжигающий'). Однако этот вариант имеет сложности в объяснении фонетического облика предполагаемого слова **âjə-m*, вокруг которого строится вся интерпретация.

Так или иначе, все предлагаемые варианты согласуются с высказанной выше гипотезой о функциональном предназначении монет. В целом же, общая недостаточность данных и абсолютная гипотетичность прочтений, переводов и интерпретаций оставляют широкое пространство для самых различных предположений, сопоставлений и просто фантазий.

5

Состав знаков. Главный вопрос, который должен интересовать любого члена научного сообщества, которому предлагается прочтение оставшихся нерасшифрованными ранее памятников – это вопрос о «ключе»: каким образом были подобраны фонемные значения тех или иных знаков? Разумеется, если мы предполагаем тюркоязычие данных текстов, мы будем ориентироваться на известные памятники древнетюркского рунического письма. Однако полное отождествление с формами знаков этих текстов путем подбора видимых или мнимых аналогий, как правило, не приводит к положительным результатам.

Поэтому определенное значение, на мой взгляд, имеет вторая глава книги Г. Б. Бабаярова и А. В. Кубатина, посвященная обоснованию палеографических сближений авторов [*Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 40–68 / с. 108–141*]. Эрудиция авторов, привлечших как исторические, так и филологические аргументы для своего прочтения, не вызывает сомнений. Авторы хорошо знают основную литературу и, произведя очень интересные наблюдения, выдвигают оригинальные отождествления. Понятно, что все построения, основанные на мнимых сходствах форм знаков, могут показаться умозрительными. Как уже отмечалось, все подобные построения находятся целиком «в зависимости от целеполагания, эрудиции и фантазии исследователя» [*Тишин, Флёров, 2016, с. 294*]. Тем более, авторы озвучивают свою позицию, согласно которой «кубанское

письмо имеет не местное происхождение» [Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 43 / с. 111–112].

Мне также импонирует идея о том, что системы древнетюркской (если точно известно о тюркоязычности определенных памятников) рунической письменности непременно должны находиться в генетической связи друг с другом, восходя к какому-то первичному прототипу [Тишин, Серегин, 2017, с. 190]. Но, к сожалению, мы пока не можем сказать ничего определенного по поводу того, каким именно образом были связаны даже, например, известные локальные системы письма древних тюрков (Монголия, Алтай, Тува и Хакасско-Минусинская котловина, Таласская долина, Семиречье). Начать с того, что мы не знаем, как и, главное, зачем (в кочевнической среде!) возникло древнетюркское руническое письмо вообще. Поэтому вопросы типа «кто на кого повлиял?» и «кто у кого и что заимствовал?», не говоря уже о том, «как?» и «когда?», являются дискуссионными⁶.

Ниже приводятся взятые мною за эталон несколько знаков памятников орхоно-енисейского круга, учитываются также отождествления и комментарии предшественников, в частности Г. Б. Бабаярова и А. В. Кубатина, обобщивших значительный материал.

𐰃 *la*, *le* (~ */ä/ ~ */e/): широкий неогубленный гласный [Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 49–51 / с. 118–120], ср. спорадически встречающийся в грекографичных дунайско-булгарских надписях знак Σ , обозначающий *le* [Бешевлиев, 1992, с. 135]. Возможно, в наших

⁶ Я не разделяю гипотезу, в разной степени поддерживаемую И. В. Кормушиным и И. Л. Кызласовым, согласно которой наличие в древнетюркских рунических памятниках различных ареалов определенного числа аллографов, имеющих одинаковое фонемное значение, опосредовано эволюционным характером трансформации начертания форм знаков. Я полностью согласен с Д. Д. Васильевым, писавшим, что в пользу всех этих построений свидетельствуют такие факторы, как «неровная фактура каменной поверхности большинства памятников, любительский, а не профессиональный характер многих надписей и, наконец, то обстоятельство, что орхонские памятники (рассматриваемые как основной графический критерий) были выполнены резчиками-иностранцами. Специально приглашенными для такой работы, а следовательно, мало знакомыми с «местной. – Авт.» письменной традицией». Действительно, метод сопоставлений графем по деталям в этом случае не учитывает «многочисленные срывы руки, случайность инструмента, иногда совершенно необработанную поверхность» [Васильев, 1983, с. 19–20], не говоря уже об индивидуальных особенностях писца [Tryjarski, 1997, p. 373].

надписях он означает также узкие аллофоны – например, в ауслауте (условно обозначаем эти случаи циркумфлексом). Характерно, что последние в иных позициях, судя по всему, не отражаются на письме. В тех же случаях, где подразумевается общетюркское соответствие /e/ ~ /i/ и обозначение через закрытый /e/, никакой знак не выписывается. В связи с этим интересно чередование /e/ ~ /i/ в дунайско-булгарских текстах [Pritsak, 1955, S. 72; Бешевлиев, 1992, с. 61, 250–251], а также явление отпадения начального *i*- [Бешевлиев, 1992, с. 63]. Нельзя также с уверенностью утверждать, существовал ли также здесь узкий неогубленный задний /п/ или нет [Pritsak, 1980, р. 89].

7 /ol, /ul, /öl, /ül (уә- ~ V-wә- ~ C-әw(-)?): огубленный гласный любого качества (ср.: [Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 55–57 / с. 124–127]). При такой интерпретации допустимо предположение, что здесь отсутствовало графическое различие не только между гласными верхнего подъема и среднего подъема, но и между гласными заднего и переднего ряда. Это характерно для дунайско-булгарских надписей греческим письмом [Бешевлиев, 1992, с. 61]. Возможно также, что на месте долгих гласных здесь может быть полугласный /ɯ/, подразумевающий слоговое сочетание с невыписанным гласным. Не подобного ли типа знак встречен в грекографичных дунайско-булгарских надписях для обозначения слогов -ev и -ov(-) [Бешевлиев, 1992, с. 45, 137]?

8 /b/: здесь принимается значение знака, установленное Г.Б. Бабаяровым и А.В. Кубатиным [Бабаяр, Кубатин, 2016, S. 67 / с. 139–140].

9, 10, 11 /č/: сравнение первой формы с древнетюркским /ič/ ~ /či/ предпринято Г. Бабаяровым и А.В. Кубатиным [Бабаяр, Кубатин, 2016, S. 51 / с. 120–121]. В связи с отмеченной палатализацией *d- > č- (č-?) любопытно сопоставление с др.-тюрк. X /d²/ [Васильев, 1983, с. 107, табл. 8].

P /j/: шумный щелевой сонорный согласный [Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 64 / с. 135–136], в том числе полугласный звук /j/ в составе восходящего дифтонга, соответствующего пратюркскому долгому гласному. О.А. Мудрак видит здесь узкий неогубленный гласный. Интересно мнение О. Прицака о фонемном значении орхоно-енисейского знака Г как слогового сочетания /jɯ/ [Pritsak, 1980, р. 88–89].

Ә */g/: значение предполагается по аналогии с памятниками древнетюркского рунического письма азиатского ареала [Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 48–49 / с. 117–118]. Поскольку мы уже наблюдаем стяжение звонкого спиранта /g/ в соседстве с губным гласным, можно предположить, что этот знак обозначал слоговое сочетание /GI/ ~ /IG/, и даже /KI/ ~ /IK/. В отличие от следующего знака (см. ниже), он никогда не встречается в абсолютном начале слова.

Для чувашского языка отмечается в период после IX в. процесс нейтрализации противостояния по глухости и звонкости между /k/ и /g/ [Сравнительно-историческая грамматика..., 2002, с. 703]. Судя по имеющимся данным, в нашем случае ожидаемый /g/ стягивался в сочетании с огубленным в абсолютном конце слова.

Қ */k/, /kʰ/ ~ /kʰ/?/: значение предполагается также по аналогии с древнетюркскими руническими памятниками Центральной Азии [Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 46–48 / с. 115–117]. В этом плане следует отметить случаи близкого написания графем /g/ и /k/ в древнетюркских рунических памятниках азиатского ареала [Васильев, 1983, с. 52–53]. Также интересно указать на отсутствие графического различия между глухими и звонкими спирантами, что наблюдается также в тюркских арабографичных системах письменности, например – в караханидской традиции, а также между веллярным и палатальным рядом в волжско-булгарской эпиграфике, что более актуально – волжско-булгарский язык знал лишь глухие варианты [Erdal, 1993, S. 114–121].

᠖ /kʰ/ ~ /kʰ/: данное сопоставление основано исключительно на внешних аналогиях [Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 60 / с. 111–112]. Возможно, использование данного знака служит косвенным свидетельством в пользу трактовки предыдущей графемы также как слогового знака, содержащего, однако, неогубленный гласный. Если мы исключаем графическое разделение знаков по рядности, то здесь следует предполагать /Kʷ/ ~ /Kʷ/.

Ү, ᠢ, Ү, ᠢ, ᠢ //: также без различия в рядности, ср. др.-тюрк. ᠢ /l¹/, Ү /l²/.

᠓ /m/: гипотетическое сопоставление. В этом плане заслуживает внимания предложенное М. Эрдалем толкование в качестве /m/ одного из знаков из надписи на серебряном сосуде с острова Муруйский: ᠓ [Kubarev, 2014, p. 61–62], хотя эта надпись пока не имеет надежного прочтения. Ср. также: ᠓, ᠓ [Васильев, 1983,

с. 124, 125, табл. 18, стк. 36, 41]. Возможно, здесь слоговый знак, косвенно предполагающий существование отдельной звуковой графемы [Тишин, Серегин, 2017, с. 187–188].

⟨ /n¹/ (/ñ/?): знак находит формальное соответствие в памятниках древнетюркской рунической письменности азиатского ареала, хотя там его очертания имеют противоположное направление [Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 65–66 / с. 137–138]. В восточноевропейских памятниках, как отметил О. А. Мудрак, этот знак часто употребляется в сочетании со знаком, для которого предполагается фонемное значение губного гласного /N^w/ ~ /^wN/. Заманчиво предположить здесь обозначение слогового знака /Un/ (> */ǎn/?).

З, З /n²/: ср. др.-тюрк. 𐰇, 𐰈, 𐰉, 𐰊, 𐰋, 𐰌 /n²/, согласно блестящей догадке Г. Б. Бабаярова и А. В. Кубатина [Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 53–55 / с. 123–124].

Возможно, графическое различие данного и предыдущего знаков никак не связано с фонетическими явлениями и обусловлено иными причинами функционального характера. Но, например, предположить, что первый употреблялся с губными гласными, второй – с неогубленными, не позволяют случаи употребления второго в монетах типа В и на Седьярском сосуде (см. ниже). Недостаток материала пока ограничивает наши возможности.

П, П /r¹/: зафиксирован как в велярном, так и палатальном ряду; значение подобрано гипотетически.

𐰍, 𐰎 /r²/: ср. др.-тюрк. 𐰏 /r¹/ [Васильев, 1983, с. 130, табл. 23], венг. 𐰐 /r/ [Németh, 1971, р. 38, fig. 1, р. 47, fig. X]. Зафиксирован в палатальном ряду, но, возможно, аллограф предыдущего знака.

∅ /s²/: ср. др.-тюрк. (енис.). 𐰑, 𐰒, 𐰓 /s̄a/ [Васильев, 1983, с. 134, табл. 25, стк. 23, 24, с. 136, табл. 26, стк. 22–24; Кызласов, 1994, с. 117, 119, табл. XXXII; Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 57–58 / с. 127–129] – как ближайшая формальная аналогия.

○ /š/ (< /ž/): ср.: 𐰔 орх. /j¹/ [Васильев, 1983, с. 112, табл. 11] и интерпретацию подобного знака среди надьсентмиклошских как /š/ (фиксируется только в велярном ряду) [Németh, 1971, р. 49, 36] (см.: [Бабаяр, Кубатин, 2016, с. 65 / с. 137]); вероятно, универсальное обозначение аффрикаты?

У /š/: в свое время О. Прицак отметил: «древнетюркский знак š (графически 𐰕 ~ 𐰖) есть не что иное, как форма / (= /²/; графически 𐰕) с диакритическим штрихом (– или ˘).

Как хорошо известно, тюркскому \mathfrak{s} в чувашском, монгольских и тунгусских языках соответствует l . Исходя из графического развития $\mathfrak{Y} > \mathfrak{Y}^{\text{f}}$ (\mathfrak{Y}), тюркский $\mathfrak{Y}^{\text{f}} \mathfrak{s}$ должен восходить к $\mathfrak{Y} l$; аналогичный вывод был сделан на основе другого материала сторонниками алтайской языковой общности» [Pritsak, 1980, p. 85]⁷.

Несмотря на то, что мы имеем дело с иными формами графем, для которых логично было бы предположить обратный порядок трансформации, само это рассуждение заслуживает пристального внимания.

7 l^1 : исключительно предположительное сопоставление.

8 l^2 : знак, встречающийся редко в надписях (см.: [Кызласов, 2012, с. 239]); вероятно, связан с предыдущим знаком. Можно допустить графический вариант или, например, лигатуру. Ср. др.-тюрк. h l^2 . Употребление этого знака в предположительно читаемом слове *taGrām* делает также соблазнительным его сопоставление с зафиксированным у дунайских булгар так называемым знаком Тангра [Y] [Степанов, 1999; Рашев, 2008, с. 243].

Как видно, никаких аргументов в пользу обоснования предложенной интерпретации для большей части знаков у нас нет, все отождествления в высшей степени гипотетичны. Не представляется возможным адекватно объяснить вытекающий факт отсутствия различий между звуками велярного и палатального рядов, если только не рассматривать это как особенность системы письменности, но, по-видимому, не как особенность языка. Например, для чувашского нарушение общетюркского сингармонизма относится к периоду рубежа XIII–XIV вв. [Сравнительно-историческая грамматика..., 2002, с. 695; Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 51]. Невозможно с какой-либо уверенностью говорить и о форме письма – очень даже не исключено, что речь должна идти о слоговом письме, что соответственно требует некоторого корректирования в определении фонемных значений.

⁷ “... \mathfrak{s} sign (graphically $\mathfrak{Y} \sim \mathfrak{Y}^{\text{f}}$) is nothing other than a from l ($= l^2$; graphically = \mathfrak{Y}) with a diacritical stroke (– or \).

As is well known, the Turkic \mathfrak{s} corresponds to the Chuvash, Mongol, and Tunguz l . Because of the graphic development $\mathfrak{Y} > \mathfrak{Y}^{\text{f}}$ (\mathfrak{Y}), the Turkic $\mathfrak{Y}^{\text{f}} \mathfrak{s}$ must have developed from $\mathfrak{Y} l$; the same conclusion is drawn on other grounds by partisans of Altaic linguistic unity”.

6

Кроме рассмотренных выше источников, сюда можно добавить надпись на Седьярском кувшине, сопоставимую с рассмотренными легендами монет и по составу знаков и по их расположению [Кызласов, 2012, с. 234–236; Кулешов, 2009(1), с. 107–108; Кулешов, 2009(2), с. 5–8]. Тем не менее эта находка датируется исследователями широким диапазоном – от VIII до XI вв. (см. [Кызласов, 1994, с. 265–267; Нуриева, 2014, с. 222]).

Транслитерация: ...*ĈGI*: *kn²A*: *GIⁿWn²A*: *klWn²*:

Транскрипция (фонематическая): ...*Ĉ(ə)iG*: *K(a)n²a*: *(e)Gi(i)n²ün²e*:
K(e)lün² (~ *K(e)l(ə)w(ə)n*):

Транскрипция (фонетическая): ...*čəG*: *kān-a*: *εGin-ün-ε*: *kelü-n*
(~ *kelāw-ān*):

Перевод: ‘... для кана, для его плеча (?) доход (дань?)’

Комментарий:

...*čəG*: вероятно, какой-то именной аффикс (см.: [Левитская, 1976, с. 139, 142–143, 164–165]).

εGin-ün-ε: чув. *ан нуçси* ‘плечо’, др.-тюрк. *ägin* id. [Егоров, 1964, с. 26; Севортян, 1974, с. 225–227; Федоров, 1996, т. 1, с. 42–43; Clauson, 1972, р. 109; Сравнительно-историческая грамматика..., 2001, с. 239–240; Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 41]; *+In* – древний чувашский аффикс принадлежности 3 л. ед. ч. [Ашмарин, 1976, с. 55; Сравнительно-историческая грамматика..., 2002, с. 710]; *+(n)A* – показатель датива (для волжско-булгарских эпитафий и чувашского языка – датив-аккузатив) [Erdal, 1993, S. 94–95; Сравнительно-историческая грамматика..., 2002, с. 707]. Ввиду этого можно предположить фонетическую эволюцию для показателя принадлежности для 3 л.: *-ə < -i < *-in < *-ün*, т.е. из исходного огубленного варианта, в связи с одним из вариантов соответствующего местоимения **on < пратюрк. *ōn* или **ān* [Сравнительно-историческая грамматика..., 2002, с. 708].

kelü-n (~ *kelāw-ān*): др.-тюрк. *käl-* ‘приходить’, чув. *кил-* ‘приходить’, ‘приезжать’, ‘прибывать’, *килү* ‘прихождение, приход; доход’ [Ашмарин, 1976, с. 63; Егоров, 1964, с. 112; Федоров, 1996, т. 1, с. 292–293; Clauson, 1972, р. 715; Левитская, 1976, с. 163], *+In* – древний

показатель 3 л. ед. ч. в исходном (?) варианте +*Un*. Ср. у П. М. Мелиоранского *kälünčä* в трактовке ‘подарок за невесту’ [Мелиоранский, 2010, с. 133].

7

По этой же методике может быть предложено прочтение надписи на Билярском сосуде, несмотря на то что он относится к гораздо более позднему времени – XI–XII вв. [Кызласов, 1990, с. 54, рис. 16: 2, с. 56–57; Кызласов, 1994, с. 29, 274–275; Кызласов, 1998, с. 11–13, 18, рис. 3; Нуриева, 2014, с. 226–227].

Транслитерация: *Wlbs²n¹*:

Транскрипция (фонематическая): *ölb(ä)s²(ə)n¹* (~ *wəlb(ä)s²(ə)n¹?*)

Транскрипция (фонетическая): *öl-be-sän* (~ *uəl-be-sän*)

Перевод: ‘да не умрет [он]!’

Комментарий

öl- (*uəl-*?): ср. чув. *вил-* ‘умирать’, ‘дохнуть’, волж.-булг. *wel-* ‘sterben’ [Егоров, 1964, с. 53–54; Федоров, 1996, т. 1, с. 122; Erdal, 1993, S. 67].

-bä-: аффикс отрицания, фонетический вариант *-mA-*, в такой форме, однако, не характерный для чувашского языка. Предполагается кыпчакское влияние, если это вообще надпись, выполненная на языке болгарской группы. Учитывая такой временной промежуток, что отделяет эту надпись от описанных выше, это предположение допустимо. Сомнения подтверждает обозначение последнего звука /n/ знаком, отличным от того, который ожидался бы, исходя из прочтения легенды на *дирхаме* типа В (см. выше).

-sän¹: вариант аффикса повелительного наклонения 3 лица *-sUn*.

Как фонетические особенности (аффикс *-bä-*), так и различия в графическом составе при обозначении фонем (ср. выше аффикс *-sän²*), могут быть объяснены значительным хронологическим разрывом, в течение которого имели место различные языковые и социокультурные процессы. К тому же нахождение надписи на территории Волжской Булгарии еще не является аргументом в пользу того, чтобы считать автора носителем болгарского диалекта.

8

Предложенная выше интерпретация знаков, встречающихся на надписях, которые могут быть соотнесены с волжскими булгарами, и соответственно прочтение самих надписей отнюдь не предполагают автоматическую возможность прочтения ряда других руноподобных надписей с территории Восточной Европы. Идентификация была предложена для достаточно ограниченной группы знаков, которой не исчерпывается весь графический фонд. Вместе с тем, как уже отмечалось выше, нет никакой уверенности в том, что знаки, относящиеся к надписям различных территориальных групп, даже сопоставимые по внешним очертаниям, должны интерпретироваться одинаково. Даже если было бы иначе, и речь шла о единой фонетико-графической системе, трудно было бы объяснить наличие значительного числа иных знаков (например, в пространной маяцкой надписи с индексом М 10), оригинальность начертаний которых с трудом позволяет рассматривать их как аллографы каких-то знаков, известных в более простых формах.

В качестве примера может быть реализована заманчивая попытка прочтения надписи на фляге из Новочеркасского музея, являющейся случайной находкой (при строительстве в 1896 г. железной дороги Сальск – Царицын) и потому не имеющей конкретной привязки к археологическому объекту [Кызласов, 1994, с. 248].

Транслитерация: *šlr²śW. bWlr²śW. kj²lt¹A:*

Транскрипция (фонематическая): *š(i)l(ə)r ś(ə)W. bWl(ə)r ś(ə)W. K(i)j²lt¹e*

Транскрипция (фонетическая): *šil-ər śâw. bol-âr śâw. kâjl-te*

Перевод: 'Наполняется вода, имеется вода в доме (или в семье) / для дома (или для семьи)!'

Комментарий

šilər: ср. чув. *шыҫ-* 'пухнуть, опухнуть, нарывать', перен. 'разжиреть', др.-тюрк. *šĩš-* 'пухнуть, опухать, вздуться', но ср., по Г. Й. Рамстедту, < пратюрк. **šil*'- 'answellen', ср. монг. *selkü-* 'to swell up'; ср. также, согласно М. Рясянену, письм.-монг. *sil* 'стекло, стеклянная посуда' [Doerfer, 1967, S. 328; Федотов, 1996, т. 2, с. 467] (см. также: [Егоров, 1964, с. 341; Древнетюркский словарь,

1969, с. 524; *Clauson*, 1972, p. 857, 868; *Doerfer*, 1967, S. 328–330]. Л. С. Левитская отмечает, что «в чувашском языке / выступает на месте *š* в словах без долгого гласного... И наоборот, слова с первичным долгим имеют *ś < š*» [Левитская, 2014, с. 144]. Этимология в целом дискуссионна [Левитская, 1976, с. 144, 211; Сравнительно-историческая грамматика..., 2002, с. 31; Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 193; *Starostin, Dybo, Mudrak*, 2003, pt. I, p. 429]. Вероятно, следует подыскать более удачный вариант. Ср., например, чув. *шӑл-* ‘места, подметать’; ‘вытирать, стереть, обтирать, утираться’; ‘замазывать’; ‘заметать (о снеге)’; ‘гладить (напр., по головке)’; ‘приглаживать’ и др.; общетюрк. **sīl-* (**sīl-?*) / **sil-* ‘тереть, стирать, вытирать, чистить’ [Егоров, 1964, с. 333; Федотов, 1996, т. 2, с. 440–441; Этимологический словарь..., 2003, с. 258–259, 398, 399].

В данном случае наличествует показатель *-Ur* (~ *-Ar*) – аффикс причастия аориста [Левитская, 1976, с. 64, 65; *Erdal*, 1993, S. 70, 90] (см. также: [Róna-Tas, 1985, 243–244. о.]). На прорисовке, сделанной И. Л. Кызласовым (опубликовано под индексом Д 7), форма этого знака идентична тому, что выше мы условно определили как */r²/*. Вместе с тем А. М. Щербак дает более точную прорисовку и отмечает более сложную форму этого знака , читая его как */j²/* [Щербак, 1954, с. 274, 278; Щербак, 1959, с. 386] (см. также: [Németh, 1971, p. 44, fig. V]), Э. Трыярский считает его возможной лигатурой, находя соответствия в руноподобных надписях Хумаринского городища и знаках из Крушево (Македония) [Tryjarski, 1999, p. 266].

šāw (*šiw?*): чув. *шыв* / *шывӑ* / *шӑв* / *шув* / *шӗв* ‘вода, река’, кубан.-булг. **šiw* ‘water’, волж.-булг. *šiv* id., < пратюрк. **siv* id., ср. др-тюрк. *šuv* id., с выписанным палатализованным инициальным (надпись Тоньюкука, стела из Могойн Шинэ Усу) [Егоров, 1964, с. 340; Róna-Tas, 1976, p. 166–167, 184; Федотов, 1996, т. 2, с. 465–466; *Erdal*, 1991(2), vol. I, p. 177; *Erdal*, 1993, S. 128–129; *Erdal*, 2007, p. 91–92; Сравнительно-историческая грамматика..., 2001, с. 87; Сравнительно-историческая грамматика..., 2006, с. 57, 193, 222, 386; Этимологический словарь..., 2003, с. 348–349; *Дыбо*, 2007, с. 61; Левитская, 2014, с. 74, 134].

kājl-te (*kijl-te?*): ср. чув. *kil* ‘жилище (дом), двор, подворье’ [Czeglédy, 1953, 175–178. о.; Егоров, 1964, с. 112; Федотов, 1996,

т. 1, с. 291–292; *Starostin, Dybo, Mudrak, 2003*, pt. I, p. 571; *Левитская, 2014*, с. 101], хотя эти сопоставления имеют определенные сложности (см.: [*Németh, 1991*, 170. о.; *Golden, 1980*, p. 241–242; *Golden, 2005*, p. 209; *Erdal, 2007*, p. 85–86]); согласно О. А. Мудраку, др.-чув. (до IX в. н.э.) **küjl(ü)* > ран. ср.-чув. (IX–XIII вв.) **küjl(ü)* ‘дом’, при фактическом неразличении в нисходящих дифтонгах с *-j-* узких огубленных и неогубленных гласных, предполагая последующее развитие ран. ср.-чув. **-üj-* > позд. ср.-чув. (с XIII в.) /перед согласным/ **-üj-* > **-jü-* > н.-чув. (с XIV–XV вв.) **-ji-* > **-i-* [*Сравнительно-историческая грамматика..., 2002*, с. 683, 685, 687].

В этом случае также следует отметить соотнесение знака Υ с P «рунических дирхамов», предполагая, что речь идет об аллографах. Это также может служить косвенным свидетельством в пользу существования дифтонгов в некоторых болгарских диалектах уже в довольно ранний исторический период. Вероятно также, что здесь графическое обозначение узкого неогубленного гласного может иметь функциональное значение, чтобы четче обозначить производящую основу. Ср. также идентификацию типологически близкого знака на баклажках из Новочеркасского музея и маяцких надписей Υ как узкого неогубленного гласного при интерпретации F как /k/, а F как /b/ [*Щербак, 1954*, с. 273, 274–275, 276, 277–278], в последнем случае, как и у Д. Немета для надьсентмиклошских надписей [*Németh, 1932*, 21, 22. о.; *Németh, 1971*, p. 35], а затем у А. Рона-Таш для Сарвашской надписи [*Róna-Tas, 1985*, 241. о., X. Tábla, 242. о., XI. Tábla, 244. о., XII. Tábla].

Слово снабжено показателем местного падежа *+dA*, который, вероятно, по аналогии с енисейскими памятниками может иметь функции обозначения аблятива [*Кормушин, 2008*, с. 189, 190]. Местный падеж, представленный здесь в оглушенной форме *+tA*, может иметь значение локативного определения или обстоятельства места действия [*Кормушин, 2008*, с. 188–191]. В этом случае знак Π представляется как один из аллографов знака, обозначающего фонему /t/ (см. выше).

Заманчиво сопоставление с чув. *килĕ* / *кил* ‘ступа’, *кăли* ‘пест ступки’, як. *кэлли* ‘ступа’, венг. *kölyű* (1443: *kelev*; 1488: *killev*; *külű*; *külyű*) < др.-чув. **keläy*, **kiläy*, и др.; < **келиг* < **кегилиг* < **кег-* *‘толочь’ [*Егоров, 1964*, с. 112; *Ligeti, 1986*, 291. о.; *Федоров, 1996*, т. 1, с. 293; *Этимологический словарь..., 1997*, с. 33–34; *Левитская,*

2014, с. 103]. Если какие-то фонетические изменения можно попытаться с известной долей вероятности объяснить (если читать, например, также **kejl-te*), то трудно соотнести основное семантическое орудийное значение с предметом нанесения – флягой.

* * *

Автор данной работы не стремился к разработке новой методики прочтения руноподобных надписей с территории Восточной Европы, в первую очередь, желая продемонстрировать возможность поиска ключа для истолкования встречающихся в них знаков именно на тюркской основе. Вместе с тем, хотелось бы вновь обратить внимание и на все сложности, которые влекут за собой подобные попытки. Кроме того, что сама интерпретация знаков имеет гипотетический характер, предполагаемые лексемы и, в частности, фонетический облик морфем, получающихся в результате этой интерпретации, в ряде случаев требуют специального лингвистического обоснования. Это, в свою очередь, представляется затруднительным ввиду отсутствия достаточных данных о языках болгарской группы в соответствующий исторический период, почему приходится опираться лишь на общетюркские соответствия и реконструкции, сделанные на основе привлечения чувашского материала. При этом мы не можем быть уверены даже в правильности этих реконструкций.

О. А. Мудрак, игнорируя контекст обнаружения надписей и, таким образом, заочно исключая контекст их бытования в той культурной среде, в которой они были созданы, опирается именно на «данные исторической фонетики». Учитывая, что «данные исторической фонетики» – это всегда плод реконструкции отдельного исследователя или группы исследователей, неизбежное столкновение со случаями, несоответствующими этим построениям, вынуждает прибегать к их объяснению через гипотезы о явлениях и процессах, допустимых с точки зрения сложившейся в голове исследователя схемы, вроде спорадических случаев или проявления диалектных особенностей, либо предполагать влияние иной языковой среды и т.д. Такого рода допущения всегда требуют оговорки – «возможно», «вероятно», – потому что в этих случаях мы ничего не знаем об этих предполагаемых диалектах, как не имеем достоверных данных об особенностях языковых сообществ, гипотетически

взаимодействовавших в рассматриваемом историческом пространстве.

В связи со всем выше изложенным представляется уместным привести пространное высказывание М. Эрдаля, рассуждавшего о методических проблемах определения языковой принадлежности хазар: «Не слишком вероятно, что на данном этапе появятся новые источники на арабском, греческом, сирийском, персидском, иврите или кавказском языках, упоминающие неизвестные элементы хазарского языка. Кажется, что сейчас значительный прогресс может быть достигнут только в том случае, если удастся обнаружить какую-либо длинную двуязычную надпись на хазарском языке или, возможно, новую хазарскую надпись, в которой будет достаточно восточно-тюркских рунических знаков, чтобы она была понимаемой. Некоторое множество известных надписей представляют собой строчки непонятных на сегодняшний день знаков, относительно которых мы даже не знаем, составляют ли они сингармонические сочетания (как многие восточно-тюркские руноподобные шрифты); ни одна из попыток их дешифровки не кажется безупречной» [Erdal, 2007, p. 76]⁸.

Абстрагируясь от проблемы хазарского языка и вопросов идентификации памятников, хотелось бы лишь отметить, что это высказывание, в сущности, можно перенести на все памятники руноподобной письменности восточноевропейского ареала. Мы должны либо надеяться на обнаружение какой-нибудь билингвы, либо ждать, что на долю кого-то из исследователей выпадет великая удача, и его кропотливые изыскания заслуженно увенчаются возможностью предложить хотя бы для какой-то группы памятников интерпретацию знаков и на ее основе – варианты прочтения ряда надписей. Хорошо бы при этом, чтобы они не наткнулись на сложности лингвистического и экстралингвистического характера или,

⁸ "It should not be too likely that new Arabic, Greek, Syriac, Persian, Hebrew or Caucasian sources mentioning unknown Khazar language elements turn up at this stage. It now seems that significant progress can be achieved only if some lengthy bilingual inscription in the Khazar language can be discovered, or perhaps a new Khazar inscription which has enough Eastern Turkic runiform characters to be intelligible. The dozens of known inscriptions are strings of at present unintelligible signs, concerning which we do not even know whether they fall into synharmonic sets (as most of the Eastern Turkic runiform script does); none of the attempts at deciphering them seem compelling".

по крайней мере, сложности эти не были бы настолько серьезны, чтобы рассматривать попытки преодолеть их как натяжки и допущения.

Литература

- Аксёнов В. С. Новые материалы по вопросу освоения населением Хазарии бассейна Северского Донца // Хазарский альманах. Т. 12. Киев–Харьков, 2014.
- Аманжолов А. С. Глагольное управление в языке древнетюркских памятников // Аманжолов А. С. Опыт изучения тюркских языков. Астана, 2012.
- Ашмарин Н. И. Заметки по грамматике чувашского языка // Чувашский язык. Чебоксары, 1976
- Ашмарин Н. И. Чăваш сăмахёсен кёнеки / Словарь чувашского языка. Т. 1–2. А. Чебоксары, 1994.
- Ашмарин Н. И. Чăваш сăмахёсен кёнеки / Словарь чувашского языка. Вып. XII. 3. Чебоксары, 1937.
- Ашмарин Н. И. Чăваш сăмахёсен кёнеки / Словарь чувашского языка. Вып. XVII. X–Ш и послесловие Н. А. Резюкова. Чебоксары, 1959.
- Бабаяр Г., Кубатин А. Монеты Северного Кавказа с древнетюркскими надписями. Астана, 2016.
- Баяр Д., Мөнхтула Р., Хүрэлсүх С. Олон нуурын хөндийн дурсгал // Шинжлэх ухааны академийн мэдээ. 2008. № 2.
- Бешевлиев В. Първобългарски надписи. Второ преработено и допълнено издание. София, 1992.
- Быков А. А. Из истории денежного обращения в Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы / Под ред. А. Е. Тверитиновой. Т. III. М., 1974.
- Валиева М. Р. Пратюркская инициальная фонема [й] и ее булгарские рефлексy в говорах башкирского языка // Вестник Башкирского государственного университета. 2015. Т. 20. № 2.
- Валиева М. Р. Проблема булгарского влияния на развитие башкирского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. Уфа, 2016.
- Васильев Д. Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности Азиатского ареала (опыт систематизации). М., 1983.
- Гаджиева Н. З., Серебренников Б. А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис. Изд. 2-е испр. и доп. М., 1986.
- Древнетюркский словарь / Под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л., 1969.
- Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. М., 2007.
- Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.

- Кляшторный С. Г.* Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006.
- Кокорина Н. А.* Об одной группе знаков на керамике Волжской Булгарии // Ранние болгары в Восточной Европе / Отв. ред. А. Х. Халиков. Казань, 1989.
- Кононов А. Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л., 1980.
- Кормушин И. В.* Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. М., 2008.
- Кулешов Вяч. С.* «Рунический дирхам» из Козьянковского клада // Acta Archaeologica Albaruthenica. Vol. 5 / Уклад. М. А. Плавински, В. М. Сидарович. Минск, 2009(1).
- Кулешов Вяч. С.* «Рунический дирхам»: новый источник для истории хазарской геральдики? (Семинар «Геральдика – вспомогательная историческая дисциплина». Май, 2009). СПб., 2009(2).
- Кулешов Вяч. С., Еремеев И. И.* Глазуновский клад куфических монет IX в. // Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб., 2015.
- Кызласов И. Л.* Монеты с тюркоязычными енисейскими надписями (К вопросу о денежном обращении в древнехакасском государстве) // Нумизматика и эпиграфика. Вып. XIV / [Отв. ред. Д. Б. Шелов]. М., 1983.
- Кызласов И. Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии (опыт палеографического анализа). М., 1990.
- Кызласов И. Л.* Рунические письменности евразийских степей. М., 1994.
- Кызласов И. Л.* Руническая эпиграфика древних болгар // Татарская археология. 2000. № 1–2(6–7).
- Кызласов И. Л.* Серебряные монеты с легендами кубанского рунического письма // Проблемы археологии Кавказа. Вып. 1. М., 2012.
- Левитская Л. С.* Историческая морфология чувашского языка. М., 1976.
- Левитская Л. С.* Историческая фонетика чувашского языка / Науч. ред. и авт. предисл. и примеч. П. Я. Яковлев. Чебоксары, 2014.
- Лурье П. Б.* Счастливый правитель, царь Пенджикента Чегин Чур Билгä // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Мат-лы междунар. научн. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого, Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 г. СПб., 2005.
- Мелиоранский П. М.* Два серебрянных сосуда с енисейскими надписями // Российская тюркология. 2010. № 1.
- Мудрак О. А.* Чтения «хазарских дирхемов», написанные восточноевропейской руникой // Восточная Европа в древности и средневековье. Пись-

- менность как государственный элемент инфраструктуры. XXVIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 20–22 апреля 2016 г.: Материалы конференции. М., 2016.
- Нуриева Ф. Ш.* Поволжские рунические памятники: варианты прочтения // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского Сер.: «Филология. Социальные коммуникации». 2014. Т. 27(66). № 3.
- Осава Т., Сүзүки К., Лхүндэв Г.* Заамарын шороон довоос олдсон мөнгөн сав дээрх руни бичээс // Археологийн судлал. Т. XXX. Fasc. 8. 2011.
- Рашев Р.* Българската езическа култура VII–IX век. София, 2008.
- Руденко К. А.* Элита Волжской Булгарии (X – начало XIII в.): между Востоком и Западом (постановка проблемы) // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии: колл. монография / Отв. ред. П. К. Дашковский. Барнаул, 2015.
- Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.
- Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «В», «Г» и «Д». М., 1980.
- Севортян Э. В., Левитская Л. С.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». М., 1989.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М., 1984.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / Отв. ред. Э. Р. Тенишев [и др.]. М., 1988.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М., 2001.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / Отв. ред. Э. Р. Тенишев [и др.]. М., 2002.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М., 2006.
- Степанов Цв.* «Ипсилон с двумя пиками» (|Y|) и его значения (к символике в раннесредневековой Болгарии) // Bulgarian Historical Review. 1999. № 3–4.
- Тишин В. В., Серегин Н. Н.* К вопросу о методике прочтения редких знаков некоторых рунических надписей Центральной Азии (по материалам комплекса Бийрэг в Монгольском Алтае) // Вестник СПбГУ. Сер.: Востоковедение и африканистика. Т. 9. Вып. 2. 2017.
- Тишин В. В., Флёров В. С.* Псевдовизантийская надпись «ΥΣ» из Маяцкой крепости, Хазарский каганат // Восточная Европа в древности и средневековье. Письменность как государственный элемент инфраструкту-

- ры. XXVIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 20–22 апреля 2016 г.: Материалы конференции. М., 2016.
- Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2-х т. Т. I. А–Р. Т. II. С–Я. Чебоксары, 1996.
- Хакимзянов Ф. С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. М., 1987.
- Хисамова Ф. М. История щелевых согласных ч (ç) и ж (ǰ) в татарском языке // *Turkoloji Üzerine Arastirmalar*. Sayı 1. 2012.
- Щербак А. М. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону // *Советская археология*. Вып. XIX. М., 1954.
- Щербак А. М. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела – Белой Вежи (К вопросу. о языке и письменности печенегов) // *Труды Волго-Донской археологической экспедиции* / Отв. ред. М. И. Артамонов. Т. II. М.–Л., 1959.
- Щербак А. М. Очерки по сравнительной фонетике тюркских языков. Л., 1970.
- Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские лексические основы на буквы «К» (~«Г») и «Қ» (~«Ѓ» ~«К»). Вып. 1 / Отв. ред. Г. Ф. Благова. М., 1997.
- Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские лексические основы на букву «Л», «М», «Н», «П», «С» / Отв. ред. А. В. Дыбо. М., 2003.
- Alyılmaz C. Karı Çor Tigin Yazıtı // *TEKE: Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi*. Sayı 2/2. 2013.
- Aydın E., Ariz E. Xi'an Yazıtı Üzerinde Yeni Okuma ve Anlamlandırmalar // *Bilig. Türk Dünyası Sosyal Bilimler Dergisi*. Sayı 71. 2014.
- Babayar G. Köktürk Kağanlığı Sikkeleri Kataloğu / *The Catalogue of the Coins of Turkic Qaghanate*. Ankara, 2007.
- Blažek V. Numerals: comparative-etymological analyses of numeral systems and their implications: (Saharan, Nubian, Egyptian, Berber, Kartvelian, Uralic, Altaic and Indo-European languages). Brno, 1999.
- Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford, 1972.
- Czeglédy K. A kazár kil ~ kel eredete // *Magyar Nyelv*. LXXXVIII. évf. 1953.
- Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Bd. III. Türkische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1967.
- Erdal M. The Turkic Nagy-Szent-Miklós Inscription in Greek Letters // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. T. XLII. Fasc. 2–3. 1988.
- Erdal M. Ein unbemerkter chasarischer Eigenname // *Türk Dilleri Araştırmaları*. [Cilt 1]. 1991(1).

- Erdal M.* Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon. Vol. I–II. Wiesbaden, 1991(2).
- Erdal M.* Die Sprache der wolgabolgarischen Inschriften. Wiesbaden, 1993.
- Erdal M.* A Grammar of Old Turkic. Leiden; Boston, 2004.
- Erdal M.* The Khazar Language // The World of the Khazars. New Perspectives. Selected Papers from the Jerusalem 1999 International Khazar Colloquium hosted by the Ben Zvi Institute / Ed. by P. B. Golden, H. Ben-Shammai, A. Róna-Tas. Leiden; Boston, 2007.
- Ermers R.* Arabic Grammars of Turkic: the Arabic Linguistic Model Applied to Foreign Languages & Translation of 'Abū Ḥayyān al-'Andalusī's Kitāb al-'Idrāk li-lisān al-'Atrāk. Leiden; Boston, 1999.
- Golden P. B.* Khazar Studies: An Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars. Vol. 1. Budapest, 1980.
- Golden P. B.* An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden, 1992.
- Golden P. B.* Khazarica: on some Khazar terms // Turkic Languages. Vol. 9. № 2. 2005.
- Korkmaz Z.* Eski Anadolu Türkçesindeki *-van/-ven, -vuz/-vüz* Kişi ve Bildirme Eklerinin Anadolu Ağızlarındaki Kalıntıları // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten 1964. Ankara, 1965.
- Kovalev R. K.* What Does Historical Numismatics Suggest About the Monetary History of Khazaria in the Ninth Century? – Question Revisited // Archivum Eurasiae Medii Aevi. T. 13. 2004.
- Kovalev R. K.* Creating 'Khazar Identity' Through Coins – The 'Special Issue' Dirhams of 837/38 // East Central and Eastern Europe in the Early Middle Ages / Ed. by Florin Curta. Ann Arbor, 2005.
- Kovalev R. K.* What Do 'Official' Volga Bulğār Coins Suggest about them? Political History of the Middle Volga Region during the Second Half of the 10th Century? // Central Eurasia in the Middle Ages: Studies in Honor of Peter B. Golden / Ed. by O. Karatay and I. Zimonyi. Wiesbaden, 2016.
- Kristó Gy.* Keán, Szent István király ellenfele // Acta Historica. T. XCVIII. Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae. 1993.
- Kubarev G. V.* A Runic Inscription on a Silver Vessel from the Bratsk Reservoir // Interpreting Runic sources and the Altay corpus / Ed. by I. Nevskaya, M. Erdal. Berlin, 2014.
- Ligeti L.* A Magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban. Budapest, 1986.
- Lin Ying.* Western Turks and Byzantine gold coins found in China // Transoxiana. 2003. № 6 // http://www.transoxiana.org/0106/lin-ying_turks_solidus.htm
- Lin Ying.* Sogdians and the Imitations of Byzantine Gold Coins Unearthed from the Heartland of China // Ērān ud Anērān: Studies Presented to Boris Il'ič

- Maršak on the Occasion of his 70th Birthday / Ed. by M. Compareti, P. Raffetta, G. Scarcia. Venezia, 2006.
- [Lowick N. M.] Early 'Abbāsīd Coinage: A Type Corpus, 132–218 H / AD 750–833: a Posthumous Work by Nicolas Lowick / Ed. by E. Savage. London, 1999.
- Lurje P. B. Personal Names in Sogdian Texts in Iranische Onomastik / Iranisches Personennamenbuch. Bd. II.: Mitteliranische Personennamen. Fasz. 8. Wien, 2010.
- Menges K. H. Altaic Elements in the Proto-Bulgarian Inscriptions // Byzantion. T. XXI. 1951.
- Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. 3. unveränderte Auflage. Bd. II. Sprachreste der Turkvolker in den Byzantinischen Quellen. Leiden, 1983
- Németh Gy. A nagyszentmiklósi kincs feliratai // A Magyar Nyelvtudományi Társaság Kiadványai. 30. sz. 1932.
- Németh Gy. The Runiform Inscriptions from Nagy-Szent-Miklós and the Runiform Scripts of Eastern Europe // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. T. XXI. Fasc. 1–2. 1971.
- Németh Gy. A honfoglaló Magyarság kialakulása / Közzéteszi B. Árpád. Második, bővített és átdolgozott kiadás. Budapest, 1991.
- Pritsak O. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden, 1955.
- Pritsak O. Turkology and the Comparative Study of Altaic Languages. The System of the Old Turkic Runic Script // Journal of Turkish Studies. Vol. 4. 1980.
- Róna-Tas A. A Volga Bulgarian Inscription from 1307 // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T. XXX. Fasc. 2. 1976.
- Róna-Tas A. A szarvasi tütartó felirata // Nyelvtudományi közlemények. 87. köt. 1. sz. 1985.
- Rybatzki V. Die Toñuquq-Inschrift. Szeged, 1997.
- Rybatzki V. Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente Eine lexikalische Untersuchung. Helsinki, 2006.
- Rybatzki V., Wu Kuosheng. An Old Turkic Epitaph in Runic Script from Xi'an (China). The Epitaph of Qarī çor tegin // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Bd. 164. H. 1. 2014.
- Sándor K. A székely rovásírás átvételének lehetséges útjai // Rovásírás a Kárpát-medencében / Szerk. K. Sándor. Szeged, 1992
- Sándor K. A székely írás eredetéről dióhéjban // Magyar Tudomány. 175. évf. 5. szám. 2014.
- Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Pt. I. A–K. Leiden–Boston, 2003(1).
- Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Pt. II. L–Z. Leiden–Boston, 2003(2).

- Stepanov Ts.* The Bulgar title ΚΑΝΑΣΥΒΙΓΙ: Reconstructing the Notions of Divine Kingship in Bulgaria, AD 822–836 // *Early Medieval Europe*. Vol. 10. No. 1. 2001.
- Şirin User H.* Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı Yazıtları. Söz Varlığı İncelemesi. Konya, 2009.
- Şirin User H.* *Byzantinoturcica*'da Kayıtlı İslam Öncesi Türkçe Unvanlar Hakkında // XV. Türk Tarih Kongresi: 11–15 Eylül 2006, Ankara: Kongreye Sunulan Bildiriler / Ed. Y. Halaçoğlu. 3. Cilt. Selçuklu Devleti ve Beylikler Dönemi Tarihi. Ankara, 2010.
- Tekin T.* Tuna Bulgarları ve Dilleri. Ankara, 1987.
- Tryjarski E.* The Unity or Multiplicity of Runic Scripts: An Account of the Attempt to Isolate a South Yenisei Alphabet // *Studia Uralo-Altica*. Vol. 39. 1997.
- Tryjarski E.* Some Novelties of the Runica Bulgarica // *Studia Orientalia*. Vol. 87. 1999.
- Yavuzarslan P.* Türk Dilinin Tarihi Söz Varlığından Örnekler II. (*eyermek* < *éđer-mek*) // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Türkoloji Dergisi. Cilt 17. Sayı 1. 2010.
- Zeki Validi Togan A.* Ibn Faḍlān's Reisebericht. Leipzig, 1939.

В. В. Тишин

**К методике прочтения памятников
рунической письменности восточноевропейского ареала**
(на примере легенд серебряных дирхамов
с руноподобными знаками)

Резюме

Статья посвящена критике попытки прочтения проф. О. А. Мудраком памятников восточноевропейской руноподобной письменности. Автор сконцентрировал свое внимание на экстралингвистической стороне контаргументации предлагаемого О. А. Мудраком метода, а также на примере серебряных дирхамов с руноподобными знаками и еще нескольких надписей он попытался показать возможность прочтения текстов, которые могут быть объединены в определенные группы на основе материалов тюркских языков болгарской группы.

Ключевые слова: памятники древнетюркской рунической письменности, восточноевропейская руническая письменность, монетные легенды, болгары, хазары, чувашский язык.

V. V. Tishin

**On the Methodical Ways of the Reading
of Runiform Writing Monuments of Eastern Europe Area**

(Based on the Monetary Legends of Silver *Dirhams*
in Runiform Signs)

Summary

The article is dedicated to the critical approach on attempts of Prof. O. A. Mudrak to read the monuments of Eastern European runiform writing. The author has concentrated his attention on the extra-linguistic side of the counterargument on Prof. O. A. Mudrak method, and, based on the material of silver dirhams with runiform signs and several inscriptions, he also tried to show the possibility of reading the texts – that could be arranged on the certain groups – using the data of the Turkic languages of the Bulgar (= Oghur, Chuvash) group.

Keywords: old Turkic runic writing monuments, Eastern European runiform writing, coin legends, Bulgars, Khazars, Chuvash language.

IV

In memoriam

ТЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ... РЕНЕССАНС ХАРЬКОВСКОГО ХАЗАРОВЕДЕНИЯ

*Памяти Б. С. Элькина и В. К. Михеева,
а также всех подвижников-«соломоновцев»*

2017 год – год двух печальных юбилеев; печальных, потому что их виновников уже нет с нами. В этом году исполняется 80 лет со дня рождения Владимира Кузьмича Михеева – известного историка и археолога, основателя и директора Центра хазароведения Международного Соломонова университета, основателя «Хазарского альманаха». Также отметил бы в этом году свой 70-летний юбилей

В. К. Михеев – проректор по учебной работе Харьковского национального университета, 1997–1999 гг.

первый и бессменный директор восточно-украинского филиала МСУ Борис Соломонович Элькин.

Возможно, еще не настало время для всесторонней оценки той роли, которую сыграл Соломонов университет в Харькове в истории современной иудаики. Данные заметки свидетеля и участника тех событий субъективны и не претендуют на то, чтобы охватить полтора десятилетия его истории целиком. Тем не менее стремительный и многообещающий взлет незаурядного научного начинания останется ярким событием в истории современной академической иудаики и в биографии его участников.

Харьков не случайно первым из нестоличных городов постсоветского пространства стал центром возрождения еврейских, в частности – хазароведческих исследований. Именно здесь в 1902 г. прошел XII Всероссийский археологический съезд, на котором внимание научной общественности было привлечено к Салтовскому городищу, давшему имя археологической культуре. В Харькове в течение нескольких десятилетий предпринимались попытки изучения салтово-маяцких памятников; здесь на исторических факультетах и государственного, и педагогического университетов, в отделе археологии исторического музея сложились традиции полевой хазароведческой работы. В середине 1980-х гг. вышла монография В. К. Михеева «Подонье в составе Хазарского каганата», и тогда же была защищена его докторская диссертация. Работы профессора В. К. Михеева, отчеты и публикации его учеников и аспирантов вместе с трудами его коллег по другим кафедрам составили основу Харьковской школы хазароведения. Поэтому совершенно естественно, что, когда в 1998 г. возник Восточно-украинский филиал Соломонова университета, он взял на себя роль основного спонсора и локомотива исследований хазарской проблематики, испытывавших, как и все отрасли науки в те годы, колоссальные трудности. Счастливый тандем Б. С. Элькина и В. К. Михеева привел к расцвету этой научной области, продолжавшемуся около 10 лет, до самой кончины Владимира Кузьмича.

История совместной работы двух талантливых ученых и организаторов науки началась сразу же после открытия филиала. Владимир Кузьмич – тогда проректор по учебной работе Харьковского государственного университета – был приглашен преподавать в новом вузе и начал читать курсы археологии и введения в специальность. С 2001 г. он полностью перешел на работу в Соломонов университет. Основатели МСУ в Харькове сразу же сделали ставку

*Б. С. Элькин – директор
Восточно-украинского филиала
Международного Соломонова университета.
Конференция по иудаике Центра «Сэфер»,
Москва, 2006 г.*

*В. К. Михеев в последней экспедиции.
Нетайловский могильник. 2008 г.*

на привлечение лучших университетских преподавателей и набор незаурядных студентов. В первые годы существования нового университета это привело к невероятной концентрации в его стенах научной мысли и преподавательской культуры, к появлению высокой академической репутации и серьезного общественного резонанса не только в Харькове, в Украине, но и за рубежом.

Самое важное, что привнес в работу Владимир Кузьмич, и что определило его индивидуальный стиль, – желание и возможность развивать хазароведческие исследования и высокие стандарты харьковской исторической школы. С 1999 г. регулярно проводилась археологическая экспедиция (и археологическая практика) на Салтовском археологическом памятнике. Ее институциональное оформление и признание произошло в 2000 г. после создания Международного центра хазароведения и проведения первой харьковской летней школы по иудаике. Все последующие годы профессор В. К. Михеев и его ученики плодотворно работали на Нетайловском могильнике салтовской археологической культуры. История изучения этого памятника достойна отдельного описания, отметим лишь, что, открытый в 1959–1961 гг. археологической экспедицией Института археологии Украины, он считался утраченным после создания в 1961 г. Печенежского водохранилища. Новое открытие могильника состоялось в 1991 г. отрядом экспедиции Харьковского университета под руководством талантливого, рано умершего исследователя А. В. Крыганова. В 2000-е гг. к исследованию памятника подключились специалисты и студенты Международного Соломонова университета.

Результаты этой работы оказались весьма значительны и интересны; если сказать о них кратко, то было вскрыто несколько де-

Результаты этой работы оказались весьма значительны и интересны; если сказать о них кратко, то было вскрыто несколько де-

сятков погребений, получен достаточно богатый и разнообразный погребальный инвентарь, включавший оружие (сабля, наконечники копий, наконечники стрел, обушок, колчаный крючок), детали одежды (пуговицы, элементы поясной гарнитуры, бронзовые бубенчики), орудия труда (ножи), предметы быта (черешковые ножи, пряслица, кресала), фрагменты конского снаряжения (седла с железными стременами, удила, сбруйные пряжки и кольца, ремни снаряжения, украшенные бляшками, чумбурный блок), керамику (глиняные сосуды), украшения (бусы, серьги, браслеты, перстни, подвески, в том числе изготовленные из монет-дирхемов, бронзовый «солярный» амулет). По итогам исследований подтверждено мнение, что погребальный обряд нетайловцев вполне соответствует языческому погребальному обряду праболгарского населения салтовской культуры второй половины VIII – первой половины IX в. Сегодня находки археологических экспедиций МСУ хранятся в Харьковском историческом музее. Алано-болгарское население некогда северо-западной окраины Каганата было также предметом внимания в монографии В. К. Михеева и В. С. Аксёнова о Сухогомольшанском могильнике, опубликованной в томе 5 «Хазарского Альманаха» (2006 г.)

В экспедициях В. К. Михеева получали полевой опыт и проходили «посвящение в археологи» не только студенты МСУ, но и участники летних школ по иудаике для студентов и преподавателей стран СНГ и Балтии, которые проводились в Харькове в 2000–2005 гг. Высокий научный уровень экспедиций подтверждается и участием в них авторитетных специалистов (так, в экспедициях 2003–2004 гг. принимал участие В. Я. Петрухин; в экспедиции 2004 г. работали И. Аржанцева (Москва) и Н. Май (Иерусалим).

Харьковские школы по иудаике стали еще одним достижением и знаком качественной работы сотрудников Соломонова университета и Центра хазароведения. Школы быстро стали тематическими, посвященными истории и культуре евреев Восточной Европы, а их «изюминка» – михеевский археологический практикум – собирал участников из России, Беларуси, стран Балтии и Центральной Азии; бывали годы, когда в экспедиции участвовали несколько десятков человек.

Справедливо будет отметить, что в годы существования харьковской школы ее неповторимый облик выделялся среди меро-

приятий летней академической иудаики неподдельным радушием, щедрым приемом, доброжелательной творческой атмосферой.

С 2002 г. ВУФ МСУ выпускал специализированное научное издание – «Хазарский альманах», в котором публиковались материалы и статьи широкого спектра по истории, археологии, источниковедению, историографии стран Восточной Европы, Крыма, Кавказа, Закавказья и других областей, связанных с хазарским наследием. Издание получило известность среди специалистов и любилось им. Сегодня, когда нет в живых основателя и первого главного редактора альманаха, а также его преемника на этом посту и ученика проф. А. А. Тортики, «Хазарский альманах» продолжает выходить, и его очередного тома ждут читатели в разных странах. В 2016 г. вышел в свет уже том 14 издания. В поддержании этой преемственности велика заслуга В. Я. Петрухина и О. Б. Бубенка.

На подъеме харьковской иудаики, в октябре 2002 г., Восточно-украинским филиалом Международного Соломонова университета был проведен Международный симпозиум «Хазарское государство и проблемы историко-культурного развития народов Евразии». В нем приняли участие более 30 известных ученых из Иерусалима, Москвы, Санкт-Петербурга, Волгограда, Ижевска, Ростова-на-Дону, Киева, Днепропетровска, Донецка, Симферополя и Харькова. Среди участников можно вспомнить С. А. Плетнёву, В. Я. Петрухина, В. Б. Ковалевскую, С. Г. Кляшторного, Т. М. Калинину, А. И. Айбабина и других.

Перечень достижений и результатов кратковременного ренессанса харьковской иудаики и хазароведения можно было бы продолжать; гораздо важнее, как кажется, вспомнить тех людей, которые смогли его вдохновить и поддержать. Владимир Кузьмич, по воспоминаниям учеников, во всем соответствовавший традиционным представлениям о «настоящем профессоре», был человеком той эпохи, в которой нематериальные ценности преобладали над материальными. Его присутствие ощущалось как мера вещей в науке, а свободная, насыщенная настоящими познаниями и широтой восприятия манера чтения лекций навсегда запомнилась его слушателям. Борис Соломонович, умевший мыслить масштабно и стратегически, видевший картину во всей полноте, умело вел корабль по сложному и извилистому курсу. Эффективное сотрудничество этих двух людей привело к тому, что в течение нескольких

лет харьковская школа иудаики и хазароведения уверенно держала высокую планку качества и достойно представляла свои результаты на международных форумах. Притом надо учесть, что внешние обстоятельства никогда не были благоприятными, а недоброжелателей было с избытком. Поэтому с полным правом можно сказать, что все, связанное с историей Соломонова университета в Харькове, проходило «вопреки времени» и «против течения». Увы, силы оказались неравными: после ухода из жизни В. К. Михеева (декабрь 2008 г.) и Б. С. Элькина (январь 2011 г.) университет не смог выжить в новых экономических условиях; обеспечивать и поддерживать необходимый стандарт научной и учебной работы становилось все труднее, и в 2014 г. состоялся последний выпуск специалистов, а харьковский филиал прекратил свою работу. Однако 15 лет его истории останутся в памяти харьковчан, студентов, сотрудников и друзей университета.

Борис Соломонович любил повторять: «“Титаник” строили профессионалы, а Ноев ковчег – любители. Дерзайте!» и сам в полной мере соответствовал этой максиме. Он любил в людях смелость и готовность рисковать и строил свое детище как дерзновенный порыв в неизведанное. Быть свидетелем и участником этого порыва – редкий подарок и незабываемый опыт.

К. В. Бондарь

О. Б. Бубенок

**В. К. МИХЕЕВ
И ХАРЬКОВСКАЯ ШКОЛА ХАЗАРОВЕДЕНИЯ
(к 80-летию со дня рождения)**

12 ноября 2017 г. исполнилось бы 80 лет рано ушедшему от нас первому главному редактору «Хазарского альманаха» – доктору исторических наук, заслуженному деятелю науки и техники Украины, профессору Владимиру Кузьмичу Михееву. В. К. Михеев оставил заметный след в науке – он известен научному миру прежде всего как специалист в области хазарской археологии. Именно науке Владимир Кузьмич посвятил многие годы своей жизни, из которых больше 40 лет он проработал в Харьковском государственном (ныне национальном) университете. Кроме того, последнее десятилетие жизни Владимира Кузьмича было тесно связано с Институтом востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины и Восточно-украинским филиалом Международного Соломонова университета в Харькове.

Владимир Кузьмич Михеев родился 12 ноября 1937 г. в с. Луховка Саранского р-на Мордовской АССР в семье военного. После окончания средней школы с 1955 г. по 1960 г. он учился на историческом факультете Харьковского государственного университета. Уже тогда В. К. Михеев проявил большой интерес к средневековой истории и археологии. Поэтому, еще будучи студентом, в 1959 г. он начал свой трудовой и научный путь с должности старшего лаборанта Археологического музея ХГУ, на которой проработал до 1965 г. Потом с 1964 г. по 1967 г. Владимир Кузьмич учился в аспирантуре ХГУ, и научным руководителем его был известный украинский историк и археолог профессор Б. А. Шрамко. Еще до окончания уни-

верситета определилась сфера научных интересов Владимира Кузьмича – история и культура средневековых кочевников, в частности народов Хазарского каганата. В те времена это направление медиевистики не считалось престижным, тогда как славистика относилась к наиболее приоритетным направлениям гуманитарных исследований. Тем не менее Владимир Кузьмич решил посвятить свою жизнь изучению прошлого восточных народов, которые на протяжении долгого времени были соседями восточных славян. Интерес к Востоку у будущего исследователя появился благодаря тому, что в студенческие годы Владимир Кузьмич слушал лекции известного ориенталиста – профессора А. П. Ковалевского. Находясь в аспирантуре, В. К. Михеев исследовал на территориях Харьковской, Донецкой и Луганской областей памятники салтовской археологической культуры, которая уже тогда рассматривалась как материальная культура населения Хазарского каганата. В 1968 г. Владимир Кузьмич Михеев успешно защитил в Харькове кандидатскую диссертацию «Основные ремесленные производства болгаро-аланского населения Подонья VIII–X вв.» по специальности «археология». Официальными оппонентами на его защите были очень известные ученые – С. А. Плетнёва и А. М. Хазанов.

Дальнейший жизненный путь Владимира Кузьмича был полностью связан с наукой и родным для него Харьковским государственным университетом. Так, с 1965 г. по 1969 г. он проработал на должности преподавателя кафедры древней истории и археологии, а с 1969 по 1975 г. – на должности старшего преподавателя этой кафедры. В то же время, с 1973 г. по 1974 г., он проходил стажировку в столице Болгарии при Софийском государственном университете, что в дальнейшем способствовало его особому интересу к истории кочевых праболгарских племен. Возвращение Владимира Кузьмича в Харьков совпало с реорганизацией кафедр исторического факультета ХГУ. Поэтому дальнейшая судьба его была связана с кафедрой историографии, источниковедения и археологии, на которой он проработал с 1975 г. до 2002 г. сначала как доцент, а потом как профессор и заведующий кафедрой. В 1977 г. Владимиру Кузьмичу Михееву было присвоено звание доцента. С самого начала своей преподавательской деятельности в университете Владимир Кузьмич запомнился студентам и коллегам не только как прекрасный лектор, но и как замечательный чуткий че-

ловек. Работая на этой кафедре, В. К. Михеев продолжал ездить в археологические экспедиции, где собирал материалы для своей будущей докторской диссертации. В научном мире он стал известен благодаря исследованиям археологических комплексов хазарского периода на территории Харьковской и Донецкой областей – Маяки, Сидорово, Сухая Гомольша, Старый Салтов, Красная Горка, Червоная Гусаровка.

Следует особо отметить, что В. К. Михеев в лесостепной зоне бассейна Северского Донца среди памятников салтовской культуры впервые исследовал трупосожжения, этническая принадлежность которых до сих пор остается предметом дискуссий. Тем не менее исследователь не ограничивал себя лишь изучением вопросов этнической истории салтовского населения бассейна Северского Донца. Круг его интересов был значительно шире – от этнической атрибуции погребений до вопросов социально-экономического развития населения северо-западной части Хазарского каганата. Следствием его многолетних исследований стал выход в 1985 г. индивидуальной монографии «Подонье в составе Хазарского каганата», где представлен анализ памятников салтовского типа в бассейне Северского Донца от лесостепи (катакомбный могильник возле с. Старый Салтов) до степной зоны (памятники зливкинского типа на севере Донецкой области возле сел Маяки, Сидорово, Богородичное (Теплинское)). Исследователь отметил очень высокий уровень производительных сил салтовского населения бассейна Северского Донца. В. К. Михеев сделал также важное открытие – в среднем течении Северского Донца в XI–XII вв. и в более поздний период на стационарных поселениях возле сел Маяки и Сидорово продолжали сохраняться потомки носителей салтовской культуры. Кроме того, В. К. Михеев убедительно обосновал свою гипотезу, в соответствии с которой постоянными жителями окраин Верхнего Салтова были аланские воины-земледельцы. Эти аланы еще на Северном Кавказе перешли от кочевого скотоводства к земледелию.

В результате этих исследований в 1986 г. Владимир Кузьмич Михеев успешно защитил в Киеве, в Институте археологии АН УССР, докторскую диссертацию «Экономика и социальные отношения у населения салтово-маяцкой культуры Подонья-Приазовья (середина VIII – середина X вв.)». С этого времени начался новый этап

в его жизни. Так, в 1987–1991 гг. он работал на должности заместителя декана по научной работе на родном историческом факультете Харьковского государственного университета. В 1990 г. Владимир Кузьмич получил аттестат профессора, что в итоге стало оценкой его многолетней работы на историческом факультете Харьковского государственного (а ныне национального) университета. В 1991 г. Владимир Кузьмич был избран на должность заведующего кафедрой историографии, источниковедения и археологии, которую он беспрерывно возглавлял до 2002 г. Работу на этой кафедре Владимир Кузьмич определенное время объединял с административной деятельностью, так как он в 1997–1999 гг. занимал должность проректора по учебной работе Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина. Это был пик его научной, преподавательской и административной деятельности. В 1997 г. ему было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки и техники Украины. А 10 октября 1999 г. он был избран действительным членом Украинской академии исторических наук.

Владимир Кузьмич прекрасно понимал, что будущее науки в Украине находится в руках молодых. Поэтому он всегда очень большое внимание уделял не только преподавательской деятельности, а и научному руководству тех аспирантов, которые готовили к защите кандидатские диссертации. Под его руководством успешно защитили кандидатские диссертации А. В. Крыганов, М. В. Любичев, В. В. Колода, А. А. Тортика, В. С. Аксёнов, И. Б. Шрамко, Сахар Мансур (Иордания), В. В. Скирда. А в 2007 г. была успешно защищена докторская диссертация А. А. Тортики, научным консультантом которого был В. К. Михеев. Необходимо отметить, что А. А. Тортика пока единственный из учеников Владимира Кузьмича, кто стал доктором наук и профессором. Безвременно ушедшему от нас Александру Александровичу Тортике, доктору, профессору, заместителю главного редактора «Хазарского альманаха» в 2017 г. должно было исполниться всего 50 лет. Очень горько, что отмечать юбилей приходится после смерти юбиляров.

Перечень учеников В. К. Михеева можно было бы продолжить. Следует отметить, что в тяжелые 1990-е годы многие талантливые аспиранты и диссертанты В. К. Михеева ушли из науки, и шансы успешно закончить диссертации были потеряны. Учитывая это, можно уверенно говорить о том, что Владимир Кузьмич создал в

Харькове собственную школу хазароведческих исследований. Его ученики уже давно зарекомендовали себя как высококвалифицированные и объективные исследователи, что неоднократно было отмечено на международных научных форумах.

С 2002 г. и до последних дней жизни Владимир Кузьмич работал на должности профессора Восточноукраинского филиала Международного Соломонова университета в Харькове. Преподавательскую деятельность он успешно соединял с научной. При его активном участии уже в 2000 г. был создан Международный центр хазароведения, руководителем которого он стал. Создание такого центра позволило Владимиру Кузьмичу продолжить археологические исследования памятников салтовской культуры на территории Харьковской области и издавать периодический научный ежегодник «Хазарский альманах», главным редактором которого он оставался до конца жизни. Большую поддержку в этом Владимиру Кузьмичу Михееву оказывал первый и бессменный директор Восточноукраинского филиала МСУ профессор Борис Соломонович Элькин. Его также можно считать одним из основателей Международного центра хазароведения и «Хазарского альманаха». К сожалению, его также нет с нами, и в 2017 г. его тоже ждал юбилей – ему бы исполнилось 70 лет.

Отметим, что В. К. Михеев был членом редколлегий периодических изданий Института востоковедения им. А. Е. Крымского НАНУ – «Східний світ», МАИЭТ, «Сходознавство». Много лет он был членом специализированных ученых советов по защите докторских (кандидатских) диссертаций в Институте востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины, Институте археологии НАН Украины, в Харьковском национальном университете им. В. Н. Каразина. Он был участником многих научных конференций и форумов, в том числе Первого и Второго международных коллоквиумов «Хазары», которые состоялись в 1999 и 2002 гг. в Иерусалиме и Москве. Принимал он также активное участие в работе нескольких ежегодных международных научных конференций «Востоковедческие чтения А. Крымского», которые регулярно проводит с 1997 г. Институт востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины. В. К. Михеев является автором более 140 публикаций в научных изданиях Украины, России, Болгарии, Польши, Израиля и других государств. Среди его научного наследия несколько индивидуальных и коллективных

монографий (*Шрамко Б. А., Михеев В. К., Грубник-Буйнова Л. П.* Справочник по археологии Украины. Харьковская область. – К.: Наук. думка, 1977. – 155 с.; *Михеев В. К.* Подонье в составе Хазарского каганата. – Харьков: ХГУ, 1985. – 148 с.; *Михеев В. К., Шрамко Б. А.* Археология залізного віку Східної Європи. – Харків, 2000. – 224 с.; *Аксёнов В. С., Михеев В. К.* Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. «Сухогомольшанский могильник VII–X вв.» (Хазарский альманах, т. 5). – Киев–Харьков, 2006. – 308 с.). Имя Владимира Кузьмича Михеева хорошо известно коллегам в Украине, России, Болгарии, США, Венгрии, Израиле, Великобритании и других странах.

Приходится констатировать, что немало его творческих замыслов не успели найти своего воплощения и многие планы остались нереализованными из-за его преждевременной кончины. Так, в последние месяцы своей жизни Владимир Кузьмич активно сотрудничал с сотрудниками Института востоковедения им. А. Е. Крымского в связи с изданием рукописи малоизвестной работы академика А. Е. Крымского «История хазар». Владимир Кузьмич планировал продолжать публикацию материалов своих многолетних археологических исследований памятников салтовской культуры в виде новых монографий. К сожалению, судьба распорядилась иначе.

24 декабря 2008 г. на семьдесят втором году жизни трагически оборвался жизненный путь выдающегося историка и археолога, доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки и техники Украины, профессора Михеева Владимира Кузьмича. Совсем незадолго до этого, торжественно отмечая семидесятилетний юбилей Владимира Кузьмича, мы все так надеялись, что он будет жить еще много лет, активно занимаясь наукой. Тем не менее 2008 г. был очень тяжелым, и мы потеряли многих своих коллег.

Светлый образ Владимира Кузьмича Михеева – выдающегося ученого и порядочного человека, большого труженика, талантливого организатора и прекрасного педагога, которому были присущи многогранная одаренность и преданность науке до последних дней, – навсегда останется в нашей памяти. И наверное, лучшей памятью о Владимире Кузьмиче является выход очередного 15-го тома «Хазарского альманаха», одним из основателей и первым главным редактором которого он был.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	4
<i>I. К юбилею Нормана Голба</i>	7
V. Ya. Petrukhin, L. A. Belyaev TO THE 90 TH ANNIVERSARY OF NORMAN GOLB	7
A. Militarev THE HEBREW BIBLE: LONG MEMORY OF THE PEOPLE, “FEEL OF HISTORY” AND THE CONCEPT OF PROGRESS	13
<i>II. Статьи и публикации</i>	17
В. С. Аксёнов К ВОПРОСУ О ЕДИНСТВЕ НОСИТЕЛЕЙ КРЕМАЦИОННОГО ОБРЯДА САЛТОВСКОГО ВРЕМЕНИ ПОДОНЦОВЬЯ И СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА	17
В. С. Аксёнов, В. В. Колода БОГАТЫЙ ВЕЩЕВОЙ КОМПЛЕКС БЛИЗ СТАРОЙ ПОКРОВКИ НА ХАРКОВЩИНЕ	37
К. В. Бондарь НАРРАТИВ ЧУДЕСНОГО ИСЦЕЛЕНИЯ В АГАДЕ И АГИОГРАФИИ	58
О. Б. Бубенок СВЕДЕНИЯ «ХУДУД АЛ-‘АЛАМ» О БОЛГАРАХ И СТЕПЕНЬ ИХ ДОСТОВЕРНОСТИ	66
Т. М. Калинина КАСПИЙ, ХАЗАРЫ И КУЙАБА (КУМАНЫ?) НА ПРЯМОУГОЛЬНОЙ КАРТЕ «КНИГИ ЧУДЕС» XI в.	89
С. В. Кашаев, Н. В. Кашовская ИУДЕЙСКИЕ КАМНИ И НАДПИСИ БОСПОРА (по материалам полевых и архивных работ)	104
Ю. М. Могаричев РУБИЛ ЛИ КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРА? К ВОПРОСУ О «ФУЛЬСКОМ СЮЖЕТЕ» ПРОСТРАННОГО ЖИТИЯ КОНСТАНТИНА ФИЛОСОФА	132

Д. А. Моисеев МОРФОЛОГИЯ КЕРАМИД ПРАВОБЕРЕЖНОГО ЦИМЛЯНСКОГО ГОРОДИЩА: К ВОПРОСУ О СВЯЗИ С КРЫМСКИМ И ТАМАНСКИМ ПРОИЗВОДСТВОМ ЧЕРЕПИЦЫ	146
А. А. Роменский ХЕЛЬГИ У ВОРОТ КОНСТАНТИНОПОЛЯ. РУСЬ МЕЖДУ ХАЗАРИЕЙ И ВИЗАНТИЕЙ В НАЧАЛЕ X в.	166
Г. Е. Свистун, А. М. Голубев КРЕМАЦИОННЫЙ МОГИЛЬНИК САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПГТ ПЕЧЕНЕГИ ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ	199
С. Б. Сорочан ВИЗАНТИЙСКИЙ ХЕРСОН В СЛОВЕ НА ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ ПРЕСЛАВНОГО КЛИМЕНТА	206
А. А. Супренков, В. Е. Науменко, Л. Ю. Пономарёв ПОСЕЛЕНИЕ VIII–X вв. ГОРА ЧИРКОВА 1 НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ (краткий обзор по результатам раскопок 2015 г.)	236
В. С. Флёров О ПЕРВЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ МЕСТОНАХОЖДЕНИЙ БАШАНТА. НЕИЗВЕСТНАЯ ВИЗАНТИЙСКАЯ МИССИЯ В ХАЗАРИЮ?	281
III. Дискуссия	296
О. А. Мудрак ОСНОВНОЙ КОРПУС ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ РУНИКИ	296
И. И. Пейрос О ДЕШИФРОВКЕ «ХАЗАРСКОЙ» РУНИКИ	417
В. В. Тишин К МЕТОДИКЕ ПРОЧТЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ РУНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО АРЕАЛА (на примере легенд серебряных дирхамов с руноподобными знаками)	419
IV. In memoriam	466
К. В. Бондарь ТЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ... РЕНЕССАНС ХАРЬКОВСКОГО ХАЗАРОВЕДЕНИЯ	466
О. Б. Бубенок В. К. МИХЕЕВ И ХАРЬКОВСКАЯ ШКОЛА ХАЗАРОВЕДЕНИЯ (к 80-летию со дня рождения)	472

Научное издание

Хазарский альманах

Том 15

Главный редактор О. Бубенок
Технический редактор Т. Мاستюгина
Корректор Т. Мاستюгина
Верстка О. Волкова

Подписано в печать 08.12.2017
Формат 70x100/16. Печать офсетная.
Печ. л. 30,0. Тираж 300 экз.